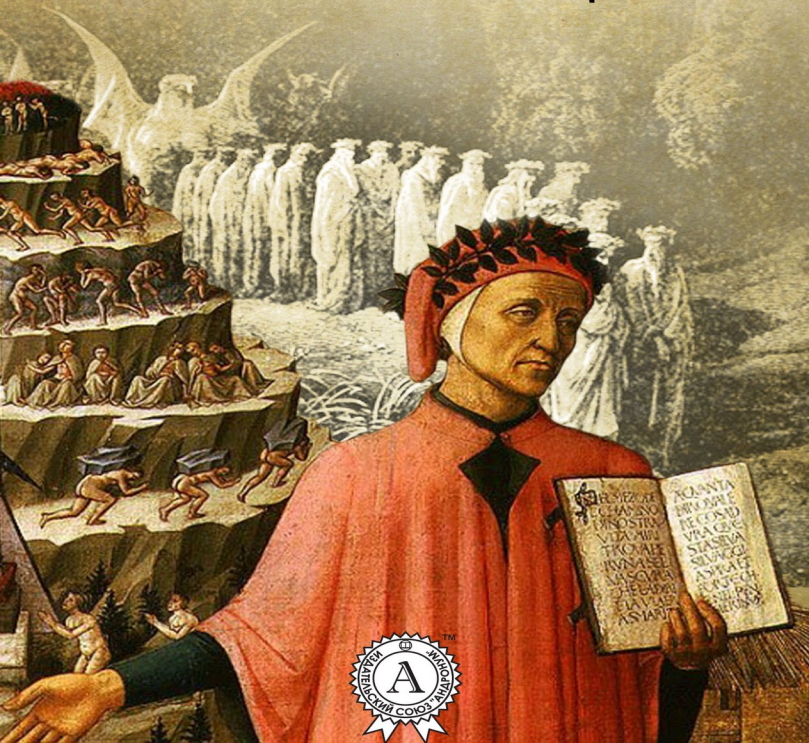
ДАНТЕ АЛИГЬЕРИ

БОЖЕСТВЕННАЯ КОМЕДИЯ
ЧИСТИЛИЩЕ



Божественная комедия. Чистилище

Данте Алигьери

Аннотация
Данте Алигьери. Божественная комедия. Чистилище
Песнь первая
Песнь вторая
Песнь третья
Песнь четвертая
Песнь пятая
Песнь шестая
Песнь седьмая
Песнь восьмая
Песнь девятая
Песнь десятая
Песнь одиннадцатая
Песнь двенадцатая
Песнь тринадцатая
Песнь четырнадцатая
Песнь пятнадцатая
Песнь шестнадцатая
Песнь семнадцатая
Песнь восемнадцатая

Песнь девятнадцатая
Песнь двадцатая
Песнь двадцать первая
Песнь двадцать вторая
Песнь двадцать третья
Песнь двадцать четвертая
Песнь двадцать пятая
Песнь двадцать шестая
Песнь двадцать седьмая
Песнь двадцать восьмая
Песнь двадцать девятая
Песнь тридцатая
Песнь тридцать первая
Песнь тридцать вторая
Песнь тридцать третья

Аннотация

«Божественная комедия. Чистилище» – вторая часть шедевральной поэмы великого итальянского поэта эпохи Возрождения Данте Алигьери (итал. Dante Alighieri, 1265 – 1321).*** Данте Алигьери заслуженно называют «отцом итальянской литературы». Заблудившись в дремучем лесу, Данте встречает поэта Вергилия, и отправляется с ним в путешествие по загробному миру. Пройдя девять кругов Ада, поэты оказываются в Чистилище, где находятся люди, успевшие перед смертью покаяться в своих грехах. Чтобы попасть в рай, они должны очиститься, испытав муки за свои прегрешения. Две другие части этого гениального произведения – «Ад» и «Рай». Данное издание содержит уникальный редкий перевод Дмитрия Мина, выполненный в 1855 году.

Данте Алигьери
Божественная комедия
Чистилище

Перевел с итальянского размером подлинника
Дмитрий Мин

Песнь первая

Воззвание к музам. – Четыре звезды. – Катон.

1. Готовый плыть по волнам с меньшей смутой,
Поднял свой парус челн души моей,
Вдали покинув океан столь лютый[1].

4. И буду петь о той стране теней,
Где очищается душа чрез звуки[2],
Чтоб вознестись в небесный эмпирей.

7. Восстаньте же здесь, мертвой песни звуки[3]*:*

---

[1] Примечания: 1

«Океан лютый», т. е. ад — продолжение метафоры первых двух стихов.

[2] Примечания: 2

Чистилище (purgatorium, il purgatorio), по учению католической церкви, помещается также в преисподней, составляя собственно лишь одно из отделений ада, который учители этой церкви (Petr. Lombard. l. IV, dist. 45 A.; Thoma Aquin. Sum. theolog. P. III, qu. 69, art. 1) делили на две главные части: 1) на ад в собственном смысле, где помещены демоны и грешники, и 2) другие отделы преисподней, а именно — a) чистилище, непосредственно примыкающее к аду; b) лимб младенцев (limbus infantimi), где находятся души младенцев, умерших без крещения (Thom. Aquin. Ib. qu. 69, art. 6), и c) лимб праотцов (limbus patrum), местопребывание благочестивых мужей Ветхого Завета, куда нисходил

Христос для их освобождения (Данте, Ада IV, 31–63; Thom. Aquin. 1 e, art. 4. Elucidar c. 64). В отношении этих двух последних отделов Данте во всем согласуется с топографией средневековых схоластиков; в отношении же чистилища, т. е. места, где очищаются души, чтобы впоследствии вознестись на небо, он уклоняется от отцов церкви, создав совершенно новый образ чистилища, — более поэтический, более ясный, светлый и, так сказать, более радостный. Дантовское чистилище помещается на противоположном нашему полушарии, на острове, окруженном Великим океаном, покрывающим, по тогдашним понятиям, все южное полушарие (Ада XXXIV, 112–114, 116–118, 122–123). На этом острове, лежащем под одним меридианом (в антиподе) с Иерусалимом, считавшимся в то время за средоточие (пуп) земли, подымается высочайшая гора в виде усеченного на вершине конуса. Вокруг горы идут концентрично в виде террас семь уступов или кругов (называемых поэтом также карнизами — cornici), на которых очищаются кающиеся души. Все эти террасы соединены между собою высеченными в скалах — более или менее трудными для подъема — лестницами или горными тропинками, ведущими, в конце концов, на самую вершину горы, на которой посреди восхитительной равнины расположен земной рай. На семи уступах горы очищаются души в следующих семи смертных грехах: гордости, зависти, гневе, унынии (accidia), сребролюбии или скупости и расточительности, чревоугодии и блуде, или сладострастии. Но кроме того все чистилище распадается еще на три следующие отдела: 1) на преддверие чистилища (antipurgatorium), где помещаются души нерадивых (neghittosi), покаявшихся в последние минуты жизни; эти души должны пробыть здесь известное время, прежде чем будут допущены к очищению; 2) настоящее чистилище, разделенное, по числу семи смертных грехов, на семь сказанных кругов, и, наконец, 3) земной рай, на вершине горы, составляющий как бы переходную ступень к небесному блаженству. Первое отделение сообщается со вторым вратами чистилища, охраняемыми ангелом-привратником, перед которым каждый вступающий исповедует грехи свои. Кроме того каждый из семи кругов имеет своего ангела-хранителя. Первый отдел, antipurgatorium, описывается от I песни до X, второй — от X до XXVIII, третий — от XXVIII и до конца Чистилища.

[3] Примечания: 3

«Мертвая песнь», т. е. песнь о царстве мертвого народа (regno della morta gente, Ада VIII, 85).

Я ваш певец, о хор небесных дев[4]*!*
Возьми цевницу, Каллиопа, в руки[5]

10. И слей с моею песнью тот напев,
Пред коим смолкла дев безумных лира[6]*,*
В вас пробудившая бессмертный гнев! —

13. Цвет сладостный восточного сапфира[7]*,*
Разлившийся в воздушной стороне
До сферы первой чистого эфира[8]*,*

16. Восторгом взор мой упоил вполне,
Лишь вышел я вслед по стопам поэта

---

[4] Примечания: 4

«О хор небесных дев» (в подлиннике: O sante Musei). Слич. Чистилища XXIX, 37 и примечание.

[5] Примечания: 5

«Vos, o Calliope, precor, adspirate canenti». Virg. Aen. IV, 522. — Каллиопа (Calliopea), одна из девяти муз. В первой песни Божественной Комедии (Ада 11, 7) призываются музы вообще, здесь в особенности Каллиопа, муза высшей эпической поэзии, потому что тон Божественной Комедии с дальнейшим ее развитием и начиная уже отсюда становится все важнее и возвышеннее.

[6] Примечания: 6

«Дев безумных» (в подлиннике: le Piche misere, жалкие сороки). Здесь разумеются девять дочерей фессалийского царя Ниерия. Гордые своим искусством пения и уменьем играть на лире, они вызвали на состязание муз, и в числе их Каллиопу; но, будучи побеждены, были

превращены музами в сорок. Ovid. Metam. V, 302 и примечание.

[7] Примечания: 7

Этой терциной обозначается время дня — раннее утро, перед рассветом, когда восточное небо принимает бледно-голубой цвет сапфира.

[8] Примечания: 8

«До сферы первой», т. е. до сферы луны, которая, по системе Птоломея, составляет первую, или самую низшую из девяти сфер вокруг земли (Ада ИИ, 78 и примечание). До сферы луны, по тогдашним понятиям, простирается атмосфера земли; затем начинается более светлая, огненная область (Рая I, 79–82).

Из адских бездн, так грудь стеснивших мне.

19. Звезда любви, прекрасная планета[9],

Во весь восток струила блеск с высот,

Созвездье Рыб затмив улыбкой света.[10]

22. Взглянув направо, созерцал я свод[11]

Иных небес и видел в нем четыре[12]

Звезды, чей блеск лишь первый видел род.[13]

25. Играл, казалось, пламень их в эфире.

О, как ты беден, север наш, с тех пор,

Как блеска их уж мы не видим в мире!

---

[9] Примечания: 9

Планета Венера (Lo bel pianeta che ad amar conforta). Данте в своем Convivio отдает девять небесных сфер руководству девяти ангельских хоров, при чем третий круг, сферу Венеры, поручает Престолам, которые, будучи образованы по любви Св. Духа (naturati del amore dello Spirito Santo), оказывают и действие, соответствующее этой природе своей, именно вызывают движение этого неба, исполненное любви, отчего форма (сущность, природа этого неба) получает мощный жар, которым души на земле воспламеняются к любви, смотря по их различным способностям. А так как древние полагали, что это небо становится на земле виновником любви, то и говорили, что «Венера есть мать любви» (Conv. tr. II, c. 6. — Сличи Рая VIII, 1 и примечание). «Звезда божественной любви первая сверкает над горою Чистилища пришельцу из страны грешников, отвратившихся от любви к Богу».

Ноттер.

[10] Примечания: 10

«Созвездие Рыб». «Венера, как утренняя звезда, стоит в знаке Рыб, помещающемся непосредственно за знаком Овна, в котором находится солнце в весеннее равноденствие». Карл Витте. — Следовательно, мнение Данте ошибочно, и Венера появляется в эту пору года лишь несколько минут спустя по восходе солнца. — По словам Ада, путники находились в аду около 24 часов. Так как в ад они вошли вечером в Великую Пятницу (Ада XXI, 112 и далее), то эти 24 часа должны пасть на ночь, следующую за Великой Пятницей, и на день Великой Субботы. Когда же потом они опять стали взбираться вверх от центра земли, причем очутились на противоположном полушарии, то было уже половина 8-го часа утра следующего дня, т. е. Светлого Воскресенья. В этот день вышел Данте из адской ночи, при блеске звезды, дарующей мощь любви и приводящей в восторг грудь и очи.

[11] Примечания: 11

«Направо», — по выходе из ада Данте был обращен лицом к востоку, и потому, чтобы взглянуть на южный полюс, он должен был повернуться направо.

[12] Примечания: 12

«Четыре звезды». Нет никакого сомнения, что эти звезды имеют чисто-аллегорическое значение, как это видно из ст. 38 этой песни, где они названы «святыми», а также из чистилища XXXI, 106, где говорится: «Мы нимфы здесь, а в небе звезды мы». Они означают четыре натуральные, признававшиеся и в языческом мире добродетели: мудрость, правосудие, мужество и воздержание. Но с другой стороны Данте придает звездам этим и реальное значение, как это видно из Чистилища VIII, 91–92: «Склонились уж четыре светила те, чей блеск

ты утром зрел». Потому многие комментаторы полагают, что Данте здесь действительно имел в виду созвездие Южного Креста, состоящее из одной звезды первой, двух второй и одной третьей величины. О существовании этого созвездия на южном полушарии Данте мог узнать от Марко Поло, вернувшегося в 1295 г. из своего путешествия, во время которого он посетил Яву и Мадагаскар. Кроме того созвездие Креста отчасти видно из Александрии и совершенно ясно из Мероё. Итак, очень вероятно, что Данте мог иметь некоторое понятие об этом созвездии (установленном впервые в 1679 г.), хотя не имел верных сведений о времени его восхождения и захождения, так как упомянутое захождение этих четырех светил бывает позднее, чем у Данте. Слич. A. Humboldt's Kosmos, Vol. II, p. 331, 486; Vol. III, p. 329, 361.

[13] Примечания: 13

«Первый род», т. е. Адам и Ева, которые, находясь в земном раю несколько часов (Рая XXVI, 144), видели эти звезды. По географии средних веков, Азия и Африка не простирались далее экватора, а потому эти четыре звезды были неведомы ни для кого из людей, кроме первых двух наших праотцов.

28. Едва от звезд отвел я жадный взор
И к северу опять направил очи,[14]
Где уж исчез Медведиц звездный хор,[15] —

31. Вот – одинокий старец в мраке ночи[16]
С таким в лице величьем, что сыны
Не больше чтут священный образ отчий.

34. Брада до чресл, сребрясь от седины,
Подобилась кудрям его, спадавшим
С его главы на грудь, как две волны.

37. Так озарен был лик огнем пылавшим

---

[14] Примечания: 14

«К северу», т. е. налево, к северному полюсу.

[15] Примечания: 15

«Главная звезда α Dubhe созвездия Большой Медведицы, или так называемой Колесницы, вообще не видна с того места, где находится Данте; даже самые малые звезды этого созвездия подымаются лишь на несколько градусов над горизонтом и видимы 10-го апреля от 9-12 часов; стало быть теперь уже закатились. Может быть, Данте вообще говорит здесь, что созвездие Большой Медведицы невидимо с горы Чистилища, и тогда частица «уж» (giá) будет относиться не ко времени, а к месту, т. е. что оно вообще не видно с горы чистилища». Филалет.

[16] Примечания: 16

«Старец» — это Катон Младший или Утический, родившийся в 95 г.

и умерший 8-го апреля 46 г. до Р. Хр. «Не желая пережить свободу Рима, он умертвил себя после сражения при Фарсале. С первого взгляда покажется очень странным встретить язычника и притом самоубийцу у подошвы горы Чистилища; как самоубийца, он принадлежал бы ко второму отделу насилующих, в седьмом кругу ада. О некоторых, позднее встречающихся в поэме язычниках, Данте везде приводит причину, почему он не помещает их в аду, например о поэте Стации (Чистилища XXI, 10 и 82-102), о Рифее и Траяне (Рая XX, 103–118). Поэтому древние комментаторы придавали Дантову Катону значение символическое, именно символ (ст. 71) свободной воли, столь необходимой для покаяния, для добровольного возвращения на путь добродетели. Следовательно, Катон в чистилище, подобно Харону, Плутону и др., мифическим фигурам в аду, где они суть чистые символы преступления и наказания, есть также не что иное, как символ. Что же касается рода выбранной Катоном смерти, то он также мало принимается в расчет, как и в последней песни Ада не принимается в расчет причина, побудившая Брута к умерщвлению Цезаря. К тому же Катон является здесь не как душа, долженствующая подвергнуться очищению: он будет занимать здесь свое место вплоть до дня Страшного Суда, когда должно уничтожиться чистилище. Как страж чистилища, он даже и не находится в его преддверии (antipurgatorium), а помещен вне его — у подошвы горы». Каннегиссер. — К тому же надобно помнить, что не только весь древний мир, но некоторые отцы церкви (католической) высоко ставили нравственный характер Катона (G. Wolff, Calo der Jungere bei Dante в Jahrb. d. deutschen Dante Gesell. VII, p. 277 и далее), что может быт и побудило Данте поместить Катона не в аду. Следующее место из Дантовой de Monarchia (l. II, c. 5) бросает свет на это место Чистилища: «Accedit et illud inenarrabile saerificium severissimi verae libertatis auctoris Marci Catonis, qui, ut mundo libertatis amores accenderei quanti libertas esset ostendit, dum e vita liber decedere maluit, quam sine

liberiate manere in illa»... А в своем Convivio (tr. IV, c. 23) Он говорит: «E quale uomo terreno degno fu di significare Iddio che Catone? Certo, nullo». Наконец, идея о Катоне заимствована, может быть, у Виргилия (Aen. VIII, 670), у которого на щите, подаренном Энею Венерой, Катон изображен стражем отделенных в тартаре праведных, при чем сказано:

Secretosque pios his dantem jare Catonem.

Почему Катон, умертвивший себя на 49 году жизни, представлен у Данте старцем — причина этому лежит, конечно, в словах Лукана (Phars. II, 374):

Ut primum tolli ter alia viderant arnia,
Intensos rigidam in frontem descendere canoe
Passus erat, moestamque genis increscere barbam.

Святых тех звезд; что для моих очей[17]

Он показался солнцем просиявшим.

40. – Кто вы? и как чрез мертвый вы ручей[18]

Из тюрьм бежали вечной злой кручины?[19]

Он рек, колебля шелк своих кудрей.[20]

43. Кто вас привел? кто осветил пучины,

Когда вы шли из адской ночи вон,

Навек затмившей страшные долины?

46. Ужели ж так нарушен бездн закон?[21]

---

[17] Примечания: 17

Четыре звезды (ст. 23–24), упомянутые выше символы четырех натуральных добродетелей: мудрости, правосудия, мужества и воздержания, отражались в лице его, как такие добродетели, которые «rispendovano in Catone vie piú che in alcun altro», как говорит Данте в другом месте.

[18] Примечания: 18

«Мертвый ручей» (в подлиннике: cieco fiume) — это поток, шум которого слышал Данте в центре земли, в конце последней песни Ада, ст. 130.

[19] Примечания: 19

«Из тюрьм», т. е. из ада. Катон думает, что Виргилий и Данте беглецы из ада.

[20] Примечания: 20

«Качание головой выражает изумление Катона; впрочем, оно делается в Италии и в знак вопроса». Ноттер.

[21] Примечания: 21

Этот стих относится к тому мнению, что в древнем мире для душ, находящихся в преисподней, существовала надежда на спасение в чаянии пришествия Христа; но с сошествием его в ад для неискупленных из него навеки потерялась надежда на спасение: ex inferno nulla est redemptio. — «Lasciate ogni speranza» (Ада III, 9).

Иль сам Господь решил в совете новом,
Чтоб шел в мой грот и тот; кто осужден?[22]

49. Тогда мой вождь и взорами, и словом
Мне подал знак потупить очи в дол,
Склонить колена пред лицом суровым,[23]

52. Сказав ему: – Неволей я пришел!
Жена с небес явилась мне в юдоли,[24]
Моля спасти его в пучине зол.[25]

55. Но если ты желаешь, чтоб я боле
Открыл тебе, что нам дано в удел, —

---

[22] Примечания: 22

«Мой грот». — Грот Катона, по-видимому, находится внутри горы при самом всходе на гору Чистилища, хотя слово «грот» употреблено здесь вообще, в смысле местопребывания, так как это слово часто употребляется у Данте в таком смысле.

[23] Примечания: 23

Все время, пока не исчез Катон, Данте стоит на коленях (ст. 109).

[24] Примечания: 24

«Жена с небес», т. е. Беатриче, являвшаяся к нему в юдоли лимба (Ада II, 112).

[25] Примечания: 25

«Его», т. е. Данте.

Я отказать твоей не властен воле.

58. Последней ночи он еще не зрел,[26]
Но так к ней близок был своей виною,
Что обратиться вспять едва успел.[27]

61. Как я сказал, был послан я Женою
Спасти его, и не было иных
Путей, как тот, где он идет за мною.

64. Я показал ему все казни злых
И показать теперь хочу то племя,
Что очищается в грехах своих.

67. Как шел я с ним, рассказывать не время;
Небесной силой осенен был я,
Тех подвигов мне облегчившей бремя.

70. Дозволь ему войти в твои края!

---

[26] Примечания: 26

«Последней ночи» (в подлиннике: l'ultima sera, последнего вечера), т. е. он еще не умер.

[27] Примечания: 27

Т. е. когда он бежал из темного леса от трех животных, или, другими словами, когда он был близок к греху и погибели (Ада I, 58–62). Сличи Чистилища XXX, 136.

Свободы ищет он, которой цену.[28]

Лишь знает тот, кто умер за нее.

73. Ты знал ее, принявший ей в замену

Смерть в Утике, где сбросил прах одежд,[29]

Чтоб просиять в день судный. Не из плену[30]

76. Бежали мы! Смерть не смыкала вежд

Ему, и в ад Минос меня не гонит.

Я из страны, где в горе, без надежд,[31]

79. Тень Марции твоей поныне стонет[32]

Все по тебе; о, старец пресвятой!

---

[28] Примечания: 28

Т. е. свободы от неволи греховной: «Потому что закон духа жизни в Христе Иисусе освободил меня от закона греха и смерти». Посл. к Римл. VIII, 2.

[29] Примечания: 29

Самоубийство Катона здесь противопоставляется преступлению трусливых самоубийц (Ада XIII, 103 и далее). Тело Катона в день Страшного Суда восстанет в вечном блеске, тогда как прочие самоубийцы повлекут свои тела за собою и повесят их на ветвях леса самоубийц. По мнению Каннегиссера, Катон опять займет место в лимбе после воскресенья мертвых. — «Впрочем, — говорит Филалет, — поступок Катона определяется иною мерою, чем поступки христиан; к тому же нам известно, что Катон, готовясь к смерти, подкреплял себя из сочинений Платона надеждой на бессмертие души. В особенности же

на такое суждение Данте о Катоне имело влияние убеждение Данте в том, что Римская империя самим Провидением предопределена к владычеству над целым миром, — убеждение, выступающее еще сильнее в чистилище, чем где-нибудь в Аду, и всего сильнее в сочинении Данте: Liber de Monarchia». — «Поэт полагает», что Бог точно также проявит Катону будущее искупление человечества за его стремление к истинной свободе, как Он сделал это для Рифея (Рая XX, 122) за его любовь к правосудию». К. Витте.

[30] Примечания: 30

«Тогда праведники воссияют, как солнце, в Царстве Отца их». Матф. XIII, 43.

[31] Примечания: 31

«Я из страны», т. е. из лимба, следовательно, нахожусь не во власти Миноса, помещающегося во втором кругу ада (Ада V, 4 и примеч.), откуда он рассылает грешников по адским кругам, смотря по тому, сколько раз обовьется хвостом.

[32] Примечания: 32

«Марция, жена Катона, дочь консула Л. Марция Филиппа, находится в лимбе (Ада IV, 128). Она, по повелению Катона, развелась с ним и вышла замуж за друга его, оратора Гортензия. По смерти этого последнего она опять стала женою Катона, которого, по словам Лукана, она так умоляла принять ее:

Da foedera prisci
Illibata tori, da tantum nomen inaue
Connubii: liceat tannilo scripsisse Catonis
Marcia.

Phars. II, 341 et seq.
Скартаццини.

ее любовь пусть к нам тебя преклонит.

82. Семь царств твоих пройти нас удостой![33]

Весть о тебе я к ней снесу вглубь ада,
Коль ад достоин почести такой. —

85. – Мне Марция была очей отрада,
И в жизни той, он провещал в ответ,
Моя душа была служить ей рада.

88. Но ведь она в юдоли адских бед,
И ей внимать мне не велят законы,
Сложенные, как я покинул свет.[34]

91. И если вас ведет чрез все препоны

---

[33] Примечания: 33

Т. е. семь кругов чистилища, находящихся под твоим хранением.

[34] Примечания: 34

«Законы» (в подлиннике: quella legge Che fatta fu quando me n' uscii fuora). Postili. Cass. очень хорошо объясняет этот закон: «quod damnati non possunt aspirare salvatisi — Катон умер за 46 л. до Р. Хр., следовательно, почти за 80 л. до смерти Спасителя. До сошествия его в ад никто из душ не был освобожден из лимба (Ада IV, 63); следовательно, надобно полагать, что и Катон был извлечен из лимба в числе многих других Всесильным (Possente), сделавшим их святыми. С выходом Катона из лимба вся связь его с Марцией прервалась навеки, по слову Евангелия: «Между нами и вами утверждена великая пропасть». Лук., XVI, 26. — Другие комментаторы видят здесь просто намек на то, что смерть, по слову евангельскому, разрывает все связи брачные.

Жена с небес, то льстить мне для чего?

Довольно мне подобной обороны.

94. Иди ж скорей и препояшь его

Осокой чистой и, омыв ланиты,[35]

Всю копоть ада удали с него,

97. Чтоб спутник твой, туманом бездн повитый,

Не встретился с божественным послом,

У райских врат сидящим для защиты.[36]

100. Весь остров наш, как видишь ты, кругом[37]

---

[35] Примечания: 35

«Осокой чистой», собственно тростником (D'un giunco schietto): это, в противоположность скорченным ветвям леса самоубийц (Ада XIII, 4), по мнению всех комментаторов, символ чистосердечного раскаяния и покорного терпения, — как двух предварительных условий, необходимых для всякого улучшения и нравственного усовершенствования. «Это первое очищение, совершаемое самим Виргилием (человеческим разумом), означает, может быть, совершающееся в нас, при помощи естественных сил и в особенности при содействии свободной воли, улучшение к восприятию всего божественного, — словом то, что составляет у схоластиков так называемаго «meritum congrui». Филалет. — «Ubicunque etiam inveniuntur optima praecepta morum et disciplinae; humilitas tamen non invenitur. Via humilitatis hujus aliunde manat, a Cristo venit». Св. Август. Enarr. in Ps. 31.

[36] Примечания: 36

В подлиннике: al primo Ministro, ch'è di quei di Paradiso. Большая часть комментаторов разумеет здесь ангела, являющегося во II песни Чистилища. Но мы следуем здесь мнению Скартацини, Каннегиссера и др.; этот ангел является и исчезает почти мгновенно, не обращая при этом никакого внимания на Данте и Виргилия; поэтому гораздо вероятнее разуметь здесь ангела-привратника, хранителя врат чистилища, о котором говорится ниже (Чистилища IX, 103 и далее).

[37] Примечания: 37

Т. е. остров, на котором возвышается гора Чистилища.

Внизу, где волны хлещут в берег зыбкий,

Порос по мягкой тине тростником,

103. Затем что всякий злак, не столько гибкий,[38]

Не мог бы там у бурных волн расти

И выдержать с волнами вечной сшибки.

106. Оттоль сюда не должно вам идти;

Смотри! уж солнце позлатило волны:

Оно укажет, где вам путь найти.[39]

109. Тут он исчез. И, вставши, я, безмолвный,[40]

---

[38] Примечания: 38

«Всякий злак». «Per la pianta vuol dire et mostrare l'uom superbo; et dice che veruna pianta induri e faccia fronda quivi non può avere luogo; ció é veruno, che mostri per le frondi, ció é per le sue operazioni e dimostrazioni, la sua superbia di fuore, è che di quella superbia induri nell' animo, et diventi ostinato, non può quivi avere luogo». Anonimo Fiorentino.

[39] Примечания: 39

Поэты огибают гору Чистилища с востока на запад, сообразно движению солнца. Намекая на такой путь, Виргилий делает свое воззвание к солнцу. Чистилища XIII, 13.

[40] Примечания: 40

«Здесь в первый раз исчезает тень мгновенно из глаз Данте. В аду тени удалялись от него (исчезали), как существа телесные; у них как бы отнята способность исчезать с глаз зрителей моментально, как

ни желали бы они стать невидимыми (Ада XXIV, 93). Впоследствии исчезает, точно также и Виргилий (Чистилища XXX, 47)». Ноттер.

Приблизился к учителю и там

Вперил в него мой взор, смиренья полный.

112. И он мне: – Шествуй по моим стопам!

Пойдем назад, куда долина горя[41]

Склоняется к отлогим берегам.[42]

115. Уже заря, со мглою ночи споря,[43]

Гнала ее с небес, и я вдали

Уж мог заметить трепетанье моря.[44]

118. Как путники, что, наконец, нашли

Путь истинный меж пройденными даром.

---

[41] Примечания: 41

«Долина горя», именно край, или берег, окаймляющий остров Чистилища. Он назван «долиною горя» не в том смысле, как называются адские долины, но в том, что для очищения от грехов необходимо сокрушение сердца о них.

[42] Примечания: 42

«Коническую крутую гору Чистилища окаймляет со всех сторон исподволь склоняющийся к морю кругообразный край или берег, на котором находятся теперь поэты. Когда они стали на него, они обращены были лицом к утру — к востоку (ст. 22, прим.); затем они повернулись к северу, чтобы говорить с Катоном. Теперь они опять оборачиваются и обращаются снова на восток, к морю. Стало быть, они находятся на восточном берегу острова, как это еще яснее будет видно ниже (Чистилища IV, 53)». Филалет.

[43] Примечания: 43

Теперь час утренней зари. Следовательно путники употребили целые сутки, 24 часа, чтобы от центра земли достигнуть до ее поверхности, т. е. столько же, сколько они употребили, чтобы достигнуть до центра. Каннегиссер.

[44] Примечания: 44

Перед восходом солнца подымается легкий ветерок, который наводит рябь на поверхность моря, или, как дивно выражено у Данте, заставляет ее трепетать (il tremolar della marina). — «His pieces of pure pale light are always exquisite. In the dawn on the pourgatorial mountain, first, in ite pale white, he sees the tremolar della marina, — trembling of the sea; then it becomes vermilion; and at last, near sunrise, orange. These are precisely the changes of a cairn and perfect dawn». Рёскин. Mod. Painters (по цитате Лонгфелло).

Так мы безлюдной той долиной шли.[45]

121. И под горой, где спорит с дневным жаром

Роса и, скрытая под тенью гор,

Не вдруг пред солнцем улетает паром,[46] —

124. Там обе руки тихо распростер

Учитель мой над многотравным дерном.

И я в слезах, потупя долу взор,[47]

127. Поник пред ним в смирении покорном;

Тут сбросил он с меня покровы мглы,

Навеяны на лик мой адским горном.

130. Потом сошли мы к морю со скалы,

Не зревшей ввек, чтоб кто по воле рока

---

[45] Примечания: 45

Кроме Катона (теперь уже исчезнувшего) на ней никого не было.

[46] Примечания: 46

Под горой, как в месте низменном и более прохладном, роса долее всего сопротивляется действию солнца.

[47] Примечания: 47

Данте плачет или от радости, освободившись от ужасов ада, или от сокрушения сердца, приступая к очищению себя от грехов. Вообще по выходе из ада Данте, кроме этого места, нигде более не плачет.

Здесь рассекал в обратный путь валы.[48]

133. Тут препоясал он меня осокой,

И вот, – о чудо! – только лишь рукой

Коснулся злака, как в мгновенье ока

136. На том же месте вырос злак другой.[49]

---

[48] Примечания: 48

Намек на безумное и гибельное плавание по этим волнам Улисса (Ада XXVI, 142).

[49] Примечания: 49

Может быть подражание Виргилию (Aen. VI, 144, 145):

> *– Primo avolso non deficit alter*
> *Aureus; et simili frondescit virga metallo.*

Аллегорический смысл: благость Господня неисчерпаема и не уменьшается вовеки.

Песнь вторая

Преддверие чистилища. – Ангел кормчий. – Казелла. – Катон.

1. Уже склонилось солнце с небосклона
На горизонт, его ж полдневный круг
Зенитом кроет верх горы Сиона.[50]

4. И, против солнца обращаясь вкруг,
Из волн Гангеса вышла ночь с Весами, —
Чтоб, став длинней, их выронить из рук,[51] —

---

[50] Примечания: 50

Астрономическое определение суточного времени. Наступает утро 27-го марта (или, может быть, 7-го или 10-го апреля), между 6–7 часом утра. «Поэт принимает на земной поверхности четыре пункта, именно Иерусалим или гору Сиона, реку Эбро в Испании, гору Чистилища и реку Ганг в Индии, пункты, меридианы или полуденные круги которых, по его предположению, все находятся на равном расстоянии между собою. Именно расстояние одного меридиана от другого равняется 90°; таким образом Иерусалим отстоит от горы Чистилища на 180°, или на целую половину земной поверхности, или, другими словами, обитатели этих двух пунктов на земле суть настоящие антиподы между собой. Обе эти точки имеют один общий горизонт, т. е. одну и ту же границу своего кругозора; поэтому, когда для Иерусалима солнце на западе перейдет эту границу, т. е. садится, тогда оно для горы Чистилища восходит на востоке. Два остальных пункта, Гангъ и Эбро, находятся между первыми двумя, отстоя один от другого на

180°; от Иерусалима же и горы Чистилище на 90°, и это пространство протекает солнце (в своем движении) в 6 часов. Следовательно, когда солнце для Иерусалимского меридиана стоит близко над западным горизонтом, тогда для горы чистилища оно только что начинает всходить. Тогда здесь (на Чистилище) начинает исчезать белый и алый цвет юной утренней зари и уступает место густому желтому (оранжевому) цвету, предшествующему восхождению солнца. На Ганге же на 90° к востоку, уже прошло 6 часов, как зашло солнце; следовательно, там теперь полночь. В начале весны ночь выводит с собой на небо созвездие Весов, под знаком которых, шестью месяцами позднее, именно в начале осени, восходит солнце. В это время долгота ночи начинает увеличиваться, созвездие же Весов как бы ускользает из рук ее (le caggion di man), так как оно в это время стоит днем на небе вместе с солнцем. Штрекфусс. — «Данте впал здесь в ошибку, приняв неправильно, будто меридианы устьев Ганга и Эбро отстоят одно от другого на 180°, тогда как в сущности они отстоят всего лишь на 121°. Еще сильнее он ошибся, допустив, что Иерусалим находится на равном расстоянии от этих двух меридианов, так как от перваго, вместо 90°, он отстоит всего лишь на 39 1/2°, а от второго — лишь на 48 1/2°. Но если в 1300 г. имели в географии самые поверхностные знания, то следует ли винить в том Данте?» Фратичелли.

[51] Примечания: 51

«Данте олицетворяет здесь ночь, представляя ее существом, имеющим руки. Она вращается по своду небесному диаметрально противоположно солнцу. Поэт представляет ночь как бы выходящею из волн Ганга, так как там, по его мнению, восточный горизонт Иерусалима. Она держит в руках Весы, потому что она находится теперь в созвездии Весов (Libra); она держит их в руках целый месяц, потому что остается целый месяц в этом созвездии, — точно так, как и солнце остается в нем столько же времени в осеннее равноденствие. В этот-то именно промежуток времени ночь начинает мало-по-малу удлиняться или возрастать (soverchiando) над днем. Но это удлинение, или перевес ночи над днем, не бывает слишком заметно, пока солнце не перейдет созвездие Скорпиона». Скартаццини. — Сличи Делла Валле, Il senso geografico-astronomico dei luoghi della D. C. Faenza. 1869, p. 35.

7. Так что Авроры светлый лик пред нами

Из белого стал алым и потом

Оранжевым, состарившись с часами.[52]

10. А мы все были на брегу морском,

Как тот, кто, путь утратя в мире этом,

Душой парит, а сам все в месте том,[53]

13. И вдруг, как Марс, пред самым дня рассветом,

На западе, на лоне синих вод,

Сквозь пар густой сверкает красным

---

[52] Примечания: 52

«Поэты представляют себе зарю (Аврору) в виде прекрасной богини, живущей на востоке, так как она всегда является с востока незадолго до восхождения солнца. Итак, желая обозначить, что солнце уже восходит, поэт говорит, что белый и алый лик (собственно щеки, в подлиннике: guance) Авроры, т. е. те два цвета, которыми окрашивается воздух, прежде чем солнце совершенно взойдет, стали желтыми, оранжевыми (rance), как бы состарившимися». Ландино. — Боккаччио, в прологе к третьему дню в своем Декамероне подражает этому месту Данте.

[53] Примечания: 53

Выражение нерешительности странников, еще незнакомых с местностью.

цветом,[54] —

16. Так мне блеснул (о, да блеснет с высот

Он мне опять!) над морем свет столь скорый;

Что с ним сравнить нельзя и птиц полет.[55]

19. Чтоб вопросить о нем, на миг я взоры

Отвел к вождю; потом взглянул и – се! —

Уж он возрос и стал светлей Авроры.

22. Со всех сторон над ним во всей красе

Белело нечто; с белого ж покрова

---

[54] Примечания: 54

«Планета Марс является краснее обыкновенного: a) утром, когда подымается туман; b) когда она блестит на вечернем небе и c) когда она приходится близко к поверхности моря, где пары бывают всего гуще». Фратичелли. — Планета Марс избрана здесь, вероятно, не без умысла: прибывающие сюда души должны будут выдержать здесь еще многие битвы, прежде чем достигнут полного блаженства (Ада II, 4)». Копиш.

[55] Примечания: 55

Т. е. «быстрее всякой быстролетной птицы». Нути.

Вниз падал блеск, подобный полосе;[56]

25. Еще мне вождь не отвечал ни слова,

Как верхний блеск уж принял образ крыл.

Тогда поэт, познав пловца святого, —

28. – Склони, склони колена! – возопил:

Здесь ангел Божий! К сердцу длань! Отселе[57]

Ты будешь зреть лишь слуг небесных сил.

31. Без ваших средств, смотри, как мчится к цели!

Наперекор всем веслам, парусам,

Парит на крыльях в дальнем сем пре-

---

[56] Примечания: 56

Сперва мы видим какой-то блеск в виде покрова над ангелом; затем мало-помалу (в подлиннике: a poco a poco un altro a lui n'uscia) является другой белый свет в виде полосы, выходящей из первого облака. Первый блеск исходит от лучезарного лица и крыльев ангела, и он виден прежде всего, второй — от белого одеяния.

[57] Примечания: 57

Явление этого ангела составляет диаметральную противоположность с явлением Харона в Аду. как Харон переправляет души злых, так этот ангел — души добрых. Как в этом ангеле все здесь небесно и божественно, его появление — свет и блеск, «в лице его благодать сама» (ст. 44) и сам он не нуждается ни в каких пособиях и земных средствах, в парусах и веслах, так, наоборот, все в Хароне демонично, почти бесообразно; вся фигура его отвратительно ужасна; Ахерон,

по которому он плывет, мутен и болотист; души вгоняет он в челн свой ударами весла; здесь же воды чисты и души радостно поют псалом. Но если Данте пользуется в Аду мифологией для воплощения своих идей, то к ней он не дерзает уже прибегать в Чистилище, а того менее в Раю. Язычество, хотя и неповинно, принадлежит Аду, потому и Ад можно было изукрашать существами языческих мифов. Это отсутствие мифологии делает, конечно, Чистилище и Рай менее пластичными, — остается в них лишь одна история и некоторые вымыслы форм. Но тем не менее символизм выступает в некоторых местах очень значительно, особенно там, где Библия подает к тому повод, например в последних песнях Чистилища». Каннегиссер.

деле.[58]

34. Смотри, как он вознес их к небесам!

Как режет воздух махом крыл нетленных!

Им не седеть, как вашим волосам!

37. Приблизясь к нам от граней отдаленных.

Пернатый Божий лучезарней стал,

Так что я глаз, сияньем ослепленных,

40. Не мог поднять. И к брегу он пристал

С ладьей столь быстрой, легкой, что нимало

Кристалл волны ее не поглощал.[59]

43. Стоял небесный кормчий у причала;

В лице читалась благодать сама,

В ладье ж сто душ и боле восседало.

---

[58] Примечания: 58

«Крылья искони служат символом небесного и божественного». Каннегиссер.

[59] Примечания: 59

Весьма знаменательно то, что здесь челн, хотя и касается земной воды, но в нее не погружается, в противоположность челну Харонову, почему Харон и намекает Данте (Ада III, 93) на этот челн. Сличи также Ада VIII, 19 и след.

46. In exitù Israel от ярма[60]

Египтян злых! все пели стройным хором.

И все, что писано в стихах псалма.

49. Их осенил крестом он с светлым взором;[61]

Затем все вышли на берег, а он,

Как прилетел, так скрылся в беге скором.

52. Сонм пришлецов был местностью смущен;

Очами вкруг искал он, где дорога,

Как тот, кто чем-то новым удивлен.

55. Со всех сторон из Солнцева чертога

---

[60] Примечания: 60

В подлиннике: «In exitu Israel de Egitto» (вместо Egypto, для рифмы); здесь удержана лишь половина латинского стиха. «Это начало 113 псалма, написанного в воспоминание освобождения израильского народа от Фараона и работ египетских. В католических церквах он пелся по воскресеньям в конце вечерни, а также в древности священниками при выносе покойника в церковь». Скартаццини. — «Этот псалом Данте в письме своем к Кану Великому приводит в пример того, как может нечто иметь в одно время и буквальный и аллегорический смысл: «Si literam solam inspiciamus, signiflcatur nobis exitus flliorum Israel de Aegypto, tempore Moysis; si allegoriam, nobis signiflcatur nostra redemptio facta per Christum; si moralem sensum, signiflcatur nobis conversio animae de luctu et miseria peccati ad statum gratiae; si anagogicum, signiflcatur exitus animae sanctae ab hqjus corruptionis servitute ad aeternae gloriae

libertatem». Ep. Kani Gr. de Se. § 7, по цитате Скартаццини. Отсюда видно, как уместно применен поэтом этот псалом к душам, которые, освободившись от рабства греховного на земле, стремятся теперь к духовной свободе. По Клименту Александрийскому (Strom. 1,208), Египет на аллегорическом языке библейских толкователей прямо означает земной мир.

[61] Примечания: 61

«Вернейший путь к нравственной свободе есть вера во Христа и Христово нравственное учение: осеняя крестным знамением, ангел поручает души этим руководителям». Штрекфусс.

Струился день и тучей метких стрел
Со средины неба гнал уж Козерога.[62]

58. И новый сонм, как скоро нас узрел,
Поднявши взор, сказал нам: Укажите:
Коль можете, путь в горний тот предел.[63]

61. На что Виргилий: – Может быть, вы мните,
Что край знаком нам? Уверяю вас, —
В нас путников себе подобных зрите.[64]

64. Сюда привел пред вами лишь за час
Нас путь иной, столь пагубный и лютый,[65]

---

[62] Примечания: 62
Солнце изображается тут как бог Аполлон, вооруженный луком и стрелами. Стихи здесь обозначают, что солнце уже значительно поднялось над горизонтом: при самом восхождении его в знаке Овна (в это время года) знак Козерога находится на полдне; а так как он отстоит от Овна на 90°, то с поднятием солнца знак Козерога должен уже отойти от меридиана и склоняться к закату. По расчислению астрономов (Ponta, Orolog; dantesco № 6, также Lanci: degli ordinamenti ond' ebbe conteste Dante Alighieri la II e III Cantica, ecc. Roma 1856), солнце уже полчаса как поднялось над горизонтом; большинство, впрочем, принимают около двух часов. — Сличи у Камерини.

[63] Примечания: 63
«Во второй песне Ада мы видели, что поэт с великим колебанием и сомневаясь в самом себе решается на убеждения Виргилия предпринять роковое странствование. Точно такую же нерешительность

обнаруживают теперь только что прибывшие души при новости состояния, в коем они находятся». Штрекфусс.

[64] Примечания: 64

«Виргилий не знает ни о чем, что было раскрыто Христом, а потому здесь является скорее руководящим соучеником Данте, чем его учителем; здесь о многом более возвышенном он сам должен спрашивать других. Уже в Аду он не знает о существовании обвала моста в шестом рве (Ада XXI, ст. 106 и след.), также при виде Каиафы приходить в изумление (Ада XXIII, ст. 124)». Копиш.

[65] Примечания: 65

В подлиннике: Per altra via, che fu si aspra e forte, т. е. чрез темный лес и ад; а в ст. 52 в подлиннике употреблено выражение selvaggia. «Все три эпитета: selvaggia, aspra и forte, употребленные в Аду I, ст. 5 для обозначения темного леса, не без значения употреблены здесь вторично». Копиш.

Что в гору лезть – теперь игра для нас.

67. По моему дыханью в те минуты[66]
Заметивши, что я еще живой,
Весь сонм теней вдруг побледнел от смуты.

70. И как к гонцу с оливой вестовой
Народ теснится, чтоб услышать вести,
Топча один другого в давке той:[67]

73. Блаженные так духи те все вместе
Уставили свой взор мне прямо в лик,
Почти забыв о времени и месте.

76. Один из них ко мне всех больше ник.

---

[66] Примечания: 66

«Здесь при свете дня души тотчас могли заметить, что Данте еще дышит, что среди адской мглы не тотчас было заметно». Ноттер. Сличи Ада XXIII, прим. к 88 ст.

[67] Примечания: 67

Как в древности, так и во времена Данте, было в обычае отправлять послов, просящих о мире, с ветвью оливы в руках. «Те, кого посылали просить мира или кто хотел, чтобы их приняли как друзей, носили в руках ветку оливы; также и те, которые приносили весть о победе, возвещали издали об этом оливой». Веттори. Впрочем Данте здесь подражает Виргилию. Virg, Aen. 1. VIII, v. 114, 115:

Tarn pater Aeneas puppi sic fatur ab alta,
Paciferaeque mano rara uni proetendit olivae.

Обнять меня так пламенно желая,
Что сделать то ж он и меня подвиг.

79. О, видная лишь взором тень пустая!
Три раза к ней я руки простирал,
К себе на грудь их трижды возвращая.

82. От дива лик мой? видно, бледен стал,
Затем что тень с улыбкой отступила,
А я, гонясь, за нею поспешал;[68]

85. Спокойней будь! – мне кротко возразила,
Тогда, узнав ее, я стал молить,
Чтоб не спеша со мной поговорила.

88. И дух в ответ: – Как я привык любить
Тебя, быв в теле, так люблю без тела.
И я стою. Тебе ж зачем здесь быть?

91. – Казелла мой! чтоб вновь достичь

---

[68] Примечания: 68

О природе теней по смерти, по учению Данте, мы будем подробно говорить ниже (Чистилища XXV, ст. 94). Сличи Ада IV, ст. 34 и VI, ст. 36.

предела,[69]

Где я живу, – иду на эту круть;

Где ж ты, – сказал я, – медлил так, Казелла?[70]

94. А он на то: – Его в том воля будь!

Тот, кто берет, кого и как рассудит,[71]

Пусть возбранял не раз сюда мне путь, —

97. Все ж воля в нем по Вечной Правде судит.[72]

И подлинно, три месяца, как всех[73]

Приемлет он, кто с миром в челн прибудет.[74]

---

[69] Примечания: 69

«Знаменитый флорентийский певец и хороший собеседник («vir affabilis et curialis», говорит Бенвенуто да Имола) во времена Данте; он был, как кажется, другом, а может быть и учителем Данте в музыке. Кресчинбини в своей «Storia della volgare poesia» говорить, что он нашел в Ватикане на одном сонете Леммо да Пистойа, поэта, жившего около 1300 г... надпись: «Lemmo da Pjstoja e Casella diede il suono» (положено на музыку)». Филалет.

[70] Примечания: 70

Из этого вопроса следует заключить, что Казелла умер уже довольно давно, во всяком случае ранее объявленного в 1300 г. папой Бонифацием VIII юбилейного года. Данте поэтому и спрашивает, почему он только теперь прибыл в чистилище на ладье ангела, т. е. в начале весны (начало странствования Данте), следовательно, спустя три месяца после объявления юбилея, считая напрасно потерянным

время, протекшее между смертью и вступлением в чистилище. «Поэт, как кажется, имел здесь в виду Виирилиева Палинура, которого Эней встречает по эту сторону Стикса. Харон отказывается перевезти через Стксг тень Палинура на том основании, что труп его еще не погребен. Подражая здесь Виргилию, Данте, однако ж, не объясняет, почему ангел не принял ранее в свой челн душу Казеллы». К. Витте.

[71] Примечания: 71

«Тот, кто берет, кого и как рассудит», — т. е. ангел, перевозящий души на гору Чистилища.

[72] Примечания: 72

«По Вечной Правде», т. е. по воле Господней.

[73] Примечания: 73

и др. Год 1300 был юбилейный год (Ада XVIII, прим. к ст. 28–30); на Страстной неделе, в конце марта, когда Данте совершает свое загробное странствование, прошло уже три месяца с начала юбилея, так как он начался с рождественских праздников в 1299 г. Во время юбилея все пилигримы, прибывшие в Рим, получили отпущение грехов; потому в это время ангел принимает всех в свой челн и отвозит их на остров Чистилища. — Сличи. Бианки, стр. 285.

[74] Примечания: 74

«С миром», т. е. с покаянием (в подлиннике: chi ha voluto entrar con tutta pace).

100. Так вот и я, став у поморий тех.
Где воды Тибра стали солью полны.[75]
Был благостно им принят в челн утех, —

103. На устье том, где он парит чрез волны.[76]
Затем что там сбирается все то,
Что не падет за Ахерон безмолвный.

106. – О! если у тебя не отнято
Искусство петь любовь с ее тревогой,
В которой слез мной столько пролито, —

109. Утеш, – сказал я, – дух мой хоть немного,

---

[75] Примечания: 75

«У поморий тех, где воды Тибра стали солью полны» (alla marina vylto, dove l'acqua di Tevere s'insala), т. е. где воды Тибра, вливаясь в море, получают вкус морской воды, или при впадении Тибра в море.

[76] Примечания: 76

«На устье том», т. е. на морском берегу Остии, при устье Тибра, где собираются души всех спасенных от ада. Отправление душ на какой-нибудь морской остров было народным мнением, распространенным повсеместно (см. Grimm, deutsch. Mythol. S. 791). Данте избирает для этого устье Тибра, недалеко от Рима. Как живые пилигримы шли в Рим для получения отпущения грехов, так и все покаявшиеся души собираются туда же. Все же души, не допущенные сюда, мгновенно погружаются в ад (за Ахерон безмолвный). Этим обозначается, что Рим и церковь есть посредствующее звено между Богом и предназначен-

ными к блаженству душами. Впрочем, те, которые принесли неполное раскаяние, остаются где-то, прежде чем будут перевезены в чистилище (прим. к ст. 93); чаще же остаются у подошвы горы чистилища.

Затем что он, одетый в плоть и кровь,

Так утомлен им пройденной дорогой.[77]

112. – В душе со мной беседуя, любовь…[78]

Так сладостно он начал петь в то время,

Что сладость звуков будто слышу вновь.

115. Мой вождь, и я, и все святое племя,

Здесь бывшее, так были пленены,

Что всех забот, казалось, спало бремя.

118. Не двигаясь, внимания полны,

Мы слушали, как вдруг наш старец

---

[77] Примечания: 77

Данте утомлен (affannata), «потому ли, что еще находится под впечатлением ужаса адских мук, или потому, что ему предстоит еще вынести много трудностей в чистилище, так как он во всем, что видит, принимает самое живейшее участие, или даже сам принадлежит к числу тех, состояние коих он созерцает». Каннегиссер.

[78] Примечания: 78

В подлиннике: Amor che nella mente mi ragiona — начало дивно прекрасной канцоны Данте, может быть, положенной на музыку самим Казеллой. Это именно вторая из трех канцон, которые он сам комментировал в своем Convivio. Под именем своей возлюбленной он разумеет в ней умозрительную философию, причем дух, mente, обозначаемый им местом, из которого говорит в нем любовь, он называет драгоценнейшею частью, божеством, своей души.

честный[79]

Вскричал: – Что это, праздности сыны?[80]

121. Что стали там вы в лени неуместной?

К горе бегите – сбить с себя гранит,[81]

Вам не дающий видеть Лик небесный.

124. Как голубки, которых корм манит,

Сбираются в полях без опасенья,

Сложив с себя обычный гордый вид, —

127. Но, чем-нибудь испуганы, в мгновенье

Бросают корм, затем что всех забот

---

[79] Примечания: 79

«Старец честный» — Катон, который как мгновенно исчез в первой песни, ст. 109, так мгновенно здесь и является снова.

[80] Примечания: 80

«Т. е. души забыли здесь свое ближайшее назначение — подниматься на гору очищения. По Ландино и Веллутелло, здесь заключается та мысль, что обращение иногда вновь задерживается чувственными прелестями, но что свободная воля, выражающаяся здесь в возгласе Катона, ст. 120, скоро опять берет перевес», Каннегиссер.

[81] Примечания: 81

«Сбить с себя гранит» (a spogliarvi la scoglio) — т. е. осквернение землей.

Сильней теперь забота о спасенье:[82]

130. Так, видел я, недавний здесь народ,
Покинув песнь, бежать пустился в горы,
Как без оглядки мчится трус вперед.

131. За ним и мы пошли, не меньше скоры.

[82] Примечания: 82

«Когда стая голубей спускается на поле, то мы видим, что сперва они разбегаются по полю с воркованием и с особенным покачиванием шейками, что придает им гордый вид. Вскоре затем они начинают тихо и спокойно подбирать зерна на жниве до тех пор, пока, испуганные чем-нибудь, не разлетятся все в разные стороны. Во всех сравнениях, заимствованных из обыденной жизни, мы видим, как точно подмечает поэт все явления до малейших подробностей». Штрекфусс.

Песнь третья

Преддверие чистилища, – уши умерших под церковным отлучением. – Манфред, король Сицилии.

1. Лишь только бег внезапный по до-
лине
Рассыпал сонм, велев ему бежать
К
горе, куда сам разум звал их ныне,[83] —

4. Я к верному вождю примкнул опять.
Да и куда-б я без него помчался?[84]
Кто мог бы путь мне в гору указать?

7. Он за себя, казалось мне, терзал-

---

[83] Примечания: 83

Разум, по некоторым комментаторам, разумеется здесь божественный, воля Божия; по другим — человеческий, человеческая мудрость, олицетворяемая в следующих стихах в образе Виргилия. Духи спешат к горе сами; Данте, как человек, еще нуждается в руководителе.

[84] Примечания: 84

Т. е. как бы мог я, еще не вполне просвещенный божественной силой (Беатриче), взойти на крутую вершину без помощи высочайшего, чистого разума?

ся:[85]

О, совесть чистая! Как малый грех
Тебе велик и горек показался![86]

10. Когда ж поэт шагов умерил спех,[87]
Мешающий величию движений, —
Мой дух, сначала скованный во всех[88]

13. Мечтах своих, расширил круг стремлений,
И обратил я взоры к высотам,
Взносившим к небу грозные ступени.[89]

16. Свет красный солнца, в тыл сиявший нам,
Был раздроблен моим изображеньем,

---

[85] Примечания: 85

«Сам Виргилий, олицетворение чистого разума, увлекшись пением Казеллы, следовательно обыкновенным земным наслаждением, забыл на время о возложенном на него руководительстве Данте, а потому и стыдится как этого проступка, так и непосредственного следствия его — ускоренного бега по долине, служащей основанием горы Чистилища». Штрекфусс.

[86] Примечания: 86

Сличи Juven. Sat. VIII, v. 140 и сл.:

Omne animi vitium tanto conspectias in se
Crimen habet, quanto major qui peccat habetur.

[87] Примечания: 87

Солнце, как увидим ниже, уже несколько часов как взошло на небо; а так как поэты идут теперь с востока к западу, то солнце должно

им светить в тыл.

[88] Примечания: 88

Т. е. скованный, или, собственно, ограниченный (ristretta), вследствие ли воспоминания о пении Казеллы, или вследствие упрека, сделанного Катоном.

[89] Примечания: 89

«Взносившим к небу грозные ступени». В Раю (XXVI, 139) гора чистилища названа: Il monte che si leva più dall' onda. Выражение «грозные ступени» здесь употреблено переводчиком в значении громадных, грандиозных.

Найдя во мне отпор своим лучам.[90]

19. И в бок взглянул я, мучим опасеньем.

Что я покинут, видя в стороне,

Что тень лишь я бросаю по каменьям.[91]

22. И спутник мой, весь обратясь ко мне;

Сказал: – Опять сомненья? Следуй смело!

Не веришь ли, что я с тобой везде?[92]

25. Уж вечер там, где плоть моя истлела,[93] —

Та плоть, за коей тень бросал я вслед;

---

[90] Примечания: 90

Что Виргилий, как дух, не бросает от себя тени, — этого Данте не мог заметить в мрачном аде; вне же ада он видел его лишь в темном лесу в долине, «где солнца луч умолк» (Ада I, 60 и след.); вскоре затем наступила ночь (Ада II, 1).

[91] Примечания: 91

«Это опасение Данте есть предчувствие скорого исчезновения Виргилия (Чистилища XXX, 42–57)», Копиш.

[92] Примечания: 92

«Необходимость руководительства со стороны человеческого разума на пути к усовершенствованию здесь превосходно выражена опасением Данте быть покинутым разумом (Виргилием)». Копиш.

[93] Примечания: 93

«Где плоть моя истлела», т. е. в Неаполе, где, как уверяют, погребено тело Виргилия. «Согласно с примечанием к Чистилищу II, 1, теперь в Неаполе вечер, в Иерусалиме солнце уже закатилось, на горе чистилища оно уже взошло. Приблизительно теперь 8 ч. утра». Филалет.

Брундузий взял, Неаполь скрыл то тело.[94]

28. И если тени предо мною нет,

Тому должно, как сферам тем, дивиться.

Где из одной в другую льется свет.[95]

31. Способность стыть, гореть, от мук томиться,[96]

Телам подобным разум дал Того,

Кто скрыл от нас, как это все творится.

34. Безумен тот, кто мнит, что ум его

Постигнет вечности стези святые.

---

[94] Примечания: 94

Брундузий, по-латыни Brundusium и Brundisium, теперь Brindisi, в Колабрии. В этом городе умер Виргилий в 19 г. до Р. Х.; тело его перенесено отсюда в Неаполь, где и погребено. Могилу его доныне показывают на Пазилиппо около известного грота. На ней надпись, на которую намекает Данте:

Mantua me genuit, Calabri rapuere; tenet nunc —
Parthonope; cecini pascua, rara, duces.

Вообще однако ж очень сомнительно, чтобы Виргилий был погребен в Неаполе (Cotparetti, Virgilio nel medio evo, Livorno. 1872), хотя уверенность в этом была всеобщая в средние века. В Мантуе до конца XV века пелись в церквах следующие стихи во время мессы Св. Апостола Павла:

Ad Maronis mausoleum
Ductus, fadit super eum
Piae rorem lacrimae;
Quem te, inquit, reddidissem,
Si te vivum invenissem,
Poetarum maxime!

[95] Примечания: 95

По астрономическим понятиям того времени, небо состоит из девяти друг над другом находящихся сводов, или полых сфер, совершенно прозрачных, нисколько не препятствующих прохождению лучей сквозь них (См. Рая XXX, 108, примеч.). Итак, если эти сферы, в средоточии которых мы, жители земли, находимся, не мешают нам видеть отдаленнейшие звезды, то точно так и легкие тела теней, состоящие лишь из отражения души во внешних элементах, пропускают лучи солнца.

[96] Примечания: 96

Хотя тени суть только кажущиеся тела, тем не менее они могут страдать духовно. Данте в следующих стихах чрез Виргилия принимает это за непостижимую, по крайней мере для нашего ума, тайну, неразъясненную даже самим Платоном и Аристотелем и раскрытую для нас лишь верою во Христа (ст. 39). Схоластики много трудились над разъяснением вопроса, каким образом адский огонь, принимаемый ими за действительный, стихийный огонь, может действовать на невещественную душу, по отделении ее от тела. О мнении по этому предмету Фомы Аквинского см. Филалета II, S. 15, Not. 9.

Где шествует в трех лицах Божество.

37. Доволен будь, род смертных, зна-
ньем quia:[97]

Ведь если б мог ты зреть пути Творца,
То для чего-б Тебе родить, Мария?[98]

40. И не бесплодно б чаяли сердца,
Когда б сбывались упованья тщетны,
Которыми томятся без конца

43. Платон, и Аристотель, и несмет-
ный
Сонм мудрецов. – И, полн душевных
смут,[99]
Поник челом и смолк он, безответный.

---

[97] Примечания: 97

«Знаньем quia». «Аристотель различает два рода знаний: одно — знание, что вещь есть (ἐπίστασθαι τὸ ὅ τι), и другое — знание, почему она есть (τὸ διότι). Первое знание приобретается, когда мы заключаем по действию о причине (a posteriori), второе — по причине о действии (a priori). Оба эти понятия переданы в старо-латинском переводе, которому следовал Фома Аквинский, выражениями scire quia (в низшей латыни quia часто употребляется вместо quod) и scire propter quid. Отсюда в школы вошли выражения: demonstratio quia и demonstratio propter quid». Филалет. Итак, смысл этого стиха будет: вы, люди, постоянно хотите знать причину даже таких вещей, где у разума нет основ для суждения.

[98] Примечания: 98

Т. е. если бы тут было достаточно человеческого ума, то не нужно было бы откровения.

[99] Примечания: 99

Здесь высказывается та мысль, что томление благородных душ древности, находящихся в лимбе, состоит в том, что неразрешенное одним разумом сомнение не было рассеяно для них верою. Виргилий сам принадлежит к числу этих душ, для полного блаженства которых недостает одной лить веры, почему он и угнетен такой скорбью (Ада IV, 40).

46. Мы подошли меж тем к горе. Но тут

Нашли утес такой крутой, упорный.

Что крепость ног пытать здесь – тщетный труд.[100]

49. Пустыннейший, труднейший путь нагорный

Между Турбией и Леричи был,

В сравненьи с этим, лестницей просторной.[101]

52. – Кто знает то, – мой вождь проговорил.

Сдержав шаги, – каким горы откосом

Всходить здесь легче без пособья

---

[100] Примечания: 100

В подлиннике: Che indarno vi sarien le gambe pronte — т. е. здесь всякая прыткость ног была бы бесполезна.

[101] Примечания: 101

Леричи и Турбия — две местности на так называемой Riviera di Genova, с необыкновенно обрывистым над морем гористым берегом, первая — с восточной стороны побережья генуезского, около Сарзаны, у морского залива Спеццио; вторая — с западной стороны, недалеко от г. Монако.

крыл?[102]

55. И вот, пока, весь занят тем вопросом,

Он глаз своих не подымал с земли,

А я блуждал очами над утесом, —

58. Увидел влево я от нас вдали

Толпу теней, к нам подвигавших ноги,[103]

Но тихо так, что, кажется, не шли.

61. – Взор подыми, учитель, без тревоги;

Вон те, – сказал я, – нам дадут совет,

Уж если сам не знаешь ты дороги.

64. И, светлый взор подняв ко мне, поэт

---

[102] Примечания: 102

Первые шаги на пути к нравственному совершенствованию, к нравственной свободе, которую Данте отыскивает в своем загробном странствовании (Чистилища I, 71), необычайно трудны. Самый разум, олицетворенный в Виргилии, не знает, где найти к нему дорогу, и потому приходит в смущение, отыскивая ее». Ноттер.

[103] Примечания: 103

«Как видно из ст. 135–141 этой песни, толпу эту составляют души людей, умерших под проклятием (анафемой) церкви. Она идет медленно, потому ли, что и в жизни медлила обратиться к Богу, или потому, что процесс очищения ее должен совершиться весьма медленно». Фратичелли.

Сказал: – Пойдем к ним; шаг их тих безмерно;

А ты, мой сын, питай надежды свет.[104]

67. Мы тысячу шагов прошли примерно,

А все еще их сонм от нас стоял

На перелет пращи из длани верной.

70. Когда ж они, к громадам твердых скал[105]

Прижавшись, стали неподвижно, тесно,

Как тот стоит, кто в изумленье впал:[106]

73. – Род избранный, погибший благо-

---

[104] Примечания: 104

«Слова эти служат Виргилию как-бы утешением самому: в появлении теней он видит, что он не покинуть высшею помощью на трудном пути, где он до этого находился в таком беспомощном состоянии (ст. 52 и далее), не зная, какое взять на нем направление». Ноттер.

[105] Примечания: 105

«К громадам твердых скал» (в подлиннике: a'duri massi Dell'alta ripa), т. е. к выступающим утесам, из которых сложена гора Чистилища.

[106] Примечания: 106

«Они изумлены тем, что поэты идут в направлении, противоположном тому, какому следуют души и, стало быть, удаляются от входа в чистилище, как увидим ниже». Фратичелли.

честно![107]

Сказал Виргилий: – умоляю вас

Тем миром, что вас ждет в стране небесной, —

76. Куда, скажите, склоном подалась

Гора, где можно лезть на те громады?

Ведь всем узнавшим дорог каждый час.[108]

79. Как по два, по три, агнцы из ограды

Идут за первым, прочие ж стоят,

Понуря робко головы и взгляды,

82. И где один, туда и все спешат,

Теснясь к нему, лишь станет он, и в кроткой

Покорности, не знают, что тво-

---

[107] Примечания: 107

«Погибший благочестно» (в подлиннике: O ben finiti, o gia spiriti eletti), т. е. умершие с покаянием в грехах и с верой во Христа, а не так, как сам Виргилий, умерший, не зная веры Христовой». Ноттер.

[108] Примечания: 108

«Чем более человек познает, тем более дорожит он временем». Фратичелли, также Копиш.

рят[109] —

85. Так, видел я, к нам подвигал не ходко

Счастливых стадо вождь в его челе,[110]

С лицом стыдливым, со скромною походкой.

88. И первый строй, заметив на земле,[111]

Что луч направо от меня разбился,

Так что я тень оставил на скале, —

91. Вспять отшатнувшись, вдруг остановился,

И сонм, за первым шедший по пятам,

---

[109] Примечания: 109

«Как в аду мы видели души, погрязшие в грехах, повсюду в борьбе и взаимной ненависти, так, наоборот, здесь души очищающихся находим во взаимном любовном общении, соединенными взаимно друг с другом. Действительно, любовь есть первый плод серьезного стремления к нравственной свободе». Штрекфусс.

[110] Примечания: 110

«Счастливых стадо» (в подлиннике: quella mandra fortunata); слово «стадо» поэт употребляет здесь в соответствие с сравнением толпы теней с овцами.

[111] Примечания: 111

«Поэты повернули к душам, шедшим к ним слева (ст. 58); потому крутой склон утеса, который сначала был перед ними, теперь должен находиться от них направо». Филалет.

Не зная сам – зачем, за ним столпился.

94. – Я без расспросов объявляю вам,

Что плоть на нем еще не знала смерти,

Вот почему он тень бросает там.

97. Не удивляйтесь этому; но верьте,

Что не без силы, свыше излитой,[112]

По тем стенам он мнит дойти до тверди.

100. Так мой учитель; их же честный строй:

– Вернитесь же: вон там гора поката,

И

тылом рук нам подал знак немой.[113]

103. – Кто б ни был ты, в мир ищущий

---

[112] Примечания: 112

Т. е. Данте приходит сюда не самовольно, как Улисс (Ада XXVI, 112 и далее).

[113] Примечания: 113

«И тылом рук» и проч. — обычный жест в Италии: «тыл руки обращен к другому лицу, и к нему направлены пальцы от того, который подает знак. Это означает, чтобы тот, кому подается знак, не ходил вперед, а повернул назад. Здесь тени подают этот именно знак, чтоб поэты, вместо того, чтобы приблизиться ко всходу на гору, удалились от него». Штрекфусс.

возврата,[114] —

Мне тут один из них проговорил:

Взгляни, не видел ли меня когда-то?

106. Я, обернувшись, взор в него вперил:

Был белокур, красив с лица и стана,[115]

Но бровь ему булат окровенил.

109. – Не знаю, кто ты, прямо, без обмана,

Сознался я. – Смотри ж! – он мне в ответ

И указал: в груди зияла рана.

112. И продолжал с улыбкой: – Я Манфред;

Я внук Констанцы, царский скиптр но-

---

[114] Примечания: 114

«Тень Манфреда, говорящая здесь с Данте, принимает его за своего современника, но Манфред умер незадолго до рождения поэта, почему этот последний и не узнает его (ст. 109)». Каннегиссер.

[115] Примечания: 115

Король Сицилии Манфред, по словам Саба Малеспини (Historia Rerum Sicularum), был очень красив собой: «Homo flavus, amoena facie, aspectu plaeibilis, in maxillis rubeus, oculis sidereis, per totum niveus, statura mediocris».

сившей![116]

Сходи ж, молю, когда придешь на свет,

115. К прекрасной дочери моей, родившей[117]

Сицилии и Арагоны честь,[118]

И ложь рассей, всю правду ей открывши.

118. Когда мне грудь пронзила вражья месть,[119] —

Я предался Тому в слезах страданий,

Кто всем прощает. Невозможно счесть

121. Моих грехов! Но размах мощных дланей[120]

---

[116] Примечания: 116

Манфред, из Гогенштауфенор, вступивший на престол неаполитанский и сицилийский после смерти отца своего, императора Фридриха II, был внук Констанции или Констанцы, супруги императора Генриха VI, отца Фридриха II. Мать Манфреда была Бьянка, графиня Ланчиа, любовница Фридриха ИИ, и, следовательно, он был незаконный сын императора. Красивый юноша, любивший роскошь и разгульную жизнь, и, как отец его, покровитель наук и искусств, Манфред постоянно находился в борьбе с церковью и с Карлом Анжуйским, вспомоществуемым папой Климентом IV, и, наконец, покинутый своими апулийскими вассалами, погиб в сражении при Беневенте (Ада XXVIII, примеч. к ст. 15–16), будучи незадолго до этого отлучен от церкви тем же папой Климентом.

[117] Примечания: 117

Дочь Манфреда от первой его супруги Беатриче, называвшаяся также Констанцей, была замужем за Петром, королем Арагонским. Вследствие этого брака Петр имел притязание на Сицилию, которою он и завладел после знаменитой Сицилийской вечерни (1282 г.). Констанца имела трех сыновей: Альфонса, Джьякомо и Федериго. По смерти Петра ему наследовали Альфонс в Арагонии и Джьякомо в Сицилии (1285 г.). По смерти Альфонса Джьякомо получил Арагонию, и несколько позднее Федериго — Сицилию.

[118] Примечания: 118

«Сицилии и Арагоны честь». Обыкновенно принимают, что под этой похвалой Данте разумеет Федериго, короля Сицилии, и Джьякомо, короля Арагонии, но такому предположению противоречат те неодобрительные слова, какие употребляет поэт, говоря об этих монархах в двух местах своей поэмы, именно: Чистилища VII, 119–120 и Рая XIX, 136–138. Наоборот, в той же Чистилища 115–117, он с похвалою отзывается о первом сыне Петра, Альфонсе. Потому древние комментаторы думают, что под словами «Сицилии и Арагоны честь» разумеется здесь старший сын Петра, Альфонс Добродетельный. Того же мнения держится и Филалет, также Карло Троиа (Veltro allegorico di Dante), — тем более, что Альфонс вместе с отцом своим Манфредом воевал с Карлом Анжуйским. Но, с другой стороны, так как Альфонс никогда не носил короны Сицилии и к тому же умер очень рано, в 1291 г., то почти несомненно, что Данте, высказав сперва столь лестное мнение о Федериго и Джьякомо, затем, по неизвестной причине, изменил его. Известно, по крайней мере, что вначале он находился в самых дружеских отношениях к Федериго и даже был намерен посвятить ему свой Рай (о чем высказал монаху Иларию), так как этот принц всегда сильно благоприятствовал гибеллинской партии. По мнению

Ноттера, такая перемена во мнении Данте произошла вследствие отказа Федериго принять на себя сеньорию гибеллинской Пизы после паденья Угуччьоне.

[119] Примечания: 119

Манфред просит поэта возвестить своей дочери, что он, несмотря на отлучение от церкви, находится не в числе осужденных в аду, и тем рассеять ложь иного об нем мнения. Манфред был отлучен от церкви за свое сопротивление папе, назначившему корону неаполитанскую и сицилийскую французскому графу Карлу Анжуйскому. Несмотря на папский интердикт, Манфред стал королем в 1260 г., но через шесть лет (1266) в сражении при Беневенто или Гранделла на р. Калоре потерял корону и жизнь, после чего королем стал Карл Анжуйский.

[120] Примечания: 120

«Невозможно счесть моих грехов!» (в подлиннике: Orribil furon li peccati miei). Флорентинский историк Малеспини, которым часто пользовался Данте, обвиняет Манфреда в убийстве своего племянника Генриха, в отцеубийстве, в убийстве брата Конрада IV и в попытках к убийству Конрадина. Кроме того гвельфский писатель Виллани обвиняет его и отца его Фридриха II (Ада X, 14 и 119), в эпикуреизме, в развратной жизни и даже в сарацинской ереси. Но все эти обвинения недоказанные и есть повод думать, что та часть хроники Малеспини, где говорится об этих преступлениях, подложна и внесена кем-нибудь из папской партии. Главный упрек против Манфреда есть тот, что он завладел сицилийской короной, обойдя законного ее наследника — племянника своего Конрадина.

У Благости безмерной так велик,

Что всех берет, кто слез несет Ей дани.

124. И если б понял смысл священных книг[121]

Козенцский пастырь, – тот, кого из злости

Климент на травлю вслед за мной подвиг,[122] —

127. То и поднесь мои почили б кости

У Беневенто, во главе моста,[123]

Под грудой камней на пустом погосте.

130. Теперь их моет дождь, во все места

---

[121] Примечания: 121

«Смысл священных книг» (в подлиннике: Se'l pastor di Cosenza…. avesse in Dio ben letta questa faccia — faccia, страница, лист книги), т. е. еслиб он понял смысл священных книг, где значится, что Господь всегда готов прощать обращающихся к нему грешников.

[122] Примечания: 122

«На травлю» (в подлиннике: alla caccia); так выражается поэт для обозначения ярости архиепископа, преследующего своего личного врага даже за могилою. Историк Саба Малеспини употребляет это же слово для выражения добычи, доставшейся Карлу Анжуйскому после поражения Манфреда, часть которой он передал папе: «Ut autem rex Carolus…. de primitiis laborum suorum participem faciat patrem patrum, et de sua venatione (caccia, охота, травля) pater ipse praegustet, duos cerоferarios aureos etc… Clementi transmittit».

[123] Примечания: 123

После проиграннаго сражения при Беневенто труп Манфреда, снявшаго перед сражением с себя все свои королевския отличия, долго не могли найти на поле битвы; наконец он был найден с двумя ранами: одной на голове, другой в груди (ст. 108 и 111). Напрасно просили бароны короля французскаго сделать убитому почетное погребение. «Si, je ferais volontiers, si luy ne fut scommunié», отвечал Карл. Таким образом он был погребен во главе моста (in co'del ponte) у Беневенто; солдаты неприятельскаго войска сами воздвигли ему памятник, так как каждый из них принес по камню на его могилу. Но папский легат, архиепископ Козенцы кардинал Бартоломео Пиньятелли, личный враг Манфреда, не дал несчастному королю и этой бедной могилы. По повелению папы Клемента IV он приказал вырыть труп, чтоб он не осквернял, как отлученный, землю, принадлежащую церкви, и перенести его на границу Абруццо, где он и был, повидимому, без всяких почестей брошен, не погребенный, в долине, орошаемой рекою Верде (на что указывают ст. 130–132). Впрочем факт этот не вполне доказан; по крайней мере историк Рикордино Малеспини, сообщая об нем, прибавляет «si disse»; Виллани же списывает у Малеспини и прямо ссылается на Данте. В пользу Данте говорит и предание местных жителей на берегу Верде.

Разносит ветр вдоль Верде, где истлеет[124]

Мой бедный прах без звона и креста.[125]

133. Но их проклятье силы не имеет

Пресечь нам путь к божественной любви,

Пока хоть луч надежды сердце греет.

136. Но, правда, всяк, кто кончил дни свои[126]

Под гневом церкви, если и смирится,

Пребыть обязан вне святой семьи,

139. Доколе тридцать раз не совершится[127]

---

[124] Примечания: 124

«Верде» — «по древним комментаторам, боковой приток, впадающий в Тронто, недалеко от Асколи, и образующий на некотором протяжении границу между Неаполитанским королевством и Анконской областью. Позднее она называлась Марино, а теперь — Кастеллано. Несколько выше того места, где сливаются Тронто и Верде, при Арквата, в пограничных горах к Норчиа находится озеро, около которого, по мнению тамошних жителей, находится вход в ад. Очень может быть, что Пиньятелли, в своей злобе к Манфреду, именно потому и велел бросить здесь труп его. Другие, без достаточных причин, хотят видеть Верде в нынешнем Гарильяно и, вопреки Данте, полагают, что труп Манфреда был брошен около Чеперано». Карл Витте.

[125] Примечания: 125

«Без звона и креста» (в подлиннике: a lume spento, с погашенными

свечами): отлученные от церкви погребались без всяких церемоний, sine cruce et luce, при чем гасили свечи.

[126] Примечания: 126

Гвельфский писатель, современник Данте, Вилланине разделяет этого мнения; говоря о смерти отлученного от церкви Конрадина, он замечает, что душа его, вероятно, будет в числе погибших: «отлучение от св. церкви, справедливое или несправедливое, всегда страшно, ибо кто читает древние хроники, тот найдет в этом отношении много удивительных повествований. Чезари, сам священник, но принадлежащий к более позднему времени, соглашается, что и отлученный от церкви может быть святым через полное раскаяние». Ноттер. — «Нельзя не заметить в величественном изображении Манфреда у Данте кротость и сострадание к монарху, оказывавшему такое покровительство и любовь к поэтам». Копиш.

[127] Примечания: 127

«Подражание Энеиде, VI, 327, где говорится, что души непогребенных должны скитаться 100 лет, прежде чем перейдут через Стикс. Тридцать раз столько, насколько был отлучен — срок этот не основан ни на каком церковном постановлении и принять поэтом произвольно». Ноттер. Итак все те, которые не получили церковного отпущения, осуждены оставаться у подошвы Чистилища, в antipurgatorium, где еще нет места для настоящего очищения. Смысл тот: кто восстал против церкви, тот не может тотчас достигнуть истинного познания и раскаяния.

Срок отлученья, если только он
Молитвами по нем не сократится.[128]

142. Так утоли ж, коль можешь, сердца стон:
Открой Констанце, возлюбившей Бога,
Где зрел меня, а также тот закон:

145. Живые там помочь нам могут много.

[128] Примечания: 128

Учение о предстательстве святых (intercessio) очень явственно высказывается повсеместно в Чистилище, равно и уверенность в том, что благочестивые молитвы живых много сокращают срок, по прошествии которого умершие становятся святыми (Чистилища VI, 37–39). В Италии и поныне молитвы о душах в чистилище очень свято соблюдаются.

Песнь четвертая

Преддверие чистилища. – Подъем на первый уступ. – Нерадивые. – Белаква.

1. Коль скоро скорбь, иль радость огневая
Охватят в нас одну из наших сил,
Тогда душа, с тем чувством вся слитая,

4. Как будто гасит всех движений пыл:
Вот тем в отпор, у коих мы читаем,
Что будто Бог нам душу в душу влил.

7. Вот потому-то, если мы внимаем
Иль видим то, что душу нам пленит, —
Бегут часы, а мы не замечаем:

10. Затем что в нас одна способность зрит,
Другая – душу в плен берет всецело;
Когда та бодрствует, в нас эта

спит.[129]

13. В сей истине я убедился зрело.[130]

Пока внимал Манфредовым словам,

На пятьдесят уж градусов успело

16. Подняться солнце: я же только там[131]

Приметил то, где хором душ тех ста-

до

Нам крикнуло: – Вот, вот, что нужно вам![132]

19. Щель большую заткнет в шпалере сада

Одним сучком терновым селянин,

Когда буреют гроздья винограда,[133] —

---

[129] Примечания: 129

В этих терцинах Данте опровергает мнение тех философов, которые утверждали, что в человеке не одна, но несколько душ. Именно, по мнению платоников, душа человеческая тройственна: вегетативная, сенситивная и интеллектуальная, или рациональная; при чем каждая из них занимает в теле свое особое место. Против этого возражал уже Аристотель. Фома Аквинский опровергал это мнение почти теми же словами, как и Данте: «Очевидно, что множественность души дело невозможное, уже потому, что если одна деятельность души сильно напряжена, то другая задерживается». Согласно с этим Данте принимает лишь одну душу, именно мыслящую или разумную; но вместе с тем приписывает ей многие силы и способности, частью внутренние, как ощущение боли (скорби) и удовольствия, частью внешние — при посредстве телесных чувств; нередко при этом душа вся отдается одной

какой-нибудь способности или отдельной силе, так что кажется как бы связанною тою силой, тогда как отдельная сила, например сила слуха, действует непрерывно и свободно. «В этом», говорит Данте, «я сам убедился: пока душа моя занята была лишь тем, что я смотрел и слушал Манфреда, незаметно для меня протекло время». Каннегиссер. Филалет. Мнение о нескольких душах было осуждено, как еретическое, уже на восьмом вселенском соборе, и Фома Аквинский приводит против него одно место из блаж. Августина (T. I, Quaest. 76, Art. III).

[130] Примечания: 130

«Т. е. сила, восприемлющая внешние впечатления — есть нечто иное, и нечто иное — полная сила души; первая связана с последней, и потому если эта последняя чем-нибудь внутренне сильно занята, то первая не воспринимает извне никаких впечатлений, хотя внешний мир постоянно лежит перед нею». Ноттер.

[131] Примечания: 131

Сфера неба делится на 360°, которые солнце кажущимся образом пробегает в 24 часа, следовательно 15° в час. Значит, теперь будет, если мы примем первый день замогильного странствования Данте:

27-е марта — 9 ч. 28 мин., или

7-е апреля — 10 ч. без 1 мин., или

10-е апреля — 10 ч. 8 мин.

Следовательно поэты шли вместе с Манфредом почти 2 часа.

[132] Примечания: 132

Т. е. здесь подъем на гору, о котором вы спрашивали нас (Чистилища III, 76 и след.).

[133] Примечания: 133

Чтобы показать нам, как узка была щель в скале, по которой следовало им взбираться на горы, поэт сравнил ее со щелью в стене или ограде виноградника, которую повсеместно в Италии и в Германии заделывают ветками терновника, особенно осенью, когда начинает поспевать (когда буреют, quando l'uva imbruna) виноград, для защиты от расхищения. — Не без отношения к вертограду Христову здесь употреблено сравнение с виноградником, а узкостью пути, ведущего в него, намекается на слова Спасителя: «Тесны врата и узок путь, ведущие в жизнь, и немногие находят их». Матф. VII, 14.

22. Чем та тропа, по коей лез один
Я за певцом, сердечной полон боли,
Когда исчез отряд теней с долин.

25. Восходят в Лео, и нисходят в Ноли,
На Бисмантову лезут на одних[134]
Ногах; но тут потребны крылья воли, —

28. Тут я летел на крыльях огневых
Желаний жарких вслед за тем вожатым,
Что мне светил надеждой в скорбях злых.

31. Мы лезли вверх ущельем, тесно сжатым
Со всех сторон утесами, где круть
Просила в помощь рук и ног по ска-

---

[134] Примечания: 134

«Лео» (или, собственно, Санлео, иначе Читта-Фельтриа) — город, расположенный на отвесной скале, недалеко от Сан-Марино, в местности Монтефельтро, откуда родом знаменитый гибеллинский род графов Монтефельтро. — «Ноли», — город на обрывистом берегу Riviera di Ponente, в Генуэзской области, между Финале и Савона. — «Бисмантова» — местечко, или деревенька (villaggia) на обрывистой горе, недалеко от Реджио, в Ломбардии.

там.[135]

34. И вот, едва успел я досягнуть
До высшего скалы громадной края, —
Куда, мой вождь, – спросил я, – держим путь?

37. А он: – Вперед, вперед, не отступая![136]

Все вслед за мной стремись на верх хребта,
Пока найдем проводника из рая.

40. Гора была до неба поднята,
А склон ее был круче, чем с средины[137]
Квадранта в центр идущая черта.

---

[135] Примечания: 135

«Поэты лезут теперь по самой нижней части горы чистилища, которая вместе с тем есть самая крутая. В начале эта часть горы все подымается вверх, как голая утесистая стена, на которую можно подняться лишь сквозь упомянутую узкую щель; потом достигают к весьма крутому, в 45°, склону (ст. 41–42), на который можно взобраться в любом направлении». Филалет.

[136] Примечания: 136

«На пути к добродетели малейший попятный шаг может иметь плачевнейшие последствия». Ноттер.

[137] Примечания: 137

Угол полуквадрата равняется 45°. Крутизна горы не совпадала с средней линией, проведенной между горизонтальной и перпендикулярной линиями, но ближе подходила к этой последней; следовательно гора была круче, чем в 45°. «Так как астрономический инструмент квадрант

уже во время Данте и прежде употреблялся для измерения высоты солнца, то Данте весьма знаменательно употребил это сравнение здесь, где идет речь о восхождении к духовному солнцу — Богу». Копиш.

43. Я чуть дышал, когда сказал с вершины:

– О добрый отче! видишь? оглянись!

Я отстаю! Постой хоть миг единый.

46. А он: – О, сын! сюда хоть доберись.

И указал мне на уступ над нами,[138]

По этот бок горы торчавший вниз.

49. Так подстрекнут я был его словами,

Что лез ползком за ним до тех я пор,

Пока не встал на тот уступ ногами.

52. Тут сели мы, глядя с вершины гор

В ту сторону, откуда в путь пошли мы,

---

[138] Примечания: 138

Для того, чтобы читатель, следуя за странствием поэта, мог наперед составить ясную идею о самой местности, надобно помнить, что путь, по которому идет Данте, все ведет узкою щелью к выступу, образующему вокруг горы ровную, узкую дорогу. Проходя по этой дороге, мы снаружи будем иметь пустое пространство воздуха, окружающего гору чистилища, с другой, внутренней стороны — утесистую стену, через которую крутая тропинка ведет в следующий выступ, или круг, опоясывающий гору. Следовательно гора Чистилища имеет форму адской воронки, но только опрокинутой. Как в аду воронка идет в глубь и при том становится все уже и уже, так воронка Чистилища, постепенно сужаясь, подымается к небу. Штрекфусс. Ноттер.

И радуя путем пройденным взор.[139]

55. Сперва я вниз взглянул на брег, чуть зримый,

Потом взглянул на солнце, изумясь,

Что слева мы лучом его палимы.[140]

58. Поэт вмиг понял, что я, весь смутясь,

Дивлюсь тому, что колесница света

Меж севером и нами в путь неслась,

61. И рек: – Сопутствуй ныне, как средь лета,

Кастор и Поллукс зеркалу тому,[141]

Что вверх и вниз струят потоки света,[142] —

---

[139] Примечания: 139

«После счастливо совершенной дороги, если она была трудна и утомительна, мы с удовольствием смотрим назад. Но это удовольствие бывает еще сильнее, если дорога, как в данном случае, понимается в нравственном отношении». Ноттер.

[140] Примечания: 140

В Европе, глядя на восток, мы имеем солнце с правой стороны. На противоположном, или южном полушарии, солнце должно было казаться Данте с левой стороны, или между ним и севером (ст. 59–60). Солнце он называет «колесницей света» (carro della luce).

[141] Примечания: 141

«Зеркалу» (specchio), т. с. солнцу. «Данте называет солнце зеркалом, точно так, как в Раю IX, 61, ангелы названы зеркалами. Они названы так

потому, что, согласно с одним местом в его Convivio, Бог изливает свою силу творения частью прямыми, частью отраженными лучами; так называемые интеллигенции воспринимают его свет непосредственно, все же прочие существа лишь посредством этих первично-озаряемых интеллигенций (См. Рая VII, в конце). Солнце не принадлежит к числу интеллигенций, и потому оно лишь отражает, как зеркало, воспринятый от интеллигенций свет»... Каннегиссер.

[142] Примечания: 142

Оно льет свет и вверх и вниз (su e giù del suo lume conduce), «потому что, по системе Птоломеевой, три планеты (Сатурн, Юпитер и Марс) находятся выше, три другие (Венера, Меркурий и Луна) — ниже солнца, и все они получают свет свой от солнца». Филалет.

64. То Зодиак вращался-б вслед ему
Совсем вблизи к Медведицам блестящим —
По древнему теченью своему.[143]

67. Чтоб то понять с сознаньем надлежащим, —
Весь сам в себе, вообрази Сион
С горою этой на земле стоящим,[144]

70. Чтоб горизонт имели с двух сторон
Один, но два различных небосклона:
И ты поймешь, что путь, где Фаэтон[145]

73. Так дурно шел, придется от Сиона

---

[143] Примечания: 143

Т. е. солнце представилось бы тебе отодвинутым еще далее к северу, чем ты видишь его теперь. Именно Близнецы (состоящие из звезд Кастора и Поллукса) находятся на два созвездия ближе к северу, чем Овен, в котором теперь стоит солнце. Если бы оно стояло в знаке Близнецов, т. е. если бы на северном полушарии оно приближалось к летнему солнцестоянию, то — хочет сказать Виргилий — отсюда, с горы Чистилища, зодиак, насколько он освещается солнцем, или, более ясными словами, тот путь, который проходит солнце в этом направлении, отодвинулся бы еще далее к Медведицам, т. е. к северу. Само собою понятно, что здесь представился бы глазам не самый зодиак, т. е. невидные днем созвездия его, каковы: Близнецы, Овен и проч., но только то место где они расположены на небе. Это последнее обстоятельство делает выражение, Данте не совсем понятным с первого взгляда. Ноттер. Филалет.

[144] Примечания: 144

В этой терцине обозначается, что Сион, т, е. Иерусалим, и гора Чистилища — антиподы между собой. Сличи Чистилища 11, 1 и прим.

[145] Примечания: 145

Т. е. эклиптика, по которой так неудачно некогда правил колесницею солнца сын Аполлона Фаэтон (Ада XVII, 107).

В ту сторону, и в эту здесь от нас,
Коль разум твой проникнул в смысл закона.

76. И я: – Учитель, верь, еще не раз
Рассудок мой, вначале столь смущенный,
Не понимал так ясно, как сейчас,

79. Что средний круг, в науке нареченный
Экватором, – тот круг, что ввек лежит
Меж льдом и солнцем, – здесь, по приведенной

82. Тобой причине, столько ж отстоит
К полуночи, насколько там Еврею
Он,
кажется, в палящем юге скрыт,[146]

---

[146] Примечания: 146

«Т. е. это по той причине, которую ты мне приводишь, а именно, что Сион и гора Чистилища совершенные антиподы, средний или промежуточный круг, называемый в астрономии экватором и всегда находящийся между льдом и солнцем, т. е. между летом и зимою (ибо лежит между тропиками), здесь, т. е. от горы чистилища, настолько же отстоит к полуночи, т. е. к северу, насколько там, т. е. на противоположном полушарии, для евреев, обитающих в Иерусалиме, он кажется обращенным к югу». Фратичелли.

85. Но знать желал бы, коль спросить я смею,

Далек ли путь? Так к небу восстает

Гора, что взор не уследит за нею.

88. А он на то: – Горы такой уж род,

Что лишь вначале труден к восхожденью.

А там, чем выше, тем все легче всход.[147]

91. Итак, когда узнаешь по сравненью,

Что легче все тебе свой делать шаг,

Как в судне плыть рекой вниз по теченью, —

94. Тогда конец пути в жилище благ;

---

[147] Примечания: 147

«Человеческий разум (Виргилий) знает только то, что путь к добродетели становится все легче от упражнения и человек делается вполне добродетелен лишь тогда, когда добродетель становится ему в наслаждение». (Чистилища XXVII, 131). Ноттер. — «Здесь мы видим разницу между адскою воронкой и горой Чистилища: первая тем круче, чем глубже мы по ней спускаемся; эта же тем отложе и удобнее для восхождения, чем выше мы восходим по ней. Но и сверхестественная (божественная) сила помогает нам восходить по ней. В этом заключается глубокий смысл: как во зло мы погружаемся все с более ускоренной силой, так точно и доброе, вначале для нас трудное, от непрерывного упражнения становится все легче и легче, при чем все более и более содействует нам божественная благость; ибо «имеющему дастся и придастся». Филалет.

Там облегчишь и грудь свою усталу.
Молчи ж теперь и верь, что это так.

97. Лишь вымолвил мой вождь, как из-за валу,
Вблизи от нас, послышались слова:
– Ну, до того и посидишь, пожалуй.

100. Мы обернулись оба и у рва
Увидели, налево, риф громадный.[148]
Был не примечен нами он сперва.

103. Мы подошли, и вот в тени прохладной
Толпа духов стоит при той скале,
Как лишь стоит люд праздный, тунеядный.

106. Один из них, с истомой на челе,
Сидел, руками обхватив колени
И свесив голову меж них к земле.

---

[148] Примечания: 148

«Этот утес (риф) находится слева от поэтов, к югу, так как они идут с востока на запад; иначе находящиеся за ним души не имели бы защиты от струившихся с севера солнечных лучей». Филалет. — «Самый утес имеет значение препятствия, поставляемого косностью в пути к усовершенствованию, а тень от утеса обозначает духовный мрак». Копиш.

109. – О, добрый вождь! Взгляни в лицо
той тени!
Смотри, – сказал я, – как небрежно там
Сидит она, как бы сестрица лени.

112. Заметив нас, дух кинул взгляды к нам
И, по бедру лицо передвигая,
Сказал: – Вишь сильный! Полезай-ка сам.

115. Тут я узнал лицо того лентяя
И, хоть усталость мне давила грудь,
Я подошел к нему. И вот, когда я

118. Приблизился, он, приподняв чуть-чуть
Лицо, сказал: – Что? понял ли доволь-
но,[149]
Как солнце здесь налево держит путь?

121. Во мне улыбку вызвал он неволь-

---

[149] Примечания: 149
«Говорящая тень подслушала астрономический разговор между Виргилием и Данте; она насмешливо обращается к Данте, потому что исследования и стремления людей деятельных кажутся тунеядцам смешными и презренными». Велутелло.

но[150]

Движений ленью, краткостью речей,
И начал я: – Белаква, мне не больно[151]

124. Теперь подумать о судьбе твоей!
Что ж, здесь сидишь? Вождя ли ждешь у грота?
Иль жалко лень отбросить прежних дней?

127. А он: – О, брат! Кому тут лезть охота?
Ведь к мукам вверх тогда допустит нас
Господень страж, что там блюдет ворота,[152]

---

[150] Примечания: 150

Суровый Данте во всей поэме своей воздерживается от всякого юмора; но здесь, при изображении этого ленивого итальянца, он невольно улыбается в первый раз во всей своей поэме; во второй раз он улыбается в сцене встречи Виргилия со Стацием (Чистилища XXI, 109).

[151] Примечания: 151

«Белаква, родом из Флоренции, инструментальный мастер, приготовлявший особенно цитры, которые он отлично украшал резной работой, и отлично играл на них. Данте, сам великий любитель музыки, вероятно, хорошо знал его. Он отличался необыкновенною ленью». Бенвенуто да Имола.

[152] Примечания: 152

Чистилища IX, 78.

130. Как надо мной здесь небо столько раз,

Как много лет я прожил, круг опишет.[153]

Я ж о грехах вздохнул лишь в смертный час.

133. Так пусть же те, в ком скорбь по мертвым дышит.

Спешат мольбой в том мире нам помочь;

А наша что? Ее Господь не слышит.

136. Но тут поэт стал удаляться прочь,

Сказав: – Идем. Смотри, как уж высоко

На полдне солнце, и стопою ночь

139. У тех брегов покрыла уж Марок-

---

[153] Примечания: 153

Здесь видим второй род нерадивых. Первый род, скитающиеся у основания горы Чистилища, не радел об отпущении грехов своих вследствие сопротивления церкви; эти же души, пребывающие на первом уступе чистилища или в antipurgatorium, не сделали этого лишь по своему нерадению или лени. Первые должны дожидаться до впущения в чистилище 30 раз столько, сколько лет они прожили на свете, а нерадивые лишь столько лет, сколько прожили; следовательно препятствие к допущению в чистилище для этих последних гораздо меньше, чем для первых.

ко.[154]

[154] Примечания: 154

«По мнению Данте, Испания лежит под тем же меридианом, что и и Марокко, т. е. 90° к западу от Иерусалима (Чистилища II, 1–3 и прим.); следовательно, гора Чистилища также лежит на 90° к западу от Марокко. Но так как теперь на Чистилище полдень, то в Марокко должна только что наступить ночь, или, как живописно выражается поэт, ночь стопой своей покрывает Марокко, лежащий на внешней окраине западной гемисферы». Филалет.

Песнь пятая

Преддверие чистилища. – Нерадивые и погибшие насильственной смертью. – Якопо дель Кассеро. – Буонконте да Монтефельтро. – Пия де'Толомен.

1. Я повернул уж спину тем страдальцам
И по стопам вождя пошел, как вот —
За мною тень, указывая пальцем,

4. Вскричала: – Вон, смотрите! слева тот,
Что ниже, тенью свет дневной раздвинул.
И, как живой, мне кажется, идет.[155]

7. На этот крик назад я взоры кинул
И вижу, – все вперили взгляд, дивясь,
В меня и в тень, где свет за мною сгинул.

---

[155] Примечания: 155

Отойдя от душ, поэты имели солнце справа, Данте идет вслед за Виргилием и тень от него ложится налево.

10. – Чем мысль твоя так сильно развлеклась,

Сказал учитель, – что мешает ходу?

Что в том тебе, что шепчутся о нас?

13. Иди за мной, и дай роптать народу;

Будь тверд, как башня, на которой шпиц

Не дрогнет ввек от ветров в непогоду.

16. В ком помыслы роятся без границ,

Тот человек далек от их свершенья:

В нем мысль одна гнетет другую ниц.

19. Что мог сказать я больше от смущенья,

Как лишь: – Иду. – И, покраснев, я стих,[156]

За что порой мы стоим и прощенья.

22. Тут поперек наклона скал святых

Вблизи пред нами тени проходили

---

[156] Примечания: 156

Данте стыдится, что обратил внимание на нерадивых и тем самым замедлил свое восхождение на пути к совершенствованию.

И пели Miserere – стих за стих.[157]

25. Приметив же, что вовсе не светили
Лучи сквозь плоть мою, – свой хор певцы
В «О!» хриплое протяжно превратили.

28. И двое из толпы их, как гонцы,
Навстречу к нам помчались, восклицая:
– Откуда вы, скажите, пришлецы?

31. И вождь: – Вернись назад, чета святая!
Тебя пославшим можешь ты донесть,
Что плоть на нем действительно живая.

34. Коль нужно им об этом слышать весть,
То вот ответ им; если ж стали в кучи
Там в честь ему, – он им воздаст за честь.

---

[157] Примечания: 157
«Души поют 50-й псалом: Miserere mei, Domine (Помилуй мя, Боже, по великой милости Твоей), в два хора, стих за стих, как поется этот псалом в католических церквах». Бути.

37. Пред полночью едва ли пар горючий

Броздит так быстро звездные среды,[158]

Иль в августе с заходом солнца тучи,[159] —

40. Как быстро те влетели душ в ряды

И, повернув, примчались к нам с другими,

Несясь, как строй, бегущий без узды.

43. И вождь: – Теснят толпами нас густыми

Они затем, чтоб к ним ты не был враг;

Но дальше в путь, и слушай, идя с ними.

46. – Душа, – ты, ищущая вечных благ,

Несущая те члены, где витаешь,

Бежа кричали, – задержи свой шаг.

---

[158] Примечания: 158

Он может принесть о них известие живым и тем понудить их молиться о сокращении срока пребывания душ в чистилище.

[159] Примечания: 159

Здесь разумеются падающие звезды и столь частые в августе месяце зарницы. Следуя Аристотелю, учитель Данте, Брунето Латини, так объясняет их происхождение: «от столкновения ветров вызывается огонь в верхних областях атмосферы, вследствие чего загораются горючие пары, подымающиеся в эти области» (Tesoro, Lib. II, Gap. 33).

49. Взгляни! быть может, здесь иных узнаешь
И весть о них снесешь в свои страны;
О, что ж спешишь? о, что ж ты не внимаешь?

52. Мы все насильством жизни лишены,
Вплоть до тех пор ходя путем греховным;
Когда же свет блеснул нам с вышины,

55. Мы все, покаясь и простя виновным,
Ушли из жизни, примирившись с Тем,
Кого узреть горим огнем духовным.[160] —

58. И я: – Из вас я незнаком ни с кем!
Но чем могу служить я вашей тризне,
Скажите, души дорогие? Всем

---

[160] Примечания: 160

Эти души, бродящие у подножия горы Чистилища, — третий вид нерадивых — застигнуты врасплох насильственною смертью и не получили отпущения; но тем не менее они прощены Всевышним в силу чистосердечного их раскаяния и за то, что они простили врагам своим. Пение этого рода нерадивыми Miserere совершенно здесь уместно, соответствуя выраженному ими (ст. 57) стремлению войти в пределы настоящего очищения. Второй стих псалма как нельзя более отвечает настроению их: «омый мя от беззакония моего, и от греха моего очисти мя».

61. Готов помочь, клянусь тем миром жизни,

Его ж искать вслед за таким вождем

Из мира в мир иду, стремясь к отчизне.

64. И мне один: – Мы все с надеждой ждем.[161]

Что и без клятв ты сдержишь обещанье,

Была-б лишь воля на сердце твоем.

67. И я, за всех молящий в сем собранье,

Прошу тебя: как будешь ты в стране

Меж Карлова владенья и Романьи,[162] —

70. Замолви в Фано слово обо мне:

---

[161] Примечания: 161

Говорящая здесь тень есть Якопо дель-Кассеро, гражданин города Фано. Он возбудил против себя ненависть Аццо VIII, графа Эсте, тем, что, когда этот последний вел войну с Болоньей и Нармой и уже близок был к заключению мира с ними, Кассеро, бывший тогда подестой Болоньи, много противодействовал ему. За это, по повеленью Аццо, он был убит при местечке Ориако, между Венецией и Падуей, в то время, когда ехал в Милан.

[162] Примечания: 162

Здесь обозначается область Анконы, лежащая между Апулией и Романьей, находившаяся в то время под властью Карла II Анжуйского. Родина Кассеро, город Фано, принадлежит к Анконской области.

Пусть вознесут там за меня молитвы,
И от грехов очищусь я вполне.

73. Оттоль я родом; эти ж знаки битвы.
Из коих с кровью вышла жизнь моя,[163]
Мне антенорцы дали в час ловитвы.[164]

76. А им-то был так сильно предан я!
Им так велел злой Эсте, в коем пышет
Сверх всяких мер гнев злобы на меня.

79. Уйди ж я в Мирру, прежде чем я, вышел
Из Ориако, схвачен ими был, —
Я б и поныне жил, где тварь вся ды-

---

[163] Примечания: 163

Намек на 3 книгу Моисея: «Потому что душа тела в крови». Левит XIII, 11.

[164] Примечания: 164

Убийство Кассеро совершено падуанцами, которых Данте, как изменников, называет «антенорцами», по имени троянца Антенора, основавшего, по преданию, город Падую. «Слава основателя Падуи, как в средние века, так и поныне, живет еще в устах народа». Ампер, — Изменники отечеству помещены в аду во втором отделении девятого круга, названном Данте Антенорою (Ада XXXII, 89).

шит.[165]

82. В осоке там, увязнув в топкий ил?
Среди болот я пал, и там из жилы
Всю кровь свою, как озеро, разлил.

85. Тогда другой: – Да даст Всевышний силы
Тебе достичь до горних тех вершин!
О, помоги, утешь мой дух унылый!

88. Я Буонконт, я Монтефельтро сын,[166]
Джиованна с прочими меня забыла:[167]
Затем-то здесь всех жальче я один.

91. И я ему: – Какой же рок, иль сила

---

[165] Примечания: 165

Т. е. скройся я в Мирру (местечко Пизанской области, на одном из каналов, выходящих из реки Брента), а не спрячься в осоку болота у Ориако, я бы и до сих пор был между живыми (где тварь вся дышит — Ià dove si spira).

[166] Примечания: 166

Буонконте, сын Гвидо да-Монтефельтро, того самого, что помещен в аду между злыми советниками (Ада XXVII, 67–71 прим.). Буонконте пал в сражении при Кампольдино, недалеко от Поппи, крепости в Казентино, 11-го июня 1280 года. Это сражение происходило с одной стороны между изгнанными из Флоренции гибеллинами, в союзе с аретинцами, и флорентинскими гвельфами — с другой. Аретинцами командовал епископ их Гюильельмо Убертини и Буонконте. В сражении участвовал, еще молодой тогда Данте, служа в кавалерии, так как в молодости своей он принадлежал к партии гвельфов. Труп Буонконте

не был найден, — обстоятельство, послужившее поэту поводом к этому дивно поэтическому рассказу, составляющему совершенную противоположность со страшною сценой спора св. Франциска с дьяволом за душу графа Монтефельтро, отца Буонконте (Ад XX VII, 112).

[167] Примечания: 167

Т. е. жена моя Джиованна и прочие родственники перестали молиться обо мне.

Так унесла твой с Камиальднно прах,
Что мир не знает, где твоя могила?

94. – Под Казентином, он сказал в слезах.[168]
Из Апеннин бежит Аркьян по воле,
Взяв свой исток над пустынью в горах.

97. Туда, где он уж не зовется боле,[169]
Добрел я, ранен в горло тяжело,
И кровью ран обагрянил все поле.

100. Тут взор померк и слово замерло
На имени Марии; тут и тело
Бездушное одно во прах легло.

103. Что я скажу, – живым поведай смело!

---

[168] Примечания: 168
Недалеко от высочайшего гребня Аппенин (Giogo delle Scale), с вершины которого видны оба моря, омывающие Италию, находится древний монастырь монахов ордена Камальдоли — Sagro Ermo (Пустынь). Несколько выше монастыря берет начало река Archiano (ныне Archiana), или, вернее сказать, один из боковых притоков его — Fosso di Camaldoli. Верхняя долина реки Арно, идущая от северо-запада к юго-востоку между главным хребтом Аппенин и лесистым его отрогом Протаманьо (ныне Тратовеккио), называется Казентино. Протоманьо отделяет долину реки Арно от Казентино. — Сличи Ада XXX, 65 прим.». К. Витте.

[169] Примечания: 169
Т. е. где Аркиано впадает в Арно, близ Баббиена.

Господень Ангел взял меня; но Враг:

– О, ты с небес! – вскричал, – правдиво ль дело?[170]

106. Лишь за одну слезинку в ночь и мрак

Его часть вечную ты взял у ада:

Но уж с другой я поступлю не так!

109. Ты знаешь сам, как воздух в тучи града

И в дождь сгущает влажный пар, когда

Он вступит в край, где стынет вдруг от хлада.

112. Злость дум своих, лишь алчущих вреда,[171]

Слив с разумом и с силой злой природы,

---

[170] Примечания: 170

«Душа отца Буонконте послужила предметом спора между св. Франциском и дьяволом, при чем первый должен был уступит из-за единого греховного слова, которое истребило плоды покаяния графа (Ада XXVII, 111, 116). Одинаковый спор возникает между Ангелом Господним и Врагом за душу сына; но здесь единый вздох, обращенный к Матери милосердия (ст. 101), решает спор в пользу Ангела, а другой должен удовольствоваться одним лишь трупом раскаявшегося». Филалет.

[171] Примечания: 171

По общему мнению средних веков, бури воздвигаются демонами: им дана власть над стихиями.

Враг поднял ветр и двинул туч стада.

115. И день угас, и сумрак непогоды
Всю Протоманью до хребта горы[172]
Закутал так, сгустив небесны своды,

118. Что воздух в воду превратил пары:
И хлынул дождь, и то, что не проникло
Во глубь земли, наполнило все рвы,

121. И столько рек великих вдруг возникло,
И ток могучий к царственной реке[173]
Так ринулся, что все пред ним поникло:

124. Остывший труп мой тут нашел в реке
Злой Аркиан и, бурный, в Арно ринул,
Расторгнув крест, в который я, в тоске

127. Раскаянья, на персях длани сдвинул;
Мой труп, крутя по дну и ночь и день,

---

[172] Примечания: 172
«До хребта горы», т. е. до Аппенинских гор.

[173] Примечания: 173
Царственной рекой (fiume real) Данте называет реку Арно, в которую впадает Аркиано.

Покрыл весь тиною и в море кинул.

130. – Когда назад придешь в родную сень

И отдохнешь, от странствия почия.

Так за второй сказала третья тень,

133. О, не забудь ты и меня: я Пия![174]

Мне Сьена жизнь, Маремма смерть дала.

Как знает тот, из чьей руки впервые.

136. С ним обручась, я перстень приняла.

---

[174] Примечания: 174

Пия, родом из Сены, из знатной фамилии Гвастеллони, была замужем за Толомеи; но, овдовев, вышла за некоего Нелло или Паганелло де Паннокьески. Подозревая ее в неверности, или, по другому сказанию, желая избавиться от нее, чтобы жениться на другой, Нелло заключил ее в один из своих замков в Маремме. По словам некоторых, она была выброшена из окна замка и убилась; по другим — погибла медленною смертью от ядовитого воздуха болотистой Мареммы.

Песнь шестая

Преддверье чистилища. – Другие души погибших насильственною смертью. – Сила молитвы об усопших. – Сорделло. – Воззвание к Италии.

1. Как скоро кончат состязанье в кости, —
Кто проиграл, тот с места не встает
И учится, стуча костьми от злости.

4. Меж тем с другим валит гурьбой народ:
Кто спереди, кто сзади подступает.
Кто со стороны к счастливцу пристает;

7. А он идет и каждому внимает:
Кому подаст, тот отступает прочь, —
Так он себя от давки избавляет.[175]

---

[175] Примечания: 175
Сравнение заимствовано из итальянской жизни: обыкновенно выигравшего окружает толпа, в надежде, что он поделится с ними выигрышем, или пропьет его вместе с ними.

10. В густой толпе таков был я точь-в-точь,

Внимая всем при плаче их и стоне

И обещаясь в мире им помочь.

13. Тут аретинец был, погибший в лоне

Судилища от ярых Гина рук,[176] —

И тот, кто в Арно утонул в погоне.[177]

16. Простерши руки, тут стонал от мук

И Федериг, и тот, чьей смертью злою

Столь доблестным явил себя Марцук.[178]

19. Тут был граф Орс и тот, чья плоть с душою[179]

---

[176] Примечания: 176

По единогласному отзыву комментаторов, это Бенинказа из Ареццо, отличный юрист. Будучи наместником подесты Сьенскаго, он приговорил к смертной казни за разбой сына и племянника знаменитого в XIII веке бандита Гино ди Такко, владельца замка Радикофани, недалеко от Рима. Спустя несколько времени, при папе Бонифации VIII, Бенинказа был призван в Рим в качестве аудитора (uditore) в высший апелляционный суд в Риме, в Капитолии. Гино, чтобы отмстить за смерть родственников, ворвался среди бела дня в Рим, проник со своей шайкой в залу суда, отрубил голову Бенинказа, когда он отправлял свою судебную обязанность, и затем, никем не преследуемый, скрылся в свой замок. Боккачио Decategon, 10, 2.

[177] Примечания: 177

Тарлати (Чьякко или Чьоне), аретинец. В сражении при Кампальдино,

спасаясь от преследований, он утонул в Арно; по другим, он сам гнался за неприятелем и был сброшен в Арно испуганною лошадью.

[178] Примечания: 178

Федериго Новелло, сын Гвидо Новелло, наместника короля Манфреда во Флоренции и дочери графа Уголино делла Герардеска (Ада XXXIII, 4 прим.; см. Истор. очерк событ. в Пизе во врем. Уголино, в приложении к I книге Божественной комедии (Ада стран. 317), убит в 1292 году аретинским гвельфом Фумароло де Бостоли. Другая тень — Фаринаты дельи Скорниджьяни — был убит каким-то Беччо из Капроны. Отец Фаринаты, Марцукко дельи Скорниджьяни, пизанец, постригшийся из рыцарей в монахи-минориты, отличался таким смирением в своем духовном сане, что не только не мстил убийце сына, но примирился с ним и в знак примирения подал ему руку, тем выказав «доблесть» своей души (che fe' parer le buon Marzu eco forte), согласно долгу евангельской любви.

[179] Примечания: 179

«Граф Орс» (Cont' Orso), по одним, из фамилии Альберти да-Вальди Бизенцио, убит своими родственниками; по другим — сын графа Наполеона де-Чербайиа, убит своим дядей Альберти да Мангена (Ада XXXII, 57).

Разлучена чрез зависть и вражду

(Как уверял), а не его виною, —

22. Пьер де-ла-Бросс! Имей же то в виду,[180]

Брабантинка, пока ты здесь с живыми,

Чтоб в стадо к худшим не попасть в аду! —

25. Лишь я расстался с сонмами густыми,

Просившими, чтоб я других просил

Мольбой помочь стать им скорей святыми, —

28. – О свет! – я начал, – помнится, решил

Ты явственно в своей поэме где-то,

Что глас молитв пред Божеством без

---

[180] Примечания: 180

«Пьер де ла Бросс» (della Broccia) — любимый секретарь французского короля Филиппа Смелого, пользовавшийся большим его доверием, чем возбудил против себя сильную ненависть придворных и даже второй жены короля Марии Брабантской (Брабантинки, ст. 23), дочери Генриха VI, герцога Брабантского; был обвинен их происками в отравлении наследника престола и государственной измене, за что и был казнен, по приказанию короля, в 1276 году. Королева Мария умерла в 1321 году, а потому, вероятно, читала слова, направленные против нее в следующих стихах.

сил;[181]

31. А сонм теней нас молит лишь за это?

Так неужли ж надежда их тщетна,

Иль, может быть, не вник я в речь поэта?

34. А он на то: – И речь моя ясна, и

И не тщетна надежда их, коль вникнет

Твой здравый разум в наши письмена.

37. Ведь суд чрез то вершиной не поникнет,

Коль жар любви ускорит мукам срок,

Сужденный всем, кто в этот мир про-

---

[181] Примечания: 181

Намек на то место Энеиды (VI, 372–375), где Палинуру, умоляющему перевезти его через Ахерон, Сивилла отвечает:

Unde haec, Palmare, tibi tam dira cupido?
Tu Stygias inhumatus aquas, amnemque severum
Eumenidum adspisies, ripamve injussus adibis?
Desine fata deum flecti sperare precando.

никнет.[182]

40. Но там, в аду, где мысль я ту изрек,
Не исправляется вина моленьем, —
Господь от всех молений там далек.[183]

43. Но, впрочем, ты под тяжким столь сомненьем
Не пребывай, доколь не встретишь ту,
Кто свет свой льет меж правдой и мышленьем.[184]

46. Ты понял ли, что речь я здесь веду
О Беатриче? Там, на той вершине,
Узришь ее святую красоту.

---

[182] Примечания: 182

Т.-е. Божие правосудие через то не ослабнет (не поникнет своей вершиной; в подлиннике: cima di giudizio non s'avvalla), если жар любви ближних к усопшим сократит своими молитвами срок пребывания их в чистилище, где каждому, в него допущенному, предназначено пробыть более или менее долгое время.

[183] Примечания: 183

При разрешении вопроса: могут ли молитвы и добрые дела одного оказать пользу другому, Фома Аквинский дает следующие толкование. Люди двояким способом заслуживают вечную награду, состояние блаженства, или известную случайную, временную награду: путем молитвы или путем заслуг — добрыми делами. Молитвой может быть оказана другим неограниченная помощь, потому что выслушать ее зависит от благости Господней, и молитвой достижимы всякие милости равно себе и другим. Путем заслуг своими добрыми делами нельзя

оказать другим никакой помощи в достижении ими вечной жизни, но можно содействовать приобретению ими помянутых временных наград, при посредстве любви, которая связывает всех между собою и делает одного участником заслуг другого. Добрые дела и молитвы за других между живущими и живущих за умерших, находящихся в состоянии очищения, — могут быть действительны. Но тот, что не находится в числе помилованных, тот не может ничего заслужить ни себе, ни другим. Недействительна также молитва за осужденных, потому что связь любви с ними порвана. Заслуженное нами вечное наказание могла смыть лишь бесконечная заслуга Христа, временные кары (к которым можно также отнести наказание чистилища) могут быть облегчены одним человеком за другого, потому что было бы несправедливо, если бы Бог наказывал одного человека за другого, тогда как, награждая одного за заслуги другого, Он являет себя благим (Sum. Theol. Suppl. part. III, quaest. XIII, art, 2, quest. LXXXIII, art. 1–6). — И так Данте заставляет Виргилия сказать здесь: постигший души строгий приговор о пребывании их в преддверии чистилища мажет быть уничтожен любовью молящихся за них. Те же слова (в Энеиде; высказаны по отношению к аду, где связующая людей любовь недействительна». Филалет.

[184] Примечания: 184

Виргилий, как символ человеческой мудрости, отсылает своего ученика по этому, чисто богословскому, вопросу к Беатриче, символу божественного знания, при свете которого человек находит те истины, которых он тщетно искал бы при всяком другом свете». Фратичелли.

49. И я: – Вождь добрый, поспешим! отныне

Уже во мне истомы прежней нет,

И вон легла уж тень горы в долине.

52. – На сколько можно, – он на то в ответ,

Пройдем в сей день; но будет труд тяжеле,

Чем думаешь, идти за мной вослед.

55. И прежде чем взойдешь, узришь отселе

Возврат того, чей свет уж скрыт холмом,

И луч его в твоем не гаснет теле.[185]

58. Но видишь, – тень вдали на камне том,

В нас взор вперив, сидит одна направо?

Пусть скажет нам, где легче путь найдем.

---

[185] Примечания: 185

Т. е. возврат солнца, которое теперь за горою чистилища, так что лучи его, не падая на тебя, уже не дают от тебя тени. Три раза взошло солнце, прежде чем поэты достигли вершины Чистилища: в первый раз Чистилища IX, 44; во второй — Чистилища XIX, 36–39 и в третий — Чистилища XXVII, 109–112,

61. Мы к ней спешим. – О! как ты величаво,

Ломбардский дух, полн гордости святой,

Взор медленный водил, одеян славой!

64. И, не сказав ни слова, пред собой

Дал нам пройти, нас оком озирая,

Как грозный лев, возлегший на покой!

67. Тут подошел Виргилий, умоляя

Сказать, где легче всход на верх горы;

Но гордый дух, ответа не давая,

70. Спросил нас: кто мы? из какой страны?

И вот, лишь начал вождь свои заклятья:

– О, Мантуя!.. – как дух, до той поры

73. Весь замкнутый, вскричал, простря объятья:

О, мантуанец! Я Сорделл! твоей[186]

Страны я сын! – И обнялись, как братья. —

76. Италия – раба, приют скорбей,

Корабль без кормщика средь бури дикой,

Разврата дом, не матерь областей!

79. С каким радушием тот муж великий

При сладком имени родной страны

Сородичу воздал почет толикий!

82. А у тебя – кто ныне без войны?

Не гложут ли друг друга в каждом стане,

---

[186] Примечания: 186

Сорделло, родом из Мантуи, жил в начале XIII века и принадлежал к числу отличнейших поэтов того времени. Ему приписывают сочинение Thesaurus Thesaurorum, в котором описываются все знаменитые государственные мужи, почему на произнесенную Сорделлом в следующей песне (ст. 90-135) характеристику государей недавнего прошлого не без основания смотрят, как на намек на это сочинение; между тем Бенвенуто да Имола заявляет, что такого не видел. О доблестях Сорделло на поприще общественной жизни, политической деятельности, воинских подвигов и почитания женской красоты существуют различные малодостоверные рассказы; так, например, тот-же Б. да Имола говорит, не ручаясь за достоверность сказанного, что Сорделло был умерщвлен по приказанию графа Эцделино или Аццолино (Ада XII, 110), тогда как почти не подлежит сомнению, что Сорделло пережил

Аццолина, умершего в 1259 году в Вероне, так как успел написать стихи в память Сицилийской Вечерни (1282 г.). Достоверно лишь то, что он имел частые сношения с Аццолинами и, когда эти последние стали во враждебные отношения к предводителю гвельфской партии города Вероны, графу Рикарду де Ст. Бонифачио, женатому на Кунице, дочери Аццолино II, то ее братья допустили, или даже приказали Сорделлу увести от мужа Куницу, взаимностью которой он пользовался еще в бытность ее в доме отца. Данте с похвалою отзывается о нем в своем De vulgari Eloquentia I, 15. Сорделло презирал родной язык и писал на провансальском языке.

За каждым рвом, в черте одной стены?

85. Вкруг осмотри, злосчастная, все грани

Морей твоих; потом взгляни в среду

Самой себя: где край в тебе без брани?[187]

88. Что пользы в том, что дал тебе узду

Юстиниан, наездника же не дал?

Ведь без нее б быть меньшему стыду![188]

91. Зачем, народ, коня во власть не предал[189]

Ты Цезарю, чтоб правил им всегда,

Коль понял то, что Бог вам запове-

---

[187] Примечания: 187

Намек на усобицы городов Италии, раздираемых гвельфами и гибеллинами.

[188] Примечания: 188

Т. е. что пользы, что Юстиниан издал свой знаменитый кодекс? Какая польза в узде законов, если никто не правит этой уздой, если в Италии нет императора (наездника)? Тем более стыда для Италии, что она, имея такие превосходные законы, не исполняет их.

[189] Примечания: 189

В виде дикого коня (fiera) олицетворяется здесь Италия.

дал?[190]

94. Смотри, – конь заупрямился, когда

Не стало шпор того, кто встарь им правил.

С тех пор, как взял ты в руки повода!

97. Зачем, Альберт Немецкий, ты оставил

И дал так сильно одичать, что мер

Уж над собой не знает конь, ни правил?

100. Да снидет же суд Божий с звездных сфер[191]

На кровь твою – суд новый и открытый,

Чтоб был твоим преемникам в пример!

103. С отцом своим ты бросил без за-

---

[190] Примечания: 190

«Итак отдавайте кесарево кесарю, а Божие Богу». Матф. XXII, 21.

[191] Примечания: 191

Намек на убиение императора Альбрехта его племянником Иоанном Парицидой (1308 г.), приведенный здесь в виде пророчества.

щиты[192]

Италию и допустил, увы! —

Чтоб сад Империи заглох, забытый.

106. Приди ж взглянуть, беспечный, каковы[193]

Мональди здесь, Монтекки, Капеллети[194] —

Те в горести, а эти – без главы!

109. Приди, жестокий, посмотри, как дети

Твои скорбят; приди к ним, чтоб помочь;

Приди взглянуть, как Сантофьор пал в сети![195]

---

[192] Примечания: 192

Данте обращается к германским императорам Альбрехту и его отцу Рудольфу Габсбургскому, упрекая их в том, что они, занимаясь делами Германии, не обращали никакого внимания на Италию, которую поэт называет (ст. 105) «садом империи».

[193] Примечания: 193

Обращение к германскому императору.

[194] Примечания: 194

Гибеллинския фамилии, о которых находим у Филалета в общем следующее: Мональди — могущественный род из Орвието; две линии его враждовали между собою, наполняя Орвието еще в XIV веке смутами и кровопролитиями. В подлиннике еще Filippeschi, тоже из Орвието, враги Мональди. — Монтекки и Капеллети, известные всякому по Шекспировской трагедии «Ромео и Джульетта». Монтекки,

могущественный род, стоявший во главе и давший по себе название гибеллинской партии Вероны. С помощью фамилии Аццолино им удалось изгнать противную партию с графом де С. Бонифачио во главе (1236 г.), после чего граф Аццолино завладел властью в городе и сохранял ее до самой смерти (1259 г.). По-видимому, Монтекки были плохо вознаграждены им за свои услуги, так как между многими жертвами его жестокости мы находим в 1242 г. и Карнароло Монтекки. Они были изгнаны из Вероны (1324 г.) Каном Великим, удалились в Удино и вымерли там через полстолетия (Алессандро Торри. Guilietta e Romeo, Novella storica. S. 56–60). Гораздо менее сведений собрано о фамилии Капеллети того времени. Имя их не встречается в довольно подробно составленной Cronica di Verona. Некоторые древние комментаторы полагают их родом из Кремоны и врагами Тронкачиуфи, но Алессандро Торри ссылается на ненапечатанный труд XVIII века и выводит по нему родословную фамилии Капеллети.

[195] Примечания: 195

«Графы Сантафиоре — могущественный род из Мареммы Сиенской. После поражения Конрадина (1270 г.), в Сиене получили преобладание гвельфы, а графы Сантафиоре соединились с изгнанными гибеллинами (1280 г.). Главным убежищем изгнанников служил замок Рокка Страда, завоеванный сиенцами наравне со многими другими, принадлежавшими графам Сантафиоре. По заключении мира (1300 г.), им были возвращены некоторые из них за денежный выкуп». Филалет. — Другие комментаторы разумеют под этим стихом не только угнетение графства во время Данте гвельфами, но и опустошение его бандитами.

112. Приди взглянуть на Рим твой! День и ночь

Он, как вдова, винит в слезах и горе:

– О, Цезарь мой, куда бежишь ты прочь?

115. Приди взглянуть, в каком мы тут раздоре.

И, коль тебе не жаль твоих детей,

Приди краснеть хоть о твоем позоре!

118. О, да простит мне высший Царь царей,

За нас распятый здесь в земной долине: —

Куда от нас отвел Ты взор очей?[196]

121. Иль, может быть, безвестное в пучине

Предвечного совета Своего

---

[196] Примечания: 196

«Народ твой… не пойдет по той дороге ложной» — в подлиннике несколько иначе, questa digression che non ti tocca — это отступление тебя не касается. «Поэт сам чувствует, что одно из прекраснейших и трогательных по содержанию мест Божественной Комедии, от стиха 76 и до конца песни, столь неуместно и надолго прерывающее начатую в стихе 75 речь Сорделло, представляет собою отступление от предмета, о котором собственно теперь идет речь. Оно заслуживает снисхождения лишь у столь наивного и первобытного поэта». Ноттер.

Ты благо нам уготовляешь ныне?

124. Все города в стране до одного —

Полны тиранов; каждый смерд ничтожный

Марцелом стать готов из ничего.[197] —

127. Но ты, моя Флоренция, тревожной[198]

Быть не должна: народ твой ведь не глуп

И не пойдет по той дороге ложной!

130. Иной народ чтит правду, но он скуп

На стрелы, зря не гнет он самострела;

А твой народ их тучей мечет с губ!

133. Иных страшит общественное де-

---

[197] Примечания: 197

Марк Клавдий Марцелл, аристократ, глава Помпеевской партии, противодействовавший диктатуре Юлия Цезаря. Данте хочет сказать, что каждый ничтожный крестьянин считает себя достаточно сильным, чтобы бороться с императором. Меньшинство комментаторов разумеет здесь Марцелла, покорителя Сиракуз во второй Пунической войне; тогда стих получит следующий смысл: каждый почитает себя героем.

[198] Примечания: 198

Начинающееся отсюда обращение к Флоренции все преисполнено жесточайшего сарказма.

ло;

А твой народ, и незваный никем.

Кричит: – Давай! за все беруся смело![199]

136. Ликуй же, родина! и есть над чем:

Живешь ты в мире, ты умна, богата,

А что не лгу, конец докажет всем.

139. Афины, Спарта, где закон когда-то

Был так премудр и славен, и хорош,

Жить не могли, как ты, умно и свято.

142. Уставы ж ты так тонко создаешь,

Что к половине ноября без смены

Не длится то, что в октябре спрядешь.

145. Припомни лишь, как часто перемены

Ты делала в законах, должностях,

---

[199] Примечания: 199

Т. е. иные (народы и государства) любят правду (правосудие), но они осторожны в ее применении, они хранят ее на сердце; у тебя же, Флоренция, она всегда на губах, но не в сердце. Граждане других государств избегают общественных должностей, страшась их тяжелой ответственности: вы же, флорентинцы, охотно беретесь за все, даже там, где не просят вас.

В монетах, нравах, и меняла члены.[200]

148. И согласись, коль ум твой не зачах,

Что ты сходна с больной, чей сон так слабок,

Что на пуху лежит, как на ножах,

151. И ищет сна, метаясь с боку на бок![201]

---

[200] Примечания: 200

Вместе с партиями менее, чем в одно столетие (1217–1307 г.), во Флоренции 17 раз переменилось государственное устройство, состав части народонаселения и власти. Подробнее см. у Филалета, прим. 23; у К. Витте, Einleitung S. 21; Скартаццини перечисляет за полстолетия (1248–1307 г.) 20 различных перемен. «Труднее дать сведения о переменах в монетах, которые Данте ставит в упрек своему родному городу, так как флорентинцы соблюдали весьма похвальное постоянство именно по отношению к главной своей монете, золотым флоринам (Ада XXX, 74 примеч.). Филалет.

[201] Примечания: 201

«Как метко сравнение непостоянного города с беспокойною больною, которая беспрестанно ворочается от боли на одре своем, но тем не менее не находит покоя». Копиш.

Песнь седьмая

Преддверие чистилища. – Сорделло. – Долина государей, не радевших о спасении души своей. – Император Рудольф. – Оттокар. – Филипп Смелый. – Генрих Наваррский. – Петр Арагонский. – Генрих III Английский. – Гюльельм Монферратский.

1. Как скоро три, четыре раза новый,[202]

Живой привет меж них обменен был, —

Вспять отступя, спросил Сорделло: – Кто вы?

4. – Еще к горе священной не парил

Сонм душ, достойный к той взнестись

---

[202] Примечания: 202

Начало песни примыкает к 75 стиху предыдущей, «Три, четыре раза», — определенное число вместо неопределенного, т. е. многократно, напоминающее латинское terque quaterque, как у Вирг. Aen. I, 94. «O terque quaterque beati».

вершине,[203] —

Октавиан уж прах мой схоронил.[204]

7. Виргилий я, и лишь по той причине[205]

Лишен небес, что веровал в ничто.[206]

Так отвечал тогда мой вождь в кручине.[207]

10. Как тот, кто вдруг увидел вещь, во что

И верит он, и нет, пока он вникнул,

И говорит с собою: то! не то![208] —

13. Так и Сорделл: сперва челом поник-нул,[209]

Потом, смиренно подойдя, ему,

---

[203] Примечания: 203

До воскресения Христова все души умерших поступали в ад, души добродетельных в лимб, души злых в настоящий ад, так как, по мнению Данте, до искупления Христом человечества никто не мог спастись и, следовательно, не мог вступить в Чистилище. Поэтому в лимбе находился и Виргилий, не бывший и не могший быть христианином, так как он умер, когда еще Христос не родился (Ада ИИ, 52 и след.); и, следовательно, гора Чистилища до воскресения Христова еще никем не была населена.

[204] Примечания: 204

«Октавиан» — римский император, носивший имя Cajus Julius Caesar Octavianus, по повелению которого кости Виргилия были перенесены в Неаполь и там погребены (чистилища III, 27).

[205] Примечания: 205

Сличи Ада IV, 34–42.

[206] Примечания: 206

«Веровал в ничто» (в подлиннике: per non aver fè — не имел веры). Вера есть начало к спасению (Ада ИИ, 30). — «А без веры угодить Богу невозможно». Посл. к Евреям XI, 6 — «Fides est necessaria tanquam principium spiritualis vitae». Thom. Aquin. Sum. Theol. P. II, qu. XVI, art. I, — «Sine fide mediatone nullum hominem vel ante, vel post Christi adventum fuisse salvum, Sanctorum auctoritates contestantur». Petr. Lomb. Sent. I. III, dist. 25.

[207] Примечания: 207

«Здесь Виргилий говорит лишь о себе и ни слова не упоминает о Данте. Сорделло, изумленный появлением тени великого поэта, не заботится спросить его, кто его спутник; это обстоятельство служит поводом к превосходной сцене в следующей песни (VIII, 58 и далее), где Данте объявляет себя живым человеком судье Нино». Биаджиоли.

[208] Примечания: 208

«Изображение человека, который видит невероятное в действительности», Бенвенуто Рамбалди.

[209] Примечания: 209

«Гордость Сорделло, как поэта, мгновенно исчезает, когда он узнает, что перед ним тень более высокого поэта». Штрекфусс.

Как раб, колена обнял и воскликнул:[210]

16. – О, слава всех латинян, ты, кому
Дано явить, сколь мощно наше слово![211]
Честь вечная и граду моему![212]

19. Чем заслужил виденья я такого?
Скажи, коль стою я речей твоих,
Из адского ль ты круга и какого?

22. – По всем кругам из царства скорбей злых,
Он отвечал, – прошел я, послан силой
Небесною и ей ведомый в них.

25. Бездействие – не действие – сокрыло
Мне Солнце то, к Нему ж парит твой

---

[210] Примечания: 210

В подлиннике: Ed abbraeciollo ove il minor s'appiglia, т. е.: и обнял его там, где обнимает меньший ростом, как например ребенок, т. е. колени, по объяснению Ландино.

[211] Примечания: 211

«Наше слово» (в подлиннике: la lingua nosira), т. е. латинский язык, который во времена Виргилия и даже во время Сорделло был языком итальянцев.

[212] Примечания: 212

«Граду моему» — т. е. Мантуе, откуда родом Виргилий и Сорделло.

ум,

Чей свет познал я поздно за могилой.[213]

28. Есть край внизу: он тьмой своей угрюм,[214]

Не казнями, и оглашен не воем

От мук, но вздохами от тщетных дум.

31. Там я с младенцами – с невинным роем,[215]

Попавшим в зубы Смерти, прежде чем[216]

С них первый грех омыт пред аналоем.

34. Там я с толпой, что не познав совсем

---

[213] Примечания: 213

«Бездействие — не действие» (в подлиннике: Non per far, ma por non fare ho perduta), т.-е., не совершением грехов, но тем, что не имел трех святых добродетелей: веры, надежды и любви, утратил я то Солнце, т. е. Бога, которого узнал поздно, т.-е. по смерти». Фратичелли.

[214] Примечания: 214

Т. е. лимб (Ада IV, 25 и далее), в котором нет мук. «Dolores non sunt in inferno putruni, neque etiam in inferno puerorum, qui non puniuntur poena sensus propter peceatum actuale, sed solum poena damni propter peccatimi originale». Thom. Aquia. Sum. Theol. p. III, qu. LII, art. 2 — «Он тьмой своей угрюм», — место в лимбе, где находятся души знаменитых и добродетельных язычников между которыми находится Виргилий, озарено светом, но свет этот, в сравнении с небесным, кажется Виргилию мраком». Томмасео.

[215] Примечания: 215

Следовательно, в лимбе некрещенных младенцев (linibus puerorum). — «Limbus patium et puerorum absque dubio differunt secundum qualitatem poenae vel praemii. Pueris enim non adest spes beatae vitae, quae patribua in limbo aderai; in quibus etiam lumen fidei et griatiae refulgebat. Sed quantum ad situm,probabiliter ereditur, utrorumque loeus idem fuisse; nisi quod limbus patrum erat in superiori loco quam limbus puerorum». Thom. Aquin. Summ. Theol. p. III, suppl. qu. LXIX, art. 6.

[216] Примечания: 216

«Поэт олицетворяет, согласно с народным поверьем, смерть в виде человеческого скелета, наносящего своими зубами гибель живущим». Логибарди. — «Смерть! где твое жало?» Осии XIII, 14.

Трех добродетелей святых, признала
Другие все и следовала всем.

37. Но, если можешь, объясни, хоть мало,
На тот уступ как восходить должно,[217]
Где первое чистилища начало?[218]

40. И он: – Границ нам точных не дано:
Везде ходить я волен в этом бреге
И я твой вождь, насколь дозволено.

43. Но, посмотри, уж день почти на сбеге,
Нельзя стремиться ночью к вышине;

---

[217] Примечания: 217

Здесь обозначаются добродетельные язычники, для полного спасения которых недоставало трех богословских добродетелей: веры, надежды и любви. «Virtutes theologieae hoc modo ordinant hominem ad beatitudiuem supematuralem, sieut per naiuralem inclinationem ordinatur homo in finem sibi connaturalem». Thom. Aquin. Sum.Theol. p. I. 2 qu. LXlI. art. 3 — Сличи Ада IV, 106 и прим. Данте во всей своей поэме проводит ту мысль, что без этих трех добродетелей нельзя быть христианином. В Раю XX, 118 и далее говорит, что обладающие этими добродетелями могут достигнуть небесного блаженства даже без крещении.

[218] Примечания: 218

«Первое начало чистилища», т. е. вход в настоящее чистилище, так как до сих пор поэты находятся еще в antipurgaturium. «Истинное начало в чистилище для людей мира сего есть вступление к покаянию, которое неизвестно людям сего мира по причине разного рода

неладений» Бути.

Подумай же и о благом ночлеге.

46. Есть души там направо в стороне;
Я к ним сведу тебя, коль ты согласен;
Тебе отраду могут дать они.[219]

49. – Как? – был ответ. – Мне твой совет неясен:
Другой ли кто претит на высоту
Всходить в ночи, иль самый труд напрасен?[220]

52. И по земле Сорделл провел черту
Перстом, сказав: – Смотри, лишь Солнце канет.[221]
За линию не переступишь ту.

---

[219] Примечания: 219

«Это место до стиха 63 имеет аллегорическое значение. Солнце, по толкованию древних комментаторов, означает божественный свет благодати, без которого безуспешно раскаяние и не может быть истинного исправления. Воля тогда бессильна (ст. 57), ибо одна воля ни на что не способна без Божественной благодати».

[220] Примечания: 220

«Виргилий как будто изумлен тем, что сила его собственного разума недостаточна для дальнейшего восхождения к небу, — что для этого безусловно необходим свет свыше; он как будто забывает, что он собственными устами говорил, Чистилища VI, 52, своему ученику, что не долго можно восходить вверх до окончания дня». Ноттер.

[221] Примечания: 221

Здесь поэт имел в виду слова Спасителя: «Еще малое время свет есть с вами; ходите, пока есть свет, чтобы не объяла вас тьма». Иоан, XII,

35, — «Приходит ночь, когда никто не может делать». Ibid. IX, 4.

55. Всем вверх всходящим здесь в отпор восстанет

Не кто иной, как мрак: ночная тень,[222]

Лишая сил, и волю в нас туманит.

58. Но нисходить на низшую ступень

И вкруг горы блуждать и в мгле здесь можно.[223]

Пока в плену у горизонта день.[224]

61. Тогда владыка мой, почти тревожно:

– Веди ж, – сказал, – туда, где нам приют

Отраду даст, коль говоришь неложно.

---

[222] Примечания: 222

Т. е. здесь одно лишь препятствие — мрак ночи, под которым древние комментаторы разумеют слепоту и невежество грешников. По-видимому, Данте намекает на евангельские слова: «Еще не малое время свет есть с вами; ходите, пока есть свет, чтобы не объяла вас тьма: а ходящий во тьме не знает, куда идет». Иоан. XII, 35.

[223] Примечания: 223

«Figuratur quod sine Sole divinaegratiae, a quo illuminamur, ad recta, dum lucet in nostra mente, debemus et possumus ascendere; sed secus dum non lucet, quia tunc nos movendo, errando et in nocte iremus». Петр Данте. — «Во мраке ночи можно лишь бродить вокруг и спускаться вниз — это значит, что без озарения свыше можно посвящать себя лишь другим созерцаниям, например научным занятиям». Каннегиссер. — По Филалету, значение этого места следующее: человек без божественной милости — этого солнца душ — не в состоянии сделать

собственной силою ни шагу к благому. Зато мирские стремления, даже возврат к злому — блуждание кругом и понижение — лежат в его власти. — «Если Данте и имел здесь в виду вышеприведенные евангельские слова, то едва ли эту великую истину он рассматривал здесь лишь с одной богословской точки зрения. Поэт, так сильно высказывавшийся в конце предыдущей песни против сумятицы своего времени, — поэт, хорошо понимавший, что такое смятение возникает лишь тогда, когда вожди, ослепленные страстями и духом партии, приводят к этому тем, что не знают, чего хотят и куда ведут и не замечают, какая пропасть под их ногами, — такой поэт, в действиях которого и во всем существе даже среди труднейших обстоятельств господствует совершеннейшая ясность, не мог внести в свою поэму эту истину без того, чтобы, при всем богословском смысле ее, не придать ей и глубокого всемирно-исторического смысла. На пути к небу, как и на путях житейских, — на пути, по которому идут как государства, так и отдельные личности, — по пути, ведущем ко внутренним целям в духе и разуме, так и к целям внешним, — везде мы идем вперед лишь при свете дня. Те же, кто блуждают в ночи, будут очень счастливы, когда они, вместо того, чтобы подыматься вперед, могут обращаться в сторону и остаться на раз достигнутой ими вышине. Большая же часть пятится, или низвергается рано или поздно во мрак, спутывающий бессилием воли. Потому тот, кто не может освободиться от окружающей его ночи, — лучше сделает, если будет спокойно дожидаться, пока эта ночь минует». Штрекфусс.

[224] Примечания: 224

«Пока в плену» и проч. (в подлиннике: Mentre che l'orizzonte il di tien chiuso), т. е. пока горизонт удерживает солнце под собой, подражание Виргилию — Aen. I, 374.
Ante diem clauso componet Vesper Olympo.

64. Мы недалеко отошли, как тут
Я выемку на склоне вдруг приметил.
Как здесь у нас долины гор идут.

67. – Пойдем туда, и там, – Сорделл заметил, —
Где из себя долину круть творит,
Дождемся дня, – и станет мир весь светел.

70. Был путь меж гор и плоскостью прорыт;[225]
Змеясь, привел он нас на край раздола.
Где больше чем в полкруга он открыт.[226]

73. Сребро и злато, пурпур, блеск с пре-

---

[225] Примечания: 225

В средние века желание найти успокоение от тревог и опасностей житейских, находившее себе выражение в монастырях, выражалось в поэзии в описаниях цветистых, уединенных лужаек, напоминавших классические луга, покрытые асфоделем (золотоголовником). Одно такое убежище Данте изобразил в Аду, другое — здесь. Точно также изображает в своей поэме Чудеса Пресвятой Девы один из древнейших кастильских поэтов монах Гонзало де Берсео; точно также Брунетто Латини, Tesoreto, XIX; автор английской поэмы Vision of Piers Ploughman; Gower's Confessio Amantis, VIII, etc» Лонгфелло.

[226] Примечания: 226

«Мы должны представить себе эту долину (раздолье) в виде излучистого углубления в боковом откосе горы, которая к краю своему открыта (Чистилища VIII, 97). Дно ее занято роскошным лугом, может быть,

орошенным ручьем, свергающимся с горы. Если мы представим себе тропинку, наискось идущую от внешней стороны горного откоса, ведущую почти до половины длины долины, то эта тропинка коснется долины именно в той точке, где боковой откос долины, который к ее отверстию должен необходимо все более и более понижаться, уменьшился в вышине своей почти на половину». Филалет.

стола.

Гебен индийский с лоском дорогим,[227]

Смарагд чистейший в миг его раскола,[228] —

76. Пред блеском тем цветов и трав, каким

Сверкал тот дол, – все уступало в цвете.

Как меньшее перед своим большим.[229]

79. И там природа не цветы лишь эти,

Но ароматов тысячи смешав,

Творила нечто, нет чего на свете.[230]

82. «Salve, Regina!» меж цветов и трав[231]

---

[227] Примечания: 227

«Гебен индийский» (в подлиннике: Indico legno lucido e sereno). Комментаторы несогласны, какое здесь дерево разумеет поэт. По Франческо да Бути, это — дуб (quercus marcia), который в сыром состоянии светится ночью. Филалет принимает индиго (indaco), на том основании, что в числе цветов, исчисленных Данта, недостает синего (индиго, впрочем, добывается не из дерева, а из травы). Я держался в переводе мнения других комментаторов, между прочим Фратичелли, принимающего индийское дерево за гебен (l'ebano), получающий при полировке чрезвычайный блеск и лоск (lucido e sereno). — «Sola India nigrum fert hebenum». Virg. Georg. Lib. II.

[228] Примечания: 228

«Смарагд чистейший в миг его раскола» (в подлиннике: Fresco smeraldo in l'ora che si fiacca). «Изумруд камень зеленого цвета; но, будучи

расколоть, в изломе своем представляет более живой зеленый цвет, чем на своей поверхности, уже несколько потускневшей в своем блеске». Веллутелло.

[229] Примечания: 229

В подлиннике: Come dal suo maggiore и vinto il meno.

[230] Примечания: 230

Т. е. «природа не только испестрила эту долину бесчисленным множеством цветов, но из сладостного благовония тысячи растительных ароматов творила нечто необъяснимое, неопределенное (в подлиннике: indistinto, incognito), какое-то смешение, какое неизвестно здесь на земле между живущими». Фратичелли.

[231] Примечания: 231

«Salve, Regina» — древний католический гимн, приписываемый Арминию, или Герману, графу Ферингенскому XI века. Вот его слова: «Salve, Regina, mater misericordiae, vita, dulcedo et spes nostra, salve! Ad te clamamus exules filii Hevae, ad te suspiramus gementes et flentes in hac lacrimarum valle. Eia ergo advocato nostra, illos tuos misericordes oculos ad nos converte, et Jesum, benedictum fructum ventris tui, nobis post hoc exilium ostende. O clemens, o pia, o dulcis virgo, Maria! — Breviarium Romanum. Камподини. 1872. 1 pag. 91, 92. Гимн этот поется Деве Марии в католических церквах в вечернюю службу, и потому приведен здесь частью для обозначения состояния души кающихся здесь душ, частью — для обозначения наступающего вечера.

Сидевшие там духи пели в хоре,[232]

Не вознося наверх венчанных глав.

85. – Пока не сел остаток солнца в море,[233]

Так мантуанский вождь наш начал нам:[234] —

Не пожелайте быть в их общем сборе.

88. Отсель с горы удобней будет вам

Все лица их узнать и выраженья.

Чем в дол спустившись к ним. – Сидящий там[235]

91. Всех прочих выше, с видом сожаленья

О том, что в мире долгом пренебрег,

---

[232] Примечания: 232

«По объяснению древних комментаторов, в этой дивно изукрашенной цветами благоухающей долине помещены души тех, которые во время земной своей жизни, не будучи вполне порочными, посвящали все существование свое лишь мирским стремлениям, поставляя честолюбие и могущество, скоро преходящее и так же быстро исчезающее, как блеск и запах цветов, — превыше вечных благ, составляя таким образом четвертый класс нерадивых, почему и занимают хотя более возвышенное, в сравнении с первыми, и ближе к чистилищу расположенное место, но тем не менее все еще остаются в его преддверии (antipurgatorium)». Каннегиссер. — «Цветущая долина эта есть символ жизни роскошной и суетной; ее обитатели, будучи развлекаемы этой роскошью, великолепием и заботами житейскими, тем самым пренебрегли покаянием и попечением о высшем благе души своей».

Скартаццини. — По Штрекфуссу, в этой роскошной долине Данте помещает пред вратами чистилища души высокопоставленных, знатных людей и венценосцев. Позднее мы увидим, что в самом чистилище даже папы ничем не отличены от всех прочих в деле очищения. Вообще, Данте устанавливает господство вечного порядка лишь за порогом чистилища, до тех же пор еще продолжается земной порядок. Впрочем, такое сидение в этой долине указывает, конечно, на то, что сильные мира сего ни на шаг не подвинулись вперед к истинной цели. И вот они поют теперь гимн свой (ст. 82), чтобы от этого великолепия перейти, наконец, к мукам очищения. В глазах их теперь цветущая долина есть «lacrimarum valles» гимна, и их пребывание здесь — «exilium flliorum Hevae».

[233] Примечания: 233

«Остаток солнца» (в подлиннике: Prima che il poco sole ornai s'annidi), т. е. «пока остается не более часа до окончательного захождения солнца в море». Антонелли.

[234] Примечания: 234

«Мантуанский вождь», т. е. Сорделло.

[235] Примечания: 235

Намек на то, что слава всегда привлекательнее издали, чем вблизи. «La immagine per sola fama generata sempre é più ampia, quale che essa sia, che non é la cosa immaginata nel vero stato. — La fama dilata lo bene et lo male oltre la vera quantita». Convivio, tr. I, e. 3, 4. — «Аллегорическое значение этих слов следующее: Сорделло не хочет ввести поэтов в долину, так как тени, рассматриваемые с высоты (с более высокой точки зрения), и притом при горящем еще блеске божественной благодати (при заходящем солнце), лучше и вернее могут быть оценены, чем в том случае, если подойти к ним ближе, и чрез то поддаться обаянию окружающего их блеска и беседы с ними». Каннегиссер.

Не отверзающий и уст для пенья,[236] —

94. Был император Рудольф, – тот, кто мог

Спасти Италию, чьи раны вскоре

Не заживут, среди ее тревог.[237]

97. А тот, что ищет утолить в нем горе,

Владел страной, откуда ток в горах

Молдава в Эльбу мчит, а Эльба в море:[238]

100. То – Оттокар; он даже в пеленах[239]

Разумней был, чем сын его брадатый.

Злой Венцеслав, что губит жизнь в пи-

---

[236] Примечания: 236

Души венценосцев, помещенных в этой долине, размещены одни выше, другие ниже. Некоторыя из них, по указанию Сорделло, пренебрегли долгом более других. Все души поют гимн, за исключением некоторых, чем, по-видимому, выражено их особенное пренебрежение своим долгом, а также то, что они более удалены от чистилища, чем души поющих. Выше всех сидящий, как подобает императору, — Рудольф Габсбургский, император германский, родоначальник австрийского дома (Чистилища VI, 103–105), короновавшийся в Ахене в 1273 году. Он не ходил венчаться в Рим и вообще так мало интересовался делами Италии, что она стала почти независимой от империи, за что в особенности обвиняет его Данте в пренебрежении своим долгом. Он умер в 1291 году.

[237] Примечания: 237

«Италию, чьи раны вскоре не заживут» (в подлиннике Si che tardi per altri si ricrea), т. е. которую (Италию) слишком поздно станет оправлять другой, разумеется — Генрих VII Люксембургский, попытки которого восстановить в Италии императорскую власть явились слишком поздно.

[238] Примечания: 238

Подразумевается Богемия, где берет свое начало река Молдава, впадающая в Эльбу, а эта — в Немецкое море.

[239] Примечания: 239

Рудольф ищет себе утешения в прежнем заклятом враге своем Пшемысле Оттокаре, также не поющем, кажется, потому, что в борьбе с ним он не так пренебрег своим долгом в отношении Германии, как пренебрег им, по мнению Данте, в отношении Италии, тогда как Оттокар (погибший в сражении при Маршфельде, 20-го августа 1278 г.) сам не выполнил своего долга относительно страны своей в борьбе с императором Рудольфом. Кроме того, сопоставление в одном месте двух врагов указывает, что «в чистилище исчезают земные страсти: прежние противники дружелюбно сидят рядом и один утешает другого». Филалет. — «Следовательно, такое сопоставление Рудольфа с Оттокаром, а также Петра Арагонского с Карлом Анжуйским (ст. 112–113 и прим.) совершенно уместно в чистилище и вместе с тем составляет совершенный контраст с сопоставлением Уголино и Руджьера в аду». Каннегиссер.

рах.[240]

103. Курносый тот, беседою занятый

С своим соседом, чей так кроток лик.[241]

В грязь затоптал цвет лилии измятый:

106. Смотрите, в грудь как бьет себя старик! —

Другой же с ним, как видите, к ладони

Щекой, вздыхая, как на одр, поник:

109. Отец и тесть то сына беззаконий[242]

Во Франции: он так им омерзел.

Что мысль о нем причина их муче-

---

[240] Примечания: 240

Т. е. был даже в детстве лучим принцем, чем сын его, уже бородатый, т. е. взрослый. «Этого Венцеслава надобно отличать от Венцеслава VI, действительно прозванного в истории «пьяницей» и «ленивым» и родившегося в 1359 году, уже по смерти Данте. Разуметь же здесь следует и не внука Оттокарова Венцеслава V, а его сына, Венцеслава IV, не находящегося между присутствующими здесь душами, так как он умер лишь в 1305 году и так как в Рая XIX, 125 о нем говорится, как о живущем еще, и также с таким же, как и здесь, порицанием. О мнимой лености и роскоши этого Венцеслава, вообще вовсе не плохого монарха, нам ничего неизвестно, и этот упрек ему со стороны Данте тем более странен, что Венцеслав, хотя и очень благочестивый государь, решительно оказывал сопротивление захватам папы Бонифация VIII (против которого так ратует Данте) и, по крайней мере, в этом

отношении, показал себя вовсе не недеятельным». Ноттер,

[241] Примечания: 241

«Курносый» (в подлиннике: Nasetto) — сын» наследник Людовика Святого Филипп III, король французский, прозванный «Смелым» (Чистилища VI, 22, прим.). В интересах своего дяди Карла, короля неаполитанского, и сына его Карла Хромого, он пошел войной на Петра III арагонского. Но в самом начале войны в войсках его обнаружились болезни и затем Руджиеро дель Ориа разбил его на море, что заставило его отступить. Он умер на возвратном пути 6-го октября 1285 г. в Перпиньяне. Он разговаривает с сидящим рядом с ним королем наваррским Генрихом III, прозванным «Толстым», братом короля Тебальдо или Тибо (Ада XXII, 52). Несмотря на свою добрую наружность (как бывает обыкновенно у толстых людей), он не был так добр, как говорит Данте (Современная история: Histoire de Navarre, говорит: Et combien que la commune opinion soit que les hommes gras sont volontiers de douce et benigne nature, si est ce que celui fut fort aspre)» Дочь его Иоанна вышла замуж за Филиппа Красивого, короля французского, сына Филиппа Смелого (Чистилища XX, 91 и XXXII, 151).

[242] Примечания: 242

«Сын беззаконий Франции» (в подлиннике: del mal di Francia) есть, следовательно, царствовавший в 1300 году (в год странствования Данте), Филипп Красивый, о порочной жизни которого так сокрушаются теперь отец его Филипп III и тесть Генрих III Наваррский, не принимающие также участия в пении. Данте порицает этого короля Франции во многих местах своей поэмы (Ада XIX, 86; Чистилища XX, 86; XXXII, 152; XXXIII, 45 и Рая XIX, 118).

ний.[243]

112. А тот, который с виду так дебел,

Поющий в лад вон с Клювом тем орлиным,[244]

Был препоясан славой добрых дел.

115. И если б трон за ним был занят сыном,

Тем юношей, что сзади, – чести дух[245]

Из чаши в чашу тек ручьем единым, —

118. Чего нельзя сказать о прочих двух:

Джьяком и Федериг имеют троны,

Но лучший жар наследья в них потух.[246]

---

[243] Примечания: 243

В подлиннике: E quindi viene il duol che si gli lancia.

[244] Примечания: 244

«Дебелый» (membruto) есть Педро III, король Арагонский, названный «Большим» (Чистилища III, 115, прим.), зять короля Манфреда, присоединивший к своим владениям Сицилию, именно после знаменитой Сицилийской Вечерни (1282 г.), когда сицилийцы сбросили с себя иго Карла Анжуйского и призвали на трон этого Педро, имевшаго по жене своей Констанце, дочери Манфреда, некоторое право на наследство Гогенштауфенов. Еще до восстания сицилийцев Иоанн Прочида уже сообщил ему о их намерении, вследствие чего Педро, под предлогом войны против Африки, снарядил флот, осадивший действительно африканский город Анколлу; здесь он получил приглашение сицилийцев высадиться в Трепани и получил помощь от генуэзского адмирала Руджьера дель Ориа. — Он поет с «Клювом Орлиным» (в подлиннике

con colui dal maschio naso), с Карлом I Анжуйским, отличавшимся большим носом (Raumers Geschichte der Hohenstaufen). — Удивительно, как мог Данте поместить в чистилище душу этого жестокого, корыстолюбивого тирана, пролившего кровь доблестного юноши Конрадина. Может быть на Данте имело влияние чистосердечное раскаяние Карла, перед смертью сказавшего: «Sir Dieu, je croi vraiment, che vos est mon salveur, ensi vos prieu, che vos ajez merzi de mon ame, ensi com' je fis la proise de Roiame de Sicilia, plus por servir Sainte Eglise, que per mon profit o altre condivise. Ensi vos me perdonnes mes pecces. Виллани. Lib. VII, cap. XCIV. — Впрочем, Чистилища, XX, 67–69 доказывает, что Данте не оправдывает Карла.

[245] Примечания: 245

Юноша этот есть первородный сын Педро — Альфонс, прозванный Благодетельным, вступивший на престол после смерти отца в 1285 году, но умерший в 1291 году. Отличительною чертою этого молодого монарха была щедрость, доходившая до степени расточительности. Ему наследовали братья его: Джьякомо, королем Арагонии, и Федериго (Фридрих) — королем Сицилии. О них см. Чистилища 111, 115, прим.

[246] Примечания: 246

«Лучший жар наследья» — добродетель, не проявившаяся ни в Джьякомо, ни в Федериго.

121. Людская честность редко без препоны

Восходит в ветви: воля такова[247]

Всех Дателя, – почтим Его законы.

124. Тот Клюв орлиный пусть мои слова,

И этот Пьеро, примут одинако.

Поправ Прованс и Пулии права![248]

127. Да! столько семя благородней злака,

Что Беатриче с Маргаритой вряд

С Констанцией сравнятся славой брака.[249]

130. Но вот король, к ним не вошедший

---

[247] Примечания: 247

Т. е. человеческая доблесть редко переходит от ствола к его ветвям, т. е. от родителей к детям. «В генеалогическом древе ветви суть потомки предка». Ломбарди. Сличи Рая VIII, 133–135. — «Всех Дателя», намек на евангельские слова: «Всякое даяние доброе и всякий дар совершенный нисходит свыше, от Отца светов». Посл. Иак. I, 17.

[248] Примечания: 248

«Клюв орлиный» — это обозначенный выше, в ст. 113, Карл I (Анжуйский) Неаполитанский, рядом с ним сидит Педро с дебелыми членами. Данте высказывает здесь одинаковое мнение как о Карле, так и о Педро, и говорит, что если сыновья Педро были хуже отца, то тоже самое надобно сказать и о сыновьях Карла, и что вследствие этого попраны права королевств Карла — Прованса и Апулии (по-итальянски Puglia) или Неаполя.

[249] Примечания: 249

«Смысл этой терцины, кажется, следующий: оба Капетинга, Людовик Святой и Карл Анжуйский (Неаполитанский), менее достойны, чем арагонец Педро; сыновья же обоих последних хуже своих отцов. Поэт выражает первое именами супруг этих принцев. Констанция (или Констанца) есть неоднократно упоминавшаяся супруга Педро Арагонского, дочь короля Манфреда; Маргарита и Беатриче — дочери графа Прованского Раймунда Бернгара (Рая VI, 133); из них первая была замужем за Людовиком Святым, вторая — за Карлом Анжуйским. Впрочем, Карл Анжуйский был женат вторым браком на Маргарите Неверской (Nevers), дочери Графа Анжу, и в таком случае может быть будет правильнее вовсе исключить отсюда Людовика Святого и разуметь одного Карла Анжуйского под именами Беатриче и Маргариты». Карл Витте.

в ряд:

То Генрих Английский, друг жизни стройной;[250]

В ветвях своих он лучший видит сад.[251]

133. Сидящий ниже всех и взор спокойный

На них подъемлющий – Гюльельм маркиз,

Из-за кого александрийцев войны.[252]

136. В скорбь ввергли Монферрат и Канавиз.

---

[250] Примечания: 250

Сын Иоанна Безземельного Генрих III, король английский родившийся в 1206 году и умерший в 1272 году, слабый, бесхарактерный, хотя и набожный, о котором Диккенс, в своей Child's History of England. Ch. XV, сказал: «He was as much of a king in death as he had ever been in life», — а Виллани: «semplice uomo e di buona féde, ma di poco valore». Lib. V, cap. 4.

[251] Примечания: 251

«В ветвях своих» — т. е. в своих потомках счастливее, чем короли Педро III и Карл I. Здесь разумеется сын его Эдуард I, царствовавший с 1272–1307 г., один из лучших государей Англии, о котором Виллани говорит: «Il buono e valente Rè Adourdo, il quale fù uno de piu savi et valorosi Signori de' Christiani al suo tempo». Lib. VIII, cap. 90.

[252] Примечания: 252

Гюильельмо Спадалунга, маркиз Монферратский и Канавезский, т. е. владелец Пьемонтской горной местности и равнины к северу от р. По, прозванный» Великим Маркграфом», в войне с гвельфскими городами северо-западной Италии и Амедеем V Савойским был взят в плен

жителями Александрии, два года содержан заключенным в железной клетке и затем умерщвлен. Отсюда возникла междоусобная война, сильно опустошившая Монферрат и ту часть его, которая называется Cannavese (в древности Canavisio, Canopasio). Он сидит всех ниже, так как души размещены здесь поэтом согласно их земному достоинству: выше всех император, затем — короли и ниже всех — Спаделунга, маркиз или маркграф Монферратский.

Песнь восьмая

Преддверие чистилища. – Нерадивые. – Цветущая долина. – Ангелы-хранители. – Нино Висконти. – Змей. – Куррадо Маласпина.

1. Настал уж час, когда в немой печали
Летят мечтой пловцы к родной стране,
Где в этот день прости друзьям сказали;

4. Когда томится пилигрим вдвойне,
Услыша звон, вдали гудящий глухо,[253]
Как будто плача об отошедшем

[253] Примечания: 253

Вечерний звон есть благовест Ave Maria во время сумерек. Этому стиху, не зная того, подражал английский поэт Грей, в известной своей элегии «Сельское Кладбище»:

Колокол поздний кончину отошедшего дня возвещает.

Жуковский, III, 271.

дне.[254]

7. И в этот час, как смолкло все для слуха,

Я зрел: одна восстала тень, рукой

Дав знак другим, чтоб к ней склонили ухо.

10. Воздевши длани, взор она с мольбой

Вперила на восток, как бы желая[255]

Сказать: Всегда я, Господи, с Тобой!

13. «Te lucis ante» – песнь лилась святая[256]

Из уст ее гармонией святой

Мне позабыть себя повелевая.

---

[254] Примечания: 254

Знаменитое описание наступающих вечерних сумерек, которому подражает Байрон в «Дон-Жуане», II, 108, таким образом:

О, сладкий час! Весь сердцем умилен
Теперь грустит моряк, плывущий в море,
В тот первый день, как дом покинул он;
Теперь любовь в пилигриме множить горе,
Лишь загудит вдали вечерний звон,
Как бы скорбя, что день умрет уж вскоре.

«Тоска по земной родине аллегорически символизирует здесь тоску по вечной отчизне, и тоскующий пилигрим есть сама душа». Копиш.

[255] Примечания: 255

«По обычаю первых христиан, олицетворявших в восходящем солнце

Сына Божия», Каннегиссер.

[256] Примечания: 256

Начало гимна, который поется в католических церквах в последней части вечерней службы, причем просят Бога охранить верных от ночных ужасов и соблазнительных искушений. Вот полные слова этого древнего гимна:

Te lacis ante terminimi,
Rerum creator, poscimus,
Ut pro tua clementia
Sis praesal et custodia.
Procul recedant somnia
Et noctium phantaemata,
Hostemque nostrum comprime,

Отсюда видно, как хорошо выбран этот гимн для обозначения наступающего вечера и перед скорым появлением змия. Сличи Лонгфелло.

16. И набожно и стройно, вторя ей,

Весь хор пропел тот гимн, стремя высоко

К кругам небесным взор своих очей. —

19. Здесь в истину впери, читатель, око;

Теперь на ней так тонок стал покров.

Что уж легко проникнуть в смысл глубокий.[257]

22. И, смолкнув, сонм тех царственных духов,

Смиренно вверх смотрел со страхом в лицах,

Как будто ждал чего-то с облаков.

---

[257] Примечания: 257

«В этой терцине Данте вторично (Ада IX, 61–63) указывает читателю на глубокий смысл своей великой поэмы. Несмотря на то, что, по словам поэта, покров так тонок, что легко проникнуть в смысл поэмы, — комментаторы находят весьма трудным объяснение тайны. — По толкованию древних комментаторов, два явившиеся здесь ангела суть Вера и Надежда; последняя обозначается уже зеленым цветом одежд и крыл ангелов. Мечи в руках их обозначают правосудие Божие; притупление же мечей — его промысел, его милосердие и любовь. Они замыкают собою толпу готовящихся к очищению. Волосы их белы, — как символ их чистоты; но лица пламенеют так, что взор не может вынесть их блеска; это значить, что души еще не вполне причастны вере и надежде (Веллутелло признает ангелов за апостолов Петра и Иоанна). Змий есть злой враг, еще раз являющийся здесь, чтобы обольстить души; но он тотчас же убегает, так как последнее

движение чувственности подавляется перед очищением. Теперь-то собственно наступает минута, когда созерцание, обозначаемое Данте и Виргилием, может приблизиться к этим душам без опасности для себя и даже с пользою. Ангелы эти исходят из лона пречистой Девы Марии, т. е. из лона истинного учения; они, следовательно, столько же святы, как и сам Христос». Каннегиссер. По Штрикфуссу, не в свете, но в ночи грозит нам опасность, так как она скрывает от нас врага и кажет его под ложными образами. В ночи является нам змей искушения, вызывающий в нас лишь чувство отвращения, когда мы видим его днем ясными глазами. Но и ночью он не может вредить нам, если мы сами сознаем, что находимся посреди ночи и, в ожидании нового света, обращаем взоры на небо с верующим и уповающим сердцем. С неба тогда является нам ангел-хранитель, блеска которого не может вынести глаз, помощь которого проникает нам в сердце, возвышая и укрепляя его. Мы узнаем в руке его меч правосудия. Назначенный в защиту добрым и в наказание злым. И если мы устрашаемся в сознании своей слабости и недостатков, то притупленное остроконечие правосудия показывает нам, что оно прощает нам все прошедшее, видя наше честное стремленье к совершенствованию. — Копиш, против своего обычая, кратко объясняет тайну в том смысле, что духовная ночь вводить нас в искушение, но что помощь себе мы находим в молитве. — Приводим еще объяснение этого места, предложенное Филалетом. «Очевидно», говорит он, «Данте в своей поэме, именно в Чистилище, повсюду держится чиноположения католической церкви: таким образом появление ангелов есть ни что иное, как выполнение молитвы, которую поет католическая церковь во время вечернего богослужения в гимне: «Te lucis ante terminum». За этим гимном поются следующие слова: «Visita, quaesumus, Domina habi-tationem istam, et omnes insidias inimici ab ea longe repelle, et angeli tui sancti habitent in ea, qui nos in pace custodiant», etc. Поэтому, в буквальном смысле, появление змия и победа над ним ангелов есть только символ искушения, которое, собственно не имеет в чистилище более места (XI, 22–24). Если все

чистилище означает, в аллегорическом смысле, состояние перехода, процесс оправдания и эта местность чистилища есть начинающееся усовершенствование, то очевидно, что змий, в этом смысле, обозначает самое искушение, которое бывает тем опаснее, чем более он является во время только что начинающегося очищения и притом в такой час, когда солнце божественной милости, по-видимому, от нас удаляется, так как ночь во всех церковных молитвах принимается действительно за время, удобное для искушения. Но и в этот час не покидает нас божественная помощь против искушения, когда человек обращается за этой помощью с благочестивой молитвой, подобно душам, здесь помещающимся». — Сличи также Excura, zum achten Gesange des Fegef. 340, в переводе Ноттера.

25. И видел я: с небес неслись в зарницах

Два ангела, вращая против сил

Меч пламенный с тупым концом в десницах.[258]

28. Как лист, сейчас рожденный, зелен был[259]

Цвет их одежд, и их покров клубился,

Волнуем взмахом их зеленых крыл.

31. Один из них вблизи от нас спустился,

Другой же стал на супротивный склон,

Так что сонм душ меж ними находился.

34. Цвет их волос я видеть мог, как лен,

---

[258] Примечания: 258

Намек на херувимов, приставленных к земному раю, по изгнании из него Адама и Евы. «И поставил на востоке у сада Эдемского херувима и пламенный меч обращающийся, чтобы охранять путь к дереву жизни». Бытия III, 24.

[259] Примечания: 259

В подлиннике: Verdi, come fogliette pur mo nate. Зеленый цвет — символ надежды, преобладающий в чистилище (О символизме цветов см. Джемсон, Sacred and Legendary Art, Introd. — Лонгфелло, стр. 388). — Надежда свойственна лишь душам, помещенным в чистилище, и людям, живущим в сем мире. «Neque in beatis, neque in damnatis est spes. Sed in viatoribus si resint in vita ista seive in purgatorio, potest esse spes, quia utrobique apprehendunt beati tudinem ut futurum possibile». Фома Акв. Sum. Theol. pari II, 2 qu. XVIII, art. 3.

Но взор слепили лица огневые:

Избытком чувств был орган побеж-
ден,[260]

37. – Их ниспослала к нам с небес Ма-
рия,

Сказал Сорделл: – да станут здесь в
оплот

Долине сей: сейчас узрите Змия.

40. И я, не знав, откуда Змий придет,

Стал озираться и приникнул ближе

К раменам верным, холоден, как
лед.[261]

43. Тогда Сорделл: – Теперь сойдемте
ниже

---

[260] Примечания: 260

В подлиннике: Come vertù che a troppo si confonda. «Каждый орган чувства (зрения, слуха) теряет свою силу и как бы парализуется) от чрезмерно-сильного впечатления, производимого на него внешним объектом: «Omnis sensibilis exsuperantia conrumpit sensum», говорит Аристотель». Фратичелли. — «Аллегорический смысл такой: человек, находясь в земных еще узах, не может вынести, по причине избытка света, представителей божественного суда, даже в том случае, когда они приносят ему милосердие». Ноттер.

[261] Примечания: 261

Человек не может знать, откуда придет искуситель, почему Данте, ища себе защиты, примыкает к высшему человеческому знанию, т. е. к Виргилию.

К великим в Сонм, чтоб с ним заговорить;

Тебя узнав, утешатся они же.

46. Вниз трех шагов я не успел ступить,[262]

Как был уж там. И кто-то взоры смело

Вперял в меня, как бы хотел спросить.

49. Был час, когда уж в воздухе стемнело;

Но все ж не так, чтоб мрак мешал ему

И мне узнать, что в нем сперва чернело.[263]

52. Ко мне он шел, и я пошел к нему.[264]

---

[262] Примечания: 262

Итак долина была не слишком глубока, равняясь шести-семи шагам (чистилища VII, 72); по мнению некоторых, это означает легкость, с какою человек может удалиться от предназначенной цели.

[263] Примечания: 263

«Наступило время, когда в воздухе начинает темнеть, но не настолько, чтоб то, что находилось между его и моими глазами, т. е. наши лица, нельзя было рассмотреть на близком расстоянии». Фратичелли.

[264] Примечания: 264

Нино Висконти да Пиза, судья или правитель округа Галлура в Сардинии, принадлежавшей пизанцам, глава гвельфской партии, племянник знаменитого графа Уголино де Герардеска (Ада XXII, 81 примеч. и Историч. очерк событий в Пизе во времена Уголино — см. I кн. «Бож. Комедии» 317 стран.). Он был изгнан из Пизы дядей своим

Уголино и соединился с флорентинцами и жителями Лукки против своего родного города. В этом походе против Пизы, вероятно, он познакомился с Данте, может быть, при взятии крепости Капроны, при котором находился Данте (Ада XXI, 91–96 прим.). Данте, по-видимому, боялся встретить его за это между изменниками отечеству, и потому теперь радуется, найдя его в чистилище.

—

Как был я рад, о Нин, судья правдивый,

Что не попал ты с злыми в адску тьму!

55. Приветы шли у нас без перерыва,

И Нин спросил: – По дальним тем волнам[265]

Давно ль пришел сюда, к горе счастливой?

58. О! – я сказал, – по адским злым местам

Сюда пришел я утром с жизнью тленной,

Чтоб, идя так, снискать другую там.[266]

61. И, слыша то, Сорделл и Нин почтенный

Вдруг отступили от меня, смутясь,

---

[265] Примечания: 265

«По дальним тем волнам», — считая Данте за тень, Нино спрашивает, давно ли он прибыл в чистилище по волнам окружающего его океана.

[266] Примечания: 266

«Там», т. е. на небе.

Как те, кого объемлет страх мгновенный.[267]

64. Сорделл к поэту, Нин же, обратясь

К сидевшему, вскричал: – Вставай, Куррад![268]

Взгляни, как мощь здесь Божья излилась.

67. И мне потом: – Той высшею наградой,

Что дал тебе Сокрывший в темноте

Первичное
Свое зачем от взгляда,[269] —

70. Молю: скажи – проплыв пучины те[270] —

---

[267] Примечания: 267

Души в чистилище узнавали до сих пор в Данте живого человека по тени, которую он бросал от себя. Но лучи солнца, согласию с чистилища VI, 55, уже исчезли за горой, когда поэты подошли к Сорделло. К Нино они подошли в темноте вечернего сумрака, так что ни Нино, ни Сорделло не могли видеть его тени. Вот отчего обе тени приходят теперь в такое изумление.

[268] Примечания: 268

Куррадо Маласпини — о нем см. ниже: 115–120 примеч.

[269] Примечания: 269

Т. е. умоляю тебя высшею благодатью, данною тебе Богом скрывающим от взглядов человеческих первую причину (в подлиннике: Lo suo primo perchè) своих действий в непроницаемой темноте, скажи мне и проч. — Блаж. Августин говорит: «Voluntas Dei est prima et summa causa omnium

corporalium et spiritualium motionum: nihil enim visibiliter aut sensibiliter fit, quod non de illa invisibili ac intelligibili aula summi Imperatorie aut jubeatur aut permittatur». Сличи Чистилища III, 37 примеч.

[270] Примечания: 270

«Проплыв пучины те» (в подлиннике: Quando sarai di lá dalle larghe onde), т. е. когда вернешься к живым, переплыв волны, окружающие чистилище.

Моей Джьованне, там да усугубит[271]
Мольбы о нас, где внемлют правоте.

73. Но мать ее уж, видно; нас не любит,[272]
Коль сбросила повязку, вдовий дар;
За это жизнь, злосчастная, погубит.[273]

76. По ней судите, долго ль длится жар
Любви у женщин, если в них натуры
Не поджигать огнем любовных чар:[274]

79. Но ей в гербе не скрасить арматуры
Гадюк, ведущих в бой Миланский дом,

---

[271] Примечания: 271

«Джьованна», дочь Нино, бывшая в то время еще очень молодою, вышедшей впоследствии замуж за Рикардо ди Каммино из Тревиджи (Рая IX, 48). — «Там», т. е. на небе.

[272] Примечания: 272

Мать Джьованны, вдова Нино, Беатриче, маркиза Эсте, вышла замуж за Галеаццо Висконти, сына Маттео Висконти, тогдашнего правителя Милана. Это случилось 21-го июня 1300 г., следовательно спустя три месяца после того времени, в какое предполагается загробное странствование Данте, и потому эти слова Нино высказывает в виде пророчества. Вдовы во времена Данте носили черное платье и повязывали голову белой повязкой; сбросить вдовью повязку значит — выйти замуж.

[273] Примечания: 273

О дурном обращении Галеаццо с вдовою Беатриче, как бы следовало заключить из этого стиха, ничего неизвестно; поэтому в нем говорится

лишь о том, что Галеаццо вместе с отцом своим и всей семьей был в 1302 г. изгнан из Милана и возвратился назад лишь в 1311 г.

[274] Примечания: 274

Выходка против неверных жен, «если… не поджигать» и проч. в подлиннике еще сильнее: «Se l'occio o il tatto spesso nod raccende».

Как скрасил бы его Петух Галлуры![275]

82. Так говорил, и на лице своем

Отпечатлел тот гнев, каким, не свыше

Мер должного, пылало сердце в нем.[276]

85. Я жадный взор стремил меж тем все выше,

Туда, где звезды медленней текли,[277]

Как ступица, у оси, ходит тише.

88. И вождь: – Мой сын, что видишь ты вдали?

И я: – Три вижу светоча в эфире;

Они весь полюс пламенем зажгли.

---

[275] Примечания: 275

Миланские Висконти, также Милан и вся Ломбардия, имели на гербе своем венчанную короной змею (Vipera Berus, випера, гадюка). Эту пожирающую ребенка арматуру поместил в свой герб Отто Висконти еще в крестовые походы, в воспоминание своей победы над сарацинами, на что намекает Tasso в «Освобожденном Иерусалиме» I, 55. — По словам Верри (De titul et insign. № 40), миланцы, становясь где либо лагерем, сперва выставляли на каком-нибудь дереве знамя с гербом виперы (Majores nostri publica decreto sanxerunt ne castra Mediolanensium locarentur, nisi vipereo signo antea in aliqua arbore constituto). Напротив, Висконти пизанские, к которым принадлежал Нино, имели, как правители Галлуры, в своем гербе петуха. Смысл этих стихов такой: останься она вдовой, она тем приобрела бы себе более почета нежели теперь, вступив во второй брак, который есть

нарушение вдовьего целомудрия.

[276] Примечания: 276

«Но свыше мер», т. е. в той степени, какая свойственна человеку, говорящему по долгу и из любви к добру, а не из ненависти. «Гневаясь, не согрешайте». Псал. IV, 5. — Посл. к Ефес. IV, 26.

[277] Примечания: 277

«Туда», т. е. «к полюсу, и именно к южному, так как поэты теперь на южном полушарии. Вокруг полюса звезды в своем течении совершают более короткий путь, почему и движутся они с меньшей скоростью, так точно, как колесо в ступице, которое ближе к оси совершает свой оборот медленнее». Штрекфусс.

91. И он на то: – Склонились уж четыре
Светила те, чей блеск ты утром зрел,
И вместо них явились эти в мире.[278]

94. Но тут увлек к себе певца Сорделл,
Сказав: – Смотри: вон наш Противник скрытый![279]
И перст простер, чтоб вождь туда смотрел.

97. С той стороны, где дол лишен защиты,
Был Змий – такой, как, может быть, и та,[280]
Что Еве плод вручила ядовитый.[281]

100. В цветах тянулась адская черта;

---

[278] Примечания: 278

«Три светоча»; под ними поэт разумеет три богословские добродетели: веру, надежду и любовь. «Если четыре звезды, виденные поэтов сегодня утром и обозначающие четыре главные добродетели, теперь, вечером, закатились низко за горизонт, и на место них появляются на небе эти три звезды, то всякий глубокомысленный читатель легко поймет смысл этого прекрасного символа. Четыре главные добродетели: мудрость, правосудие, мужество и умеренность, являются нам утром, когда мы нуждаемся в них для наших действий в жизни. Но когда день кончился и вместе с ним прекратилась наша деятельность, тогда только вера, любовь и надежда остаются с нами, как утешители; они только придают нам силы с началом нового дня оставаться верными сказанным главным добродетелям». Штрекфусс. — «Четыре главные добродетели необходимы и важны для деятельной жизни, обозна-

чаемой утром, эти три — для жизни созерцательной, обозначаемой ночью». Каннегиссер. — Некоторые комментаторы принимали эти три звезды за действительные звезды на южном небе, а именно за три α созвездий Корабля, Рыбы-Меча и реки Ериданa; но мнение это ошибочно.

[279] Примечания: 279

«Противник ваш диавол». I Посл. Петра, V, 8. — «Древний змий, называемый диаволом и сатаною, обольщающий всю вселенную». Откров. св. Иоанна (Апокалипсис), XII, 9.

[280] Примечания: 280

Т. е. где долина не имеет возвышенного края, где она открыта для входа. Враг всегда нападает на нас с слабейшей стороны.

[281] Примечания: 281

«Этими словами явственно обозначается свойство змия, как врага человечества». Каннегиссер.

Змий охорашивал себя, вздымая
Свою главу, лижа свой лоск хребта.[282]

103. Я не видал, как вдруг взвилась святая[283]
Чета двух коршунов небесных сил;[284]
Но видел ясно их полет вдоль края.

106. Змий, слыша свист секущих воздух крыл,
Бежал, и, ровным летом вспять пустившись,
Стал каждый страж в том месте, где он был. —

109. Но тот, кто близ Судьи стоял, явившись

---

[282] Примечания: 282

«Адская черта» (la mala striscia), т. е. адская змея. Сличи появление Змия у Мильтона, Parad. Lost, IX, 434–496. Описание Змия, символа искушения, напоминает появление Гериона, символа обмана. Ада XVII, 7 и далее.

[283] Примечания: 283

«Я не видал», — этим обозначается быстрота, с какою взвились ангелы, или то, что Данте был ослеплен блеском их лиц (стих 35).

[284] Примечания: 284

«Чета коршунов» (в подлиннике: gli astor celestiali) — «так называет поэт ангелов, для обозначения быстроты и силы, с какими они преследуют Змия, или потому, что коршуны — естественные враги змей». Скартаццини.

На зов его, – покуда бой тот шел,

Глаз не спускал с меня, очами впившись.

112. – Да даст тот Свет, что к нам тебя привел,

Тебе елея столько, чтоб – без лести

Сказать – ты мог взойти на высший дол.[285]

115. Так начал он: Когда принес ты вести

Из Вальдемагры и соседних стран,

Открой мне их: я жил в большой там чести.

118. Куррадом Маласпина был я зван,

---

[285] Примечания: 285

Т. е. да найдет божественное озарение, доныне тебя руководившее, столько благой в тебе воли, сколько необходимо, чтобы ты возмог подняться на высший дол (в подлиннике: al sommo smalto), т. е. на высшую вершину горы чистилища (земной рай). Вместо «елея» в подлиннике употреблено «cera» (воск); но, следуя Ноттеру, я заменил это слово елеем, так как и в русском, и в немецком языке «воск» дает не столько идею о горючем материале, сколько идею чего-то гибкого, податливого, лишенного воли.

Не древний – нет, но из его я рода;[286]

И здесь за то, что так любил граждан.[287]

121. – О! – я сказал, – средь вашего народа

Я не бывал; но далеко кругом

В Европе всем громка его порода.

124. Так слава та, что ваш покрыла дом,

Гремит в честь принцев и гремит в честь края,

Что кто и не был там, уж с ней знаком.

127. И я клянусь, как жду достигнуть

---

[286] Примечания: 286

«Маркизы Маласпина, владения которых находились главным образом в Вальдемагре (Ада XXIV, 145 и примеч.), между Генуей и Луккой, принадлежали к богатому и храброму роду и в течение XII и XIII столетий находились частью во враждебных, частью в дружеских отношениях. Чаще всего они принадлежали к императорской (гибеллинской) партии. Один Куррадо Маласпина, сын Фолио, жил уже в XI веке. В начале XIII века упоминается еще о другом Куррадо (Caffari, Annales Gen. Lib. IV). Какого из двух Куррадо разумеет здесь Данте старшим («древним») Куррадо — решить трудно. Второй Куррадо имел сына Федериго, женатого на Констанце, сестре короля Манфреда; несмотря на это родство, он принадлежал к гвельфам и, служа в их войске, как глава Лукской общины, был взят при Монтаперти в плен сиенцами. Говорящий здесь дух — сын его, Куррадо (ум. 1294 г.). Он, как ярый гиббелин, играет роль в одной из новелл Боккачио (Giornate II, Nov.

6)». Филалет.

[287] Примечания: 287

«И здесь за то» и проч. (в подлиннике: A' miei portai l'amor che qui raffina, слово в слово: к моим питал я любовь, которая здесь очищается), это не значит: я слишком много любил своих, и потому должен здесь очистить себя от этой любви, но — любовь к моим была уже слишком велика; здесь любовь моя должна стать еще чище, т. е. облагородиться любовью к Богу. По Филалету, этот Куррадо был женат на сардинке Оретта, которая принесла ему в приданое город Боза и замок Дуозоли; не имея детей, он распределил все это приобретение между боковыми своими родственниками и чрез это водворил между ними согласие. Бенвенуто Рамбалди лучше объясняет этот стих таким образом: я питал к моим (гражданам) любовь, которая теперь очищается здесь, унося меня от земных забот и обращая к Богу.

рая,

Что в вашем роде не прошли, как дым,

Честь кошелька и честь меча былая.[288]

130. Бог и обычай так блюдут над ним,[289]

Что там, где мир сбит злым вождем с дороги.[290]

Лишь он один идет путем прямым.

133. – Иди ж, – он мне. – Семь раз в своем чертоге

Не снидет Солнце в ложе волн морских,

На коем ставит знак Овна все ноги, —

136. Как ласковый твой отзыв о мо-

---

[288] Примечания: 288

В подлиннике: non si sfregia Del pregio della borsa e della spada, т. е. храбрость и щедрое гостеприимство. «Данте постоянно отзывается с похвалой о добродетели, противоположной пороку скупости, не по жадности своей к деньгам, а потому, что из скупости (cupa) выводит все бедствия на свете». Томазео.

[289] Примечания: 289

«Бог и обычай», в подлиннике: природа и обычай.

[290] Примечания: 290

Злой вождь, т. е. папа Бонифаций VIII.

их[291]

На лбе твоем за это пригвоздится[292]
Гвоздьми покрепче, чем слова иных,[293]

139. Коль суд небес не может изменяться.[294]

---

[291] Примечания: 291

«Гвоздьми», т. е. более сильными аргументами, чем простыя слова других. «Слова мудрых — как иглы и как вбитые гвозди». Екклез. XII, 11.

[292] Примечания: 292

«Место это очевидно указывает на то, что Данте еще до 1307 г. получил фактическое доказательство о благородстве дома Маласпина, вероятно, гостеприимный прием в их доме. И действительно, мы находим Данте уже в 1306 г. в Луниджиано, где он, как посредник маркизов Франчесино Мороелло и Коррадино Маласпина, вел переговоры о заключении мира с епископом г. Луни. Бенвенуто да Имола называет Мороелло (принадлежащего к Чернымъ) другом, у которого Данте нашел себе приют у противоположной партии. Впрочем, в то время жил еще другой Мороелло Маласпина, отец Франческино, близко стоявший к гибеллинской партии, и очень вероятно, что Данте именно у него искал гостеприимства. У него-то в доме, как говорят, Данте получил начатыя им во Флоренции первые семь песен Ада (Ада VIII, 1 прим.). Ему же, как утверждают, Данте посвятил свое Чистилище». Филалет. — Это опять пророчество, введенное поэтом после события.

[293] Примечания: 293

Т. е. солнце, находящееся теперь, во время равноденствия, в знаке Овна, не возвратится семь раз в это созвездие, или, другими словами, не пройдет семи лет, как в славе Маласпина, о которой ты теперь судишь по слуху, со слов других, ты убедишься по собственному опыту. «10-го апреля 1300 г. солнце при захождении стояло именно в том месте, где находятся звезды созвездия, обозначающие ноги Овна». Филалет.

[294] Примечания: 294

«Этой песнью заканчивается первый день пребывания поэтов в чистилище, как это обозначается описанием вечера в начале песни и восхождением звезд в стихе 89. Вместе с этим кончается первое подразделение этой части поэмы, обозначающееся, как читатель может и сам

заметить, великолепным введением в следующую песнь». Лонгфелло.

Песнь девятая

Преддверие чистилища. – Цветущая долина. – Сон и сновиденья Данте. – Орел. – Лючия. – Врата чистилища. – Ангел-привратник. – Вход в первый круг.

1. Наложница древнейшего Тифона,[295]

Бежав из нежных рук его, лила

Свой бледный свет с восточного балкона.[296]

4. Из дорогих каменьев вкруг чела

Сверкал венец, принявший вид холодный,

---

[295] Примечания: 295

«Данте — говорит Бенвенуто да Имола — начинает эту песнь тем, чего не говорит, и не мог представить никто из других поэтов, именно словами, что аврора (заря) луны есть наложница Тифона. По мнению других, поэт разумеет аврору солнца, но этого не может быть, если мы тщательно вникнем в текст». — Действительно, это место поэмы было тщательно и разносторонне разъясняемо различными комментаторами, но, тем не менее, дело до сих пор не вполне разъяснилось. Не вдаваясь в подробности, большинство толкователей и переводчиков Данте принимают здесь аврору, или тот бледный блеск на небе, который предшествует восхождению луны (См. Филалет IX, прим. 1, также перевод Штрекфусса IX, 1–9), — У мифологов, женою Тифона (божества, наделенного бессмертием) собственно считается солнечная аврора, или утренняя заря; но Данте, кроме жены, придает ему еще наложницу, тот бледный блеск, который иногда предшествует восхождению луны.

По мнению Каннегиссера, это не вымысел поэта, но средневековая переработка мифологических преданий. Что здесь, разумеется, именно восхождение луны, а не утренняя заря, это доказывается, во-первых, самыми выражениями поэта; во-вторых, — тем, что утренняя заря поднимается в это время года в знаке Рыб (Чистилища I, 19), и в-третьих, — тем, что в стихе 52 этой песни Виргилий обозначает другую утреннюю зарю. Следовательно, здесь описывается восхождение луны. В то время года, когда Данте начал свое замогильное странствие, было полнолуние; полная луна восходит тотчас по захождении солнца; но так как с тех пор прошло почти четыре дня, то луна, озаряемая солнцем, должна уже выйти из созвездия Весов и находиться теперь в созвездии Скорпиона (стих 5), при чем она восходит вскоре после 9 часов.

[296] Примечания: 296

«С восточного балкона», т. е. с восточной окраины неба. Этому подражал Тассо: «Освобожденный Иерусалим» IX, окт. 74, ст. 1 и 2:

Меж тем заря с пурпурным, нежным ликом
Уже взошла на горний свой балкон.

Вид твари той, чей хвост так полон зла.[297]

7. И, два шага свершив в стези восходной,

Склоняла Ночь на третьем крылья вниз,

Там, где сидел с семьей я благородной.[298]

10. Адамовых еще не снявший риз,

Я тут поник, дремотой удрученный,

В
траву, где все мы пятеро сошлись.[299]

13. И в час, как петь начнет свои канцоны

---

[297] Примечания: 297

«Созвездие Скорпиона поэт называет холодной тварью, потому ли, что скорпион принадлежит к гадам с холодной кровью, или потому, что зимой бывает в оцепенелом состоянии и оживает лишь от теплоты солнца, или потому, что его созвездие господствует в холодные месяцы года от конца октября до конца ноября)». Филалет. — Вообще древняя астрономия разделяла созвездия на теплые и холодные. «Хвост так полон яла», потому что в нем заключается ядовитое жало, а также потому, что осенью, именно в ноябре, когда солнце вступает в знак Скорпиона, чаще свирепствуют болезни. «Венец из дорогих каменьев», — те звезды, из коих слагается это созвездие.

[298] Примечания: 298

«В рукописи Monte-Casino есть следующая глосса: Ночь разделяется на шесть или семь частей или шагов, называемых по-латыни crepusculum,

conticinium, gallicinium, intempestum, gallitium, matutinum и diluculum. Число это заимствовано из Исидора, а так как «Origines» Исидора были тогда хорошо известны, то Данте весьма легко мог заимствовать это деление. Итак, если ночь сделала уже два шага, то, значит, время было еще перед полночью. В таком случае «восхождение» и «нисхождение» (склоняла) ночи означают здесь не противоположности; напротив, первое выражение указывает на то, что ночь наступает, подвигается вперед, второе — то, что ночь спускается с неба, следовательно, с каждым шагом склоняется к земле». Каннегиссер. — «Ночь, как и везде олицетворяется здесь поэтом, который смотрит на ход ее, как на течение звезд. Она восходит до зенита и отсюда нисходит до западного горизонта. Во время равноденствия ночь совершает свое течение почти ровно в 12 часов: в течение 6 часов она подымается, в следующие 6 часов она опускается. Следовательно, шаги ночи суть обыкновенные часы; шаги, коими восходить ночь, суть первые 6 шагов ночи, т. е. от 6 часов пополудни до полуночи. Итак, поэт, сказав, что ночь совершила уже два шага, которыми она восходит («в стези восходит»), и уже готовилась совершить третий шаг («склоняла — на третьем крылья вниз»), хочет этим сказать нам, что на горе Чистилища было около 3-х часов ночи, т. е. около 9 часов вечера. В первых двух терцинах он рисует нам великолепными красками зрелище, представлявшееся глазам его с горы Чистилища в ту минуту, когда восточное небо осеребрилось от блеска восходящей из моря луны и на небе засверкали некоторые звезды, составляющие созвездие Скорпиона, расположенное змеевидной линией. В третьей терцине он определяет час, когда он заснул». Скартаццини.

[299] Примечания: 299

Ризы Адама, т. е. тело, в которое заключена душа Данте. Тело нуждается во сне, почему Данте ложится на землю, тогда как другие четверо: Вергилий, Сорделло, Нино и Куррадо Маласпина, как духи, не нуждаются в отдохновении сна.

13-15. См. «Превращения» Овидия, VI, 423–674. — Терей, царь фракийский, муж Прогмы, обесчестил сестру ее Филомелу и отрезал ей язык. Узнав об этом, Прогна умертвила рожденного Филомолой от Терея маленького Итиса и, приготовив из него блюдо, заставила Терея съесть его. В наказание за это все были превращены: Терей в удода, Филомела в соловья, Прогна к ласточку, Итис в фазана. См. Чистилища XVII, 19–20. — В щебетании ласточки, впрочем, нет ничего унылого, почему Данте имел здесь в виду, как кажется, слова пророка Исайи, который говорит в скорби: «Как ласточка издавал я звуки, тосковал как голубь». XXXVIII, 14. — «Поэт грустною песнью ласточки глубокомысленно указывает на сознание в грешнике о своем грехе и страдании». Копиш.

Касаточка, пред утром, – может быть,

Еще твердя все прежней скорби стоны, —

16. Когда душа, порвав всех мыслей нить,

Из тела вон летит к пределам высшим,

Чтоб

в сновиденьях вещий дар явить,[300] —

19. В тот час во сне я зрел с небес повисшим

Орла с златыми перьями, как свет,[301]

Готового упасть к пределам низшим.

22. Я был, казалось, там, где Ганимед,

Покинув братьев при их тщетном кли-

---

[300] Примечания: 300

Перед утром сновиденья, по общему мнению (Ада XXVI, 7 примеч.), принимают пророческий характер.

[301] Примечания: 301

«Надобно помнить, что Данте идет из темного леса, который он уподобляет Египту (Чистилища II, 40-17), и что Господь сказал на горе Синае: «Вы видели, что Я сделал египтянам и как Я носил вас (как бы) на орлиных крыльях, и принес вас к Себе». Исхода XIX, 4. — Этот библейский образ глубокомысленно связывает Данте с языческим мифом похищения Ганимеда орлов Зевса». Копиш. — Орел, по толкованию древних комментаторов, означает предупреждающую благость Божию.

че,

Взлетел к богам в верховный их совет,[302]

25. И я подумал: знать, его обычай

Быть только здесь, и, знать, в других местах

Гнушается спускаться за добычей,[303]

28. И, покружась немного в небесах,

Как молния, в меня он громом грянул

И в мир огня умчал меня в когтях.[304]

31. И, мнилось, в огнь, как в бездну, с ним я канул,

И жег меня так сильно мнимый пыл,

---

[302] Примечания: 302

Т. е. на вершине горы Иды, где Зевс, в образе орла, похитил красивейшего юношу Ганимеда, сына Троса и прадеда Дардана, первого основателя Трои, в то время, когда он охотился с товарищами на этой горе, и, вознеся его на Олимп, сделал его виночерпием богов (небесного совета — sommo concistoro). Овидия «Превращения» X, 160–161.

[303] Примечания: 303

«Нравственный смысл: в обыкновенной жизни божественная благодать гнушается входить в душу грешника и тем облегчить ему путь к покаянию, если он сам не приготовил для нее путь в свою душу, подвигаясь вперед настолько, насколько может вести его одна философия. Благодать начинается лишь там, где кончаются силы человеческие». Скартаццини.

[304] Примечания: 304

«В мир огня». Во времена Данте полагали, что позади воздушной обо-

лочки помещается четвертая стихия, т. е. круг огня, простирающийся до луны и окружающий атмосферу, в которой мы живем. Брунето Латини, Tresoro, Lib. II, C. XXXVIII; Рая I, 59, 71). В эту-то сферу возносится земное пламя (Рая I, 115, 141), и вследствие возмущений в нашей атмосфере оттуда вырываются молнии.

Что сон исчез, и я от сна воспрянул.[305]

34. Не иначе затрепетал Ахилл[306]
И очи вкруг водил, открывши веки,
Не ведая, что с ним и где он был,

37. Когда он, сонный, матерью, в те века,
Был на руках снесен с Хиоса в Скир,
Откуда в бой его умчали греки, —

40. Как я вздрогнул, как скоро сонный мир
Рассеялся, и, ужасом подавлен,
Я бледен стал, беспомощен и сир.

43. Но не был я моим отцом остав-

---

[305] Примечания: 305

Весь этот образ напоминает библейские слова: «Он нашел его в пустыне, в степи печальной и дикой, ограждал его, смотрел за ним, хранил его, как зеницу ока Своего; как орел вызывает гнездо свое, носится над птенцами своими, распростирает крылья свои, берет их и носит их на перьях своих». Второз. XXXII, 10, 11.

[306] Примечания: 306

Ахилл, сын богини Фетиды и Пелея, был окунут в реке Стиксе и чрез это стал неуязвимым во всем теле, кроме пятки, за которую его держала мать при погружении в воду. ей было предсказано, что он погибнет перед Троей. Он был отдан на воспитание мудрому кентавру Хирону (Ада XII, 71), в Фессалию, и, когда он возрос, мать перенесла его сонного на остров Скир к царю Ликомеду, где Ахилл, переодетый девицей, продолжал свое воспитание вместе с его дочерями. Но, несмотря на это, Улисс (Ада XXVI, 61 и примеч.) хитростью увлек его в войска Ахеян.

Данте в картине пробуждения Ахилла намекает на следующее место Ахиллеиды Стация I, 247–250:

Cam pueri tremefacta qoies ocaliqne jacentis
Infusum sensere diem, stupet aëre primo:
Atque loca? qui fluctas? ubi Pelion? omnia
Tersa Atque ignota videt, dubitatque aguoscere matrem.

лен.[307]

Уж два часа, как в небе день пылал,[308]

И вниз ко взморью взор мой был направлен.[309]

46. – Не бойся! – мне владыка мой сказал:[310]

Мы в добром месте! Пусть в тебе не стынут.

Но крепнут силы здесь меж этих скал.

49. Уж ты в чистилище, и мной не кинут![311]

Смотри, утес стеной идет вокруг;

Смотри, вон вход, где тот утес раздвинут.

---

[307] Примечания: 307

Т. е. Виргилием.

[308] Примечания: 308

«Данте заснул (примеч. к ст. 7–9) около 9 часов вечера; а так как в равноденствие солнце встает в 6 часов и так как теперь (28-го марта, 8-го или 10-го апреля) уже 8 ч. утра, то, значит, Данте спал 10–11 часов, что не покажется слишком долго, если примем во внимание, что до сих пор в течение полных трех суток он не спал («на пути про отдых позабывши», Ада XXXIV, 135), проходя трудной адской дорогой». Ноттер.

[309] Примечания: 309

Данте обращен лицом к морю, так что видит лишь воду и небо, что еще более увеличивает его удивление и страх.

[310] Примечания: 310

«Как бессознательно переправляется Данте через Ахерон (Ада III, 136 и начало IV), так бессознательно является он здесь к вратам чистилища, чрез непосредственное божественное водительство и озарение (стихи 55–57). Как отдельные личности, так и целые народы выдвигаются вперед из долго подготовлявшегося в тишине внутреннего кризиса». Штрекфусс. — «Показать ему и Виргилию особенную дорогу к этим вратам, как надеялся Виргилий в песни VI, 69, не могла ни одна душа; это — потому, что очень узкия врата чистилища становятся видимыми лишь тогда, когда к ним совсем приблизиться (стихи 62, 76), а также потому, как указано в песни VII, 40 и далее, что от того места, где находится Сорделло, не подымается вверх никакой особенной тропинки, но идущий к вратам должен сам отыскивать ее по всему протяжению горной крутизны». Ноттер.

[311] Примечания: 311

Все до сих пор пройденные пространства принадлежали собственно к преддверью чистилища, где еще нет настоящего очищения.

52. Пред самым днем, там на заре, твой дух[312]

Предался сну, и ты заснул, почия

В лугу цветов. Тогда явилась вдруг

55. Жена с небес, сказав мне: – Я Лючия![313]

Дай мне поднять уснувшего и вам

Тем облегчить тревоги путевые. —

58. Средь призраков Сорделл остался там;[314]

Она ж, подняв тебя, наверх с рассветом

Пошла, и я – за нею по пятам.

61. И, здесь сложив тебя и дивным све-

---

[312] Примечания: 312

Здесь положительно указывается на различие утренней Авроры (Dianzi, nell'alba che presede al giorno) от отблеска месяца, когда заснул Данте (стихи 1–3).

[313] Примечания: 313

«Лючия (Ада II, 94) есть благодать озаряющая. Из рассказанного в стихах 19–33 сна мы видим, что внешним образом он вызывается в поэте ощущением переноса из тенистой долины на озаренную солнцем высоту; внутренним же образом он имеет глубокий символический смысл. Он означает именно, что человек никогда не возносится по собственной воле к высшему свету, но всегда не иначе, как при содействии божественной благодати, и весьма глубокомысленно то, что в том состоянии, в каком душа предается своему сродству с божеством еще только поэтично и еще, так сказать, полустихийно, т. е. во сне, —

все-таки это приближение к царству света носить на себе величавый и вместе с тем грозный характер, выражаясь, как здесь, в образе, заимствованном из язычества (орле), тогда как в действительности это приближение совершается в высшей степени кротко и приводит к христианскому смирению и покаянию. Впрочем некоторые комментаторы видят в этом орле символ императорской власти, так как местность, где появился орел, указывает на Трою (гора Ида), стих 22 и далее, откуда родоначальники этой власти вышли под водительством орла (Рая VI, 1–3). В таком случае сон этот будет означать то, что при помощи божественной благости орел, т. е. императорская власть, оторвет Данте от его прежних гвельфских стремлений к убеждению, как необходима эта (императорская) власть для основания царства Божия на земле. Но такое толкование очень сомнительно». Ноттер.

[314] Примечания: 314

«Средь призраков» (в подлиннике: Sordel rimase, e l'altre gentil forme); т. е. Нино, Куррадо и венценосные души (чистилища VIII, 44).

том

Очей сверкнув туда, где вход открыт,[315]

Исчезла вдруг, прогнав твой сон при этом.

64. Как человек, кто верой заменит

Сомнения и миром – дум тревогу,

Как скоро в лик он истину узрит,[316] —

67. Так в душу мир сходил мне понемногу:

И вот, когда все страхи улеглись,

Пошел мой вождь, и я за ним, в дорогу.[317] —

70. Читатель! Видишь, на какую высь

---

[315] Примечания: 315

Под именем «вход» здесь разумеется не самая дверь чистилища, так как она заперта (стих 120), но то углубление в скале, которое вначале представляется в виде щели, подобной той, какая делит стену. В углублении этом, перед дверями, где сидит ангел, находится площадка, на которой останавливаются входящие в самое чистилище. Бути первый указал на это обстоятельство и устранил мнимое противоречие между «quel entrata aperta» стиха 62 и следующими словами Данте, по смыслу которых она должна была быть «chiusa» (запертою), стихи 111 и 120.

[316] Примечания: 316

Изображение человека, решившегося наконец обратиться к лучшему (Чистилища XXI, 61 и далее). «Данте заимствует сравнение из самой вещи, которую описывает, или, другими словами, самую вещь делает предметом сравнения, он сам есть тот человек, который от сомнения

переходит к уверенности». Скартаццини.

[317] Примечания: 317

«Вступление в чистилище, в собственном смысле, есть, бесспорно, главный акт оправдания, с помощью которого грешник отвращается от грехов и решительно устремляется к Богу. Здесь, поэтому, наиболее уместно изложить учение схоластиков об оправдании. — Хотя нравственное улучшение есть дело всей жизни и во всех своих стадиях — плод взаимодействия благости с свободной волей, тем не менее настоящее очищение от грехов дело одного лишь момента, в котором прощение грехов и оправдание соединены неразрывно. Этот момент наступает у некоторых мгновенно, чудесным образом, как у Павла; у других — и это обыкновенный способ — ему предшествует неполное обращение, или некоторое размышление, которое еще не принадлежит к настоящему оправданию. Самому же оправданию, по Фоме Аквинскому, принадлежат четыре части: прежде всего, излияние действующей благодати, затем двойственное движение свободной воли к Богу и от греха, и, наконец, цель — прощение грехов. Хотя все эти четыре части по времени неразделимы между собой, однако gratia operane, как первичный источник оправдания, занимает первое место, или, говоря словами Фомы, она есть первая между ними в порядке природы. Когда же наступило оправдание, тогда дальнейшие успехи в добре будут действием содействующей благодати в соединении с свободной волей. Каждым таким шагом человек заслуживает новую себе милость, и при том не как награду или плату — понятие, не согласующееся с отношениями Бога к человеку, но, выражаясь языком схоластиков, по достоинству, так как оно соответствует Божественному порядку (Фома Акв. Sum. Theol II, 1. quaest 111–114). — Это-то неполное предварительное подготовление изображается в преддверии чистилища; но и оно не могло совершиться без содействия божественной милости. Поэтому-то Беатриче всегда посылает через Виргилия к Данте Лючию (Ада, 11, 97). Теперь легко объясняется, почему Лючия (здесь, очевидно, gratta operane) берет спящего Данте и без его собственного содействия приносит его к вратам чистилища; ибо первый толчок к оправданию приходит свыше; но вместе с тем понятно и то, что для того, чтобы войти в самые врата, все-таки необходима собственная решимость со стороны поэта и указание Виргилия (разума, свободной воли). Филалет.

Вознесся я: так, если здесь одену
В блеск вымысла предмет мой, – не дивись![318]

73. Мы, приближаясь, вышли на арену
Чистилища, где в том, что мы сочли
Сперва за щель, какая делит стену,[319]

76. Увидели врата, к которым шли[320]
Три вверх ступени, разного все цвета,
С привратником, являвшимся вдали.

79. Храня молчанье, грозный, без привета.
На верхней он ступени восседал,
С лицом столь светлым, что не снес

---

[318] Примечания: 318

«Опять новый намек на аллегорическое значение поэмы, как и в предыдущей песни, стих 19. Впрочем, здесь указание это почти не нужно, смысл ясен. Орел и Лючия обозначают, как мы видели, озаряющую благодать Божию. Поэт прославляет здесь свое искусство, и, действительно, этот сон совершенно уместен; ибо озаряющая благость Божия, или переворот в наших душах, твердая решимость к совершенствованию есть нечто неизъяснимое, как бы некий дар Божий; но вместе с тем человек этим решением подымается в высь, принадлежит уже добродетели, становится новым человеком, хотя еще не совершенно чистым и блаженным. Так точно и Данте, сам того не зная и без усилия, вознесен здесь до самого порога истинного места очищения; ибо Данте во всем, что он видит, чувствует и переживает, всегда изображает в себе состояние, которое должно быть обозначено, или, по крайней мере, это намерение поэта очень явственно выступает в некоторых местах его поэмы, и притом в Чистилище и в Раю гораздо

явственнее, чем в Аде». Каннегиссер.

[319] Примечания: 319

«Путь к совершенствованию только вначале труден и узок; но он расширяется сам, когда намерение наше твердо и мы идем неустанно». Каннегиссер. — Дверь чистилища, являющаяся как щель в стене, представляется совершенно противоположно адскому входу: та обширна (Ада И,20), эта узка; та всегда раскрыта настежь для идущих путем погибели (Ада VIII, 126), эта заперта; та никем не охраняется, эта охраняется стражем. «Входите тесными вратами; потому что широки врата и пространен путь, ведущие в погибель» и многие идут ими; потому что тесны ворота и узок путь, ведущие в жизнь, и немногие находят их». Матф. VII, 13, 14.

[320] Примечания: 320

«Врата» — именно те святые врата Петра, о которых сказано в Ада I, 134, ведущий входящих в них к блаженствам рая. Под этими вратами надобно разуметь самого Христа, согласно с Иоан. X, 7. «Я дверь овцам». — О символическом значении трех ступеней см. ниже.

я света,

82. В руке своей он голый меч держал,
Столь лучезарный, что при виде чуда
Я всякий раз взор книзу опускал.[321]

85. – Что нужно вам? ответствуйте оттуда![322] —
Так начал он: – Кто вас привел сюда?
Подумайте, чтоб не было вам худа.[323]

88. – Жена (известны ей с небес места!)[324] —
Ответил вождь, – вселила в нас отвагу,
Сказав: Туда идите, там врата. —

91. – И да направит вас она ко благу!

---

[321] Примечания: 321

«Привратник (вратарь) есть священник вообще и в частности — папа, как наместник Св. Петра. В особе его олицетворяется религия, потому что лик его так блестящ, что даже кающийся грешник потупляет пред ним очи. В руке его — меч, как символ правосудия и беспристрастия. Он молчит до тех пор, пока не убедится, что обратившийся хочет приблизится к нему; но тогда исповедует он его кратко и не скрывает от него всю трудность обращения. Ему достаточно знать, что приходящий к нему просветлен озаряющею милостью, и тогда он свободно впускает его». Каннегиссер. — Таково же мнение о значении привратника большей части древних комментаторов. По-видимому, Данте имел здесь в виду слова Св. Павла: «И шлем спасения возьмите, и меч духовный, который есть Слово Божие». Ефес. VI, 17; также слова книги Бытия о пламенном мече херувимов при дверях рая сладости (III, 21); также пророка Даниила: «Лицо его — как вид молнии». Дан. X, 6.

[322] Примечания: 322

Т. е. с того места, где вы находитесь. Почти теми же словами встречает поэтов кентавр Несс в аду (Ада XII, 63). «Только те могут быть участниками благотворного действия религии, к которым она действительно снизошла в сердце при помощи озаряющей божественной благости — того озарения, в котором никогда не бывает недостатка в чистом сердце, в стремящемся выше духе. Кто же приблизится к этим вратам без такого призвания, того поразит, как лицемера, сверкающий в руке привратника меч». Штрекфусс.

86. «Кто вас привел?» — По мнению Биаджиоли, «души, коим наступил час очищения, приходят в чистилище в сопровождении ангела», подобно тому, как ангел привозит души от Рима к берегам чистилища, почему и Катон, видя поэтов, спрашивает их: кто их привел? (Чистилища I, 43). Мнения этого держится большинство комментаторов. Следовательно, привратник, сделав этот вопрос, разумеет здесь не Лючию, а ангела.

[323] Примечания: 323

«Подумайте». Сличи Ада V, 20. То же самое говорит Христос ученикам своим: Лук. XIV, 28–30. «Чтоб не было вам худа». Сличи Ада XXIII, 13 и далее.

[324] Примечания: 324

Т. е. Лючия, знающая законы этих мест (diq ueste cose accorta).

Вновь начал вратарь, радостный, как день,

Идите же по ступеням ко прагу.

94. Мы подошли. И первая ступень[325]

Был чистый мрамор, столь блестящий, белый,

Что я, как был, мою в нем видел тень.

97. Вторая – камень грубый, обгорелый,

Багрово-темный, вдоль и поперек,

Надтреснувший в своей громаде целой.

100. Но третий камень, что над тем возлег,

Был красно-огненный порфир, похожий

---

[325] Примечания: 325

«Вход в чистилище есть символ таинства покаяния. Ангел, сидящий у входа, в силу сказанного выше, обозначает символически духовную власть церкви разрешать и связывать, т. е. духовника. Сущность таинства покаяния, по учению церкви, состоит из трех актов со стороны кающегося, соединенных со священническим разрешением, придающим им полноту. Эти акты суть: раскаяние, исповедь, или покаяние, и удовлетворение. К первому принадлежит сознание в совершенных грехах, скорбь о них и желание исправиться; ко второму — сознание в грехах перед посвященным и снабженным духовной юрисдикцией священником; наконец, удовлетворение есть действие благочестивого покаяния, служащее частью к уничтожению временного наказания греха, частью — к улучшению жизни. Ко всему этому, как ключ в своде, должно присоединиться пастырское отпущение, какое священник, в силу врученной ему власти ключей, может дать или не дать, смотря по тому, насколько раскрылось состояние духа кающегося». Фома Акв.

Sum. Theol. III, quaest. 84–90, suppl. quaest. 1-20. «In perfectione autem poenitentiae tria observanda sunt, scilicet compunctio cordis, confessio oris, satisfactio operis». — Петр Ломбардский. Sent. lib. IV, dist. 16, lit. A. «Haec est fructifera poenitentia, ut, sicut tribus modis Deum offendimus, scilicet corde, ore et opere, ita tribus modis satisfaciamus». — «Нет никакого сомнения, что в трех ступенях, по которым поэт входит к ангелу, он олицетворяет эти три акта покаяния: сокрушение сердца, сознание уст и удовлетворение действием». Филалет. Скартаццини.

На брызнувший из жилы алый ток.

103. На нем стопы поставил Ангел Божий,[326]

Воссев на праг, что блеском походил

На адамант. По глыбам трех подножий[327]

106. Меня по доброй воле возводил[328]

Учитель мой, сказавши: – Умиленно

Моли его, чтоб двери отворил.

109. К святым стопам припал я униженно,

Крестом грудь трижды осенив себе,

И отворить нам дверь молил смиренно.[329]

---

[326] Примечания: 326

«Три ступени означают три акта покаяния. Первая выражает раскаяние, потому она вся из белого мрамора, столь блестящего, полированного (в подлиннике: si pulito e terso), что в нем весь образ или тень Данте, так, как он есть (quale i' paio), отражается, как в зеркале, в знак того, что сознание в грехах должно быть полное и откровенное. Вторая ступень означает раскаянное сокрушение сердечное, почему и сложена из камня багрово-темного (perso, цвет, обозначающий черноту сердца), грубаго, перегорелого и надтреснувшего, так как и самое слово con tritio, по Фоме Аквинскому, происходит от того, что окаменелое сердце грешника при этом должно быть сокрушено, или раздроблено (Suppl. quaest. 1). — Через эту ступень Данте восходит на третью, означающую удовлетворение или примирение, почему и камень, легший в эту ступень, красно-огненного цвета, как кровь, брызнувшая из вскрытой

вены. Этот цвет ее, по одним древним комментаторам, означает самобичевание грешника, по другим — силу любви человека, побуждающую его сознаться в грехах своих, чтобы снискать удовлетворение в своих недостатках; может быть даже пролитую за искупление грешников кровь Христову. — На ней (ступени), как на фундаменте, воздвигнуто все здание церкви и, следовательно, лишь на ней зиждется вся духовная власть, сосредоточенная в священнике. — Только тогда, когда кровь Христова составляет основу всего духовного могущества и когда это могущество ограничивается лишь тем, что основано на таком фундаменте, только тогда престол этой власти будет чист, блестящ и несокрушим, как адамантовый праг, на котором восседает вратарь.

[327] Примечания: 327

«Праг, что блеском походил на адамант» (в подлиннике: la soglia, Che mi sembiava pietra di diamante). Алмаз или адамант — твердевший камень, имеющий свойство, по древнему сказанию, разгонять страх. Уже у Гомера, Гезиода и Виргилия (Aen. VI, 55) он, как символ несокрушимости, образует порог подземного мира; в святом писании он обозначает также несокрушимость (Иезек. III, 9). Согласно с этим, адамантовый праг, на котором восседает ангел, означает подвиг искупления Христова, или, говоря словами Филалета, — «драгоценную заслугу Христа, чрез которую получает свою силу обязанность священника отпускать грехи».

[328] Примечания: 328

«По доброй воле», т. е. по моей собственной. «Виргилий (разум) возводит Данте, ибо сам разум указывает нам на обращение к религии, которая одна может снять все затворы с дверей очищения». Канегисер

[329] Примечания: 329

Пройдя по трем ступеням, символизирующим таинство покаяния, и таким образом исполнив долг исповеди и получив надежду на примирение, он бросается к ногам духовника и ударяет себя в грудь, как требует церковный обряд покаяния при mea culpa» Ноттер. Филалет.

112. Концом меча он начертил семь P[330]

Мне на челе и: – Смой, вещал мне свято,

Семь этих ран на горной той тропе.

115. Как цвет золы, как прах, что взрыт лопатой,[331]

Был цвет одежд на Ангеле. И вот,

Взяв два ключа, – из серебра и злата,

118. Из-под одежд, вложил он наперед

Ключ белый, после желтый, и – по вере

Души моей – мне отпер двери вход.

121. – Когда один из них не в полной мере

---

[330] Примечания: 330

P есть начальная буква латинского (в церковном языке) слова Peccatum (грех). Каждое *P* обозначает один из семи смертных грехов, как мы увидим в продолжении поэмы. Они будут исчезать с чела поэта лишь мало-помалу, по мере того как он будет очищаться от греха вслед за грехом, или, говоря образно, по мере того, как он будет проходить по всем семи отделениям чистилища.

[331] Примечания: 331

Одежда на ангеле имеет цвет золы, или земли, вырытой лопатой (в подлиннике: terra che secca si cavi) для обозначения покаяния и человеческого ничтожества (по Канегисеру, — человеческого тела, в которое сам Христос облекся и чрез то стал человеком). Вместе с тем одежда эта, далекая от всякой роскоши и мирских украшений, означает смирение, столь приличное священнику при постоянном созерцании

Бога и ничтожества всего того, что составляет гордость человека». Штрикфусс, — «Смирение же более всего приличествует священнику: он не возносится над человеком, но совершенно равен ему (стоить на одной доске с ним) и должен скорбеть при разоблачении грехов его». Ноттерь. — «Пепел (зола) искони был символом покаяния, почему кающиеся в неделю покаяния (в католических церквах) посыпают главу свою пеплом». Филалет.

Войдет в замок, не тронет всех пружин. —

Он нам сказал, – не отопрутся двери.

124. Один ценней; зато с другим почин

Трудней, и дверь им отпереть хитрее,

Узлы же снять лишь может он один.[332]

127. Мне дал их Петр, сказав: – Впусти скорее.[333]

Чем ошибись впустить в мой вечный град,

Всех, кто припал к стопам твоим, робея.[334]

130. Тут, сильно пнув во вход священных

---

[332] Примечания: 332

Серебряным ключом отпирает священник сердце кающегося, чтобы видеть, что в нем греховно; золотым он отпирает в этом сердце вход к небу, давая отпущение грехов истинно кающемуся. «Серебряный ключ, как говорит Фома Аквинский, — искусство распознавать достойного от недостойного: золотой — основанное на заслуге Христа могущество давать отпущение или наказывать. Фома Акв. Sum. Theol p. II, Suppl. queast. XVII, art. 3 след, Под серебряным ключом разумеется, стало быть, первое; этот акт должен необходимо предшествовать последнему; кроме божественной помощи, оно требует еще и человеческих сил и способностей и должно понимать, может ли быть вообще речь об отпущении, должно распутать узлы. Зато последний, наоборот, драгоценнее, так как он всецело основан на заслуге Христа; но, во всяком случае, необходимы два ключа для полноты прощения грехов». Филалет. — Слово «замок» означает, следовательно, человеческое сердце.

[333] Примечания: 333

Т. е. ключи вручены мне св. апостолом Петром, который получил их от Самого Христа: «И дам тебе ключи Царства Небесного», Матф. XIII, 19.Ангелу переданы ключи Петром потому, что ангел здесь есть символ священника.

[334] Примечания: 334

Т. е. скорее отпусти грехи недостойному, чем откажи в том заслуживающему отпущения, — намек на библейские слова: «Не хочу смерти грешника, но чтобы грешник обратился от пути своей и жив был». Иезек. XXXIII, 11. Ангел ошибиться не может, но здесь под ангелом разумеется священник».

врат:

– Сюда! – сказал, – но знайте: тот в печали

Извергнется, кто кинет взор назад.[335]

133. И вот, когда вдруг крючья завизжали[336]

На вереях громадной двери той

Из громозвучной, самой чистой стали, —

136. Не так взревел и меньший поднял вой

Утес Тарпейский, быв лишен Метелла[337]

И оскудев расхищенной казной.[338]

---

[335] Примечания: 335

Ибо нет ничего опаснее, как возврат на прежнюю дорогу, по слову Спасителя: «Воспоминайте жену Лотову». Лук. XVII, 32, и: «Никто, положивший руку свою на плуг и озирающийся назад, не благонадежен для Царствия Божия». Ibid. IX, 62.

[336] Примечания: 336

Двери старинного устройства вращались не на петлях, а на крючьях.

[337] Примечания: 337

«И оскудев расхищенной казной» (в подлиннике: per che poi rimase macra) — «сказано, по-видимому, в противоположность к неисчисляемым небесным сокровищам, в обилии хранящихся в пределах чистилища». Ноттер.

[338] Примечания: 338

«Утес Тарпейский», или вершина Капитолия. Здесь находилось римское казнохранилище. Юлий Цезарь, перешедший Рубикон, вступил в Рим, после бегства Помпея, и хотел завладеть казною вечного города; но трибун Метелл, из рода Цецилиев, человек безукоризненной честности, храбро восстал против победителя Галлии, которому пришлось завладеть казнохранилищем силою, причем двери Тарпейского храма растворены были с громом и казна расхищена.

Tunc rupes Tarpeia sonat, magnoque reclusas
Testatur stridore fores: tunc conditas imo
Eruitur templo, maltis intactas ab annis etc.
Lacan. Phars. lib. III, 154… ets.

Двери Тарпейские заскрипели оттого, что в течение многих лет не отворялись вовсе. Точно так и двери чистилища издают треск, так как редко приходят к ним с чистым покаянием и они редко отворяются.

139. И, слыша гром, душа во мне замлела,[339]

И песнь «Te Deum», показалось мне,[340]

Торжественно запелась и гремела.

142. Что слышал я, то можно бы вполне

Сравнить лишь с тем, когда хоралы пышно

Поют под гром органа в вышине,

145. При чем нам слов то слышно, то неслышно.

---

[339] Примечания: 339

«Резкие звуки отворяющихся дверей чистилища переходят в торжественное пение, для обозначения того, что вначале покаяние жестко для нашего естественного чувства, но затем сменяется, на получении отпущения, ощущением блаженства». Филалет.

[340] Примечания: 340

Внутри раздаются звуки церковного гимна, сочиненного св. Амвросием по случаю обращения св. Августина, при чем первый начинал петь: «Te Deum laudamus!» (Тебе Бога хвалим), а другой продолжал «Te Dominum confitemur» (Тебе Господи исповедуем), и таким образом пели весь гимн попеременно. Гимн этот благодарственный, воспеваемый церковью лишь в торжественных случаях, и потому весьма идущий в данном случае: души внутри чистилища поют его в благодарность Богу, допустившему как их самих, так и поэтов в чистилище.

Песнь десятая

Первый круг. – Гордые. – Примеры смирения.

1. Лишь мы вошли в ту дверь, к ее ж порогу
Любовь ко злу не допускает нас,
Сводя с прямой на ложную дорогу,[341] —

4. Как дверь, я слышал, с громом заперлась;
Но оглянись я чем, безумья полный,
Я-б оправдал мой грех на этот раз?[342]

7. В расселине скалы мы шли, безмолвны,

---

[341] Примечания: 341

Как увидим ниже (чистилища XVIII, 19–72), Данте выводит все грехи из превратной или недостаточной любви; вследствие превратной любви люди нередко принимают земное и чувственное за истинное и сбиваются с прямой дороги на ложную. — «К истинной двери Христа подходят души тем реже, чем более сбивают их с пути ложные стремления, злая любовь к чувственному». Копиш.

[342] Примечания: 342

Вследствие данного Ангелом предостережения не оглядываться назад (IX, 132).

Где путь то вправо, то налево шел,

Как толчеёй колеблемые волны.[343]

10. – Здесь, – начал вождь, – нельзя на произвол

Идти; но надо, чтобы применялся

Наш шаг к извилинам, где путь прошел.

13. Чрез то наш ход настолько замедлялся,[344]

Что прежде стал на синие валы

Серп месяца, где в море погружался,[345]

16. Чем мы прошли сквозь то ушко иглы.[346]

---

[343] Примечания: 343

«Мы должны себе представить узкую горную тропинку, извивающуюся то вправо, то влево между двух высоких утесистых стен. При этом стена представляется с одной стороны как бы выдающейся вперед, с другой — подающеюся назад. Где тропинка особенно узка и крута, — необходимо цепляться руками за отклоняющуюся назад стену». Филалет. — «Прямая дорога потеряна (Ада I, 3); только чистые идут по ней, злые же идут по более трудной дороге. Сравнение этой дороги с прибегающими и убегающими волнами намекает на треволнения житейского моря (Ада 1, 23)». Копиш.

[344] Примечания: 344

«В начале скалистого ущелья дорога крута и трудна. Но с каждой побежденной трудностью растет сила к преодолению следующих, так что борьба эта становится, наконец, удовольствием. В истине этой

идеи может убедиться каждый, кто строго и неуклонно стремился к достижению какой-нибудь благой и важной цели и кто в этом стремлении становился чище и крепче силами. Идею эту поэт повторяет неоднократно в продолжении всей поэмы». Штрекфусс.

[345] Примечания: 345

Опять указание времени. «Теперь уже пятый день после полнолуния; луна заходит спустя 4 часа после восхождения солнца, Данте проснулся через *2*часа после восхода и был несколько задержан у ворот чистилища; следовательно, на прохождение извилистой тропинки должен был употребить 1 1/2 часа». Фратичелли. — См. Филалет, — «О слабом отблеске луны упомянуто уже в Чистилища IX, 1. Здесь, где Данте вступает на путь истинного смирения, не без значения сказано, что идущий уже на ущерб месяц закатывается за горизонт. Земная мудрость недостаточна для того, чтобы вести по этому ущелью (Ада XX, 128 и след.). Копиш.

[346] Примечания: 346

«Ушко иглы». Мы держались текста, принятого большинством издателей Божественной Комедии, именно cruna, а не cuna (колыбель). Данте называет узкое ущелье, по которому он взбирается, ушком иглы для выражения его узкости и трудности, имея, очевидно, в виду слова Спасителя: «Удобнее верблюду пройти сквозь игольные уши, нежели богатому войти в Царствие Божие». (Матф. XIX, 24; Марк. X, 25; Лук. XVIII, 25).

Когда ж на волю вывели нас ноги

Туда, где сзади вновь слились скалы,[347] —

19. Я, став без сил, и оба мы, в тревоге

Насчет пути, вступили в край пустой,[348]

Безлюднейший, чем по степям дороги.[349]

22. Он был от мест, где смежен с пустотой,[350]

До стен из скал, скрывавших верх в эфире,

В три человечьих роста шириной.[351]

25. И, сколько мог я видеть в этом ми-

---

[347] Примечания: 347

Т. е. туда, где в верхнем конце ущелья скалы горы слились опять в одну сплошную стену.

[348] Примечания: 348

«Вступили в край пустой». Мы увидим, что путники, подымаясь на гору Чистилища, влезают от времени до времени по узкой горной дорожке на уступ, круг, кольцо или карниз; все эти слова употребляет поэт для обозначения семи отделов горы очищения. «Именно все отделы чистилища состоят из семи уступов, обвивающих всю гору, образуя, следовательно, круги. Круг, в который теперь вступили поэты, самый низший, и потому самый большой, так как здесь очищается худший из грехов — высокомерие и гордость; таким образом, уступы эти, по мере восхождения, становятся все меньше и меньше. Следовательно, ад и чистилище, при всем их различии, имеют в себе много сходного. Ад

— это воронка, которая, чем более идет вглубь, тем сильнее наказывает грешников; чистилище — это гора, и чем более подымается она, тем слабее наказываются очищающиеся на ней; в аду пространство кругов становится тем меньше, чем глубже; здесь — тем меньше, чем выше; в аду пустота расположена с внутренней стороны и души пусты, совершенно лишены внутренних качеств, добродетели и счастья; здесь пустота лежит с внешней стороны и души должны освободиться от всякой привязанности к внешнему миру; там вечная мгла, здесь — свет; там скорбь составляет мученье, здесь — она только средство к блаженству». Каннегиссер.

[349] Примечания: 349

«Безлюднейшим назван этот круг, где очищаются гордые, в противоположность многочисленных скитальцев, которых встречали поэты внизу горы, за чертою настоящего чистилища». Ноттер.

[350] Примечания: 350

«Пустота, т. е. то воздушное пространство, которое окружает гору; оно названо пустотой в противоположность той полноте божественных сокровищ, которые ожидают очищающихся на вершине горы». Копиш.

[351] Примечания: 351

«Следовательно ширина его равнялась почти 18 футам». Филалет. — «Длина трех человеческих ростов имеет аллегорическое значение: гордость выражается в мыслях, словах и поступках, или — направлена против высших, равных и низших». Ландино.

ре,

Направо ли, налево-ль взор летел,

Весь тот карниз, казалось, был не шире.

28. Там, прежде чем пошли мы, я узрел,[352]

Что весь оплот стенных его окраин

(Знать, для того, чтоб взлезть никто не смел)[353]

31. Был мраморный и дивно так изваян;

Что не тебе лишь труд сей, Поликлет,[354]

Но и природе был бы чрезвычаен.

34. Там Ангел, в мир принесший нам

---

[352] Примечания: 352

На каждом уступе чистилища, как мы увидим, при вступлении в него представляются образцы той добродетели, которая противоположна греху или пороку, очищающемуся в данном кругу; при выходе же из круга — примеры самого порока и его последствия. Первые названы поэтом бичами (плетями), которые побуждают души снискивать эту добродетель, чрез это душа уже сама собою очищается от противоположного порока; вторые — уздою, удерживающею нас от порока. «Очищение высокомерия состоит отчасти в том, что высокомерные постоянно имеют перед глазами изваянные на боковой стене круга образцы противоположной добродетели — смирения. Для обозначения чистоты смирения образцы эти изваяны на белом мраморе: они то и составляют бичи гордости и находятся в стоячем положении; наоборот, узду высокомерия составляют картины высокомерия, изображенные

на земле (XII, 16 и далее), по которой ходят и которую попирают обремененные тяжестью высокомерные». Канегисер.

[353] Примечания: 353

В подлиннике: Che, dritta, di salita aveva manco, в других — Che dritta di salita aveva manco, т. е. на которую не было права восхода, или, другими словами, нельзя было восходить по причине крутизны.

[354] Примечания: 354

Поликлет — один из знаменитейших греческих скульпторов, живший около 342 г. до Р. Х… прославившийся особенно своим «Каноном» или правилами для пропорций человеческого тела, которому впоследствии следовали все ваятели, как закону.

декрет

О мире том, его ж в веках напрасно

Ждал человек, чтоб с неба снял запрет,[355] —

37. Пред нами был, так с истиной согласно

Изваянный, столь благостный в очах,

Что предстоял, казалось, не безгласно.

40. Клянусь, имел он «Ave» на устах,[356]

Направленных к той Деве благодати,

Что дверь любви отверзла в небесах.[357]

43. Вложен в уста ей был глагол дитяти:

---

[355] Примечания: 355

Изваяние, представляющее благовещенье Архангелом Гавриилом Деве Марии о том, что она родит Спасителя мира, через что человечеству будет подарен истинный мир и приготовится блаженство неба (снимется с неба запрет; в подлиннике: Che aporse il ciel dal suo lungo divteto). Лук. 1, 26–28.

[356] Примечания: 356

«Ave» — первое слово благовестия архангела: «Ангел вошел к Ней, сказал: радуйся, Благодатная! Господь с Тобою; благословенна Ты между женами». Лук. I, 28.

[357] Примечания: 357

В подлиннике: Che ad aprir l'alto amor volse la chiave, т. е. подвигла божественную любовь к милосердию к человечеству.

«Ecce Ancilla Domini», верней,[358]
Чем в воск влагают оттиск от печати.

46. -Не устремляй в один предмет очей,
Сказал Виргилий, близ меня стоявший
С той стороны; где сердце у людей.[359]

49. И, от Мадонны взор мой оторвавши,
За Ней узрел я в той же стороне.
Где был и вождь, меня к себе позвавший,

52. Другую быль на каменной стене.
И, обойдя поэта, к той картине
Я подошел, чтоб рассмотреть вполне.

55. На колеснице там влекла в долине

---

[358] Примечания: 358

«Се, Раба Господня; да будет Мне по слову твоему» — ответ Девы Марии архангелу (Лук. I, 38). Говоря об этих словах, блаж. Августин восклицает: «O vera humilitas quae Deum peperit hominibus!» — также Бонавентура (Spec. B. V, c. 8): «Ancilla Domini, qua nulla humilior unquam fuit, nec est, nec erit in aeternum». — «На всех уступах горы мы постоянно будем встречать Деву Марию, как первый образец». Копиш.

[359] Примечания: 359

Данте стоял слева от Виргилия («где сердце у людей»), следовательно, Виргилий был от него по правую руку. Эта вторая картина находилась, следовательно, справа от первой.

Чета волов божественный кивот,[360]

На ужас всем, не призванным к святыне.[361]

58. Пред ним, в семь ликов разделен, народ,[362]

Казалось, пел, и слух о гласе пенья

Твердил мне: – Нет! а взор мой: – Да, поет!

61. Так точно и о дыме всесожженья,

Там восходившем, ноздри и мой глаз

Меж да и нет вели друг с другом пренья.[363]

64. Царь-псалмопевец, сердцем веселясь,

Скакал там пред кивотом, кроткий

---

[360] Примечания: 360

Библейское сказание о том, как царь Давид, собрав израильтян, вознамерился перенести ковчег Божий из Ваала Иудина в Иерусалим, и для того поставил его на новую колесницу, запряженную волами; но, устрашенный смертью левита Озы (стих 37), не повез его в город Давидов, а обратил его в дом Аведдара, Гефеянина. Спустя три месяца, узнав, что Господь благословил тем Аведдара, Давид опять взял ковчег и понес его с торжеством в Иерусалим, принося на каждых шести шагах в жертву тельца и овна. В этот второй раз ковчег везли не волы на колеснице, а несли люди. В картине своей Данте не различает эти два момента, и соединяет их в одну картину.

[361] Примечания: 361

Намек на библейский рассказ о смерти левита Озы, прикоснувшегося к Божьему ковчегу, к которому запрещено было прикасаться под

страхом смерти. — «И когда дошли до гумна Нахонова, Он простер руку свою к ковчегу Божью (чтобы придержать его), и взялся за него: ибо волы наклонили его. Но Господь прогневался на Озу; и поразил его Бог там же за дерзновение, и умер он там у ковчега Божия». 2-я кн. Царств VI, 6–7. — С тех пор Оза стал представителем тех, которые, не имея к тому призвания и права, вмешиваются в церковные дела, как миряне (так как левиты не принадлежали к священникам).

[362] Примечания: 362

«В семь ликов», так в Вульгате и в славянской Библии, переведенной с текста 70 толковников: «Et erant cum David septem chori». 2-я кн. Царств VI, 12; в еврейском подлиннике и русском переводе этих слов нет Данте, конечно, пользовался лишь латинским переводом — Вульгатой.

[363] Примечания: 363

Т. е. ухо, не слышавшее пения, говорило: «нет, не поют!» — напротив, — глаза, видя живое изображение поющих, утверждали; «Да, поют!» Точно также обоняние и зрение не соглашались между собой: последнее принимало дым всесожжений, тогда как первое отрицало его; с такою правдою все это было изваяно, что чувства обманывались.

видом,[364]

Быв и царем и не-царем за раз.[365]

67. В окне дворца являлась, пред Давидом,[366]

Жена его Мелхола, вниз глядя,

Как женщина, что не простит обидам.

70. И, от Мелхолы дальше отойдя,

Осматривать я стал другие лики,

Белевшие мне в очи близ вождя.

73. Увековечен подвиг там владыки,

Чьи доблести среди его римлян[367]

Григория подвигли в бой великий:[368]

76. То римский император был Траян,

---

[364] Примечания: 364

«Давид скакал из всей силы пред Господом; одет же был Давид в льняной ефод». 2-я кн. Царств, VI, 14.

[365] Примечания: 365

В подлиннике: E più men che re era in quel caso — Он был здесь менее, чем царь, потому что в смирении смешался с толпой народа, и более чем царь, потому что, как служитель Божий, снискал себе милость Господа.

[366] Примечания: 366

«Когда входил ковчег Господень в город Давидов, Мелхола, дочь Саула (жена Давида), смотрела в окно и, увидевши царя Давида, скачущего и пляшущего пред Господом, уничижила его в сердце своем». 2-я кн. Царств, VI, 16.

[367] Примечания: 367
«В бой великий», т. е. с адом за спасение души Траяна.

[368] Примечания: 368
Исторически недоказанный анекдот (народная легенда) об императоре Траяне. «В то время, когда он совсем уже собрался в военный поход, одна вдова, у которой был умерщвлен сын, стала умолять его о правосудии, при чем император отложил поход до тех пор, пока не наказал убийцу. Павел Диакон, передающий этот рассказ, в своей «Жизни св. Григория Великого», повествует, что проходя через Forum Traianum и вспомнив об этом поступке, Григорий много и сильно плакал в храме св. Петра о языческом заблуждении столь кроткого государя. В следующую ночь Григорий услышал голос, говоривший ему: «Молитва твоя о Траяне услышана, но отныне ты не должен никогда молиться о язычниках. Франческо ди Бути прибавляет к этому, что Господь, по выслушании молитвы Григория, в наказание ему за то, что он молил о противозаконном, предложил ему на его выбор: или пробыть за это часом более в чистилище, или всю жизнь страдать бедренною немощью. Григорий избрал последнее». Филалет. — «Этот анекдот впервые был рассказан, и притом не о Траяне, а об Адриане, Диаконом Кассио (1. XIX, с. 5); затем об освобождении души Траяна из ада заступничеством св. Григория говорил Диакон Джиованни (в его Vita St. Greg. III. IV, e. 44). Легенда эта была в общей вере в средние века, и даже сам Ѳома Аквинский верил в ее правдивость: «Damascenus in sermone suo, de Defunct., narrat quod Gregorius pro Trajano orationem fundens, audivit vocem sibi divinitus dicentem: Vocem tuam audivi et veniam Trajano do; cujus rei, ut Damascenus dicit in dicto sermone, testis est Oriens omnis et Occidens. Sed constat Trajanum in inferno fuisse… De facto Trajani hoc modo potest probabiliter aestimari, quod precibus B. Gregorii ad vitam fuerit revocatus, et ita gratiam consecutus sit etc. Ѳома Акв. Sum. Theol. p. III, suppl. qu. LXXI, art. 5. На эту легенду Данте также намекает Рая XX, 44, 45, 106». Скартаццини.

И пред его конем, в слезах, вдовица
Рыдала в скорби от душевных ран.

79. Вкруг цезаря толпа, и ратных лица.
И всадники, и золотых орлов
Над ним по ветру веяла станица.[369]

82. Злосчастная, казалось, средь полков
– О, государь! – молила, – мщенье! мщенье!
Мой сын убит; казни его врагов!

85. И, мнилось, он в ответ: – Имей терпенье,
Пока вернусь! И та: – О цезарь мой! —
(Как человек, в ком скорбь в живом волненье) —

88. Вернешься ль ты? – А он: – Преемник мой
Исполнит долг! – Но та: – К чему указан
Другому долг, когда забыл ты свой!

---

[369] Примечания: 369
Данте, по-видимому, не знал, что римские орлы были литые из золота, и представлял их себе вышитыми золотом на знаменах.

91. И он на то: – Утешься; я обязан
Свой долг исполнить, прежде чем пойти:
Суд ждет меня, и жалостью я связан,[370]

94. Так Тот, Кому нет нового в пути,
Соделал зримыми все те вещанья,[371]
И чуда нам такого не найти.

97. Пока мне взор пленяли изваянья
Тех образцов смирения живых,[372]
Неоцененные Творца созданья,

100. – Смотри! Оттоль – но шаг их слишком тих![373]

---

[370] Примечания: 370

Весь этот разговор почти буквально заимствован из Павла Диакона. Сличи у Филалета. Позднейшая легенда прибавляет, что убийцей сына вдовы был сын самого Траяна. Император предложил вдове на выбор: казнить убийцу, или чтобы она взяла его на место убитого сына. Она избрала последнее.

[371] Примечания: 371

«Следовательно, сам Господь создатель этих образов, которые, как здесь, так и в других местах, заимствованы то из Библии, то из всемирной истории, нередко даже из языческой мифологии; и это вполне справедливо, так как здесь дело идет единственно лишь об изображении фактов: для Бога же богов ненавистен каждый порок, достойна любви каждая добродетель, к какому бы учению, христианскому или языческому, ни принадлежало порочное или добродетельное». Штрекфусс.

[372] Примечания: 372

«В трех изображенных здесь картинах мы видим: в первой смирение, совершенно покорное воле Божией, во второй — пренебрегающее мнением мира сего и в третьей — побеждающее собственные страсти». Копиш.

[373] Примечания: 373

«Так как Виргилий стоит теперь (стих 53) по левую руку от Данте, то мы должны себе представить, что души приближаются к поэтам с левой стороны горы». Филалет.

Шепнул мне вождь, – толпы теней явились;

Где путь наверх, узнаем мы от них.

103. Глаза мои, хоть все еще стремились

Обозревать диковин целый полк,

Не медля тут к поэту обратились.

106. Смотри, читатель, чтоб в тебе не смолк

Глас доброго намеренья при мысли,[374]

Как тяжко здесь выплачивают долг!

109. Забудь жестокость казней, и размысли,

Что в судный день все ж кончатся они;

Зато тех мук последствия исчисли![375]

112. – Поэт, – сказал я, – то, что в вы-

---

[374] Примечания: 374

«Глас доброго намерения» — обратиться к Богу чрез покаяние.

[375] Примечания: 375

Т. е. небесную славу, которая последует за этими муками. «Ибо думаю, чти нынешние временные страдания ничего не стоят в сравнении с тою славою, которая откроется в нас». Посл. Римл. VIII, 18.

шине[376]

Там движется: мне кажутся – не тени,

Что ж именно – непостижимо мне.

115. И он на то: – Тяжелый образ пени,[377]

Сужденный им, к земле их так гнетет,

Что был и я смущен сперва не мене.

118. Вглядись же в них, и взор твой разберет,

Что там за люд под грудой камней в свалке:

Смотри, как в грудь себя там каждый бьет![378]

121. О, христиан род гордый, бедный,

---

[376] Примечания: 376

«Опять обращение к читателю. Здесь, по мнению Данте, читателя могут поразить дна обстоятельства: во-первых, самые муки, т. е. род их или очищение, и в-вторых — продолжительность мук. На это поэт отвечает, что эти муки, как средство, причиняющее боль, необходимы для удовлетворения, и что они могут продлиться по высшей мере лишь до дня Страшного суда, когда добрые будут отделены от злых, и когда очищение достигнет своего конца; вся земля погибнет вместе с горой Чистилища и, надобно припомнить, для злых наступит иное и притом более мучительное состояние по причине новой телесной оболочки, какую они облекут тогда (Ада VI, 98, 111), и им будут дано иное местопребывание». Каннегиссер.

[377] Примечания: 377

«При сравнении плана чистилища с планом ада, становится очевид-

ным, что грехи невоздержания (Ада XI, 82), или, что равнозначаще, грехи любви, уклонившейся от своего порядка (Чистилища XVII, 124 и след.), поставлены в обоих местах на одну доску. Наоборот, — злоба, цель которой обида (Ада XI, 22–23), или злоба, имеющая последствием страдание ближнего (Чистилища XVII, 113), разделена в аду по средству — насилию и обману, в чистилище же по цели: возвышению, могуществу и мщению, при чем отдельные формы опять подразделяются по намерению, с каким они употреблены в дело. Единственно существенное различие состоит не столько в том, что нерадение и гнев, помещенные в аду в одном кругу, в чистилище разделены на двое, сколько в том, что в системе ада оба греха отнесены к невоздержанию, в чистилище же сюда отнесено одна нерадение, гнев же причислен к неправде. Причина этому лежит в различном принципе деления неправды или оскорбления, наносимого ближним, именно в том, что чистилище ставить на первом плане цель, которую достигает самый гнев, а не форму». Каннегиссер.

[378] Примечания: 378

«Здесь, в первом и, стало быть, самом обширном кругу, очищаются от греха своего высокомерные тем, что низко придавленные к земле тяжкими грузами, обходят вокруг горы. Как в жизни они ходили, не чувствуя бремени своего недостатка, с высоко поднятой головой так идут они теперь под гнетом этой тяжести, смиренно пригнутые к земле, и только теперь узнают, чего стоит каждое человеческое преимущество и возникающая из него слава, и как шатко основание, на котором зиждется человеческая гордость. — Что Данте не мог тотчас издали признать в согбенных вида человеческого, объясняется этим приниженным к земле положением их». Штрекфусс.

жалкий!

Вы, у кого так слаб духовный зрак,[379]

Что пятитесь назад стезею валкой![380]

124. Поймете ль вы, что человек – червяк,

Родившийся стать бабочкой небесной,

Когда на суд он прилетит сквозь мрак?[381]

127. Чем разум ваш кичится в жизни тесной?

Чем лучше вы неразвитых червей.

Не получивших полный вид телесный?

130. Как для подпоры крыш и галерей,

---

[379] Примечания: 379

«Воззвание к людям, с напоминанием, чтобы ни в своем земном не вполне развитом, даже в некотором смысле противоречащем истинному творческому закону, состоянии души своей не принимали себя за нечто особенно важное и чрез то не впадали в высокомерие, столь жестоко здесь наказуемое». Ноттер.

[380] Примечания: 380

«Воззвание к людям, с напоминанием, чтобы ни в своем земном не вполне развитом, даже в некотором смысле противоречащем истинному творческому закону, состоянии души своей не принимали себя за нечто особенно важное и чрез то не впадали в высокомерие, столь жестоко здесь наказуемое». Ноттер.

124-126. «Человеку определено в этой жизни из земного червя.

[381] Примечания: 381

«Человеку определено в этой жизни из земного червя. («Человек, который есть червь, и сын человеческий, который есть моль». Иов XXV, 6) стать бабочкой небесной; его земное состояние похоже на недоконченное развитие бабочки в коконе, даже в некотором отношении на неудавшееся образование, — в том именно отношении, что вследствие первородного греха природа наша утратила свое первоначальное достоинство; и при таком неразвитом состоянии мы еще гордимся?» Филалет.

С сведенными коленами у груди,

Кронштейном служат образы людей,

133. На что глядя, в скорбь истинную люди

От мнимой той приходят: так убит[382]

Был сонм духов, мной узнанных в той груде.

136. Кто больше был, кто меньше камнем скрыт,

Смотря, какой взвален им груз на спину;

Но самый терпеливейший на вид

139. Твердил, казалось: большего не сдвину![383]

---

[382] Примечания: 382

Так называемые кариатиды.

[383] Примечания: 383

«Муки чистилища не составляют, как муки ада, продолжения внутреннего состояния грешника на земле, но они скорее представляют его противоположность, чрез что они именно и получают значение эпитимии и очищения». Филалет.

Песнь одиннадцатая

Первый круг. – Гордые. – Молитва. – Омберто Альдобрандески. – Одеризи д'Агуббио. – Провенцан Сальвани.

1. Ты, Отче наш, на небесах живущий,
Где царствуешь, но не описан в них,[384]
Любя всех паче первый сонм, там сущий![385]

4. Твое в нас имя, слава сил святых,
Век да святится, и вся тварь да видит,
Коль сладостно дыханье уст Твоих.[386]

---

[384] Примечания: 384

В подлиннике: Non circonscritto, ma per più amore, намек на изречение: «Небо и небо небес не вмещают Тебя» (III Кн. Царств VIII, 27), также «Deus nulla corporali loco clauditur». Фома Акв. Sum. Theol. p. I, 2. qu CII. art. 1, — Сличи также Рая XIV, 30: «Non sirconscrilto e tutto circonscrive». «И на престоле был еси, Христе, со Отцом и Духом, вся исполняй неописанный». Тропарь на св. Пасху.

3. «Первый сонм» (в подлиннике: primi offetti). «Первый сонм, или первыя создания творческой силы Господней суть духи и небеса, жилище блаженных, созданные прежде человека. Бог, находится повсюду: но к его собственной духовной сущности приближены лишь одни существа более совершенные, помещающиеся, по учению Данте, в самом высшем небе света, в свободном эмпирее (Рая XXXIII). Таким образом, ничем неописанный и неограниченный Бог простирает свое отдаленнейшее действие и на Люцифера помещенного, как виновника зла, в тесноте земли. Следовательно, все находится в Боге, как доброе,

так и злое». Копиш.

[385] Примечания: 385

Переложение Молитвы Господней «Отче наш» в стих, «перифраз, говорит Томазео, не недостойный Данте, но все-таки не более как перифраз». В переводе я старался как можно ближе держаться итальянского подлинника и, где можно, удерживал выражения молитвы в славянском подлиннике. — Молитва есть наилучшее доказательство смирения; поэтому-то и молятся здесь высокомерные, а так как нет ни одной молитвы совершеннее той, которую Сам Христос преподал ученикам своим, то поэтому поэт и влагает в уста высокомерных не иную, а именно эту молитву с небольшими, частью распространяющими и объясняющими, частью вызванными потребностью стиха изменениями». Каннегиссер.

[386] Примечания: 386

В этой терцине обозначаются три лица св. Троицы: сила или всемогущество означает Бога Отца, имя — Бога Сына, и дыхание — Бога Духа Св. (Ада III, 5–6). В тесном смысле дыхание может означать и вообще премудрость Божию и употреблено здесь в ветхозаветном смысле: «Она есть дыхание силы Божией и чистое излияние силы Вседержителя». Премудр. Солом. VII, 25.

7. Мир Твоего к нам царствия да снидет,

К нему ж, собрав усилья все свои;

Мы не придем, коль сам он к нам не придет.[387]

10. Как доброй волей Ангелы Твои

Приносят жертвы и поют: «осанна»,

Так да творят и люди на земли.

13. Хлеб наш насущный даждь нам днесь: то – манна,

Без нее же вспять отводят нас шаги,

Стремясь вперед, в пустыне сей туманной.[388]

16. И так же, как друг другу все долги

Мы оставляем, так и нам остави,

---

[387] Примечания: 387

«Данте сам старался найти когда-то удовлетворение души своей в треволнениях житейских, но не мог найти там Божьего мира». Ноттер.

[388] Примечания: 388

«Души молятся здесь лишь за себя самих, а не так, как в стихе 19, и за живущих; поэтому, испрашивая себе хлеб насущный, или, как в подлиннике поэтично сказано: «манну», они просят себе не земного хлеба, а укрепления и просвещения своей души с неба, без чего один разум ведет лишь вспять, а не вперед». Штрекфуссь. — «Небесный хлеб есть божественное учение, сходящее свыше, слово Божие, олицетворенное в хлебе Тайной Вечери (Чистилища XII, 98 и след.)» Копиш.

И не суди нас по делам, Благий!

19. И наших сил, столь бренных в их составе,
Не дай прельстить невидимым врагам,
Но от лукавых помыслов избави.

22. Последний глас мольбы, уж лишний нам,
Не за себя, – за тех возносим, Боже,
Кого в грехах оставили мы там![389]

25. Так за себя и нас молитвы множа
И разные подъемля тяготы,
Как тот кошмар, что давит нас на ложе,[390]

28. По первому карнизу с высоты

---

[389] Примечания: 389

Находясь в чистилище, души не могут уже отпасть от Бога, почему и искушение не может вредить им (потому в стихе 21 они не говорят: избави нас, но просто: избави), как людям и душам, находящимся еще вне чистилища и охраняемым там от искушений ангелами (чистилища VIII, 98 и след.). Следовательно, это последнее прошение они обращают к Богу, не ради себя, но ради живущих на земле, и тем самым обнаруживают в себе наиболее смирения.

[390] Примечания: 390

Здесь выражены величина и продолжительность ношения тяжестей, коими угнетены души. Во сне нам нередко представляется противоестественное и невозможное, также чувство сильной угнетающей нас тяжести, известной под именем кошмара.

Шли призраки, томясь, но тем упорней
Смывая копоть дольной суеты.[391]

31. Коль молят так за нас в стране той горней,
То что ж должны в сем мире делать те,
В чьей воле есть еще благие корни?[392]

34. Должны помочь им смыть в их нищете
Грязь жизни сей, чтоб в чистом одеянье
Легко взнестись к надзвездной высоте!

37. – О, да ускорит суд иль состраданье[393]
Срок ваших мук, чтоб крылья распах-

---

[391] Примечания: 391

Т. е. грехи и в частности прегрешения гордости.

[392] Примечания: 392

Т. е. души в чистилище могут лишь молиться за живых, живые же могут помочь очищающимся как молитвами, так и делами. «Ista tria — Eucharistia, eleemosyna et oratio — ponuntur quasi praecipua mortuorum subsidia; quamvis quaecumque alia bona quae ex charitate fiunt pro defunctis, eis valere credenda sint». Фома Акв. Sum. Theol. p. III, suppl. qu. LXXI, art. 9.

[393] Примечания: 393

Слова эти говорит Виргилий, как прямо сказано ниже в стихе 40 и след.

нуть

Могли вы в край, куда вас мчит желанье![394]

40. С какой руки, скажите, легче путь?[395]

А если два здесь всхода или боле,

То укажите, где отложе круть?

43. Затем что спутник мой здесь, в сей юдоли,

Одет во плоть Адама, почему

Всходить с трудом он должен против воли.

46. Кто дал ответ на эту речь тому,

За кем я шел, я не узнал средь гро-

---

[394] Примечания: 394

Смысл тот: да сократит срок ваших очистительных мучений правосудие и милосердие Божие. «Во всех делах Божиих, говорит Фома Аквинский, проявляется его правосудие и милосердие, и если сострадание Божие имеет участие и при осуждении грешников (ибо оно наказывает их всегда менее, нежели сколько они заслуживают), то правосудие его тем более является при освобождении душ из чистилища». Vol. I, quaest. 21, art. IV.

[395] Примечания: 395

«Здесь нельзя не заметить, что Виргилий, который в аду сам всегда решал все вопросы, здесь, в чистилище, постоянно осведомляется о дороге у теней. Разум может узнать грех, как таковой, он может и должен сопутствовать на пути к очищению. Но на этом пути он сам по себе неверный вождь; только одна вера безошибочно ведет нас к

духовному и нравственному усовершенствованию». Штрекфусс.

му;[396]

Но так в толпе ответили ему:[397]

49. – Направо здесь, по берегу круто-
му,[398]
Идите с нами, и найдете ход,
Где вверх взойти возможно и живому.

52. И не мешай глядеть мне камень тот,
Что гордую мне выю так бесчестно
Пригнул к земле, что уж не зрю вперед,

55. Я б на того, чье имя мне безвестно,
Взглянул, чтоб вызнать: не знаком ли он
Со мной, несущим груз тяжеловесный.

58. Латинянин, в Тоскане я рожден;[399]

---

[396] Примечания: 396

Т. е. моему вождю, Виргилию.

[397] Примечания: 397

Потому что тени придавлены камнями к земле.

[398] Примечания: 398

По берегу, т. е. по уступу, или по краю уступа, окружающего гору. Тени идут слева, почему поэты, чтобы идти вместе с ними, должны идти направо.

[399] Примечания: 399

Латинянин, т. е. итальянец.

Отец мой был Гюльельм Альдобрандеско:

То имя вам знакомо ль средь имен?

61. Кровь древняя, род предков, полный блеска,

Такую мне вселили в душу спесь,

Что общую забыл нам мать и дерзко[400]

64. Стал презирать в душе народ я весь.

За что и пал, о чем все помнят в Сьене

И дети в Кампаньятико поднесь.

67. Я Омберто, и гордостью не мене[401]

Наказан здесь, как и моя родня,

---

[400] Примечания: 400

«Общую нам мать», т. е. землю. «Много трудов предназначено каждому человеку, и тяжело иго на сынах Адама, со дня исхода из чрева матери их до дня возвращения к матери всех» Премудр. Иис. сына Сирахова, XL, 1.

[401] Примечания: 401

Об этом Омберто (Гумберт), равно и об отце его Гюльельмо (стих 59), мало известно. Оба графа Альдобрандески принадлежали к фамилии Сантафиоре (чистилища VI, 111 и примеч.) и постоянно находились во вражде с соседней республикой Сиенской. В 1259 г. Омберто, сын Гюльельма (или Великого Тосканца, Gran Tosco, как (сказано в подлиннике), был умерщвлен (задушен) недалеко от Сиены к замке своем Кампаньянисо (в долине р. Омброне, в Маремме). Но некоторым сказаниям, убийцами его были переодетые монахами сиенские патриции. Филалет и Скартаццини.

Которая подверглась той же пене.

70. И этот груз я буду несть до дня,
Пока Господь простит мне, ибо ныне
Не средь живых, а между мертвых я.

73. Я, слушая, склонил лицо к стремени;
Но тут другой (не тот; кто говорил),
Весь скорчившись под камнем в злой кручине,

76. Узрел меня, узнал и возопил,
С усилием стараясь взор свой ближе
Вперить в меня, пока согбен я был.

79. – О! – я сказал, – Не ты ли, Одерижи?[402]
Честь Губбио, искусства честь того,

---

[402] Примечания: 402

Одеризи (в переводе Одерижи для рифмы) из Агуббио или Агоббио (ныне Губбио), города из герцогства Урбино, был знаменитый во времена Данте миниатюрный живописец, много работавший для папской библиотеки. Вазари говорит о нем, в своей жизни Джьотто, следующее: «В то время жил в Риме близкие приятель Джьотто, — чтобы не умолчать ничего, что в отношении искусства достойно упоминания, — Одерзии из Агуббио, отличный миниатюрист своего времени». — Бенвенуто да Имола говорит, чти он работал в Болонье и очень гордился своим искусством».

Что прозвано enluminer в Париже?[403]

82. – О, брат! – сказал он, – Ярче моего

Смеются краски из-под кисти Франко:[404]

Вся честь ему; мне ж часть ее всего!

85. Будь я живой, я б с гордою осанкой

Отверг ее, затем что вечно страсть

Первенствовать была моей приманкой.[405]

88. За спесь грозит нам всем возмездья власть,

И не смирись я сам, – ведь до могилы,

Я б мог грешить, – сюда б мне не попасть.

---

[403] Примечания: 403

Миниатюрная живопись называется по-итальянски miniare (от слова minio, красная краска, сурик), по-французски enluminer.

[404] Примечания: 404

Франко из Болоньи. О нем говорит Вазари следующее: «Гораздо лучшим мастером, чем Одеризи из Агуббио, был Франко из Болоньи, миниатюрист, производивший для того же папы (Бонифация VIII) в той же библиотеке и в то же самое время много очень хороших работ». Некоторые полагают (впрочем ошибочно), чти Франко был учеником Одеризи умершего в 1300 году; Франко жил еще 13 лет после него.

[405] Примечания: 405

«Не без намерения выставил здесь Данте такого незначительного живописца, как Одеризи, примером высокомерной самоуверенности

и гордости, заставляя его считать свои маленькие картинки за что-то необычайно важное, могущее упрочить ему видное место между людьми». Ноттер.

91. О, суетность отличий, что нам милы!

Как быстро деревцо свой может верх сронить,

Коль ряд годов ему не придал силы.[406]

94. Мнил Чимабуэ в живописи быть[407]

Из первых первым, а теперь уж Джьотто[408]

Явился – славу первого затмить.

97. Так Гвид лишен в поэзии почета[409]

Другим был Гвидом; может быть, их двух[410]

Спугнуть с их гнезд родился третий кто-то.[411]

---

[406] Примечания: 406

«О, тщетная слава человеческого гения! как кратковременны твои зелень и цвет, если только не наступит время невежества и отсутствия талантов»! Поэт хочет сказать, что слава первых художников помрачается последующими: так славу Одеризи помрачил Франко, славу Чимабуэ — Джьотто». Фратичелли.

[407] Примечания: 407

Чимабуэ Джьованни (1240–1300 г.), из знатной флорентинской фамилии, был в течение своей жизни первым живописцем во Флоренции, что доказывается не только этим местом у Данте, но и примечанием к нему древнейшего комментатора Божественной Комедии, Оттимо Комменто, где говорится: «nella citta di Firenze pintore ne tempi del'autore nobile molto, ch' uomo sapesse». Он, кажется, один из первых стал освобождаться от влияния сурового византийского стиля; ему впрочем недоставало знания перспективы. Но Оттимо Комменто, он имел харак-

тер гордый и гневный. На могиле его в Санта Мария дель Фиоре (Duomo) находилась, по Вазари, следующая надпись, которая, как полагают (по сходству с цитируемым местом Чистилища), сочинена Данте:

Credidit ut Cimabos picturae castra tenere,
Sic tenuit vivus, nunc tenet astra poli.

[408] Примечания: 408

«Джьотто», также флорентинец, современник и друг Данте, ученик Чимабуэ, затмивший славу своего учителя. Он родился, по одним, в 1276 г., по другим, в 1265 (в один год с Данте) в Веспиньяно, около Флоренции, где пас в детстве овец. Здесь, как говорят, Чимабуэ нашел его рисующего на каменной плите овцу. Заметив к нем талант, он взял Джьотто к себе в ученики. Вскоре слава Джьотте распространилась по всей Италии; он работал к Риме, Ассизи, Неаполе, Пизе и Падуе. Папа Бенедикт XI и Роберт, король неаполитанский, были его покровителями. Вазари говорит: «Fu Giotto amico grandissimo di Dante; e il ritrasse nella cappella del palagio del Podestà, di Firenze». Портрет этот найден в 1840 г. по снятии с этой целою известки с фресок на стенах кладовой тюрьмы, бывшей некогда капеллой дворца подесты во Флоренции. Джьотто решительно отверг, как образцы, старинные типы греческой живописи, его фигуры отличаются мягкостью, грацией и выразительностью, также естественностью драпировки их одежд. Некоторые из его картин вызывали удивление даже Рафаэля и Микель-Анджело. Он вместе с тем был великий архитектор, бессмертным памятником чему служит его величественная Campanile флорентинского собора. Он пережил друга своего Данте, — умер в 1336 году 60-ти лет от роду.

[409] Примечания: 409

«Данте живописи приравнивает и поэзию: и здесь один превосходит другого, последующий поэт — предшествовавшего; следовательно, и здесь мы должны учиться смирению и скромности». Каннегиссер. — «Почета в поэзии» (в подлиннике: Lagloria della lingua) — собственно

в итальянской, находившейся в начале периода своего развития; в ту пору на итальянском языке еще мало писали.

[410] Примечания: 410

«Каких двух Гвидо разумеет здесь Данте, — о том не все комментаторы согласны между собою; большинство однако ж видят здесь Гвидо Кавальканти (Ада X, Примеч. к 53; 63) и Гвидо Гвиничелли (Чистилища XXIII 92 и след.) и объясняют это место так: Гвидо Кавальканти, философ и поэт флорентинский, затемнит славу Гвидо Гвиничелли болонского. Другие под первым Гвидо разумеют Кавальканти, под вторым — Guido il Guidice Guido delle Colonne; наконец третьи (к которым принадлежит Филалетъ) разумеют под одним Гвиничелли, под другим — Гвиттоне д'Ареццо (Чистилища XXIV, 56 и XXVI, 124), что, однако, противоречит тому мнению, какое высказано Данте об этом последнем поэте в указанных местах чистилища. Действительно, Гвидо Кавальканти был первый итальянский поэт, заслуживающий имени поэта; в его стихах с нежным изяществом лучших трубадуров столько естественности и простоты, что они наполняют душу сладостным чувством. Эти обстоятельства и авторитет всех древних комментаторов слишком ясно говорят в пользу общепринятого толкования этого места. Гвиничелли умер в 1276 г., Кавальканти — в 1301». Скартаццини.

[411] Примечания: 411

И относительно этого стиха толкователи несогласны между собой: по одним, и притом по большинству, Данте говорит здесь о самом себе, как о будущем помрачителе славы обоих Гвидо; другие думают, что Данте говорит здесь вообще о непрочности человеческой славы. И это последнее мнение, по-видимому, самое верное: иначе было бы очень странно, чтобы не сказать более, что поэт так высоко выставляет себя и притом в том самом месте, где он представляет нам примеры смирения, где изображает наказание гордости и проповедует о смирении. Этого последнего мнения держится и знаменитый американский переводчик Данте, поэт Лонгфелло.

100. Изменчивей еще, чем ветра дух,
То дуновенье славы, что разносит
О наших именах по миру слух.

103. Что будет слава наша, пусть с нас сбросит
Хоть старост узы плоти, иль наш век
Под лепет: «папа», «мама» смерть подкосит,[412] —

106. Чрез сто веков? А их короче бег
Пред вечностью, чем перед обращеньем
Небесных кругов – взмахи наших век.

109. Вон славою того, кто с затрудненьем

---

[412] Примечания: 412

Конструкция этой терцины несколько темна в подлиннике. Данте хочет сказать: будем ли мы славнее через то, что умрем в старости или в детском возрасте, прежде чем начнем лепетать первые слова: папа, мама (в подлиннике: il pappo, — хлеб, папа, и dindi — деньги на детском языке), или, другими словами, — умрем ли мы стариками, или бессловесными детьми, — будет ли какая разница относительно нашей славы через тысячу лет? А тысяча лет в сравнении с вечностью гораздо короче, чем мановенье век наших в сравнении с движением того небесного круга, который вращается всего медленнее. Круг же, всего медленнее вращающийся в небе, есть круг неподвижных звезд, который, по Птоломею, совершает свой оборот в 36,000 лет. Следовательно, слава наша преходяща и кратковременна, как говорит Тацит; «quem illum tanta superbia esse, ut aeternitatem nominis spe praesumat?» Бруноне Бианки. По другим: «Данте разумеет здесь то медленное движение неподвижных звезд, которое известно в астрономии под

именем передвижения равноденствия. При этом звезды, по мнению Данте, высказанному в его Convivio, подвигаются на 1° вперед в 100 лет, а по новейшим вычислениям — в 72 года». Штрекфусс.

Бредет, – была Тоскана вся полна;

А ныне в Сьене он покрыт забвеньем,

112. Где был он вождь, когда сокрушена

Была спесь флорентинцев, что, столь славной

Считаясь встарь, теперь посрамлена.[413]

115. Известность ваша вся – не злак ли травный?

Была – и нет! Кто к жизни вызвал злак

Из недр земли, тот губит с силой равной.

118. И я: – Смирение, – ценнейшее из благ, —

---

[413] Примечания: 413

Тот, о ком здесь говорят и который на вопрос Данте прямо поименован в стихе 121, есть некто Провенцано Сальвани из Сиены (биографические о нем сведения у Филалета). Сильный поборник гибеллинской партии, он прославился как в войне, так в мире. Он стоял во главе правительства в Сьене, когда флорентинские гвельфы были разбиты при Монтаперти (4-го сентября 1260 г.), — «Superbissima persona e uomo di grande affare», говорит Ландино. С падением Манфреда могущество гибеллинов пало, и Флоренция опять перешла в руки гвельфов (1267 г.)» В 1269 году он опять стоял во главе правительства, когда Сьенцы были на голову разбиты флорентинскими гвельфами при Колле ди Вальдельза, в отмщение за Монтаперти, при чем «Сальвани был взят в плен; ему отрубили голову и, воткнув на пику, носили по всему неприятельскому лагерю. Этим вполне оправдалось предсказание, полученное им от дьявола путем волхвования, и превратно им понятое», — прибавляет

Виллани, — «ибо дьявол, вынужденный отвечать, что случится с ним в эту кампанию, коварно отвечал: «Anderai e combatterai, vincerai no, morrai alla battaglia, e la tua testa fia la più alta del campo», — слова, понятые Сальвани в том смысле, что он останется победителем в битве. Виллани lib. VII, с. 31. — «Вступив в управление городом Сьеной, гвельфы в том же году разрушили все дома и уничтожили всякое воспоминание о Сальвани». Акварон. Dante in Siena, pag. 112–123.

115-117. Т. е. солнце, которое вызывает теплотой своей молодую травку и ею же сушить и обесцвечивает ее. Точно так и время, рождающее славу и снова уничтожающее. — «Всякая плоть — трава, и вся красота ея, как цвет полевой». Исаии XL, 6; также: Премудр. Иис. с. Сирах. XIV, 18.

Живит мой дух, гордыне ставя грани.

Но кто же тот, о ком скорбишь ты так?

121. – То, – отвечал он, – Провенцан Сальвани!

И здесь за то, что в сердце мысль таил

Прибрать себе всю Сьену в мощны длани.[414]

124. Без отдыха он ходит, как ходил

Со дня кончины: вот чем здесь искупит

Свою вину, кто слишком дерзок был! —

127. И я: – Но если всяк, в ком грех притупит

О Боге мысль до самого конца,

Внизу обязан, прежде чем к вам вступит

130. (Коль не помогут добрые сердца!),

Пробыть так долго, сколько жил на свете,

---

[414] Примечания: 414

В подлиннике: «Такой монетой платят здесь». — «Ты не выйдешь оттуда, пока не отдашь до последнего кодранта». Матф, V, 26.

То как сюда впустили гордеца?[415]

133. И он: – Раз в Сьене, в славы полном цвете,
На площади колено преклонен,
Преодолевши стыд, он стал, – в предмете

136. Имея лишь одно, – чтоб был внесен
За друга выкуп Карлу, и, как скромный
Бедняк, дрожал всем телом он.[416]

139. Я все сказал. Слова мои пусть темны;
Но близок день, в который объяснит
Их смысл тебе народ твой вероломный.[417]

---

[415] Примечания: 415

Данте знал, что Провенцан Галивани умер слишком 30 лет тому назад и до смертного одра медлил принесть покаяние в грехах своих; с другой стороны, Данте слышал от Белакви (Чистилища IV, 127–135), что души, отлагающие свое покаяние до последней минуты жизни, должны оставаться в преддверии чистилища и, если им не помогут молитвы за них добрых сердец, допускаются в истинное чистилище не прежде, как исполнится срок, равный тому, какой они прожили на свете; поэтому — спрашивает Данте — как же был впущен Сальвани в первый круг чистилища тотчас после смерти, так как, он здесь носит груз свой со дня кончины? (стих 124).

[416] Примечания: 416

«Этот друг Сальвани назывался, по словам Бути, Винея или Виньа. Здесь намекается на следующий факт, записанный у Ландино. «Король Карл

Анжуйский заключил в тюрьму друга Сальвани и наложил на него пеню в 10,000 золотых флоринов, которые он обязан был выплатить в течение месяца; в противном случае грозил ему смертной казнью. Весть об этом пришла к мессеру Провенцану, который, страшась за жизнь друга, велел поставить скамью на ковре посреди площади в Сьене, сел на нее и униженно умолял Сьенцев, не помогут ли они ему в этой нужде посильным взносом денег, не принуждая к тому никого, но смиренно прося у них помощи. Сьенцы, видя своего повелителя, обыкновенно столь надменного, а теперь униженно просящего, сжалились над ним, и каждый, по мере средств своих, подал ему помощь. Король Карл получил 10,000 флоринов, и пленник был выпущен из тюрьмы столь нечистого короля». Скартаццини. — Легко понять, как такой смиренный поступок должен был взволновать кровь (в подлиннике: Si condusse a tremar per ogni vena) в груди надменного Сальвани. Этот рассказ помещен у Оттимо и в Anonimo Fiorentino и у других комментаторов. Винея или Винья сражался за Конрадина Гогенштауфена против Карла I Анжуйского и взят в плен в несчастном сражении при Гаглияскоццо.

[417] Примечания: 417

«Пророческий намек на то, что Данте сам вскоре очутится в таком же положении, как и Провенцан, т. е. в горькой необходимости вымаливать у друзей и благодетелей милостыню для поддержания себя в изгнании». Каннегиссер. — «Твой народ (в подлиннике: и tuoi vicini, — соседи) не поступит так, как Провенцан Сальвани, когда взносом наложенной на тебя денежной пени можно было бы возвратить тебя из изгнания». К. Витте.

142. Т. е. этот поступок (тут Одеризи отвечает на предложенный ему Данте вопрос) освободил Сальвани от обязанности пробыть много лет в преддверии чистилища. «Следовательно, не одни только молитвы по усопшим, но и их собственные добрые дела могут, по-видимому, сократить срок пребывания перед вратами чистилища, особенно, если эти дела находятся в прямой противоположности с главным грехом очищающихся усопших». Ноттер. — «Сколько ты велик, столько смиряйся, и найдешь благодать у Господа». Премудр. Иис. с. Сирах. III, 18.

142. За этот подвиг путь ему открыт.

Песнь двенадцатая

Первый круг. – Гордые. – Примеры наказанной гордости. – Ангел смирения. – Подъем во второй круг.

1. Как под ярмом идут волы походкой
Тяжелою, шел с тенью я в тиши,[418]
Доколь мне дозволял мой пестун кроткий.[419]

4. Когда ж он мне: – Оставь ее! спеши!
Здесь надлежит, чтоб всяк, подняв ветрилы,[420]

---

[418] Примечания: 418

Данте вместе с Одеризи идет ровным шагом и со склоненной к земле головой, как кающийся в грехе гордости, под одним и тем же ярмом высокомерия. Сравнивая себя с волом, идущим под ярмом, поэт желает показать укрощение гордости своего сердца: «Человек, скорбящий о великости бедствий, который ходит поникши и уныло, и глаза потусклые, и душа алчущая воздадут славу и правду Тебе» Господи!». Варух II, 18. — Подобное выражение встречается в Илиаде Гомера (XIII, 703–707, перев. Гнедича):

Так плуговые волы по глубокому пару степному,
Черные, крепостью равные, плуг многосложный волочат;
Пот при корнях их рогов пробивается крупный, но дружно
Она, единым блестящим ярмом едва разделяясь,
Дружно идут полосой и земли глубину раздирают.

[419] Примечания: 419

Данте смиренно уподобляет себя ребенку, к которому приставлен дядька-пестун. — «Закон был для нас детоводителем к Христу, дабы нам оправдаться верою». Посл. к Галат. III, 21.

[420] Примечания: 420

«С латинского: Velis remisque contendere, т. е. здесь каждый должен напрягать все свои силы к пути к нравственному усовершенствованию». Скартаццини.

На веслах гнал всей силой челн души! —

7. Я, выпрямя хребет свой, собрал силы
Для шествия, хоть помыслы во мне
Удручены остались и унылы.[421]

10. Я за вождем охотно в той стране
Последовал, и мы дивились сами,
Как стали мы легки на вышине.[422]

13. Тогда поэт: – Склонись к земле очами!
Чтоб облегчить подъем твой к высотам,
Не худо видеть почву под ногами.

16. Как на земле, на память временам,
Над мертвыми их плиты гробовые

---

[421] Примечания: 421

Т. е. тело выпрямилось, но дух мой, приниженный зрелищем казни гордых, не только наставлениями Одеризи, не последовал его примеру. Из Чистилища XIII, 136–138, увидим, что круг этот особенно озабочивает Данте, сознающего в своей совести склонность к гордости.

[422] Примечания: 422

Т. е. мы не были обременены тяжестями, как души горделивых, и потому легко и скоро обогнали их к пути. По Копишу, они легки от ревности к усовершенствованию.

Их прежний вид изображают нам.[423]

19. И часто льются слезы там живые.

Лишь вспомнится их образ дорогой,

Пленяющий одни сердца благие,[424] —

22. Так точно здесь, но с большей красотой

Я зрел изваянным рукой Господней

Весь тот карниз вокруг горы святой.[425]

25. С одной руки я зрел, как благороднейй[426]

Других существ всех созданный – быстрей,

Чем молния, спал с неба к преисподн-

---

[423] Примечания: 423

«Здесь разумеются надгробные плиты в полу притворов католических церквей, в отличие от тех гробниц которые устраиваются стоймя вдоль церковных стен». Лонгфелло.

[424] Примечания: 424

«Скорбь воспоминания о милых усопших, оживляемая как внешним, так и внутренним поводом терзает (в подлиннике — подстрекает: dà delle calcagne) одних только благочестивых людей на пути к облагорожению». Штрекфусс.

[425] Примечания: 425

«Изображения благодатного смирения представлены в стоячем положении по бокам утеса; изображения повергнутого высокомерия помещены на пути, по которому идут высокомерные — по весьма

понятной причине (сличи стихи 70–72): эти картины должны склонять взоры высокомерных книзу, следовательно, побуждать их к смирению». Штрекфусс.

[426] Примечания: 426

«С одной руки», т. е. с одной стороны дороги, по которой идут поэты «С другой руки» (стих 28), насупротив Люцифера изображен Бриарей. Первый представлен падающим, как молния, по слову евангелия: «Я видел сатану, спадшего с неба, как молнию». Лука X, 18. — Сличи Ада XXXIV, примеч. к 17 и 18.

ней.[427]

28. Я зрел, с другой руки, как Бриарей,[428]

Похолодев, пронзен стрелою неба.

Притиснул землю тяжестью своей.

31. Я зрел Палладу, Марса зрел и Феба:

Еще в оружье, смотрят вкруг отца,

Как падают гиганты в мрак Ереба.[429]

34. Я зрел Нимврода: с ужасом лица[430]

Он в Сеннааре, при столпе высоком,

Зрит на толпы, забывшие Творца.

37. О мать Ниоба! в горе сколь глубоком[431]

---

[427] Примечания: 427

Люцифер или Сатана, свергнутый с неба за гордость свою (Ада XXXIV, 17 и след.). Он сотворен благороднейшим между всеми прочими ангелами. (Ада XXXIV, примеч. 17, 18 и 35). Фома Аквинский (Sum. Theol. P. I, qu. LXIII, art. 7) приводить слова Св. Григория: «Primus Angelus qui peccavit, dum cunctis agminibus Angelorum praelatus eorum claritatem transcenderet, ex eorum comparatione clarior fuit».

[428] Примечания: 428

Бриарей — «один из сторуких гигантов греческой мифологии, сражавшийся за богов в войне их против титанов; он поражал врагов обломками скал. Данте, по-видимому, ошибочно смешивает его с титанами, им побежденными» (Ада XXXI, 44–45). Штрекфусс.

[429] Примечания: 429

Аполлон, Минерва (Паллада) и Марс изображены в тот момент, когда

были побеждены гиганты; все трое еще во всеоружии стоят вокруг отца своего — Юпитера. В подлиннике: Mirar le membra de' Giganti sparte, глядят на разбросанные члены гигантов, в подражание Овидию:

Певал я плектроном важным гигантов

И по Флегрейским полям победным молний удары.

Превращения 1, X, ст. 160, 151.

[430] Примечания: 430

«Нимврод», сильный ловец пред Господом (Бытия X, 8 и проч.), первый царь вавилонский, начавший в долине Сеннаара труд великий (в подлиннике: gran lavoro), т. е. Вавилонскую башню (Бытия XI, 1–6). Он смотрит на картине «с ужасом лица», не понимая смешанного языка своих народов (Бытия XI, 7–9). Сличи Ада XXXI, 74–81.

[431] Примечания: 431

«Ниоба», дочь Тантала и Дионы, супруга Амфиона, сына Юпитера и царя Фивского. Гордая своим богатством, красотой, силой, божественным происхождением, а главное — семью сыновьями и семью дочерями, нагло издевалась над Латоной, имевшей лишь одного сына Аполлона и одну дочь Диану. В отмщение за свою мать, Аполлон убил меткими стрелами всех сыновей, а Диана — всех дочерей Ниобы; последняя, оплакивая своих детей, превратилась в камень. Овидий, Превращения 1, VI, ст, 146–312.

Представлена ты там, кидая взор
На две седмицы чад, убитых роком!

40. О царь Саул: как ты пронзен в упор[432]
Там собственным мечом в горах Гельвуя,
Где дождь с росой не падают с тех пор![433]

43. О глупая Арахна! как, тоскуя,[434]
Полу-паук, сидишь ты на клочках
Своей работы, начатой так всуе!

46. О Ровоам! уж без грозы в очах,[435]
Но в ужасе твой образ колесницей

---

[432] Примечания: 432

«Саул, первый царь иудейский, побежденный Филистимянами, он упал на собственный меч на горах Гелвуйских: «Тогда Сауль взял меч свой и пал на него». I Кн. Царств XXXI, 4; I Паралип. X, 4.

[433] Примечания: 433

Узнав о смерти Саула и его сыновей, Давид воскликнул: «Горы Гелвуйские! (да не сойдет) ни роса, ни дождь на вас, да не будет на вас полей с плодами». II Кн. Царст. И, 21, Данте, по-видимому, полагал, что это восклицание Давида сбылось на деле, чего не говорит Библия.

[434] Примечания: 434

«Арахна» — в Лидии, дичь Идмона, красильщика города Колофоно, знаменитая ткачиха, наученная этому искусству самой Палладой, дерзнула вызвать на состязание в этом искусстве свою учительницу и соткала удивительную ткань с изображением любовных похождений богов. Разгневанная этим Паллада разорвала ткань в клочки; Арахна

в отчаянии повесилась и была превращена в паука. Здесь Арахна изображена в момент ее превращения.

[435] Примечания: 435

«Ровоам», сын Соломонов, подавший повод своим высокомерием к распадению евреев на два царства: Иудейское и Израильское (десять колен). Когда Иероваам и все собрание Израиля в Сихеме просили его: «Отец твой наложил на нас тяжкое иго, ты же облегчи нас», — Ровииам отвечал им: «Если отец мой обременял вас тяжким игом, то я увеличу иго ваше; отец мой наказывал вас бичами, а я буду наказывать вас скорпионами». III Кн. Царств XII, 10, 14, — Тогда Израиль отошел от него и побил камнями его посланного; Царь же Ровоам «поспешно взошел на колесницу, чтобы убежать в Иерусалим». III Кн. Царств XII, 18.

Уносится, хотя не гонит враг.

49. Являл помост и то, как бледнолицей[436]

Там матери Алкмеон заплатил

За роковой убор ее сторицей.[437]

52. Являл и то, как сыновьями был

Убит мечом Сеннахерим во храме[438]

И как в крови он брошен там без сил.

55. Являл помост, как пред Томирой в сраме[439]

Пал Кир, кому урок такой был дан:

Ты жаждал крови; пей же кровь здесь в яме!

---

[436] Примечания: 436

«Помост», т. е. мраморный, покрытый изваяниями путь, по которому идет Данте.

[437] Примечания: 437

«Алкмеон» сын фивского прорицателя Амфиарая (Ада XX, 34) и Эрифилы. Как прорицатель Амфиирай знал, что погибнет в Фивской войне, если примет в ней участие, и поэтому спрятался в месте, известном лишь одной жене его Эрифиле. Полиник, сын Эдипа, соблазнил ее роковым ожерельем (приготовленным Вулканом со свойством приносить несчастие тем, кто его носит) — чрез то узнал, где скрывается Амфиарай, который был таким образом вынужден принять с Эпигонами участие в осаде Фив. Узнав об этом поступке Эрифилы, Алкмеон, побуждаемый своим отцом, умертвил свою мать.

[438] Примечания: 438

«Сеннахерим» — надменный царь ассирийский, пошедший войной на

благочестивого иудейского царя Езекию и высокомерно издевавшийся над Богом Израилевым. Но Езекия смиренно помолился Господу, и Бог послал ночью своего ангела в стан Сеннахерима; и ангел умертвил 185 тысяч ассириан; Сеннахерим же со срамом возвратился в Ниневию и вскоре был умерщвлен в храме сыновьями своими Адрамелехом и Шарецером в то время, когда молился богу своему Нисроху. 1 кн. Царств XIX, 8-37; II Паралип., XXXII, 1-21; Исайи XXXVI, 1 XXXVII, 38.

[439] Примечания: 439

Кир — царь персидский, после долгого счастливого царствования, был совершенно разбит и потерял жизнь в войне со скифским народом массагетами. Когда принесли его труп к царице Томире (Tomyris), она велела отрубить голову Киру и бросить ее в яму, наполненную кровью, сказала: «Упейся кровию» которой не мог упиться: слова историка Юстина, у котораго Данте заимствовал, это сказание (I, 8).

58. Являл, как в бегство ассирийцев стан[440]

Был обращен, по смерти Олоферна,

И как простерт безжизненный тиран.

61. Я зрел там в Трое прах и мрак пещерный!

О Илион! как жалким и пустым[441]

Являл тебя разгром твой беспримерный![442]

64. Кто кистью там, кто там резцом живым

Так выразил черты и все отливы,

Что вкус тончайший удивился-б им?

67. Там мертвый мертв, живые все там

---

[440] Примечания: 440

«Когда бывшие к шатрах услышали о том, что случилось, то смутились, и напал на них страх и трепет, и ни один из них не остался в глазах ближнего, но все они, бросившись, бежали по всем дорогам равнины и нагорной страны», кн. Иудифи XV, 1–2.

[441] Примечания: 441

О значении всех этих изображений смотри содержание к этой песни. В стихе 63 Данте имел в виду Виргилия:

Cociditque snperbum llium.

Aen. III, 2, 3.
Сличи Ада I, 75.

[442] Примечания: 442

Мною удержано искусственное строение терцин, начиная от этого стиха до 63-го. Четыре первые терцины начинаются все словами: «Я зрел» (в подлиннике: Vedea); следующие четыре — восклицанием: «О!»; третьи четыре — словом: «Являл»; затем следует терцина, в которой повторены все эти слова. — «В этих изображениях представлено наказание, которому подвергаются гордые еще на земле, причем мифология смешана поэтом с истиной, так как, в глазах Данте, мифология — символ и остатки истории». Фратичелли.

живы![443]

Кто видит вещи, – видит их едва ль

Так хорошо, как видел я те дивы.[444]

70. Кичись теперь, гляди надменно вдаль,[445]

О Евин род! не дай увидеть взору,

В какую грех ведет тебя печаль!

73. Уж далее мы обогнули гору.

И солнце выше в небе уж взошло,

Чем думал я, весь занятый в ту пору,

76. Когда мне тот, кто так всегда светло[446]

Глядит вперед, сказал: – Теперь мечтая

---

[443] Примечания: 443

«Здесь следует разуметь не живопись и даже не сочетание живописи со скульптурой. На помосте (стих 49) или дороге, по которой идут поэты, писанные картины, очевидно, были бы невозможны. Всего скорее здесь можно представить так называемые intarsiato или scagliola (пластинки с выжженными красками), или sgraffiato новейших художников, где более темные места, выступая из других, более светлых масс, образуют рисунок». Канннгиссер.

[444] Примечания: 444

По толкованию Веллютелло, Вентури, Биаджиоли, Троя была область, Илион — собственно город Троянской области; но, кажется, вернее под именем Трои разуметь город, а под именем Илиона крепость или акрополь Трои (Сличи Ада XXX, 14).

[445] Примечания: 445

«Вслед за наказанием в чистилище всегда следует обращение к людям с указанием на исправляющее свойство этих казней, на их значение, как искуса. Здесь особенно глубокомысленно то, что взгляд высокомерных, склоняющийся к этим примерам наказанной гордости, понуждает эти гордые души преклонять свои головы». Филалет.

[446] Примечания: 446

Т. е. Виргилий.

Нельзя идти: приподними ж чело.[447]

79. Смотря: грядет уж Ангел, поспешая[448]

Навстречу к нам! Смотри: уже, сменясь,

Из стражи дня идет раба шестая.[449]

82. Благоговеньем ум и взор укрась,

Чтоб мог возвесть нас Ангел с наслажденьем;

Уж этот день вновь не придет, промчась.[450]

85. Я так привык внимать его внушеньям

Не тратить времени, что без труда

---

[447] Примечания: 447

Подражание Виргилию:

Non hoc ista sibi terapus spectacula poscit.

Aen. 1. VI, y. 37.

Вместе с тем Данте имел здесь в виду евангельские слова «Восклонитесь и поднимите головы ваши, потому что приближается избавление ваше». Лук. XXI, 28. — До сих пор Данте шел с наклоненной головой.

[448] Примечания: 448

«Карнизы или круги Дантова чистилища все разграничены между собой отвесной утесистой стеной и сообщаются один с другим посредством весьма трудной для подъема узкой лестницы, просеченной в скале. У первой, или нижней, ступеньки этой лестницы всегда стоит ангел, снимающий знаки греха с восходящих на гору. Таких ангелов

семь; каждый из них имеет свой особенный признак, отличающий его от прочих ангелов. Они не носят особых имен, как ангелы у Мильтона и Клопштока, но отличаются друг от друга главным образом теми евангельскими словами, которые звучат у них из уст, а также различным светом, которым они одеваются. Все они поют евангельские блаженства, и притом каждый поет свое специальное блаженство, смотря по тому, какой грех очищается в том кругу, к коему приставлен ангел». Перец, Sette Cerchi, по цитате Скартаццини.

[449] Примечания: 449

«Раба шестая» (ancella sesta), т. е. шестой час солнца. «Данте называет часы рабынями при колеснице солнца, а стало быть и дня, который родится и умирает вместе с солнцем.

Горам проворным велит титан закладывать коней.

Овидий, Превращения II, 118.

«В равноденствие день имеет 12 часов; Данте совершает свое странствование в равноденствие, так что если шестой час окончил свое служение, то значить теперь полдень уже прошел, — поэты оставались в этом кругу около трех часов». Скартаццини.

[450] Примечания: 450

«Во время благоприятное Я услышал тебя и в день спасения помог тебе». 2-е посл. к Коринф. VI, 2. «В деле исправления никогда не следует медлить, ибо один потерянный день потерян для целой вечности». Филалет.

Согласовал себя с его хотеньем,

88. Прекрасный Дух явился нам тогда[451]

В одежде белой, блеск в таком обилье

Струившей к нам, как ранняя звезда,

91. Раскрыв объятья, а потом и крылья,[452]

– Идите, – рек, – ступени здесь вблизи;

Они наверх взведут вас без усилья.

94. Как редко здесь восходят по стези!

О род людской! зачем ты так беспечен?

При легком ветре ты уже в грязи!

---

[451] Примечания: 451

«Вид его был как молния, и одежда его была как снег». Матф, XXVIII, 3. — «Первого ангела, которого увидал Данте, он сравнивает (Чистилища II, 13) с планетой Марса; этого — с Венерой (утренней звездой)» Бенвенутно Рамбалди. — «Совершенная противоположность с ангелом у врать чистилища, облеченным в одежды серо-пепельного цвета (Чистилища IX, 115) первый с мечом в руке встречал приближающихся предупреждением; этот встречает их с распростертыми объятиями». Ноттер.

[452] Примечания: 452

Намек на то, как мало очищающихся людей (Матф. XXII, 11). — Продолжение речи ангела (с этим не все, однако, согласны и приписывают эти слова поэту)» — «Метафора, заимствованная из жизни пернатых, которым напор ветра мешает лететь; ветер же здесь означает земную алчность и гордость, пороки, которые опутывают нас так, что мы не

можем устремиться к созерцанию небесных благ». Даниелли. — «Птицы только низшего полета встречают помеху в ветре и падают при этом на землю». Ноттер.

97. Нас приведя к скале, где путь просечен,[453]

Он крыльями пахнул мне по челу,[454]

Сказав: – Вам путь отныне обеспечен!

100. Как вправо, там, для всхода на скалу,

Где храм над Рубаконте расположен,[455]

Господствуя над Непричастной злу,[456] —

103. Подъем чрезмерно трудный стал возможен

По ступеням, работе тех времен,

Как в книгах счет, был в бочках вес не

---

[453] Примечания: 453

«К скале», т. е. к каменной стене, окружающей этот первый карниз и отделяющей его от второго круга.

[454] Примечания: 454

Этим движением он снимает одно из *P* с чела Данте.

[455] Примечания: 455

«Лестницу, просеченную в скале и ведущую из первого круга во второй, Данте сравнивает с теми ступенями, по которым поднимались (в прежнее время) к церкви Сан-Миниато близ Флоренции. Церковь эта находится недалеко от моста Рубаконте, называемого теперь Мостом Благодарности (alle Grazie). Теперь местность эта имеет иной вид, а именно, от Св. Николая дорога идет прямо к Сан-Миниато; эта проезжая дорога идет изгибами, без всяких ступеней. Слово «вправо», вероятно, надобно понимать так, что если идти от нынешней площади Питти

к Мосту Благодарности то дорога к Сан-Миниата будет направо». Филалет. — Мост Рубаконте построен в 1236 г., в честь мессера Рубаконте де Мандело, миланца, бывшего в то время подестой Флоренции, вымощенной при нем камнем; быть может, в то же время просечены сказанные ступени в скале Сан-Миниато.

[456] Примечания: 456

«Непричастной злу» (в подлиннике: la ben guidata — хорошо управляемая.), т. е, Флоренцией, разумеется в ироническом смысле (как и Чистилище VII, 127 и далее), «Данте не может говорить о Флоренции иначе, как клеймя с негодованием дурное управление и дурные нравы своего отечества». Штрикфусс. Напротив, ниже (стих 105) мы встречаем похвалу доброму старому времени.

ложен, —

106. Так точно здесь работой склон смягчен,[457]

Спадавший круто с берега другого,

Но с двух сторон утесами стеснен.

109. Лишь повернули мы туда, как снова

«Beati pauperes spiritu» хор

Воспел так сладко, что не скажет слово.[458]

112. О! как различен вход в ущелья гор

В аду и здесь! Здесь нас встречают пеньем,

Там ярый вопль встречал нас и раздор.

---

[457] Примечания: 457

Во времена Данте некто мессер Никола Ачиайоли вырвал целый лист из общественной книги счетов, чтобы скрыть какой-то подлог (Рая XVI, 55). Это было незадолго до 1300 г. Другой случай: Дуранта Чермонетезе, заведовавший соляными магазинами флорентинской общины, уменьшил казенную меру соли на одну doga (о чем тоже упоминается Рая XVI, 105).

[458] Примечания: 458

«Beati paupers spirita» — блаженны нищие духом — первой из восьми блаженств евангельских (Матф. V, 3), — Beate pauperi spirita potest referri vel ad contemptum divitiarum, vel ad contemptum honorum quod fit per humilitatem». Фома Ab. Sum. Theol, P. II, 2ae, qu. LXIX, art. 3. — в переводе я везде удержал латинские слова и изречения Дантовского текста, а таких изречений нигде нет так много, как в чистилище. Большею

частью это изречения из Библии и Евангелия по переводу Вульгаты. Сколько мне известно, ни один переводчик не удержал их — все переводили их на свой язык, по крайней мере, в рифмованных переводах; напротив, в переводах белыми стихами, например у Копиша, Филалета и в английском Лонгфелло, они удержаны. Я держался этого правила для того, чтобы не искажать библейских текстов, как принуждены были делать все, переводившие эти места на свой язык; и кроме того, они, как мне кажется, придают тексту особенную важность, как богослужебный язык, чего, конечно, можно было вполне достигнуть, если бы можно было без искажения употребить наш церковнославянский язык. При этом, однако, надобно заметить, что все эти латинские стихи должны быть в чтении произносимы без соблюдения обыкновенных в латинском языке ударений, а так, как требует того ритм русского стиха: точно также они читаются и у Данте в итальянском тексте.

115. Уж всходим мы по тем святым каменьям,

И, мнилось мне, что легче я несусь,[459]

Чем прежде шел в долине с утомленьем.

118. И я: – Поэт, какой тяжелый груз

Упал с меня, что я почти без всякой

Усталости к вершинам тем стремлюсь?

121. – Когда все P, – сказал он, – коих знаки

На лбу твоем (хоть блеск их и поблек),

Сойдут, как сей вот, с ними одинокий, —

124. Так овладеет воля силой ног,

Что дух в тебе не только томность

---

[459] Примечания: 459

Первое *P*, обозначающее грех гордости, исчезло в ту минуту, когда ангел (стих 98) пахнул крылом по челу Данте. Впрочем, с исчезновением этого знака почти совсем исчезли (в подлиннике: поблекли — presso che stinti) сами собой остальные, оставляя по себе лишь слабый след, так как всякий другой порок становится менее заметным, а следовательно в половину сброшенным, коль скоро мы очистились от высокомерия». Штрекфуес. «Crescente una virtute crescunt oranes et habes exemplum in cithara, in qua si debet esse debita proportio sonorum, necesse est ut quando una corda tendi tur, etiam omnes aliae tendantur, ne in harmonia fiat dissonantia». Бонавентура. Comp. tot. theol. verit. 1, V e. 7.

сбросит,

Но даже вверх с восторгом мчаться б мог.

127. Как человек, который нечто носит[460]

На голове, не ведая, пока

Ему не намекнет кто, иль не спросит;

130. Но убедиться пособит рука:

Поищет и найдет, работу справив

Невыполнимую для глаз пока.

133. Так, пальцы правой я руки расправив,

Нашел на лбу всего шесть букв из тех,

---

[460] Примечания: 460

Сбрасывание с себя дурной наклонности является не в виде отдельного определенного события, но есть результат созерцания, испытания и убеждения, и потому совершается мало-помалу и незаметно, точно так, как ночь переходит сперва в утренние сумерки и затем уже в ясный день. Данте поэтому не замечает сперва, что исчезло первое P от веяния ангельских крыл, и не знает причины, почему ему вдруг стало так удивительно легко». Штрекфусс. — «Уничтожение различных *P* обозначает освобождение души от различных земных наклонностей, препятствующих нашему подъему к добродетели; как скоро все они будут покорены разумом и тем самым приведутся к гармонию, тогда добродетель становится не трудной для человека; врожденная в нем искра божественная сама собою выводит его на правый путь». Филалет. — Сличи Чистилища IV, прим. к стихам 88–90.

Что врезал вратарь мне – ключей держатель.

136. То видя, вождь сдержал свой добрый смех.

Песнь тринадцатая

Второй круг. – Завистливые. – Примеры любви к ближним. – Сапиа из Сиены.

1. Мы к ступеням прошли вверху лежащим.[461]

Вновь сузилась горы той высота

Где отпускаются грехи всходящим.

4. Гора карнизами такими ж обвита

Как первый; лишь черта их закруглений

Там менее, здесь более крута. —

7. Здесь нет скульптуры, вовсе нет здесь теней,[462]

---

[461] Примечания: 461

Т. е. к верхним ступеням той лестницы, которая ведет из первого круга или карниза в этот второй (Чистилища XII, 97 и примеч.), где гора Чистилища сузилась, или, буквально, рассеклась во второй раз, чтобы образовать второй карниз или площадку, опоясывающую кругом гору.

[462] Примечания: 462

Гора Чистилища заостряется вверху пирамидально; оттого в каждом вышележащем кругу дуга окружающей его стены должна быть короче, круче или, говоря словами текста, должна скорее согнуться (più tosto piega).

Был ровен путь и гладок стен утес,[463]

И всюду темно-желтых ряд каменний.[464]

10. – Дождаться ль тех, кто нам решит вопрос:[465]

Куда идти? – сказал поэт: – но дело

Замедлится, боюсь, через расспрос.

13. И, взор очей вперив на солнце смело,[466]

Движенья центром сделал правый бок

И повернул всей левой частью тело.

16. – О, сладкий свет, ему ж нас вверил рок!

Он продолжал, – веди нас в мире этом,

---

[463] Примечания: 463

Трудно сказать, в каком смысле здесь говорится о тенях, — в обыкновенном ли значении, или в смысле теней, образуемых скульптурными изваяниями. Сличи Скартаццини.

[464] Примечания: 464

«Темно-желтый» (livido) цвет — намек на цвет зависти, который обыкновенно приписывается этому греху (стих 18).

[465] Примечания: 465

Завистливые находятся еще далеко от поэтов, а потому естественно, что ожидание и расспросы у них были бы напрасны.

[466] Примечания: 466

Полдень уже прошел (Чистилища XII, 81 и примеч.); остановившиеся наверху лестницы поэты имеют солнце с правой руки, поэтому Вир-

гилий поворачивает направо и для того опирается на правую ногу, делая ее центром движения и оборачивая левую часть тела кругом. Поэт выражается здесь, как военный, передавая словами исполнение команды «направо кругом». Смотри Лонгфелло.

Где надлежит, средь новых мне дорог.[467]

19. Ты греешь мир, живишь его ты светом,

И коль препон не встретим в чем-нибудь,[468]

Пусть нас всегда твой луч ведет с приветом!

22. Как длинен здесь, на свете, в милю путь,

Такую там в кратчайший миг дорогу

Мы

сделали, вдохнувши волю в грудь.[469]

25. И в воздухе услышал я тревогу

От прилетавших к нам незримых сил,

За трапезу любви всех звавших к Бо-

---

[467] Примечания: 467

Сличи Чистилища VII, 43 примеч. и Ада 1, 17 и примеч. — «Свет солнца заступает здесь место ангела, который в других кругах обыкновенно возводит Данте на высоту». Штрекфусс.

[468] Примечания: 468

Он говорить: божественная благодать всегда бы озаряла нас, если бы мы не делались недостойными ее по нашим порокам и грехам». Бути.

[469] Примечания: 469

Поэты постоянно направляются вправо и огибают гору по кругу налево, как в верхних кругах ада (Ада XIV, 114–119 прим.).

гу.[470]

28. И грянул вдруг, в полете быстрых крыл:

«Vinum non habent», первый глас громовый[471]

И, пронесясь, те речи повторил.

30. И, прежде чем вдали замолкло слово,

– Я, я Орест! – вновь голос раздался,

И, повторяясь, крик пронесся слова.[472]

34. – Отец, – спросил я, – что за голоса?

И лишь спросил, как вот уж голос третий:

– Врагов любите! – грянул в небеса.[473]

---

[470] Примечания: 470

Вместо скульптурных изображений, образцов смирения и высокомерия, какие мы видели в предыдущем кругу, здесь раздаются голоса каких-то незримых сил. Это во всяком случае не голоса самих завистливых, но или голоса невидимых ангелов, или, по объяснению Ноттера, божественное проявление того, чего требует нравственное самосознание, символические указания на священную и светскую истории, подобно скульптурным изображениям в предыдущей песни.

[471] Примечания: 471

«Vinum non habent» — «у них нет вина», слова Девы Марии на браке в Кане Галилейской. Ев. от св. Иоанна II, 2. В этих словах выражена любящая заботливость Богоматери о брачных гостях, в чем выказывается совершенная противоположность в отношении к свойствам завистливых.

[472] Примечания: 472

«Я, я Орест!» — Дружба Ореста и Пилада вошла в поговорку, и имя его здесь приводимо, как образец дружества; здесь Данте имеет в виду следующее обстоятельство: когда Пирр захотел подвергнуть смертной казни Ореста, Пилад назвался его именем, но Орест открылся Пирру, воскликнув: «Я Орест!» Цицерон, «О дружбе» 7. — По мнению Данте, сущность зависти заключается в недостатке любви; в этом восклицании, а еще сильнее в следующем воззвании (стих 36) выставляет он примеры чистой любви, готовой на всякие жертвы за ближнего.

[473] Примечания: 473

Слова Христа: Еванг. Матф. V, 41.

37. И добрый вождь: – Места бичуют эти

Грех Зависти, – затем свиты и там

Рукой любви бичующие плети.[474]

40. Смысл будет дан совсем иной словам,

Уздой служащим, – как и сам ты прежде

Узнаешь, чем придешь к прощения вратам,[475]

43. Но вдаль впери внимательнее вежды

И против нас увидишь душ собор,

Вдоль той скалы сидящий в их одежде.

---

[474] Примечания: 474

Т. е. примеры, которыми бичуется, наказывается и исправляется грех зависти, взяты из противоположной ей добродетели, именно из любви к ближнему. — Гордые образумливаются и обуздываются примерами смирения и наказанной гордости, представленными в скульптурных изображениях; то же достигается в кругу завистливых голосами, провозглашающими примеры любви, и притом любви к посторонним (Мария), к друзьям (Орест) и к врагам (слова Спасителя). Позднее мы услышим голоса, возглашающие примеры наказанной зависти; первые как бы бичи, побуждающие идти вперед по пути добродетели, вторые как бы узда, удерживающая нас от следования по пути ко злу». Филалет.

[475] Примечания: 475

Т. е., суди по тому, что я (Виргилий) видел в предыдущем кругу, ты услышишь обуздывающие голоса прежде, чем подойдешь к основанию

лестницы, ведущей в третий круг, где находится ангел, прощающий этот грех. Эту лестницу поэт называет «вратами прощенья».

46. Тогда раскрыл очей я шире взор,
И лишь теперь мог рассмотреть впервые
Сонм в мантиях я, цвета камней гор.

49. Я слышал вопль: – О дева! о Мария,
Молись о нас! молитесь хором всем,
О Михаил! о Петр! о все святые![476]

52. Не думаю, чтоб кто на свете сем
Был сердцем столько груб, чтоб не смутился,
Увидя то, что видел я затем.

55. И только я вблизи их очутился
Так, что черты мог рассмотреть их лиц,
От жалости слезами я залился,

58. Все в мантиях из грубых власяниц;
Все, прислонясь к утесу вековому,[477]
Там каждый на плечо склонялся

---

[476] Примечания: 476

Души поют литанию всем свитым, где за именем Девы Марии следует имя архангела Михаила и св. апостола Петра.

[477] Примечания: 477

«Носите бремена друг друга». Посл. к Галат. VI, 2.

ниц.[478]

61. К соседу, так слепцы, терпя истому,

На паперти стоят в прощенья дни,

Склоняя головы один к другому,[479] —

64. Так, что уже их образы одни,

Не только что мольбы их, в грусть приводят:

Столь жалостный имеют вид они!

67. И как слепцы и днем лишь мрак находят,[480]

Так и к теням, о коих слово тут,

Лучи с небес с усладой не доходят.

---

[478] Примечания: 478

Зависть в жизни слепа к собственному благу и бросает враждебный, косой взгляд на чужое благо. Мы встречаем здесь удивительно соответствующее сродство очищения вызываемому завистью состоянию души. Тени, побуждаемые взаимной любовью, склоняются плечами одна к другой, чем доказывают, что сделали уже прогресс в процессе очищения и показали, что истинное благо тем более дает счастья, чем большое, число лиц принимает участие в нем (Чистилища XV, 38, 39 примеч.). Теперь они прижались к утесу, под которым надо разуметь веру в Искупителя и приобретенную через нее милость божественную». Штрекфусс. — Они одеты в власяницу, в одежду покаяния, какую носили кающиеся евреи, эта грубая материя из волоса приготовлялась первоначально в Киликии. «Зависть, говорит блаж. Августин, есть ненависть счастья других: в отношении высших нам, — зачем они не равны нам; в отношении низших нам, в опасении, чтобы они не стали равны нам; в отношении равных потому, что они равны нам. От

зависти произошло падение мира и смерть Христа». Лонгфелло.

[479] Примечания: 479

«Прощенья дни» (Perdoni) т. е. дни, когда перед известными, привилегированными церквами раздаются индульгенции (отпущение грехов), куда обыкновенно стекается множество нищих, слепых и всяких калек ради милостыни. Сравнение это опять заимствовано из народной жизни католических стран.

[480] Примечания: 480

«Весьма глубокомысленно и трогательно, что Виргилий именно в этом кругу обращается к свету солнца (стих 16 и примеч.), как к своему вождю, и тем самым выставляет себя и своего ученика, как особенно облагодеянных этим высочайшим истечением божества». Ноттер.

70. Был проволокой край их век проткнут

И так зашит, как делается это

С злым ястребом, чтоб не был слишком лют.[481]

73. Я б оскорбил их, если б без привета

Прошел и, сам незрим, на них глядел, —

И вот взглянул на мужа я совета.[482]

76. Он мысль мою без слов уразумел[483]

И рек, не выждав моего вопроса:

– Спроси, но кратко; будь в сужденьях зрел.[484]

79. Виргилий стал с той стороны уте-

---

[481] Примечания: 481

«Операция, на которую здесь намекается, называется cileare (от cilium, веко)» Цель ея, — лишить на некоторое время дневного света, легче укротить диких соколов и копчиков (sparvier selvaggio, то же что grifugno: Ада XXII, 139 и примеч.), особенно только что пойманных или взятых из гнезда. Чрез оба века (нижних) проводилась нитка и даже проволока, концы которой связывались над головой, удерживая веки поднятыми до самых бровей. Император Фридрих II весьма выхваляет эту мучительную операцию. De arte venandi cum avibus. Lib. II, cap. 53». Филалет.

[482] Примечания: 482

Т. е. на Виргилия, моего советника; этим взглядом Данте испрашивает у своего учителя позволение заговорить с тенями.

[483] Примечания: 483

Т. е. он отгадал, что я хотел сказать, хотя я был молчал.

[484] Примечания: 484

В подлиннике: sii breve ed arguto; «со слепыми надобно говорить кратко и ясно, так как их ум менее развлечен окружающими предметами». Гратичелли.

са,

Где вниз упасть нетрудно, так как там

Ничем карниз не огражден с откоса.[485]

82. С другой руки от нас являлся нам

Хор скорбных душ, чьи слезы, прорываясь

Сквозь страшный шов, лились по их щекам.

85. – О род! – я начал, к теням обращаясь,

О род, достойный видеть Высший Свет,[486]

К нему ж паришь всем помыслом, здесь каясь!

---

[485] Примечания: 485

Виргилий стал справа от Данте для ограждения его от падения. См. Чистилища IV, 17 и прим.

[486] Примечания: 486

«Высший Свет», т. е. Бог, о котором в другом месте (Чистилища VII, 26) сказано: Palto Sol che tu disiri: Солнце то, к Нему ж парит твой ум. Бог в Святом Писании беспрестанно именуется светом. Псалмы XXVII, 1; Посл. Иоан. I, гл. I, 5; Иак. I, 17 и др. «Другие завистливые погружены в вечный мрак (Ада III, 48); эти же имеют надежду снова узреть Его когда-нибудь». Копиш.

88. Да снимет с вас греховной пени след

Скорей Господь, чтоб чистый ток, как младость,

Смыл с вашей совести грех прежних лет.[487]

91. Скажите мне (и было б то мне в сладость!),

Кому удел здесь из латинян дан?[488]

Я б, может быть, ему и сам был в радость.[489]

94. – Здесь Истинного Града лишь граждан[490]

Ты видишь, брат мой. Но ты хочешь встретить

---

[487] Примечания: 487

«Т. е. от тех последствий греха, которые, как пена или нечистота, остаются еще на душе после прощения грехов». Филлалет. «Как на воде пена доказывает нечистоту ее, так здесь поэт принимает ее за нечистоту совести». Бути. — «Из нашего духа рождаются наши хотенья, как река из своего источника; если эти хотенья честны, они проходят по нашей совести чистыми и светлыми: если же нечестны, они проходят грязными и нечистыми и все оскверняют ее». Веллутелло.

[488] Примечания: 488

Латиняне, т. е. итальянцы. Данте беспрестанно называет итальянцев: этим именем и не только в Божественной Комедии, но и в других своих сочинениях.

[489] Примечания: 489

Тем, что принесу на землю весть о них и упрошу живых молиться

о них.

[490] Примечания: 490

На земле нет у нас отечества, мы живем на ней только, как странники или пилигримы; гражданами мы становимся лишь на небе — в истинном граде Божием (Ада И, 128), в истинном Риме или Иерусалиме, по слову св. апостола Павла: «Итак вы уже не чужие и не пришельцы, но сограждане святым и свои Богу». Посл. к Ефес. II, 19.

Здесь странника из италийских стран?

97. Так на вопрос спешил мне дух ответить,

Вдали от места бывший, где стоял

Я сам; к толпе приблизясь, мог заметить

100. Я, что один меня средь прочих ждал;

Но спросят: как узнал я? По обычью

Слепцов – отвечу – лик он приподнял.[491]

103. – О дух, парящий к Божьему величью!

Коль ты, – я вопросил, – ответил мне,

То отзовись по месту иль отличью.

106. И тень: – Я, Сьенка, плачу о

[491] Примечания: 491

Кому не случалось наблюдать, что слепые, или те, у которых завязаны глаза, желая кого-нибудь выслушать, делают именно это движение лица, т. е. приподымают его (в подлиннике — подбородок, lo mento) вверх.

вине[492]

Моей злой жизни и, поникнув выей,
Молюсь к Нему, да снидет к нам вполне.

109. Я не была Софией, хоть Сапией[493]
И названа, и радость зреть других
В беде всегда была моей стихией.

112. И чтоб за ложь не счел ты слов таких,
Сам рассуди: жила я там умно ли?
Уж близилась я к склону дней моих,[494]

115. Когда мои сограждане у Колли
Сошлись с врагом; молила я Творца

---

[492] Примечания: 492

Говорящий дух есть некто Сапия, из дома Пидженцио. Она была изгнана из родного своего города Сьенны и жила в своем замке, недалеко от поля битвы при Колле (Чистилища XI, 101) и след.), откуда из окна смотрела на сражение с намерением выброситься из окна, если победят Сьенцы. Увидев же их пораженье, она пришла в неописанную радость и вскричала: «Теперь, что бы ни сделал мне Господь» я буду жить вполне удовлетворенная и умру спокойно». О ней более ничего неизвестно.

[493] Примечания: 493

В подлиннике: «Savia non fui, awegna che Sapia Fossi chiamata», — игра слов, которую я старался удержать, так как греческое Σοφια значить мудрость и может заменить итальянское savia (мудрая).

[494] Примечания: 494

Данте сравнивает в своем Convivio жизнь человека со сводом или аркой, составляющей как бы изображение небесного свода, от коего зависит наша жизнь. Вершина нашей жизни, по его мнению, находится между 30 и 40 годом, приблизительно в 35 году (Ада I, 1). Поэтому Сапии было теперь за 35 лет.

Пусть по своей Он все содеет воле.[495]

118. Разбиты в пух, бежали от лица

Врагов сиенцы, видя ж строй их шаткий,

Я ощутила радость без конца;

120. И, дерзкий лик возвысив в злобе сладкой.[496]

Вскричала к Богу: – Не боюсь Тебя!

Как сделал дрозд при оттепели краткой.

123. В конце же дней, мольбы усугубя,[497]

Я примирилась с Богом; но вины той

Раскаяньем не смыла-б я с себя,

---

[495] Примечания: 495

Другими словами: я молила Бога послать поражение Сьенцам, которое и без того последовало по Его предопределению.

[496] Примечания: 496

Пьеро Неттинано или Неттинайо, благочестивый пустынник из Францисканского ордена, прославившийся чудодейственными исцелениями и откровениями в Сьене во времена Данте. Без его молитв Сапия не могла бы так скоро войти в чистилище и должна бы была оставаться перед вратами его, ибо покаялась так поздно в грехах.

[497] Примечания: 497

Старинная сказка. Однажды дрозд, при наступлении теплой погоды в конце января, вылетел из клетки и вскричал по глупости: «Теперь я не боюсь тебя, Господи, зима уже прошла!» — По словам П. Ломбар-

ди, в Ломбардии и до сих пор последние три дня января называют «дроздовыми днями» «и giorni delle merli», — за ними часто наступают вновь холода.

127. Когда б меня не вспомнил знаменитый

Пьер Петтиньян в святых мольбах, спеша

Из жалости ко мне с своей защитой.

130. Но кто же ты, чья добрая душа

Скорбит о нас? чьи очи, как мне мнится,

Не заперты? кто говорит, дыша?

133. И я: – Здесь и моим очам затмиться

Удел, но ненадолго; сознаюсь,

Не любо им завистливо коситься.[498]

136. Зато душой я более страшусь

Подпасть под казнь толпы нижележащей.

И казни той на мне уж виснет груз.

139. И мне она: – Кто ж был руководящий

---

[498] Примечания: 498

Данте не чувствует себя совершенно свободным от зависти; но гораздо более виновным он считает себя в грехе гордости. Косой взгляд есть принадлежность зависти, как надменная выя — гордости. И последняя сгнетена у гордых в чистилище, как глаза зашиты у завистливых.

Тобой средь нас, коль мнишь попасть домой?

И я: – Мой спутник молча здесь стоящий.

142. Живой – пришел я к вам. Итак, не скрой,

Дух избранный! ты хочешь ли, чтоб встретил

В том мире тех я, кто любим тобой?

145. – Что слышу я, так дивно, – дух ответил,

Что познаю, как Богом ты любим;

Да будет же твой путь счастлив и светел!

148. И я молю всем для тебя святым,

Восстанови, когда пойдешь Тосканой,

Там честь мою сородичам моим.[499]

151. Там есть народ тщеславный, обуянный[500]

---

[499] Примечания: 499

Т. е. объяви им, что ты видел меня не в аду, а в чистилище.

[500] Примечания: 500

О тщеславье Сьенцев говорить Данте уже в Аду (XXIX, 122 и примеч.).

Пустой надеждой: только Теламон[501]
Обманет всех, как поиски Дианы;[502]

154. Всего ж сильней потерпит флот урон.[503]

---

[501] Примечания: 501

«Теламоне», — морская гавань в Маремме, много раз покидавшаяся своими жителями по причине малярии. Город совершенно в развалинах; но так как гавань очень глубока, то было бы полезно, если бы город стал обитаемым. Сьенцы затратили много денег на исправление города и на заселение его жителями; но все осталось тщетным, малярия решительно препятствовала увеличению народонаселения. Оттимо. — Теламоне в древности называлось Теламон; там высадился Марий по возвращении своем из Африки. Теперь Теламоне замок и гавань в Маремме близ Орбителло; замок поныне остается запущенным.

[502] Примечания: 502

«Томмазео рассказывает в своей истории Сьены (без указания на источники рассказа), что во времена язычества на Сьенеком рынке стояла над колодцем статуя Дианы, разрушенная впоследствии христианами. Отсюда возникло поверье, будто под городом в недрах земли протекал обильный источник воды, именуемый Дианой. Эта легенда представляет, подобно сказанию о статуе Марса во Флоренции, остаток страха перед изгнанными богами. Сьенцы потратили много денег на отыскание этого источника. Рабочие углубились однажды настолько, что уже стало будто бы слышно журчание воды таинственного источника. Некоторые родники выдаются и теперь проистекающими от него». Филалет.

[503] Примечания: 503

В подлиннике: Ma più vi metteranno gli ammiragli. Филалет и Ноттер одинаково объясняют этот стих, основываясь на древних комментаторах. Мечтая о приобретении могущества на море и соперничаньи с генуэзцами и пизанцами, сьенцы посылали ежегодно в Телпмоне для надзора за вооруженными галерами адмиралов, неизбежно умиравших от злокачественного климата. Слово ammiraglio, по-видимому, употреблено Данте как здесь, так и в Чистилища XXX, 58, скорее в смысле капитана над судном, чем в том, как мы теперь его понимаем. Таким образом, последние три стиха получат следующий смысл: Все усилия сьенцев устроить в Теламоне гавань будут столь же убыточны и тщетны, как

раскопки источника, но всего более потеряют служащие там моряки. Из приведенного здесь предсказания сверх того видно, что Сапия еще не вполне оставила привычку радоваться чужой беде». Ноттер.

Песнь четырнадцатая

Второй круг. – Завистливые. – Гвидо дель Дука. – Риньери ди'Кальболи. – Примеры наказания зависти.

1. – Кто это там обходит гору, прежде
Чем смерть дала ему полет, и сам
То открывает, то смыкает вежды?[504]

4. – Не знаю, кто; но знаю: два их там;
Спроси его – к нему ты недалече —
И вежлив будь, чтоб он ответил нам.

7. Так две души, склоня друг к другу плечи,
Вели направо слово обо мне;[505]

---

[504] Примечания: 504

Т. е. прежде чем душа его отделилась от уз тела и улетела в свое настоящее жилище, и почему глаза его не зашиты, как у них, о чем романцы узнают из слов Сапии (XIII, 131–132) и ответа ей Данте (133–138).

[505] Примечания: 505

Списанное с натуры изображение слепых, когда они хотят заговорить, подобное описанному выше (XIII, 102).

Потом лицо приподняли для речи.[506]

10. И тень одна: – О дух, что в пелене[507]

Еще телесной мчишься к небу! буди

К ним милостив и нас утешь вполне,

13. Сказав: кто ты? из стран каких? Все люди,

Познав, как благ к тебе Всевышний Бог,

Дивятся здесь о небывалом чуде.

16. И я: – Среди Тосканы есть поток,

Что в Фальтероне зачался и, смело

Сто миль промчась, в бегу не изнемог.[508]

---

[506] Примечания: 506

Разговаривающие здесь тени, как увидим ниже, два романца, Гвидо дель-Дука и Риньери де Кальболи. Услыхав слово Данте: «Живой, обращенные поэтом к Сапии (Чистилища XIII, 142), они спрашивают друг друга: «кто он такой?» Слова первой терцины говорит Гвидо, слова второй — Риньери.

[507] Примечания: 507

«И тень одна», именно Гвидо дель-Дука.

[508] Примечания: 508

«Река Арно, которую поэт не хочет назвать по имени по причине, изложенной ниже. Арно берет свое начало выше Стиа из горных уступов Фальтероны, соединенной посредством Апеннино делла Пенна с горою Коронаро, настоящим центральным кряжем Апеннинской цепи. Отсюда вытекает пят или шесть рек на север и северо-восток, а на юг кроме Арно также Тибр. К западу отделяется много притоков

реки Сьеве. Длина Арно от истоков до моря равняется, по Виллани, 120 милям» К. Витте.

19. Оттуда к вам несу я это тело;
Мое ж вам имя открывать – к чему?
Оно еще не слишком прогремело.[509]

22. – Коль речь твою я правильно пойму,
Ты говоришь об Арно здесь прекрасном.
Так первый дух ответил, и ему

25. Сказал другой: – Что ж в слове том неясном
Скрыл имя он красы всех прочих рек.
Как бы сказав о чем-нибудь ужасном?

28. И дух, который спрошен был, изрек:
– Зачем, – не знаю; но, по правде, стоит.
Чтоб имя то изгладилось навек.

31. С верховья вод, где столько речек роет

---

[509] Примечания: 509
Имя Данте, которое он скрыл от Сапии в предыдущей песни, уже было очень славно в 1300 г. его канцонами, сонетами и Vita Nuova. Если здесь он ничего не хочет знать о своей славе (хотя в Чистилища XI, 99) примеч. он и указывает на свою будущую славу, а в Аду И, 84 и след. прямо о ней говорит), то, вероятно, выражается здесь таким образом из опасения тех тяжестей, под которыми он видел гордых, столь жестоко обремененных (XIII, 136–138).

Грудь гор, от коих отделен Пелор,

Что вряд ли где вода так землю мо-
ет,[510] —

34. Вплоть до тех мест, где вод могу-
чий сбор

Вновь отдает взятое небом с моря,

Чтоб тем питать потоки нив и гор,

37. Все от добра бегут, страну дозоря,

Как от змеи; – таков ли грунт страны,

Иль свычай злой влечет там к злу для
горя,[511] —

40. Но только так в душе искажены[512]

Все жители той бедственной юдо-
ли,[513]

---

[510] Примечания: 510

Описание течения Арно и долины этой реки. «Взгляд на карту Италии показывает, что поток Арно едва ли не самая водная часть Апеннинского хребта. Здесь вытекают к югу реки Арно и Тибр, к северу — Лимоне, Монтоне, Савио и Марекккиа». Филалет. — «Мысь Пилор (в древности Peloris или Pelorum), составляющий южную оконечность Сицилии, уже по мнению древних, был отторгнут от Апеннин вулканическими силами (горы Сицилии геологически суть продолжения Апеннин) с образованием при этом Мессианского пролива. Впрочем, новейшие геологи видят здесь лишь первоначальную поперечную расщелину в горном хребте». К. Витте.

[511] Примечания: 511

Т. е. до взморья, до впаденья Арно. — «Вода почвы и атмосферы в постоянном кругообращении. Обширная поверхность моря вследствие

испарения наполняет воздух водяными частицами. Осаждаются они в виде дождей и снега. От этих осадков питаются ключи, а от ключей — реки, несущие опять свой запас воды в море, которое бы окончательно иссякло без такой поддержки». К. Витте. — «Здесь Данте, по-видимому, противоречит своему учителю Брунетто Латини, который объясняет в своем Tesoro происхождение ключей простыми пустотами в земле, куда поднимается морская вода вследствие давления воздуха». Филалет.

[512] Примечания: 512

«Здесь высказывается совершенно верное мнение о влиянии климата на характер обитателей. Уже Цицерон говорил, что обычаи людей зависят ab ipsa natura loci et a vitae consuetudine». Скартаццини.

[513] Примечания: 513

Т. е. жители превращены в зверей, из разумных стали неразумными. Волшебница Цирцея превращала всех своих гостей, как известно, в животных, преимущественно в свиней; на одного только Одиссея не подействовали ее чары.

Что, кажется, Цирцеей вскормлены.[514]

43. Меж грязных стад свиных, достойных боле[515]

Жрать желуди, чем пищу есть людей,

Тот бедный ток сперва бежит по воле.[516]

46. Потом встречает, становясь сильней,

Не столько сильных, сколько злобных, шавок,[517]

И мчится прочь с презреньем с их полей.[518] —

49. Спадая вниз и ширясь от прибавок

---

[514] Примечания: 514

Вина необыкновенной длины этих разорванных вводными предложениями терцин лежит на поэте, на его переводчике.

[515] Примечания: 515

«При истоках Арно в Казентино, находились главные владения графов Гвиди; спускаясь вниз по Арно от Ареццо, мы встречаем Поппи, замок графа Гвидо Новелло, затем Ромена, собственность потомков Агинольфо де Конти Гвиди, и наконец, Поричиано, где жили потомки Тегрино. Итак, первое сравнение со свиньями падает на род Гвиди». Филалет пытается в своем комментарии объяснить причину итого поругания. — «Свиноводство процветает и поныне в верхней долине Арно (Казентино), стране дикой и по склонам гор покрытой лесом и за малыми исключениями еще необработанной. Один из замков графа Гвиди, лежащий выше Стиа, называется Порчиано, по имени одной

ветви фамилии Гвиди. Совершенно ошибочно хотели обратить этот презрительный эпитет на графов Порчиано. Трое из живших тогда братьев этой линии сопровождали императора Генриха VII в его походе и у двух из них Данте нашел себе гостеприимный приют». К. Витте.

[516] Примечания: 516

«Бедный ток», povero calle, — река здесь еще очень мелководна.

[517] Примечания: 517

Шавки botoli, порода малого роста, но очень злая и лающая более всех других собак. — «Ай, шавка, знать она сильна, что лает на слона!» — Этим именем обозначается Ареццо, один из менее сильных тосканских городов, тем не менее стоявший нередко во главе гиббелинской партии и сражавшийся часто с гвельфами, но по большей части без успеха. На гербе его надпись: «A cane non magno saepe tenetur Aper».

[518] Примечания: 518

В подлиннике: Ed a lor disdegnosa torce il muso, и от них с презрением отворачивает рыло. Данте сравнивает здесь, Арно с большой собакой, гордо отворачивающейся от мелких лающих на нее собачонок» — «Стесненный Центральными Апеннинами и горою Протоманьо, Арно течет сперва к юго-востоку и отклоняется в сторону Катенайских Альп к югу, в направлении к Ареццо; но, не достигая его, вдруг поворачивает дугой к западу». К. Витте.

Побочных рек, к Волкам уж он течет,[519]

В злосчастный ров, и проклятой вдобавок.[520]

52. Стремя потом в пучины массу вод,[521]

Находят Лис, так преданных обману,[522]

Что их никто во лжи не превзойдет.[523]

55. Пусть внемлет он, я клясть не перестану.[524]

Да и ему ж то лучше, коль потом

Моих речей он вспомнят правду рьяну.

---

[519] Примечания: 519

Под именем волчьего рода разумеются здесь флорентинцы. Волк у Данте служит всегда символом алчности и вместе с тем имеет отношение к гвельфской партии. Упрек в алчности часто делается флорентинцам в Божественной Комедии; Флоренция же была главою гвельфов в Тоскане.

[520] Примечания: 520

«Ров» т. е. русло Арно. «Как строгий, неумолимый моралист, Данте называет его проклятым, как флорентинец, — злосчастным». Джиоберти.

[521] Примечания: 521

«Здесь, как и везде, Данте очень точен в своих топографических описаниях. Пробежав по продолговатой долине Казентино (стихи 43–45), река Арно вступает в котловину Ареццо (стихи 46–48). Отсюда она проникает по узкой, опять продолговатой долине между горою

Протоманьо и горами Чианти, пока у Сиевского моста не проложит себе русла в Соттскую долину, в обширной котловине которой лежат: Флоренция, Пистойя и Прато (стихи 49–51). Новые притоки вод между Ластра и Емполи (стихи 52–53) направляют, наконец, его бег в равнину Пизы». Филалет.

[522] Примечания: 522

Здесь разумеются жители Пизы. «Уже старинная народная поговорка придает пизанцам характер изменнической хитрости (Ада XV, 67 прим.). Такой характер выступает еще сильнее на вид, когда они были ослаблены после морского сражения у острова Мелории (Приложение III к I книге Божественной Комедии, Ад. — Исторический очерк событий в Пизе во времена Уголино, стр. 317) и стояли одни против могущественного гвельфского союза. Стоит только вспомнить об Уголино и его противнике Руджьере, и о графе Гвидо да Монтефельтро, главе Пизы, поступки которого Данте прямо называет лисьими (Ада XXVII, 75)». Филалет.

[523] Примечания: 523

«Здесь поэт снова возвращается к порицанию порчи своего времени и страны, и кары его неисчерпаемы и неумолимы. Прежде всего под именем грязных свиней он разумеет жителей Казентино, под именем — шавок жителей Ареццо, под именем волков — жадных и более смелых флорентинцев и, наконец, лисицами за хитрость и обман называет пизанцев.». Штрексфусс.

[524] Примечания: 524

Т. е. Данте: пусть он услышит пророчество о судьбе своей родины.

58. Вот, вижу я, твой внук идет ловцом[525]

На тех Волков, и там, где льется масса

Воды свирепой, им задаст разгром.[526]

61. Живых, он их продаст, как груды мяса,

Как старый скот, зарежет всех на вес,[527]

Лишит их жизни, чести сам лишася,[528]

64. Обрызган кровью, бросит страшный лес,[529]

И бросит уж таким, что и чрез годы

---

[525] Примечания: 525

В подлиннике: nipote, племянник, а также внук. Ландино и Оттимо Комменто называют Риньери прадедом Фулчьери. Речь идет о Фулчьери да Кальболи, племяннике (по другим — внуке) Риньери да Кальболи, — того духа, к которому, как увидим ниже, обращается теперь Гвидо дель Дука. «Фулчьери происходил от известной фамилии Кальболези в Форли. В 1302 г., после того как Карл Валуа вернул Черных во Флоренцию, он был подестой этого города. В его управление Белые подверглись жестокому гонению и многие вожаки этой партии были казнены при двух следующих обстоятельствах. Част Белых была тогда в изгнании, другая жила, хотя и угнетенная, во Флоренции. Была перехвачена переписка между пизанскими изгнанниками и флорентинскими Белыми. Возникло судебное дело: предводители Белых были посажены в тюрьму и подвергнуты пытке. Некоторые умерли под пыткой (напр. Тиньозо ди Маччи); другие сознались в намерении отворить ворота гибеллинам, после чего все были обез-

главлены. Некоторые члены фамилии Абати спаслись лишь бегством, но имение их конфисковано. — В том же году Белые из Романьи под предводительством Скарпети и дельи Орделаффи из Форли (Ада XXVII, 45 и примеч.), личного врага Фулчьери, завладели местечком Луличьяно на Магелло; но с прибытием Черных под предводительством самого подесты бежали; многие из беглецов переловлены местными жителями и представлены Фулчьери, который приказал казнить всех. Между прочим, мессер Донати Алберти, одетый в женское платье, был с позором представлен одним крестьянином на осле к подесте. Тот велел наложить ему на шею веревку и, открыв окно дворца, показал его в этом виде народу, который приговорил его немедленно к смерти». Филалет.

[526] Примечания: 526

Вода свирепая, река Арно.

[527] Примечания: 527

«Продаст», потому что, как говорят, он предал за деньги многих из партии Белых в руки их врагов. «Старый скот», т. е. как режут старого быка, негодного для работы — жесточайшая ирония! «Может быть намек на бесчеловечное обращение с Донати Алберти». Филалет.

[528] Примечания: 528

Т. е. доброй своей славы, как человек продажный и жестокий.

[529] Примечания: 529

«Страшный лес» (trista selva), очевидно Флоренция, так как она была особенно гибельна партии Белых, называвшейся также партией Лесных (Ада VI, 65). — «Как тени одного адского круга названы (Ада IV, 66) лесом, так здесь названы жители Флоренции». К. Витте.

Лес все былых не соберет древес,[530]

67. Как от предвестья будущей невзгоды

Смущается лицо того, кто внял,

Откуда грянут вскоре непогоды,

70. Так видел я, что, вдруг смутившись, стал

Печален дух, услышавший то слово,[531]

Когда на свой он счет рассказ принял.[532]

73. Мне речь того и грустный вид другого

Внушили мысль: кто эти духа два?

И я с мольбой к ним обратился снова.

---

[530] Примечания: 530

«Не соберет древес» (в подлиннике: Nello stato primaio nun si rinselva), т. е. никогда не придет в свое прежнее цветущее состояние.

[531] Примечания: 531

Дух, внимавший его речи, — Риньери.

[532] Примечания: 532

«Может показаться странным, что этот дух, конечно, и сам обладающий ясновидением умерших, узнает здесь о будущем из уст другого; но, как следует заключить из Ада X, 100–114 примеч., мертвые лишь тогда видят будущее, когда это прозрение вызывается к них каким-нибудь особенным обстоятельством, напр. вопросом. Подобный вопрос и был предложен (стихи 25–27) Гинду дель Дука». Ноттер.

76. Тогда тот дух, что говорил сперва,

Так начал вновь: – Твои мольбы – прилука

Мне щедрым быть, как скуп ты на слова.[533]

79. Твой к нам приход столь верная порука

В любви к тебе небес, что буду ль скуп

Я на слова? Так знай: Я Гвид дель Дука.[534]

82. От зависти так сердцем я огруб.

Что если радость делали другому,

Я весь бледнел и зеленел, как труп.

85. Что сеял я, – такую жну солому![535]

---

[533] Примечания: 533

Данте (стих 20) отказался назвать себя по имени.

[534] Примечания: 534

О нем, как и о Риньери, ничего более неизвестно, как то, что оба были весьма храбры, Дель Дука — родом из Бертиноро в Форли; Риньери же по Филалету, был, кажется, в 1252 г. подестой в Парме и в 1276 г. в войне с Джеремеи играл некоторую роль с Гвиди да Монтефельтро. См. Приложение II к I книге Божественной Комедии, Ад, Политическое состояние городов Романьи в 1274–1302 г., стран. 309.

[535] Примечания: 535

«Что посеет человек, то и пожнет». Посл. к Галат. VI, 7.

О род людской! зачем так любишь то,

В чем есть запрет сообществу чужому?[536]

88. Сей дух – Риньер, честь Кальболи! Слито

В нем все, чем славен этот дом: удела

С ним равного там не стяжал никто.[537]

91. Но кровь его ль там ныне оскудела —

От Рено к взморью и от гор до По[538] *—*

Всем тем, что нужно для забав и дела?[539]

---

[536] Примечания: 536

Здесь разумеются дары счастья. Объяснение этих слов читатель найдет в следующей песни, стих 44–45 и след.

[537] Примечания: 537

Дурное мнение, высказанное здесь о доме Кальболи, относится главным образом к позорному поведению вышеупомянутого Фулчьери во Флоренции. Впрочем и в других местах, кажется, были не очень довольны членами семейства Кальболи». Филалет.

[538] Примечания: 538

Превосходно очерченные границы Романьи: к северу — река По, к югу — Апеннины, к востоку Адриатическое море и к западу — река Рено, впадающая недалеко от Болоньи в По.

[539] Примечания: 539

В подлиннике: Del bon richiesto al vero de al trastullo, т. е. истинными

благами, способными удовлетворить волю, цель которой — наслаждение в лучшем смысле слова, а также интеллектуальное наслаждение, стремящееся к достижению истины.

94. Нет, в тех пределах так все заросло[540]

Зловредным терном, что уж благочинья[541]

Там поздно ждать, где так окрепло зло.

97. Где добрый Лиций? Гвидо ди-Карпинья?

Арриг Манарди? Пьер ди-Траверсар?[542]

О, Романьолы, выродки бесчинья![543]

100. Болонья даст ли вновь нам Фаббро в Дар?

Вновь явится ль в Фаэнце новобранец,

Как Бернардин, пахавший в поле

---

[540] Примечания: 540

Т. е. в сказанных пределах Романьи.

[541] Примечания: 541

«Зловредный терн» (venenosi sterpi), сличи Ада XIII, 6. Некоторые разумеют под этим тиранов. Выражение опять напоминает дикий лес I песни Ада, стих 5». Скартаццини.

[542] Примечания: 542

Поименованные здесь четыре фамилии отличались своими добродетелями и бескорыстием. Лицио да Вальбона, гражданин из г. Форли известный своим гостеприимством. Арриго Манарди из Бреттиноро, по словам Оттимо Комменто был «рыцарь, полный благородства и доблести задавал часто пиры, раздаривал гостям одежду и коней, уважал храбрых и проч. Он был друг Гвидо дель Дука». — Гвидо ди Карпинья, по словам того же комментатора, «превосходил всех других своей

щедростью, любил преданно и жил благородным образом». Траверсаро из весьма древней романской фамилии, по его же выражению, «был предан прекрасной и достойной жизни». Подробнее см. у Филалета и Скартацини.

[543] Примечания: 543

«Романьёлы» (Romagnoli) — жители Романьи.

пар?[544]

103. О! не дивись, что плачу я, Тосканец!
Я вспоминаю Гвидо Прата, с кем
Жил Уголино д'Аццо, чужестранец,

106. И славного Тяньезо с домом всем,
Род Анастаджи с родом Траверсара
(Фамилии, что вымерли совсем).[545] —

109. Дам, рыцарей, дела их, полны жара,
Вселявшие любезность и любовь[546]
Там, где теперь в сердцах вражда и свара.[547]

112. О Бреттинор! зачем в стране ты вновь,

---

[544] Примечания: 544

«Франческо ди Бути рассказывает, что фамилия Ламбертации, о которой здесь идет речь, вела свое начало от кузнеца, бывшего некогда столь могущественным, что он почти стал главою Болоньи. К его потомкам принадлежал упоминаемый здесь Фаббро де Ламбертацци (некоторые комментаторы в слове Fabbro видят имя нарицательное)». Филалет. — «Бернардино (в подлиннике: di Fosco), сын Фоско, крестьянина, настолько возвысившагося своими добродетелями, что даже знатные люди того старого доброго времени нередко приходили к нему, чтобы послушать его умных речей и воспользоваться его гостеприимством». Там же.

[545] Примечания: 545

Прата, деревня между Фаэнцей и Равенной. Об этом Гвидо известно лишь, что он был храбрый человек из благородного рода. Уголино д'Аццо — об нем почти ничего не известно; полагают, что он был из

рода Убальдини из Мугелло в Тоскане. Как тосканец, он, живя большей частью в Фаэнце, был, следовательно, в ней чужестранцем. Федериго Тиньозо, родом из Римини, жил большею частью в Бертиноро. Tignoso значит паршеголовый; назван он так в шутку, оттого что имел красивые белокурые волосы. Род Траверсара из Равенны отличался богатством и благородством; дочь одного из них в 1262 г. вышла замуж за сына венгерского короля. Анастаджи — также богатый дворянский дом из Равенны. Обе фамилии встречаются в одной из новелл Боккаччио. Вспоминая эти славные некогда роды, Данте скорбит, что они теперь лишены наследников и вымерли.

[546] Примечания: 546

Т. е.: я вспоминаю дам, рыцарей и проч. Эта терцина заключает в себе всю поэтическую эпоху рыцарства. «Ариосто заимствовал из этого стиха начало (Le donne e и cavalier) для своей поэмы, а из всей терцины господствующие для нее идеи, так как «Неистовый Роланд», в сущности, не что иное, как поэтическое воспроизведение рыцарских времен». Джиоберти.

[547] Примечания: 547

«Там», т. е. в Романье.

Когда твой род, чтоб не погибнуть в сетях,

Со многими бежал, спасая кровь?[548]

115. Ты прав, Баньякаваль, что вымер в детях!

Но худо, Кастрокар, а хуже ты

Живешь, о Коньо, множа графов этих![549]

118. Вы, коль падет ваш Дьявол с высоты, —

Воспрянете, Пагани! но исправить

Уж вам нельзя всей вашей черноты.[550]

121. О Уголин де'Фантоли! Прославить

Ты должен Бога, что не ждешь детей,

---

[548] Примечания: 548

Бреттиноро, городок между Форли и Чезена, главное местопребывание романского дворянства, откуда, однако, значительная его часть была изгнана в 1295 г. за гибеллинские идеи; на это Данте намекает в ст. 113–114. Составлял ли вышеупомянутый Манарди (стих 98) главу дома, — неизвестно.

[549] Примечания: 549

Малавичино, могущественные в половине XIII столетия графы Баньякавалло (местечко между Лаго и Равенной). В то время, когда Данте совершал свое странствование, они, как кажется, нередко меняли цвет партии, смотря по обстоятельствам. Впрочем, эта фамилия вымерла гораздо позднее, нежели думает Данте. Графы Кастрокаро (на Ментоне, повыше Форли) были гиббеллины, но в 1282 г. подчинились церкви и сдали свой замок. В 1296 г. они были снова восстановлены при

помощи Майнардо Пагани. Графы Конио встречаются также в конце XIII столетия, именно в Фаэнце, в рядах гибеллинов. «Множа графов этих», т. е. таких негодных и преступных — жестокая ирония.

[550] Примечания: 550

Пагани — граждане Имолы. В 1263 г. Пьетро Пагани завладел Имолой и выгнал оттуда болонцев, но те вскоре опять выгнали его. Лучше удалось это дело сыну его Майнардо Пагани, названному за жестоким и «Дьяволом» (См. Приложение II к I книге Божественной комедии, Ад, стран. 309). Он умер в Имоле в 1302 г. и велел похоронить себя в монашеской одежде монастыря Вальомброза. Он не оставил наследников по мужской линии и имел лишь одну дочь, перешедшую через замужество в фамилию Убальдини. О мнении Данте о нем см. Ада XXVII, 49–51 прим. Смысл терцины следующий: Пагани поведут себя хорошо, как скоро умрет (падет с высоты) брат их Майнардо; но дурная слава об их отце все-таки останется черным пятном на их фамильной славе.

Чтоб честь твою развратом обесславить.

124. Иди ж, Тосканец! Слезы лить скорей[551]

Пристойно мне, чем длить свое томленье:

Так давит грудь мне горе тех речей![552]

127. Хор добрых душ, услышал, без сомненья,

Шаги мои и, молча, подтвердил,

Что верное мы взяли направленье.[553]

130. Когда ж с вождем один я проходил,

—

---

[551] Примечания: 551

Уголино де'Фантоли из Фаэнцы принадлежал к гвельфам и отличался храбростью; умер в 1282 г.

[552] Примечания: 552

Подражание Виргилию, Aen. IX. 292:

Atque animum patriae strinxit, pietatis imago.

[553] Примечания: 553

Т. е они слышали топот наших шагов и потому из их молчания и из того, что они не объяснили нам, куда идти, мы заключили, что не сделали ошибки в выборе дороги. — «Здесь, где обитает одна лишь любовь и стремление к добру, тени, конечно, объяснили бы поэтам, где лежит прямая дорога, если бы они пошли ложным путем. Потому то, видя, что души безмолвствуют, поэты и должны были заключить,

что они не ошиблись в пути». Штрекфусс.

Как гром, когда тверд, молния осветит,

Навстречу нам вдруг глас проговорил:

133. – Всяк умертвит меня, кто в мире встретит![554]

И вдаль ушел, как гром в ущельях скал,

Когда ему гул эха с гор ответит.

136. Едва ушам он нашим отдых дал,

Как новый глас, как бы с вершины Тавра

За громом гром, загрохотав, сказал:

139. Я в камень превращенная Аглавра![555]

И шаг назад я сделал, устрашен,[556]

---

[554] Примечания: 554

Слова Каина к Богу, после совершения первого на земле убийства из зависти: «Всякий, кто встретится со мною, убьет меня». Бытия ИИ, 14. — Нечего, кажется, объяснять, что слова эти произносит не сам Каин, так как душа его в аду (почему один его отдел и назван Каина), но невидимый дух или ангел.

[555] Примечания: 555

Аглавра, дочь афинского царя Кекропса, была превращена Меркурием в камень за то, что препятствовала из зависти сестре своей Гирсе вступить в супружество с этим богом. — Рядим с завистливым братом поэт выводит завистливую сестру.

[556] Примечания: 556

«Древний враг» — дьявол. «Противник ваш диавол». I посл. ап. Петра, V, 8.

Чтоб стать под сень Виргилиева лавра.

142. Уж воздух вновь затих со всех сторон,

И вождь: – Узда то вашему порыву,[557]

Чтоб из границ не порывался вон.

145. Но вы, хватая адскую наживу,[558]

– Приманкой той враг древний манит вас. —

Не внемлете узде той, по призыву

148. Вас призывает небо и, кружась,

Бессмертные красы свои вам кажет;[559]

Но в землю устремили вы ваш глаз,[560]

---

[557] Примечания: 557

«Узда» (в подлиннике; camo, по-гречески χάμος, по-латыни camus, удила, трензель), т. е. те грозные слова которые удерживают от порока. «Челюсти их нужно обуздывати уздою и удилами, чтобы они покорялись тебе». Псалт. XXXI, 9.

[558] Примечания: 558

«Нажива» — приманка дли рыб, насаженная на крючок удочки, т. е. земные блага, которыми дьявол прельщает человека, как рыболов рыбу. «Ибо человек не знает своего времени. Как рыбы попадаются в пагубную сеть, и как птицы запутываются в силках, так сыны человеческие уловляются в бедственное время, когда оно неожиданно находит на них». Еккл. IX, 12.

[559] Примечания: 559

Т. е. небесные светила (Ада I, 411; XXXIV, 135). — «Omnis naturae species et motus quasi quadam varietate linguarum clamat atque increpat

agnoscendum esse Creatorem», Блаж. Августин. De lib. arb. III, 23.

[560] Примечания: 560

Belluas Deus prostratas fecit in facie, pastum quaerentes de terra; te homo, in duos pedes erexit, tuam faciem sursum ascendere voluit. Non discordet cor tuum a facie tua». Блаж. Августин.

151. Доколе вас Всевидец не накажет.

Песнь пятнадцатая

Второй круг. – Завистливые. – Ангел братолюбия. – Подъем на третий уступ. – Третий круг. – Гневливые. – Примеры кротости в видениях.

1. Как много в небе между часом третьим
И дня началом видно сферы той,
Что век кружит, подобно резвым детям,

4. Пути так много в тверди голубой
Светилу дня пройти осталось к ночи;
Был вечер там, здесь полночь предо

мной.[561]

7. Лучи в лицо нам ударяли косо;[562]
Мы направлялись прямо на закат.
Прошедши путь немалый от откоса.[563]

10. Почуяв, что сильней лицо томят
Сиянья мне, чем прежде, я вопроса[564]
Не разрешил, неведомым объят,

13. И руки поднял я броней к вершине,
Сложивши их в защиту пред челом,
Чтоб лишний блеск ослабить в их твердыне.

16. Как от воды иль зеркала скачком

---

[561] Примечания: 561

«Обозначение времени дня. Между началом дня и третьим часом или собственно концом 3-го часа (l'ultima dell' ora terza) заключается три часа. Следовательно, до захождения солнца оставалось еще 3 часа, так как в равноденствие, во время которого Данте совершает свое загробное путешествие, солнце заходить около 6-ти часов вечера (по нашему счислению). Поэтому там, т. е. на горе Чистилища, был вечер, или около вечера: здесь, т. е. в Италии, где поэт писал свою поэму, была уже полночь, так как время на Чистилище на 9 часов отстает от времени в Италии. См. Чистилища III, 25 примеч.)». Канегиссер. «В том месте, где теперь находится Данте, было почти 3 часа пополудни; в этот час солнце отстоит от заката, во время весеннего равноденствия, на 3 часа. Вследствие этого во Флоренции, которая по мнению поэта, удалена от Иерусалима на 45°, должна быть теперь полночь, а в Иерусалиме 3 часа утра. Итак, поэты находились в этом круге около трех часов».

Филалет. — Час дня определяется здесь совершенно особенным, чисто Дантовским образом. Остается 3 часа до захода солнца, или, другими словами, теперь начинается тот отдел канонического дня, который называется vespero (Это слово обозначает здесь начало вечерних часов в смысле церковном, в которые совершается в церквах служба, принадлежащая уже к следующему дню). Данте говорит об этом простом факте своеобразным, оборотом речи, как будто хочет подражать небесной сфере в этом движении. Начало дня — восход солнца, следовательно конец третьего часа, три часа после восхождения солнца, обозначается дугою небесной сферы, равняющейся 45°. Солнцу остается еще пройти такое же пространство, прежде чем оно зайдет. Это значит, что теперь послеполуденный час в чистилище и полночь в Тоскане, где Данте писал свою поэму». Лонгфелло.

2. Сфера, которая, по выражению Данте, кружится (собственно: играть, резвится, scherza, подобно детям), есть весь свод небесный который, по тогдашним понятиям, обращался около земли в течение 24-х часами. Сравнение неба с резвым ребенком было столько же порицаемо, сколько и одобряемо критиками. Во всяком случае, оно не так удачно, как почти все прочие сравнения поэта. Между резвыми, разнообразными движениями дитяти и вечно спокойным, всегда равномерным движением светил небесных не может быть ничего сходного.

[562] Примечания: 562

«Лучи» заходящего солнца.

[563] Примечания: 563

Надобно помнить, что, прежде чем поэты дойдут до лестницы, ведущей в высший круг, они всегда огибают известное» пространство около горы. — «От морского берега к подошве горы поэты шли (Чистилища III, 16 и примеч.) с востока к западу. Потом они направились направо (V, 1–6 примеч.), вдоль изгиба горы, под прямым углом к первоначальному направлению (следовательно, к северу). Теперь они обошли вокруг горы на одну четверть, стало быть, идут опять к западу». К. Витте.

[564] Примечания: 564

С уступа на уступ возводят поэтов ангелы; но чем выше подымаются они, тем ярче и лучезарнее блеск от ангелов. В данную минуту сияние заходящего солнца сливается с блеском от ангела и ослепляет Данте. Сличи Чистилища XII, 79 и след.

Луч прядает в противном направленье,
Вверх восходя под самым тем углом,

19. Под коим пал, и в том же отдаленье
От линии, куда идет отвес
(Как учит нас в науке наблюденье),[565]

22. Так поражен я был лучом с небес,
Здесь преломившимся, как мне казалось,
И отклонил я тотчас взор очес.

25. – Отец мой милый! Что такое сталось,
Что защитить очей не в силах я?[566]
Так я спросил: – Не солнце ль приближалось?

---

[565] Примечания: 565

Сличи Чистилища IV, 62–63. Отраженный луч света образует с перпендикуляром, опущенным на отражающую поверхность, угол, равный углу между лучом падающим и тем же перпендикулярным; короче: угол падения равен углу отражения, как учит катоптрика и подтверждает наблюдение. Отвес, к подлиннике: Dal cader della pietra, падение камня, как был назван перпендикуляр Альбертом Великим.

[566] Примечания: 566

Данте думает, что луч солнца отразился (по приведенному выше закону катоптрики) от гладкой поверхности карниза, по которому они идут, и отсюда поразил ему глаза, так как он не может защитить их от блеска приложенными к глазам руками.

28. И он: – Не диво, что небес семья

Твое слепит еще столь сильно зренье:[567]

Посол грядет позвать нас в те края.[568]

31. Уж близок час, узришь сии виденья

Не с тягостью, но с чувством огневым,

Сколь сил тебе дано от Провиденья.[569]

34. Тут стали мы пред Ангелом святым,

И кротко рек он: – Шествуйте в обитель

По ступеням уж менее крутым.

37. Со мной взбираться стал по ним

---

[567] Примечания: 567

С очищением себя от первого греха, последующие шаги на пути очищения становятся все легче и легче. Чистилища XII, 115–126 и примеч.

[568] Примечания: 568

«Посол» (messo), т. е. ангел (ἄγγελος — посланник). Ангел, стоящий у первой ступени лестницы, ведущей из одного круга чистилища в другой, ожидает приближения душ и лишь только заметит издали их приближение, идет тотчас им навстречу, принимает их и подводит с приветствиями к следующему всходу. Чистилища XII, 88; XVII, 117 и след.; XIX, 4fi и след.; XXII, 1 и след., XXIV, 130 и след., XXVII, 55 и след.

[569] Примечания: 569

В подлиннике: «diletto quantu natura a sentir ti dispose» — удовольствие к какому способна лишь твоя природа. — Все наслаждение в какой

мере почувствовать его сделала тебя способным твоя природа, ты почувствуешь в будущем, когда укрепившиеся глаза твои, что теперь еще ослепляются, будут в состоянии переносит блеск небесной семьи, т. е. ангелов.

учитель,

И «Beati miseri Cordes» хор

Воспел в тылу и «слава, победитель!»[570]

40. Мы оба шли одни по высям гор,

И я, и вождь, и пользу я задумал

Извлечь себе, вступя с ним в разговор.

43. И думал я: спрошу его, к чему, мол,

Романский дух упомянул: запрет

Сообществу? И я спросил, что думал.[571]

46. И он на то: – Познав, в чем высший вред

---

[570] Примечания: 570

С удалением из круга высокомерных (Чистилища XII, 110) путники были встречены воззванием к смирению; точно так и здесь их встречают слова, призывающие их милосердию и человеколюбию, — добродетелям, противоположным зависти. «Beati misericordes» — слова Христа из Евангелия Матф. V, 7: «Блаженны милостивые, ибо они помилованы будут». «Слава, победитель» в подлиннике: Godi tu che e vinci, по-видимому, намек на слова ангела в Апокалипсисе, II, 7: «Vincenti dabo edere de ligno vitae quod est in Paradisi! Dei mei», — побеждающему дам вкушать от древа жизни, которое посреди рая Божия». Лонгфелло.

[571] Примечания: 571

Восклицание романьёла Гвидо дель Дука (Чистилища XIV, 81):

О род людской! зачем так любишь то,

В чем есть запрет сообществу чужому?

Его греха, он этим нас желает[572]

Предостеречь от горших слез и бед.

49. Пока в вас душу только то прельща-
ет,[573]

Что обществом дробится вновь и
вновь, —

Как мех, в вас зависть вздохи вызыва-
ет.[574]

52. Но если б к миру высшему лю-
бовь[575]

Всегда горе влекла желанье ваше, —

Вам этот страх не мог бы портить
кровь,

55. И чем вас больше там зовущих «на-

---

[572] Примечания: 572

«Справедливые души очищающихся желают, чтобы живущие на свете не впали в тот же грех, в который они впали при жизни и горестные последствия которого испытывают теперь в чистилище». Скартацини.

[573] Примечания: 573

«Дивно прекрасное место вплоть до стиха 75; оно так ясно, что, несмотря на всю глубину свою, почти не нуждается в комментарии». Флейдерер.

[574] Примечания: 574

«Зависть вас разжигает, и жар ее заставляет вас вздыхать, — вздыхать в той, а еще более в этой жизни. Как кузнечный мех раздувает огонь, так зависть разжигает сердце человека, пожирая его пылом своим». Скартацини.

[575] Примечания: 575

Т. е. к высшим благам, жилище которых в эмпирее, — вы высочайшей из всех сфер небесных. «Ищите горного, где Христос сидит одесную Бога». Посл. к Колос. III, 1. «Если бы любовь к нетленному и небесному направляла ваши желания к небу, вы не ощущали бы в сердце опасения, что богатство и наслаждение у других уменьшит ваше собственное наслаждение». Скартаццини.

ше»,

Тем больше каждому дается благ,

И тем сильней горит любовь в той чаше.[576]

58. – Во мне мой глад не только не иссяк,

Но стал, – я рек, – сильней, чем был дотоле,

И ум объял сомненья больший мрак.

61. Как может быть, что благо, чем в нем боле

Владетелей, сильней их богатит,

Чем если бы далось немногим в доли?

64. И он: – За то, что лишь земное зрит

Рассудок твой, извлек ты мысль незрелу,

Что будто здесь свет правды мраком

---

[576] Примечания: 576

Т. е. чем большее число наслаждающихся в небе одним и тем же благом, тем более наслаждается там каждый в отдельности. «Nullo enim modo flt minor, accedente sed permanente consorte, possessio bonitatis; imo possessio bonitatis tanto fit minor quanto concordior eam individua sociorum possidet charitas». Блаж. Августин. De civ. Dei 1. XV, с. 15. — «Той чаше» (в подлиннике: in quel chiostro, в том монастыре), т. е. на небе.

скрыт.[577]

67. Но Благо то, – Ему же нет пределу,[578]

Ни имени, – к любви так точно льнет,

Как солнца луч к светящемуся телу.[579]

70. В ком больший жар, тот больше обретет,

Так что чем шире в ком любовь, – в заслугу

Над тем сильней и светлый луч растет.[580]

73. Чем больше душ к тому стремятся кругу,[581]

---

[577] Примечания: 577

«Душевный человек не принимает того, что от Духа Божия, потому что он почитает это безумием, и не может разуметь, потому что о сем надобно судить духовно. Но духовный судит о всем, а о нем судить никто не может». I посл. к Корине. II, 14, 15. — Потому-то, говорит Виргилий, ты извлекаешь только мрак из совершенно ясных слов моих.

[578] Примечания: 578

Неизреченное, бесконечное благо — сам Бог.

[579] Примечания: 579

«Как луч солнца тем ярче освещает тело, чем оно само по себе чище и более блестяще, так и высочайшее благо тем более сообщается, чем более оно находит к тому восприимчивости». Филалет. — Эту мысль Данте еще подробнее развивает в своем Convivio. В переводе К. Витте lucido corpo заменено словами lichte Körper, и в комментарии к этому

месту переводчик говорит: «прозрачное тело вполне принимает в себя солнечный луч и, соответственно тому, солнечный луч направляется к нему к полной мере».

[580] Примечания: 580

Сличи Рая XIV, 40.

[581] Примечания: 581

В подлиннике: E quanta gente più lassù s'intende, в древнейших кодексах — s'attende, в немногих — s'incende; в большинстве, впрочем, первое, как и в лучших изданиях. Intendersi — старинное выражение, то же, что innumorarsi. К. Витте перевел этот стих: «Je mehr der Herzen droben sich begegnen», Лонгфелло — «And the more people thitherward aspire». Терцина вынудила меня держаться этой, менее принятой, редакции подлинника.

Тем боле там любви, и тем сильней

Льют жар любви, как зеркала друг другу.[582]

76. Но коль твой глад не стих с моих речей, —

Жди Беатриче, и в небесном взоре

У ней прочтешь ответ на все полней.[583]

79. Заботься же, чтоб зажили здесь вскоре,

Как эти две, все прочие пять ран,

Что закрываются чрез скорбь и горе.[584]

82. Сказать желая: – Ты во мне туман

---

[582] Примечания: 582

Чем более праведные души познают друг друга, тем более они и любят друг друга, так что не только непосредственное истечение к ним вечной любви, но и последующее отражение ее от одной к другой увеличивают их любовь, а с нею и их взаимное блаженство. Филалет. — Бенвенуто Рамбалди. — Джиоберти.

[583] Примечания: 583

«Только на небе чрез созерцание Бога (Беатриче) впервые уяснится вполне разница между земными благами, уменьшающимися от совместного обладания ими, и благами небесными, которые обогащают тем более, чем более делят их между собою». Флейдерег.

[584] Примечания: 584

Т. е. остальные пять *P*, или остальные грехи, начертанные на лбу ангелом (Чистилища IX, 112). Без покаяния нет исправления. «Oportet

cum qui agit poenitentiam, affligere animam suam, et humilem animo se praestare in omni negotio, et vexationes multas variasque perferre». Ерм, Пастырь. Ш, 7. Раны закрываются, когда они болят, т. е. когда, сознавая грех свой, чувствуют раскаяние и страдают.

Рассеял… – смолк я, видя в то мгновенье.

Что мы вошли в круг новый чудных стран.[585]

85. И, мнилось, там я в некоем виденье[586]

Восхищен был экстазом, как певец.

И вижу храм и в нем людей стеченье.

88. И входит в храм Жена и, как венец

Всех матерей, вещает кротко: – Чадо!

Что сделал с нами Ты? Вот Твой отец

91. И я с великой скорбию средь града

Тебя искали. – И лишь смолкнул глас,[587]

---

[585] Примечания: 585

Путники восходили до сих пор вверх (со стиха 35); теперь они опять идут по ровной поверхности следующего карниза, где наказывается гнев, и где они встречают (стих 142) густой дым.

[586] Примечания: 586

«Эти видения имеют то же значение, как и пластические изображения в круге высокомерных и голоса в круге завистливых. Они здесь служат как бы подготовлением к очищению наказуемого здесь греха — гневливости, именно служат тем, что напоминают о противоположной гневу добродетели — кротости. Так как круг этот, как увидим ниже, наполнен непроницаемою тьмою от дыма, то было бы невозможным представить примеры кротости другим каким-нибудь видимым образом; являясь же в виде сновидений, или грез, они тем самым указывают на исступленное, сходное со сном, состояние, в которое

приводить человека грех. Тут Данте опять берет, между прочими, один пример из язычества для выражения христианской добродетели, ибо все дело тут в том, чтобы воплотить свою мысль. То же и в Чистилища XII, 28. — Бриарей.

[587] Примечания: 587

Ев. от Луки II, 48: «И матерь Его сказала Ему: Чадо! что Ты сделал с нами? Вот, отец твой и я с великою скорбью искали Тебя».

Как все, что зрел я, скрылось вмиг от взгляда.

94. Потом я зрел другую, что из глаз
Струила дождь, какой родит досада
За оскорбленную гордыню в нас.

97. И говорит: – Коль ты владыка града,
За имя чье шел спор между богов,[588]
Отколь блеснула всех наук отрада,

100. О Писистрат! пролей злодея кровь,
Кто смел обнять дочь нашу без боязни!
И, мнилось, он, весь кротость и любовь,

103. Ей отвечал, исполненный приязни:
– Что-ж делать с тем, кто нам жела-

---

[588] Примечания: 588

Афины. Посейдон (Нептун) и Паллада Афина (Минерва) — оба желали, чтобы Афины были названы их именами. Но афиняне, по приговору женщин, предпочли Афину, принесшую в дар оливковое дерево, почтя этот дар более высоким, чем принесенный Посейдоном дар — лошадь. Овидия Превращения. VI, 70 и след.

106-111. Третье виденье: избиение камнями первомученика Стефана. Деян. VII, 51–60: «…И побивали камнями Стефана, который молился и говорил: Господи Иисусе! прими дух мой. И, преклонив колена, воскликнул громким голосом: Господи! не вмени им греха сего. И, сказав сие, почил».

ет зла,

Коль тех, кто любит нас, подвергнем казни?[589]

106. Потом толпу я видел без числа,

Что каменьем Стефана побивала,

Крича: «мучь, мучь!» исполненная зла.

109. И юноша, над кем уж смерть летала,

К земле поник и устремил врата[590]

Очей своих в глубь райского портала.

112. И к Богу сил мольба им пролита,

Да не осудит Он его тиранов,[591]

С таким лицом, что скорбь в нас от-

---

[589] Примечания: 589

«Другую» — жену афинскаго тирана Пизистрата. Валерий Максим рассказывает (Facta ac dicta mem. 1, VИ, с. 1), что какой-то юноша, влюбленный в дочь Пизистрата, обнял и поцеловал ее в публичном месте на площади, и что на требование матери ей об отмщении Пизистрат отвечал словами, буквально переведенными Данте из Валерия Максима: «Si nos qui nos amant interficimus, quid his faciemus, quibus odio sumus?» — «Если мы будем умерщвлять любящих нас, что же станем делать с ненавидящими нас?».

[590] Примечания: 590

«Врата очей своей» (porte degli occhi) — оборот чисто дантовский, странный, но сильный». Томазео. — «Поэт хочет сказать, что образ Христа на небе проникал ему чрез глаза в сердце». Чезари.

[591] Примечания: 591

О мучении св. Стефана говорит Фульгенций в своем Кр. Sorm. de S. Stephano: «Stephanus charitatem pro armis habebat, et. per ipsam ubique vincebat. Per charitatem Dei saevientibus Judaeis non cessit; per charitatem proximi pro lapidantibus intercessit».

перта.

115. Когда мой дух вернулся из туманов
В действительность, к предметам в мире сем,
Я понял смысл нелживых тех обманов.[592]

118. Мой вождь, кому я мог казаться тем,
На ком сейчас вериги сна разбили,
Рек: – Что с тобой? ты ослабел совсем?

121. И вот идешь уж боле, чем полмили.
Закрыв глава и с путами у ног,
Как бы вино иль сон тебя томили.

124. – Отец ты мой! Когда-б ты внять мне мог,
Я б рассказал, – сказал я, – ту причину,

---

[592] Примечания: 592

«Смысл нелживых тех обманов», в подлиннике: non falsi errori. Обман был здесь в том смысле, что поэт считал эти явления за нечто объективное, действительно совершающееся перед его глазами; но тем не менее эти обманы чувств были нелживы в отношении того, что ими изображалось, так как они были основаны на истинных событиях и служили к назидательному поучению». Филалет.

По коей я в ходьбе так изнемог.

127. И он: – Носи ты не одну личину,
А сто личин, ты б от меня не скрыл
Из дум твоих малейших ни едину.

130. Ты зрел затем виденья, чтоб не мнил
Не допустить тех мирных волн до груди,
Что льются к нам из тока вечных сил.[593]

133. И не спросил я: – что с тобой? – как люди,
Чей глаз не в силах в спящем отгадать
Хранится ль жизнь еще в своем сосуде;

136. Но я спросил, чтоб мощь тебе придать,
Как делают с ленивым, побуждая,

---

[593] Примечания: 593

Т. е. тебе даны были эти видения, чтобы сердце твое были расположено к учениям мира (acque della pace) о кротости, которые особенно нужны для очищающихся в этом кругу. Гнев есть огонь, — огонь тушится водой. «Ток вечных сил», т. е. от Бога: «У Тебя источник жизни». Псалт. XXXV, 10; и во многих местах св. писания. Следовательно и здесь, как в песни XIII, 39, предшествуют бичи, побуждающие к добродетели; ниже в песни XVII, 93, последует узда, для обуздания порока.

Его скорей дремоту разогнать.[594]

139. Мы шли в вечернем сумраке, вперяя,

Насколько можно, взоры в даль и в высь,[595]

Где поздний луч еще сверкал, пылая.

142. И клубы дыма издали неслись

Навстречу нам, темнее ночи мглистой,

И негде было от него спастись![596]

145. Наш взор затмив, он отнял воздух чистый.

---

[594] Примечания: 594

Виргилий дает здесь двоякое объяснение, во-первых: цель совершившихся здесь видений, о которых он знает и потому не нуждается в сообщении ему о них Данте, — была показать, как себя можно обуздать во время гнева. Форма же вопроса, предложенного им своему ученику, почему он идет в таком сонном состоянии, объясняется им в том смысле, что он, Виргилий, спрашивал не так, как человек, взирающий одним лишь телесным оком и вопрошающий лишь о каком-нибудь событии. Напротив, он сделал ему свой вопрос на выраженном в стихах 136–139 основании, именно затем, чтобы вслед за совершившимися только что видениями, побуждающими к кротости, — на самом деле побудить поэта идти по пути к улучшению и не оставить его пребывать лишь в мечтательном созерцании бывших перед ним видений, как бы ни было полезно созерцать их». Ноттер. — Место это вообще довольно темное и толкуется различно даже итальянскими комментаторами». Дельф, в своей: Die Idee der Göttlichen Kom.» очень глубокомысленно замечает: «Проходящий этим путем (как бы ни было благотворно производимое на него этими видениями влияние), обязан не предаваться

одному лишь их созерцанию и размышлению. Ибо путь этот (именно на гору очищения) есть путь работы, борьбы, упражнения».

[595] Примечания: 595

«Насколько можно»: идя против вечернего солнца, лучи которого сверкают прямо в глава, нельзя видеть далеко.

[596] Примечания: 596

Скрыться не было возможности, потому что узкий выступ или карниз вокруг горы очень узок, всего лишь в три человеческих роста ширины (X, 24), и ограничен с одной стороны пустым пространством, с другой — стеною крутого утеса.

Песнь шестнадцатая

Третий круг. – Гневливые. – Марко Ломбардо. – Свобода воли. – Порча мира. – Куррадо да Палаццо, Герардо да Каммино и Гвидо да Кастелло. – Гайя.

1. Тьма адская, мрак ночи непроглядный,
Лишенный звезд, где мглою облаков
Покрылся весь свод неба безотрадный, —

4. Не столь густой кладут для глаз покров,
Как этот дым, куда я путь направил,
И смрад его был до того суров,

7. Что вмиг глаза сомкнуть меня заставил.
Но мудрый вождь, заступник мой во всем,[597]

---

[597] Примечания: 597
Виргилий (разум) предлагает Данту плечо в опору, чтобы не дать ему сбиться с дороги среди темноты дыма (гнева); аллегорический смысл совершенно ясен.

Приблизился и мне плечо подставил.[598]

10. И, как слепой идет за вожаком,

Боясь с дороги сбиться иль наткнуться

На что-нибудь и боль терпеть потом, —

13. Я шел, страшась в том смраде задохнуться

И слушая, как вождь мне повторял:

– Старайся от меня не отшатнуться.

16. Я слышал хор, где каждый глас взывал

С молитвою о мире к милосердью,

Чтоб все грехи с них Агнец Божий снял.

---

[598] Примечания: 598

«В дыму, и при том самом густом и черном, очищаются тени от ярости гнева. Дым — это продукт огня и при том такой продукт, который не греет и не освещает, но только омрачает и смущает глаза и разум, — эти то, что огонь извергает из себя, для того, чтобы согревать и светить. Отсюда становится само собою понятным, почему именно в дыму гневливые должны познать свой недостаток и в нем очиститься от своего греха». Штрекфусс. — «Выражение, что этот дым еще темнее ада» — слишком сильно и, рассматриваемое в тесном смысле, должно бы было указывать на то, что и в аду нет такого ужасного греха, как гнев, а следовательно и казни более жестокой; но смысл тут, кажется, заключается в том, что осужденные в аду все еще сознают свет божественного правосудия и порядка; в аффекте же гнева уже вовсе нет этого сознания». Ноттер.

19. Лишь «Agnus Dei» все под дымной твердью[599]

Там пели в голос; был один у всех

Напев, одно согласье, по усердью.[600]

22. – Не душ ли глас я слышу в хорах тех?

Так я; и вождь: – Ты верно понимаешь:

Гневливости с себя смывают грех.

25. – Но кто-ж ты сам, кто дым наш рассекаешь,

Так говоря про нас, как будто ты

Свой год еще по месяцам считаешь?[601]

28. Так речь лилась ко мне из темно-

---

[599] Примечания: 599

«Вот Агнец Божий, который берет на Себя грех мира». Иоан. I, 20. — Души поют молитву, троекратно повторяемую к католической мессе и литании. Agnus Dei, qui tollis peccata mundi, miserere nobis. Agnus Dei, qui tollis peccata mundi, miserera nobis, Agnus Dei qui tollis peccata mundi, dona nobis pacem». — «Здесь первые два стиха умоляют о милосердии, третий — о мире». Бути. — «Агнец есть символ кротости, добродетели, противоположной гневу». Ноттер.

[600] Примечания: 600

«Согласием и гармонией уничтожается здесь гневливость, как выше согбением уничтожалась гордость. В этом единогласии уже обозначается прогресс в деле очищения». Филалет. Штрекфусс.

[601] Примечания: 601

В подлиннике: per calendi, по календам, так как римляне делили время на calendae, nonae и idus. Вопрос, сделанный Данте в стихе *22*, заставляет душу вопрошающего предположить, что Данте еще живой человек, разделяющий время по неделям и месяцам, а не как тени, делящие бесконечность на более долгие периоды.

ты,

При чем поэт: – Ответствуй и разведай:

Отсюда ли подъем на высоты.

31. И я: – О дух, кто, над грехом победой

Очистясь, мнишь предстать к Творцу в красе!

Чтоб выслушать о диве, мне последуй.[602]

34. – Последую, насколько можно мне, —

Ответил тот, – и пусть мы дымом скрыты:

Нам чуткий слух заменит взор вполне.

37. И начал я: – В те пелены повитый,

Что смерть одна лишь разовьет, сюда

Я прихожу, пройдя все адски скиты.

40. И коль Господь, ко мне благий всегда,

Свой двор святой узреть подал мне силы

---

[602] Примечания: 602

Т. е. о том, что человек живой идет в загробный мир.

Необычайным способом, – тогда[603]

43. И ты не скрой, кто был ты до могилы?

Скажи: иду ль я прямо в те края?

И речь твоя да даст в пути нам крылы.[604]

46. – Я был ломбардец; Марком звался я;[605]

Знавал я свет, был чести чтитель строгий.

Хоть ныне лук не гнут уж для нее.[606]

49. Чтоб вверх взойти, ты на прямой дороге.[607]

Ответив так, прибавил он: – Прошу,

---

[603] Примечания: 603

Т. е., как никогда не случалось ни с одним из живых людей со времени Энея и апостола Павла (Ада II, 32).

[604] Примечания: 604

Пусть указание твое о дороге ускорит наши шаги, и послужит нам проводником; в подлиннике: E tue parole fien le nostre scorte.

[605] Примечания: 605

Почти все комментаторы принимают этого Марко Ломбардо за венецианца, также за человека храброго, щедрого, привыкшего к придворному обращению, на что намекает стих 47. Франческо да Бути говорит, что щедрость его была преимущественно обращена к бедным дворянам и что он определил в своем духовном завещании ничего не требовать от своих должников. Оттимо, напротив, говорит, что под конец жизни он сам жил насчет щедрости других. Кроме того, по словам

Бенвенуто да Идиола, он был человек надменный, раздражительный и расположенный к гневливости, по поводу чего рассказывают много анекдотов (Cento Novelle Antiche Nov. 41, 52), по мнению Лонгфелло, не заслуживающих внимания. По мнению Филалета, это тот самый благоразумный человек, о котором сказано в историческом очерке событий в Пизе во времена Уголино (Приложение III к I книге Божественной Комедии, Ад, стран. 317). Оттимо, между прочим, говорит что Ломбардо нарицательное имя и что он назван так по французской манере, так как во Франции было в обычае называть всех итальянцев ломбардцами; Марко же (Бути называет его Марко-Дака) долго жил в Париже. Напротив Боккаччио считает его прозвище Ломбардо за фамилию. Совершенно неосновательно мнение Портичелли, считающего его за знаменитого путешественника Марко Поло, так как последний жил еще при Данте и умер не ранее 1323 г., в котором было сделано его духовное завещанье. «Марко Дака из Венеции, прозванный Ломбардо, был то, что в средние века называли придворным, т. е. такой человек, который, переходя от одной династии к другой, по своим нравам, находчивости, а также по своим остротам и запасам анекдотов повсюду был принимаем, как желанный гость, которого редко отпускали от себя иначе, как наградив щедро подарками, и который, при случае, служил в ратном деле, или в посольствах». К. Витте.

[606] Примечания: 606

Т. е. уже не метят из лука в эту цель, или, другими словами, никто не дорожит ею.

[607] Примечания: 607

Т. е. в четвертый круг чистилища: это ответ на второй вопрос Данте.

Молись об нас, как будешь в том чертоге.[608]

52. И я: – Клянуся честью, что свершу

Мольбу твою. Но душу мне расстроил[609]

Сомнений дух, и чем их разрешу?

55. Сперва простое, ты теперь удвоил[610]

Во мне сомненье, подтверждая то,

Что там слыхал я, тем, что здесь усвоил.

58. Сказал ты правду, что теперь никто

Не чтит добра, что в мире нет помину

---

[608] Примечания: 608

«В том чертоге», т. е., когда ты будешь на небе и узришь дворы Господни (стих 41).

[609] Примечания: 609

«Здесь Данте в первый раз высказывает, что он еще во время своего странствования сам молится за других, не дожидаясь своего возврата на землю, чтобы просить живых молиться за умерших. То же самое повторяется в Чистилища XXVI, 130». Ноттер.

[610] Примечания: 610

В подлиннике: Ma io scoppio dentro a un dubbio, s'io non me ne spiego, буквально: но я разорвусь от одного сомнения, если я не разрешу его себе. «Поэт сам убежден, что мир в дурном положении. То, что ему сказал об этом в XVI песни Гвидо дель Дука (простое сомнение), и то, что ему говорит теперь Марко, утверждает его в этом убеждении (удваивает

сомнение). Самое же сомнение состоит в том, чтобы дознаться настоящей причины этой порчи, именно: следствие ли это испорченной воли людей, или предопределения свыше и влияния звезд, как в это вообще верили в средние века (стих 67–68). Штрекфусс. — Сказав: «Таков ли грунт страны, иль свычай злой влечет там к злу для горя» (XIV, 38–39), Гвидо дель Дука оставил этот вопрос неразрешенным для Данте: это-то собственно и составляет простое сомнение. — «Марко порицает настоящий век (стих 48) точно так, как порицал его выше Гвидо дель Дука. Сличив слова обеих теней, Данте удваивает тем самым свое сомнение и беспокойство: он заблуждается насчет божественного правосудия, допустившего так много прегрешений в настоящем веке». Ноттер.

О доблестях, затоптанных в ничто.

61. Но укажи, прошу, тому причину:
На небе ли искать ее должно?[611]
Иль на земле, и пусть я ложь низрину.

64. Глубокий вздох, сведенный скорбью в «О!»
Он испустил, и: – Врат! – сказал в волненье: —
Слеп, слеп твой мир, а в мире ты давно![612]

67. Вы, в нем живущие, во всем веленье
Лишь Неба видите, как бы всему
Необходимость лишь дает теченье.[613]

---

[611] Примечания: 611

«На небе», т. е. во влиянии звезд; «вообще во всем этом месте под именем неба надобно разуметь не Бога, а единственно это влияние созвездий. В это влияние верил и Данте наравне с современниками, но однако так, что свобода воли человека не слишком сильно ограничивается этим влиянием». Филалет.

[612] Примечания: 612

«Т. е. сомнение, тобою выраженное, ясно показывает, что ты еще житель мира (или, буквально, что ты идешь из мира), помраченного слепотой невежества и заблуждения». Скартаццини.

[613] Примечания: 613

«В следующем положении совершенно определенно высказана свобода нравственной воли. Это положение направлено против тех, которые

верили, что непреодолимое предназначение отдельной личности к специальным добродетелям или грехам прямо зависит от его созвездия; вместе с тем оно и не противоречит господствовавшему тогда учению блаж. Августина о наследственном грехе и благодати по избранию. Ибо можно отрицать также непреодолимое предназначение, не принимая через то падшую природу человека за способную, или, по крайней мере, за достаточно сильную для того, чтобы она по своей собственной силе могла жить, безусловно подчиняясь нравственному закону, по учению блаж. Августина, свобода воли не может уничтожаться; но он отрицает, чтобы этой своей собственной воли было достаточно для достижения святости». Каннегиссер.

70. Будь это так, то вам бы дан к чему
Свободный выбор? Был ли-б суд правдивым,
Венчая
добрых, злых ввергая в тьму?[614]

73. С Небес почин лишь вашим дан порывам, —
Не всем, – но если бы и так, что ж в том?
Есть свет, чтоб меж прямым избрать иль лживым.

76. В вас воля есть; коль с Небом бой с трудом
Впервые выдержит, то не легко ли

---

[614] Примечания: 614

«Мнение, что человек в тех случаях, где на него одновременно действуют два противоположных и совершенно равных раздражения, не имеет будто бы свободы воли и потому находится под гнетом (Рая IV, 1–3 и 7–9), — такое мнение, очевидно, не есть мнение самого Данте, но должно быть принято лишь как приноровление к научным положениям тогдашней схоластики. Данте хочет этим показать свою ученость». Ноттер. «Божественное правосудие требует от человека свободной воли, которую не должно ограничивать никакое влияние звезд. Поэт является в этих мыслях и в следующем затем изложении не только великим ученым, но и истинно глубокомысленным и просвещенным исследователем». Флейдерер. Сличи Боэция, Cons. phil, V, 2, где он говорит: «Neque enim fuerit ulla rationalis natura, quin eidem libertas adsit arbitrii». — «Corpora coelestia in corpora quidem imprimuni directe et per se, in vires autem animae quae sunt actus organorum corporeorum, directe quidem, sed per accidens; quia necesseest hujusmodi actus harum

potentiarum impediri secundum impedimenta organorum, sicut oculus turbatus non bene videt. Unde si intellectus et voluntas esserit vires corporeis organis alligatae, ex necessitate sequeretur quod corpora coelestia essent causa electionum et actuum humanorum; et ex hoc sequeretur quod homo naturali instinctu ageretur ad suas actiunes, sicut caetera animalia, in quibus non sunt nisi vires animae corporeis organis alligalae: nam illud quod fit in istis inferioribus ex impressione corporum coelestium, naturaliter agitur, et ita sequeretur quod homo non esset liberi arbitrii, sed haberet actiones determinatas, sicut et ceterae res naturales; quae manifeste sunt falsa». Фома Акв. Sum. Theol. p. I, qu. CXV, art. 4. — «Уже Тертуллиан говорил, что если бы нравственные поступки зависели не от свободной воли, а были бы подчинены светилами, если только свободная воля питается сказанным светом». Скартаццини.

Вскормленной победить ей уж во всем?

79. Склоняться к большей силе в вашей воле,[615]

Или к природе лучшей; но, создав[616]

В вас смысл, Они уж не блюдут вас боле.[617]

82. Так, если путь, где мир идет, не прав, —

Причина в вас, в себе ее ищите,

И я тебе сей разъясню устав.

85. Из рук Того, Кем, прежде чем ей быти,

Лелеется, как резвое дитя,[618] —

Беспечная в Его святой защите,[619]

---

[615] Примечания: 615

Т. е. Богу, воля которого (сила) больше, а природа несравненно совершеннее, силы природы небесных тел.

[616] Примечания: 616

Т. е. Бог, создавая вас, не лишил вас свободной воли, не побуждая вас ни к доброму, ни к злому; разумная же и интеллектуальная душа ваша создана силою и природою самого Бога, — вопреки мнению некоторых средневековых схоластиков, полагавших, что хотя душа человека и рождена Богом, но не непосредственно Им. Данте следует здесь Фоме Аквинскому: «Anima brutorum producitur ex virtute aliqua corporea, anima vero humana a Deo». Sum. Theol. p. I, qu. LXXV, art. 6; и далее: «Quidam posuerunt quod Angeli, secundum quod operantur in virtute Dei, causant animas rationales. Sed hoc est omnino impossibile, et a fide alienum. Ostensum est enim, quod anima rationalis non potest produci

nisi per creationem. Solus autem Deus potest creare… Anima rationalis non potest product nisi a Deo immediate» Ibid. qu. XC, art. 3.

[617] Примечания: 617

«Даже и после грехопадения у человека все еще остались разум и свободная воля, хотя и в ослабленной степени. Но в борьбе с грехом человек нуждается в божественной милости. Он должен следовать влечению этой высшей силы, для того чтобы устоять в этой борьбе; но и это следование есть движение добровольное. Человек должен действовать одновременно с милостью Господнею. Если, таким образом, он останется победителем в первой битве и получит оправдание, то благодать содействующая и его собственное усилие приведут его в общение с истинной свободой чад Господних, где ему уже нечего опасаться какого бы то ни было влияния светил. Исходя из этой богословской точки зрения, можно под сказанной «лучшей природой» разуметь движимую самим Божеством высшую волю, а под «смыслом» (в подлиннике mente) — привычку к добру, в чем и состоит добродетель». Филалет.

[618] Примечания: 618

«Как резвое дитя» (a guisa di fanciulla, девочка) — сравнение заимствовано из Платона (Olimpiodorus):ὁτι κορικῶς μὲν ἐις γένεσιν κάτεισιν ἡ ψυχή, на подобие девочки нисходит душа в рождении.

[619] Примечания: 619

В подлиннике: Che piangendo e ridendo pargoleggia, которая плачет и смеется играя, «чем выражается, что мы уже от природы расположены к страстям и что с этим расположением уже рождаемся и потому изменчивы, как дети». Бути.

88. Душа исходит и, в сей мир влетя[620]

Невинная,
без знаний, но вся радость,[621]

К тому, что ей приятно, льнет шутя.[622]

91. Ничтожных благ сперва вкусивши сладость,[623]

Гонясь за ней, теряет путь тогда,[624]

Пока узда иль вождь не сдержит младость.[625]

94. На то закона и нужна узда,

Необходима и царя защита,

Чтоб башню Правды Града знать всегда.[626]

---

[620] Примечания: 620

Схоластики объясняли душу человеческую как чистую форму; но так как она вместе с тем есть субстанция, каждая же субстанция существует вне Божества, или же должна быть по возможности (potentia) переводима в действительности (actus), то отсюда приходили в затруднение, когда не принимали никакой материи для души, под чем именно разумелось ens in potentia. Чтобы выйти из этого затруднения, ничего более не находили, как принять душу за продукт чистого творческого акта, для чего требовалось допущение не иной какой материи, кроме чистой мысли бытия в божественной сущности. Фома Акв. Sum. Theol. p. I, qu. XC». Филалет.

[621] Примечания: 621

«Исшедшая от самого Бога, душа стремится возвратиться опять к Богу же, как к высочайшему благу. Во всем, что ей кажется сколько-нибудь хорошим, она мнит видеть его образ, и потому устремляется к этому

мнимому благу. Но при этом она нередко ошибается, почему и нуждается в поучении (вожде) и дисциплине (узде), которые удерживали бы ее от преследования ошибочных целей». К Витте.

[622] Примечания: 622

«Прежде чем ей быть (prima che sia) — оборот речи церковно-славянский, как в Псал. LXXX1X, 3: «Прежде даже горам не быти», и Иерем. I, 5; «Прежде неже мне создати тя во чреве, познах тя, и прежде неже изыти тебе из ложесн, освятих тя».

[623] Примечания: 623

Данте говорит в своем Convivio, IV, 12: «Высочайшее желание всего сущего и прежде всего дарованное ему природою — возвращение к своему источнику; а как Бог есть источник наших душ, и создатель их по своему образу, как написано: «Сотворим человека по нашему образу и подобию», то душа эта главным образом желает возвратиться к Нему. И как пилигрим, идущий по дороге, на которой он никогда прежде не бывал, принимает каждый дом, который он издали видит, за гостиницу, и увидев, что это не гостиница, направляет свою надежду на другой дом, и так от дома к дому, пока не достигнет гостиницы; точно таким же образом душа наша, тотчас как вступит в новый и не пройденный ею путь сей жизни, обращает глаза к цели ее высочайшего блага; и потому что ни увидит она кажущееся ей заключающим в себе какое-нибудь благо, она считает, что это именно оно и есть. А как ее знание в начале несовершенно, и так как душа неопытна и не научена, то малые блага кажутся ей большими, а потому с них и начинаются ее желания. И вот мы видим, что дети чрезмерно хотят сперва иметь яблоко, а потом, идя далее, желают иметь птичку, еще далее — красивую одежду, а потом — лошадь, затем — женщину, а затем — богатство не очень большое, а потом — побольше, и потом еще больше. И это происходит оттого, что она не находит во всех сих вещах того, чего она ищет, и полагает найти его дальше».

[624] Примечания: 624

«Из стихов 67–69 видно, что это изречение не означает, что душа без руководства и вождя должна необходимо выбрать себе дурную дорогу. Сличи Чистилища XVIII, 61–75». Ноттер.

[625] Примечания: 625

«Для того чтобы перейти к основанному на борьбе за свободу воли души, самим Богом установленному «церковно-государственному» мироправлению, — Данте возвращается к возникновению самой души, которое он понимает, как акт божественного творчества. Сличи Чистилища XXV». Флейдерер.

[626] Примечания: 626

Convivio tr. IV, e. 4: «A perfezione della umana spezie conviene essere uno quasi nocchiere, che considerando le diverse condizioni del mondo, e li diversi e necessarj ufflcj ordinando, abbia del tutto universale e irrepugnabile ufficio di comandare. E questo ufficio è per eccellenzia imperio chiamato e chi a questo ufficio è posto, è chiamato imperadore. — «Царь (в подлиннике король, rege) означает очевидно императора. Этот стих освещается наилучшим образом соответствующими местами из Convivio и Liber de Monarchia. «Чтобы достигнуть своей высшей божественной цели, род человеческий прежде всего нуждается во внешнем мире, чтобы отдельные личности людей, города и государства не приходили во враждебные столкновения друг с другом, но взаимно бы друг другу помогали. Для того же, чтобы не нарушалось это мирное состояние, необходимо, чтобы люди познавали правое и хотели бы иметь его. Первое достигается существованием писаных законов, последнее — присутствием единовластителя, императора, поставленного столь высоко, что он владеет всем, так что и желать ему больше нечего, и потому может быть нелицеприятным судьей королей. В его ведении находится лишь то, что относится к воле человека, почему он также называется всадником человеческой воли. Напротив, область мышления и познавания что ни на есть высшего в человеке не подлежит его скипетру. На него должно смотреть, как на того, который постоянно имеет в виду не более как внешние стены Божественного Града (в подлиннике: башню, la torre), ограждаемые им от внешних врагов соблюдением существующих законов и правосудием». Филалет. Ноттер. — «Прежде всего человечество нуждается в мирном правителе, который бы в «Граде Правды», в Божьем царстве на земле, имел в виду башню, т. е. обеспечивал бы внешний мир человечества. — Этим обозначается необходимость и круг деятельности императорства, в отличие от папства». Флейдерер. Сличи Ада I, 71, 124; Рая XXVII, 139 и след.

97. Закон? Но кто хранит его открыто![627]

Никто! Затем что жвачку Пастырь ваш

Хоть и жует, но не двоит копыта;[628]

100. Чрез то народ, приметя, что сам страж

Бьет лишь на то, к чему и сам он падок, —

Ест тот же корм и сам идет туда ж.[629]

103. Теперь пойми, что, если в беспорядок

Пришел весь мир, вина – в дурном во-

---

[627] Примечания: 627

Хотя и есть необходимые законы, но кто же заботится об их исполнении? Император об этом не заботится, так как он далек от Италии; господствующий там пастырь, т. е. папа, столь же мало о них заботится, напротив, препятствует, чтобы где-нибудь утвердилось нравственное правление.

[628] Примечания: 628

Данте сравнивает здесь папу с нечистым животным, намекая на закон Моисеев, разделяющий животных, относительно употребления их в пищу, на чистых и нечистых (Левит XI, 3, и след.; Второзак. XIV, 7 и след.). Об аллегорическом значении этого закона Моисеева Фома Аквинский говорит: «Animal enim quod ruminat et ungulam findit, mundum est significatioine, quia fissio ungulae significat distinctionem duoruin testamentorum, vel Patris et Filii, vel duarum naturarum in Christo, vel discretionem boni et mali; ruminatio autern significat meditationem

Scripturarum, et sanum intellectum earum». Sum. Theol., p. 1, 2-e qu. CII, art. 6. — По объяснению блаж. Августина, отрывание жвачки обозначает мудрость, двоение копыт — нравственность; словом, — под первым разумелось в средние века познание божественных вещей, под вторым — безупречный образ жизни и христианская деятельность. (По мнению некоторых, нераздвоенное копыто обозначает папский двор, не различающий светской власти от духовной; но что же обозначает в таком случае отрывание жвачки?). Итак, очевидно, что Данте, придерживаясь учения Фомы Аквинскаго, хочет сказать, что хотя папа и мог бы размышлять и понимать Писание, но не желает различать пути мира от божественных, пастырский посох от меча, или правления: временное и духовное. Так его понимали и другие комментаторы, напр. Postillatore Cassinese: «Non habet ungntas scissas, idest, non habet discretionem nec facit inter temporalia et spiritualia differentiam». — Петр Данте: «Praeseutes pastores, licet sint sapientes, et sic ruminant, tamen non habent ungulas fissas in discrenendo et dividendo temporalia a spiritualibus». Ландино. — По мнению Филалета, Ноттера и Флейдерера, под отрыганием жвачки должно разуметь толкование о добродетели и законах, под двоением копыт — добрые поступки и, в особенности, щедрость, в противоположность сжатым кулакам, признаку скупости (Ада VII, 56). В таком случае Данте, по-видимому, хочет сказать, что правящий теперь папа Бонифаций VIII, хотя и жует жвачку, т. е. знает христианское учение, или то, что он под сим разумеет, декреталы (Рая IX, 134), и много о них толкует; но как образец, который он должен представлять в жизни, он не имеет раздвоенных копыт. Последнее же обозначает, что не только папа не идет путем добродетели, но и указывает специально на его алчность, что он все держит в крепко сжатом кулаке. В нем удерживается папой все притекающее в Рим золото и отнятая у императора власть.

[629] Примечания: 629

«Тот же корм», т. е. земные богатства и светское могущество и почести, как сказано в старинном французском стихотворении, приведенном в комментарии Лонгфелло:

Au temps passé da siècle d'or
Crosse de bois, évèque d'or;
Maintenant ehangent les lols,
Crosse d'or, évêque de bois.

жде,

А не в природе, введшей вас в упадок.[630]

106. Так Рим, державший целый мир в узде,

Имел два солнца, чтоб светили двое

В путях: мирских и божеских, – везде.[631]

109. Теперь одним погашено другое,

Меч слит с жезлом и, два в одних руках,

Естественно, ведут лишь на дурное.

112. Слиясь, один убил к другому страх.[632]

Коль мне не веришь, – посмотри на се-

---

[630] Примечания: 630

«Это — пастыри бессмысленные: все смотрят на свою дорогу, каждый до последнего, на свою корысть». Исайи LVI, 11. — «Народ мой был как погибшие овцы; пастыри их совратили их с пути, разогнали их по горам». Иеремии, L, 6.

[631] Примечания: 631

«Два солнца», т. е. папа и император. «Первый должен вести человека к вечному блаженству, указывая ему путь божественный; второй — руководить человеком в достижении им блаженства в этой жизни, указывая ему пути мирские. Обе эти власти Данте называет солнцем в том смысле, как оно им принято в Ада I, 17 (Che mena dritto altrui per ogni calle). — Это изречение совершенно объясняется тем, что сказано Данте в Liber de Monarchia III, с. 16». Скартаццини. — «Итак, два солнца, а не одно солнце папства», «месяцем коего служит императорство», как

сказал папа Г'ригорий VИИ». Флейдерер. — Папа Бонифаций VIII сказал по поводу императора Альбрехта: «Io son Cesare, io l'imperadore».

[632] Примечания: 632

Слившись между собою в одной руке, эти две власти, естественно, не имеют более уважения друг к другу, а чрез это уничтожается осторожное исполнение той и другой. «Quando li cherici non aveano se non lo spirituale, temevano di falire e di vivere disonestamente se non per l'amore di Dio, al meno per paura de' seculari che, vedendo la loro mala vita, non denegarseno loro le loro elimosine; e cosi li seculari temevano difallire e vivere male, considerando lo prelato è si diritto che non m'assolverà; ora vedendo lo cherico dato a le cose temporali, dice: Cosi passo fare io, com' elli». Бути.

мя:

По семени познаешь злак в полях.[633]

115. Где льется По с Адижем, – в прежне время[634]

Повсюду честь встречали на пути,

Пока в раздор не ввел там Фридрих племя.[635]

118. Теперь же может целый край пройти

Тот, кто стыдится к добрым в их отчизне

Не только речь начать, но подойти.[636]

121. Три старца там остались – к уко-

---

[633] Примечания: 633

Намек на слова Спасителя: «По плодам их узнаете их. Собирают ли с терновника виноград, или с репейника смоквы? Так всякое дерево доброе приносит и плоды добрые, а худое дерево приносит и плоды худые: не может дерево доброе приносить плоды худые, ни дерево худое приносить плоды добрые. Итак по плодам их узнаете их». Матф. VII, 16–18 и 20. Данте извратил эти евангельские слова: по семени узнают злак, а не по злаку семя.

[634] Примечания: 634

«Льется По с Адижем» — этим обозначаются область Тревизская Ломбардия и Романья.

[635] Примечания: 635

«Фридрих II Гогенштауфенский, так как с него началась борьба императоров с папами. Ада X, 119. Все комментаторы разумеют здесь

ссоры этого императора с папами Гонорием III, Григорием IX и Иннокентием IV (что, впрочем, исторически не доказано, Виго, Dante e la Sicilia, p. 19). — «Per Lombardia et per la Marca Trevigiana si solca trovare liberalità, magnanimita et cortesia; ma ora nullo si sa di quelle, et questo è stato dappoi che Federigo, cioè lo' mperio, è stato imbrigato da' cherici». Бенвенути Рамбалди. Очевидно, поэт порицает в этом месте не только папство, но и императора, приписывая им обоим вину порчи нравов в народе — новое доказательство справедливости и беспристрастия его суждений». Скартаццини.

[636] Примечания: 636

«Жесточайшая ирония! Всякий негодяй, которому прежде стыд не позволял не только говорить, но даже приблизиться к честному человеку, может теперь спокойно проходить по этим странам в полной уверенности, что не встретить хорошего человека, к которому бы он не посмел приблизиться». Скартаццини.

ризне

Новейших дней, и, древних арьергард,

Ждут, скоро ль Бог возьмет их к лучшей жизни,

124. Куррадо да Палаццо, и Герард,

И Гвидо да Кастелдь, тот, чье хранимо[637]

У франков прозвище: простой Ломбард.[638]

127. Всем объяви теперь, что церковь Рима,[639]

Две власти разные в себе смешав,

Упала в грязь, а с ней – и диадема.[640]

130. – О Марко мой! – воскликнул я, – ты

---

[637] Примечания: 637

Французы и вообще ультрамонтаны называли в средние века итальянцев ломбардцами. В Париже улица, называемая теперь Rue des Italiens, до шестидесятых годов XIX столетия называлась Rue des Lombards. Боккаччио в одной из своих новелл заставляет двух французов сказать об итальянцах: «Questi Lombardi cani». «Простой ломбард» означает, что Кастель отличался безукоризненной прямотой и честностью.

[638] Примечания: 638

Куррадо да Палаццо, из древней брешианской фамилии, в 1279 г. был подестою в Сьене и вообще был, по-видимому, человеком, часто призывавшимся на эту должность в различные города. — Герардо да Каммино, предводитель гвельфской партии в марке Трвилианской, уже в 1206 г. головой в Фельтро и Беллуно. С 1283 по 1305 г. он управлял в Тревизо. Умер в 1307 г. в своем Convivo Данте отзывается о нем с боль-

шой похвалой. По словам Тирабоски, он был почитатель и покровитель провансальских поэтов. — Гвидо да Кастель — гвельфская фамилия Роберти, делилась на две ветви: Гвидо принадлежал к ветви да Кастелло и был родом из Реджио». См. Филалет, Лонгфелло, К. Витте.

[639] Примечания: 639

Это ответ на вопрос, предложенный Данте в стихах 58–63, т. е., что мир пришел в упадок, виною тому церковь римская, смешавшая власть светскую с духовной, повергшаяся в грязь и запачкавшая и себя и свою тиару.

[640] Примечания: 640

«Ante omnia ergo dicimus, unumquemque debere materiae pondus propriis humoris excipere aequale, ne forte humerorum nimio gravatam virtutem in coenum cespitare necesse cit». Данте, De Vulg. Eloq. lib., II, c. 4.

прав!
И понял я теперь, зачем от веку[641]
Род Левия лишен в наследье прав.

133. Кто ж тот Герард, кому, как человеку
Былых времен, дано служить судьбой
Живым укором варварскому веку?

136. – Обман ли то, иль шутка надо мной! —
Вскричал он, – как, тосканцу я внимаю,
А он не знает: Герард кто такой?[642]

139. Под именем другим его не знаю;
Скажу лишь то, что Гайя дочь ему.[643]

---

[641] Примечания: 641

«И сказал Господь Аарону: в земле их не будешь иметь удела и части не будет тебе между ними, и часть твоя и удел твой среди сынов Израилевых». Числ XVII, 20. — «Только колену Левиину не дал он удела: жертвы Господа Бога Имраилева суть удел его, как сказал ему Господь». Иисуса Навина XIII, 14.

[642] Примечания: 642

Как тосканец, Данте не мог не знать о Герарде, имя которого было известно всей Тоскане; но поэт делает вид, что он не знает его, затем чтобы вызвать его этим на упоминание об его дочери Гайе.

[643] Примечания: 643

Герардо имел дочь, названную, вследствие ее красоты, Гайей (Gaja — радостная); «она была так скромна и добродетельна, что слава о ее красоте и добродетели распространилась по всей Италии». Бути. — Напротив Оттимо, предшественник Бути, говорит о ней несколько

иначе: «Madonna Gaja была дочь мессера Герардо в Каммино; это была синьора такого поведенья в любовных удовольствиях, что имя ее стало пресловутым по всей Италии; почему и говорится здесь о ней в таком смысле». — «Все это, впрочем, одни предположения: известно только то, что она умерла в 1311 г. и погребена в Тревизо». К. Витте.

Бог с вами! дальше вас не провожаю.

142. Уже заря, сверкая там в дыму,
Белеется, и Ангел показался,
А я не смею подойти к нему.[644]

145. Так он сказал и слушать отказался.

[644] Примечания: 644

Души в чистилище, по их собственной воле и желанию скорее очиститься, не покидают круга назначенного им мучения (Чистилища XXI, 51 и примеч.)

Песнь семнадцатая

Третий круг. – Гневливые. – Выход из дыма. – Примеры свирепого гнева в видениях. – Ангел мира. – Подъем в четвертый круг, – Ночь. – Любовь как корень всех добродетелей и всех пороков.

1. Читатель, если в Альпах в облак тонкий

Когда-нибудь вступал ты и сквозь пар

Смотрел, как крот глядит чрез перепонки,[645] —

4. То помнишь ли, как тускло солнца шар

Во влажные вступает испаренья,

---

[645] Примечания: 645

«По существовавшему в средние века мнению, кроты лишены зрения. Учитель Данте Брунетто. Латыни говорит в своем Tesoro: «Sapiate, che la talpe non vede lume, che natura non volle adoperare in lei d'aprire le pelli de suoi occhi, si che non vede niente, perche non sono aperti. Ma ella vede con la mente de cuore, tanto che ella vae come se ella havesse occhi». Впрочем Сави в Пизе нашел на Апеннинах породу кротов, по-видимому, совершенно слепых, названную поэтому talpa caeca. Глазное яблоко, выдающееся у обыкновенных кротов конусообразно из расщелины глаза, — у них совершенно покрыто кожей, имеющей у обыкновенных пород весьма небольшое отверстие». Филалет.

Когда их в небе разрежает жар?

7. И даст тебе полет воображенья

Представить то, как солнце в этот раз

Явилось мне в минуту захожденья.

10. Так, по стопам учителя стремясь,

Я шел из облака, облит лучами,

Которых блеск уж под горой угас.[646]

13. Фантазия! ты с внешними вещами[647]

Так рознишь нас, что уж не слышим мы,

Хоть тысяча-б гремела труб пред нами.[648]

---

[646] Примечания: 646

Лучи заходившего (стих 9) солнца освещали одни лишь верхние круги горы, тогда как внизу уже наступила ночь.

[647] Примечания: 647

«Фантазия», в подлиннике: imaginativa. Она — хранительница чувственных образов. — «Ad harum autem formarum retentionem aut conservationem ordinatur phantasia, sive imaginatio quae idem sunt; est enim phantasia, sive imaginatio quasi thesaurus quidam formarum per sensum acceptarum». Фома Акв. Sum. Theol. p. I, qu. LXXVIII, art. 4.

[648] Примечания: 648

Из жизни Данте приводят случаи, где он сам до такой степени был увлечен своей фантазией, что не замечал окружающего; так однажды, погруженный в чтение книги на улице в Сьене, он не заметил длинной,

проходившей мимо него при громе труб, праздничной процессии. Боккаччио.

16. Кто ж шлет тебя, коль чувства в нас немы?

Шлет свет тебя! Он сходит сам, иль сила[649]

Небесная нам льет его в умы.

19. Злодейство той, кто вид свой изменила,[650]

Став птицею, привыкшей распевать,

Фантазия! ты мне теперь явила.[651]

22. И здесь мой дух замкнулся так опять

В самом себе, что ничего из мира,

Из внешнего, не мог уж воспринять.

25. Затем в мечты ниспал, как дождь

---

[649] Примечания: 649

«По мнению поэта, возбуждение фантазии, — если не является следствием внешнего, чувственного повода, — то объясняется действием разлитого по всей вселенной света (Чистилища III, 30), как бы напитанного отпечатками давно совершившихся событий; порою он действует на нас случайно, сам собой, порою, — по изволению Божьему, представляет человеку один из таких образов». Ноттер.

[650] Примечания: 650

По изволенью Божьему, как и в Чистилища XV, 85 и примеч., в фантазии поэта являются многие образы; предмет их — гибельное действие гнева; здесь они играют роль узды, тогда как в XV песни имели значение побудителей — бичей.

[651] Примечания: 651

Миф о Филомеле (Ovid. Metam. VI, 412–676). Насильственно обесчещенная своим тестем Тереем и лишенная им языка, Филомела умертвила вместе с сестрой своей Прогной (женой Терея) Итиса, сына своего от Терея, и приготовила его голову в виде блюда Терею, в неведении съевшего ее. Затем все действующие лица этой драмы превращены в птиц: Терей в удода, Прогна в ласточку, Филомела в соловья. Сличи Чистилища ИХ, 15 примеч. Гомер рассказывает этот миф иначе:

Плачет Аида, Пандорова дочь, бледноликая, плачет;
Звонкую песню она заунывно с началом весенних
Дней благовонных поет, одиноко таясь под густыми
Сенями рощи, и жалобно льется рыдающий голос:
Плача, Итилоса милого, сына Цетосова, медью
Острой нечаянно ею сраженного, мать поминает.

Одиссея, Жуковский XIX, 618–523.

с эфира,

Свиреп и дик, тот гордый изувер,

Кто на кресте был распят после пира.

28. Вокруг него: великий Ассуер,

Эефирь царица, Мардохей, друг блага,

В делах и в слове честности пример.[652]

31. Едва сама собой исчезла сага,[653]

Как дождевой пузырь, как скоро в нем

Создавшая его иссякнет влага, —

34. Лик девушки в видении моем

Предстал в слезах, с словами: – О родная!

---

[652] Примечания: 652

Кн. Есфирь VII, 9-10: «И сказал Харбона, один из евнухов при царе: вот и дерево, которое приготовил Амак для Мардохея, говорившего доброе для царя, стоит у дома Амана, вышиной в пятьдесят локтей. И сказал царь: повесьте его на нем И повесили Амана на дереве, которое он приготовил для Мардохея. И гнев царя утих». Данте следовал здесь, конечно, латинскому переводу Библии (Vulgata), где Артаксеркс нашей Библии называется Assuerus и вместо виселицы говорится о кресте: «Et jussit excelsam parari crusem». Esth. V, 14.

[653] Примечания: 653

«Сага», т. е. легендарный образ этого сказания. Слово сага достаточно известно в нашей литературе, почему я и решился употребить его взамен образа.

Почто ничем во гневе ты своем[654]

37. Решилась стать, Лавинию спасая?

Убив себя, теряешь дочь, и вот

Я с матерью теряю вольность края.[655]

40. Как греза рушится, когда падет

Внезапный свет в закрытые нам очи,

Дрожа в обломках, прежде чем умрет[656] —

43. Так этот призрак канул в сумрак ночи,

Лишь только свет лицо мне озарил[657]

Сильней того, что вынесть в нашей мочи.

---

[654] Примечания: 654

В подлиннике: Per ché per ira hai voluto essor nulla? Самоубийца действительно полагает в минуту совершения им преступления, что уничтожает себя. Нечего, кажется, говорить, что Данте не сомневался в бессмертии души.

[655] Примечания: 655

Третье видение Данте заимствовал, в честь своего учителя Виргилия, из Энеиды (XII, 601 и далее). Лицо, говорящее здесь, — Лавиния, единственная дочь царя Лациума Латина (Ада IV, 125–126) и Аматы. Последняя в гневе, или, лучше сказать, в отчаянии, что ее дочь Лавиния, просватанная ею за царя рутулов Турна, должна была выйти замуж, вопреки желанию матери, за Энея, решилась в досаде и бессильной злобе повеситься, находясь при этом в неведении, что Турн уже побежден и убит Энеем, хотя в действительности он был еще жив в

то время, когда Амата решилась на самоубийство. В письме к Генриху VII Данте пишет: «Haec Amata illa impatiens quae, repulso fatali connubio, quem fata negabant genorum sibi adscire non limuit, sed in bella furialiter provocavit, et demum, male ausa luendo laqueo se suspendit».

[656] Примечания: 656

Действуя через закрытые веки сетчатую оболочку глаза, внезапный свет вызывает пробуждение; но сознание не может тотчас же освободиться от сна, и грёзы, вызванные сном, как бы раздробленные на части или обломки, носятся (собственно животрепещут: guizza) перед глазами пробудившегося.

[657] Примечания: 657

Свет от ангела, охраняющего этот круг.

46. Я взор обвел, чтоб видеть, где я был;

Вдруг чей-то глас, сказав: – Здесь всходят в гору![658] —

От всех иных предметов отвратил

49. Мне мысль, и так хотелось мне в ту пору[659]

Узреть того, кто так вещает с гор,

Что я предстать в его не медлил взору.

52. Но, словно солнце, что, слепя нам взор,

В избытке света образ свой скрывает, —

Он поразил глаза мои в упор.[660]

55. – Божественный то дух! Он предла-

---

[658] Примечания: 658

«Свет внезапно поражает очи Данте, восхищенное экстазом воображение которого все еще погружено в созерцание пагубных последствий гнева, и когда он, ослепленный блеском и расстроенный, спрашивает, самого тебя, где он находится, к внезапному свету присоединяется еще чей то голос, который, кротко приглашая его взойти на гору, вместе с тем разгоняет перед ним все странные видения. Этот свет и голос исходят от ангела мира и первый, конечно, ослепляет и угнетает только что выступившего из дыма гнева; но, слившись тотчас же с голосом, вливающим в глубину души чувство безопасности, просвещает и побуждает человека на тех мирных путях, где благополучно шествуют люди кроткие. Перец.

[659] Примечания: 659

Буквальный перевод: E fece la mia voglia tanto pronta.

[660] Примечания: 660

«Сила моего зрения была бессильна усмотреть представший мне предмет, подобно тому, как она уничтожается при взгляде на солнце; ослепляя глаза чрезмерным своим блеском, оно скрывает в нем свой вид». Скартаццини.

гает

Без наших просьб длань помощи тебе,[661]

И сам себя во свет свой облекает;[662]

58. Он нам дает, как каждый сам себе,[663]

Затем что всяк, кто просьбы ждет от брата,

Готов злорадно отказать в мольбе.[664]

61. Спешим на зов! Коль не минуем ската

И не войдем, покамест длятся день,

Придется ожидать нам дня возвра-

---

[661] Примечания: 661

«Без наших просьб». Человеколюбие не требует, чтобы его просили, оно подает помощь без просьб, по доброй воле. «La terza cosa, nella quale si può notare la pronta liberalità, si è dare non domandato: perciocchè dare 'l domandato è da una parte non virtù, ma mercatanzia: perrochè quello ricevitore compera, tutto ché 'l datore non venda; perchè dice Seneca: che nulla cosa più cara si compara, che quella dove l'prieghi si spendono (Сенека, De Benef. 1. II, C, 1: Nulla res carius constai, quam quae praecibus empta est). Onde, acciocchè nel dono sia pronta liberalita è che essa si possa in esso notare, allore, conviene essere netto d'ogni atto di mercatanzia; e cosi conviene essere lo dono non domandato. Convivio, tr. I, e. 8 in fin.

[662] Примечания: 662

«Ты одеваешься светом, как ризою». Псалт. CIII, 2.

[663] Примечания: 663

Человек не ждет от самого себя просьбы, чтобы сделать себе что-нибудь приятное. Данте сравнивает здесь любовь ангела к людям с собственною любовью последних к самим себе. Ангел поступает здесь по евангельскому правилу: «И как хотите, чтобы с вами поступали люди, так и вы поступайте с ними», Луки, VI, 31; Матф. VII, 12; «Возлюби ближнего твоего, как самого себя». Марк. XII, 31; Посл. к Галат. V, 14; Левит XIX, 18.

[664] Примечания: 664

«Tarde velie nolentis est; qui distulit diu, noluit», говорить Сенека. De Benef. 1. II c. 1, цитата Ломбарди.

та.[665]

64. Так вождь сказал, и я за ним, как тень,

Направил шаг в обитель благодати,[666]

И лишь вошел на первую ступень,

67. Как
за собой услышал глас: «Beati[667]

Pacifici», и ветр, как бы от крыл,[668]

Пахнул в меня, чтоб снять с лица печати.

70. Так высоко над нами уж светил

Последний луч, за коим ночь приходит,

Что там и сям сверкнул уж блеск све-

---

[665] Примечания: 665

О причине, препятствующей восходить на гору по захождении солнца, см. Чистилища VII, 44 и далее.

[666] Примечания: 666

Т. е. в следующий круг чистилища.

[667] Примечания: 667

«Beati pacifici, quoniam fllii Dei vocabuntur — блаженны миротворцы, яко сынами Божиими нарекутся». Матф. V, 9. В подлиннике к латинским словам Beati pacifici еще прибавлено: che son senza ira mala, т. е., в которых нет неправедного гнева. Так в Писании говорится о гневе Божием, который именно не есть гнев неправедный. Так и псалмопевец говорит: «Гневаясь не согрешайте». Псалт. IV, 5. Данте различает здесь ira ala от ira buona, различие, излагаемое подробно Фомою Аквинским,

Sum. Theol. p. II, 2 ae, qu. CLVIII, art. 1, 2, 3. Скартаццини.

[668] Примечания: 668

Этот ветер возникает от веяния крыл ангела, снимающего еще одно *P* с чела поэта.

тил.[669]

73. О силы! Что ж вас в немощь ночь приводит?

В душе сказал я, чуя, как тяжел

Истомы гнет, что на меня нисходит.[670]

76. Мы были там, где дальше уж не вел

Ход лестницы, и скрылись мы под кровом

Горы, как челн, который в порт вошел.

79. И чтоб узнать, что в этом круге новом, —

На миг свой слух напряг я у межи;[671]

Потом к вождю так обратился с сло-

---

[669] Примечания: 669

«Когда нам случается быть на значительной высоте и когда солнце, скрытое от наших глаз в низменных долинах, позлащает только самые возвышенные вершины гор, — в чистой и прозрачной атмосфере начинают показываться в разных местах неба звезды первой величины, блеску которых не делает значительного препятствия чистый покров, составляющий сумерки угасающего света». Антонелли. — «Итак, со времени восхождения в третий круг прошло еще около трех часов. Теперь стало быть 28-е марта, или 8-е апреля, или 11-е апреля, около 6 ч. вечера». Филалет.

[670] Примечания: 670

«Наступает утомление, потому что исчезает свет, который лишь один придает силу и терпение на дороге к добру». Штрекфусс. С наступлением ночи наступает вообще бездействие в чистилище.

[671] Примечания: 671
Т. е. в четвертом, где наказывается грех уныния, стих 85 и далее.

вом:

82. – Отец мой добрый, что за грех, скажи,

Здесь очищается в скалистом гроте?[672]

Ты шаг сдержал, но слова не держи.

85. – Любовь к добру, ослабшую в полете,[673] —

Он провещал, – вновь проявляют тут;

Отсталое весло тут вновь в работе.[674]

88. Но, чтоб понять тебе был легче труд, —

В час отдыха впери в меня мышленье;

---

[672] Примечания: 672

«В скалистом гроте», т. е. в этом кругу, названном мною (для рифмы) гротом, подобно тому, как и Данте нередко употребляет это выражение для обозначения скал (Чистилища III, 90; XIII, 45; XXVII, 87, равно и во многих местах Ада XIV, 114; XXI, 110; XXXIV, 9).

[673] Примечания: 673

«Любовь к добру, ослабшую в полете», в подлиннике: L'amor del bene, scemo di suo dover», т. е. ослабленную в исполнении своего долга. Этими словами Данте определяет грех уныния, состоящий к недостатке любви ко благу. «Acedia ita deprimit animum huminis, ut nihil ei agere libeat; sicuti ea quae sunt acida, etiam frigida sunt. Et ideo acedia importat quoddam taedium operandi, ut patet per hoc quod dicitur in glossa (ord. Aug.) super illud psal. 106: Omnem escam abominata est anima eorum; et a quibusdam dicitur quod acedia est torpor mentis bono negligentis inchoare».

Фома Акв. Suom. Theol. p. II, 2-ae, qu. XXXV, art. 1. «Tristari de bono divino, de quo charitas gaudet, pertinet ad specialem vitium, quod acedia vocatur». Ibid. art. 2.

[674] Примечания: 674

In questo luogo si emenda quello che s' è male indugiato nel mondo; e parta per similitudine: come li naviganti che sono stati infingardi a vogare, sono fatti dal nocchieri ristorare poi nel lungo dove può intendere a loro; cosi quive s'emenda coll' ardore de la mente la negligenzia avuta in questa vita ne le buone operazione». Бути.

Слова мои плод добрый принесут.

91. Ты знаешь, сын, не может быть творенье,[675]

Ни сам Творец творенья без любви[676]

Природной иль духовной ни мгновенье.[677]

94. В природе нет ошибки; но, увы![678]

Другая впасть в ошибку может – целью,[679]

Избытком сил иль слабостью в крови.

97. Быв предана небесных благ веселью

И благ земных ища не без конца,

Она греху не станет колыбелью.[680]

---

[675] Примечания: 675

«В следующих стихах поэт дает образ морального построения чистилища, точно так, как он представил нам его для ада в XI песни 1-ой части своей поэмы. Для достижения этой цели он, следуя Фоме Аквинскому, излагает такое учение. Любовь может быт двоякая: естественная, природная, инстинкт, и любовь душевная, духовная, рождаемая руководимыми свободную волею стремлениями. Первая любовь непроизвольная, зато верна относительно своего предмета. Вторая либо избирает ложный предмет, либо устремляется на надлежащий предмет без меры, или слишком нерадиво, или слишком горячо. Если она выбирает первое, т. е. главнейшее, небесное благо, и стремится ко второму благу, т. е. к земному счастью, но в известной мере и надлежащем порядке, тогда она приводит к добродетели, в противном же случае — к пороку, который есть насилие против Создателя, предназначившего нас к доброму и радостному. Сбившуюся с пути своего любовь, которая ведет к ненависти, человек не может направить ни

против самого себя (стихи 106–108), ни против Бога (стихи 109–111), ибо все это противоречило бы естественному стремлению. Потому любовь к дурному может быть направлена лишь во вред ближнего. Она ведет к высокомерию (стихи 121–123). Эта любовь, от которой очищаются тени в первых трех кругах, грешит в выборе предмета. Выше на горе очищаются те души, любовь которых не держалась надлежащей меры, и прежде всего те которые были слишком вялы в любви своей к первому благу, к божественному, далее — те, которые были слишком пылки в своих стремлениях к земным благам». Штрекфусс, — «Ты знаешь», намек на Ифику Аристотеля.

[676] Примечания: 676

«Бог есть любовь» (Иоан. I посл. IV, 8) — учение, многократно развиваемое отцами церкви. Сличи: Варки, Lezioni lette nell' Accademia Fiorentina Fir, 1594, Vol. I, p. 164; также Оцанам, Dante et la philosophie catholique, Paris 1845, p. 122 и др.

[677] Примечания: 677

Природная, т. е. врожденная, инстинктивное, естественное стремление всех тел; духовная — любовь по выбору, любовь моральная, или любовь свободных существ. «Omne agens quodcumque sit, agit quamcumque actionem ex aliquo amore». Фома Акв. Sum. Theol. P. I, 2-oe qu. XXVIII, art. 6; сличи также Convivio, tr III, c. 3.

[678] Примечания: 678

«Инстинкт, предоставленный сам себе, никогда не ошибается; а если когда и кажется ошибающимся в человеке, то ошибка здесь не со стороны инстинкта, а со стороны моральной любви; инстинкт в таков случае встречает препятствие к проявлению своей силы». Скартаццини.

[679] Примечания: 679

Т. е. любовь свободная или по выбору. Она ошибается трояким образом, а именно: во-первых, избирая дурное: а) стараясь первенствовать, затоптать ближнего — гордость; в) страдая внутренне из страха быть

униженной чрез повышение других — зависть; с) считая себя жестоко обиженною и стараясь потому мстить за малейшую обиду — гнев; во-вторых, любя бесконечное благо менее должного, т. е. являя себя вялою в приобретении оного — уныние; в-третьих, чрезмерно любя конечное благо и против должного и притом: а) неумеренным желанием богатств, или же злоупотреблением их — скупость, расточительность; в) незнанием меры в удовольствиях чрева — чревоугодие и с) необузданным удовлетворением плотских удовольствий — сладострастие. Сличи Ланчи, De spiritali tre regni cantati de Dante. Roma, 1855-56. P. II, Tav. I, — «Ad hoc ait Augustinus: sicut virtus est amor ordinatus, sic vitium, amor non ordinatus. Et hoc dupliciter: primo si sit amor mali; secundo si sit amor boni nimius vel modicus secundum duas species honorum. Nam quaedam sunt bona parva, ut temporalia et corporalia; quaedam magna, ut bona gratiae et gloriae. Inordinatus ergo amor magni boni est, si sit modicus; et iste; amor est radix gulae, luxuriae et avaritiae». Петр Данте.

[680] Примечания: 680

«Не без конца», т. е. умеренно, в надлежащих границах. «Любовь к земным благам, необходимым для сохранения отдельных личностей или отдельных родов, как питание тела, земные богатства и т. п., не только не греховна, но, удерживаемая в известных границах, называется даже добродетелью умеренностью. Греховною же она становится только при излишестве в ту или другую сторону». К. Витте.

100. Но к злу склоняясь иль стремя сердца

Ко благу больше иль слабей, чем надо,[681] —

Тварь восстает тем самым на Творца.

103. Любовь – отсюда сам поймешь ты, чадо, —

Дает посев делам, как полным благ,

Так полным зла, за них же казнь – награда.[682]

106. А как любовь к самим себе никак

Не может выгоды своей не видеть,

То нет существ, кто-б сам себе был враг.[683]

---

[681] Примечания: 681

«Ко благу», т. е. к земному благу.

[682] Примечания: 682

Согласно учению Фомы Аквинского: «Primus motus vulimtatis et cujuslibet appetitivae virtutis est amor». Sum. Theol. P. I qu. XX, art. I. «Ex amore causatur et desiderium, et tristitia, et delectatio, et per consequens omnes aliae passiones: unde omnis actio quae procedit ex quacumque passione, procedit etiam ex amore sicut ex prima causa». Ibid. qu. XXVIII, art. 6. — «Boni aut mali mores sunt boni aut mali amores». Блаж. Августин, по цитате Оцанама.

[683] Примечания: 683

«Ибо никто никогда не имел ненависти к своей плоти». Посл. к Ефес. V, 29. — «Impossibile est quod aliquis, per se loquendo odiat se ipsum. Nataraliter enim unumquodque appetit bonum, nec potest aliquid sibi

appetere, nisi sub ratione boni; nam malum est praeter voluntatem. Amare autem aliquem est velie ci bonum. Unde necesse est quod aliquis amet se ipsum; et impossibile est quod aliquis odiat se ipsum, per se loquendo». Ibid. P. I, 2-oe qu. XXIX, art 1. Скартаццини.

109. И как нельзя представить, ни предвидеть,

Чтоб кто вне Бога сам собой быть мог,

То нет причин и Бога ненавидеть,[684]

112. Итак осталась (коль мой вывод строг)[685]

Любовь одна – любовь творить зло ближним,

И в теле вашем ей тройной исток.[686]

115. Одни мечтают, взявши верх над ближним,

Чрез то возвыситься, и вот – спешат

С ступеней верхних свергнуть брата к нижним.[687]

---

[684] Примечания: 684

«Deus autem per essentiam suam est ipsa bonitas, quam nullus habere odio potest, quia de ratione boni est ut ametur; et ideo impossibile est quod aliquis videns Deum per essentiam eum odio habeat». Ibid. qu. XXXIV, art. 1.

[685] Примечания: 685

«Осталась», relinquitur, техническое выражение схоластических школ.

[686] Примечания: 686

«В теле вашем». — «И создал Господь Бог человека из праха земного». Бытия II, 7.

[687] Примечания: 687

В этой терцине обрисовывается гордость. «Suprbia dicitur esse amor propriae excellentiae, in quantum ex amore causa tur inordinata prae — sumptio alios superandi; quod proprie pertinet ad superbiam». Фома Акв.

Sum. Theol., p. II, 2-ae qu. CCLXII, art. 3.

118. Другие славу, почесть, силу мнят

В себе утратить с повышеньем брата,

И потому, злорадствуя, скорбят.[688]

121. А в третьих – злобой так душа объята

От тяжкой им обиды, что грозу

Отмщенья мнят излить на супостата.[689]

124. Грех тройственной любви сей здесь внизу

Казнится. Но внимай, как ложной жаждой

Любовь другая вас стремит ко злу.[690]

127. Добро, хоть смутно, понимает

---

[688] Примечания: 688

Здесь характеризуется зависть. «Invidia est tristitia de alienis bonis... Aliquis tristatur de bonis alicujus, in quantum alter excedit ipsum in bonis; et hoc proprie est invidia». Ѳома Акв. p. II, qu. XXXVI, art, 1,2. «Invidia est tristitia de bono proximi». Ibid. art. 3. — В этих двух терцинах излагаются наказуемые в первом и втором карнизах пороки гордости и зависти. Оба истекают из одного и того же источника, именно из желания стать выше своего ближнего, и тогда, как первый из них состоит в истекающей отсюда радости при виде принижения ближнего, последний — в неудовольствии от его повышения. Эта радость и это неудовольствие, если они истекают не из вышепоименованной, а из другой причины, напр. из опасения быть угнетенным могущественным врагом, или из радости по поводу справедливого суда Божьего гнева, — чувства эти не всегда бывают греховными. Такое мнение Фома Аквинский

прямо высказывает по отношению к зависти, и называет этим именем только ту печаль при виде чужого счастья, которая происходить оттого, что счастье другого принимают за свое собственное несчастие, так как оно уменьшает собственную славу (in quantum est diminutivum propriae gloriae vel excellentiae. Ibid. art. 1). Гнев он вообще обозначает лишь как disordinatila appetitus propriae excellentiae». Ibid, P. II, 2-ae qu. CLXIII. Филалет.

[689] Примечания: 689

«Третий вид зложелания ближнему — гнев, Фома Аквинский тоже говорить, что цель гнева есть мщение, но и здесь он отличает похвальный гнев, когда желаемое мщение возникает по законам разума, и недозволенный гнев, когда месть несправедлива, или повод к ней был неправый, т. е., если ею не сохраняется право, или не отмщается вина. Ibid, qu. CLVIII. Данте говорит здесь именно об этом последнем гневе; в стихе 69 следующей песни он прямо называется здесь гневом; наоборот в стихе 9 Рая XXII идет речь о гневе дозволенном». Филалет.

[690] Примечания: 690

Т. е. любовь, погрешающая избытком или недостатком силы.

каждый;[691]

Всяк ищет в нем утех душе и мнит

Достичь его, чтоб мир найти однажды.[692]

130. Всех тех, кого любовь не слишком мчит

Познать добро, снискать его со страстью,

Тех, с покаяньем, сей карниз казнит.[693]

133. Добро иное вам дает напасти,[694]

Нет блага в нем, – того, что всех важней —

Где плод и корень истинное сча-

---

[691] Примечания: 691

«Добро», т. е. высшее благо Бога. — «Voi o terreni animali, avvegna che con sottil immagine, nondimento il vostro principio sognate, e quel vero fiue di beatitudine, avvegna che non con chiaro, con alcuno almen pensiero (confusamente) ragguardate: e perciò vi mena al vero bene la naturale intenzione, e da quella moltiplice errore vi ritrae». Боецио, Consol. filos. 1. III, pr. 2». Скартаццини.

[692] Примечания: 692

«Fecisti nos, Domine, ad Te, et inquietum est cor nostrum donec requiescat in Te», говорит блаж. Августин.

[693] Примечания: 693

«Уныние и не деятельность без покаяния ведет не в чистилище, но в то преддверие ада, где пребывают души, жившие «без хулы и славы бытия, (Ада III, 36)». Филалет.

[694] Примечания: 694

Т. е. благо земное, не способное сделать человека истинно счастливым.

стье.[695]

136. Любовь, стремящая к нему людей,
Казнится в трех кругах вверху над нами,
И состоит из трех она частей,[696]

139. Но из каких – то мы увидим сами.[697]

---

[695] Примечания: 695

«В Боге нет разделения между формой и материей, между бытием и сущностью; в Нем нет ничего случайного; все, что Он есть, есть существенное». Фома Акв. Sum. Theol. p. 1, qu. III. «Бытие и благо в действительности не отличаются: ибо все, что действительно есть, имеет и известное совершенство, оно есть благо в известном отношении. Но Бог, Который во всем, что Он есть, совершенен, вместе с тем и существенно благ (bonum simpliciter)». Ibid. qu. XXVI. «Так как Бог существенно благ, то Он и обладает высочайшим блаженством, которое Фома Аквинский прекрасно называет полным счастьем духа, и лишь в познавании его заключается, в свою очередь, высочайшее блаженство для существ духовных». Ibid. «От Бога исходит все благое, как из своего первичного источника, первообраза и действующей причины, но так же, как и конечной причины; ибо все благое приводит опять-таки к Богу. Потому Бог и называется корнем и плодом всего благого. Но тем не менее благое, будучи одним и тем же во всех вещах, свойственно в известных отношениях самим вещам, образуя в них различные особенности». Ibid. qu. VI. По цитате Филалета. Вот подлинные словам Фомы Аквинского: «Solus Deus est bonus per suam essentiam. Unumquodque enim dicitur bonum, secundum quod est perfectum. Perfectio autem alicujus rei triplex est. Prima quidem, secundum quod in suo esse constituitur; secunda vero prout ei aliqua accidentia superadduntur ad suam perfectam operationem necessaria, tertia vero perfectio alicijus est per hoc quod aliquid aliud attingit sicut finem; utpote prima perfectio ignis consistit in esse, quod habet per suam formam substantialem; secunda vero ejus perfectio consistit in caliditate, levitate et siccitate, et hujusmodi; tertia vero perfectio ejus est secundum quod in loco suo quiescit. Haec autem triplex perfectio nulli creato competit secundum suam essentiam, sed soli Deo, ciyus solius essentia est

suum esse, et cui non adveniunt aliqua accidentia; sed quae de aliis dicuntur accidentaliter, sibi conveniunt essentialiter, ut esse potentem, sapientem, et alia hujusmodi; ipse etiam ad nihil aliud ordinatur sicut ad flnem, sed ipse est ultimus finis omnium rerum. Unde manifestum est quod solus Deus habet omnimodam perfectionem secundum suam essentiam; et ideo ipse solus est bonus per suam essentiam». Sum. Theol., p. I, qu. VI, art. 3. Итак, Бог корень и плод всего благого. «Unumquodque dicitur bonum bonitate divina, sicut primo principio, exemplari effectivo et finali totius bonitatis». Ibid. art. 4.

[696] Примечания: 696

Скупость и расточительность, чревоугодие и сладострастие. По Фоме Аквинскому (p. 1, 2-ae, qu. LXXII, art. 2) эти три греха — грехи плоти, прочие же — грехи духа.

[697] Примечания: 697

«Omai per quello che detto é puote vedere chi ha nobile ingegno, al quale è bello un poco di fatica lasciare». Convivio, tr. III, c. 5.

Песнь восемнадцатая

Четвертый круг: грех уныния. – Любовь и свобода воли. – Примеры редкой деятельности. – Аббат из Сан-Зено. – Скалиджьери. – Примеры пагубного греха уныния. – Сон Данте.

1. С своей беседой тут остановился
Мудрейший муж, с вниманьем взор вперя[698]
В мое лицо, вполне ль я убедился.

4. И я, уж новой жаждою горя,
Наружно молчаливый, думал: – Может,
Вождя я утомлю, с ним говоря.[699]

7. Но он, познав, что душу мне тревожит

---

[698] Примечания: 698
«Мудрейший муж», Виргилий; в подлиннике: L'alto dottore, высокий доктор.

[699] Примечания: 699
«Наружно молчаливый» — «и тем самым доказывал, что не вполне убедился». Бути. — То же опасение Данте выражает и в других местах поэмы, напр., в Ада III, 80 и 56.

Мысль робкая, как истинный отец,

Заговорил, да смелость в дух мой вложит.

10. И начал я: – Так свет твой, о мудрец,

Живит мой ум, что тайный и глубокий[700]

Смысл слов твоих мне ясен наконец.

13. Но объясни: где той любви истоки,

К которой сводишь, добрый отче, ты

Все добродетели и все пороки?»

16. – Впери ж в меня все мысли и мечты, —

Он отвечал, – чтоб стал тебе понятным

Обман вождей среди их слепоты.[701]

---

[700] Примечания: 700

В предыдущей песни (стихи 104–106) Виргилий сказал, что любовь дает посев как для добрых, так и злых дел.

[701] Примечания: 701

Намек, по-видимому, на учение эпикурейцев, по мнению которых всякое наслаждение, а, стало быть, и любовь, похвально. Ниже этот обман рассматривается подробно. — «Вождей среди их слепоты»: «Они слепые вожди слепых; а если слепой ведет слепого, то оба упадут в яму». Матф. XV, 14.

19. Дух, созданный к любви вполне податным,

Подвижен всем, что нравится ему,

Быв вызван к акту чем-нибудь приятным.[702]

22. Все сущее является уму

Лишь в образах; ум образ духу кажет

И преклоняет самый дух к нему;[703]

25. Когда же в духе образ тот заляжет,

То склонность та и есть любовь, и в ней

Приятное природу снова вяжет.[704]

28. И как огонь, по сущности своей,

---

[702] Примечания: 702

«Человеческая душа легко подвижна ко всему прекрасному и приятному (сличи Ада V, 100 и Чистилища XVI, 90–91), но она устремляется к нему не прежде, как такое удовольствие действительно будет существовать, причем познавательная сила воспримет в себя нечто приятное». Филалет. — «Присущая душе воля находится в усыплении, она пребывает в ней лишь как способность желания, до тех пор, пока не устремится к желаемой цели и чрез то не станет пробудившеюся деятельною волей. Пробуждается же она вследствие удовольствия от достигнутой ею цели» К. Витте.

[703] Примечания: 703

«Это побуждение происходит таким образом, что чувственное представление вещей внешнего мира через так называемый пассивный разум представляет душе отраженные образы, как в зеркале, которые

›››

затем становятся предметом суждения. Если суждение об этих образах будет благоприятное, то оно побуждает волю обратиться к этим образам, а стало быть и к самому объекту этих образов». К. Витте. — «Возникновение любви изображено здесь точно так, как и в «Очерке Психологии» Фомы Аквинского. Два стиха, 26 и 27, довольно темные сами по себе, объясняются тем же очерком; они относятся именно к естественной гармонии, долженствующей существовать между предметом удовольствия и чувственною или духовною природою человека. Чрез удовольствие человек привязывается к тому, к чему он предрасположен природою». Филалет.

[704] Примечания: 704

Это суждение и возникающая из него любовь основаны на законе природы, который сближает между собою одно к другому принадлежащее. Любовь, при помощи удовольствия сочиняясь с личностью любящего, с его самочувствием, с его первою природой, составляет для нее вторую природу, новую стихию». К. Витте. — «Это та любовь, которая названа «природной», в Чистилища XVII, 93. Если здесь она называется сверх того даже просто «природой», то под этим надобно разуметь высшую степень природной любви, возбуждающейся в душе; ее должно отличать от врожденной или вкорененной. Любовь, например, к самому себе есть любовь врожденная или собственно природная; любовь к другому лицу есть уже возбужденная, самопроизвольная». Каннегиссер.

Восходит вверх, родясь туда стремиться,

Где более он длится средь огней,[705] —

31. Так пленный дух желанием томится

(Духовным актом) и не знает сна,

Покуда в нем желанье не свершится.[706]

34. Теперь пойми, как истина темна

Для мыслящих (о! как их довод шаток!)

Что в вас любовь не может быть грешна.[707]

37. Хоть, может быть, как суть, любви зачаток

---

[705] Примечания: 705

«Наклонность огня подыматься вверх есть любимый пример у схоластиков для олицетворения так называемого appetitus naturalis здесь — высшей степени любви. По своей форме, по внутреннему существу, огонь имеет наклонность подыматься кверху, где он находит самую удобную стихию для развития своей сущности. Потому-то школы допускали особенную область огня над воздушным пространством, где огонь просуществует в некоторой степени уже in potentia, прежде чем станет огнем in actu». Филалет. Сличи Чистилища I, 15 примеч. — «По сущности своей», в подлиннике: Per la sua forma. «Форма в схоластическом языке есть то, что дает каждой вещи то, что она есть. И так, форма огня есть его сущность, или то, что его делает огнем. Древние не знали, что тяжесть воздуха больше, чем тяжесть пламени, и что по этой именно причине воздух побуждает пламя подыматься вверх, и потому полагали, что огонь уже по природе рожден к тому, чтобы

подыматься вверх, устремляясь к своей сфере, которую они помещали между крайнею границей атмосферы и небом луны». Скартаццини. Сличи Рая I, 115.

[706] Примечания: 706

«Как из удовольствия и т. д. возникает любовь, так, далее, из любви же возникает желание к поддержанию ее. Это-то желание есть тот духовный акт, который приводить волю в деятельность, в духовное движение». К. Витте. — «В этих стихах ясно выражены три стадии желательных, направленных к приобретению блага страстей; именно: любовь, томление и наслаждение. Филалет. — «Духовным актом», т. е. противоположно подъему огня: это движенье — движенье материальное».

[707] Примечания: 707

Здесь прямо говорится об ошибочности учения «вождей среди их слепоты», на которое намекалось выше, в стих 18.

Хорош всегда; но если воск хорош,

То не всегда хорош и отпечаток.[708]

40. – Насколько свет ты мне в рассудок льешь, —

Я отвечал, – любовь я понял ясно;

Но к скольким вновь сомненьям ты ведешь?

43. Коль в нас любовь вступает самовластно

Извне, идти ж душе лишь сим путем,

То в выборе пути душа ль причастна?[709]

46. И он: – Скажу, насколько лишь умом

---

[708] Примечания: 708

«Как суть», в подлиннике: matera. Materia, на языке последователей Аристотеля, — род вещей, определяемый различными признаками, как первичная материя, и определяемый личными формами. «Зачаток любви, желание благого, всегда хорош, но не каждое конкретное осуществление ее хорошо, ибо человек часто ошибочно считает за благо то, что в действительности не есть благо». К. Витте. — Почти теми же словами мысль это высказал еще прежде Филалет. — «Может быть, Данте употребляет это для того, чтобы показать, что любовь сама по себе ни добра, ни зла». Конти. Sior. della Filos, Vol. II, p. 238.

[709] Примечания: 709

Сомнение, высказанное здесь Данте, есть одно из самых сильных выражений детерминизма против существования свободной воли. Если любовь нечто необходимое и если любовь при этом не может

идти другой дорогой, то, следовательно, она не имеет ни свободы, ни произвола. Сличи: Фома Акв. Sum. Theol. p. I, qu. LXXXIII, art. I. Dubium est istud: vult diedre: tu dixisti mihi, duod animus recipit speciem rei visae intra se, et quod illa reflexio est amor; modo si est verum, quod necessario veniat de foris, et dicis quod amor est causa virtutis et vitii, quae causa, quare debeo habere culpa mei vitti, vel iaudem meae virtutis? Post. Caet.

Мы видим здесь; но как то дело веры,
То Беатриче допроси о том.[710]

49. Субстанциальны формы вне их сферы
Вещественной, и те, что с ней слиты,[711]
Наделены все силой разной меры.[712] [713]

52. Но силы те без действия мертвы
И познаются лишь из их явлений
Как в древе жизнь – из зелени листвы,

55. Откуда же идет ряд постижений
Идей
первичных, скрыто то во мгле,[714]

---

[710] Примечания: 710

«Виргилий в Божественной Комедии символ власти временной, или императорской (разума), которая, согласно с учением Данте (De Monarchia I, III, с. 16), должна направлять людей к блаженству в этой жизни по указаниям философским; поэтому Данте заставляет Виргилия сказать, что его разъяснения не могут простираться далее пределов чистого разума, или философии, и что во всем том, что касается веры, он должен ожидать разрешения своих сомнений от Беатриче, т. е. от власти духовной или эклезиастической, долг которой состоит в том, чтобы направлять человеческий разум к счастью, согласно с откровением». Скартаццини.

[711] Примечания: 711

По Аристотелю, душа отдельно от тела существовать не может. Οὐκ ἐστιν ἡ Ψυχή χωριστή τοῦ σῶματος; De anima, II. Данте, напротив, отличает

душу, соединенную с материей, и душу, отдельную от материи. Anima intellectiva unitur corpori ut forma substantnalis». Фома Акв. p. I, qu. LXXV1I art. 1 et art. 4. «Душа имеет лишь соединение с материей, но не тождество». Скартаццини.

[712] Примечания: 712

«Формою, на языке школы, называется то, при помощи чего что-нибудь переводится им возможности в действительность. Формы бывают субстанциальные и случайные, смотря по тому, будет ли вещь простая, или же она будет такая или иная. Душа, например, делающая то, что возникает человек, — есть форма субстанциальная, способ же, делающий его мудрым, есть форма случайная. чистые духи, ангелы, — только формы, без всякой материи. Душа человеческая есть также форма и отличается от материи тем, что она может существовать и без нее, хотя и соединенная с ней; напротив, души животных не могут существовать сами по себе, и потому уничтожаются вместе с телом. Поэтому в этой терцине идет речь лишь о человеческой душе». Филалет. «Anima est forma substantialis hominis». Ѳома Акв. Sum. Theol., p. I, qu. LXXVL art. 4. — «On nomme l'Amê Forme Substantielle, parce que seule elle fait que l'homme soit, et que sa seule retraite fait perdre à ce merveilleux composé son existence et son nom». Оцанам, Dante et la Phil., p. 113. — «Форма каждой вещи есть то, что делает эту вещь именно этим особенным индивидуумом, также и те свойства, которые придают этой вещи или предмету его большее совершенство, ценность и т. д., принадлежат также к ее форме; но они придают ей лишь случайную форму. Субстанциальною формою называется то, чем индивидуум своего рода делается тем, чем он есть; поэтому-то разумная душа — субстанциальная форма человека. В ней заключена особенная специальная сила, помощью которой индивидуум, смотря по своему роду, развивается и существует; помощью этой силы, например, одни и те же питательные

средства перерабатываются в человеческом теле для образования и поддержки человеческих членов, а проходя чрез желудок животного, уподобляются телу животного. Субстанциальная форма может быть соединена с веществом, как в человеке и животных; но она может существовать и без вещества, как в ангелах и в душах усопших людей; тогда она называется отдельной субстанцией». К. Витте.

[713] Примечания: 713

«Наделены все силой равной меры», в подлиннике: Specifica virtude ha in sè colletta, т. е. заключают в себе специфическую, особую силу. «Особая сила формы человека — разум, который не познается без действия и выражается не иначе, как по действиям, из него истекающим». Велутелло. — «Это та сила, которую римляне называли гением, т. е. частною особенностью каждого живущего». Daniello. — «Специфическая сила есть великая тайна: можно принимать ее за гений, укоренившийся в индивидуальном темпераменте каждого». Вентури.

[714] Примечания: 714

«Первичные идеи», т. е. «так называемые аксиомы: например то, что из двух прямо противоречащих положений может быть верным лишь одно положение (Рая, VI, 21)». К. Витте. — «Метафизики вели жестокие споры касательно первичных идей и в частности о том, врожденные ли эти идеи и существует ли одна такая идея или многие. Данте одним ударом порешает этот спор, отвечая прямо, что это скрыто во мгле (в подлиннике: uomo non sape, человек не знает), сознание, достойное не только величайшего поэта, но и глубочайшего мыслителя». Скартаццини.

Как и порыв всех первых похотений.

58. Они в вас скрыты, как инстинкт в пчеле
Готовить мед, и первая та доля
Не подлежит ни славе, ни хуле.

61. А так как всякая другая воля
Стремится к ней, то сила вам дана
Давать совет, храня границы поля.[715]

64. Вот тот принцип, по коему должна
Любовь к добру, иль злу, смотря, какую
Вы избрали, вас награждать спол-на.[716]

67. Мыслители, вникая в жизнь зем-

---

[715] Примечания: 715

«Первая та доля»: questa prima voglia. «Эта первичная способность и эти первичные идеи находятся вне свободы выбора и возникают в лоне нашей природы, без содействия со стороны нашей воли, и потому не заслуживают ни славы, ни осуждения, т. е. невменяемы. А так как впоследствии к этой не свободной, но естественной воле, т. е. к этому комплексу естественных расположений и стремлений, присоединяются и сопровождают их те похотения, те желания, которые, как уже свободные, могут быть хорошими или дурными, то природа предоставила человеку свободу выбора, которая должна «блюсти границы поля» (в подлиннике: tener la soglia, охранять пороги) своим согласием, или несогласием, т. е. упорядочивать их. Эта-то сила есть разум. Итак, имея, с одной стороны, свободу выбора, с другой — разум совещательный, мы уже становимся вменяемыми, и наши привязанности, приобретаемые свободно, подлежат вменению, поскольку в

нас есть свет для познавания доброго и злого и свобода принять или отвергнуть то или другое». Джиоберти.

[716] Примечания: 716

«Этот-то регулирующий разум, который врожден в вас, есть тот источник, из которого почерпается повод к возмездию вам, смотря по тому, принимает ли или выбирает этот разум ваши привязанности между добрыми или злыми». Скартаццини. — «Judicium medium est apprehensionis et appetitus; nam primo res apprehenditur, deinde apprehensa, bona vel mala judicatur, et ultimo judicans prosequitur, sive fugit». De Monarchia, 1, I e. 12.

ную,
Свободы той познав вам данный дар,
Создали миру Этику святую.[717]

70. Допустим же, что всякой страсти жар
Необходимостью в вас пламенеет,
Все ж сила в вас тушить ее пожар.

73. В свободе воли Биче разумеет[718]
Мощь благородную; храни ж в уме,[719]
Какой у ней то слово смысл имеет.[720]

76. Луна, востав из волн в полночной тьме,
Являла нам уж в небе звезд немного,

---

[717] Примечания: 717

«Свобода воли — основание нравственного учения, которое было бы необязательным для существ несвободных; потому-то свобода воли — высочайший дар, данный в щедрости своей Господом человеку при его сотворении (Рая V, 19)». К. Витте. — «Primum principium nostrae libertatis est libertas arbitrii quam multi habent in ore, in intellectu vero pauci». De Monarchia 1, 1, с. 12. Сличи Чистилища XVI, 70–72.

[718] Примечания: 718

«Биче», сокращенное Беатриче. «Беатриче употреблено здесь вместо богословского школьного языка; ибо во всем том, что просветленная возлюбленная Данте говорит во всей поэме, нигде не встречается этого выражения». К. Витте.

[719] Примечания: 719

«Эта благородная мощь, выбор средств для цели, слывет в богословии под именем свободной воли». Филалет.

[720] Примечания: 720

«В стихах 19–75 воспроизведено аристителе-схоластическое учение об основных силах души, служащее одним из самых выдающихся примеров тому, как наш поэт умеет прекрасно, пластично и поэтически говорить даже и чисто философских предметах». Флейдерер в переводе Бож. Ком. Штрекфусса.

Раскалена, как бы котел в огне,[721]

79. И против звезд неслася той дорогой,
Где меж Сардинией и Корсикой заход
Светила дня римлянин видит строгий.[722]

82. И славный дух, чье имя в род и род
Над Мантуей возвысило Пьетолу,
С души моей так сбросил груз забот,[723]

85. Что, мудрому внимая там глаголу
Учителя в ответ мне, я стоял,
Как тот, кого дремота клонит долу.[724]

---

[721] Примечания: 721

«Лума, востав из волн в полночной тьме», в подлиннике; La luna, quasi a mezza notte tarda, запоздавшая до полуночи. Вначале загробного странствования Данте было полнолуние (Ада XX, 127: «Еще вчера был полон месяц бледный»). С ущерблением месяца затмился сегмент его диска к востоку, и чрез это он принимает форму, напоминающую котел, или не слишком высокое медное ведро с круглым днем, какие обыкновенно употребляются в Италии: «Луна, когда идет на ущерб, подымается над горизонтом с каждым днем позднее почти на один час, а так как теперь уже пятый день странствования, то она должна подниматься пятью часами позже захождения солнца, следовательно около полуночи. Идущий на ущерб месяц уже не слишком сильно помрачает своим светом блеск звезд, но во всяком случае свет его еще достаточно силен, чтобы затмить мелкие звезды». Филалет.

[722] Примечания: 722

«Кажущееся обращение свода небесного совершается с востока на запад, луна же обращается с запада на восток, следовательно, навстречу течению звезд, «против звезд», причем она с каждым днем восходит все далее к востоку. Она идет по направлению зодиака и к полнолуние находилась в созвездии Весов. Теперь же она стоит в противоположном тому, в котором находится солнце, следовательно в знаке Скорпиона (Чистилища IX, 1–3). Хотя об этом и не говорится прямо, но тем не менее на это явственно намекается, ибо сказано, что когда солнце (Феб) пылает на этом пути, то жители Рима видят его захождение между Сардинией и Корсикой, или, правильнее, несколько южнее Рима, так как пролив Сан-Бонифачио лежит на 1/2° южнее Рима». Филалет. К. Витте. — Сарды и Корсы — древние наименования сардинцев и корсиканцев.

[723] Примечания: 723

«Славный дух: Виргилий, родившийся в местечке Андах (Ада И, 68 примеч.), по одним в нынешней деревушке Банде, по другим — в Пьетоле, близ Мантуи, на юго-восточном конце Мантуанского озера, на Минчио. «Груз забот», т. е. тех сомнений, которые разрешил ему его учитель.

[724] Примечания: 724

По мнению одних комментаторов, дремота эта означает, что и Данте был несколько подвержен греху уныния, наказуемому в этом кругу; но вероятнее допустить, что и здесь Данте напоминает, что он был облечен в «ризы Адама» (Чистилища IX, 10), и потому дремал от утомления, так как в течение всего странствования он засыпал лишь однажды (Чистилища IX, 11).

88. Но быстро ту дремоту разогнал
Во мне народ, что с быстротой потопа
За нашими плечами вслед бежал.[725]

91. И как брега Исмена и Азопа
На праздник Вакха мчавшихся фивян
Нередко были ночью местом скопа:[726]

94. Так душ пред нами несся целый стан
И был стремлением усердно круговое
Движение свершать он обуян.[727]

97. И быстро так-то скопище густое
Неслось вперед, что вмиг примчалось

---

[725] Примечания: 725

В этом кругу очищаются души тех, которые в жизни недостаточно усердно стремились к достижению первого блага, — тех духовных тунеядцев, которые свой грех уныния возмещают теперь быстротой, с какой они безустанно и день и ночь пробегают по месту их очищения. Быстрота их бега сравнивается с неистовством вакхантов в Беотии.

[726] Примечания: 726

Исмен и Азоп, две реки в Беотии. Вдоль этих рек фивяне бегали по ночам в огромных толпах, с зажженными факелами, для умиротворения, в случаях какого-либо бедствия, Бахуса или Вакха, покровителя города Фив и всей Беотии, как о том повествует любимый поэт Данте Стаций в своей Фиванде (Theb. 1, IX).

[727] Примечания: 727

«Круговое движение свершать он обуян», в подлиннике: per quel giron suo passo falca. «Falcare» (от falce, серпъ) значит сгибать на подобие

серпа и есть термин из коннаго дела, когда лошадь гоняется на корде. «Correndo dunque il cavallo isforzatamente a tondo, come sasso di frombola, per rilirare lo slancio della forza centrifuga che gli dà il correre si forte in circolo, ed edli tiene il corpo piegato verso il centro, sicchè sta fuor di bilico: e questo è forse propriamente falcare il passo». Чезари. Сличи: Бланк, Versu ch, II, p. 65 и далее.

к нам,

И впереди кричали с плачем двое:[728]

100. – С поспешностью шла в горы Мариам,

И Цезарь-вождь, чтоб овладеть Илердой,

Массилью взяв, бежал к испанцам сам.[729]

103. – Скорей! скорей! чтоб с волею нетвердой[730]

Не опоздать! – кричали вслед строи, —

Усердье к благу любит Милосердый![731]

106. – О вы, в ком ныне острый жар

---

[728] Примечания: 728

Вместо поощряющих и устрашающих изображений, как в первом круге, — голосов, как во втором, — и видений, как в третьем, здесь самоочищающиеся высказывают друг другу примеры: сперва — усиленной деятельности и усердия, а потом наказанной недеятельности и косности уныния. В первом случае примеры эти — бичи, во втором — узды.

[729] Примечания: 729

Два примера усердия, один из христианской, другой — из языческой истории. В первом говорится о посещении Мариею родственницы своей Елизаветы: Лук. I, 39 — «Вставши же Мария во дни сии, с поспешностью пошла в нагорную страну, в город Иудин». По поводу этого говорит Св. Амвросий (in Lue. l. I). «Laeta pro voto, religiosa pro officio, festina pro gaudio, in montana perrexit. Quo enim jam Deo piena, nisi ad superiora cum festinatione contenderet? Nescit tarda molimina Sp. S.

gratia». Во втором примере говорится о Юлие Цезаре (Цезарь. De Bello civ. 1, I et II; Лукан, Phars. 1, III et IV). После того, как (за 49 лет до Р. Х.) Помпей очистил Италию и переправился в Грецию, город Массилия (Марсель) объявил себя против Цезаря, а испанские помпеянцы укрепились в городе Илерде (ныне Лерида в Каталонии, на реке Сегре). Напавши на Массилию, Цезарь предоставил осаду города К. Требонию и Децию Бруту, а сам, не теряя времени, устремился к главной своей цели — в Испанию и скоро взял Илерду, где заперлись Помпеевы наместники Афраний и Петрей. Лукан сравнивает эту поспешность Цезаря с быстротой молнии (Phars. l. 1, v. 151 et seq.). «В этих двух, как и в предыдущих, примерах нельзя не видеть политической мысли Данте. Мария спешит приветствовать рождающегося Иоанна (Лук. I, 41), долженствовавшего приготовить царство Христа, или владычество духовное; Цезарь спешит уничтожить помпеянцев, и тем приготовить империю Рима, идеал временной монархии по идеям поэта. Первым примером поэт вызывает заботливость о вещах, касающихся духовной власти и царствия небесного; вторым — о вещах, относящихся к гражданскому обществу и управлению. Так точно и в нижеследующих примерах (стихи 133–138) он указывает тех, которые пренебрегают тем и другим. В хронологическом порядке Мария должна бы следовать после Цезаря; но здесь она предшествует, потому что духовное, по разуму Данте, предшествует временному, ибо mortalis ista felicitas quodammodo ad immortalem felicitatem ordinetur. De Monarchia 1, III. Сличи: Перец, Sette Cerchi, p. 188 et seq.

[730] Примечания: 730

«С волею нетвердой», в подлиннике: Per poco amor, по малой любви, т. е. ко благу.

[731] Примечания: 731

Т. е. усердие делать благое возобновит и укрепит над нами благость Милосердого.

любви

Восполнил лень, быть может, наказуя

За косность дел по вялости в крови!

109. Вот сей живой (и верьте, что не лгу я!),

Лишь день блеснет, хотел бы вверх взойти;

Скажите ж мне, где щель в скале найду я?[732]

112. Так вождь сказал бежавшим по пути,

И дух один: – Отбросив нерадивость,

Беги нам вслед, коль хочешь щель найти.

115. Нам воля так внушает торопливость,

Что стать не смеем! Извини ж мне, брат,

Коль нашу казнь ты счел за неучти-

---

[732] Примечания: 732
«Щель», т. е. лестницу, ведущую в скале в вышележащий круг.

вость.[733]

118. В Вероне был в Сан-Зено я аббат[734]

При Барбароссе добром, в век насилий,[735]

О чем досель в Милане все скорбят.

121. Одной ногой уж Некто стал в могиле,[736]

Аббатство вскоре вспомнит он, о том

Скорбя, зачем в то время был он в силе,

124. Когда, больного телом и умом,

Он сына незаконного наметил

Против закона к нам духовником.[737]

---

[733] Примечания: 733

Не сочти за невежливость с нашей стороны то, что мы не останавливаемся; что тебе кажется невежливым, то мы считаем совершенно согласным с требованием вечного правосудия.

[734] Примечания: 734

«Сан-Зено, древнее аббатство в Вероне, основание которой приписывается многими королю Пипину. Говорящая здесь личность мало известна. Старинные комментаторы называют его Альбертом, а Бенвенуто да Имола называют его bonus moribus et vita, но ленивым. Вернее, кажется (по Мелли), подразумевается здесь аббат Герардо II (ум. 1178 г.), живший при Фридрихе Барбаросее, тогда как Альберт жил при императоре Фридрихе II». Филалет.

[735] Примечания: 735

«Здесь разумеется славный император Фридрих Барбаросса, который, по народному немецкому сказанию, еще и до сих пор сидит в пещере

в горах, в ожидании какого-то события, при чем борода его вросла в каменный стол перед ним. В 1162 году он сжег и опустошил Милан, Брешию, Пьяченцу и Кремону. Он утонул в реке Салеф к Армении, во время крестового похода в 1190 году, переезжая реку в брод». Лонгфелло. — «Эпитет «добрый», по мнению некоторых, употреблен здесь иронически, что, впрочем, сомнительно; скорее можно думать, зная воззрение Данте на императорство, что он оправдывает Фридриха за наказание его возмутившихся миланцев, представляя себе его, как законную кару правосудия; тем более, что и древние комментаторы, Франческо да Бути и Пиетро Данте, принимают это место не в ироническом смысле; последний даже говорит про Фридриха: Fuit magnus in probitatte». Филалет.

[736] Примечания: 736

«Некто». Здесь разумеется Альберто делла Скали, отец Кана Великого. Уже в 1272 году он был подестой в Мантуе; в 1277 г., по убиении брата своего Мастино, он вернулся в свое отечество Верону и в следующем году получил здесь неограниченную власть, которою и пользовался вплоть до своей смерти, управляя страной в духе гибеллинской партии. Он умер в 1301 году, следовательно, незадолго до начала замогильного странствования Данте, почему и сказано, что он стоит одной ногой в могиле.

[737] Примечания: 737

Альберто имел, кроме троих законных сыновей, Варфоломея, Альбонна и Кана Великого, правивших друг за другом краем после него, еще незаконного сына Джиузеппе, которого он поставил в 1292 году аббатом в монастыре С.-Зено, и в этом сане он оставался до 1314 года: стало быть, он был возведен в этот сан около того времени, когда Данте жил в Вероне. Это возведение было против церковных канонов, потому что он был незаконный сын, в тому же хромой и, кроме того, человек развратный. Бенвенуто да Имола говорит о нем: «Fuit enim vir violentus, de nocte discurrens per suburbia et capiens multa ot implens meretricibus locum illum». Вскоре после него был аббатом в С.-Зено другой Джиузеппе, также незаконная ветвь из дома делла Скала и такой же развратный; почему один веронец заметил, что хотя С.-Зено и изгоняет бесов (монастырь этот славился чудотворной силой исцелять бесноватых), но зато содержит их в собственном доме». Филалет.

127. Умолк ли он, иль что еще ответил, —

Не знаю: вихрем мчались души те;
Но эту речь я слышал и заметил.

130. И тот, кто был помощник мне в нужде, —
– Взгляни, – сказал, – две сзади души эти
Унынья грех преследуют везде,

133. Крича бегущим: – Прежде смертью в сети
Был взят тот род, что видел моря дно,
Чем Иордан его узрели дети.[738]

136. И тем бойцам, которым не дано
Отваги мчаться с отраслью Анхиза,
Бесславно жизнь покончить сужде-

---

[738] Примечания: 738

Пример последствия уныния из еврейской истории. Евреи, перед которыми расступилось Чермное море для перехода, все, за исключением Иисуса Навина и Халева, умерли, прежде чем увидели Иордан и обетованную землю, в наказание за их медлительность в исполнении божественного повеления. «Люди сии, вышедшие из Египта, от двадцати лет и выше (знающие добро и зло), не увидят земли, о которой Я клялся Аврааму, Исааку и Иакову, потому что они не повиновались Мне, кроме Халева, сына Иефониина Кенезеянина, и Иисуса, сына Навинова, потому что они поклонились Господу». IV Чист. XXXII, 11, 12.

но![739]

139. Как скоро сонм вдоль этого карниза

Настолько вдаль ушел, что скрылся с глаз, —

Мой ум одела дума, словно риза.

142. И с думой той толпа других сплелась,

И в думах тех блуждал я так мышленьем,

Что в неге чувств сомкнулись веки глаз,

145. И размышленье стало сновиденьем.[740]

---

[739] Примечания: 739

Второй пример того же порока. Эней, по сожжении части своего флота, оставил стариков, женщин и тех из своих спутников, которые не добивались славы, под начальством Ацеста в Сицилии. Виргилий Aen. 1. V, v. 604 et seq. Замечательно, что Данте сам ни слова не обращает к унылым и вообще посвящает им гораздо меньше стихов, чем всем прочим духам в Чистилище, может быть для того, чтобы выразить тем свое презрение к людям ленивым и недеятельным». Скартаццини. Сличи также Перец, Sette Cerchi, p. 192, 193.

[740] Примечания: 740

Этим заканчивается второй день пребывания Данте в чистилище.

Песнь девятнадцатая

Четвертый круг: грех уныния. – Символический сон Данте. – Ангел любви к Богу. – Подъем в пятый круг сребролюбивых. – Папа Адриан V.

1. В тот час, как холода Луны в лазурном

Пространстве звезд не может превозмочь

Зной дня, ослабленный Землей с Сатурном,[741] —

4. Когда встает для геомантов в ночь

Fortuna major, пред зарей, с обычной

---

[741] Примечания: 741

В этой терцине обозначаются последние часы ночи, предшествующие восхождению солнца. Эти часы, как известно, самые холодные во всей ночи. Древние естествоиспытатели объясняли это явление тем, что дневной жар, разливаемый в течение дня солнцем по земле и в воздухе, мало-по-малу ослабляется от природного холода земли, как планеты, находящейся под влиянием холода луны, которая считалась за холодную планету на том основании, что это охлаждение бывает всего заметнее в лунные безоблачные ночи. Охлаждению земли содействовали кроме того влияние Сатурна, который, по причине его значительного расстояния от солнца, также относился к числу холодных планет. Потому Виргилий говорит, Georg, I, 135 и сл.:

Hoc metuens coeli menses et sidera serva,
Frigida Saturni sese quo stella receptet.

Брунетто Латини говорит о Сатурне: «crudele e maligno e freddo di natura».

Страны, где мгла бежит с востока прочь,[742]

7. Мне снилась тень жены косноязычной,

С культями рук, хромой, косой на вид,

Имевшей лик лишь мертвецу приличный.[743]

10. Я на нее глядел, и как живит

Остывшее под хладом ночи тело

Луч солнечный, так ей мой взгляд дарит[744]

13. Свободу уст, и выпрямился смело

Весь рост ее, и тусклый, мертвый лик[745]

---

[742] Примечания: 742

Второе обозначение этих часов ночи заимствовано из так называемой геомантии, одного из средневековых искусств предсказывать будущее. Оно состояло в рассматривании сделанных палкой произвольно, зажмурив глаза (впоследствии даже на бумаге чернилами) точек и в образовании из этих точек, носивших у геомантов различные наименования (матери, дочери, внуки и проч.), — ответов на вопросы. Одна из этих фигур, имеющая расположение своих точек в следующей форме, называлась большею Фортуной. При некотором воображении можно образовать подобную фигуру из тех звезд, которые находятся в конце Водолея и в начале созвездия Рыб. Итак, вместо того, чтобы сказать, что наступил тот час, в который (так как солнце находилось в знаке Овна) уже поднялась над горизонтом часть Водолея с частью созвездия Рыб (а это в свою очередь означает, что вскоре должно подняться солнце, ибо сказанные два созвездия непосредственно

предшествуют Овну), — Данте прибегает здесь к такому обозначению времени; был тот час, в который геоманты видят восхождение их Большей Фортуны на восточном небе при утренних сумерках на той дороге, которая, по причине ожидаемого восхода солнца, не будет долго оставаться темною. Эти предутренние часы выбраны поэтом для изображения сновидения, которое рассказывается в следующих терцинах, так как предутренние часы, именно те, когда нам снится правда. Сличи: Ада XXVI, 7 и примеч.; Чистилища IX, 16–18 и примеч.

[743] Примечания: 743

Это сновиденье — символическое изображение трех пороков или грехов, очищающихся в остальных трех кругах горы чистилища, именно: скупости, чревоугодия и сладострастия (Чистилища XVII, 127–136). Собственно же являющаяся здесь сирена есть чувственное удовольствие. Пороки эти по природе своей гнусны и отвратительны, но человек в безумном своем ослеплении считает их за нечто привлекательное и достойное внимания. Ничтожные сами по себе, они получают свою прелесть от того, что человек сам к ним обращается; следовательно, это благо только лишь кажущееся (Чистилища XVI, 91; XVII, 133; XVIII, 65). Потому-то нам и кажется, что предмет нашего увлечения изменяется в своей природе, когда мы начинаем смотреть на него со всею силой нашего рассудка. Некоторые древние комментаторы, как Ландино, Оттимо и др. видели здесь лишь один символ скупости; но, очевидно, Данте заимствовал этот образ из Библии из Притч. Солом. VII, 10–12: «И вот — навстречу к нему женщина в наряде блудницы, с коварным сердцем, шумливая и необузданная; ноги ее не живут в доме ее: то на улице, то на площадях, и у каждого угла строить она ковы».

[744] Примечания: 744

«Этим сравнением Данте некоторым образом возобновляет или дополняет описание предутренних часов ночи, описанных в первых терцинах». Скартаццини.

[745] Примечания: 745

«Аллегорически Данте хочет сказать нам, что ложные блага, за которыми гонятся люди, богатство, удовольствия чрева и сладострастии, сами по себе вещи низкие, безобразные, а потому и не имеют в себе никакой реальной цены; но человек своим воображением и страстями делает их прекрасными и совершенными. Как самая безобразная вещь становится мало-помалу прекрасной, по мере того как на нее смотрит поэт, так и увлечение, которому поддается человек в отношении этих ложных благ, делают их для него привлекательными и придают им цену, которой они не имеют в действительности. Но как отвратительная вещь, в сущности, есть та же самая, и переход ее из отвратительной в прекрасную есть только обман, кажущееся явление, так точно и ложные блага имеют ценность и привлекательность лишь в глазах тех, которые судят о них ошибочно. Сказал же Лафатер: красота существует лишь в глазах влюбленного, а не в лице самой девушки». Скартаццини.

Зарделся вдруг, как будто страсть в нем млела.

16. И вот, лишь в ней свободным стал язык?

Запела так, что уберечь от плена

Едва я мой рассудок свой в тот миг.

19. – Я, – пела тень, – та чудная Сирена,[746]

Что моряков влечет с морей на брег,

Так сладок голос мой, всех бед замена!

22. На песнь мою скитальческий свой бег[747]

Сдержал Улисс, и кто со мной в общенье,

---

[746] Примечания: 746

«Сирены, дочери Мельпомены и Ахелоя, имели чудовищное тело, но прекрасные женские лица и сладкозвучнейшие голоса; жили в море, откуда выплывали верхнею частью тела, и губили моряков, завлекая их сладостными песнями. Уже по мифологии они были символами увлечения ложными земными благами». Ibid.

[747] Примечания: 747

Улисс, по указанию Цирцеи, заткнул уши своим спутникам разогретым воском, а себя велел привязать к мачте, чем спас себя и спутников от зазыва сирен, певших ему:

К нам, Одиссей богоравный, великая слава Ахеян,

К нам с кораблем подойди; сладкопеньем Сирен насладися!

Одис. Жуков. XII, 184–185.

Данте здесь как бы противоречит Гомеру, заставив сирену сказать, что она привлекла к себе Одиссея. Впрочем, Данте, не зная греческого, и в других случаях нередко отклоняется от Гомера, особенно относительно Улисса. Может быть, впрочем, под именем сирен он разумеет Цирцею, у которой Улисс прожил целый год.

Тот редко прочь бежит от наших нег![748]

25. Еще в устах у ней звучало пенье,

Как некая пречистая Жена[749]

Явилась мне, чтоб ввесть ее в смущенье.

28. – Виргилий! О Виргилий! кто Она? —

Воскликнул я, и вождь мой, полн надежды,

Потек к Жене пречистой. И, гневна,[750]

31. Она с Сирены сорвала одежды,[751]

Чтоб видел я, что было в них внутри,

И страшный смрад велел открыть мне вежды.

---

[748] Примечания: 748

«Редко», потому что при содействии божественной милости иногда случается, что человек освобождается из сетей и снова обращается к истинному благу.

[749] Примечания: 749

«Пречистая Жена», donna santa. Эта святая жена есть, очевидно, опять-таки та самая Лючия, которая уже являлась (Чистилища IX, 55). Она представляет искушаемому человеку грех в его истинном свете и таким образом облегчает свободной нашей воле выбор прямой дороги». К. Витте. — По Филалету, эта жена есть высшая, всегда лишь к благу направленная и божественной благостью вызываемая воля или gratta cooperane, приводящая в движение человеческий разум (Виргилия), чтобы обнажит пред нами обольщения чувственности». — Каннегиссер видит в ней, кроме того, противоположность пороку,

т. е. добродетель; своим вопросом (стих 28) она как бы делает упрек Виргилию в том, что он допустил своего ученика взглянуть на сирену.

[750] Примечания: 750

«Вход», т. е. начало лестницы, по которой всходят в следующий круг.

[751] Примечания: 751

«Раскрою пред ними наготу твою, — и увидят весь срам твой». Иезек. XVI, 37. — «И снимут с тебя одежды твои, возьмут наряды твои. И оставят тебя нагою и непокрытою, и открыта будет срамная нагота твоя и распутство твое и блудодейство твое». Там же, XXIII, 26, 29.

34. Я поднял взор, и вождь: – Уж раза три

Взываю я: вставай! отбрось тревогу, —

Нашли мы вход; он пред тобой, смотри.

37. Я встал. Уж солнце блеск свой по чертогу

Святой горы лило во все места,

Светя нам в тыл, и вождь пошел в дорогу.[752]

40. Я ж, идя вслед, не выпрямлял хребта,

Но шел, как тот, кого гнетет забота,

Чей стан согбен, как полусвод мо-

[752] Примечания: 752

«Теперь настало утро 24-го марта, 9-го или 12-го апреля, 6 часов от начала дня, Таким образом поэты оставались 12 часов в четвертом кругу. Но так как теперь, с 7-го стиха XV-ой песни, они обогнули по третьему карнизу еще часть горы, то путь их идет не прямо на запад, а несколько к юго-западу. Восходящее солнце, которое при закате, по причине южного положения горы Чистилища, оставалось несколько к северу, должно светить им теперь почти в тыл». Филалет.

ста.[753]

43. Вдруг слышу глас: – Войдите, здесь ворота! —

Столь кроткий глас, что смертным на земле

Ввек не звучит столь сладостная нота.

46. Как белый лебедь, распростря крыле,

Нам говоривший нас повел в ущелье[754]

Между двух стен в той каменной скале.[755]

49. И он крылами мне пахнул в веселье,[756]

---

[753] Примечания: 753

«Изображение это очень пластично и рисует нам человека, который, находясь в глубоком размышлении, наклонят вперед голову и верхнюю часть тела. Если бы два таких человека сошлись друг с другом в подобном положении, то нам представился бы такой, хотя не совсем правильный, свод или арка моста». Штрекфусс. — Впрочем походка Данте, по словам Виллани, действительно была такою, как описана, именно в старости. «Is dum annis maturuisset, curvatis aliquantulum renibus incedebat, incessu tamen gravi, mansuetoque aspectu».

[754] Примечания: 754

«Нам говоривший», это ангел, страж этого круга, указывающий путникам лестницу, ведущую в следующий круг.

[755] Примечания: 755

«Между двух стен», составляющих бока лестницы, прорубленной в

скале. По толкованию старинных комментаторов, «эти две стены обозначают постоянство и твердость, какие должен иметь восходящий к очищению себя от порока скупости». Бути.

[756] Примечания: 756

Этот взмах крыл ангела служить к уничтожению с чела поэта четвертого *P*, или знак греха уныния. Сличи: Чистилища IX, 112; XII, 98.

Блаженны плачущие, говоря, —
Утешатся в небесном новоселье.[757]

52. – Что ты идешь, так в землю взор вперя?[758] —
Так начал вождь, лишь поднялся немного
Над Ангелом, сиявшим как заря.

55. И я: – Велит идти мне так с тревогой
Недавний сон, и дум о нем вовек
Не истребит во мне рассудок строгий!

58. – Ты древнюю зрел ведьму, – он изрек,[759] —
Из-за нее ж льют слезы там, под нами;

---

[757] Примечания: 757

«Beati qui lugent: quoniam ирsи consolabuntur» — «Блаженны плачущие: ибо они утешатся». Матф. V, 4. Последние слова и в подлиннике переведены на итальянский язык. Это евангельское изречение, на первый взгляд, мало применимо к душам этого круга, т. е. к греху уныния. Филалет объясняет эту трудность таким образом: «Плачущие суть те, которые, будучи недовольны своим земным несовершенством, употребляют все усилия, чтобы стать лучшими; в этом именно и состоит недостаток людей недеятельных (унылых), а потому эта божественная скорбь есть то блаженство, котораго они должны достигнуть». — «Lugere de malo ut fugiamus ipsum, in quantum avertit ab amico sic lugere est solius caritatis. Lugere vero de quolibet malo speciali est cuiuslibet virtutis; quaelibet enim virtus luget de suo contrario. Бонавентура, Comp. tot. th. ver. 1. V, c. 50.

[758] Примечания: 758

Подразумевается: что так грустишь после ангельского утешения?

[759] Примечания: 759

«Древняя ведьма» — обманчивая чувственность. Ея-то действие в более тесном смысле, т. е. обман души, заставляющий мнимые блага принимать за истинные, собственно и наказываются в более высших кругах.

Ты зрел, как с ней быть должен человек.[760]

61. Довольно с нас! Топчи же прах пятами![761]

Гляди на ту приманку, что кружит

Сам вечный Царь широкими кругами.

64. Как сокол прежде под ноги глядит.

Потом, на крик знакомый устремяся,

Весь тянется туда, где корм манит,[762] —

67. Так мчался я, и там, где раздалася

Скала горы, чтоб дать всходящим путь,

Я лез, пока мы не пошли, кружася.[763]

---

[760] Примечания: 760

«Данте до сих пор все еще смотрит в землю. Но как сокол должен смотреть на то, что его манит вверх на воздух, а не на землю, так и человек должен направлять к земле одни лишь ноги, глазами же устремляться к приманке, которую кажет ему Бог (Чистилища XIV, 148; среди вращающихся звезд, приманку, состоящую в вечных, неподверженных обману сказанной ведьмы, благ небесных. Эта приманка противопоставляется здесь той наживе, которую древний противник ставить людям в земных прелестях (Чистилища XIV, 145)». Ноттер. — Приманка (logoro, вабило, чучело, сделанное из кожи и перьев на подобие птицы, чем сокольники приманивают соколов. Ада XVII, 127), здесь фигурально вместо прельщения. «Эти прельщения суть величие неба, к которому должно быть направлено стремление человеческой воли, находящей лишь там свое блаженство. Круги

небесные вечно вращаются по внутреннему их стремлению к божеству. Значить, Господь их кружит, некоторым образом, непосредственно. Итак вперед! попирай землю ногами и стреми взор в небо. Слова эти относятся к Данте в собственном, — к человечеству же в переносном смысле». Филалет. Сличи: Чистилища XIV, 148–150.

[761] Примечания: 761

«Довольно с нас!» «Довольно с вас, рабов безумных». Пушкин, Чернь.

[762] Примечания: 762

Опять сравнение из соколиной охоты, столь любимой в средние века. Сличи: Ада XVII, 127 и след.; XXИИ, 130 и примеч.; Рая XIX, 34 и примеч. — Филалет ссылается на книгу императора Фридриха II: «De arte venandi cum avibus», и говорит, что смотреть себе в ноги — естественное движение каждой хищной птицы, когда ее несут на шесте или на руке. Но, заметив какой-нибудь предмет, могущий служить ей добычей, например, если она услышит знакомый крик птицы, тотчас устремляет глаза в эту сторону, размахивая при этом крыльями. Обыкновенно от пойманной птицы оставляют часть в пользу сокола, что называют правом птицы. Должно заметить, что и в предыдущей терцине, говоря о приманке, Данте употребляет технические выражения из соколиной охоты.

[763] Примечания: 763

Данте подымался сперва по лестнице, прямо; взойдя же на карниз, опоясывающий гору, он пошел по кругу около горы, il cerchiar si prende.

70. Лишь в пятый круг ввела нас всхода круть,

Я сонм узрел, что, слез унять не смея,[764]

Простерся ниц, к земле притиснув грудь.

73. – Adhaesit pavimento anima mea,[765] *—*

Вопили все, подъемля шум такой,[766]

Что я стоял, всех слов не разумея.

76. – Род, избранный Творцом, чью казнь с тоской

Надежды луч творит не столь тяжелой![767]

---

[764] Примечания: 764

Это сонм душ скупых, как увидим ниже.

[765] Примечания: 765

«Adhaesit pavimento anima mea — душа моя повержена в прах». Псал. CXVIII, 25; в псалме: «оживи мя по слову Твоему». Такой молитвой души эти исповедуют свой древний грех.

[766] Примечания: 766

«Шум такой», т. е. от вздохов и стенаний.

[767] Примечания: 767

Т. е. избранный к будущим небесным блаженствам; казнь ваша облегчена сознанием в ее справедливости и надеждою на ее окончание (Чистилища III, 73; XIII, 143; в подлиннике: li cui soffriri E giustizia o speranza fan men duri.

Направьте нас на верх горы святой.[768]

79. – Когда пришли не лечь на камень голый

И поскорей хотите вверх взойти, —

Ваш правый бок держите к бездне полой.[769]

82. Так вождь просил, и так ему в пути

Вблизи от нас был дан ответ, в котором

Я тайный смысл удобно мог найти.[770]

85. И взор учителя я встретил взором,

И вождь все то, о чем мой взор просил,[771]

Мне разрешил безмолвным приговором.

---

[768] Примечания: 768

Т. е. наставьте нас, где находится лестница для всхода в шестой круг?

[769] Примечания: 769

Т. е. идите направо.

[770] Примечания: 770

Именно то, что говорящий дух (как видно из стиха 79) догадывается, что один из путников живой человек, который может упросить живых помолиться о нем (стихи 95–96).

[771] Примечания: 771

Т. е. позволения говорить с этим духом.

88. И лишь на то я право получил,

Как я уж стал над тем, с кого все время,

Как говорил он, глаз я не сводил.

91. И я: – О, дух, в чьем плаче зреет семя,

Без
коего к Творцу нельзя предстать![772]

Сбрось для меня на миг дум тяжких бремя.

94. Кто ты? зачем спиною вверх лежать

Вы здесь должны? Скажи мне, чтоб не всуе

Молил я там, куда вернусь опять.

97. И он: – Скажу, зачем, слепые, буи,

Повергнуты спиной мы вверх; сперва ж

---

[772] Примечания: 772

В подлиннике: in cui pianger matura Quel senza il quale a Dio tornar non puossi — в чьем плаче зреет то, без чего нельзя вернуться к Богу, т. р. совершенная чистота и истребление всего греховного.

Successor Petri – scias – quod ego fui:[773]

100. Меж Сьестри и Кьявери горный кряж[774]

Омыт рекой, чьим именем и слухом[775]

Прославился фамильный титул наш.

103. Я месяц с малым сам изведал духом,

Как папский сан тяжел тому, кем в грязь

Не втоптан он: груз всякий чту я пухом.[776]

106. К Творцу, увы мне! поздно обратясь,

---

[773] Примечания: 773

Т. е. «узнай, я был наместником Петровым», — папой. Порядок латинских слов несколько изменен ради размера стиха. Портичелли полагает, что Данте для того заставляет папу произнести эти слова по-латыни, чтобы тем самым выразить ученость пап; но латинский язык употреблен здесь, кажется, для большей торжественности.

[774] Примечания: 774

«Говорящий здесь дух есть кардинал Оттобуони из знаменитого рода Фиески, графов Лаванья, впоследствии папа Адриан V. Дядя его, папа Иннокентий IV, из того же рода, возвел его в кардиналы-диаконы под именем Адриана, Климент IV посылает его легатом в Англию (1268 г.), королевская партия, под предводительством принца Эдуарда, восстановила опять Генриха III в прежнем его могуществе. Здесь он склонил одержавшую верх партию к умеренности и издал несколько

предписаний против церковного злоупотребления в собирании бенефиций и т. п., которые и до сих пор имеют силу в церковных судах Англии. Лингард, History of England. T. III. Cap. II. — Фиески вместе с Гримальди были главами одной, Дориа и Спинола — другой партии в Генуе. Последняя партия взяла верх и Оттобуони жаловался папе Григорию X на то, что генуэзцы завладели некоторыми его имениями, вследствие чего папа подверг народ отлучению (1274 г.) Впрочем, в кратковременное правление папы Иннокентия V партии примирились при его содействии. — В июле 1276 года Оттобуони был избран в папы, но управлял только один месяц и девять дней, после чего умер. За это короткое время об нем ничего не известно, кроме только того, что он отменил постановление, сделанное папой Григорием V на Лионском соборе относительно избрания пап, а также уничтожил наложенное по его же желанию отлучение на Геную, Касательно его скупости, приписываемой ему Данте, исторически ничего неизвестно». Филалет.

[775] Примечания: 775

«Омыт рекой» — подразумевается река Лаванья, название которой послужило титулом для графов Фиески. Она течет тотчас за местечком Кьявери вдоль Ленантского побережья в Генуэзской области, если ехать оттуда в Сьестри Левантскую, и впадает к море в заливе Рапалло. Местность между Кьявери и Сьестри гористая.

[776] Примечания: 776

«Non est facile stare in loco Petri et papalem tenere cathedram regnantium cum Christo. Nam non sanctorum filii qui tenent locum sanctorum, sed qui sanctorum exercent operationem», — говорит блаж. Иероним. Сличи: Ада XIX, 69. — «Груз всякий чту я пухом», в подлиннике: piuma sembran tutte l'altre some.

Я лишь тогда, как пастырем стал Рима,

Постиг всю ложь, порвавши с миром связь.

109. Тут понял я, что все проходит мимо.

Тиары блеск уж в жизни мне не льстил,

Влекла ж меня сей жизни диадема.[777]

112. До тех же пор я, дух злосчастный, жил

Вне Бога, жаждой лишь к сребру согретый,

И здесь, как видишь, муку заслужил.

115. За сребролюбье вот какой моне-

---

[777] Примечания: 777

Эта терцина, хотя смысл ее вполне удержан, переведена несколько перифразически. Слово в слово: я увидел, что там не успокаивается сердце, и что выше (моего папства) нельзя подняться в той жизни, почему и зажглась во мне любовь к этой (небесной) жизни. — «Говорил я с сердцем моим так: вот я возвеличился… узнал, что и это — томление духа». Еккл. I, 16, 17.

той[778]

Здесь платим мы, свой очищая грех,
И на горе нет казни горше этой.

118. Как не искал божественных утех
Наш алчный взор, весь прилеплен к земному, —
Так в землю Суд упер здесь очи всех.

121. Как жар гасило ко всему благому
В нас сребролюбье, доблесть всю поправ, —
Так правый Суд поверг нас здесь в истому,

124. И по рукам, и по ногам сковав.[779]
И будем мы лежать, недвижны тени,
Доколь свершит Царь правды Свой

---

[778] Примечания: 778

«Данте сделал папе Адриану три вопроса, стихи 94–96, именно: кто он, почему духи лежат опрокинутые лицом вниз и, наконец, не желает ли он чего-нибудь на земле? Адриан отвечает на все эти вопросы по порядку: сперва — кто он и из какой страны, как и когда обратился к Богу и какой был главный грех его (стихи 99-114); во-вторых, — объясняет свойство муки, которую терпят души в этом круге (115–126), и наконец, после короткого перерыва, говорит о племяннице, которая одна может помолиться о нем на земле». Скартаццини.

[779] Примечания: 779

«Связавши ему руки и ноги, возьмите его и бросьте во тему внешнюю: там будет плач и скрежет зубов». Матф. XXII, 13.

устав.[780]

127. Желав ответить, стал я на колени
И уже начал, как услышал он,
Что я главой припал к его ступени,[781]

130. – Зачем, – спросил он, – долу ты склонен?[782]
И я ему: – Пред вашим папским саном
Мне долг велит творить земной поклон.

133. И он: – Брат, встань! Ты увлечен обманом:[783]
Теперь, как ты, как все, я лишь простой
Служитель здесь пред вечным Океаном.[784]

---

[780] Примечания: 780

«Явственнее, чем где-нибудь, указывает Данте здесь на то, что характер мук, которым подвергаются очищающиеся, нередко есть символическое изображение того порока, которому они были преданы в жизни. Однако ж это не всегда так бывает: напротив, мука очищающихся, в противоположность мучениям осужденных в аду, состоит иногда не в продолжении сделавшегося теперь скорбью состояния земной души, а прямо в противоположности этому состоянию; например, мучение высокомерных, гордые головы которых пригибают к земле камни (Чистилища X, 119). Но представляет ли мука символически очищающийся грех, или нет, или даже составляет противоположность этому греху, — во всяком случае, сущность очищения, говоря словами Дельфа (Dante Alighieri, eine Studie etc), можно кажется, выразить так: «Так как всякая святость состоит в лишении естественной и

собственной воли, а грех — в деятельности ее, то поэтому и самый грех может быть уничтожен таким страданием, которое как по своему количеству, так и качеству вполне соответствует этой деятельности (Чистилища XI, 70)». «С этой точки зрения становится понятной совершенно характерная казнь завистливых (Чистилища XIII, 58–72)». Ноттер. — «Казнь скупых напоминает несколько казнь симонистов в аду (Ада XIX, 22; 74 и примеч.), уткнутых в землю головами; эти вечно прикованы к земле, на которой собирали свои сокровища». «Aurum natura grave, gravius fit avaritia: plus habentem deprimit, quam ferentem, et vehementius aggravat corda, quam corpora. Nascitur in terra profunda, sectatur ipsa montium fundamenta, perque ima venarum coecis discurrit anfractibus: et dura ad suam semper repetit naturam, coelestes animos ad inferum deponit: obscurat sensus semper: alta mentium semper in terrena demergit». «Петра Хризолога, Serm. 29», по цитате Скартаццини.

[781] Примечания: 781

Из уважения к святым ключам Петровым, Данте хочет преклонить колени перед папой (сличи Ада XIX, 101).

[782] Примечания: 782

«Замечательно, что здесь, где царит вечный порядок, кающийся папа ничем не отличается от прочих кающихся. В Аду (XI, 8) мы находим для папы Анастасия большую гробницу, а между симонистани (Ада XIX, 73–82) для пап предназначена особая яма. Даже пред вратами чистилища великие мира сего отделены от прочих» (Чистилища VII, 91 и примеч.). Штрекфусс.

[783] Примечания: 783

Папа, обращаясь к Данте, называет его братом, а не сыном, как вообще обращаются папы к верным; в том мире нет уже пап, и всякое неравенство исчезает», Скартаццини.

[784] Примечания: 784

Намек на откровение св. Иоанна XIX, 10: «Я пал к ногам его, чтобы склониться ему; но он сказал мне: смотри, не делай сего; я служитель тебе и братьям твоим». — «Пред вечным Океаном» (в подлиннике: ad una potestate), т, е. пред Богом.

136. И если вник в евангельский святой

Глагол ты: «Neque nubent», тотчас ясно

Поймешь, зачем так говорю с тобой.[785]

139. Иди ж теперь; не медли здесь напрасно

И не мешай мне слезы лить из глаз,

Да зреет плод, как ты сказал прекрасно.

142. Племянница, Аладжья, есть у нас;[786]

Она добра, лишь только б в злые сети[787]

---

[785] Примечания: 785

«Не женятся», слова Христа саддукеям, насмешливо спросившим чьею женой будет по воскресении имевшая семерых мужей на земле. Иисус сказал им в ответ: заблуждаетесь, не зная писаний, ни силы Божией; ибо в воскресении не женятся, ни выходят замуж; но пребывают, как Ангелы Божии на небесах». Матф. XXII, 29, 30. Этим папа хочет сказать, что он, как папа, хотя и был духовным мужем церкви (Ада XIX, 111), но что брак этот расторгнут смертью; следовательно, он не должен считаться и получать почести, как глава церкви.

[786] Примечания: 786

Аладжиа де'Фиески, по древним комментаторам, была супругой Мароелло Маласпины, того самого, у котораго Данте гостил по изгнании из Флоренции (1307 г.), старшого из внуков древнего Коррадо Маласпины (Чистилища VIII, 119). Оттимо, не приводя доказательств, считает ее за тождественную с Джентуккой, о которой говорится ниже (XXIV, 36).

[787] Примечания: 787

«В злые сети», — такой неблагоприятный отзыв Данте о фамилии Фиески основан на том, что члены ее были вообще граждане беспокойные, неоднократно изгонявшиеся из Генуи за крамолы и смуты; женщины этого дома, по словам Бенвенуто да Имола, не отличались нравственностью.

За нашими вослед не увлеклась;

145. Она одна осталась мне на свете.[788]

[788] Примечания: 788

«Не то, чтобы одна из его рода, но единственная, святые молитвы которой могут помочь ему в чистилище». Филалет.

Песнь двадцатая

Пятый круг: сребролюбивые. – Примеры бедности и щедрости. – Гуго Капет. – Капетинги. – Примеры скаредной скупости. – Гора сотрясается при освобождении из чистилища очистившейся души.

1. Мы воле сильной делаем уступку:[789]
Так, нехотя, в угоду тени той,
Не напитав водой, извлек я губку.[790]

4. Подвигся я, и вождь подвигся мой,
Идя путем свободным вдоль утеса,[791]
Как вдоль зубцов ограды крепост-

---

[789] Примечания: 789

В подлиннике: Con tra miglior voler voler mal pugna, слово в слово: худо сражается воля с лучшей волей. Лучшая воля здесь есть воля Адриана, которой должна была уступить воля Данте. Последний хотел продолжать еще беседу с папой, но Адриан не желал, чтобы ему мешали продолжать его покаяние, и эта последняя воля была лучше воли Данте, желавшего говорить и слушать.

[790] Примечания: 790

Т. е. я замолчал, не будучи вполне удовлетворенным.

[791] Примечания: 791

«Путем свободным», т. е. не занятым простертыми по земле тенями.

ной,[792]

7. Затем что сонм, из чьих очей лилося

По каплям зло, всемирная беда,[793]

Простерт был ближе к стороне откоса.[794]

10. Будь, древняя Волчица, проклята!

Твой зев бездонный боле, чем все звери,[795]

Глотает жертв, а все ты не сыта.[796]

13. О небеса, чей ход (по общей вере)[797]

Меняет все условья на земли!

Придет ли тот, кто в мир запрет ей двери?

---

[792] Примечания: 792

Поэты идут, как увидим ниже (стих 9), по внутреннему краю карниза. Чтоб понять это сравнение, надобно вообразить средневековый замок, или башню, вокруг зубцов которой изнутри идет узкая тропинка или парапет, на которой становятся защитники.

[793] Примечания: 793

«Зло», т. е. скупость. «Проливая слезы, души очищаются от этого порока. С каждой слезой они изливают частичку яда очами, этими дверями, или окнами, которыми входит скупость в сердце человека. Как скоро не останется ни малейшего следа этого порока в сердце, когда выльется последняя частица его в форме слезы, тогда очищение будет окончено и душа вознесется на небо». Скартаццини.

[794] Примечания: 794

Простертые на земле души приближены почти к самому внешнему краю карниза, так что поэтам не остается места, чтобы идти по этому

краю без опасения упасть с откоса карниза. Число лежащих неимоверно велико, что выражает, как велико на земле число одержимых скупостью, почему Данте называет ее «всемирной бедой»: Ilmal che tutto il mondo occupa.

[795] Примечания: 795

«Боле, чем все звери», più che tutte l'altre bestie hai preda, — потому, что скупост есть «ratlix omnium malorum». — «Ибо корень всех зол есть сребролюбие», 1 посл. Тим. VI, 10: — «Praecipue autem inter alias virtutes morales usus rationis recte apparet in justitia, qtiae est in appetitu rationali. Et ideo usus rationis indebitus etiam maxime apparet in vitiis appositis justitiae: opponitur autem ipsi maxime avaritia. Et ideo praedicta vitia (proditio, fraus, fallacia, perjurium, inquietudo, violentia et obduratio) maxime ex avaritia oriuntur». Ѳома Акв. Sum Theol. p. II, 2-ae qu. LV, art. 8. — «Кто любить серебро, тот не насытится серебром, и кто любит богатство, тому нет пользы от того». Еккл. V, 9.

[796] Примечания: 796

«Здесь опять является Волчица I песни Ада. Очевидно, она обозначает здесь скупость, и замечательно, что здесь опять скупой — духовный, папа, подает повод к этому воззванию. Нельзя не заметить при этом, что выражение волк, волчица и пр. (как очень остроумно развил Розетти), всегда обозначает гвельфскую партию». Филалет. — Зло, заразившее весь мир, как всемирная беда, — скупость или алчность, которую Данте ниже (стих 43) называет корнем многих других пороков. При этом, как видно из стиха 15 этой песни, рядом с Волчицей опять намекается на Борзого Пса (Ада, I, 101–102). Сличи Скартаццини.

[797] Примечания: 797

«О небеса, чей ход (по общей вере)», — «намек на мнение, общее в средние века, приписывавшее перевороты в частных делах людей вращению небес, — мнение, принимаемое Данте лишь до известной степени (Чистилища XVI, 67 примеч.)». Скартаццини.

16. Мы редкими шагами тихо шли,
И я вникал в рыдания глухие
И в стон теней. Вдруг слышу невдали

19. От нас напев: – Сладчайшая Мария,[798] —
Столь жалкий, будто плакалась жена,
Претерпевая муки родовые.

22. И далее: – Была Ты так бедна,
Что в яслях был Тобой, небес Царицей,
Положен плод, разверзший ложесна![799]

25. И вслед за тем: – О доблестный Фабриций,

---

[798] Примечания: 798

Отсюда начинаются примеры достойным образом перенесенной бедности. «Это — не изображения или голоса, идущие извне, но вызываемые самими душами вследствие их размышления. Они, как увидим ниже, примеч. к ст. 100–102, предлагаются самими очищающимися, как темы для их размышлений, предлагаемые так живо, как будто видятся ими воочию и слышат их собственными ушами. В течение дня души благословляют и славят добрых, в течение же ночи — проклинают и порицают злых. Так с утренней зарей они оживляются сладостным чувством добродетели, а с наступлением ночного мрака чувствуют ужас и отвращение к пороку», Перец, Sette Cerchi, p. 202 et seq.

[799] Примечания: 799

«И родила Сына Своего Первенца, и спеленала его, и положила его в ясли, потому что не было им места в гостинице». Лук, 11, 7.

Ты лучшим счел быть честным в нищете,

Чем богачом порочным, как патриций.[800]

28. Понравились мне столько речи те,

Что выступил вперед я, полн желанья

Узнать того, кем сказаны они.

31. Он напевал еще про те деянья,

Что Николай для бедных сделал дев,

Чтоб юность их спасти от поруганья.[801]

34. И я: – О дух, как сладок твой напев!

Ответь: кто ты? и по какой причине

---

[800] Примечания: 800

Кай Фабриций Луциний, римский консул, славный своей бедностью и бескорыстием. Он отверг с негодованием подарки, предложенные ему в виде подкупа царем Пирром, и умер в такой бедности, что римляне похоронили его на государственный счет, а дочерям его назначили выдать приданное из казны в ознаменование великих заслуг Фабриция для республики. Виргилий сказал о нем: «Parvoque potentem Fabricium» (Aen, 1, IV, 844). В своем Convivio и De Monarchia Данте отзывается о нем с великой похвалою.

[801] Примечания: 801

Св. Чудотворец Николай Мирликийский, равно чтимый церковью восточной и западной, мощи которого почитают в Бари, в Италии (перенесение их празднуется 9-го мая). Эта Терцина намекает на следующую легенду: «Cum ejus civis egens tres filias jam nubiles in matrimonio collocare non posset earumque pudicitiam prostituere cogitaret, re cognita,

Nicolaus noctu per fenestram tantum pecuniae in ejus domum injecit, quantum unius virginis doti satis esset; quod cum iterum et tertio fecisset, tres illae virgines honestia viris in mairmonium datae sunt. Иоанн Диакон, Vita St. Nicol. ep. Myr. et Brev. Rom. Campod. 1872. — По этому поводу Фома Акв. Sum. Theol, II, 2-ae qu. CVII, art. 3, говорит: «Beatus Nicolaus aurum furtim in domum projiciens vitare voluit humanum favorem». — Этот трогательны эпизод дивно изображен кистью благочестивого Фиезоли на картине, хранящейся в ватиканской картинной галерее. Может быт, на этой легенде и основан существующий в некоторых странах обычай класть под подушки детей подарки в Николин день.

Один лишь ты похвал тех мечешь сев?[802]

37. И знай, недаром мне ответишь ныне,

Коль возвращусь я к краткой той тропе,

Что каждого влечет к его кончине.[803]

40. И он: – Скажу не с тем, чтоб ждать себе

Услады там, но ради предпочтенья,[804]

С каким Господь благоволит к тебе.

43. Я корень был зловредного растенья,[805]

Чья тень Христовой всей вредит се-

---

[802] Примечания: 802

В четвертом круге все очищающиеся души выкрикивали примеры деятельности и наказуемой лености: здесь поэт слышит лишь одного поющего об этих примерах; причина этому объясняется ниже (стихи 121–123).

[803] Примечания: 803

«Каждого влечет к его кончине» — Сличи: Чистилища XXXIII, 54: «Той жизни, где все к смерти есть лишь шаг».

[804] Примечания: 804

«Большая часть душ, очищающихся в чистилище, умоляет Данте упросить живых, особенно родственников, молиться о сокращении их пребывания в чистилище; но говорящий здесь дух не делает этого, не доверяя своей участи злым своим потомкам». Каннегиссер. — «Там», т. е. на земле. — «Кающийся дух считает живущих еще членов его рода

до того бесславными и порочными, что не полагает их способными для благочестивых молитв, почему и не ждет от них сокращения срока очистительных своих мук». Штрекфусс.

[805] Примечания: 805

Поэт выводит здесь Гуго Великого, герцога Франции, Орлеана и Бургундии, родоначальника Капетингов, для того, чтобы излить всю свою злобу на ту династию, из которой вышел его главный враг, Карл Валуа. После того, как Каролинги, точно так, как за два века перед тем Меровинги, прекратились вследствие своего ничтожества, Гуго Капет, сын Великого Гуго, правнук Роберта Сильного был избран в 987 году в короли Франции. Отсюда следует заключить, что мнение, будто бы старший Гуго был сыном мясника (стих 52), основано на пустой, впрочем, очень распространенной в средние века басне; равно и сказанное в стихе 54, что во времена Гуго Великого оставался лишь один из Каролингов, и притом во власянице, т. е. в монашеском звании, по-видимому, тоже не совсем верно; ибо Гуго Великий умер в 956 году, и когда, спустя 37 лет, сын его по смерти Людовика V взошел на французский престол, Карл, герцог лотарингский, дядя Людовика, стало быть один из Каролингов, предъявил свои права на корону Франции, но был разбит и взят в плен. Этого-то последнего имеет, вероятно, в виду Данте, называя его монахом, так как он смешивает время Гуго отца со временем Гуго сына.

мье,[806]

Хоть редко плод дают его коренья.

46. Будь сильны Гент, Лилль, Брюгге и Дуэ,[807] —

Они б отмстили срам свой, и об этом

Я шлю мольбы к святому Судие.

49. Там прозывался Гугом я Капетом;

Филиппов, Людвигов от нас возник[808]

Там целый ряд, держащий край под гнетом.

52. Отцом моим парижский был мясник.[809]

Когда король последний власяницу[810]

---

[806] Примечания: 806

«Всей… семье»: Капетинги царствовали в 1300 году во Франции, Испании и Неаполе.

[807] Примечания: 807

Города Фландрии: Доайе (древ. Duacum, ныне Дуэ на реке Скарпу), Кванто, ныне Ганд, Лилла, ныне Лилль, Бруггиа, ныне Брюгге. Данте приводит здесь эти четыре главных города Фландрии, намекая на события 1269 г. и следующих годов (см. Шлоссер, Weltgeschichte, voi. VI; также примечание Филалета и, наконец, Виллани, lib. VIII, с. 32). Филипп Красивый завладел частью силой, частью обманом Фландрией, после чего среди народа Фландрии возникло сильное неудовольствие. Мщение, которое испрашивает у Бога говорящий (стихи 48), случилось в 1303 году, когда жители Фландрии возмутились и разбили на голову французов при Куртре, после чего вся часть страны, лежащая к северу от Ли (Lis), перешла опять к Гуго, графу фландрскому, лежащая же к

югу — осталась за Францией.

[808] Примечания: 808

С восшествия на престол Капетингов до времен Данте царствовало четыре Филиппа и четыре Людовика, а именно:
Гуго Великий, герцог французский — ум. 956
Гуго Капет, король французский с 987 года — ум. 996
Роберт I (Дьявол, Мудрый) — ум. 1031
Генрих I — ум. 1060
Филипп I — ум. 1108
Людовик VI (Толстый) — ум. 1137
Людовик VII (Младший) — ум. 1180
Филипп II (Август, прозв. Завоевателем) — ум. 1223
Людовик VIII (Лев) — ум. 1226
Людовик IX (Святой) — ум. 1270
Филипп III (Смелый) — ум. 1285
Филипп IV (Красивый) — ум. 1314
Людовик X (Сварливый) — ум. 1316
Филипп V (Длинный) — ум. 1322
Карл IV (Красивый) — ум. 1328

[809] Примечания: 809

Мы уже сказали, что это мнение неосновательно, как и вообще в этой песни Данте следует не только историческим данным, сколько народным преданиям. Гуго Капет не был сыном мясника, но, как теперь всем известно, происходил от могущественных графов Парижских и герцогов французских. его отец был Гуго Великий, а его дед Роберт. Некоторые даже ведут его род от одного из братьев Карла Мартелла. Но уже в средние века возникло несколько легенд о генеалогии Гуго Капета; одна — религиозная, ведущая его род от Св. Арнольда (ум. 640), герцога Австрийского, потом епископа лотарингского, вторая — королевская — от Карла Великого, третья — народная, именно та, которой следует Данте и, может быть, только одна ему известная. Современник

Данте историк Виллани приводит ее, как наиболее достоверную. Та же легенда повторяется как в одной старинной немецкой поэме (напечатанной в 1508 г. в Страсбурге), так особенно в Chanson de Gesto de Hugues Capet, Paris 1861, издании маркиза Делагранжа. Вероятно, из этих народных поэм, сказание перешло и в итальянские хроники. Хотя эта легенда была переработана известным французским поэтом Фр. Виллоном в XVI веке, однако ж потомок счастливого похитителя престола Франциск I не знал о ее существовании, так что этот стих Данте вызвал в нем сильнейшее негодование против поэта и его поэмы. Филалет. Скартаццини. К. Витте.

[810] Примечания: 810

«Власяницу», в подлиннике: in panni bigi, в серые одежды. Опять исторически неверно. Людовик V, последний из Каролингов, умер 21-го мая 987 г., со смертью его из всего рода остался в живых Карл, герцог нижней Лотарингии; но он отнюдь не был монахом, а был заключен в заточение, где и умер. Поэт, очевидно, смешал здесь последнего Каролинга с последним из Меровингов — Хильдерихом III (ум. 752).

Одел, и древний царский род поник,

55. Бразды правленья взять в свою десницу

Был призван я и сдвинул из друзей

Столь грозную вокруг себя станицу,

58. Что вдовственной короной королей[811]

Мой сын венчался, чтоб начать отсюда[812]

Капетов ряд помазанных костей.[813]

61. Пока Прованс, – не дар, а злая ссуда[814] —

Не умертвил стыда в моей крови,

Мой род был слаб, зато не делал худа.

---

[811] Примечания: 811

«Вдовственной короной», т. е. сделавшейся вакантной по смерти Людовика Ленивого, последнего из Каролингов». Скартаццини.

[812] Примечания: 812

«Мой сын», отсюда по необходимости должно заключить, что говорящее здесь лицо Гуго Великий, а не Гуго Капет, между тем предыдущие стихи могли быть сказаны лишь этим последним. Вообще, Данте здесь не умел отличить двух лиц, не будучи знатоком истории этого дома. Известно, что сам Гуго Капет не короновался, а через год после своего избрания, в 988 г., велел короновать своего сына Роберта, — Мишле говорит: Ceci est exact an sens littéral.On sait qu' Hugues Capet ne voulut jamais porter la couronne, Robert est le premier des Capetiens qui la porta» Камерини.

[813] Примечания: 813

«Помазанных костей», le sacrate ossa, либо в смысле бальзамированных, освященных, или, может быть, в ироническом. Бланк, в своем Versuch. etc. II, p. 74, говорит: «Ich glaube dass Hugo Capet wohl sacrate im gewöhnlichen Sinne nimmt aber freilich mit der Gewissheit dass seine Zuhörer das Wort als bittere Ironie in Beziehung auf die von ihm angeführten Thaten seiner Nachkoimnen verstehen würden».

[814] Примечания: 814

Людовик IX женился в 1234 г. на Маргарите, старшей дочери графа Раймонда Беренгара IV Провансского (сличи: Чистилища VII, 129 примеч. и Рая VI, 133). По смерти графа сын короля Карл Анжуйский (Чистилища VII, 129) женился на младшей дочери того же Раймонда, Беатрисе, объявленной наследницей Прованса, который пошел за нею в приданое. Лангедок по Парижскому миру (1229 г.) был уже присоединен к французской короне после войны с Альбигойцами и с Раймондом VI Тулузским, помогавшим Альбигойцам. Впоследствии сила и влияние Франции еще более возросли даже по ту сторону Альп; вообще захваты Филиппа Красивого и Карла Анжуйского не принадлежат к блестящим страницам истории.

64. Но тут захваты начал он свои

Творить, как тать, и взял – чтоб зло поправить[815] —

Нормандию, Гасконью и Поньи.[816]

67. Карл вторгся к вам и, чтобы зло поправить,[817]

Свел Конрадина в гроб, потом возвел[818]

Фому на небо – чтобы зло поправить![819]

70. Я вижу день (и он почти пришел),

Как Карл другой свершит свой подвиг дикий.[820]

Чтоб лучше мир уведал, как он зол, —

---

[815] Примечания: 815

«Чтоб зло поправить», per ammenda, — «злейшая ирония над тем, который, раскаиваясь в дурном деле, совершает действия еще более злые. Трехкратное повторение этих слов придает иронии еще более силы и злой красноречивости». Скартаццини.

[816] Примечания: 816

«Нормандия, — провинция Франции, принадлежавшая Англии со времен Вильгельма Завоевателя; Филипп Август присоединил ее к Франции в 1204 г. (окончательно она присоединена Карлом VII в 1450 г.). — Гасконья, — провинция Франции, отнятая Филиппом IV у английского короля Эдуарда I более обманом, чем силою. — Поньи — графство нижней Пиккардии, при впадении реки Сомы в море, с главным городом Аббевиллем; принадлежало тоже Англии и также обманом присоединено к Франции Филиппом IV». Ibid.

[817] Примечания: 817

«К вам», т. е. в Италию. Карл Анжуйский (Чистилища VII, 113), тать и убийца, явился в 1265 г. в Италию, чтобы завладеть Неаполем и Сицилией, при содействии папы Климента IV и вследствие измены графа Казенцского и апулийцев при Беневенто (Ада XXVIII, 16 примеч. и Чистилища III, 115–118).

[818] Примечания: 818

«Конрадин Швабский, последняя отрасль Гогенштауфенов, сын императора Конрада IV, родившийся в 1252 г. На третьем году жизни, потеряв отца, наследовал права на корону Неаполя и Сицилии. В 1267 г. высадился с войском в Италию, чтобы вырвать наследие своих предков из рук низкого убийцы Карла Анжуйского; но, разбитый в сражении при Тальякоццо 23-го августа 1866 г. (Ада XXVIII, 17 примеч.), попал в руки бесславного Анджиойно, который казнил его в Неаполе 20-го октября 1268. Скартаццини.

[819] Примечания: 819

Великий схоластический учитель церкви св. Фома Аквинский (Рая X, 99) покинул в конце января 1274 г. Неаполь, в сопровождении патера Ринальдо да Пипомо отправившись на собор, созванный папой Григорием X в Лионе. Несмотря на то, что ему было только 47 лет, он был крайне изнурен и болезнен, и потому был принужден прервать свое путешествие и остановиться в капуцинском монастыре Fossa nuova, в расстоянии полдня дороги от Терричины, на окраине Понтинских болот, недалеко от Пиперно. Там он и умер 7-го марта. Мнение, что он был отравлен по приказанию Карла I из страха, чтобы не сделал разоблачений о нем перед папой и собором, — мнение это, кроме Данте, разделялось и другими современниками поэта. О подробностях его смерти рассказывают, впрочем, весьма разноречиво». К. Витте — Так Толоммео, ученик св. Фомы и современник Данте, пишет о его смерти следующее (Lusensis, Hist. Eccles. lib. XXIII, cap. VIII., ap.

Murat. Rer. It. script. Vol. XI, pag. 1168 et seq.): «Vocatus ad Concilium per Dominum Gregorium, ac recedens de Neapoli ubi regebat, et veniens in Campaniam, ibidem graviter infirmatur. Et quia prope locum illum nullus Conventus Ordinis Praedicatorum habebatur, declinavit ad unam sollennem Abbatiam, quae dicitur Fossa-nova, et quae Ordinis erat Cisterciensia, in qua sui consanguinei Domini de Oceano erant patroni: ibique sua aggravata est aegritudo. Unde cura multa devotione, et mentis puniate, et corporis, qua semper floruit, et in Ordine viguit, quemque ego probavi inter homines, quos umquam novi, qui suam saepe confessionem audivi, cum ipso multo tempore conversatus sum familiari ministerio, ac ipsius auditor sui; ex hac luce iransiit ad Christum». — «Возвел на небо» — прекрасное выражение для обозначении насильственной смерти святого человека, который, оставляя землю, возносится на небо». Джиоберти.

[820] Примечания: 820

«Карл другой», — Карл Валуа, сын Филиппа Смелого и брат Филиппа Красивого, родившийся в 1270 г. Воспитанный в интригах римской курии, он был послушным орудием в руках папы Бонифация VIII. В 1303 г., по приглашению папы Бонифация, он прибыл со свитой французских рыцарей в Италию. Папа хотел воспользоваться его помощью частью для Карла II Неаполитанского, против Фридриха Арагонского, частью против партии Белых во Флоренции (к которым принадлежал Данте) и, в этих видах, не только назвал его графом Романья и «миротворцем» в Тоскане, но и обнадеживал его императорской короной. Его первый не совсем удачный поход во Флоренцию изложен в примечании к Ада VI, 64. Результатом было изгнание партии Белых, в числе их и Данте. Оттуда он отправился в 1302 г. в Сицилию, и хотя и высадился туда, но не мог завладеть, кроме Термоли, ни одним городом. Король Фридрих избегал всякого с ним сражения до тех пор, пока нужда и болезни не понудили его отступить; в 1302 г., в ноябре, он вернулся во Францию, говоря словами Виллани, «scemata e consumata sua gente e con poco onore», почему и было о нем сказано: «Messer Cario venne in Toscana per paciaro, e lasciò il paese in guerra; e andò in Sicilia per fare guerra, e reconne vergognosa pace». Он умер в 1324 г., оставив сына, который вступил на французский престол (1328 г.) под именем Филиппа VI: с него начинается династия Валуа. Об этом Карле говорится: «fu figlio di re; padre di re, e non mai re». Скартаццини.

73. Свершит без войск, с одной лишь тою пикой,[821]

Какой разил Иуда, и, как вор,

Флоренцию пронзит бедой великой.[822]

76. Не земли он, но грех лишь и укор

Приобретет тем больше гнусной мерой,

Чем легче сам глядит на свой позор.[823]

79. Придет Карл новый: взятый в плен с галерой,[824]

Продаст он дочь, как сводник, как корсар,[825]

Торгующий невольницей-гетерой.

---

[821] Примечания: 821

«Без войск, с одной лишь тою пикой». Карл прибыл в Италию в Аланью, где находился двор Бонифация, лишь с своими баронами и 50 рыцарями. Пика Иуды Искариотского — обман и измена.

[822] Примечания: 822

В подлиннике: «a Fiorenza fa scoppiar la pancia». — «В-то время Флоренция была тучна телом и наполнена гражданами, надутыми гордыней, и Карл настолько вскрыл ей живот, что из него вывалились кишки, т. е. главнейшие граждане, в числе которых был Данте». Бенвенуто Рамбалди.

[823] Примечания: 823

«Не земли» — жесточайшая ирония, намекающая на прозвище Карла Валуа — Безземельный, так как он никогда не мог приобрести себе владений. Чем менее он раскаивается в этом, тем более жестоко будет

ему наказание, другими словами — он будет наказан в адских кругах.

[824] Примечания: 824

«Карл новый», это Карл II Неаполитанский (Апулийский), Хромой, Иерусалимский (Рая XIX, 127, также VI, 106); он был сын Карла Анжуйского (родился 1243 г. и умер 1309 г.); еще наследным принцем, он попал вместе со своей галерой в плен 6-го июня 1284 г. к адмиралу короля Педро Арагонского Руджьери д'Ориа в морском сражении в Неаполитанском заливе, и после многих лет заключения, уже по смерти своего отца (1289 г.), возвратился в Неаполь и короновался.

[825] Примечания: 825

Карл II выдал дочь свою Беатриче замуж за маркиза Эстского Аццо VI (assai veccio, так как он был вдовец, будучи лет 20 женат на Джиовауне Орсьни). Это тот самый Аццо, которого Данте поместил в аду (XII, 111) и о котором он так строго отзывается в Чистилища V, 77. Неравенство брака заставило современников предполагать, что отец продал свою дочь; уверяли даже, что он взял будто бы за это 30,000 золотых гульденов.

82. Какой еще мне, алчность, дашь удар.

Коль так люба моим сынам суровым,

Что плоть свою пускают уж в товар?[826]

85. Чтоб блеск придать грехам былым и новым,[827]

Я лилии в Аланью зрю приход

И плен Христа в наместнике Христовом.[828]

88. Зрю, как над ним глумится вновь народ;

Зрю оцет с желчью, подносимый снова,[829]

---

[826] Примечания: 826

«Плоть свою», — «ибо он брат наш, плоть наша». Быт. XXXVII, 27.

[827] Примечания: 827

Все предшествовавшее кажется поэту ничтожным в сравнении с величайшим преступлением — пленом папы Бонифация VIII и оскорблением, нанесенным ему по повелению Филиппа Красивого его придворным Нагаретом в Ананьи (или Аланьи, так как в народном говоре буквы l и n смешиваются), вследствие чего папа через месяц скончался (1303 г.)». Флейдерер. — (См. след. примеч.; подробности изложены в Приложении 1 к I книге Божественной Комедии, Ада стр. 307). — «Данте высказывает здесь опять, как и в предыдущей песни, стих 127, а также и других местах, свое высокое уважение к институту папства, как бы сильно он ни осуждал дурное управление пап. Всю высоту своего мировоззрения он высказывает именно здесь, называя вызывающим омерзение оскорбление даже того папы, который, по

его убеждению, предназначен самим судом Божиим к адским мукам (Ада XIX, 52 и примеч.). Одни лишь возвышеннейшие умы в состоянии подняться на такую высокую точку зрения вовремя ожесточения партий». Штрекфусс.

[828] Примечания: 828

Виллани (l. c.) повествует: «Папа Бонифаций, слыша шум тревоги и видя, что он покинут всеми кардиналами, бежавшими и попрятавшимися со страха, а кто и со злым умыслом, и брошен также почти всеми слугами своими, и видя, что враги его завладели городом и дворцом, где он находился, приготовился к смерти и, как человек великодушный и мужественный, сказал: «Dacchè per tradimento, come Gesú Cristo voglio esser preso e mi conviene morire, almeno voglio morire come papa», и тотчас же велел приготовить себе мантию св. Петра и с короною Константина на голове, с ключами и крестом в руке воссел на папское седалище. Приблизившись к нему, Скиарра и другие враги его гнусными словами поносили и арестовали его и его семейство, остававшееся при нем». Спокойствие его духа, обезоружило Нагарета и Скиарру, так что никто не смел наложить на него руки. Вскоре, однако, по возвращении в Ватикан он умер (7-го окт.), от разрыва сердца.

[829] Примечания: 829

Иоанн. XIX, 29; Псалт. LXVIII, 22. «И дали мне в пищу желчь и в жажде моей напоили меня уксусом».

И средь живых злодеев смерти гнет.

91. Зрю нового Пилата, столько зло-го,[830]

Что, алчные поднявши паруса,

Ворвется в храм без Божеского сло-ва.[831]

94. О, Господи! дождусь ли я часа

Отмщения, и долго ль ужас мести

Таить Твои нам будут небеса?[832] —

97. То, что я пел о пресвятой Невесте

Святого Духа и чем вызван ты[833]

Мне предложить вопрос на этом ме-сте, —

---

[830] Примечания: 830

Новый Пилат, король Филипп Красивый, предавший наместника Христа в руки Колоннам, смертельным врагам папы, точно так, как Пилат «Иисуса предал в их волю». Луки, XXIII, 25.

[831] Примечания: 831

«Намек на уничтожение ордена храмовников (тамплиеров). По особенному настоянию Филиппа Красивого, домогавшегося завладеть имениями тамплиеров, папа Климент V принял с 1306 г. меры против этого ордена. 2-го апреля 1312 г. было решено уничтожение ордена на Венском соборе; но гроссмейстер ордена Яков де Молэ был сожжен лишь 11-го марта 1314 г. по повелению Филиппа, который получил папское полномочие на уничтожение, по мнению Данте, незаконным путем «без Божеского слова» (в подлиннике: senza decreto)». К. Витте.

[832] Примечания: 832

«Тень Капета ожидает какого-либо возмездия за все эти ужасы. Без

сомнения, поэт имеет здесь в виду, как уже сказано (стих 46), сражение при Куртрэ; а может быть он намекает на приведенное у Виллани (VIII, 64) к 1303 году пророчество, по которому власть Филиппа, как и всего его дома, вскоре должна прекратиться». Ноттер.

[833] Примечания: 833

Ответ на второй вопрос, см. выше, стих 19. — Невеста Св. Духа — Дева Мария, называемая так на церковно-служебном языке.

100. То входит нам в молитвы и мечты,

Покуда день; но песнь в ином мы тоне

Поем всегда с приходом темноты.[834]

103. Тогда поем о том Пигмалионе,

Кто стал убийцей, хищником зараз

По алчности ко злату и короне;[835] —

106. О том, как бедствовал скупой Мидас

Вслед за своим желанием безумным.

Став навсегда посмешищем для нас.[836]

109. И помним об Ахане неразумном,

---

[834] Примечания: 834

«Поэт развивает обстоятельнее высказанное им выше (Чистилища VII, 44 и далее, см. примеч. этой песни к ст. 19) мнение. Днем души выхваляют добродетель в таких примерах, которые могут, в силу вышесказанного, служить как бичи, побуждающие к совершению добрых дел; ночью, когда прогресс на пути к усовершенствованию становится невозможным (Чистилища VII, 44), они беседуют о действиях порока, чтобы наложить на себя эпитимию или, собственно, чтобы почувствовать целительное покаяние (Чистилища XXVI, 80–81), так как они не подлежат уже искушениям (Чистилища XI, 22 и примеч.)». Ноттер.

[835] Примечания: 835

Пигмалион, царь Тирский, одержимый сребролюбием, умертвил своего брата, мужа Дидоны, чтобы завладеть его богатствами и троном. Дидона бежала из Тира и основала Карфаген (Виргилий Aen., lib. I, 340 и далее).

[836] Примечания: 836

Мидас, царь фригийский, который испросил у Бахуса могущество превращать в золото, все, до чего ни коснется; но вскоре в этом раскаялся, потому что не мог ничего есть, так как всякая пища при его прикосновении превращалась в золото. Его безумное желание возбуждает скорее смех, чем сострадание.

Похитившем добычу, так что всем

Нам страшен гнев Навинов в круге шумном.[837]

112. Виним Сафиру с мужем вслед за тем,

И чтим удар копыт в Гелиодора,[838] [839]

И всей горе стал Полимнестор тем[840]

115. Постыл, что предал смерти Полидора.[841]

Крик, наконец, мы слышим: – Красс, скажи,

Каков на вкус прах золотого сора?[842] —

---

[837] Примечания: 837

Ахан, из колена Иудина, сражался в войске Иисуса Навина при взятии Иерихона. Вопреки запрещению Иисуса, Ахан присвоил себе и утаил часть иерихонской добычи (пурпурную одежду, двести сиклей серебра и слиток золота), и за это был побит вместе с сыновьями и дочерями своими и всем скотом, по приказанию Навина, в долине Акор и затем сожжен. Кн. Иисуса Навина, VII, 1-26.

[838] Примечания: 838

«Сафиру с мужем», т. е. с Ананием; см. Деян. Апост. I, 1-11.

[839] Примечания: 839

См. кн. II Маккав. III, 7-40.

[840] Примечания: 840

Полимнестор, царь Аракийский, зять Приама. Последний, видя, что Троя осаждена и Азия утеснена греками, отправил младшего своего

сына Полидора к Полимнестору, в надежде, что он его укроет и защитит от опасности. Но жадный Полимнестор убил Полидора и завладел его богатствами (Ада примеч. к XXX, 13–20; Овидия Превращения, кн. XIII, ст. 429–438.

[841] Примечания: 841

Марк Лициний Красс, известный своим богатством и сребролюбием. Под начальством Суллы он сражался против Рима и решительной своей победой положил конец войне со Спартаком (71 до Р. Х.), а в следующем году получил консульство вместе с Помпеем; через шесть лет составил первый триумвират вместе с Помпеем и Цезарем и, сделавшись правителем Сирии, начал войну против параян, но был разбить ими и затем убить по приказанию Сурены, полководца царя Орода. Говорят, что когда голову Красса принесли Ороду, он велел влит в рот ее расплавленное золото, сказав: «Ты жаждал золота, пей же теперь его» (В. Веллей, II, 82). — Плутарх, впрочем, не упоминает об этом факте.

[842] Примечания: 842

Итак, здесь приведено 7 примеров скупости. Это не без причины. По учению Фомы Аквинского, у скупости 7 дочерей: измена, обман, лживость, клятвопреступление, беспокойство, насилие, бесчеловечие. «Filiae avaritiae dikuntur vitia quae ex ipsa oruntur, et praecipue secundum appetitum finis etc». Скартаццини. — «В Пигмалионе мы видим измену; в Мидасе — беспокойство; в Ахане — обман; в Анании и Сафире — клятвопреступление (солгали св. Духу); в Гелиодоре, пришедшем похитить сокровища Иерусалимского храма под ложным предлогом, — лживость; в Полимнесторе — бесчеловечность и, наконец, в Крассе — насилие; новое доказательство, как глубоко обдумано у Данте каждое слово». Ibid.

118. Мы говорим то громко, то в тиши,

Согласно с тем, звучнее или глуше

Льют речь из нас волнения души.

121. Но днем поют здесь о добре все души;

Случилось же на этот раз, что пел

Один лишь я, пленив тебе так уши.[843]

124. Расставшись с ним, мы шли в другой предел,

Преодолеть стараясь путь с охотой,

Насколько сил нам выдано в надел.

127. Вдруг дрогнула гора, как будто что-то[844]

---

[843] Примечания: 843

«Это ответь на вопрос Данте в стихе 36. Кающийся хочет сказать: так как наши речи вообще произносятся то тихим, то громким голосом, то и я дневные воззвания, т. е. похвалу добродетели, которую мы произносим днем, произносил не для одного лишь себя; но другие тени, говорящие вместе со мною, произносили их лишь тихим голосом». Ноттер.

[844] Примечания: 844

«Дрожанием горы выражается тот душевный трепет, который вызывается в душе очистившегося благодатным чувством улучшения ее состояния и божественным помилованием. Чистилища XXI, 58». Каннегиссер. — Нечто подобное мы встречаем и в аду (III, 130 и далее). Там землетрясение означает, что души прибыли к вечным мукам; здесь оно означает, что муки окончились навеки. Там за землетрясением следуют явления ужасающие, приводящие в оцепенение и даже

уничтожающие чувство; здесь за ним следует гимн радости, который поют хором тьмы тем душ и который, потрясая, наполняет всю гору восторгом и восхвалением Бога. Там трепет ужаса; здесь гора трепещет от радости. Там гора, так сказать, подавляет отчаянные вопли осужденных: «И говорят горам и камням: падите на нас и сокройте нас». Откров. св. Иоан. VI, 16; здесь же напротив, исполняется пророчество: «Когда вышел Израиль из Египта… вы прыгаете, горы, как овны, и вы, холмы, как агнцы». Псалт. CXIII, 1, 6. Скартаццини.

Обрушилось, и хлад меня объял,
Как тех, кого ведут для эшафота.

130. Нет, верно, так и Делос не дрожал
(Пока гнезда в нем не свила Латона),
Когда два ока неба он рождал.[845]

133. Со всех сторон раздался гул от стона,
Так что мой вождь, приблизившись ко мне,
Сказал: – Слепой! тебе я оборона.

136. Gloria in excelsis Deo, – все[846]
Взывали там, насколько я по кликам,
Ближайшим к нам, расслушать мог

---

[845] Примечания: 845

Остров Делос, ныне Сдило или Дили, один из Цикладских в Греческом Архипелаге, славившийся в древности своим культом Дианы и Аполлона. По мифологии, Нептун выдвинул его из вод, вследствие чего Латона, преследуемая ревнивою Юноной на суше и море, нашла наконец здесь себе убежище и родила близнецов, Аполлона и Диану. Остров до этого был плавучим, но с этого времени стал на море и сделался неподвижным, Виргилий. Aen. III, 69 и др. Овидия Превращения, кн. VI, ст. 189 и далее». «Латона» или Лета, дочь титана Цея, любовница Юпитера. — «Два ока», т. е. солнце и луна, Аполлон и Диана, названные очами неба может быть в подражание Овидию, который солнце называет — mundi oculus. Превращения, кн. IV, ст. 228.

[846] Примечания: 846

«Gloria in excelsis Deo» — «слава в вышних Богу», начало гимна, воспетого ангелами при рождении Спасителя (Лук. II, 14) пастырям

в Вифлееме.

вполне.

139. Недвижны, в страхе были мы великом,

Как пастыри, которым на земле

Тот гимн воспет впервые райским ликом.

142. Тут в путь святой пошли мы по скале,

Глядя на сонм, к земле приникший пыльной,

Вернувшийся к слезам своим о зле.

145. И никогда я жаждою столь сильной

Не пламенел до истины достичь,

Как здесь, когда источник дум обильный

148. Родил во мне таинственный тот клич;

Спеша, не смел я вопросить об этом,

А сам собой не в силах был постичь

151. И, робкий, шел я в думе за поэтом.

Песнь двадцать первая

Пятый круг: сребролюбивые. – Стаций. – Причина сотрясения горы. – Встреча Стация с Виргилием.

1. Врожденной жаждой, только тою влагой

В нас утоляемой, которой дар

Был Самарянкой выпрошен, как благо;[847] —

4. Томился я, и мчал усердья жар[848]

Меня тропой, где всюду горесть дышит,

---

[847] Примечания: 847

«Врожденная жажда», т, е. жажда познания: «Omnes hommes natura scire desiderant». Аристотель. Met. lib. I, in princ. — «Врожденная жажда — это жажда истинны и врожденное человеческой душе томление о благе вообще. Она может удовлетвориться здесь, на земле, лишь божественным откровением, а в том мире вполне утоляется лишь созерцанием Божества, как частью блаженства. Фома Акв. Sum. Theol. II. 1-ая quaes. IV, art. 8. — На то и другое намекается водою, о которой говорит Христос». Филалет. — В предыдущей песни любознательность Данте не могла быть утолена; эту любознательность разумеет он под именем «жажды», в применении к евангельским словам, где Христос говорит самарянке: «Кто будет пить воду, которую Я дам ему, тот не будет жаждать вовек». И самарянка Христу: «Господин, дай мне этой воды, чтобы мне не иметь жажды». Иоан. IV, 14, 15.

[848] Примечания: 848

«Томился я», т. е. сгорал нетерпеливым желаньем узнать истину. «Homo non est perfecte beatus quamdiu restat ei alquid desideranduin et quaerrendum... In tantum procedit perfuctio intellectus, in quantum cagnoscit essentiam alicujus rei». Ѳома Акв. Sum. Theol. p. I, 2-ая qu. III, art. 8.

И я скорбел при виде Божьих кар.

7. И как в пути (о чем Лука нам пишет)

Христос явился двум ученикам,

Из гробовой уже пещеры вышел,[849] —

10. Вот! – вслед нам шедший дух явился там,[850]

Глядя на сонм, лежавший под заклятьем;[851]

Но стал нам виден лишь тогда, как сам

13. Проговорил: – Да даст Господь мир братьям![852] —

Мы оглянулись тотчас, и поэт,

Послав ему привет руки поднятьем.

---

[849] Примечания: 849

«Двум ученикам», шедшим в Эммаус. Ев. от Луки XXIV, 13–16.

[850] Примечания: 850

Дух этот — римский поэт Стаций. Публий Папиний Стаций, сын поэта того же имени, славный в свое время стихотворец, жил при Домнциане (86–96 по Р. Х.). Отец Стация неоднократно бывал увенчан на поэтических состязаниях, праздновавшихся через каждые пять лет в Неаполе, и умер в Риме в 80 г. нашей эры, на 65 году жизни. По мнению Додвелля, сын его Стаций родился в 61 г. ли Р. Х. и умер в 96 — на 35-м году жизни, что, кажется, не совсем верно. Он был женат на римлянке, вдове, по имени Клавдии, от которой не имел потомства. В высшей степени льстивый к Домициану, Стаций пользовался великою милостью императора. Он был обожаем в Риме, где взял несколько победных венцов на поэтических состязаниях; но так как восторг к нему римлян

скоро остыл, то Стаций удалился в Неаполь, где и умер, как сказано, в 96 г. по Р. Хр. Об его сочинениях будет сказано в примечании к 91 стиху. О Стации писано очень многими. — Скалигер вместе с Данте ставит Стация наряду с Виргилием и говорит, что он подошел бы еще ближе к последнему, если бы не желал слишком близко подойти к нему. Но теперь едва ли кто станет ценить его так высоко, как ценил Данте. Тем не менее в средние века Виргилий и Стаций считались первыми эпическими поэтами; творенья их читались всеми и цитировались в школах. Скартаццини.

[851] Примечания: 851

«Стаций, теперь уже очищенный (см. ниже, стих 68) после совершенного им покаяния, созерцает еще тени, лежащие там на земле, т. е. он взвешивает свой грех, от которого только что освободился, и последствия его». Штрекфусс.

[852] Примечания: 852

Стаций считает путников за души, идущие к небу по очищении, и приветствует их по глаголу Христа: «Входя в дом, приветствуйте его, говоря: мир дому сему». Матф. X, 12.

16. Сказал ему: – В бессмертный свой совет[853]

Тебя да примет с миром Суд безгрешный,

Как вверг меня в изгнанье вечных бед.[854]

19. – Как? – дух сказал, меж тем как шли мы спешно;[855]

Вам Господом путь в гору возбранен?

Кто ж вас, теней, привел из тьмы кромешной?

22. И вождь: – Коль вник ты в смысл на нем письмен.[856]

Начертанных десницей, вход брегу-

---

[853] Примечания: 853

«Совет». — «Не устоят нечестивые на суде, и грешники — в собрании праведных». Псалт. I, 5. — Сличи: Рая XXVI, 120, — Совет означает здесь рай, собрание праведных.

[854] Примечания: 854

«В изгнанье вечных бед», nell'eterno esilio, т. е. в изгнанье из неба, истинного отечества душ. «Виргилий, как язычник, не может проникнуть в рай, так как одним разумом невозможно достигнуть высочайшего». Штрекфусс.

[855] Примечания: 855

Здесь Стаций прерывает речь Виргилия, который продолжает путь, не останавливаясь.

[856] Примечания: 856

«Письмен», т. е букв *P*, начертанных на лбу Данте.

щей,[857] —

Поймешь, что быть средь добрых должен он.[858]

25. Но как ему и день и ночь Прядущей

Нить дней еще ведется с прялки той,

Где Клото вьет кудель всей твари сущей,[859] —

28. То в нем душа, нам будучи сестрой,[860]

Здесь странницей могла ль быть одинокой,

Глядя на все не так, как я с тобой?[861]

31. Вот почему из пасти бездн широкой[862]

---

[857] Примечания: 857

Т. е. рукою ангела, охраняющего врата чистилища (IX, 112).

[858] Примечания: 858

Т. е. он должен войти в царство праведных, небо. «Наследуйте царство, уготованное вам». Матф. XXV, 34. «Если терпим, то с Ним и царствовать будем». II посл. к Тимоф. II, 12.

[859] Примечания: 859

Парка Лахезис, прядущая нить жизни каждого живого существа; другими словами, — Данте еще не вполне кончил течение своей жизни. Известно, что древние поэты подчиняли жизнь человека трем богиням, называвшимся парками, помещая их около Плутона; первая называлась Клото, вторая Лахезис, третья Атропос (Ада XXXIII, 126). Первая навивала кудель на прялку в минуту рожденья человека, вторая безостановочно пряла кудель, третья по своему усмотрению

перерезывала нить. Отсюда стих: Clotho colum bajulat, Lachesis trahit, Atropos secat.

[860] Примечания: 860

Так как она вышла, как и наши души, из рук одного и того же Создателя, или, по объяснению Ландино, потому что «все мы одного и того же рода, хотя ты уже достиг блаженства, я нахожусь в числе осужденных, а он — в неопределенном состоянии».

[861] Примечания: 861

Т. е. глядя на все глазами живого человека. «На земле, по теории Фомы Аквинского и Данте, мы видим вещи не непосредственно, но только как отпечатки предметов; там же видим их в зерцале Бога (Чистилища XXV, 82–81)». Каннегиссер.

[862] Примечания: 862

«Широкая пасть», ampia gola, т. е. из первого круга ада, или Лимба (Ада IV, 24), составляющего как бы отверстие, пасть адской воронки.

Я взят в вожди и буду им ему,

Доколь вести здесь может ум высокий.[863]

34. Но объясни, коль можешь, почему

Дрожит гора, и от вершин до моря

Что значит клик по Божьему холму?

37. Вопрос в мои желания, – им вторя, —

Как нить в ушко иглы попал: во мне[864]

От жажды той уж часть отпала горя.

40. И дух: – Ничем здесь в Божьей вышине

Не рушится религия святая,[865]

---

[863] Примечания: 863

«Опять, как всегда и повсюду, намек на значение, а вместе с тем и ограничение разума по отношению к правильному церковно-гражданскому миропрaвлению (Чистилища XVIII, 46)». Флейдерер.

[864] Примечания: 864

«В желания как нить в ушко иглы попал» — в подлиннике; la cruna del mio disio. — «Латинское выражение: acu tangere — верно попасть». Каннегиссер.

[865] Примечания: 865

«Религия святая», т. е. святость горы. Стих этот взят из Виргилиевой Энеиды VIII, 349, 350:

«Jam tum religio pavidos terrebat agrestise
Dira loci, iam tum silvam saxumque tremebant».

Также Ibid. XII, 181:

«Aetborie alti religio».

И все всегда законно в сей стране.

43. От всех премен изъят здесь воздух края.

Все из себя берут здесь небеса,

Обычный строй в сем мире сохраняя.

46. Не падают ни иней, ни роса.

Ни дождь, ни снег здесь выше той поляны.

Где трон из трех ступеней поднялся.[866]

49. Здесь нет и туч; безвестны здесь туманы,

Ни молний; ни Тауманта дщерь,[867]

Что ниже там меняет часто стра-

---

[866] Примечания: 866

В подлиннике: La scaletta dei tre grandi breve, т. е. возвышение из трех ступеней, на котором сидит привратник чистилища (Чистилища IX, 78 и далее и примеч.).

[867] Примечания: 867

«Тауманта дщерь», Ириса, дочь кентавра Тауманта и Электры (Гезиод Theog. 265), посланница богов, особенно Юноны, которая по радуге опускается и подымается на небо (Рай XII, 10). Здесь разумеется просто радуга.

ны.[868]

52. Восходит здесь и пар сухой, поверь,[869]

Не выше тех трех сказанных ступеней,

Где Страж Петра оберегает дверь.

55. Там, может быть, дрожит сильней, иль меней[870]

Гора по той вине, что ветр там скрыт

В земле; но выше – нет землетрясений.

58. Дрожит здесь край, как скоро дух свершит

Срок искуса, и встанет, иль почует

К полету мощь, и гимн тогда гремит.[871]

---

[868] Примечания: 868

«В этой и следующих двух терцинах перечисляются все атмосферические метеоры: дождь, снег, град, роса, иней, облака всех видов, молния, радуга, которая, являясь всегда насупротив солнца, занимает различные места на небе. Все эти метеоры, говорит Данте, не исключая и ветров, обозначаемых словами: пар сухой (который, будучи нагрет, через то нарушает равновесие температуры), существуют ниже врат чистилища». Антонелли. — «Только за вратами чистилища, описанными в IX песни, начинается вечный порядок и владычество чисто-небесных сил». Флейдерер. — Прототип этого представления, перешедший от греческих к римским поэтам и от них к Данте, мы находим у Гомера в его описании блаженной вершины Олимпа, горы, которая, подобно горе рая, возвышается из моря:

…Зевсова дочь полетела

Вновь на Олимп, где обитель свою, говорят основали

Боги, где ветры не дуют, где дождь не шумит хладоносный,

Где не подъемлет метелей зима, где безоблачный воздух

Легкой лазурью разлит и сладчайшим сияньем проникнуть.

Одиссея, Жуков. VI, 42–46.

[869] Примечания: 869

«Пар сухой». По Аристотелю (Metaph. II) пар, подымающийся с земли, есть причина всех перемен в нашем мире. Пар этот разделяется на влажный и сухой; от первого рождается дождь, снег, град, роса, иней; от сухого и тонкого ветер; от сухого и плотного землетрясение. Эти пары не могут, впрочем, подыматься выше третьей области воздуха; этих областей от сферы луны до центра земли существует четыре: область жаркая, холодная, холодно-жаркая и недра земли. Вследствие этого сказанные перемены не могут восходить выше холодной области. И так поэт, говоря, что пары не подымаются выше трех ступеней врат чистилища, тем самым говорит, что эти врата помещены на самой верхней границе третьей области воздуха, т. е. в холодной области. То же самое он говорит ниже, устами Матильды в земном раю (Чистилище XXVIII, 97-102)». Скартаццини. — «По теории Данте, согласной с Брунетто Латини, сухие пары вызывают молнии, когда подымаются на высоту, и землетрясения, когда проникают в недра земли». К. Витте.

[870] Примечания: 870

«Там», т. е. на горе чистилища, ниже врат Петровых. — Ученые говорят, что землетрясение происходит таким образом: земля имеет вид губки, и внутри ее зарождается ветер и кружится и ходить по этим пещерам.

Когда же вырастет до той степени, до какой лишь может достигать, он ищет себе дороги для выхода в воздух и сотрясает с такой силой, что земля увлекается за ним и нередко растрескивается, чтобы выгнать его вон». Оттимо.

[871] Примечания: 871

«Здесь», т. е. выше врат чистилища. — «Как скоро дух…..почует», в подлиннике: quando alcuna anima monda Sentesi, si che surga, o che si mova Per salir su», — место очень темное и толкуемое комментаторами различно. По некоторым, гора Чистилища дрожит всякий раз, когда очищенная от грехов душа возносится на небо, или когда, очистившись от одного греха, идет в следующий круг чистилища для очищения от другого греха. Бути. Ландино. — Но такое толкование едва ли правильно. Лучше, кажется, объяснение Велутелло: «Встает, т. е. встает на ноги, и это сказано поэтом именно в отношении душ в этом круге, где очищающиеся лежать ниц, так как первое их движение, которое они должны сделать, почувствовав себя очистившимися от греха, состоит, конечно, в том, что они подымаются с земли. «Почует к полету мощь» — сказано в отношении душ, ни лежащих на земле, но возносящихся прямо в небо по очищении». Сличи Скартаццини.

61. Что срок сверше, – то воля знаменует;

Она, парить всегда имея дар,

Объяв вдруг душу, крылья ей дарует.

64. Парить же ей сперва мешает жар

Желанья, им же, как влеклась вначале

К греху, так днесь – к перенесенью кар.

67. И я, лежавший пять веков в опале.[872]

Лишь вот, теперь, почуя волю; мчусь

В тот лучший мир, где боле нет печали.[873]

70. Вот почему горы ты видел трус,

---

[872] Примечания: 872

«Стаций умер около 96 лет по Р. Хр. (примеч. к стиху 10 этой книги; Данте встречает его в чистилище в 1300 г.; отсюда следует, что Стаций был 12 веков в чистилище; 5 веков он находился в кругу скупых; другие 4 века — в кругу недеятельных (XXII, 92–93); остальные триста лет, как надо предполагать, он провел в преддверии чистилища или в одном из трех первых кругов». Скартаццини.

[873] Примечания: 873

«Для объяснения этого места всего лучше может служить соответствующее место из Фомы Аквинского. При разрешении вопроса и том, есть ли казнь в чистилище добровольная казнь, Фома делает различие в отношении к слову добровольное — добровольное вследствие абсолютной воли и добровольное вследствие условной воли. В первом смысле ни одна казнь не есть добровольная, ибо это противоречит понятию о ней. В последнем смысле казнь может быть добровольною двояким

образом: во-первых, тем, что воля приобретения какого либо блага принимает на себя наказание, или, по крайней мере, охотно подвергается ему и не желает, чтобы оно не существовало, как при самобичевании или мученичестве, и во-вторых — тогда, когда известно, что без наказания нельзя достигнуть известного блага, когда воля хотя и не налагает сама на себя наказания и могла бы от него освободиться, но тем не менее выносит его». Вот подлинные слова: «Aliquid dicitur voluntarium dupliciter. Uno modo voluntate absoluta; et sic nulla poena est voluntaria, quia ex hoc est ratio poenae quod voluntati contrariatur. Alio modo dicitur aliquid voluntarium voluntate conditionata; sicut ustio est voluntaria propter sanitatem consequendam. Et sic aliqua poena potest esse voluntaria dupliciter. Uno modo quia per poenam aliquod bonum acquirimus; et sic ipsa voluntas assumit poenam aliquam, ut patet in satisfactione: vel etiam quia ille libenter eam accipit, et non vellet eam non esse, sicut accidit in martyrio. Alio modo quia quamvis per poenam nullum bonum nobis accrescat, tamen sine poena ad bonum pervenire non possumus, sicut patet de morte naturali, et tunc voluntas non assumit poenam, et vellet ab ea liberari: sed eam supportat, et quantum ad hoc voluntaria dicitur. Et sic poena purgatorii est voluntaria». (Sum. Theol. p. III, Suppl. append, qu. II, art. 2). — «То же учение излагает и Данте. Абсолютная воля желает освобождения от казни; но условная воля предпочитает этой абсолютной воле данное душе Богом желание полного удовлетворения, и таким образом и человек может только лишь после полного очищения свободно и радостно вознестись к блаженству. Прекрасная мысль, достойная благородного поэта!» Филалет. — «Истинно свободная воля должна необходимо вполне согласоваться с божественной; поэтому, пока не вполне очистившаяся душа еще не созрела для неба, по божественному мироправлению, до тех пор она не может иметь в себе желания покинуть чистилище». К. Витте.

И на горе душ скорбных внял хваленьям

Творца, Его ж молю, чтоб снял с них груз.[874]

73. Так он сказал, и, как мы с наслажденьем

Тем большим пьем, чем больше жажда в нас, —

Так был я полн безмерным упоеньем.

76. И вождь: – Так вот та сеть, что держит вас![875]

Теперь я вижу, что дает вам волю,

Чем вызван трус и чем веселья глас.

79. Но кто ты был? спросить себе позволю;

И почему – скажи мне – пять веков

---

[874] Примечания: 874

«Прекрасная мысль! Души хвалит Бога за освобождение одной из их сестер, вполне очистившейся, а Стаций, с своей Стороны, молит его, да сделает Он то же освобождение от грехов и для прочих кающихся». Ibid.

[875] Примечания: 875

Подобие сети, в которой Бог запутывает грешников, заимствованию из Св. Писания: «И раскину на них сеть Мою, и будет пойман в тенета Мои». Иезек. XII, 13. — Подобие утоления жажды взято также оттуда: «Что холодная вода для истомленной жаждой души, то добрая весть из дальней страны». Притчи XXV, 25.

Томился ты, прикованный здесь к полю?

82. – В те дни, как Тит, ведом Царем миров,[876]

За язвы мстил, из коих лицемеры

Исторгли продану Иудой кровь,[877] —

85. Под званием, дающим честь без меры,[878]

На свете том», так дух сказал в ответ,

Я славен был, но жил еще без веры.

88. Столь сладостным я духом был согрет,[879]

Что мне, тулузцу, Рим открыл черто-

---

[876] Примечания: 876

Т. е. в 70 г. нашей эры, когда был разрушен Иерусалим римлянами под предводительством Веспассиана, потом его сына Тита, впоследствии римского императора (от 79–81 г.).

[877] Примечания: 877

«Продану Иудой кровь» — il sangue per Giuda venduto, оборот церковно-славянский, подобно тому, как сказано: «возложила верху главы его вину его написанную». — «Слова эти указывают, что миссия Виргилия уже приближается к концу, что мало-помалу он заменяется и восполняется символами христианской жизни. Сличи: III, 53 прим.; XVIII, 46; XXI, 3S; XXVII, в конце». Флейдерер.

[878] Примечания: 878

«Под званием» и проч., т. е. под именем поэта — подражание Лукану

O sacer, et magnas vatum labor, omnia fato
Eripis, et populis donas mortaibus aevum!

Phars. lib. IX, 980–981.

[879] Примечания: 879
Может быть намек на стих Ювенала:

Curritur ad vocem jucundam et carmen amicae
Thebaidos, laetam fecit cum Statius urbem
Promisittque diem: tanta dulcedine captos
Afficit ille animos.

Sat. VII, 82.
Впрочем, последние слова сказаны Ювеналом, кажется, иронически.

ги.[880]

Где миртами венчался я, поэт.[881]

91. Меня зовут там Стацием; тревоги
Воспел я Фив, воспет мной и Ахилл;
Но со второй я ношей пал в дороге.[882]

94. Во мне посеял искру жара пыл,[883]
Божественный, где видим столько благ мы,
Что свет его миллионы озарил, —

97. Пыл Энеиды той, в ее ж стихах мы
Имели мать, и няньку иногда,[884] —
Без них наш труд не весил бы и драхмы.[885]

---

[880] Примечания: 880

Тулузец, житель г. Тулузы. Смысл тот: Мой голос был так сладостен и мок имя, как поэта, так славно, что, хотя я был родом из Тулузы, Рим открыл для меня свои чертоги, т. е. я был призван в Рим. Как мы видели (примеч. 10), Стаций родился в Неаполе, а не в Тулузе. Ошибка эта произошла от того, что Стация-поэта смешивали долго с ритором Стацием Саркулом или Урсулом родом из Галлии; ошибка, которая, по мнению Ландино, встречается и у Планида Лактанция комментатора к Фивалде Стация, и которая продолжалась до XV века, пока Поджио не отыскал неизвестное дотоле собрание лирических стихотворений под заглавием Лес (Silvae). «В одном из них (Lib, III, eclog. V) «К Клавдии», жене своей, Стаций, описывая красоты Партенопы (Неаполь), называет ее матерью и нянькой обоих их, amborum genetrix allrixque». Лонгфелло.

[881] Примечания: 881

Не только лавры, но и мирты служили в древности для увенчания поэтов особенно элегических. Находясь в Риме, Стаций трижды был увенчан ими.

[882] Примечания: 882

Главное поэтическое произведение Стация была эпическая поэма Фиваида в 12 книг, на которую он употребил 12 лет непрерывной работы. Он описывает в ней поход Семи против Θив и, в частности, борьбу между Полиником и Этеоклом (Ада XXVI, 53–54 и примеч.). Второе произведение Стация — Ахиллаида, поэма, задуманная им по весьма обширному плану, но доведенная лишь до 452 стиха второй книги, — ранняя смерть помешала ему окончить труд, почему и сказано: «со второй я ношей пал в дороге» (жизненной). Лучшее произведение Стация, неизвестное Данте, было его «Лес», в 5 книгах, где собрано 32 стихотворения на различные случаи. — «Там», т. е. в мире живых.

[883] Примечания: 883

Буквальный перевод: Энеида Виргилия вдохновила меня. Очевидно, Данте имел здесь в виду стихи самого Стация:

Vive, precor, nec tu divinam Aeneidam tempta,
Sed longe sequere, et vestigia semper adora.

Theb. XII, 816–817.

[884] Примечания: 884

«Мать обозначает, что Виргилий родил в Стацие любовь к поэзии, нянька (собственно кормилица: nutrix), — что Виргилий воспитал в нем вкус к поэзии и изящный стиль в стихотворстве». Скартаццини.

[885] Примечания: 885

Т. е. не имел бы никакого значения. «Действительно, в своей главной поэме Стаций до того рабски следовал Энеиде, что удержал то же число книг, как и в последней, и справедливо заслужил прозвище обезьяны Виргилия». Бенвенуто Рамбалди. — Чтобы сохранить характерное (и не без иронии сказанное) слово «драхмы», переводчик был принужден прибегнуть к рифмам: «благ мы», «стихах мы», к которым прибегал иногда и Пушкин и к которым, несмотря на богатство в рифмах на итальянском языке, нередко прибегает сам Данте и другие итальянские поэты.

100. И для того, чтоб в веке жить, когда

Виргилий жил, я б лишний год согласен

Был здесь пробыть под узами суда![886]

103. Виргилий тут вперил свой взор, безгласен.[887]

В меня, мне знаком повелел молчать;

Но труд у нас над волею напрасен:

106. Смех и слеза умеют выступать[888]

За вызовом их быстро так, что тщетны

Усилья прямодушных их сдержать.[889]

109. Я улыбнулся, как бы в знак ответ-

---

[886] Примечания: 886

Т. е. еще бы остался на год в чистилище. Как ни прекрасно с человеческой точки зрения то, что говорит здесь Стаций, тем не менее, оно едва ли здесь уместно и во всяком случае противоречит учению Катона (II, 120–122). Штрекфусс. — Вообще этот стих подвергался сильному порицанию со стороны иезуитов, комментаторов Данте, например Вентури.

[887] Примечания: 887

«В сцене, занимающей остальную часть этой песни, нельзя не подивиться, с какой истиной, изяществом и характерностью поэт сумел придать своему творению характер и прелесть драмы». Штрекфусс.

[888] Примечания: 888

Т. е. смех и слезы не повинуются нашей воле. Также и Фома Аквинский

принимает, что не все движения тела могут быть управляемы волей, именно движения, принадлежащие к вегетативной сфере. Sum. Theol. II, 2-e, qu. XIII, art. 9.

[889] Примечания: 889

Собственно, «правдивейших», в подлиннике: Che men seguon voler nei più veraci.

ный.

И бросил взор мне Стаций, смолкший вмиг.

В глаза, где в нас все помыслы заметны.

112. – О если хочешь, чтоб ты в рай проник,

Зачем, скажи, так молнией улыбки,[890] —

Он вопросил, – твой озарился лик?

115. Молчать, иль нет? Борясь, как парус зыбкий

Меж двух противных ветров, я вздыхал,

И вздохов смысл был понят без ошибки

118. Вождем моим: – Не бойся! – он сказал,

– Открой ему все то, чего боишься

Открыть, чтоб он не тщетно вопрошал.

---

[890] Примечания: 890

«Молния улыбки» — Un lampeggiar di riso. Стиху этому подражали Петрарка (il lampeggiar dell' angelico riso), Тассо и другие.

121. И я затем: – Быть может, ты дивишься,

О древний дух, улыбке уст моих;

Но ты сейчас и больше изумишься.

124. Тот, кто возвел мой взор до граней сих,

И есть Виргилий, у кого приял ты

Всю мощь воспеть небесных и земных!

127. Коль смысл другой моей улыбке дал ты. —

Рассей обман, и знай, что ей виной

Лишь только то, что здесь о нем сказал ты.

130. Уж он припал, чтоб обхватить рукой

Ему колена; но мой вождь: – Брат милый![891]

Оставь; ты тень, и тень перед то-

[891] Примечания: 891

Как прежде тень Сорделло (Чистилища VII, 15), Стаций выказывает такую любовь к Виргилию не только как к своему учителю в поэзии, но и как к своему обратителю в Христианскую веру (Чистилища XXII, 66 и примеч.).

бой.[892]

133. И он, вставая: – Здесь пойми все силы

Любви моей, коль до того забыл

Я нашу призрачность, что тень могилы[893]

136. Обнять тебя, как тело, тщетно мнил.

[892] Примечания: 892

«Я пал к ногам его… он сказал мне: смотри, не сделай сего». Откров. св. Иоан. XIX, 10.

[893] Примечания: 893

Сличи Ада VI, 36.

Песнь двадцать вторая

Подъем в шестой круг. – Стаций, его грех и обращение в христианство. – Знаменитые люди древности в Лимбе. – Шестой круг; чревоугодники. – Мистическое дерево. – Примеры воздержания.

1. Уж Ангел Божий сзади нас остался,[894] —

Тот Ангел, что в шестую вводит высь,

И знак с меня еще при этом снялся.[895]

4. И тех, что сердцем Правде предались.

Он назвал нам: «Beati»; но глаголы

---

[894] Примечания: 894

Поэты начинают теперь подыматься с пятого на следующий шестой карниз.

[895] Примечания: 895

До сих пор путников встречал каждый раз ангел при восхождении на каждую отдельную лестницу и снимал со лба Данте знак буквы *P*. На этот раз не говорится подробно об ангеле, а просто упоминается, что ангел находился при входе на лестницу, ведущую в шестой круг, — может быть для избежания повторений, или по какой-либо другой причине. — «Знак», т. е. букву *P*.

На sitiunt внезапно прервались.[896]

7. И легче здесь, чем в пройденные долы.[897]

Я восходил, и мне стремиться вслед

Тех легких душ уж не был труд тяжелый.[898]

10. – Мы любим тех, – так начал мой поэт;[899]

В ком к нам горит любовь без лицемерья.

Коль скоро жар их выказан на свет.

13. Так я, – лишь в глубь геенского преддверья[900]

Весть Ювенал принес мне о твоей[901]

---

[896] Примечания: 896

«Блаженны алчущие и жаждущие правды, ибо они насытятся». Матф V, 8. — Здесь, жажде к золоту противопоставляется жажда к правде. — «Ubi intelligatur de justitia spirituali, quod est quod homo reddat unicuiqne quod suum est, convenienter dicitur: Beati qui esuriunt et sitiunt justitiam; quoniam esuries et sitis proprie avarorum est, quia nunquam satiantur qui aliena injuste possidere desiderant. Et vult Dominus quod ita anhelemus ad isiam justitiam, quod nunquam quasi satiemur in vita nostra, sicut avarus nunquam satiatur». Фома Акв. in Math. Cap. V. — «Ангел произносит здесь лишь первую половину евангельского изречения и оканчивает его на слове «sitiunt»; вторая половина будет произнесена при выходе из шестого круга, где очищаются чревоугодники (в конце XXIV песни). «Вообще текст этой терцины очень испорчен в рукописях и был предметом многих толкований». Скартаццини.

[897] Примечания: 897

По причине снятия со лба Данте пятой из семи букв, на что прямо указывается в Чистилища XII, 116, 117. При выходе из прочих кругов уже не говорится об этой легкости, но она подразумевается (сличи Чистилища IV, 88 и примеч.). — «Долы» — в подлиннике foci, т. е. круги чистилища.

[898] Примечания: 898

«Легких душ», т. е. Виргилия и Стация.

[899] Примечания: 899

«Когда нам известно, что кто-нибудь любит нас за то, что в нас есть хорошего, к тому, наверное, мы питаем взаимную любовь. Потому-то и Виргилий любил Стация, как скоро узнал о любви его к себе от Ювенала». Штрекфусс.

[900] Примечания: 900

«Геенского преддверья», т. е. Лимба, limbus patrum (Ада IV, 24 прим., и 45). «Si considerentur limbus patrum et infernus secundum locorum qualitatem, sic non est dubium quod distinguuntur, tum quia in inferno est poena sensibilis quae non erat in limbo patrum; tum etiam quia in inferno est poena aeterna; sed in limbo patrum detinebantur sancti temporaliter tantum. Sed si considerantur quantum ad situm loci, sic probabile est quod idem locus, vel quasi continuus, sit infernus et limbus ita tamen quod quaedam superior pars inferni, limbus patrum dicatur… Infernus et limbus sunt idem quantum ad situm». Фома Акв. Sum. Theol. p. III, Suppl. qu. LXIX, art. 5.

[901] Примечания: 901

«Ювенал», знаменитый римский сатирик эпохи Траяна, родившийся в Аквино около 47-го и умерший около 130 г. нашей эры. Данте приводит его здесь, как современника Стация, а также потому, что Ювенал отзывается с похвалой о Фиваиде Стация (чистилища XXI, 88 прим.). Подобно многим другим поэтам древности, Ювенал находится в лимбе.

Любви ко мне, – предался, полн доверья,

16. Тебе душой: ведь можно нам людей

Заочно причислять к родному кругу…

И жалко мне, что путь здесь не длинней.[902]

19. Но объясни, и мне прости, как другу?

Коль будет мной ослаблена узда[903]

Речей, – и мне окажешь тем услугу:

22. Как мог впустить ты скупость без стыда[904]

Во грудь свою, при мудрости толикой,[905]

Так развитой при помощи труда?

---

[902] Примечания: 902

Для того, чтобы иметь удовольствие долее оставаться в твоем сообществе и беседе с тобой.

[903] Примечания: 903

Т. е. буду слишком свободно говорить с тобою.

[904] Примечания: 904

«Узнав от папы Адриана (Чистилища XIX, 115), что в пятом кругу очищаются скупые, и не зная, что в том же кругу очищается грех, противоположный скупости, расточительность, Виргилий полагает, что Стаций в жизни был заражен сребролюбием, и потому удивляется, как такой низкий порок, как скупость, мог вместиться в благородном сердце поэта, тем более поэта, наделенного мудростью». Скартаццини.

[905] Примечания: 905

«При мудрости толикой»: tra cotanto senno; то же выражение Ада IV» 102: Si ch' io fui sesto tra cotanto senno.

25. С улыбкой легкой Стаций светлоликий[906]

Ответил так: – Глагол мне каждый твой —

Залог любви, о наш певец великий.

28. Как часто видим вещи пред собой,

Влекущие к сомненью ум тревожный

От истинных причин их, скрытых мглой![907]

31. Ты, видя круг, где был я, – вывод ложный,

Как кажется, из этого извлек,

Что будто я был злата раб ничтожный.[908]

---

[906] Примечания: 906

«С улыбкой легкой», т. е. как прилично мудрому человеку. «Глупый в смехе возвышает голос свой, а муж благоразумный едва тихо улыбнется». Премудр. Иис. сына Сирах. XXI, 23. — «Si conviene all' uomo, a dimostrare la sua anima nell' allegrezza moderata, moderatamente ridere con un' onesta severita e con poco movimento delle sue membra». Convivio tr. III, c. 8.

[907] Примечания: 907

«Часто встречаются вещи, причину и взаимную связь которых люди не знают. Это незнание вызывает сомнение и ложное толкование истинной причины и взаимного соотношения этих вещей». Скартаццини.

[908] Примечания: 908

«Твое предположение, будто я был на земле скупцом, вызвано тем обстоятельством, что ты встретил меня в круге скупых, а также тем,

что я перед этим сказал тебе, что я находился 500 и более лет в том самом круге, где наказываются скупые». Ibid.

34. О, нет! поверь, я слишком был далек

От скупости; на много ж лунных сроков[909]

За грех иной Господь меня обрек,[910]

37. И не восстань я от святых уроков,

Тобой преподанных, когда, к стыду

Людей, взывал ты против их пороков,

40. Сказав: – В какую ты влечешь беду,

О, проклятая алчность смертных к злату![911]

Вращая камни, дрался б я в аду.

43. Лишь тут поняв, как тянет нас к развратy[912]

---

[909] Примечания: 909

«На много лунных сроков», в подлиннике: migliaia di lunari (на тысячи лунных сроков), «именно около 6000 месяцев, если Стаций провел 500 лет на пятом карнизе (Чистилища XXI, 67)». Филалет. «Луна обращается вокруг земли в 29 1/2 дней». Скартаццини.

[910] Примечания: 910

«За грех иной», собственно, противоположный, именно расточительность; в подлиннике: dismisura. Сличи: Ада VII, 42: «Che con misura nullo spendio ferci».

[911] Примечания: 911

Эти два стиха — перевод известных стихов Виргилия (Aen. III, 56).

Quid non mortalia pectora cogis,
Auri sacra farmes!

Это место подало комментаторам повод к различнейшим толкованиям

свод которых можно видеть у Скартаццини. Действительно, трудно понять, каким образом это место у Виргилия могло открыть глаза Стацию на греховность расточительности. Потому многие принимали, что Данте ошибочно принял эпитет sacra в обыкновенном его значении — священный и под именем sacra fames разумел умеренное стремление к земным богатствам, ни слишком сильное, ни слишком слабое. «Эпитет, который придает Виргилий по поводу Полимнестора (см. Ада XXX, 13) жажде к золоту, может быть буквально понят и как «священный», и как «проклятый», хотя Виргилий бесспорно употребляет его в последнем значении. Так как и скупые и расточители очищаются сообща в этом круге (так же, как и в Аду наказываются они вместе), то Данте принимает это слово для первых в его истинном, а для расточителей в смысле — лексически возможном, хотя и не употребляемом у Виргилия». К. Витте. — «По Аристотелю, расточитель также гоняется за золотом, как и скупой. Потому-то, по мнению Стация, это место у Виргилия касается и его порока». Флейдерер.

[912] Примечания: 912

Т. е. я был бы осужден в аду в числе расточителей, вращающих тяжелые камни против скупых (Ада VII, 22).

Рук наших ненасытность, – много слез[913]

Там пролил я за добрых чувств утрату.

46. О! сколько мертвых встанет без волос[914]

На головах за то, что так упрямо[915]

В том зле коснели вплоть до смертных гроз!

49. Коль грех какой противоречит прямо

Другому свойством, – знай, он рядом с ним[916]

Здесь должен сохнуть в казни той же

---

[913] Примечания: 913

«Рук наших ненасытность», в подлиннике: aprir l'ali Potean le mani a spendere, т. е. безумная расточительность.

[914] Примечания: 914

Сличи: Ада VII, 56–57.

[915] Примечания: 915

«Так упрямо», следовало перевести; по неведению, per ignoranza, т. е. по незнанию, что расточительность тоже грех. Есть два рода неведения: одно извинительное, другое — нет. Неизвинительно то неведение, которого можно было бы избежать упражнением и усовершенствованием разума. «Quieunque negligit habere vel facere id quod tenetur habere vel facere, peccat peccato omissionis. Unde proptor negligentiam ignorantia eorum quae aliquis scire tenetur est peccatum; non autem imputatur homini ad negligentiam si nesciat ea quae scire non potest». Фома Акв. Sum. Theol. p.

I, 2-e, qu. LXXVI, art. 2. — «Расточительность у великих мира сего нередко восхваляется и потому не считается многими пороком». Каннегиссер.

[916] Примечания: 916

«Двойную скорбь Иокасты». Иокаста — дочь Креона, царя Фивского, жена Лая и мать Эдипа, за которого, не зная его, вышла замуж, и родила от него двух дочерей, Этеокла и Полиника и двух дочерей, Антигону и Исмену. Стаций описывает к Фиваиде войну Этеокла и Полинка, кончившуюся тем, что они убили друг друга в поединке» (Ада XXVI, 54).

самой,[917]

52. И коль мой грех был в том кругу казним,

Где род скупцов слезами платит дани,

То лишь затем, что так противен им.[918]

55. – Но в том, что братьев двух жестоких брани —

Двойную скорбь Иокасты – ты воспел,

Спросил творец пастушеских сказаний,[919]

58. И в том, что лирой Клио ты гремел,[920]

Не видим мы, чтоб вера просветила

---

[917] Примечания: 917

«Грех… здесь должен сохнуть», в подлиннике: qui suò verde secca, «Порочные наклонности истребляются в душе очищающими муками, так точно как злаки иссушаются солнечным жаром. Замечательно, что Данте высказывает только здесь, в пятом кругу чистилища, точно так, как и в четвертом круге ада, ту мысль, что два противоположных греха очищаются и наказываются в одном и том же месте». Филалет.

[918] Примечания: 918

О расточительности Стация исторически ничего неизвестно, столько же известно о его жизни — он скорее нуждался в средствах; следовательно расточительность Стация не более, не менее, как поэтический вымысел Данте, основанный, может быть, на том, что люди, живущие к области идеального, как поэты, вообще расточительны». Скартаццини.

[919] Примечания: 919

«Творец пастушеских сказаний», т. е. Виргилий, как единственно известный во времена Данте буколический поэт (Эклоги Т. Калпурния были открыты Поджио лишь в XV веке). Вместе с тем здесь выражается противоположность между ужасами, воспетыми в Фиваиде, и мирными сценами Виргилиевых буколик, а также наперед указывается на четвертую эклогу его, значение которой будет сейчас отмечено Стацием». К. Витте. Каннегиссер.

[920] Примечания: 920

«Клио», — одна из 9 муз, заведующая историей и возвещающая славу. К этой музе взывает Стаций в начале Фиваиды: «Quem prius heronm Clio dabis».Theb. lib. 1, v. 41. — Смысл, следовательно, тот: судя по твоей поэме, ты был, когда ее писал, не христианином, а язычником.

Твой ум, а без того нет добрых дел.[921]

61. Какое ж солнце, или чьи светила
Так разогнали мрак твой, что развил
Ты вслед за Рыбарем свои ветрила?[922]

64. И он ему: – Ты первый мне открыл
К Парнасу путь, к священным Муз беседам;
Ты первый мне о Боге мысль внушил.[923]

67. Ты поступал, как тот, кто в ночь, неведом,
Сам в мраке, – сзади светоч свой несет
И светит всем, за ним идущим следом,[924]

---

[921] Примечания: 921

«Без веры угодить Богу невозможно». Посл. к Евр. XI, 6. Сличи: Ада IV, 34.

[922] Примечания: 922

«Рыбарь» — св. апостол Петр, названный так на основании слов, сказанных ему и брату его Андрею: «Идите за Мною, и Я сделаю вас ловцами человеков». Матф. IV, 19; Марк, 1,17; Лук. V, 10, — «Т. е. что побудили тебя направить свой челнок за кораблем св. Петра» — за тою церковью, которую св. отцы часто называют кораблем св. Петра.

[923] Примечания: 923

Стаций признает Виргилия за своего учителя в поэзии, в нравственности и вере. Ниже он говорит: Per te poeta fui, per te cristiano (стих 73). — Парнас, гора в Фокиде, по мифологии, местопребывание Апол-

лона и 9 муз.

[924] Примечания: 924

Т. е. как слуга, который, провожая ночью своего господина, идет перед ним, неся за собою фонарь, так что сам слуга идет в темноте. Подобное же сравнение встречается у Поло де Реджио, в сонете 1230 г.:

Si come quel che porta la lumiere
La notte quando passa per la via,
Alluma assai più gente della spera,
Che sè medesmo, che l'ha in balia.

Raccolta di Rime Antiche Toscana. 1817.

70. Когда ты пел: – Век новый настает;
Вернулась правда, мир уж не туманен,
И с неба к нам нисходит юный род![925]

73. Тобой, поэт, тобой я христианин![926]
Но в краски окунуть я кисть горю
Желаньем, чтоб рассказ мой не был странен.[927]

76. На целый мир уж разливал зарю
Свет чистой веры, сеемой послами.[928]
Покорными их вечному Царю.

79. И новая их проповедь с словами[929]
Твоими так была во всем сходна,

---

[925] Примечания: 925

Это буквальный перевод трех стихов (5-го и след.) четвертой эклоги Виргилия:

Magnus ab integro saeculorum nascitur ordo
Iam redit et virgo, redeunt Saturnia regna;
Iam nova progenies coelo demittitur alto.

«Это пророчество Сивиллы Кумской применено Виргилием, поэтом придворным, к рождению сына Азиния Поллиона. Вместо того Данте видит в нем возвещение рождения Искупителя. Но поэт наш не первый понял это место в таком смысле. Предчувствие, внушаемое всей этой эклогой об обновлении в ближайшем будущем всего мира в век счастья, правосудия, любви и мира, связь, в которую ставится в эклоге это чаяние с рождением младенца, и древний авторитет Сивиллы, на которую опирается все это провиденье, — все это вместе было

слишком соблазнительно для христиан чтобы при чтении этой эклоги они не вспомнили о рождестве Христа и не отнесли обновления мира к чистому и кроткому вероучению, изливавшемуся Человечеству. И действительно, христианское толкование четвертой эклоги было в сильном ходу у христианских писателей уже в IV веке. Весьма пространное толкование в этом смысле находится в речи императора Константина перед собранием духовенства (по словам Евсевия, Vita Const. IV, 32). Разобрав с различных сторон это стихотворение Виргилия, император находить в нем пророчество о пришествии Христа, пророчество, охарактеризованное многими подробностями: возврат девы означает деву Марию: новое поколение, посылаемое небом, есть Христос; змей, которого уже более не будет, есть древний искуситель наших отцов; амом, который родится повсюду есть многочисленное племя христианское, очищенное от грехов, и в этом смысле истолкована вся эклога. Он полагает, что поэт с ясным сознанием писал свое пророчество о Христе, но выразил его сокровенно, примешивая к своей речи еще имена божеств языческих, чтобы не слишком сильно столкнуться с тогдашними верованьями и не вызвать тем самым гнева со стороны власти. Лактанций, живший, как и Константин к IV веке, истолковывает также эклогу в смысле христианском, относя, впрочем, пророчество ее не к первому, а ко второму пришествию Христа. Лактанций. Div. instit. lib. VII, с. 24. Блаж. Августин, допуская существование пророков между язычниками, предсказывавших пришествие Христа, приводит также четвертую эклогу, особенно обращая внимании на стихи 13 и 14, которые он относит к отпущению грехов по заслугам Спасителя (Epist. 137 ad Volus. cap. 12. Epist. 258 c. 5. De Civ. Dei, lib. X, с. 27). Тщетно восставал против таких идей Св. Иероним, насмехаясь над теми, которые считали Виргилия христианином без Христа (Epist. 53 ad Paulin. c. 7). Христианские теологи продолжали истолковывать пресловутую эклогу по своему, и даже в глазах тех, которые полагали, что Виргилий не имел в виду того смысла, который ему приписывали, римский поэт представляется таким писателем, который, сам того

не зная, излагал свидетельство или аргумент в пользу веры. Мнимая неотразимость этого аргумента подала повод к возникновению церковных легенд об обращениях, вызванных стихами четвертой эклоги, как обращение Стация (об этом сличи Рут, Heidelberger Jahrbücher, 1849) и обращение трех язычников: Секундиана, Марцеллиана и Вериана, внезапно просветившихся стихами Виргилия, и из гонителей христиан обратившихся в мучеников Христовых (сл. Vincent. Bellovac. Spec. hist. XI, c. 50. Acta Sanctor. Aug. T. II, p. 407). Другая легенда повествует о Донате, епископе Фьезольском: чувствуя приближение смерти, он пришел в собрание своих братьев и исповедовал веру свою перед ними, приводя между своими словами и слова поэта: «Iam nova progenies» и т. д., после чего испустил дух (Оцанам, Docum. niedit, p. 55. — Папа Иннокентий III цитирует эти стихи Виргилия в подтверждение веры, в одной проповеди на Рождество (Serm. II in fest Nativ. Dom. Opp. p. 80). В том же Христианском смысле они были понимаемы в средние века и притом людьми великого авторитета, как например Абеляром (Introd. ad Theolog. lib. I, c. 21. Epist. 7 ad Helois, p. 118) и Марсилием Фичином (De christ. relig. e, 24). И так, Данте следует здесь толкованию, вообще принимавшемуся в его время, что Виргилий был пророк Христа. Кроме многих сочинений по этому вопросу особенно важно для желающих его изучить сочинение Компаретти, Vergilio nel medio evo. Livorno, 1817. Vol. I, p. 128 e seq. Нечего, кажется, говорить, что обращение Стация в христианство исторически нигде не подтверждается». Скартаццини. «Тем ни менее, во времена Данте было в общем ходу мнение, хотя ни на чем не основанное, что Стаций был тайный Христианин, может быть вследствие смешивания Стация — поэта с одним из его толкователей Лактанцием Плацидом, из IV века, о христианстве или нехристианстве которого до сих пор еще спорят». Ноттер.

[926] Примечания: 926

Т. е. подражая тебе, я сделался поэтом, убежденный твоим пророчеством (в четвертой эклоге), я обратился к Богу и уверовал в Христа.

[927] Примечания: 927

Поэт продолжает свою метафору, сделав сперва легкий очерк рисунка (сказав, что он стал Христианином) он покрывает его затем красками. Очерк дает лишь общее представление о предмете, краски придают ему живость.

[928] Примечания: 928

«Послами», т. е. апостолами.

[929] Примечания: 929

«С словами», именно с пророчеством четвертой эклоги.

Что тех послов я стал считать друзьями.

82. И были святы мне их имена;
Когда
ж томил Домициан их в иге,[930] —
Я не без слез сносил их бремена

85. И помогал им несть цепей вериги.
Покуда жил, их веры благодать
Превознося превыше всех религий.

88. И прежде чем ввел в Фивы греков рать,[931]
Крестился я; но, робкому поэту,
Мне страх велел религию скрывать,

---

[930] Примечания: 930

Тит Флавий Домициан, второй сын, Веспасиана, был императором римским после брата своего Тита с 81 по 96 г. по Р. Хр. Христиане, как например, Евсевий, обвиняли его в жесточайшем гонении их (Chron. lib. II ad Olymp. 218), а Тертуллиан называет его по этому случаю: portio Neronis de crudelitate. Но исторически это гонение не доказано. Домициан особенно покровительствовал Стацию.

[931] Примечания: 931

В подлиннике: «И прежде чем я привел греков к рекам Фивским (Исмену и Азопу); некоторые комментаторы заключают отсюда, что Стаций крестился прежде, чем написал IX книгу своей поэмы, так как в этой книге греки пришли под предводительством своего царя Адраста к рекам Исмену и Азопу на помощь Полинику. Но, очевидно, Стаций не хочет этим стихом обозначить год и день своего обращения, а просто желает сказать, что он это сделал прежде, чем кончил свою Фиваиду.

91. Язычником на вид являясь свету.

И, вот я больше четырех веков

В кругу четвертом был за слабость эту.[932]

94. Теперь и ты, поднявший мне покров

Со сказанных тех благ, – скажи по чести,[933]

Пока
не весь прошли мы этот ров,[934] —

97. Не знаешь ли: где друг Теренций вместе[935]

С Цецилием? Где Плавт? Варрон? Страшусь,[936] —

В аду они! но где? в каком там месте?

---

[932] Примечания: 932

«В кругу четвертом», где очищается грех уныния. «Из 12 веков, протекших со времени кончины Стация до 1300 г. (см. примеч. к XXI ст. 67), 500 лет он находился в 5-м и 400 лет — в 4-м кругу (все вместе около 1.000 лет); остальные 200 лет он находился или в других кругах, или в преддверии». Филалет.

[933] Примечания: 933

«Покров» на символическом библейском языке обозначает неверие и слепоту духовную. «Доныне, когда они читают Моисея, покрывало лежит на сердце их; но когда обращаются к Господу, тогда это покрывало снимается». 2-е посл. к Коринф. III, 15, 16. — Стаций говорит Виргилию: «ты, который приподнял с моих глаз покрывало, скрывавшее от меня столь великое благо», т. е. истину христианской религии.

[934] Примечания: 934

«Ров», т. е. ущелье, в котором устроена лестница, ведущая из этого круга в вышележащий, куда теперь восходят поэты.

[935] Примечания: 935

Теренций — римский комик, родившийся в Карфагене в 183 г. до Р. Хр. Стаций называет Теренция другом, как поэта. В некоторых рукописях вместо amico стоит nostra antico; и действительно, в этом месте упоминаются лишь одни древние латинские писатели.

[936] Примечания: 936

«Цецилий Стаций — драматический писатель, современник Энния и Пакувия (ум. 168 до Р. Хр.). — «Тит Макций Плавт», латинский комик, родившийся в 255 и умерший в 184 г. до Р. Хр. — «Варрон», — под этим именем известны два римских писателя: 1) Марк Теренций Варрон, полигистор, от котораго нам осталась часть его Libri de lingua latina и 2) Публий Теренций Варрон, поэт, кроме многих других сочинений, прославившийся двумя эпическими поэмами: Bellum Sequanicum и Bellum Punicum (обе потеряны). Так как Данте говорит здесь о поэтах, то вероятно он разумеет последнего; может быть даже он принимает обоих за одно лицо». Филалет.

100. – Они, и я, и Персий – весь союз[937]

Певцов, – ответил вождь, – мы все вкруг Грека,[938]

Что млеком вскормлен был рукою Муз,[939] —

103. Все в первом круге тюрьм слепых от века![940]

Там часто речь ведем мы о скале[941] —

Обители кормилиц человека.

106. Там Еврипид и Антифон! В числе

Других там греков тени – Агатона

И Симонида с лавром на челе.[942]

109. Из героинь твоих там Аитигона,

---

[937] Примечания: 937

Персий — Авл Персий Фликк, римский сатирик (род. в 24 г. по Р. Хр.), автор шести, дошедших до нас, сатир.

[938] Примечания: 938

Грек — Гомер, любимец Муз (Ада IV, 86 и примеч.).

[939] Примечания: 939

В подлиннике: Che le Muse lattâr più ch'altro mai. По мифологии, Музы — кормилицы поэтов.

[940] Примечания: 940

В Лимбе, образующем первый круг ада. Слепой тюрьмой Данте называет ад и в Ада X, 58.

[941] Примечания: 941

Скала, собственно гора; разумеется здесь гора Парнас, где, по мифологии, обитают Музы, кормилицы поэтов (в подлиннике: le nutrici

nostre).

[942] Примечания: 942

Еврипид, — знаменитый греческий трагик, родился в день Саламинской битвы в 480 г. до Р. Хр., умер к 406. Странно, что Данте нигде не упоминает ни об Эсхиле, ни о Софокле. О греческих поэтах Данте мог знать из Аристотеля, Цицерона и Квинтиллиана; сам, очевидно, он не читал их. — «Антифон» — греческий трагик, от которого до нас ничего не дошло, но о котором с похвалой отзывается Аристотель и в особенности Плутарх; в своей De Monarchia Данте говорит о нем, как и об Агатоне, также трагическом поэте. В других рукописях вместо Антифона стоит Анакреон. — Симонид, славный греческий лирик (род. в 559 г. до Р. Хр.); от него остались эпиграммы и несколько лирических стихотворений (Подробнее см. у Скартаццини).

Дейфила, Аргия и до сих пор
Печальная Исмена. Там – матрона,

112. Что указала ключ Лангийский с гор;
Там дщерь Терезия с Фетидой вкупе
И Дейдамия посреди сестер.[943]

115. Уж два поэта, смолкнув на уступе,
Вкруг озирались, выведя меня[944]
Ущельем к новой кающихся купе.

118. И отошли уж из прислужниц дня
Четыре вспять, и пятая предстала,
Подъемля кверху дышло из огня,[945] —

121. Когда мой вождь: – Я думаю, сна-

---

[943] Примечания: 943

В этих двух терцинах Виргилий приводит имена тех личностей, которые играют роль в поэмах Стация. «Антигона» дочь Эдипа рожденная от его матери Иокасты, сестра Исмены, Этеокла и Полиника. — «Дейфила», дочь Адраста, царя аргивского, жена Тидея; одного из семи, осаждавших Фивы, мать Диомеда. — «Аргия», сестра Дейфилы, жена Полиника: ей принадлежало злополучное ожерелье, так понравившееся Эрифиле, что она открыла, где находился муж ее Амфиарай (Чистилища XII, 50, 51), — «Исмена», другая дочь Эдипа и Иокасты; «печальная», потому что на ней особенно тяготела роковая судьба этого дома, — «Матрона», Изифила — дочь Тоанта (Ада XVIII, 92); покинутая Язоном, она попала в плен к морским разбойникам, которые продали ее Ликургу Немейскому; этот сделал ее кормилицею своего сына Офелла. В то время, когда царь Адраст, направляясь с войском в поход к Фивам, проходил чрез страну Ликурга, за неимением воды, он едва не погиб от жажды:

встретившая его случайно Изифила положила младенца в траву, а сама пошла показать Адрасту Лангийский источник; тем временем младенец был заеден змеями». — «Дщерь Терезия», предсказателя, — Манто, о которой Стаций тоже упоминает в Фиваиде. Из этой терцины можно понять, что Данте помещает и Манто в Лимб, тогда как она уже помещена им в числе предсказательниц в злые-рвы восьмого круга ада (Ада XX, 55). Хотя у Терезия были еще две дочери, Дафна и Историада, но, очевидно, он разумеет здесь никого иного, кроме Манто (так как о ней говорится у Стация), Данте, очевидно, позабыл здесь это обстоятельство. — О Фетиде и Дейдамие Стаций говорит в Ахиллеиде, неоконченной своей поэме. Фетида — морская богиня, мать Ахилла. — «Дейдамия, дочь сциросского царя Ликомеда, у которого был укрыт его матерью Ахилл, переодетый женщиной, для избежания ожидавшей его под Троей смерти (Ада XXVI, 61; Чистилища IX, 31).

[944] Примечания: 944

«На уступе», т. е. на последней ступени той лестницы, по которой они меня вели в ущелье, прорубленном в скале и лежащем между пятым и шестым кругами чистилища.

[945] Примечания: 945

«Прислужницы, или рабыни (ancelle) дня, — это часы или Горы, из которых каждая в течение часа влечет колесницу солнца (Чистилища XII, 81). Следовательно, теперь между 10 и 11 часами дня и солнце поднимается к полудню, почему и сказано, что рог дышла солнечной колесницы поднят вверх. Таким образом со времени подъема из четвертого круга до прибытия в этот шестой круг прошло четыре часа, которые проведены поэтами частью на пятом карнизе, частью употреблены на восхождение в ущелье». Филалет.

чала

Плечом должно нам вправо повернуть

К окраине, как делали бывало.[946]

124. И навык нас не мог уж обмануть —

Мы смело шли, тем боле без смущенья,

Что Стаций сам одобрил этот путь.[947]

127. Они шли впереди и, полн смиренья,[948]

Я вслед один под говор речи их,

Учась от них искусству песнопенья.

130. Но сладостный их голос вдруг притих

---

[946] Примечания: 946

До сих пор поэты обыкновенно осведомлялись у душ о кратчайшей дороге на гору; но тут, на основании опыта, научившего их идти всегда направо, они идут без дальнейших расспросов. Сличи Чистилища XIX, 81.

[947] Примечания: 947

Так как их руководит инстинктивное стремление к небу.

[948] Примечания: 948

Виргилий и Стаций идут впереди рядом, Данте следует за ними сзади один. «Данте называет себя учеником Виргилия (Ада I, 85 и след.); здесь он высказывает, что своим поэтическим развитием он обязан и Стацию. Это шествие его позади двух предшествующих есть признак величайшей скромности, тем более поразительной, что в Ада IV, 94-102

он говорит, что высочайшие певцы приняли его в свою среду. Но рядом со скромностью здесь выражено и чувство собственного достоинства. Данте считает, что он один из всех своих современников следует по славным стопам Виргилия и Стация». Скартаццини. — «Dante infatti molto studiò Virgilio e Stazio e dall' uno e dall' altro molto appese, e non ingrato loro retribuisce la debita lode e riconoscenza». Бенвенуто Рамбалди.

Пред деревом, стоявшим средь тропины,[949] —

Все в яблоках душисто-золотых.[950]

133. Как ель от ветви к ветви до вершины

Сужается, – сужалось это вниз,

Чтоб вверх не смел подняться ни единый.[951]

136. С той стороны, где загражден карниз,[952]

Свергался с гор ключ чистый в блеске света,

И на листву струи его лились.[953]

139. Лишь подошли ко древу два поэта,

---

[949] Примечания: 949

«В этом кругу привлекают внимание два дерева, обремененные сладчайшими сочными и ароматными фруктами и веселящие взор яркою зеленью; одно здесь при входе, другое при выходе из круга (Чистилища XXIV, 103 и примеч.). Говоря о втором, поэт заявляет, что оно есть отпрыск, заимствованный от того древа познания добра и зла, которое помещено на вершине горы в земном раю (чистилища примеч. к XXIII, 67–69 и XXIV, 116, 117). По мнению некоторых комментаторов (Бути, Перец и др.), и это дерево есть отпрыск от того же древа познания; но разница между двумя деревьями слишком велика, чтобы можно было согласиться с таким мнением. Из одного слышатся примеры похвальные, из другого — примеры плачевные. Можно скорее допустить, что если это дерево есть отпрыск от древа познания, то другое — есть отпрыск от другого дерева в земном раю — от древа жизни. Бытия. II. 9». Скартаццини. — «В этом круге очищаются души

сластолюбцев. В следующей песни мы увидим их исхудалыми и изможденными (стих 22 и далее). Непомерная алчность к пище на земле привела души в жалкое состояние и отклонила их от стремления к истинным и настоящим наслаждениям. Это-то истинное наслаждение и олицетворяет собою дерево, сочных плодов которого тщетно здесь стараются достать очищающиеся, так как снизу очень трудно взлезть на него, от незначительного его объема; но чем оно выше, тем большие ветви оно дает; листья и фрукты на них постоянно освежаются вечно струящеюся с неба чистою влагою» Штрекфусс.

[950] Примечания: 950

«Оно приятно для глаз и вожделенно». Быт. III, 6.

[951] Примечания: 951

Ель дает все менее длинные ветви по мере того, как растет вверх. Это, наоборот, — чем выше, тем становится шире в ветвях. «С этой все возрастающей шириной дерева, символом все возрастающих в ширину девяти небес, увеличивается и число плодов на нем, т. е. духовных наслаждений, по мере того, как возносятся ближе к Божеству. Но душам, предававшимся земным наслаждениям, хотя и указываются, но не даются ведущие к Богу наслаждения до окончания их очищения, ибо при настоящем их состоянии они могли бы ими пользоваться лишь при помощи своих земных чувств, почему к ним и взывает удерживающий их голос (стих 141). «Ноттер. — Несмотря на ясность описания этого дерева» некоторые комментаторы представляли его себе так, как будто бы оно было обращено корнями к небу, а верхушкою к земле. Но в издании Doré, а также в иллюстрированном издании, комментированном Томмазео, изображено обыкновенное дерево, с ветвями, постепенно расширяющимися кверху.

[952] Примечания: 952

Т. е. с левой стороны, с которой по карнизу подымается скала.

[953] Примечания: 953

Вероятно, воды источника Эвноё (Чистилища XXX, 129), имеющего свойство восстановлять отжившие силы. «Данте не говорит, куда стекает эта постоянно льющаяся вода; может быть, она беспрестанно всасывается деревом, так что на землю же не попадает ни капли. Скартаццини.

Как чья-то речь из листьев раздалась:[954]

– Нужна для вас впредь будет пища эта.[955]

142. Потом: – Мария более пеклась

О честном брачном пире, чем о пище

Для уст своих, молящихся о вас.[956]

145. И не было питья вкусней и чище

Воды для римлянок, и Даниил,[957]

Гнушаясь яств, снискал небес жилище.[958]

148. Блеск золота век первый всюду лил:[959]

Вкус желудей не мнился злом толи-

---

[954] Примечания: 954

«Что в первом круге было выражено скульптурными изображениями, то выражено здесь деревом, или, лучше сказать, двумя деревами (второе в конце круга) и голосами, раздающимися в их листве. Голос первого напоминает о добродетели воздержании, второго — о пороке сластолюбия и его последствиях. Аллегория очень удачна, хотя Данте имел при этом образцы один — языческий, другой — христианский. Первый напоминает Тантала (см. Чистилища примеч. к XXIIИИ, 67–69), который помещен в Тартаре под плодовыми деревьями и видит у себя в ногах воду, но не может достигнуть ни того, ни другого и вследствие этого томится страшным голодом и жаждою (Одис. XI, 580). Христианский образец — древо познания добра и зла из книги Бытия». Каннегиссер. — По мнению Бути, голос этот есть голос ангела, приставленного стражем этого дерева и помещающегося между ветвями,

согласно со словами Фомы Аквинского: Omnia corporalia reguntur per Angelos (Sum. Theol. p. I, qu CX, art. 1).

[955] Примечания: 955

В подлиннике: Di questo cibo avrete caro; в переводе Лонгфелло: Of this food ye shall have scarcity; у Филалета: Ad dieser Kost wird es euch noch gebrechen.

[956] Примечания: 956

Первый образец воздержания представляет Дева Мария, Которая на браке в Кане Галилейской, не заботясь об удовлетворении собственных уст своих, просит Божественного Сына своего о вине, из желания сделать брачное пиршество благопристойным, Ев. от Иоан. III, 1-11. Св. Амвросий (De Virg. lib. II c. 2) говорит по этому случаю: Quid exequar ciborum parsimoniam, officiorum redundantiam? alterum ultra naturam superfuisse, alterum pene ipsi naturae defuisse: illic nulla intermissa tempora, hic congeminatos jejunio dies? Et si quando reficiendi successisset voluntas, cibus plerumque obvius qui mortem arceret, non delicias ministraret».

[957] Примечания: 957

Во время республики римлянки воздерживались от вина. «Vini usus olim romanis foeminis ignoius fuit, ne scilicet in aliquod dedecus prolaberentur, quia proximus a Libero patre intemperantiae gradus ad inconcessam Venerem esse consuevit». Валерий Максим, lib. II, c. I, § 3. — Фома Акв. Sum. Theol. P. II, 2-ae, au. CXLLX, art. 4: «Sobrietas maxime requiritur in juvenibus et mulieribus quia in juvenibus viget concupiscentia delectabilis propter fervoerem aetatis; in mulieribus autem non est sufficiens robur mentis ad hoc quod concupiscentiis resistant. Unde secundum Valerium Maximum (I. c.) mulieros apud Romanos antiquitus non bibebant vinum».

[958] Примечания: 958

Третий пример — пророк Даниил. Дан. I, 8, 11–12.

[959] Примечания: 959

Четвертый пример — золотой век первобытных жителей земли. Овидий. Превращ. lib. I, v. 103–106. Кроме того Боецио, Consol. filos, lib. II, 5.

Felix minium prior aetas
Contenta fidelibus arvis
Nec inerti perdita luxu,
Facili quae sera solebat
Jeiunia solvere glande.
Nou bacchica lumiera norant
Liquido confundere melle
Nec lucida vellera Seram
Tyrio miscere veneno.

При воспоминании о золотом веке, кажется, слышится вздох Данте о первых временах Флоренции, когда она Si stava in pace, sobria e pudica. Рая XV, 99.

ким,

И каждый ключ, как нектар, сладок был.

151. Акридами пустынь и медом диким

Креститель ваш питался, чтоб потом

Явиться в мир столь славным и великим,[960] —

154. Как говорит Евангелье о том.[961]

[960] Примечания: 960

Пятый образец — Св. Иоанн Креститель, патрон Флоренции. Марк. I, 6. Матф. Ш, 4.

[961] Примечания: 961

«Истинно говорю вам: из рожденных женами не восставал больший Иоанна Крестителя»; Матф. XI, 11. — «Ибо говорю вам: из рожденных женами нет ни одного пророка больше Иоанна Крестителя». Лук. VII, 28.

Песнь двадцать третья

Шестой круг: чревоугодники. – Форезе Донати. – Нелла. – Флорентинки.

1. Меж тем как взором я блуждал по кровле

Густой листвы, как любит делать тот,

Кто жизнь свою проводит в пташек ловле,[962] —

4. Мне больший, чем отец, сказал – Вперед![963]

Не трать, мой сын, без пользы ни мгновенья[964]

---

[962] Примечания: 962

Подобно тому, который убивает свое время в ловле птиц, следя за их перепорхиванием по веткам, Данте устремляет глаза в листву, чтобы узнать, откуда исходят голоса.

[963] Примечания: 963

Т. е. Виргилий, которого он называет в других местах сладким отцом, dolce padre, но здесь — еще нежнее.

[964] Примечания: 964

В недеятельном созерцании мы понапрасну тратим жизнь. При восхождении на гору Чистилища слышатся постоянно увещания не останавливаться ни на минуту: остановка — это возврат назад!

Из данного нам срока на обход.

7. Я взор и шаг направил, полный рвенья,

К двум мудрецам, что разговор вели

Такой, что забывал я утомленье.[965]

10. Вдруг слышу плач и пение вдали:

«La li a tea» – с тем унылым тоном,

Что слух в восторг и жалость привели.[966]

13. – Кто там поет, отец мой, с тяжким стоном? —

Так я; и вождь: – То тени там поют,

Быть может, долг платя перед законом.[967]

---

[965] Примечания: 965

К Виргилию и Стацию, которые вели между собою столь приятный разговор, что Данте не чувствовал утомления при восхождении на лестницу. «Comes facundus in via pro vehiculo est». Публий Сиро.

[966] Примечания: 966

«Господи! отверзи уста мои, и уста мои возвестят хвалу Твою». Псалт. L, 17. Слова эти поют души сластолюбцев, очищающихся в этом кругу. «Чтобы очиститься от греха сластолюбия, души должны быть теперь открыты для славословия Божия, так как в жизни были неумеренно открыты для утоления чрева». Бенвенуто Рамбалди. — Когда-то эти души желали пищи земной, теперь они желают лишь пищи небесной. Слова, которые поют души, заимствованы из псалма Miserer, имеющего столь обширное употребление в церковной службе.

[967] Примечания: 967

Эта терцина по форме своей весьма напоминает терцину Чистилища XVI, 22–24, — тот же вопрос, тот же ответ, та же форма.

16. Как путники задумчиво идут
И озирают, торопясь, в дороге
Обогнанный им незнакомый люд,[968] —

19. Так молча сонм теней, в мечтах о Боге,
То обогнав, то нагоняя нас,
Нас озирал, но в большей лишь тревоге.[969]

22. Темно и пусто было в ямах глаз,[970]
А в лицах бледность с худобой столь страшной,
Что с черепом вся кожа их срослась.

25. Так, думаю, не высох бесшабашный

---

[968] Примечания: 968

Из этой терцины видно, что души идут в том же направлении, как и поэты, т. е. направо.

[969] Примечания: 969

«В большей лишь тревоге» — più tosto mota, собственно: идя быстрее, чем мы. Кончив пение гимна перед деревом, они идут теперь молча, погруженные в думы о Боге.

[970] Примечания: 970

Это описание голодающих есть подражание Овидию, Превращения, кн. VIII, ст. 803–810:

Волосы встали копром, глаза ввалились, лик бледен,
Губы засохли в грязи, и ржавчиной зубы покрыты,
Кожа тверда и насквозь увидеть внутренность можно;

Под искривленными бедрами кости сухие торчат:
Там, где брюху бы быть, осталось лишь место для брюха,
Грудь, как будто вися, держалась лишь связью спинною.
Вздулись от худобы суставы, вспухли коленей
Чашки, и щиколотки, но в меру припухнув, торчали.

Перевод Фета.

Эризихтон, став кожей лишь одной

От голода, когда он съел все брашно.[971]

28. – Вот, – думал я, – сгубившие святой

Ерусалим, средь страшного разгрома

Где склеван был Марией сын родной![972]

31. Без камней перстни – их глаза! Знакомой[973]

Казалась бы в чертах их буква М

Тем, кто в лице людей читает ОМО.[974]

34. И кто-б поверил, что в народе сем

Дух яблока и плеск воды прозрачной

---

[971] Примечания: 971

«Эризихтон», сын фессалийского царя Триопы, человек крайне безбожный, вырубивший рощу, посвященную Церере, и наказанный ею за это ненасытным голодом, так что, проев все свое состояние и продав свою дочь Местру, стал, наконец, терзать сам себя. Овидий, Превращ., кн. VIII, ст. 740–880. По мнению некоторых, Эризихтон — символ солнца, а Местра — луны.

[972] Примечания: 972

Иосиф Флавий, еврейский историк, описывая ужасы во время осады Иерусалима императором Титом (de Bello Jud. lib. VI, c. 3), говорит, что одна благородная женщина, дочь Елеазара — Мария, доведенная голодом до отчаяния, умертвила собственного сына, изжарила его и съела до половины. Привлеченные запахом мяса, голодные воины не позволили ей съесть другую половину. — «Склеван был», в подлиннике

— die' di becco: Данте сравнивает Марию с хищной птицей. — Эти исхудалые тени походили, по мнению Данте, на голодных евреев в Иерусалиме.

[973] Примечания: 973

Т. е. глазницы их походили на перстни, из которых выпали драгоценные камни, так как глазные яблоки помещались у них в самой глубине глазных впадин.

[974] Примечания: 974

Во времена Данте, в Италии было в общем ходу мнение что человеческое лицо носит в себе отпечаток Слова omo (homo, uomo, человек), а именно: два глаза представляют две буквы O; глазные дуги, скулы и нос букву M, или m, как писали ее в XIV столетии, все же вместе — нечто подобное: m. Эта буква m, естественно, должна быть особенно заметною на лицах исхудалых. Подобное мнение существовало и в Германии; так, францисканский монах Бертольд из Регенсбурга (ум. 1272 г.) доказывал в проповеди своей, что на лице человека написано «Homo Dei».

Рождал томленье? И кто скажет: чем?

37. Еще дивился я толпе той мрачной, [975]

В полнейшем быв неведенье причин

Их худобы и чахлости невзрачной,[976] —

40. Как вот, в меня уставя из глубин

Ям черепа недвижный взор печальный,[977] —

– Откуда милость мне! – вскричал один,[978]

43. Кто б лик его узнал первоначальный?

---

[975] Примечания: 975

«Худобу теней вызывают упомянутые в предшествовавшей песни (стихи 132 и 137) яблоки и поток воды. Причина, почему эти два условия производят такое действие единственно вызываемым ими желанием, так как тени сами по себе не нуждаются в пище, а потому не могут худеть от лишения, — причина эта будет объяснена поэту ниже, в стихе 67 и след. этой песни, почему он и замечает, что находится в полнейшем неведении причины этой худобы». Ноттер.

[976] Примечания: 976

«Чахлости невзрачной», trista squama, грязной чешуйчатости; кожа этих теней совершенно суха и ломка, как бы чешуйчатая: патологически чрезвычайно верная картина.

[977] Примечания: 977

«Сказав, что в глазах было темно и пусто (стих 22), поэт с ужасающей

наглядностью изображает эти глазные впадины, из которых выглядывают в глубине глазные яблоки». Скартаццини.

[978] Примечания: 978

Это говорит Форезе, друг и родственник Данте. Форезе считает за особую к нему милость Божию встречу с своим другом.

Но тотчас я по голосу постиг,[979]

Кого таил тот вид многострадальный.

46. Как будто искра мне зажгла в тот миг[980]

О друге память, и признал я сразу

В немых чертах Форезе добрый лик.[981]

49. – О! не гляди, – молил он, – на проказу,[982]

Покрывшую мне кожу, словно ржа,

Так плоть сожрав, что вид мой страшен глазу!

52. Но, о себе самом мне речь держа,[983]

—

---

[979] Примечания: 979

Голос не изменяется от голода так сильно, как черты лица, почему Данте и узнает его по голосу.

[980] Примечания: 980

«Искра», favilla, в других списках favella; звук голоса этой тени был как бы искрой, воспламенившей во мне всю память об этом изменившемся лице.

[981] Примечания: 981

«Форезе» — один из членов фамилии Донати, брат знаменитого мессера Корсо Донати, главы Черных, и Пиккарды, как это будет видно из стиха 13 следующей песни. Он был другом и свойственником Данте, женившегося, спустя два года по смерти Беатриче, на Джемме из фамилии Донати. О нем вообще мало известно; по-видимому, он не принимал никакого участия в политических делах Флоренции, ведя жизнь

разгульную и веселую, и в молодости своей был большим любителем хорошего стола. Из стихов 76–78 этой песни следует заключить, что Форезе умер в 1295 г., когда еще не существовало во Флоренции партий Белых и Черных, возникших, как известно, в 1300 году.

[982] Примечания: 982

«Проказа», lepra; в подлиннике, собственно, чесотка, короста, asciutta scabbia. — «И вот, автор представляет нам сластолюбивых в виде чесоточных; ибо насколько они во время земной жизни хорошо упитывали свое тело, чтобы сделать его жирнее и глаже, настолько он представляет их теперь, в загробной жизни, истомленными от скорби и сокрушения сердечного; а так как голод делает их бледными и изъявляет тело, то он и говорит: Che mi scolora la pelle, т. е. что короста сделала меня бледным и изменила цвет кожи». Бути. — По словам Ландино, Форезе и в земной жизни имел нечистое лицо, покрытое угрями.

[983] Примечания: 983

«Лишь правдой дорожа», т. е. скажи откровенно причину, почему ты здесь? Из восклицания в стихе 42, из дальнейшего разговора с поэтом (стихи 112–114) видно, что Форезе узнал Данте, а равно и то, что он живой человек.

Кто здесь вожди твои – те души обе,[984]

Мне расскажи, лишь правдой дорожа.

55. – Твой лик, уж мной оплаканный во гробе,[985]

До слез меня еще растрогал раз! —

Сказал я, чуя скорбь в его утробе;

58. Молю ж Творцом, скажи, что сушит вас?[986]

Пока дивлюсь, не жди себе ответа:

Полн дум иных, могу ль начать рассказ?[987]

61. И он в ответ: – Из вечного Совета

Мощь в древо то и в те потоки вод[988]

---

[984] Примечания: 984

Т. е. Виргилий и Стаций.

[985] Примечания: 985

По обычаю у древних плакать над лицом своих усопших родственников и друзей. Форезе был, как мы видели, друг и родственник Данте.

[986] Примечания: 986

«Что сушит вас?» в подлиннике che si vi sfoglia? — что вас так лишает листьев? Поэт сравнивает души с растениями — сравнение, очень часто употребляемое в священном Писании. Души теряют свое тело, как высохшее дерево теряет листья.

[987] Примечания: 987

Т. е. не проси, чтобы я отвечал тебе, пока я нахожусь в таком изумлении, потому что нельзя рассуждать о чем-нибудь, пока голова занята

›››

другою мыслью. Рассказывают, что Демосфен, когда его спросили, как можно хорошо говорить о каком-нибудь предмете? отвечал: «отдайся совершенно тому предмету, о котором ты говоришь, и не устремляй мыслей в другую сторону».

[988] Примечания: 988

Т. е. дерево, описанное в стихе 131 предыдущей песни, и ниспадающий на это дерево со скалы поток (стих 137). В них-то по промыслу Божественному и вложена та сила, которая иссушает эти тени.

Нисходит – и от них в нас чахлость эта.

64. И весь поющий тут в слезах народ,

Грех очищая в жажде, в муках глада, —

Грех сластолюбья, – святость познает.[989]

67. Алкать и жаждать мы должны от взгляда

На яблоки, на блеск потоков тех,[990]

Что льются сверху с шумом водопада.[991]

70. И каждый раз, как наш свершится бег?

Мы к новому стремимся мук условью:

---

[989] Примечания: 989

Поют, подходя к таинственному дереву (примечание к стиху 21), и оплакивая грех сластолюбия, la gola oltra misura: — «Gula non nominat (Григорий) quemlibet appetitum edendi et bibendi, sed inordinatum. Dicitur autem appetitus inordinatus ex eo quod recedit ab ordine rationia, in quo bonum virtutis moralis consistit… In ordinata ciborum concupiscentia spiritualiter hominem coinquinat… Vitium gulae non consistit in substantia cibi, sed in concupiscentia non regulata ratione… Hoc solum pertinet ad gulam quod aliquis propter concupiscentiam cibi delectabilis excedat mensuram in edendo». Фома Акв. Sum.Theol., p. II, 2ae, qu. CXLVIII, art. 1.

[990] Примечания: 990

Яблоко у Данте есть всегда символ высшего блага, на котором успокаивается человек (Ада XVI, 61; Чистилища XXVII, 115–117; XXXII, 73–74).

[991] Примечания: 991

«Делая круговое движение по этому карнизу, души останавливаются с страстным томлением всякий раз, когда достигнут дерева с прекрасными плодами и свежего потока, которых они не могут коснуться ни устами, ни рукою; от прекрасного вида и аромата яблок и свежести вод вдыхается в них тайная сила, вечно зажигающая в них все большее и большее желание пищи и питья, таким образом, мучительно их терзающее и иссушающее. Одно из этих дерев есть отпрыск, взятый от древа познания добра и зла (Чистилища XXII, 131–132 примеч.) Чем более приближается и чем чаще возвращается человек к познанию добра и зла, тем более он совершенствуется в любви своей к благу и в ненависти ко злу. Другое из двух дерев есть, по всей вероятности, как мы сказали уже выше, отпрыск от дерева жизни. Итак, эти души, считавшие когда-то за высшее благо роскошь в пище и попытках, теперь, вместо того, алчут и жаждут плодов познания и воды жизни (Сличи Перец, Sette Cerchi, p. 220). Словом, казнь этих душ напоминает муку Тантала в Тартаре (см. Чистилища примеч. к XXII, 140–141), где он погружен по шею в реку Эридан, воды которой ускользают от его жаждущих уст, тогда как с другой стороны остаются тщетными все его усилия схватить рукою плоды, висящие над его головою». Скартаццини.

Никакой тебе, Тантал,

Век воды не черпнуть, и хоть дерево близко – уходит.

Овидий. Превращ. кн. IV, ст. 457–468, перевод Фета.

Мук – я сказал; сказать бы мне – утех![992]

73. И к дереву спешим мы с той любовью,

С какой Христос шел возопить: «Или!»[993]

Когда Своей Он искупил нас кровью».[994]

76. И я: – Со дня, Форезе, как с земли

Ты перешел в мир лучший – к сим чертогам,

Досель не все еще пять лет прошли.[995]

79. И если там по грешным бресть дорогам

---

[992] Примечания: 992

В подлиннике: Io dico pena, e dovrei dir sollazzo. Души в чистилище переносят свои мучения не только безропотно, но даже жаждут их, находят в них свое утешение, ибо воля в них согласуется теперь с волею Божественною. «И не сим только, но хвалимся и скорбями, зная, что от скорби происходит терпение, от терпения опытность, от опытности надежда, а надежда не постигает, потому что любовь Божия излилась в сердца наши». Посл. к Рим. V, 3–5. — «Videtur quod alia poena sit voluntaria, quia illi qui sunt in purgatorio, rectum habent cor. Sed haec est rectitudo cordis, ut quis voluntatem suam divinae voluntati conformet, ut Augustinus dicit, conc. 1, in psal. 32 a princ. Ergo cura Deus velit eos puniri, ipsi illam poenam voluntarie sustinet. Praeterea, omnis sapiens vult illud sine quo non potest pervenire ad gloriam, nisi prius puniantur. Ergo volunt puniri». Фома Акв. Sum. Theol., p. III. Supplem. Append. qu. II, art 2. — Одна католическая святая называет чистилище самым любезным местом

после рая: «Non credo che si possa trovare contentezza da comparare a quella d' un' anima del Purgatorio, eccetto quella de' santi nel Paradiso». Св. Екатерина Женевская, Trattato del Purgatorio, Cap. II.

[993] Примечания: 993

Души постоянно совершают круговое движение, и каждый раз, как они подходят к одному из двух деревъ в этом кругѣ, усиливается мука очищающихся. Некоторые комментаторы (Бути, Фратичелли, Андри, Филалет и др.) заключают из этого стиха, что в этом кругѣ находится много такихъ деревъ; но поэт ничего об этом не говорит.

[994] Примечания: 994

Т. е. с какой Христос шел на вольную смерть Свою, когда Он в минуту высочайшей скорби произнес: «Или! Или! лама савахфани?» «Боже мой! Боже мой! почто Ты меня оставил?» Матф. XXVII, 46; Марк. XV, 34; Псал. XXII, 1.

[995] Примечания: 995

Данте встретил Форезе в шестом кругѣ чистилища весною 1300 г.; если в это время не прошло еще 5 лет со дня его смерти, то значить он умер в 1295 или 1296 г. (См. примеч. к 48 стиху).

Ты кончил прежде, чем пришла чреда

Благой той скорби, что мирит нас с Богом,[996] —

82. То как проник так скоро ты сюда?

Я мнил тебя там встретить, где годами[997]

Мы платим за греховные года.[998]

85. И он: – Взнесен над прочими кругами

Испить мучений сладкую полынь[999]

Я горькими моей вдовы слезами:

88. Молитвой Неллы, полной благостыни,[1000]

Быв взят с брегов, где души ждут в

---

[996] Примечания: 996

«Благая скорбь» (buon dolor) — сокрушение сердца о содеянных грехах. Грех удаляет человека от Бога, раскаяние приближает. Сластолюбцы — люди, для которых чрево — бог (Посл. к Филип. III, 19; к Римл. XVI, 18), следовательно, — идолопоклонники.

[997] Примечания: 997

«Там», т. е. в преддверии чистилища, между нерадивыми.

[998] Примечания: 998

Форезе, как было вполне известно столь близкому его другу, Данте, откладывал свое обращение к Богу, т. е. покаяние, вплоть до самой смерти и покаялся лишь в последние минуты (по словам Оттимо, сам Данте именно и убедил его к этому покаянию). Поэтому он, собственно, должен был бы находится в преддверии чистилища, где, по словам

Белаквы (Чистилища IV, 130 и примеч.), душа пребывает столько лет, сколько откладывала в жизни покаяние.

[999] Примечания: 999

«Полынь мучений», — муки сами по себе горьки, но по своим последствиям сладостны.

[1000] Примечания: 1000

Нелла, сокращенное от Giovanna, Giovannella, Anella, Nella, жена Форезе Донати, женщина непорочной, честной жизни, всегда удерживавшая от пороков мужа и часто его убеждавшая, хотя и вынужденная ежедневно ему готовить дорогие блюда. Оставшись после мужа еще молодою, она не вышла замуж. Но осталась навсегда вдовою (vedovella, вдовушка, стало быть еще молодая) и молила Бога о сокращении срока пребывания мужа в чистилище. Впрочем, все эти сведения заимствованы комментаторами из слов самого же Данте, так как других более подробных сведений о ней не имеется. Нелла принадлежит к числу тех личностей, имена которых были бы навсегда забыты, если бы ее не обессмертил Данте.

томленье,

Я мук избег всех остальных твердынь.[1001]

91. И тем щедрей Господь в благоволенье

К моей вдовице, радости моей,

Чем реже зрим мы жен в благотворенье.

94. В Барбаджии Сардинской ведь скромней.[1002]

Стыдливее наряд на женском поле,

Чем в той Барбаджье, где мы жили с ней![1003]

97. О, милый брат мой! Что ж сказать

[1001] Примечания: 1001

«Остальных твердынь», т. е. кругов чистилища. «Здесь, впрочем, должно разуметь собственно четвертый круг, где наказывается уныние; там, например, Стаций (Чистилища примем. XXII, 91–93) оставался 400 лет, прежде чем был впущен в круг своего главного греха». Ноттер.

[1002] Примечания: 1002

Барбаджия — гористая местность в Сардинии. Уже Прокопий (de bello Vanti, lib. II, с. 3) говорит, что вандалы отправили значительное число мужчин и женщин в Сардинию и там содержали их в плену. Эти поселенцы овладели впоследствии горой близ Кальяри и вначале тайком, а затем, когда число их возросло до 3,000 душ, совершенно открыто стали производить в окрестностях грабежи. Туземцы прозвали их «барбарицини». В бытность папою Григория Великого (по словам де ла Маннара в его путешествии по Сардинии) некто Госпитр,

которого Григорий в письме своем называет герцогом барбарицинов, обратился в христианство, и примеру его последовало все племя: но тем не менее не тотчас отстало от своих языческих обычаев, на что и жаловался тот же папа в своем послании к Януарию, архиепископу в Сассари. Манни, в своей истории Сардинии, говорит, что имя этого народа сохранилось и до сих пор в трех уездах, именуемых и по сей час Барбаджия. Комментаторы изображают барбарицинов полудиким племенем жившим без истинной религии и не знавшим браков, при чем женщины отличались безнравственностью и, по причине жаркого климата, носили только льняную, совершенно открытую на груди одежду. Бенвенуто да Имола считает их потомками сарацинов из Африки. Во времена Данте безстыдство женщин Барбаджии вошло в поговорку. Филалет. Скартаццини.

[1003] Примечания: 1003

Т. е. Флоренции, второй Барбаджии, превзошедшую настоящую бесстыдством и развращенностью женщин.

мне боле?

Уже в виду передо мною час

(И ждать уже недалеко дотоле),

100. Когда в церквах дадут с кафедр приказ,

Чтоб запретить бесстыжим флорентинкам

Везде ходить с грудями напоказ.

103. Каким дикаркам или сарацинкам[1004]

Закон потребен, светский иль иной,

Чтоб не таскались нагишом по рынкам?[1005]

106. Но если б знал бесстыдниц легкий

[1004] Примечания: 1004

В средние века сарацинами называли безразлично всякий народ, не исповедовавший христианской религии, за исключением евреев.

[1005] Примечания: 1005

Франческо да Бути описывает, как низко флорентинки его времени вырезали себе платье на груди и спине, и к этому прибавляет: «Слава Богу, мода становится теперь несколько приличнее». Вот подлинные слова его: «Al tempo de l'autore le donne fiorentine andavano tanto sgolate e scollate li panni, che mostravano di rieto lo canale de le rene, e d'inanti lo petto e lo fesso del ditello; ma laudato sia lddio che ora portano li collaretti, sicchè sono uscite di quella abominazione». — Также Франко Саккети, Nov. 178, подробно говорит о безнравственности мод его времени. Впрочем, что бы сказали эти простодушные комментаторы средних веков при виде декольте наших женщин! — «Кафедра — возвышенное место,

с которого проповедники возвещают слово Божие народу». Бути. — Замечательно, что известный немецкий переводчик и знаток Данте Август Копиш смешал слово pergamo с pergamena и перевел этот стих так: «Wo man verbieten vird auf Pergamente», — ошибка, повторенная им и в Раю (XXIX, 105) и неисправленная даже и во втором издании перевода. — Здесь разумеются или проповеди вообще против скандалезной одежды женщин, или епископские декреты и канонические эпитимьи. В примечании Оттимо Комменто, сделанном, очевидно, в позднейшее время, говорится, что епископ Аньоло Аччиайоли издал подобный декрет в 1350 г., но, разумеется, слова Данте к этому не относятся.

рой,

Какие рок им приготовит шутки, —

Давно б они подняли страшный вой.[1006]

109. И скорбь придет – коль мы предвидеть чутки,

Скорей, чем пух покроет щеки тем,

Кому на сон поют там прибаутки.[1007]

112. Но, брат, не будь к моленьям доле нем:

Не я один, но вот – все наше племя

Глядит туда, где свет погас совсем.[1008]

[1006] Примечания: 1006

Здесь Данте, по-видимому, намекает в особенности на поражение флорентинцев пизанцами под предводительством Угуччьоне делла Фаджинола при Монтекатини, 29-го августа 1315 г., в котором пало много знатных людей почти из всех известных фамилий Флоренции и множество знатных граждан». Виллани, lib. IX, cap. 72. — Если Данте действительно намекает на это сражение, то стихи эти, очевидно, написаны после 1315 г.

[1007] Примечания: 1007

В подлиннике: Colui che mo si consola con nanna. Nanna — баю-баюшки-баю. Оттимо приводить слова этой колыбельной песни: Nana, nana fante che la mamma é ita nell' alpe. Таким образом смысл стиха следующий: они раскаются прежде, чем новорожденные теперь мальчишки станут юношами. — «Там», т. е. на земле.

[1008] Примечания: 1008

Т. е. на тень, которую ты бросаешь от себя на солнце (Чистилища III, 17 и примечание к 9).

115. И я ему: – припоминая время,

Чем я тебе, чем ты мне был, – в груди[1009]

Ты мук своих лишь тем умножишь бремя.

118. Из жизни той вот тем, что впереди,

Я выведен, когда вам круглолицей

Являлась здесь сестра того – гляди...[1010]

121. (Он солнце указал). Меня темницей[1011]

Средь истинных провел он мертвецов[1012]

[1009] Примечания: 1009

В подлиннике: Qual fosti meco, e quale io teco fui — чем ты был для меня, и чем я для тебя. По-видимому, Данте и Форезе в молодости оба равно предавались удовольствиям стола, и потому поэт порицает за это не только Форезе, но и самого себя.

[1010] Примечания: 1010

Т. е. из этой греховной жизни, о которой вспоминать тяжело нам обоим, вывел меня (в подлиннике «на днях»: l'altr' ier) идущий впереди Виргилий в то время, когда сестра солнца, т. е. луна, находилась в полнолунии (Ада XX, 127: e gia iernotte fu la luna tonda).

[1011] Примечания: 1011

«Темницей» (в подлиннике: per la profonda Notte), т. е. через ад.

[1012] Примечания: 1012

«Истинных мертвецов», т. е. осужденных в аду, утративших не только

жизнь телесную, временную, но и вечную, и ставших добычей второй смерти (Ада I, 117).

С сей плотью истинной, грехов должницей.

124. Исшел оттуда, он мне был покров,[1013]

Всходя, кружась здесь по горе, что правит

Вас, сгорбленных в том мире от грехов.[1014]

127. Но в сем пути меня он лишь направит

До Беатриче, где, как мне сказал,[1015]

Расстанется и с ней меня оставит.

130. Виргилий то – мой вождь (и указал

Я на него). А эта тень другая —

Тот, для кого все царство ваших скал

133. Днесь потряслось, родив его для

[1013] Примечания: 1013

«Оттуда», т. е. из ада.

[1014] Примечания: 1014

«Править вас сгорбленных в том мире от грехов», в подлиннике: Che drizza voi che il monde fece torti.

[1015] Примечания: 1015

До Беатриче — т. е. до земного рая.

рая.[1016]

[1016] Примечания: 1016

Замечательно, что Данте, будучи спрошен Форезе, кто его вожди, называет одного только Виргилия, имя же Стация скрывает, может быт потому, что имя последнего мало интересовало Форезе. Для него важнее знать, что это именно та самая тень, для которой потряслось все чистилище.

Песнь двадцать четвертая

Шестой круг: чревоугодники. – Форезе Донати. – Пиккарда. – Бонаджиюнта Урбачьяни. – Папа Мартин IV, – Убальдин делла Пила. – Бонифацио. – Мессер Маркезе. – Джентукка. – Корсо Донати. – Второе мистическое дерево. – Примеры неумеренности. – Ангел воздержания.

1. Беседа наша не мешала ходу,
Ни ход беседе; быстро на обрыв[1017]
Мы шли, как челн в хорошую погоду.

4. И, взор в меня из впадин глаз вперив,
Сонм мертвецов, умерших как бы сно-

[1017] Примечания: 1017

Наше восхождение по лестнице не мешало разговору, и наоборот. Этому стиху подражал Ариосто, Orl. Fur, c. XXXI, st. 34:

Non, per andar, di ragionar lasciando,
Non di seguir, per ragionar, lor via.

ва,[1018]

Дивился мне, приметя, что я жив.

7. И я сказал, не прерывая слова:[1019]

– Она, быть может, тише, чем должна,[1020]

Стремится вверх, в угоду для другого.

10. Но что Пиккарда? где теперь она?[1021]

И чье, скажи, здесь имя всех отличней

В густой толпе, что мной так смущена?[1022]

13. – Сестра – не знаю, что мне в ней приличней[1023]

Хвалить: красу иль кротость – на свя-

[1018] Примечания: 1018

«Умерших как бы снова» (в подлиннике: cose rimorte), т. е. «мертвецов, имеющих как бы призрак мертвых тел, вследствие неимоверной худобы от голода и жажды». Бенвенуто Рамбалди. — «Осенние деревья, дважды умершие». Посл. Иуды, I, 12.

> *Люди железные, заживо зревшие область Аида,*
>
> *Дважды узнавшие смерть, всем доступную только однажды.*

Жуков. Одис. XII, 21–22.

[1019] Примечания: 1019

Данте продолжает прерванную в предыдущей песни речь, говоря о Стации, которого он не поименовал.

[1020] Примечания: 1020

«Она», т. е. тень Стация, стремится к небу, может быть, медленнее, чем следовало бы, но она желает сделать угодное другому моему вожатому, т. е. Виргилию.

[1021] Примечания: 1021

«Пиккарда — дочь Симона Донати, сестра мессера Корсо и Форезе. Сделавшись монахиней ордена св. Клары, она была насильно уведена из монастыря братом своим Корсо Донати и против воли выдана замуж за Розеллино делла Тозе. О ней подробнее будет сказано Рая III, 42». Скартаццини.

[1022] Примечания: 1022

«Смущена» удивлением, видя меня живого среди мертвых.

[1023] Примечания: 1023

В подлиннике:

La mia sorella, cho tra bella e buona,

Non so qual fosse piú…

Стих, заимствованный Петраркой, о Лауре:

Tra bella e onesta

Non so qual fosse piú.

том

Олимпе днесь в обители Владычней.[1024]

16. Так он сперва сказал мне, а потом:

– Дать имена здесь можно всем скитальцам,

Так образ наш здесь искажен постом![1025]

19. Вот этот дух – и указал он пальцем —

Бонаджиюнт из Лукки. Вон, смотри,[1026]

Вот тот, что смотрит больше всех страдальцем,[1027]

[1024] Примечания: 1024

Олимп (nell' altro Olimpo) — эмпирей неба. Олимп от греческого ὅλος и Λάμπω — весь блестящий.

[1025] Примечания: 1025

В этом круге можно назвать каждую тень по имени; никто этим не оскорбится (Сличи Ада XXXII, 85-123 и примеч. к 94–96), потому что все мы так обезображены голодом, что никого из нас нельзя узнать по наружному виду (Чистилища XXIII, 43 и примеч.).

[1026] Примечания: 1026

«Бонаджиюнт из Лукки». Бонаджиюнти дельи Орбиччиани или Урбичмиани, по профессии нотариус, был, по общему отзыву всех комментаторов, поэт, а по словам Бенвенуто да Имола, — нотариус в Лукке. Данте упоминает о нем в своей De vulg. Eloq., как о поэте, писавшем на простонародном наречии своего города, которое он

возвысил до более чистого языка, названного им языком Volgare curiale или illustre (lib. I, C. XIII). По-видимому, он был лично знаком с Данте и обменивался с ним письмами и сонетами; впрочем, в сборнике стихотворений Данте этих сонетов не находится. Он процветал около 1250 г. Бенвенуто Рамбалди говорит о нем: «Luculentus orator in lingua materna, et facilis inventor rhythmorum, sed facilior vinorum, qui noverat auctorem in vita, et aliquando scripserat sibi».

[1027] Примечания: 1027

Т. е. всех более изнурен голодом и, следовательно, всех более был предан греху сластолюбия.

22. Держал святую церковь на земли.[1028]

Из Тура он, и здесь постится в горе
За вас, в вине больсенские угри.[1029]

25. Он указал мне и других в том сборе,
Чем были все довольны; ни один[1030]
Не выказал угрюмости во взоре.

28. Здесь скрежетал голодный Убальдин[1031]
С тем Бонифацием, что пас однажды[1032]
Жезлом духовным множество общин.

31. Здесь был мессер Маркезе, что день каждый

[1028] Примечания: 1028

Т. е. был папой. Данте называет церковь прекрасной женой (Ада XIX, 57 и примечание), а папу — мужем церкви. Здесь разумеется папа Мартин IV, наследник того Николая III Орсини, который помещен поэтом в аду между симонистами (Ада XIX, 46 и 74). — «Мартин был избран папой 8-го марта 1281 г. и умер 5-го апреля 1285 г. До своего избрания он назывался Симоном, из фамилии Брие в Шампаньи, и был пребендарием в Туре во Франции. Папа Урбан IV возвел его в кардиналы. Непосредственный предшественник Мартина, папа Николай III, не благоприятствовал французской партии в Италии. По смерти его Карл Анжуйский поспешил прибыть в Витербо, где в то время собрался конклав, чтобы упрочить успех выбора в благоприятном для него смысле, и наконец, при его помощи, был избран Симон под именем Мартина IV. В течение своего папствования он постоянно

благоприятствовал французской партии; так, в делах сицилийских он всегда держал сторону дома Анжуйского; также и во всех других случаях он был постоянным противником партии Орсини. В частной жизни, за исключением порока, приписываемого ему Данте, он отличался вообще чистотой нравов. — Виллани (lib. Ии, с.58) говорит о нем: «Di vile nazione, ma molto fu magnanimo e di grande cuore ne' fatti della Chiesa, ma per sè proprio e per suoi parenti nulla cuvidigia ebbe». — По смерти он был почитаем едва не за святого; на могиле его, по уверению современников, происходили чудеса (Muratori Script. Rer. Ital. Voi. Ili, p. 1)». Филалет.

[1029] Примечания: 1029

Больсена, озеро в провинции Витербо в Папской области, богатое рыбой, из которой особенно славились во времена Данте жирные угри. Фра Пипино, современник Данте, рассказывает, что папа Мартин очень любил угрей, которых он «топил» в вине (vernaccia, из особой породы винограда с Генуэзских гор), почему по смерти папы были сочинены насмешливые стихи:

Gaudent anguillae, qui mortuus hic jacet ille
Qui quasi morte reas excoriabat eas.

Он же повествует, что в одном сочинении, под заглавием «Incipit initium malorum», папа Мартин изображен в первосвященническом облачении с угрями подле него. Вообще все комментаторы единогласно утверждают, что папа очень любил хороший стол и вино. Сличи у Филалета.

[1030] Примечания: 1030

«Довольно». По мнению некоторых комментаторов, души здесь довольны своей славой; но едва ли это справедливо. Души в аду действительно

гордятся своей славой; но души в чистилище считают славу мира сего за дыхание ветра (Чистилища XI, 99 и примеч.). Они, напротив, желают, чтобы живущие на земле молились о них. Поэтому надобно полагать, что души здесь довольны тем, что их называют по именам, в надежде, что Данте когда-нибудь помолится о них, или напомнит о них их сродникам. По итальянскому тексту, здесь, следовательно, под выражением «довольны» надобно понимать, что они не были огорчены. Скартаццини.

[1031] Примечания: 1031

В подлиннике: Vidi per fame a vóto usar li denti, подражание Овидию, Превращ, VIII, 826–829.

Он яств все искал в видениях сонных:
Движет напрасно он ртом и трет лишь зубы зубами;
Горло, в обман приводя, томит небывалою пищей:
И за место всех яств глотает лишь воздух текучий.

Перевод Фета.

«Убальдин» из древней фамилии дельи Убальдини, брат кардинала Оттовиано Убальдини, помещенного Данте в шестом круге ада (Ада X, 120 и примеч.) Он носил прозвище делла Пила от замка Пила в Мугело. Вместе с тем он был братом того Уголини д'Аццо, который выведен Данте к чистилища XIV, 105, и отцом архиепископа Руджьери, врага графа Уголино (Ада XXXIII, 14). Он любил хорошо покушать, Ландини пишет о нем: «fu molto goloso, e pecco molto in volerne in quantità ultra misura. Elli chiamava un suo castaido, e dicea: Che fa'tu fare da dessinare? E gli dicea; tale e tale cosa; e dicea di tre o quattro imbandigioni. Ed elli sempre dicea: or fa anche di tale, e aggiungeali tre, overo quattro vivando. — Убальдини принадлежали к гибеллинской партии. Один брат помещен в ад, как эпикуреец, другой в чистилище, как лакомка.

[1032] Примечания: 1032

Бонифаций, по общему мнению комментаторов, архиепископ Равеннский; как кажется, он происходил из фамилии Фиески в Генуе и был племянником папы Иннокентия IV. Относительно его сластолюбия ничего положительно неизвестно; напротив, он был известен, как хороший проповедник и благодетель бедных, которым он открывал свои житницы во времена голода. Эпархия Равенского архиепископа простиралась до города Пармы, почему и сказано, что он пас своим жезлом множество духовных общин.

Был пьян в Форли; но так неутолим

Был жар его; что все страдал от жажды.[1033]

34. Но как, глядя на многих, лишь к одним

Мы сердцем льнем, – так я к певцу из Лукки[1034]

Льнул, быв ему знакомей, чем другим.

37. Он мне шептал, и там, где Божьей муки

Терпел он скорбь, чтоб телом изнывать,[1035]

Мне имя слышалось как бы Джентукки.[1036]

[1033] Примечания: 1033

Мессер Маркезе — личность неизвестная. По Боккаччио, он происходил из фамилии Орделаффи, по Пиетро ди Данте, — из фамилии Аргольози из Форли (Ада XXVII, 45 и II Приложение, 309 стран. — Политическое состояние городов Романьи в 1274–1302 гг.). — Вентури рассказывает, без указания на источник, следующий анекдот о Маркезе: когда слуга его заметил ему однажды, что в городе про него говорят, будто он ничего иного не делает, как только пьет, — он отвечал: скажи им, что у меня всегда жажда.

[1034] Примечания: 1034

Т. е. к Бонаджионту, с которым, как мы видели (стих 20 и примеч.), Данте был знаком при жизни.

[1035] Примечания: 1035

Т. е. в полости рта, где он всего более ощущал терзание от голода, вслед-

ствие которого тело его изнывало, как бы таяло (в подлиннике: pilucca — piluccate, обрывать ягоды одну за другой на виноградной грозди).

[1036] Примечания: 1036

Джентукка — одно из самых темных и потому спорных мест во всей Божественной Комедии. Большинство комментаторов принимают это слово за имя собственное и видят в нем имя одной дамы, которую Данте знавал и, любил во время своего пребывания в Лукке в изгнании. Франческо ди Бути говорит, что Данте, будучи в Лукке, воспылал любовью ad una gentil donna chiamata madonna Gentucca, che era di Rossimpelo, per la virtù grande et onesta che era in lei, non per altro amore». — Другие, на основании того, что Джентукка, как имя собственное, вовсе неизвестно, принимают это слово за имя нарицательное, за gentuccia — чернь и притом одни — за поэтов луккских, предшествовавших Данте, другие — за партию Белых, состоявшую более из простого народа, которую сам Данте называет партией Лесною (Ада VI, 65). Но теперь доказано, что Джентукка, как имя женское, существовало в Лукке во времена Данте, известны даже, по крайней мере, две Джентукки, из них одна была жена Бернардо Морла дельи Антелминелли Аллюциньи (Тройа, Veltro di Dante, p. 142). Во всяком случае, существовавшая здесь любовь Данте к этой особе чистого, платонического характера, вроде любви трубадуров; ибо Данте едва ли бы здесь сделал сознание другого рода, не осудив себя при этом. Филалет. Скартаццини. Dante Aligh. Biel 1869, pag. 40.

40. И я: – О дух! коль хочешь ты начать

Со мною речь, то пусть язык твой бросит

Шептать слова, чтоб мог я их понять.[1037]

43. И он: – Есть дева и еще не носит

Повязки жен! полюбишь за нее[1038]

Ты город мой, хоть всяк его поносит.[1039]

46. В нем вспомнишь ты пророчество мое;

А коль уста мои темно шептали,

То все поймешь, увидевши ее.

49. Но объясни: я вижу не творца

[1037] Примечания: 1037

Данте замечает, что Бонаджионта хочет заговорить с ним.

[1038] Примечания: 1038

Тут комментаторы опять несогласные между собой, кого разумеет здесь Данте. Одни называют Аладжию, племянницу папы Адриана V (Чистилища XIX, 142 и примеч.); другие — некую донну Парголетту; но, очевидно, тут разумеется не кто иной, как та же Джентукка, имя которой шептали губы Бонаджионты. — «Повязка жен»: только замужние и вдовы носили на голове повязки или покрывала, как у нас чепчики.

[1039] Примечания: 1039

«Город мой», т. е. Лукку, которую столь многие, а в числе их и ты, так сильно порицают за ее пороки. — «Quasi diceret: quocumque modo ipsa civitas redarguatur de suis vitiis, ipsa tamen tibi placebit propter istam

dominami. Postillatore Cassinese. — Данте порицает Лукку, сказав, что все ее жители взяточники (Ада XXI, 41 и примеч.).

ли[1040]

Новейших рифм? не ты ли пел: – Спрошу,[1041]

О донны, вас, что жар любви познали![1042]

52. И я ему: – Я тот, что лишь пишу

По вдохновенью страсти, и что скажет

Душе любовь, то в стих я заношу.[1043]

55. И он: – О брат! вот узел, что так вяжет

Нотария, Гвиттона и меня;

Вот то, что нежным новый стиль нам кажет.[1044]

[1040] Примечания: 1040

Из всего, что говорил выше Бонаджионта, видно, что он узнал Данте, и потому совершенно верно толкует это место Postillatore Cassinese: — «Petit Dantem de Dante, quia laudare praesentem est species adulationis», В ответ Бонаджионту Данте не называет себя по имени, но объясняет лишь причину, почему он пишет именно так свои стихи.

[1041] Примечания: 1041

«Новейших рифм» (le nuove rime), т. е. новый род поэзии, новейший поэтический стиль, стоящий несравненно выше, чем стиль всех предшествовавших ему поэтов.

[1042] Примечания: 1042

В подлиннике: Donne ch'avete intelletto d'Amore, — первый стих одной из канцон в его Vita Nuova, о происхождении которой поэт рассказывает следующее (§ 19): «Avenne poi che passando per un cammino, lungo il quale

correva un rio molto chiaro d' onde, giunse a me tanta volonta di dire, che cominciai a pensare il modo eh' io tenessi; e pensai che parlare di lei non si convenia se non che io parlassi a donne in seconda persona; e non ad ogni donna, ma solamente a coloro che sono gentili, e non sono pure femmine. Allora dico che la mia lingua parlo quasi come per sè stessa mossa, e disse: Donne eh' avete intelletto d'amore. Queste parole io riposi nella mente con glande letizia, pensando di prenderle per mio cominciamento». Очевидно, Данте считает эту канцону в честь Беатриче за одну из лучших.

[1043] Примечания: 1043

В подлиннике:

Io mi son un che, quando
Amore spira, noto.

Прекрасное изображение сущности поэтического искусства! В этой терцине заключается вся ars poetica. Два условия: замечать, удерживать в уме вдохновение любви, затем — облекать во внешность, т. е. в слово, то, что внутри, т. е. в сердце, диктует любовь. — «Amore è uno dittatore, et io sono suo scrivano». Anonimo Fiorentino. — Также в Vita Nuova, § 9: «La mia lingua parlò quasi per sè stessa mossa».

[1044] Примечания: 1044

Т. е. теперь я вижу, что отсутствие чувства и вдохновения лишают нежности стиль Нотария, Гвиттоне и мой собственный. «Нотарий — это Якопо да Лентини из Сицилии, прозванный по своей профессии (нотариус), процветавший в последние годы царствования Фридриха II. По мнению Кресчимбени, как поэт, Нотарий стоит ниже Гвиттона». Филалет. — Данте приводить в De Vulg. Eloquen. lib. I, c. 12, одну его канцону, начинающуюся словами: «Madonna, dir vi voglio». Он писал около 1250 г. — Гвиттоне процветал после 1250 г. Он родился в благородной фамилии в Санта Фирмина (или Формена), в замке в двух милях от Ареццо. Его часто называют Фра Гвиттоне, как принадлежавшего к

ордену Веселых. Вначале он вел разгульную жизнь, потом женился на аретинке, прижил с ней трех детей и затем надел рясу Св. Марии, т. е. Веселой братии, и с этого времени начал проповедовать против развращения века, а также против злоупотреблений синьории, угнетавшей его родину. Сделавшись «оратором» Флорентинской республики, он старался и делом и своими сочинениями прекратить в стране раздоры партий. Но, лишенный дома и имущества, он покинул родину и умер во Флоренции в 1294 г., положив основание монастырю дельи Анджиоли. В свое время Гвиттоне был человек ученый, оратор и поэт, писал любовные стихотворения, но в стиле холодном, деланном. Данте в своей De Vulg. Eloquen. lib. I, c. 13, говорит, что он «nunquam se ad curiale vulgare direxit». Впрочем, современники высоко ценили Гвиттоне. Петрарка (Trionfo d' Amore, c. IV, p. 31) ставить его рядом с Цино из Пистойи и самим Данте. Еще раз Данте говорит о Гвиттоне в Чистилища XXVI, 134.

58. Перо у вас, лишь истину ценя,[1045]
Покорствует одной любви внушеньям;
Но мы бежали от ее огня.

61. А кто идет не этим направленьем,
Не видит тот прекрасного границ.[1046] —
И он замолк с заметным наслажденьем.[1047]

64. Как на зимовье к Нилу, стаи птиц[1048]
Сперва сбираются в большое стадо,
Потом несутся в виде верениц. —

67. Так бывшие со мною Божьи чада,

[1045] Примечания: 1045

«У вас», — относится или к одному Данте и из вежливости употреблено во множественном числе, или вообще к новейшим поэтам; в последнем случае надобно разуметь Данте, Гвидо Кавалмсанти, и Цино из Пистойи.

[1046] Примечания: 1046

В подлиннике: «Non vede più dall' uno all' altro stilo», тот не видит разницы в двух стилях. — «Я разумею это место так: истинный поэт следует порыву энтузиазма; он пишет то, что ему подсказывает сердце. Мы же, следуя примеру провансальцев, гонялись лишь за искусственными оборотами и натяжками мысли и, таким образом, как бы перешагнули за пределы цели. Кто поступает так, тот не знает, чем отличается плоский, грубый стиль от естественного, благородного; он впадает всегда в крайность. Замечательно, что во всей итальянской литературе проведен этот двойственный стиль, один вид которого достиг полной

своей красоты у Петрарки, Ариосто и Тассо, другой — у Боккаччио, оба же вместе являются как бы совмещенными в возвышенном и вместе с тем вполне народном стиле Данте, совершенно уместном в его Божественной Комедии». Филалет. — «Кто познакомился несколько ближе с искусственностью в мыслях и форме, в которой сицилийские и итальянские поэты до Данте старались не только сравняться, но и превзойти провансальцев, — тот согласится, как метко противопоставляет Бонаджиюнта столь неудовлетворяющим стремлениям простой способ выражения чувства в лирических стихотворениях Данте». К. Витте. — «В этом месте своей поэмы Данте высказывает столько же верно, сколько и прекрасно самое первое и общее основание эстетики, равно и признак истинного поэтического призвания. Здесь (стих 54) говорится не только о той любви, которою одушевляется поэт в своих любовных стихотворениях, но и о той общей, возвышенной любви и о том одушевлении, из которых вытекает всякое создание искусства, ибо только в этой любви и есть истина. Что поэты времени Данте искали и не находили себе славы на совершенно ином пути и что Данте обращением своим к природе стал этим самым изобретателем нового стиля, — это как нельзя лучше явствует из этого места». Штрекфусс.

[1047] Примечания: 1047

Души в чистилище не имеют в себе и тени зависти, потому Бонаджионта не только не высказывает никакого неудовольствия тому, кто превзошел его в поэтическом искусстве, но даже признает с некоторым наслаждением превосходство своего победителя.

[1048] Примечания: 1048

Подобное же сравнение Ада V, 47; Рая XVIII, 73–75.

Вдруг повернув, пустились снова в путь,[1049]

Став легкими по воле и от глада.[1050]

70. И как иной, бежать измучен в круть,

Со спутниками шествует не кряду,

А сзади, чтоб дать легким отдохнуть, —

73. Так, дав пройти тому святому стаду,

Со мной Форезе Содди шел и рек:

– Когда ж узрю тебя, мою отраду?[1051]

76. И я: – Не знаю, краток ли мой век;

Но, как бы ни был краток он, – а все же

[1049] Примечания: 1049

Т. е. направо, как шли сначала; удивленные видом поэта (стихи 4–6), они несколько замедлили свой шаг.

[1050] Примечания: 1050

«По воле», т. е. от желания претерпевать муку для своего очищения. 73. «Святому стаду», т. е. толпе очищающихся.

[1051] Примечания: 1051

«Данте уже сознал себя грешным в гордости и отчасти в зависти (Чистилища XIII, 133–135); здесь он сознается в сластолюбии (чревоугодии), почему Форезе ожидает встретиться с ним снова в этом кругу вследствие того образа жизни, о котором упомянуто в предыдущей песни» (ст. 115 и примеч.). Скартаццини.

Еще
б скорей я к вам бежал на брег![1052]

79. Затем что град, где жребий дал мне ложе,[1053]

Что день, то больше гасит правды свет,

И обречен Тобой на гибель, Боже!

82. И дух: – Утешься! злой виновник бед

Уж на хвосте коня стремглав влечется

К долине той, где отпущенья нет.[1054]

85. И с каждым скоком все быстрей несется

Свирепый зверь, чтоб свергнуть в адский дол[1055]

[1052] Примечания: 1052

«Брег», т. е. берег острова, на котором стоит гора Чистилища.

[1053] Примечания: 1053

«Град», т. е. Флоренция, где, как природный флорентинец, Данте надеялся жить и умереть. Пороки города так велики, что преждевременную смерть поэт почел бы за особенную милость Божию.

[1054] Примечания: 1054

«Долина» — valle d'abisso Dolorosa (Ада IV, 7–8; Рая XVII, 137), т. е. ад.

[1055] Примечания: 1055

«Свирепый зверь», т. е. конь. По мнению Бути, аллегорически тут разумеется демон.

Того, чей труп бесславно там прострется.

88. Круг этих сфер (и вверх он взор возвел)[1056]

Не весь свершится, как поймешь (коль зорок!)

Все, что сказать возможным я не счел.[1057]

91. Прощай! В сем царстве каждый миг нам дорог;

Идя ж с тобой, я слишком отстаю,

И должно мне бежать без отговорок.

94. Как конь выносит во всю прыть свою

[1056] Примечания: 1056

Т. е. пророчество мое исполнится вскоре. Фореезе говорит эти слова весною 1300 г. (год замогильного странствования Данте), Донати же погиб в 1308 г. — Форезе не досказывает своей мысли или потому, что, как видно из следующих стихов, должен торопиться, или потому, что ему самому страшно входить в дальнейшие подробности касательно жестокой судьбы своего брата.

[1057] Примечания: 1057

Все комментаторы единогласно разумеют здесь не кого иного, как известного мессера Корсо Донати, главу Черных и брата Форезе. Ни о ком нельзя сказать с большим правом, как о нем, что он был первым виновником несчастия для Флоренции, ибо, сколько бы ни звучала в таком приговоре ненависть партии, во всяком случае вполне достоверно, что он был крайне беспокойным гражданином и главным виновником из-

гнания партии Белых. Виллани передает рассказ о трагической смерти Донати в следующих чертах, существенно различных от соответствующего места у Данте. Вскоре по изгнании партии Белых возникли новые недоразумения между членами победившей партии; эти недоразумения достигли крайней степени вслед за отъездом из города кардинала Николая Ирато, приезжавшего во Флоренцию в качестве миротворца. Мессер Донати и дворянские фамилии увидели себя исключенными от всех должностей партией так называемых разбогатевших граждан, во главе которых стояли Россо делла Тоза, Джери Спини, Пацино де Пацци и Бетто Брунелески. Донати быль поэтому вынужден примкнуть к дворянской партии, к которой присоединились и семейства граждан Бордени и Медичи (впервые здесь встречающееся имя), и при том, по мнению одних, с целью восстановления порядка в городе, по мнению же других, — для того, чтобы завладеть властью над городом. Помимо того, образ его мыслей, как гвельфа и Черного, стал подозрителен вследствие его связи с предводителем гибеллиновь Угуччионе делла Фаджиола, за которого он выдал замуж свою дочь. Флорентинские гвельфы решились предупредить его истинные и мнимые замыслы. Главы этой партии принесли на него жалобу подесте города Пьеро делла Бранка из Агобио, который вызвал его в суд и, так как Домати не явился, объявил его бунтовщиком и изменником перед общиной. Мессер Корсо запер цепями целую часть города Борго ди С.-Пиетри Маджиоре и решился защищаться в ней до последней крайности против народа и каталонских солдат короля неаполитанского. Может быть, он надеялся на поддержку своей партии, а может быть, — на помощь со стороны Угуччионе делла Фаджиола, как думает Виллани. Это случилось 15-го сентября 1308 г. В городе поднялось восстание. Власти, солдаты, вооруженный народ целый день защищался он, тщетно надеясь на прибытие помощи. Под вечер народ прорвал цепи и, когда врывался в сад, Корсо, жестоко страдавший подагрой, успел уже ускакать один вдоль Арно до виллы Ровенцано, где его нагнали каталонские всадники и повели пленником в город. Достигнув под их

стражей аббатства С.-Сальви (много посещаемого путешественниками ради «Тайной вечери» Андреа дель Сарто), он попытался подкупить солдат; но так как они не соглашались ни на какие условия, то он умышленно свалился с лошади, при чем один из каталонцев проткнул его шею копьем. Ни Виллани, ни Дино Компаньи (сомнительный авторитет) не говорят ни слова о том, чтобы его волочила лошадь; напротив, они говорят, что он умер на руках монахов в вышеупомянутом монастыре. Впрочем, Бенвенуто да Имола старается примирить слова поэта с историками, говоря, что Корсо запутался ногой в стремени при падении и в таком виде волочился лошадью, а затем его убили солдаты. Оба историка изображают его красивым собой, храбрым, красноречивым, весьма обходительным, но вместе с тем гордым, любившим, чтобы его называли «бароном», так что народ, встречая его, кричал обыкновенно: «да здравствует барон». Дино Компаньи в Muratori Script, Rer. ItaL Voi. IX, p. 198; 521-523: Виллани, lib. VIII, Cap. 46, по цитатам Филалета и Скартаццини.

Наездника из скачущего строя,

Чтоб честь ему дать первым быть в бою,[1058] —

97. Так с нами он расстался, бег удвоя,

И я в пути остался подле двух.

Прославивших весь мир, как два героя.[1059]

100. Когда ж от нас бежал настолько дух,

Что мог следить за ним я лишь глазами.

Как речь его пред тем следил мой слух,[1060] —

103. Вдруг вижу я: стоит, полна пло-

[1058] Примечания: 1058

Превосходное изображение битвы времен Данте; так и видишь перед собою наездников при кавалерийской схватке под Кампальдино, где участвовал сам Данте. Филалет.

[1059] Примечания: 1059

«Два героя», в подлиннике: maliscalchi, т. е. маршалы. Слово «маршал» обозначало сперва шталмейстера; во времена Данте оно получило значение важного придворного и военного сановника; при дворе такие сановники играли роль церемониймейстеров, на войне — они первые схватывались с неприятелем; потому маршалами — героями Данте называет Виргилия и Стация, как знаменитых поэтов и мудрецов в ученом мире.

[1060] Примечания: 1060

Т. е. как вначале, следя слухом за его речами, и не понимал вполне их значение. Ст. 101 есть подражание Виргилию, Aen. VI, 200:

Quantum acne possent oculi servare sequentem.

дами.

Другая яблонь – подле, ибо к ней

Глаза мои тут повернулись сами.[1061]

106. Поднявши руки, множество теней,[1062]

Прося о чем-то, к дереву взывает:

Так молит рой несмысленных детей;

109. Но тот, кого толпа их умоляет.

Молчит, держа высоко цель их грез,

И этим их лишь пуще разжигает.

112. Потом, в слезах, собранье разошлось,

И подошли к громадному мы древу,

Отвергшему так много просьб и слёз.

115. – Идите дальше! Древо то, что

[1061] Примечания: 1061

Занятый разговором с Форезе и следя потом за его бегом, Данте не мог приметить этого дерева, к которому теперь подошли поэты. Это то самое дерево, о котором говорится в Чистилища XXII, 131 и XXIII, 68. Одно дерево при входе, другое при выходе из этого круга.

[1062] Примечания: 1062

По мнению Ноттера, это не что иное, как видение; ибо если бы это были действительно души, то они, как алчущие плодов, не стали бы с непослушанием тянуться к ним, но, как очищающиеся (Чистилища XXIII, 73), смиренно покорились бы воле Божьей.

Еву[1063]

Прельстило, – выше к небу поднято,[1064]

А здесь его лишь отпрыск. – Так напеву[1065]

118. Внимали мы, не зная, пел нам кто

В листве, и у скалы мы шли все трое?

Виргилий, я и Стаций, слыша то.[1066]

121. – Припомните, – рек голос, – проклятое

Исчадье туч, что с грудью нелюдской

Вступило в спор с Тезеем в пьяном строе,[1067]

124. И тех евреев, коих не взял в бой

[1063] Примечания: 1063

Как из первого дерева, так и из этого слышатся голоса, призывающие к воздержанию. Оба голоса согласуются между собою, но последний напоминает запрещение, данное Богом прародителям: «А от древа познания добра и зла не ешь от него». Бытия II, 17.

[1064] Примечания: 1064

Т. е. древо познания добра и зла; оно помещено на вершине горы Чистилища, в земном раю. «Здесь представлен первый пример невоздержания. Первое дерево возвещало о воздержании Марии (Чистилища XXII, 142), второе — о невоздержании Евы. Как св. отцы любили противопоставлять Марию Еве, именно матерь плода жизни, матери, от которой возник плод смерти, т. е. грех, так противопоставляет их здесь и Данте». Скартаццини.

[1065] Примечания: 1065

«Эти два дерева, долженствующие приучить кающихся к послушанию и воздержанию, представляют некоторым образом разветвления древа познания добра и зла». К. Витте.

118. Вероятно, это голос ангела, охраняющего это дерево (сличи Чистилища XXII, 110 и примеч.).

[1066] Примечания: 1066

Они идут, прижавшись друг к другу, так как дерево и окружающая карниз скала суживают дорогу.

[1067] Примечания: 1067

«С грудью не людской», в подлиннике с двойною грудью, coi doppi petti, т. е. наполовину человеческой, наполовину лошадиной. Здесь разумеются кентавры, дети Иксиона, царя лапитов, и Нефелы (Облака). Иксион желал совокупиться с Юноною; узнав об этом, Зевс представил ему облако в образе Юноны. От этого облака родились чудовища, кентавры, полулюди, полукони. Приглашенные лапитами на брак Перитоя и Гипподамии, кентавры перепились и хотели похитить невесту и других женщин, но были убиты Тезеем, Перитоемь и Геркулесом (Овидия, Превращ. XII, 226–231) (См. Ада XII, 56 и прим.). Здесь они приводятся, как пример наказанного невоздержания.

С собою Гедеон на мадиамлян

За то, что так рвались на водопой.[1068]

127. Так краем, им же сей карниз обрамлен,[1069]

Мы шли, внимая повестям о том,

Как сластолюбцев грех бывал посрамлен.[1070]

130. На путь пустынный выступя потом,[1071]

Мы с тысячу шагов прошли в угрюмом

Молчании и в помысле святом.[1072]

133. – Куда идете; так предавшись думам? —

[1068] Примечания: 1068

Кн. Суд. VII: Когда Гедеон шел на мадиамлян, Господь повелел ему взять с собой на войну только тех, которые будут пить воду из источника Харода пригоршнями; тех же, которые станут на колени чтобы удобнее напиться, не брать с собою. Только триста выдержали это испытание умеренности.

[1069] Примечания: 1069

Именно, внутренним краем, где скала обрамляет этот круг.

[1070] Примечания: 1070

«Посрамлен» — ударение церковнославянское.

[1071] Примечания: 1071

До сих пор поэты шли, теснясь друг к другу; выйдя теперь на дорогу, не загражденную деревом, они идут свободнее.

[1072] Примечания: 1072
О всем нами виданном и слышанном.

Раздался голос. Весь я задрожал,[1073]

Как конь, испуганный внезапным шумом.

136. Я поднял взор к тому, кто так вещал,

И никогда в горну столь ярко-красным

Не может быть стекло или металл.[1074]

139. Как тот, кто рек нам: – Если к высям ясным

Спешите вы, то надо здесь свернуть;[1075]

Идите ж с миром тут к странам прекрасным.

142. Он так сиял, что я не мог взглянуть,

И взор отвел я свой к моим вожатым,

Как тот, кто ищет лишь по слуху

[1073] Примечания: 1073

Голос ангела воздержания.

[1074] Примечания: 1074

Сравнение, весьма часто встречающееся в Библии (Иез. I, 7; Дан. X, 6; Откров. I, 15).

[1075] Примечания: 1075

«Свернуть» налево, где находится лестница, ведущая в седьмой круг.

путь.[1076]

145. И как, зари предвестник, пред возвратом[1077]

К нам солнца майский шелестит зефир,

Цветов и трав упитан ароматом, —

148. Так на чело струился мне эфир,

И я почувствовал, как крылья взмахом

Наполнили амброзией весь мир.[1078]

151. И глас вещал: – Блажен, кто Божьим страхом[1079]

Так озарен, что сладостью земной

Отборных яств гнушается, как прахом.

[1076] Примечания: 1076

Ослепленный светом, Данте идет за поэтами, следуя за ними по слуху, так ходят слепые.

[1077] Примечания: 1077

Новое, дивно прекрасное изображение того момента, когда на челе его снова уничтожается буква *P*. Для сличения этого сравнения приводим подобное же из Тассо, Освобожд. Иерусал. III, 1:

Уж ветерок проснулся, друг Авроры;

Она меж тем венок из райских роз

Уж обвила, в полет готовясь скорый,

Вокруг главы под золотом волос.

[1078] Примечания: 1078

Амброзия — не только пища и напиток богов, но и благовонная масть, препятствующая разложению мертвого тела.

[1079] Примечания: 1079

Говорит тот же ангел воздержания.

154. И алчет сердцем Правды лишь одной.[1080]

[1080] Примечания: 1080

«Beati qui esuriunt justitiam»: «Блаженны алчущие и жаждущие правды». Матф. V, 6; «но этому блаженству евангельскому Данте дает такой смысл: блаженны те, кои соблюдают должную меру в пище и питии и воздерживаются от греха чревоугодия». Скартаццини. Филалет.

Песнь двадцать пятая

Подъем в седьмой круг. – Теория зарождения человека. – Наделение тела душою. – Бесплотные тела по смерти. – Седьмой круг: сладострастные. – Примеры целомудрия.

1. Час требовал не медлить по наклону
Горы: уж солнцем был полдневный круг
Отдан Тельцу, а полночь – Скорпиону.[1081]

4. И потому как те, кто во весь дух
Спешат, бояться, не давая взору

[1081] Примечания: 1081

Опять астрономическое определение времени дня. «В первом весеннем месяце солнце находится в созвездии Овна, а ночь, диаметрально противоположно солнцу, — в созвездии Весов. Знак Тельца следует тотчас за Овном, знак Скорпиона — тотчас за Весами. Следовательно, если знак Тельца стоить на полудне, то это означает, что знак Овна, а с ним и солнце, покинули уже часа 2 тому назад полуденный круг, так как каждое созвездие в продолжение двух часов занимает каждую двенадцатую долю неба. Отсюда видно, что теперь было 2 часа пополудни на Чистилище и 2 часа утра, или пополуночи, в антиподе, где на полудне теперь стоит знак Скорпиона». Каннегиссер. — «Если теперь 2 часа, то это значит, что поэты оставались в шестом круге, который они теперь готовы оставить, от 3-х до 4-х часов». Филалет. — Как и везде, поэт представляет здесь солнце и ночь как бы живыми существами, причем солнце диаметрально противоположно ночи. Сличи Чистилища II, 1 и примечание; IV, 13 и примечание; IX, 7 и примечание.

(Так побуждает в путь их недосуг), —

7. Мы чрез ущелье поднимались в гору
Друг другу вслед по лестнице крутой,[1082]
Где в ряд идти нам не было простору;

10. И как для взлета аист молодой
Подъемлет крылья, но, с гнезда родного
Боясь
слететь, садится на покой.[1083] —

13. Так вспыхивал во мне и гаснул снова
Порыв желания спросить певца.
Я делал вид, как бы ищу я слова.

16. Мы быстро шли; но скрыться от отца[1084]

[1082] Примечания: 1082

Три поэта идут один за другим, впереди Виргилий, за ним Стаций и, наконец, Данте. Лестница слишком узка для того, чтобы можно было идти всем троим рядом. «Узок путь, ведущий в жизнь». Матф. VII, 14.

[1083] Примечания: 1083

Из уважения к Виргилию, Данте колеблется, спросить ли его об этом или нет. Это внутреннее колебание мастерски изображено поэтом в сравнении с аистом.

[1084] Примечания: 1084

Несмотря на быстроту хода, Виргилий замечает колебание ученика; он постоянно читает все мысли Данте, как заботливый отец.

Не мог мой вид. – Спусти лук слова, если

Уж дотянул стрелу до копейца![1085]

19. Так он. И речи вдруг во мне воскресли.

И начал я: – Зачем тут им худеть?

На пищу зов замолкнул здесь не весь ли?[1086]

22. И он: – Припомни то, как мог истлеть[1087]

Царь Мелеагр, лишь плаха догорела.

И – горькою не будет эта снедь.[1088]

25. И вдумайся, как все движенья тела

Передаются в зеркале стеклом.[1089]

[1085] Примечания: 1085

Т. е. выскажи свободно то, что у тебя уже на губах. — Когда лук совершенно натянут, то железный конец стрелы (копьецо, слова Данте), касается вершины лука. Сравнение это заимствовано, очевидно, от простого лука, а не от арбалета или самострела, как полагает К. Витте.

[1086] Примечания: 1086

Данте горит желанием узнать причину, почему существа бестелесные, не имеющие надобности в пище, подвергаются исхуданию, и, ободренный Виргилием, выражает свое недоумение.

[1087] Примечания: 1087

Мелеагр — сын калидонского царя Энея (Oeneus) и Алтеи, участник ловли калидонского вепря. В момент его рождения богини судьбы (парки) положили в огонь плаху и объявили, что жизнь его продлится,

пока будет гореть плаха. Алтея загасила огонь и тщательно укрыла плаху. По умерщвлении вепря, двое дядей Мелеагра, братья Алтеи, Плексипп и Токсей, стали оспаривать у Аталанты, возлюбленной Мелеагра, нанесшей первую рану чудовищу, право на славу этого геройского подвига; Мелеагр убил их за это. Тогда Алтея решилась отмстить сыну за смерть своих братьев, вытащила роковую плаху и зажгла ее. Мелеагр, снедаемый внутренним огнем, испустил последнее дыхание в момент, когда головня превратилась в пепел (Овидия Превращ. кн. VIII, ст. 431–524). — Этим примером Виргилий (чистый разум) хочет показать, что человек может исхудать и даже погибнуть не только от недостатка пищи, но и от совершенно иной причины; как сила невидимая и совершенно ему неизвестная уничтожила Мелеагра, так невидимая, таинственная сила производит худобу душ, или бестелесной плоти сластолюбцев. Некоторые находят это сравнение не совсем удачным, но Данте может тем с большим правом употребить это сравнение для объяснения худобы душ, изнуряемых невидимой силой, что в средние века было в общем ходу суеверное мнение о возможности уничтожения жизни человека от медленного растапливания на огне очарованных восковых изображений человека, которого желают погубить. Смотри знаменитую балладу английского поэта Данте Россети, Sister Ellen.

[1088] Примечания: 1088

Т. е. тебе легко будет понять эту трудность.

[1089] Примечания: 1089

Т. е. «тело, в особенности воздушное тело этих теней, есть как бы зеркало души; как зеркало верно изображает каждое движенье, в нем отражающееся, так точно и тело воздушное изображает во внешности все движения и страдания души». Варки.

И для тебя смягчится твердость дела.

28. Но, чтоб ясней ты понял то умом.[1090]

Вот Стаций здесь, и я к нему взываю,[1091]

Моля его быть ран твоих врачом.[1092]

31. И Стаций: – Если пред тобой дерзаю

Я здесь раскрыть суд вечный, то затем.[1093]

Что отказать тебе я не желаю.[1094]

34. И начал так: – Когда мышленьем всем

Ты вникнешь, сын, в слова мои, прольется

[1090] Примечания: 1090

Сомнение есть рана разума, которая излечивается лишь тогда, когда ум завладеет истиной. «Vulnera ignorantiae», говорит Св. Григорий (Ev. Hom. XXVI, по цитате Томмазео).

[1091] Примечания: 1091

Мнение комментаторов различно относительно того, почему Виргилий обращается здесь к Стацию, как и о символическом значении Стация вообще. Пиетро Данте, которому следует большинство толкователей, говорит: «Virgilius, id est philosophia rationalis, committit hoc Statio poetae christiano, vel philosophiae morali, ut hoc decidat», — Также думают Ландино, Велутелло, Вентури, Ломбарди и др. — По Филалету, Стаций означает аллегорическую философию, озаренную христианством, каково, например, учение Аомы Аквинскjго и его учеников. Скартаццини говорит: Виргилий есть символ власти гражданской и

императорской, которая, по системе Данте, должна направлять людей к временному блаженству, secundum philosophica documenta. Но Виргилий — язычник. Чтобы трактовать хорошо о сотворении и в дуновении рациональной души в человеческое тело, а равно и о состоянии ее по освобождении от тела» — для этого необходим свет веры христианства. Для Данте Стаций не только великий поэт и философ, почти такой же, как и Виргилий, но и христианин, посвященный в тайны веры. Поэтому Стаций может и сумеет лучше Виргилия определить тезис, который языческая философия никогда не могла объяснить удовлетворительно. Таким образом, Стаций — дополнение Виргилия, он представляет собой философию, озаренную верой, или философию христианскую. Следует сверх того заметить, что Данте в дальнейшем течении своего мистического странствования не должен был оставаться покинутым временным авторитетом, символом которого служить Виргилий; но Виргилию дозволено сопровождать его лишь до земного рая, и там его место заступает Стаций, остающийся с Данте и по исчезновении Виргилия: он продолжает странствование вместе с Данте, не играя, впрочем роли вожатого, а подчиняясь, подобно Данте, смиренной роли ученика, покорно выслушивая наставления и повинуясь повелениям Матильды и Беатриче».

[1092] Примечания: 1092

Виргилий старается дать Данте некоторую идею об этом примере, взятом из мифологии, и кроме того подобием естественным и математическим; затем он обращается к Стацию и просит его разрешить недоумение полнее и удовлетворить желание поэта.

[1093] Примечания: 1093

«Суд вечный». В одних списках vendetta, в других velluta; последнее принято лучшими изданиями, между прочим К. Витте. Я употребил «суд вечный», примиряющий эти два разноречия; собственно, здесь разумеется способ, по которому распределены божественные наказания.

[1094] Примечания: 1094

Стаций извиняется перед Виргилием в том, что он, не смея отказать ему ни в чем, решается говорить в его присутствии, считая дерзким всякое слово при том, чья мудрость и чье красноречие требуют, чтобы он один говорил, а все другие его слушали. — «Эта вежливость Стация относительно Виргилия напоминает, в аллегорическом смысле, такое же отношение схоластиков к Аристотелю и его ученикам, олицетворением которых служит Виргилий». Филалет.

Великий свет на твой вопрос: зачем?[1095]

37. Кровь лучшая, что в вены не всосется,[1096]

Став лишнею, нейдущею в обмен,

Как пища та, что со стола берется,[1097] —

40. Приемлет в сердце силу, каждый член

Творящую, – подобно той, какую[1098]

Несет, питая члены, кровь из вен,[1099]

43. И в органы (я их не именую)[1100]

Нисшед потом, очищенная вновь,[1101]

В сосуд природный каплет в кровь чу-

[1095] Примечания: 1095

Стаций любовно обращается к Данте, называя его, в знак приязни сыном, чтобы возбудить в нем все внимание, говоря, что, если он вникнет в его слова, то его сомнения разрешатся. «Сын мой! если ты примешь слова мои и сохранишь при себе заповеди мои, то уразумеешь страх Господень и найдешь познание о Боге». Притчи Солом. II, 1, 5.

[1096] Примечания: 1096

«Кровь лучшая» (в подлиннике: perfetto — совершенная). — «Sanguis, qui digestione quadam est praeparatus ad conceptum est purior et perirefior alio sanguine». Фома Акв. Sum. Theol., p. III, qu. XXXI, art. 5. — «Не всосется» (в подлиннике: non si beve Dall assetate vene, не всасывается жаждущими венами). «Данте следует здесь Аристотелю, который (De Gener. anımal. lib. I, c. 19) говорить: semen est superfluum alimenti; точно также полагает и Фома Аквинский (Sum. Theol. p. I, qu. XIX, art. 2)».

Скартаццини. «Учение Фомы Аквинского о происхождении спермы, основанное на Аристотеле, совершенно согласно с Данте в этом месте. Доказав предварительно, что воспринимаемая пища, как питающая и взращивающая, действительно превращается отчасти в человеческую плоть, он переходить затем к решению вопроса о том, возникает ли сперма от излишка питательных веществ, и отвечает на него утвердительно, давая ему следующее объяснение. В природе человеческой, согласно с вышесказанным, заключается сила сообщать свою форму инородным веществам. Но это сообщение совершается постепенно. Принятое и переваренное вещество получает прежде всего одну лишь общую силу образовывать из себя все части тела; потом уже эта сила к образованию отдельных членов, так сказать, специфицируется. Это совершается в то время, когда кровь переливается по жилам и образует, таким образом, отдельные части тела. Но часть крови — полагает Фома — остается, не превращаясь в существо членов, и потому-то она, как он выражается, составляет материю для целого тела, и эта-то часть и есть сперма. Теперь становится весьма понятным, почему Данте сравнивает эту часть с пищей, которая снимается со стола и не съедается. При этом Фома решительно отклоняет то мнение, по которому сперма есть как бы экстракт уже специализированного для всех членов вещества крови, ибо, говорит он, она была бы ничем иным, как животным в малом виде, а человеческое рождение было бы подобно расположению многих низших животных чрез обрезывание их частей (Sum. Theol., p. I, qu. CXIX). Замечательно, что это, отвергаемое Фомою, мнение очень близко подходит к позднейшим воззрениям на этот предмет; именно, паренхиматозная жидкость, которая, проникая по всему телу чрез все первичные ткани, представляется настоящим жизненным соком, возвращается при беспрестанной переработке опять-таки в кровь, стало быть, и в сердце, в котором она, однако, не остается, но выделяется из крови действительно, как экстракт всего тела, в известные органы,

сберегаясь в них вплоть до своего извержения и выхода». Филалет.

[1097] Примечания: 1097

Стаций развивает теории рождения и образования тела с душою вегетативною и сенситивною. Тоже самое учение, но вкратце, изложено Данте прозой в его Convivio IV, 21. Оно же изложено отчасти у Фомы Аквинского в его Sum. Theol. p. I, qu. CXIX: De propagatione hominis quantum ad corpus. — Это место вызывало такой восторг со стороны Варки (Sezioni sul Dante, Firenze, 1845), что, по его мнению, одного этого места уже достаточно, чтобы признать Данте за врача, философа и теолога высшей степени. При этом он говорит: «Я не только сознаюсь, но объявляю клятвенно, что всякий раз, когда я прочитывал его (и таких случаев и днем и ночью более тысячи), мой восторг и изумление все более и более усиливались, ибо каждый раз я, казалось, находил в нем новые красоты и новые поучения, а следовательно, и новые трудности».

[1098] Примечания: 1098

«Силу, каждый член творящую», в подлиннике: Virtuto informativa, т. е. силу, дающую сущность и природу каждому члену, или части человеческого тела.

[1099] Примечания: 1099

«Alimentum convertitur in viritatem humani corporis… Alimentum vere convertitur in viritatem humanae naturae, in quantum vere accipit speciem carnis et ossis, et hujusmodi partium». Фома Акв. Sum, Theol., p. I, qu. CXIX, art 1.

[1100] Примечания: 1100

В подлиннике: scende ov'e più bello Tacer che dire — нисходит в те части, о которых приличнее молчать, чем говорить, т. е. в семенные сосуды семенных желез.

[1101] Примечания: 1101

«Очищенная вновь», в подлиннике: Ancor digesto, т. е. еще более потенцированная, вследствие дальнейшего кровообращения.

жую.[1102]

46. Когда в одну слились два тока кровь.

Один – страдать, другой – творит готовый[1103]

(Так важен ключ, отколь их мчит любовь!),[1104] —

49. Кровь приступает к делу с силой новой.[1105]

Сперва сгущает, после же собой[1106]

Животворит материал суровый.[1107]

52. Активная тут сила, став душой,[1108]

Отличной в том лишь от души рас-

[1102] Примечания: 1102

«Сосуд природный» (naturai vasello), т. е. матка (uterus). — «Foemina ad conceptionem prolis materiam ministrat (quae est sanguis menstruus), ex qua naturaliter corpus prolis formatur». Фома Акв. Sum. Theol., p. III, qu. XXXII art. 4. — «Ad formationem corporis — requirebatur motus localis quo sanguines — ad ocum generationi congruum pervenirent». Ibid. qu. XXXIII, art. 1. — «Materia quam foemina subministrat ad generationem, est sanguis, non quicumque, sed lperductus ad quandam ampliorem digestionem per virtutem generativam matris» Аристотель. De Gener. animai. I. — «По позднейшим исследованиям, жидкий зародыш в микроскопических пузырьках яичников, в 1/12 линии в диаметре, находится в женском организме уже с самого раннего детства, с утробной жизни. Потому эти зародыши, как и сперма, могут быть названы кровью в том смысле, что как они, так и сперма суть продукты паренхиматозной жидкости, с тем только различием, что женский зародыш есть жидкость, свер-

нувшаяся в виде зародышей лишь единожды внутри своих клеточек; мужская же сперма есть беспрестанно восстановляющееся выделение паренхиматозной жидкости всего организма». Филалет. — «В кровь чужую» (altrui sangue), т. е, в кровь женскую.

[1103] Примечания: 1103

Т. е. мужская кровь (сперма) с женской (менструальной); первая играет активную, вторая — пассивную роль. — «Foemina materiam ministrat; ex parte maris fit principium activum in generatione», Аристотель, 1. с — «In generatione distinguitur operatio agentis et patientis. Unde relinquitur quod tota virtus activa sit ex parte maris, passio autem ex parte foemiae». Фома Акв. Sum. Ttheol., p. III, qu. XXXII, art. 4.

[1104] Примечания: 1104

Т. е. сердце, как орган, в котором, по мнению Данте, кровь приобретает свою силу или способность образовать каждый член тела.

[1105] Примечания: 1105

«К делу», т. е. к образованию зародыша.

[1106] Примечания: 1106

«Зародышевые пузырьки, как мы видели, сгущаются или кристаллизуются в женском организме в самой ранней эпохе жизни; но тем не менее и в акте рождения происходит новая кристаллизация, вследствие метаморфозы содержащейся внутри пузырька жидкости. В одном только ошибается поэт, именно в том, что он оба акта — и свертывание и оживление — принимает, как акты отдельные и следующие один за другим, тогда как они, в сущности, один и тот же акт». Филалет. — «Сгущает», собственно, — свертывает, congulando, выражение библейское: «Не Ты ли вылил меня, как молоко, и, как творог, сгустил меня». Иова X, 10. — «Образовался в плоть в десятимесячное время, сгустившись в крови от семени мужа». Премудр. Солом. VII, 2.

[1107] Примечания: 1107

В подлиннике: e poi avvina Ciò che per sua materia fe' constare, т. е.: а потом оживляет (животворит) то, что сгустила, как материю или материал, необходимый для своего действия. — «Potentia generativa in foemina est imperfecta respectu potentiae generativae quae est in mare. Et ideo sicut in artibus ars inferior disponit materiam, ars autem superior inducit formam, ita etiam virtus generativa foeminae praeparat materiam, virtus autem activa maris format materiam praeparatam». Аристотель, Phys. II, 25.

[1108] Примечания: 1108

«Активная тут сила», т. е. сперма отца, — «Quia generane est simile generato, necesse est quod naturali ter tam anima sensitiva, quam aliae hujusmodi formae producantur in esse ab aliquibus corporalibus agentibus transmutantibus materiam de potentia in actum per aliquam virtutem corpoream quae est in eis… Ex anima generantis derivatur quaedam virtus activa ad ipsum semen animalis, vei plantae… In animalibus perfectis, quae generantur ex coitu, virtus activa est in semine maris; materia autem faetus est illud, quod ministratur a foemina: in qua quidem materia statim a principio est anima vegetabilis, non quidem secundum actura secundum, sed secundum actum primum, sicut anima sensitiva est in dormientibus; cum autem incipit attrahere alimentum, tunc jam actu operatur. Hujusmodi igitur materia transmutatur a virtute quae est in semine maris, quousque perducatur in actum animae sensitivae… Postquam autem per virtutem principii activi quod erat in semine, producta est anima sensitiva in generato quantum ad aliquam partem principalem, tunc jam illa anima sensitiva prolis incipit operari ad complementum proprii corporis per modum nutritionis et augmenti». Фома Акв. 1. c, p. I, qu. CXVIII art. 1. — «О тройственной жизни, тройственной душе человека, как выражается школа, было уже упомянуто выше (чистилища IV, 5 и примеч. к 1-12). Пробужденный к жизни зародыш имеет вначале в утробе матери

жизнь растительную. Он питается, растет, но без ощущения и без способности к самопроизвольному движению. Но эта еще только вегетативная жизнь утробного младенца в низшей степени его развития отличается от настоящего растения тем, что последнее не восходит уже ни на какую высшую ступень (стих 54), тогда как в первом жизнь эта есть только переходная ступень. мало-по-малу этот зародыш переходит через состояние зоофита (стих 56, морского гриба) в настоящее животное, получает способность двигаться и чувствовать — сенситивная жизнь. Человеческий образ развивается и созревает для восприятия разумной души. Эту рациональную душу младенец получает не прежде, как когда уже достигнет известной степени развития (стих 69), получает еще в матерней утробе чрез непосредственный акт творчества Божьего, и при том каждый младенец получает свою разумную душу, индивидуальную, от всех других отличную (Рая XXXII, 64)». К. Витте. — «Цель этого изложения Данте опровергнуть учение о расчленении души на простую множественность сил (тройственность души, напр. Чистилища к IV, 1-12 и примеч.) и доказать единство души, ее постепенное, неразделимое в единстве развитие с ее божественным происхождением и вечным, субстанциальным духовным содержанием. Это достигается чрез слияние Traducianismus с Creationismus; а именно, человек имеет вначале, конечно, вегетативную жизнь (стих 53). Но, тогда как растение на этом и останавливается, жизнь в человеческом зародыше развивается далее до способности к движению и ощущению (стих 54–55) (сенситивная или животная жизнь. Переход от одной жизни к другой — (стих 61) совершается чрез промежуточное состояние зоофита (стих 56, морского гриба)». Флейдерер, продолжение сходно с предшествующей цитатой.

теньи,

Что
та в пути, а этой дан покой,[1109] —

55. Приобретает чувства и движенья, [1110]

Как гриб морской, и силам, бывшим в ней[1111]

В зародыше, дает приспособленья.[1112]

58. Теперь-то, сын мой, и творит сильней

Мощь, данная рождающего сердцем,[1113]

Где скрыт природой план и смысл частей.

[1109] Примечания: 1109

В подлиннике: Che quest' è in via, e quella è già a riva, т. е. эта еще в пути, а та уже у берега, т. е. с тем различием, что душа растения уже у берега, т. е. достигла окончательного развития, душа же человеческого зародыша еще развивается, и жизнь растительная составляет для нее лишь переходное состояние к состоянию души рациональной. По Фоме Аквинскому, человеческая душа проходит последовательно три степени жизни: вегетативную, сенситивную и интеллектуальную: «Anima praeexistit in embryone, a principio quidem nutritiva, postmodum autem sensitiva, et tandem intellectiva. Dicunt ergo quidam, quod supra animam vegetabilem, quae primo inerat, supervenit alia anima, quae est sensitiva, supra illam autem alia, quae est intellectiva» Et sic sunt in homine tres animae, quarum una est in potentia ad aliam, quod supra improbatum est (Сличи Чистилища IV, 1-12 примеч.). Et ideo alii dicunt, quod illa eadem anima, quae prima fuit vegetativa tantum, postmodum per actionem virtщtis quae est in semine, perducitur ad hoc ut ipsa eadem fiat sensitiva,

et tandem ad hoc ut ipsa eadem fiat intellectiva, non quidem per virtutem activam seminis, sed per virtutem superioris agentis, scilicet, Dei deforis illu strantis. Sed hoc stare non potest……. Et ideo dicendum est quod cum generatio unius semper sit corruptio alterius, necesse est dicere, quod tam in homine, quam in animalibus aliis, quando perfectior forma advenit, fit corruptio priorie; ita tamen quod sequens forma habet corruptiones pervenitur ad ultimam formam substantialem tam in homine quam in aliis animalibus. Et hoc ad sensum apparet in animalibus ex putrefactione generatis. Sic igitur dicendum est, quod anima intellectiva creatur a Deo in fine generationis humanae, quae simul est et sensitiva et nutritiva, corruptis formis praeexistentibus». 1. c, p. I, CXVIII, art. 2.

[1110] Примечания: 1110

Чувствительность и произвольное движение — отличительные признаки жизни животной от растительной. «Чувства», т. е. чувствительность; «движенья», — конечно, произвольные.

[1111] Примечания: 1111

«Силам», под которыми разумеются собственно известные пять чувств.

[1112] Примечания: 1112

В этой терцине заключается изображение сенситивной (животной) жизни. «Гораздо труднее понять возникновение сенситивной души. Фома Акв. предлагает себе поэтому вопрос, возникает ли сенситивная душа непосредственным творческим актом, или, как продукт семени, через рождение? — и решает его в пользу последнего, ибо, говорит он, одни только чистые формы, не возникающие ни из какой материи, были созданы непосредственно. Сенситивная же душа не есть такая чистая форма, напротив, она есть только случайность соединенной с телом души, а потому и может воспроизвестись только при помощи такого сложного существа. Главное возражение на это состояло в том, что все же невозможно признать сенситивную душу продуктом какой-

нибудь более низкой силы, принадлежащей к вегетативным силам. Фома Акв. отстраняет это возражение следующим соображением: чем выше сила, тем далее распространяется ее действие; потому безжизненные вещи непосредственно сами собою могут воспроизвести только себе подобное, как, например, огонь воспроизводит сам собою лишь огонь; одушевленные вещи, будучи выше по своей природе, производят из веществ как непосредственно, так и посредственно нечто себе подобное, именно: непосредственно — процессом питания, посредственно — процессом рождения. В последнем именно процессе сперма есть как бы орудие, которому сенситивная душа сообщает свою активную силу, при помощи которой оживленные зародыши преобразовываются вследствие развития в сенситивные души. — Отсюда ясно, как разумеет Данте в этом месте своей поэмы возникновение вегетативной и сенситивной души в зародыше. Вегетативная жизнь в зародыше отличается от настоящей растительной души — жизни — тем, что последняя уже достигла своей цели, своего развития; принцип же вегетативный в зародыше еще ожидает дальнейшего развития. Но и животная душа, отличающаяся от души растении чувствительностью и произвольным движением, находится вначале лишь на низшей ступени морской губки, или полипа, и развивается сначала лишь постепенно, смотря потому, как развиваются органы высшей животной жизни. Но тут Данте, по-видимому, уклоняется несколько от Фомы Акв. в том, что он допускает активную силу в самой сперме делаться душою, тогда как последний решительно это отвергает (Sum. Theol., p. I, qu. CXVIII, art. l). — До сих пор мнение Данте, а еще более мнение Фомы Акв., по-видимому, совершенно соответствует воззрению позднейших физиологов, которые также принимают постепенное развитие растительной и животной жизни в зародыше, но таким образом, что в низших ступенях уже заключаются в зачатке и высшие ступени». Филалет.

[1113] Примечания: 1113

См. выше, прим. к ст. 37.

61. Но, как зародыш может стать младенцем

Еще неясно: уж таков предмет!

Тут бывший и умней, чем ты, безверием,

64. Блуждал, уча в том смысле целый свет,

Что нет в душе разумности возможной,[1114]

Затем что в ней к тому орудья нет.[1115]

67. Но ум открой ты правде непреложной

И знай: едва в зародыше свершит

[1114] Примечания: 1114

«Разумность возможная» (possibile intelletto). Под этим термином Данте разумеет, подобно всем вообще схоластикам, всемирную интеллигенцию, сообщающуюся с душою, не делаясь при этом частью ее и не будучи приуроченной к какому-нибудь особенному органу тела. — «Quandoque enim ponunt quatuor intellectus, scilicet intellectum agentem, possibilem, et in habitu, et adeptum: quorum quatuor intellectus agens et possibilis sunt diversae potentiae, sicut et in omnibus est alia potentia activa et alia passiva; alia vero tria distinguuntur secundum tres status intellectus possibilis; qui quandoque est in potentia tantum, et sic dicitur possibilis; quandoque autem in actu primo, qui est scientia, et sic dicitur intellectus in habitu; quandoque autem in actu secundo, qui est considerare, et sic dicitur intellectus in actu, sive intellectus adeptus». Фома Акв. Sum. Theol., p. I, qu. LXXIX, art. 10.

[1115] Примечания: 1115

В этих двух терцинах намекается на Аверроэса, великого комментатора Аристотеля (Ада IV, 144). В своем комментарии De anima, lib. Ш, Аверроэс учил в том смысле, что существует два интеллектуальных принципа: один пассивный, другой активный. Интеллект активный безличен, вечен, отделен от индивидуумов, которые по временам воспринимают его. Интеллект пассивный преходящ и не может существовать без активного. Интеллект активный соединен, следовательно, с индивидуумом лишь форменно, но отделен от него по сущности и есть один и тот же для всех людей. По поводу этого учения Оцанам говорит: «Or, étant détruite la diversité l'intellect possible, qui est seul immortel, il s'en suit qu'après la mort il ne reste rien des âmes humaines que l'unité de l'intellect, et ainsi on supplime les peines et les récompenses. Сличи Ренана, Averroës et l'Averroisme, Paris 1861 pag. 122. — Фома Аквинский опровергал это учение, основываясь на следующих аргументах: 1) интеллект соединен с телом, как форма с материей; невозможно, чтобы существовала одна форма для различных материй, ибо всякое действие предполагает свою собственную потенцию, ей пропорциональную; следовательно, невозможно допустить один единый интеллект для всех людей; 2) каждый двигатель нуждается в своем собственном инструменте. Инструмент флейтиста отличается от инструмента архитектора. Интеллект же есть двигатель тела. Итак, как архитектор не может пользоваться инструментом, каким пользуется флейтист, так невозможно, чтобы интеллект одного человека был бы интеллектом другого человека; 3) возможный интеллект, по Аристотелю, тот, помощью которого человек мыслит, получает зачатие идей. Итак, если человек мыслить не иначе, как при помощи интеллекта возможного, то каждый должен мыслить только то, что мыслится каждым человеком от самого уже начала, а это очевидно ложно. Фома Акв. Sum. contra Gent. lib. II, c. 73; Sum. Theol., p. I, qu. LXXVI, art. 2». Скартаццини. — Замечательно, что учение Аверроэса имеет разительное сходство с воззрениями некоторых позднейших философов. — «Великий комментатор Аристотеля

Аверроэс выводит заключения, совершенно отличные от христианских схоластиков, которым следовал Данте. Аверроэс принимает один общий человеческий дух (универсальный интеллект), который, однако же, как господствующий лишь над материальным подлунным миром, находится глубоко ниже приводящего в движение всю вселенную, непосредственно от Бога исходящего, высочайшего интеллекта. Этот дух человеческий, один и тот же для всех индивидов и для всех времен, входит, по мнению Аверроэса, в связь с призванным к жизни младенцем на срок его жизни; человек мыслит лишь при его помощи. Но связь вегетативной и животной жизни с этим интеллектом весьма слабая; в человеке нет такого органа, с которым интеллект был бы неразрывно связан. Со смертью тела эта слабая связь совершенно уничтожается. Поэтому не существует личного бессмертия. Это учение и послужило преимущественно к тому, что Аверроэс был признан еретиком и подробно опровергаем Альбертом Великим и Фомою Аквинским». К. Витте. Сличи у Филалета.

Свое развитье мозг для цели сложной, —

70. Уж Первый Двигатель к нему спешит. [1116]

Как к торжеству природы, и вдыхает[1117]

Дух новый. Дух же все, что он ни зрит[1118]

73. Активного в душе, воспринимает[1119]

В свою субстанцию и, слив в одно,

Живет полн чувств, себя в себе вращает.[1120]

76. А чтоб тебе-то было не темно,[1121]

[1116] Примечания: 1116

«Первый Двигатель» — Бог, — «та Любовь, что движет солнца и все хоры звездны», Рая XXXIII, 14. — Выражение Motor primo заимствовано из Фомы Аквинского, Sum. Theol., p. I, qu. CV, art. 2.

[1117] Примечания: 1117

«Торжество природы», в подлиннике: si volge lieto Sopra tanta arte di natura — радостно обращается к такому искусству природы. «Natura est quoddam instrumentum Dei moventis». Ibid. p. 2. qu. VI, art. 1.

[1118] Примечания: 1118

«Дух новый», — новую душу разумную. Говоря «новый», Данте, может быть, хочет сказать: вновь созданный, желая тем самым исключить учение Платона о «пред существовании» человеческой души.

[1119] Примечания: 1119

Т. е. «только что созданная, интеллектуальная душа привлекает к себе и отождествляет с собственной своей субстанцией душу вегетативную и сенситивную и создает из себя и из них душу единую с тремя потенциями — вегетативной, сенситивной и интеллектуальной». Скартаццини, — «Таким образом, человек имеет в себе не три, более или менее слабо между собою соединенные души, но одну душу человеческую, разумную, в самой себе вращающуюся, т. е. мыслящую». К. Витте. Сличи Чистилища IV, 5. — «Интеллектуальная душа, по учению схоластиков, есть esse subsistens, чистая форма. Такое существо не может возникнуть вследствие рождения, но единственно лишь путем непосредственного создания. Но в таком случае, как может быть душа формою тела? как спасти единство души? Ибо эти три души, о которых часто говорит Фома Акв., обозначают не три различные субстанции, но лишь три главные категории душевных сил — это достаточно ясно видно из многих мест, и высказывается также весьма определенно Данте в Чистилища IV, 5. Некоторые объясняют дело так, что та же самая душа, которая была вначале вегетативною, становится, вследствие присущей мужескому семени силы, душою сенситивною, а потом, от присоединения силы божественного воздействия, душою интеллектуальною. Это мнение, по-видимому, близко подходит к мнению Данте, который уже сказал в своем Convivio, что три вышеупомянутые главные категории душевных сил находятся в таком друг к другу отношении, что всегда одна из них служит основанием для другой, что сила вегетативная есть основа для сенситивной, сенситивная — для интеллектуальной. Фома Акв., однако, еще не доволен этим; он именно говорит, что невозможно, чтобы какая-либо субстанциальная форма от присоединения другой, новой, становилась чем-то большим или меньшим, но что, напротив, она станет через то совершенно новым видом. Итак, следует принять, что всякая такая перемена должна разуметь предыдущую форму, и что возникает новая форма, равномерно собою объемлющая и новую

и старую (Sum. Theol., p. I. qu. CXIIII, art. 11)». Филалет.

[1120] Примечания: 1120

«Себя в себе вращает», в подлиннике: e sé in sé rigira, т. е. отражаясь сама в себе, получает сознание о своем собственном существовании. «Сознание, получаемое душою о своем собственном существовании, рождается от ее отражения в самой себе, вследствие чего она, как круг, себя в себе вращает». D. C. edize dell' Ancora. Сличи Боеция. Phil. Cons. Iib. III. Poes. IX, 15 и далее.

Quae (anima) cum secta duos motum glomeravit in orbes,
In semet reditura meat mentemqne profandam
Circuit et simili convertit imagine coelum.

[1121] Примечания: 1121

Как солнечный жар, соединяясь с соком винограда, превращает его в вино, так новый дух, созданный Богом и одушевленный душою сенситивною, превращается в интеллектуальную душу. О винограде говорит Цицерон (De Senect. XV, 53): «Quae et succo terrae et calore solis augescens, primo est peracerba gustatu, deinde maturata dulcescit». — «Здесь, говорит Антонелли, философ-поэт рассматривает солнце с точки зрения ботаника, насколько именно оно имеет громадное влияние на жизнь растений, на развитие цветов, созревание фруктов, и высказывает это удивительно поэтично, потому что говорить совершенно верно».

Взгляни, мой сын, как солнца жар, слиянный

Со влагой гроздий, создает вино.[1122]

79. Когда ж спрядет Лахезис лен, ей данный,[1123]

Дух, с телом разлучась, уносит прочь

В зародыше земной дар и небесный.[1124]

82. Другие силы все объемлет ночь;[1125]

Зато рассудок с памятью воля[1126]

Еще сильней свою являют мочь.

85. Спешит душа, сама себя неволя,

Чудесно пасть на тот иль этот брег,

Где и поймет, какой избрать круг по-

[1122] Примечания: 1122

Стаций объясняет, как из животного, которым был зародыш, он становится человеком, наделенным разумною душою. Здесь Данте налагает проблему происхождения человеческой души. Христианские философы и святые отцы церкви пытались трояким образом решить эту проблему. Одни, следуя теории Платона, учили, что все души были созданы Богом к начале мира и заключены в тела в наказание за грехи, совершенные ими в предшествующие времена. Так учил между прочим Ориген и его последователи (Epiph. haer. 64, 4: Τὴν Ψυχὴν γὰρ τὴν ἀνθρωπείαν λέγει προϋπαρχειν). Другие старались решить проблему чрез «traducianismus», и учили в том смысле, что человеческая душа рождается вместе с телом. Таково учение Тертуллиана (De anima, e. 19). — Но большинство отвергало эти гипотезы и проповедовало так называемый «creationismus», т. е., что каждая душа создается непосредственно Богом. Таково учение Лактанция (De opfficio Dei c. 19), блаж. Августина и всех схоластиков. Ансельм Кентерберийский говорит:

«Никакой человеческий ум не может себе представить, чтобы человек mox ab ipsa conceptione rationalem animam habeat (De conceptu virginali, c. 7). Гуго ди С.-Виттории (De sacram P. VII, lib. I, c. 30): Fides catholica magis credendum elegit animas quotidie corporibus vivificandis sociandas de nihilo fieri, quam secundum corporis naturam et carnis humanae proprietatem de traduce propagari. Петр Ломбардский (Sent. lib. II, dist. 17, a): De aliis (о душе потомков Адамовых) certissime sentiendum est, quod in corpore creentur. Creando enim infundit eas Deus, et infundendo creat. Фома Аквинский (Sum. Theol., p. I, du. CXVIII, art. 3): Animae non sunt creatae ante corpora: sed simul creantur, cum corporibus infunduntur. И в другом месте (Ibid. art. 2): Haereticum est dicere, quod anima intellectiva traducatur cum semine. Аквинат, как мы видели, отличает animam iniellectivam ab anima sensitiva (как предшественники его отличали Ψυχή от πνεῦμα, ὁ νοῦς); первая сотворяется Богом, вторая передается путем рождения. Данте следует здесь строго Аквинату. Он учит, что anima intellectiva исходит непосредственно от Бога, который, как скоро образование мозга достигло в зародыше известного предела, обращает полный любви взор к великому созданию природы и вдыхает в него мощный дух, который принимает в себя все активное, встречаемое в зародыше, и таким образом создается единая душа с тремя актами растительности, животности и интеллигенции». Скартаццини.

[1123] Примечания: 1123

Лахезис, одна из трех парк, прядущих нить жизни. Смысл: когда наступает смерть человека.

[1124] Примечания: 1124

«В зародыше», в подлиннике: in virtute; virtualiter — учено-схоластическое выражение, противоположное выражению: formaliter и actualiter. «Душа удерживает по смерти не только духовное, но и телесное; но последнее остается бессильным и недеятельным». Каннегиссер. «Земной» вместо человеческий и «небесный», для рифмы, вместо божеский. Человеческие потенции — телесные или сенситивные; божеские

потенции — духовные или интеллектуальные. «Божественные, т. е. те силы, которые суть только случайности души; они остаются при ней действительно по отделении от тела; человеческие, т. е. силы, составляющие случайности тела, соединенного с душой и которые остаются при ней лишь в зародыше». Филалет.

[1125] Примечания: 1125

Т. е. способности, отличные от интеллектуальных, по причине разрушения со смертью их органов, гаснут (в подлиннике: немеют, mute), т. е. становятся недеятельными.

[1126] Примечания: 1126

Три духовные потенции. «Haec igitur tria, memoria, intelligentia voluntas, quoniam non sunt tres vitae, sed una vita, non tres mentes, sed una mene consequenter utique nec tres substantiae sunt sed una substantia. Блаж. Августин. De Trinit. lib. X, c. 11. — Omnes potentiae animae comparantur ad animam soram sicut ad principium. Sed quaedam potentiae comparantur ad animam solam sicut ad subjectum, ut intellectus et voluntas; et hujusmodi potentiae necesse est, quod maneant in anima, corpore destructo. Quaedam vero potentiae sunt in conjuncto sicut in subjecto, sicut omnes potentiae sensitivae partis et nutritivae. Destructo autem subjecto, non potest accidens remanere. Unde corrupto coiyuncto, non manent hujusmodi potentiae actu, sed virtute tantum manent in anima sicut in principio vel radice. еома Акв., Sum. Theol., p. I, qu. LXXVII, art 8. «В действительности душа удерживает лишь разум, волю и интеллектуальную память, но удерживает их в усиленном состоянии, ибо, теперь можно говорить лишь об одном интеллекте, который теперь познает себя и все, что под ним и с ним, своею собственною сущностью, а не через образы. Напротив, низшие и пребывающие в зародыше силы как бы немеют, или остаются в скрытом состоянии». Филалет.

ля.[1127]

88. Как скоро местом ей очерчен бег,[1128]

Из нее лучи исходят в месте этом,

Как из живого тела в прежний век.[1129]

91. И словно воздух в день дождливый летом

От преломленья чуждых в нем лучей

Изукрашается
различным цветом,[1130]

94. Так здесь приемлет воздух ближний к ней

Тот вид, в каком духовно отразится[1131]

[1127] Примечания: 1127

Т. е. или на берег Ахерона (ада), или на берег Тибра (чистилища). «По мнению Данте, душа, выходя из тела, инстинктивно, сама себя неволя, устремляется или к Ахерону или к Тибру, не зная, куда она направляется, осуждена ли она, или спасена. И только когда достигнет этих мест, она узнает впервые о своей вечной участи. Но тут поэт противоречит сам себе, ибо за душой Гвидо да Монтефельтро (Ада XXVII, 113 и примеч.) к его смертному одру является демон, а только что вышедшую из тела душу Буонконте (Чистилища V, 104 и примеч.) принимает ангел; следовательно, обе эти души знали о своей участи прежде, чем упали на один из этих берегов». Скартаццини.

[1128] Примечания: 1128

Т. е. душа облекается воздушным телом, лишь только придет на один из этих берегов, и, так сказать, очерчивается занятым ею пространством.

Хотя, по мнению Фомы Аквинского, отделившиеся от тела души не могут быть прикованы, по своей сущности, как чистые духи, ни к какому месту; но так как высшим формам соответствуют известные высшие телесные субстанции, то, говорит он, и некоторые места соответствуют духам, по их достоинству, более чем другие, и, таким образом, назначаются им известные места per congruentiam quandam, в которых они как бы находятся, точно так, как мы говорим о Боге, что Он находится на небе, так как это место всего более приличествует его достоинству. «Quamvis substantiae spirituales secundum esse suum a corpore non dependeant, corporalia tamen a Deo mediantibus spiritualibus gubernantur. Ed ideo est quaedam convenientia spiritualium substantiarum ad corporales substantias per congruentiam quandam, ut scilicet dignioribus substantiis digniora corpora adaptentur... Quamvis autem animabus post mortem non assignentur aliqua corpora, quorum sint formae, vel determinati motores, determinantur tamen eis quaedam corporalia quibus sint quasi in loco eo modo quo incorporalia esse possunt in loco... Incorporalia non sunt in loco modo aliquo nobis noto, et consueto, secundum quod dicimus corpora proprie in loco esse; sunt tamen in loco modo substantiis spiritualibus convenienti, qui nobis piene manifestus esse non potest». Sum. Theol., p. III, Suppl., qu. LXIX, art. 1.

[1129] Примечания: 1129

Т. е. изливая в виде лучей свою силу (в подлиннике: la virtû formativa) в окружающий воздух, душа образует тело, совершенно сходное по форме и величине с тем, которое она оживляла собою в мире, подобно тому, как в живом теле заключалось стремление к образованию своей формы, беспрестанно преобразующейся из поступающих в него питательных веществ.

[1130] Примечания: 1130

В этом сравнении заключается теория происхождения радуги, вполне объясненная лишь со времен Декарта и Ньютона. Антонелли.

[1131] Примечания: 1131

«Духовно, в подлиннике: virtualmente (технический термин), т. е. «не потому, чтобы сама душа имела эту форму и отпечатлевала ее в воздухе, но потому, что в ней есть сила так действовать на окружающий воздух, что в нем отражается этот образ». Каннегиссер.

Душа, достигнув области своей.[1132]

97. И сходно с тем, как пламя всюду мчится
За светочем, пока он не потух,[1133] —
Так новый призрак за душой стремится.

100. Став через это видимым, уж дух
Зовется тенью; это ж образует[1134]
И чувства в нем, как зрение и слух.

103. Вот потому-то вздох нам грудь волнует;
Вот потому мы плачем, говорим,[1135]
Как здесь гора повсюду показует.

[1132] Примечания: 1132
Прибыв в ад или чистилище, душа отпечатлевает в окружающем воздухе свой образ, облекаясь как бы покрывалом или легкою воздушною оболочкою. Мысль не новая. Следуя учению Платона, отцы церкви, Климент Александрийский, Ориген и другие, учили, что душа по смерти может иметь сходство с телом и со всеми членами его, ибо являющаяся во сне душа ходит, сидит, движется, чего она не могла бы делать, если бы не походила на тело. Блаж. Августин, по-видимому, сомневается в этом (De Civ. Dei lib. XXI, c. 10), а Ѳома Аквинский отрицает это и говорит прямо: Anima separata a corpore non habet aliquod corpus. Sum. Theol., p. III, Suppl. qu. LXIX, art. 1. Как кажется, Аквинат считал это мнение почти еретическим. Но тем не менее Данте прибегает к этому учению, так как без него он никоим образом не мог бы сделать для нас наглядным состояние души по смерти. Скартаццини. Филалет.

[1133] Примечания: 1133

«Самое простое и весьма наглядное сравнение души, за которою повсюду следует ее воздушная оболочка». Вентури.

[1134] Примечания: 1134

«Как тень только кажется и остается неосязаемою, так и душа в этом теле есть нечто воздушное и неосязаемое». Бути.

[1135] Примечания: 1135

«Hinc metuunt cupiuntque, dolent gaudentque». Виргилий, Aen., lib. IV, 733. Смысл тот: «В силу этого воздушного тела мы говорим, смеемся, плачем и вздыхаем, так как тень наша принимает такое выражение, какое ей придают наши желания и другие радостные или печальные побуждения». Скартаццини.

106. Смотря, каким желанием горим,

Такой и образ мы приемлем, тени;[1136]

И вот ответ сомнениям твоим.[1137]

109. Уж мы пришли в последний круг мучений[1138]

И, повернув направо, занялись

Заботою иной на той ступени.

112. Здесь полымем с утеса пышет вниз,

С карниза ж ветер дует вверх, склоняя

Огонь назад, чтоб защитить карниз;[1139]

115. Так что мы шли, друг другу вслед ступая,

[1136] Примечания: 1136

Т. е. на твой вопрос (стих 20), почему тени подвергаются худобе, — «Смерть не есть распадение в ничто, когда парка спрядет весь лен, т. е. перережет нить жизни; напротив, душа освобождается при смерти от тела, унося с собою в зародыше соединение божеского и человеческого (стихи 79–81). В то время, как низшие силы тела немеют и угасают теперь без органа тела, — собственно ей (душе) свойственные атрибуты, именно рассудок, воля и память, выступают тем сильнее на первый план, так как без посредства тела могут действовать гораздо совершеннее (стихи 82–84). (Сличи Посл. Пав. I Кор. 13, 12). Когда затем душа опадет, согласно приговору суда Божьего (стих 31), на один из берегов, Ахерона или Тибра, и оттуда перенесется опять в одно из определенных для нее мест ада или чистилища, то она занимает, излучая из себя свою собственную творческую силу, окружающий

воздух, для того чтобы отпечатлеть на нем свой собственный образ, подобно тому, как она некогда придавала его веществам тела на земле (стихи 85–96). Это и есть тело тени, которое стало быть и образует подвижную форму отошедшего из мира духа и представляет орган вновь присоединяющихся к нему свойств души, высших и низших. Потому ему дано каждое чувство, как зрение и слух, и возможность выражать желание, воспоминание, радость и скорбь, сообразно и соразмерно волнующим его душевным силам (стихи 97-108). Этим положением Данте отвечает в конце всего изложения на сделанный в стихе 20 вопрос. Впрочем, читатель уже знает из других мест, что это кажущееся тело не более, как переходное и временное, и что в день Страшного Суда всем душам возвратится их земное тело в просветленном навеки или потемненном виде». Флейдерер.

[1137] Примечания: 1137

Стаций излагает, каким образом существуют души после смерти тела, и решает вопрос о том, как могут подвергаться худобе воздушные тела.

[1138] Примечания: 1138

Т. е. в седьмой круг чистилища, где, как сейчас увидим, очищается грех сладострастия.

[1139] Примечания: 1139

В этом кругу очищаются души сладострастных в пламени, исходящем от скалистой стены и занимающем большую часть дороги, окружающей гору. У внешнего края пути остается для путников весьма узкая тропинка, свободная от огня вследствие того, что дующий снизу ветер постоянно отгоняет пламя вверх и внутрь к утесистой стене. Пламя служит естественным выражением плотской похоти и ее мучения. В пламени, как это особенно ясно видно из Чистилища XXVII, 33–42, должно разуметь истинную божественную любовь к высочайшему благу (Чистилища XVII, 97 и примеч.), которая, пробуждаясь в первый раз в душах, преданных ложной любви, мучить их до тех пор, пока они совершенно не освободятся от последней. Дующий снизу вверх ветер или буря служит, может быть, символом именно этой ложной любви, нечистой похоти. Ветер дует от внешнего края окружающей дороги, этот край, как намекается в Чистилища XX, 9, обозначает противоположность божественной скалы, сторону наиболее удаленную от Бога. Согласно этому объяснению, Данте страшится, чтобы ветер — ложное стремление похоти — не снес его с узкой тропы в бездну; но вместе с тем он еще страшится и жара божественной любви. Здесь пламя представляется очищающим, сплоченным, совершенным, а не в виде дождя, от которого бегут в аду души (Ада XIV, 28 и примеч.); здесь же, напротив, они с радостью его выносят. Ноттер. Копиш.

Окраиной, и я страшился: там

Попасть в огонь, а здесь – сорваться с края.

118. – Тут надлежит, – сказал учитель нам,

Держать глаза всегда в узде закона;

Малейший промах здесь ведет к бедам.[1140]

121. «Summae Deus clementine» – из лона[1141]

Великого пожара грянул хор,

Велевший мне взглянуть во пламя оно.

124. И зрел я в нем ходивших душ собор,

И проходил я узкою полоской,[1142]

[1140] Примечания: 1140

«Намек на бдительность, которая необходима для защиты себя от обольщения сладострастием». Филалет. — «Здесь нельзя блуждать глазами по всем направлениям, но должно с одной стороны взирать на огонь, а с другой — на пропасть. Недаром сказал Проперций: Oculi sunt in amore duces». Скартаццини.

[1141] Примечания: 1141

«Summae Deus clementiae» — начальный стих гимна, поющегося во время заутрени. Breiar. Roman., Campoi. 1872. I, pag. 849:

Summae parens clementiae,

Mundi regis qui machinam,

Unius et substantiae,

Trinusque personis Deus.
Nostros pius cum canticis
Fletus benigne suscipe,
Ut corde puro sordium
Te perfruamur largius.
Lambos, jecurque morbidum
Flammis adure congruis,
Accineti ut artus excubent
Luxu remoto pessimo.
Quicnmque ut horas noctium
Nunc concinendo rumpimus
Ditemur omnes affatim
Donis beatae patriae
Praesta, Pater piissime,
Patrique compar Unice,
Cum Spiritu Paraclito
Reguas per omne saeculum. Amen.

Песнь эта как нельзя лучше идет к состоянию очищающихся здесь.

[1142] Примечания: 1142

Т. е. узкой тропинкой между пламенем, исходившим от утесистой стены этого карниза и внешним его краем, граничившим с пропастью.

То под ноги, то к ним бросая взор.

127. Смолк первый гимн, и: «Virum non cognosco»,[1143]

Раздался крик, и снова голоса

Воспели гимн, но в виде отголоска.[1144]

130. И, кончив петь, воскликнули: – В леса

Бежит Диана, чтоб изгнать Каллисто,

В чьи помыслы Венерин яд влился.[1145]

133. И в честь супругов, сохранивших чисто

Свой брачный долг, как требует закон,

За гимном вслед запели голосисто.

[1143] Примечания: 1143

«Virum non cognosco» — Я мужа не знаю — слова Пречистой Девы Марии Архангелу Гавриилу во время Благовещения, Ев. Луки I, 34. — Замечательно, что Данте всегда противопоставляет семи смертным грехам Деву Марию, как тип противоположных этим грехам добродетелей. Гордым она выставляется, как образец смирения (Чистилища X, 44); завистливым — как образец благоволения (XIII, 29); гневным — как образец кротости (XV, 89 и примеч.); недеятельным — как образец заботливости (XVIII, 100 и примеч.); скупым — как образец нищеты и щедрости (XX, 19 и примеч.); чревоугодникам — как образец воздержания (XXII, 142 и примеч.); и наконец, здесь, в кругу сладострастных, — как образец целомудрия. Итак, образ Марии наставляет души вначале, сопутствует им и доводит их до конца очистительного пути к небу. Впрочем, этот тип Богоматери не придуман Данте, он заимствован целиком из Св. Бонавентуры (Speculum Beatae Virginis): Ipsa est Maria, quae et omni vitio caruit, et omni virtute claruit. Ipsa,

inquam, est Maria, quae a septem vitiis capitalibus fuit immunissima. Maria enim contra superbiam fuit profundissima per hutnilitatem, con tra invidiam affectuosissima per charitatem, contra iram mansuetissima per lenitatem, contra accidiam indefessissima per sedulitatem. Maria contra avaritiam tenuissima per paupertatem; Maria contra gulam temperatissima per sobrietatem: Maria contra luxuriam castissima per virginitatem fuit Haec omnia ex illis scripturis intelligere possumus, in quibus nomen Mariae expressum invenimus. Вот что говорит между прочим этот doctor seraphicus о первом и последнем смертном грехе, что имеет прямое отношение к Данте: Maria profundissima fuit per humilitatem; ipsa enim est Maria, de qua dicitur in Luca: Ecce ancilla Domini. — Maria castissima fuit per virginitatem; ipsa enim est Maria, de qua dicitur: Dixit autem Maria ad Angelum: Virum non cognosco. Скартаццини.

[1144] Примечания: 1144

Т. е. лишь кончили петь «Summae Deus clementiae», как раздался возглас: «Virum non cognosco», и затем души опять запели потихоньку первый гимн.

[1145] Примечания: 1145

Пример целомудрия из мифологии. Диана, богиня целомудрия, изгоняет из своего сообщества обольщенную Юпитером нимфу Каллисто, превращенную Юноной в медведицу. Юпитер поместил ее на небе в виде созвездия Большой Медведицы после того, как сын этой нимфы Аркас умертвил ее стрелою (Овидия Превращ. 1 песнь, ст. 453–465).

136. Так, думаю, терзаться осужден
Сонм душ, пока палит их пламень рьяный:
Таким лечением в ходу времен,[1146]

139. Закроются в них, наконец, и раны.[1147]

[1146] Примечания: 1146
«Таким лечением», т. е. пением гимна и возгласами среди пылающего огня. «Раны» — намек на семь *P*, начертанных на челе Данте ангелом при вратах чистилища.

[1147] Примечания: 1147
Очищающиеся в огне души читают молитву, приводя примеры целомудрия.

Песнь двадцать шестая

Седьмой круг: сладострастные и содомиты. – Примеры сладострастия. – Гвидо Гвиничелли. – Арнольдо Даньелло.

1. Пока мы шли так друг за другом краем,

Мой добрый вождь мне повторял не раз:

– Смотри, не будь мной тщетно предваряем.[1148]

4. Мой правый бок палило солнце в час, [1149]

Когда весь запад, залит ярким светом,

[1148] Примечания: 1148

Виргилий повторяет наставление, данное своему ученику в предшествующей песне, стих 118 и следующие.

[1149] Примечания: 1149

Время клонится к вечеру, теперь около 5 час. пополудни; следовательно, поэты употребили около трех часов на восхождение по лестнице между шестым и седьмым карнизом. Так как заходящее солнце светит им справа, то значить, что теперь они идут прямо на юг и стало быть они прошли в третьем, четвертом и пятом карнизах четвертую часть окружности горы, так как при восхождении из второго карниза они направились прямо на запад (чистилища XV, 8).

Из голубого белым стал для глаз.[1150]

7. И падала на пламень темным цветом

Тень от меня, – на диво там всему[1151]

Собранью душ, ходивших в пекле этом.

10. И признак сей был поводом к тому,

Что обо мне там все заговорило:

– Не призрак тот, кто так бросает тьму!

13. И многие, насколько можно было,

К нам подошли с условьем лишь одним —

Не стать туда, где пламя не палило.[1152]

[1150] Примечания: 1150

«Из голубого белым стал». «Естественный цвет безоблачного неба голубой; от лучей солнца цвет этот становится ослепительно белым». Ландино и др.

[1151] Примечания: 1151

Тени, ходящие в огне, подобно тем, которые встречались в других кругах, узнают в Данте живого человека по падающей от него не на землю тени, а на огонь, который становится при этом более темным, вернее — более пламенным, красным — явление, метко подмеченное поэтом в природе». Освещенное солнцем пламя представляется бледным, тогда как в темноте оно яркое, и притом, чем темнее, тем оно становится более ярким. Явление это не только световое, как результат ослабления силы света, но вместе с тем оно есть следствие действительно уменьшенной интенсивности процесса горения при

солнечном свете. Мак-Кивер (Annals of philosophy. New Ser. Voi. X. 344) открыл, что восковые свечи совершенно равного веса, зажженные в одно и то же время, на солнечном свете сгорают медленнее, чем в темноте, а всего быстрее — в совершенной темноте: этим несомненно доказывается уменьшение интенсивности горения при свете и в особенности при солнечном». Филалет.

[1152] Примечания: 1152

Т. е. насколько они могли приблизиться с тем, чтобы не выходить из очищающего их пламени. Муки в чистилище, как не раз было говорено, не только не страшны, но даже переносятся душами с наслаждением и любовью. Сличи Чистилища XI, 13 и следующие; XII, 1–2; XIV, 124–125; XVI, 142; XVIII, 115, XIX, 139; XXI, 66; XXIV, 91; XXIII, 72 и 86.

16. – О, ты, что сзади двух, подолгу к ним,

А не по лени, пролагаешь тропу,[1153]

Ответствуй мне: мы жаждем и горим![1154]

19. Не только мне, но и всему здесь скопу,

Ответ твой жажду утолит полней,

Чем свежий ключ в пустынях Эфиопу.

22. Скажи: что значит, что ты свет лучей

Загородил собой, как бы ни разу

Еще не зрел злой смерти ты сетей?

25. Так мне сказал один из них, и сра-

[1153] Примечания: 1153

«Двух», т. е. Виргилия и Стация. В этом кругу уже нет места для лености, потому что по мере восхождения Данте на гору и по мере того, как с чела его исчезают знаки *P*, он становится все легче и легче; здесь же, в последнем кругу, он делается особенно легким на ходу. Следовательно, заключают души, он отстает от своих товарищей не по лености или усталости, но единственно по долгу уважения к ним.

[1154] Примечания: 1154

В подлиннике: in sete ed in foco ardo, т. е. я горю от жажды и огня. Смысл: я горю в огне, в котором очищаюсь, и от жажды желания узнать, кто ты такой.

зу[1155]

Я б все открыл, не увлеки меня
В то время то, что тут явилось глазу.

28. Шел посреди пылавшего огня[1156]
Навстречу к этим сонм, подъемля пени,
И я стоял, к идущим взор склоня.

31. И видел я, как с двух сторон все тени
Сошлись, и как лобзались их семьи,[1157]
И разошлись от кратких наслаждений.

34. Так рыльцем к рыльцу, встретясь, муравьи
В ватаге черной сходятся средь луга.

[1155] Примечания: 1155

«Один из них», т. е. Гвидо Гвиничелли, как увидим ниже (стих 92).

[1156] Примечания: 1156

Очищающиеся здесь сладострастные разделены на два строя, идущие в противоположном друг другу направлении, подобно душам в аду (XVIII, 26–27) идущим тоже двумя строями.

[1157] Примечания: 1157

Пиетро ди Данте объясняет значение этих поцелуев так: «Dicendo quomodo in conjunctionem osculantur se, ut denotet osculum peccatum in eis fuisse in libidine». Это одно из многочисленных объяснений комментаторами символического значения этого поцелуя. Подробнее см. Скартаццини.

Как бы справляясь про дела свои.[1158]

37. И расходясь из братского их круга.

Пред тем, как в путь пошел пришедший сонм,

Перекричать все силились друг друга —

40. Пришедшие: – Гоморра и Содом!

А эти: – В телку входит Пазифая,

Чтоб насладиться похотью с быком![1159]

43. Как журавли летят: одна их стая

К пескам, другая – в край Рифейских гор,[1160]

То холода, то солнца избегая, —

[1158] Примечания: 1158

Одно из удивительных сравнений, доказывающих замечательную способность подмечать малейшие подробности нравов и жизни животных: «Vera poi nella similitudine ogni circonstanza: la fretta, l'incontrarsi muso a muso, la brevita dell'atto, e il continuar senza sosta». Вентури, Simlitudini, p. 275.

[1159] Примечания: 1159

Города в Палестине, сожженные огнем небесным за противоестественные пороки их жителей. О Пазифае см. примечание Ада XII, 12. Два сонма теней выставляют друг другу на вид, как поношение, эти примеры позорного невоздержания (стих 47 и 79).

[1160] Примечания: 1160

«К пескам», именно Ливитским, в жаркий климат, Рифейские горы *(τά Ῥιπαῖα ὄρη)*, горы, помещавшиеся древними греками где-то далеко на севере, вечно покрытые снегом, может быть Уральские горы.

46. Так приходил и уходил здесь хор.
Подъемля с плачем те же восклицанья
И ту же песнь, что пели до сих пор.[1161]

49. И подошли ко мне из их собранья
Те, коими вопрос мне первый дан,
И полон был их образ ожиданья.

52. Я, видевший уж дважды скорбь их ран,[1162]
– О, души, – начал, – вам же обеспечен
Когда-нибудь вход в царство мирных стран,

55. Не бросил я, незрел, иль долговечен,
Там членов тела, но несу с собой
И кровь, и плоть, судьбой моей отмечен.[1163]

[1161] Примечания: 1161
«Ту же песнь» — Summae Deus clementiae (Чистилища XXV, 121).

[1162] Примечания: 1162
Т. е. я, видевший уже два раза их сильное желание узнать обо мне (стихи 12 и 16).

[1163] Примечания: 1163
Т. е. я еще не умер ни в молодых годах, ни в старости. «Там», т. е. на земле. «Судьбой моей отмечен», т. е. нахожусь под особым покровительством неба.

58. Иду ж я вверх, да прозрит взор слепой![1164]

Жена есть там: ее благоволеньем[1165]

Вношу в ваш мир я смертный груз плотской.

61. Но да свершится быстрым исполненьем

Цел ваших дум – в том крае обитать,

Где мир любви, где круг быстрей вращеньем![1166]

64. Имен своих, чтоб мог я их вписать,[1167]

Не скройте мне, и почему уходит,

Поведайте, тот сонм за вами вспять?

[1164] Примечания: 1164

«Стих этот имеет величайшую важность для ясного уразумения основной идеи Божественной Комедии. По засвидетельствованию самого поэта, цель его странствования в странах вечности заключается в том, чтобы излечиться от своих заблуждений. Цель же его странствования и цель его поэмы одна и та же. И так, цель поэмы не только политическая, ни чисто поэтическая, но глубоко нравственная и религиозная». Скартаццини.

[1165] Примечания: 1165

По мнению одних, Беатриче; по мнению других — Дева Мария.

[1166] Примечания: 1166

Т. е. в высочайшем круге неба — эмпирее, имеющем наибольшую быстроту движения.

[1167] Примечания: 1167

Разумеется: вписать в страницы моей поэмы, чтобы передать потомству.

67. С каким тупым смущеньем взором бродит

Тот житель гор, который, груб и дик,

Весь онемев, впервые в город входит, —

70. Таким у всех теней смутился лик,

Когда ж замолк в них ужас изумленья

(С высоких душ оно спадает вмиг), —

73. – Блажен, о ты, кто, к нам вступив в владенья, —

Вновь начал тот, что первый говорил,[1168]

– Чтоб лучше жить, здесь копишь наблюденья!

76. Народ, нейдущий с нами, согрешил

На том, за что в триумфе Цезарь хором

[1168] Примечания: 1168
Т. е. Гвидо Гвиничелли.

Насмешников Царицей назван был.[1169]

79. Он прочь пошел, крича Содом с Го-
морром,
Как слышал ты, и тем себя винит
И множит жар огня своим позо-
ром.[1170]

82. Был собственный наш грех – герма-
фродит! [1171]
Законов человеческих чуждаясь,[1172]
По-скотски
жили мы, забывши стыд.[1173]

85. Зато народ сей, с нами расставаясь,
В бесчестье нам, кричит нам имя той,
Что осквернилась, под скотом скры-

[1169] Примечания: 1169

Юлий Цезарь в юности в своих сношениях с царем вифинским Никомедом так опозорил свою славу, что получил в насмешку название царицы; вследствие этого во время триумфального шествия Цезаря в Рим после завоевания Галлии (Светоний, Vit. Jul. Caes. e. 49) солдаты его между другими песнями пели следующее:

Gallias Caesar sulegit, Nicomedes Caesarem:
Ecce Caesar nunc triumphat, qui subegit Gallias:
Nicomedes non triumphat, qui subegit Caesarem.

Отсюда следует заключить, что в этом сонме очищаются души преданных противоестественному пороку.

[1170] Примечания: 1170

Т. е. их самообвинение усиливает жар огня, служащего к их очищению.

[1171] Примечания: 1171

«Грех — гермафродит», peccato fu ermafrodito. Гермафродит — сын Меркурия (Гермеса) и Венеры (Афродиты): nomen quoque traxit ab illis; с чертами отца он соединял грацию и красоту матери. Он слился в одно тело с нимфой Салмакидой. Эта терцина подала повод к толкованиям, особенно со стороны старинных комментаторов. Сделав оценку большей части этих мнений, Скартаццини приходит к следующему выводу: di Poeta parla qui di semplici lussuriosi, e le sue parole bisogna intenderle: Que' che non vengon con noi peccarono maschio con maschio; noi peccammo maschio con femina; ma perché non ci tenemmo entro i limiti della ragione e dell' ordine, perchè seguimmo l'appetito come fanno le bestie, perciò gridiamo a nostra vergogna il nome di Pasifae». В подтверждение этого мнения, Скартаццини приводить слова Аквината касательно этого греха, тем более здесь важные, что Данте постоянно следует Аквинату. «Peccatimi luxuriae consistit in hoc quod aliquis non secundum rectam rationem delectatione venerea utitur. Quod quidem contingit duppliciter: uno modo secundum materiam in qua hujusmodi delectationem quaerit; alio modo secundum quod materia debita existente, non observantur aliae debitae oonditiones». Sum. Theol., p. II, 2-ae, qu. CLIV, art. 1. В том же параграфе Фома Акв. различает шесть видов сладострастия: fornicatio simplex, adulterami, incestus, stuprum, raptus и vitium contra naturam. Последний грех той толпы, которая кричит, уходя: «Содом и Гоморра!» Другая толпа согрешила в одном из остальных пяти видов греха. Что же касается до греха скотоложства, то, очевидно, Данте и не упоминает о нем, основываясь на словах Аквината. «Bestialitas a Sanctis ponitur extra numerum peccatorum, quasi gravius eis; tamen si ad aliquod de

septem capitalibus reduci debeat, poterit ad superbiam reduci, secundum definitionem Augustini». Ibid., art. 11. Что же касается басни о Пазифае, то, очевидно, Данте смотрел на нее, как на аллегорию, точно так, как смотрел на нее Сервий (ad Virg. Aen., lib. VI, v. 24), т. е. как на символ неумеренного, возводящего на степень животного, стремления человека к удовлетворению плотской своей страсти.

[1172] Примечания: 1172

«Законов человеческих». См. предыдущее примечание. «Usus venereorum potest esse absque peccato, si fiat debito modo et ordine, secundum quod est conveniens ad finem generationis humanae». Фома Акв., p. II, 2-ae,qu. CLII, art. 2. — Каннегиссер очень верно объясняет этот стих: «Menschliches Gesetz, entgegengesetzt dem natürlichen».

[1173] Примечания: 1173

«По-скотски». — «Человек, который в чести и неразумен, подобен животным, которые погибают». Псалом XLVIII, 21.

ваясь.

88. Так вот кто мы! вот в чем наш грех плотской!

Коль хочешь все узнать не мимолетно, —

Нет времени для повести такой.[1174]

91. Что до меня, – откроюсь я охотно;

Я Гвиничелли, очищаюсь здесь,[1175]

Заране там покаявшись несчетно.

94. Отдался
чувству сыновей я весь,[1176]

Узревших мать в тот час, как приключилась

Ликурга скорбь (сравнюсь ли с ними

[1174] Примечания: 1174

«Нет времени» или потому, что наступает вечер, или, что вернее, потому, что число этих грешников так велико, что мне недостало бы времени всех их перечислить — обстоятельство, которое опять говорит в пользу вышеприведенного (примечание к стиху 82) объяснения очищающегося здесь греха. Бенвенуто Рамбалди.

[1175] Примечания: 1175

Гвидо Гвиничелли из Болоньи, один из лучших ранних итальянских поэтов, предшественник Данте, который отзывается о нем с большой похвалой, называя его nobile (Convivio, tr. IV, c. 20), и massimo (Vulg. eloq. lib. I, c. 15). Он процветал около 1250 г. (ум. 1276), был ярый гибеллин, а по профессии юрист (Сличи примечание к Чистилища XI, 98). — Кардуччи говорит о нем (Studi letterari, p. 35): «Nella canzone del Guinicelli la fredda affettazione dei seculi cede luogo all' imaginoso

sentimento lirico, la dovizia misera del ritmo provenzale all'ondeggiamento armonioso e solenne della stanza italica, le forme convenute agi' intelletti della scienza». — Особенно прославилась его канцона, начинающаяся словами: «Al cor gentil ripara sempre Amore».

[1176] Примечания: 1176

Смысл — радость моя при виде Гвиничелли была так же велика, как радость Тоанта и Эвнея при виде найденной ими матери Изифиллы в ту минуту, когда ей угрожала смерть за то, что она не сберегла от змеи сына немейского царя Ликурга (Сличи Чистилища XXII, 109–114 примеч.). Данте имеет здесь в виду стихи Стация, Theb., lib. V, v. 721 и следующие:

Per tela manusque
Irruerant, matremque avidis complexibus ambo
Diripiunt flentes, alternaque pectora mutant.

днесь?),[1177]

97. Когда того мне имя вдруг открылось,

Отец кто мне, и тем, кто лучше нас,[1178]

В ком петь любовь искусство возродилось.

100. Глухой, безмолвный, в думу погрузясь.

Я долго шел, в него глаза вперивши.

Но подойти не смел, огня страшась.

103. Взор наконец виденьем усладивши,

Я отдался к его услугам весь,

Приветствием его к себе склонивши.

[1177] Примечания: 1177

«Сравнюсь ли с ними днесь?», ибо я не мог броситься к нему в объятия, как сделали дети Изифилля, так как этому препятствовало пламя, в котором находился Гвиничелли. Замечательно, что то же самое делает Данте при встрече с своим учителем Бруйетто Латини (Ада XV, 43 и след.), и с тремя флорентинцами (Ада XVI, 46 и след.) в седьмом кругу ада.

[1178] Примечания: 1178

«Данте, вероятно, потому называет Гвиничелли своим отцом в искусстве стихотворства, что он (Гвиничелли), как кажется, был чуть ли не первым из тех поэтов, которые воспевали не только любовь, но и философские предметы под видом любви, как впоследствии это делал сам Данте. По крайней мере, приведенная у Кресчимбени канцона («Al cor gentil ripara sempre Amore») написана именно в этом роде; она даже

имеет до того разительное сходство с последнею, комментируемою в Convivio, канцоною Данте («Le dolci rime d'Amor ch'io solia»), что некоторые, напр. Фавсто да Лангиано, пришли к убеждению, что Convivio написал не Данте, а Гвиничелли». Филалет. — Знаменитый стих Данте: «Amor, che al cor gentil ratto s'apprende» (Ада V, 100), заимствован у Гвиничелли, который еще до Данте пел: «Foco d'Amore in gentil cor s'apprende».

106. И он: – Все то, что ныне слышу здесь,

Кладет в меня столь сильный след, что Лета

Не смоет, все смывавшая поднесь.

109. Но коль не ложь – речь твоего привета,

Скажи мне: что причиной, что в твоих

Словах и взорах дышит страсть к нам эта?

112. И я: – Звук сладких ваших слов живых![1179]

Покуда длится говор человечий, —

Нам ни забыть чернил, писавших их!

115. И он: – Тот дух, что ждет с тобою встречи,

(И указал мне), лучше на земли

Ковал язык свой, мать родной нам ре-

[1179] Примечания: 1179

«Ваших» — из чувства уважения, Данте обращается к Гвинничелли, как и к учителю своему Брунетто Латини в аду, а также к предку своему Каччья Гвиди в раю на «вы», «ваши».

чи.[1180]

118. Как в прозе фабул, так в стихах любви[1181]

Он выше всех, и свет пусть крик подъемлет

Лиможцу в честь, – ты крику не внемли![1182]

121. Под шум молвы суд правды в свете дремлет[1183]

И, ложное составив мненье, он

Ни разуму, ни вкусу уж не внемлет.

124. Так некогда прославился Гвиттон,[1184]

Из рода в род хвалим молвой беспечной,

[1180] Примечания: 1180

Т. е. писал стихи на провансальском языке лучше, чем на родном итальянском. «Язык, мать родной нам речи»: del parlor materno. «Forse intese Dante che la lingua provenzale d'allora e l'italiana fossero una». Биаджиоли.

[1181] Примечания: 1181

В подлиннике: Versi d'amore e prose di romanzi. Слово «проза» здесь надобно понимать так, как оно понималось Данте. По определению Glossariumdel Du Fresne: «Prosa, latinis scriptoribus, oratio pedestris, recta, quae versificatae opponitur»; также и Данте poeti противопоставляет prosaici dicitori (Vit. Nuov. § 25); Бланк (Vocab. Dant. p. 404) говорит: «les troubadours appelaient prose leurs compositions qui n'étaient pas divisées en stances, mais écrites en tirades monorimes et qui consistaient en recits épiques». Диец (Poesie der Troubadours, стр. 208) полагает, что Данте

разумеет под именем прозы низкий поэтический стиль, а под словом «versi» — высокий стиль, стихотворный. Для решения этого вопроса необходимо было бы знать, как написаны два романа Арнольда Даниеля — стихами или прозой. Торквато Tacco (Discorso sopra il parere di Francesco Patricio, Voi III, p. 167) замечает, что романы на языках провансальском или кастильянском всегда писались не в стихах, но в прозе. Но из трех дошедших до нас провансальских романов — «Girart de Roussillion», «Jaufre» и «Philomena» — два первых написаны в стихах, а последний — в прозе.

[1182] Примечания: 1182

Упоминаемые здесь два провансальских поэта, без сомнения, Арнольд Даниель из Перигора и Герольд де Борнейль из Лиможа, которых Данте очень часто цитирует в своей de Vulgari Eloquentia. Из числа трех предметов, которые он считает преимущественно перед другими достойными быть воспеваемыми народным языком, именно оружие, любовь и прямодушие, первое, говорит он, воспевал Бертрам де Борн, вторую — Арнольд и третье — Герольд. Арнольд из Перигора жил в конце XII века (ум. 1189), занимался в начале науками, затем бросил это поприще, чтобы воспевать в стихах одну прекрасную даму. Позднее он пел в честь многих других дам, почему Данте, может быть, и поместил его в этот круг, так как его любовные похождения едва ли всегда были чисто платоническими. Отличительная черта его стихотворений — необыкновенная искусственность в построении слов, образов и особенно рифм. «Секстина», по-видимому, его изобретение. По мнению некоторых, он был также автором романа Lancelot du lac. Напротив, Герольд (Лиможец) чуждался брака и любви; зиму он посвящал наукам, летом — обходил дворы от двумя музыкантами, как трубадур, но не брал ничего в свою пользу, раздавая бедным все, что ни получал в награду за пение. В свое время он пользовался великой славой и был назван главою трубадуров (ум. 1278). Почему Данте ставит Арнольда

выше «Лиможца» — вопрос этот теперь трудно решить при нашем малом знакомстве с сочинениями обоих этих поэтов. Сисмонди, в своей Littérature du Midi, не особенно хвалит Арнольда, как поэта, также Ренуар, величайший знаток провансальской литературы, ставит ему в упрек темноту и изысканность. Напротив, в свое время он был весьма прославляем и Петрарка сказал о нем:

Fra tutti il primo Arnoldo Daniello,
Gran maestro d'amor; eh' alla sua terra
Ancor fa onor col suo dir nuovo e bello.

(Trionfo d'Amore IV, 40–42).

Отзывы о Герольде также не очень высоки. Монах Монтанда говорит, что стихи его жидки, плаксивы и напоминают крики утки, которая трещит на солнце (Кресчимбени, выпуск II, 1710, стр. 22–22, 106–107). Филалет, К. Витте, Скартаццини.

[1183] Примечания: 1183

«Anche gli altri dicono cosi, è la perpetua scusa degli stolti». Бенвенуто Рамбалди. — Pluresenim magnum saepe nomen falsis vulgi opinionibus abstulerunt.Боеций Cons. phil., lib III, pr. 6.

[1184] Примечания: 1184

Гвиттон из Ареццо. Сличи Чистилища XI, 98 примечание.

Слово «аббат» имело в древнем языке весьма высокое значение и означало отец или вождь; так Гуго Капет титуловался аббатом Парижа.

Пока над ним суд не был изречен.

127. Но если так взнесен ты бесконечно,

Что путь открыт в обитель, в те места,

Где сам Христос – аббат над братьей вечной, —

130. То «Отче наш» прочти ты у Христа!

Насколько здесь, где кончилась ошибка

Греха, для нас нужна молитва та.[1185]

133. Чтоб место дать той тени, что так шибко

Стремилась к нам, он тут исчез в огне,

Как в лоне вод ко дну уходит рыбка.

136. Я, подошел к указанному мне,

Сказал, что я в моем душевном мире

[1185] Примечания: 1185

Очищающиеся в чистилище более уже не грешат (Чистилища XI, 22–24 примечание), потому прочти за нас молитву Господню лишь до слов: «не введи нас во искушение, но избави нас от лукавого», так как такое прошение для нас уже излишне.

Почет ему готовлю в тишине.[1186]

139. И сладостью запел он, как на лире:
Tan m'abellis vostre cortes deman;*
Qu'ieu no-m puesc, ni-in vueil a vos cobrire:

143. Je sui Arnaut, que plor et vai cantan;
Consiros vei la passada folor,
E vei jauzen la ioi qu'esper, denan.

145. Ara vos prec per aquella valor,
Que vos guida al som de l'escalina
Sovenha vos a teinps de ma dolor.

148. Тут поглотила тень огня пучина.[1187]

140. Так нравится мне милый ваш во-

[1186] Примечания: 1186

«Так как эти спутники идут в одном направлении с Данте и его спутниками, то Гвидо должен был уступить свое место Арнольду, шедшему тотчас перед ним; так что Гвидо стал вторым в ряду душ». Филалет.

[1187] Примечания: 1187

Эти терцины в подлиннике написаны на провансальском языке. Филалет перевел их старинным немецким языком Нибелунгов (и тем же размером), Бланк — просто древненемецким языком. Я хотя и перевел эти терцины на русский язык, но вместе с тем оставил и провансальский подлинник, соединив его, как и у Данте, посредством рифм с цепью предшествовавших терцин. Надобно заметить, что эти провансальские терцины очень испорчены в списках, так что существует около 8 различных редакций этих стихов.

прос,
Что грудь мою я вам открою шире.

142. Я тот Арно, что здесь пою от слез
О прошлой пошлости при мысли горькой,
И жду, чтоб Суд мне вечный мир принес.

145. И я молю вас силой той высокой,
Что вас ведет на верх горы, о нас
Попомните в судьбе такой жестокой.

Песнь двадцать седьмая[1188]

Седьмой круг. – Сладострастные. – Ангел Чистоты. – Переход через пламя. – Подъем в земной рай. – Последние слова Виргилия.

1. Как в час, когда луч первый солнце мещет

Туда, где кровь Творца его лилась

(Меж тем как знак Весов над Эбро блещет,[1189]

4. Над Гангом же горит девятый час), —

Так солнце здесь стояло, день кончая,

[1188] Примечания: 1188

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ ПРИМЕЧАНИЕ.

Это место, составляет после IX песни Чистилища (стихи 42-132), второе основное место для развития всей Божественной Комедии. — Исполненным раскаяния созерцанием мук ада и продолжительным очищением и освобождением от грехов в чистилище, к чему поэт допускается отпущением в IX песни, Данте, человек, приобретает вновь свободу духа, потерянную в грехах; воля его чиста и не в противоречии с Богом; Бог возрождается в нем всецело. До сих пор он имел главным путеводителем Виргилия. Но состояния, которого по воле Божьей ищет человек и находит только чрез правильное применение разума при посредстве установленного Провидением института императорства и папства, — этого состояния достиг уже теперь и Данте; все же он должен еще окончательно приблизиться к Богу при помощи единственного руководительства благости — Беатриче, которая уже по

дальнейшему ходу развязки начинает с IX песни понемногу заменять Виргилия. Таким образом роль Виргилия окончена. Хотя он идет еще некоторое время (вместе со Стацием), но не произнося ни единого слова, и внезапно исчезает в XXX, 49. — Соответственно этому получает форму последнее развитие событий в третьем отделе Чистилища, в который мы вступаем с XXVIII песнью. На плоской вершине горы, красиво опоясанный лесом и огражденный приветливым ручейком, на противоположном его берегу расположен «земной рай» с древом жизни, местопребывание совершенных душ, созревших и готовых к восприятию их настоящим раем, т. е. небом. Отождествленный в этой песни (стихи 77-142) с эдемом и первобытным состоянием, земной рай наглядно представляет: 1) в общем, первоначально Богом положенное, идеальное состояние христианства, которое наступило бы уже при надлежащем поведении людей (Виргилий); оно собственно воплощает именно основную идею всей Божественной Комедии (см. XXXI, Предварительное примечание); 2) для каждого отдельного человека, тем более для Данте, — тоже возвращение к первобытному со стоянию, завершение происшедшего в IX песни оправдания чрез освящение и возрождение, и, таким образом, достижение состояния совершенного блаженства, того христианского совершенства, которым Чистилище необходимо должно закончиться, а человек подняться от «земного» к «небесному блаженству» и таким образом совершиться переход от второй части Божественной Комедии к третьей. — Сначала нам тут встретятся подготовительные символы; мы увидим Данте приближающимся к ручью; на противоположном его берегу он видит чудную процессию — истинную церковь и собрание праведных, пока в средине процессии Беатриче не снимает с себя покрывало, чтобы, как восполняющая благость и небесная премудрость свыше, утвердить весь совершенный до настоящего времени поэтом очистительный путь и сообщить ему венец, — последнее освящение христианского

совершенства и подготовки к пути небесному, как мы это ближе увидим в XXX–XXXII песнях». Флейдерер.

«Мы очевидно достигли здесь третьего отдела Чистилища, т. е. земного рая, и этот сон есть как бы его предчувствие. Для облегчения понимания уместно еще раз возобновить в памяти значение первых двух отделов: преддверия чистилища и самого чистилища, чтобы объяснить ими значение третьего отдела, прибавив к этому из философии того времени все, что может служить его освещению.

Если преддверие чистилища означает действия, предшествующие акту настоящего очищения, если вступление во врата чистилища означает самый этот акт или восприятие освящающего помилования в таинстве крещения или покаяния и если, кроме того, семь кругов очищения (собственно чистилище) означают исправление и освобождение от грехов, происходящие от взаимодействия вспомоществующей благости и свободной воли, то третий отдел должен означать завершение очищения чрез посредство восполняющей благости. Весьма глубокомысленно, что поэт помещает сюда земной рай, так как по совершении очищения устраняется всякое действие наследственного греха, и человек вступает вновь в райское состояние первоначальной праведности, безгрешности и блаженной внутренней гармонии, без которого он может беспрепятственно вознестись к конечной своей цели, созерцанию Бога.

В этом отношении весьма знаменательны три сновидения Данте, которые он видел в продолжение трех ночей, проведенных им в чистилище. В первую ночь, у врат чистилища, ему представляется Лючия — восполняющая и действующая благость; во вторую, среди кругов покаяния, он видит борьбу человека с чувственностью и поддержку его вспомоществующей благодатью, и здесь, у входа в земной рай, ему приснился третий сон, значение которого видно из последующего, как указание на состояние совершенства.

Чтобы надлежащим образом понять взгляд на совершенство Фомы Аквинского, которого мы здесь, как и в других случаях, принимаем нашим путеводителем, необходимо несколько углубиться в его учение, поскольку оно касается взглядов на добродетель. Всюду, где заходит речь об этом вопросе, он рассматривает добродетель, как склонность к добру. Она так же обозначается еще, как совершенство силы душевной, направленной к деятельности, именно — хорошей: perfectio potentiae quaedeterminatur ad bene operandum. Оттого-то она может принадлежать только собственно душевным силам, случайностям только душевным; потому что тело, как материя, может чем-нибудь стать; дух же, как форма, может что-нибудь совершить. Sum. Theol. 2-ae, I, qu. LVI, art. 3, 6. — Соответственно этому добродетели подразделяются, во-первых, по двум душевным силам, разуму и воле, на умственные и нравственные, смотря потому, будут ли они усовершенствованием той или другой силы.

Умственные добродетели, опять-таки, во-первых, такие, которые принадлежат спекулятивному, и, во-вторых, практическому разуму. К первым причисляют: разум, знание и мудрость, а именно — разум обозначает способность по отношению к непосредственно познаваемым принципам, две других добродетели означают способности по отношению к познаванию истины чрез посредство исследования, а именно знание — относительно различных познаваемых предметов, мудрость — относительно высшей правды. Практическому разуму, напротив, принадлежат: искусство и благоразумие; первое — правильное знание того, что должно делать, второе — того, как должно поступать. Из всех этих добродетелей одно лишь благоразумие причисляется к добродетелям в собственном смысле, потому что оно направляет свободу выбора людей относительно средств для достижения определенной конечной цели. Так как добродетель — способность действовать хорошо, то предметами добродетели могут быть только такие душевные силы,

которые или сами принадлежат воле, или же руководятся волею. Это случается при благоразумии, так как оно предполагает волю для достижения цели.

Другие же умственные добродетели — второстепенные добродетели, потому что они дают только способность к правильному познаванию, которая — благое проявление разума, и к этому должна еще присоединиться воля, которая приводит в движение разум.

Нравственных добродетелей насчитывается весьма много; из них заслуживают упоминания лишь три, которые вместе с благоразумием составляют четыре главные добродетели. Одна из этих трех относится собственно к поступкам, — справедливость, и две — к обузданию и направлению страстей, именно умеренность по отношению к чувственным и самообладание по отношению к гневливым страстям. Все они принадлежат к добродетелям в собственном смысле. Ibid. qu. LVII–LXI.

Человек может достигнуть этих добродетелей и приобретаемого чрез них блаженства своими природными, врожденными ему силами, хотя и не без божественной помощи. Но есть еще высшее блаженство, состоящее в известном участии в божественном существе, и для его приобретения необходимы высшие добродетели, достигнуть которых человек может лишь тем, что ему придается нечто исходящее от Бога; однако же, при этом не исключается свобода действия со стороны человека. Эти добродетели называются богословскими, потому что они имеют предметом Бога, исходят от Бога и даруются нам божественным откровением.

Одна из них — вера — относится тоже к области умственной; это особого рода добродетель, так как человек должен актом своей воли подчинить спекулятивный разум откровению. Напротив, надежда и любовь относятся к области воли, причем первая направляет ее к своей цели, как к чему-нибудь достижимому, последняя же, так

сказать, превращает ее в эту цель. В этой последней, как самой высокой добродетели, находятся соединенными все нравственные добродетели и даже можно сказать, что только ею довершаются богословские добродетели. Ibid. qu. LXII–LXV. Оттого-то в ней, а не в исполнении евангельских поучений, и заключается совершенство; поучения же служат скорей только средствами для совершенства.

Но совершенство, которого может достигнуть человек, двоякое: во-первых, когда его склонность постоянно и действительно, насколько он это может, бывает направлена только к Богу, и этого совершенства он может достигнуть только в небесном раю; во-вторых, когда он находится в состоянии, в котором он, не будучи постоянно действительно направлен к Богу, тем не менее, исключает из себя все, что противно любви к Богу, и это совершенство достижимо на земле и олицетворяется земным раем.

Оно достижимо двояким образом, а именно: или деятельною жизнью, или созерцательною.

Деятельная жизнь имеет прямою целью исполнение добрых дел; познание истины — ее средство. Оттого она и состоит, во-первых, в достижении нравственных добродетелей, включая и благоразумие, но не исключая и умственных добродетелей. Созерцательная жизнь имеет прямою целью познание истины, особливо божественной. Для нее существенно необходимо приобретение умственных добродетелей, но она не может тоже обойтись без нравственных: так как любовь к Богу предназначает разум для стремления к познанию Бога, то другие добродетели этого отдела нужны ей как предварительные условия, ибо без овладения страстями чистое познавание истины невозможно.

Хотя оба пути годны для достижения блаженства, все же созерцательная жизнь имеет больше заслуги, так как она непосредственно направлена к любви к Богу. Деятельная жизнь, напротив, лишь посредственно, а непосредственно — к любви к ближнему. Поэтому

деятельная жизнь должна предшествовать созерцательной. Теперь не трудно изложить значение сна, о котором идет речь. Мы находим и у Фомы, с ссылками на некоторые места у св. Григория, Лию и Рахиль выставленными, подобно Марфе и Марии, как типы деятельной и созерцательной жизни; так о Лии сказано, что она была слаба глазами, но плодная, имя же Рахили означает видимое начало: она была неплодная, но красива. Ibid., qu. CLII.

Деятельная жизнь имеет целью украшение себя добрыми делами, как цветами, созерцательная — находить удовлетворение в познавании истины, которое есть, так сказать, око души.

Конечная цель человека, достигаемая им чрез посредство добродетели, — блаженство, которое в своем совершенстве состоит в созерцании и внушении Божества, а чрез это разум и воля человека находят полное удовлетворение. Ibid. 2-e, qu. IV. Это блаженство достижимо лишь в будущей жизни. Но уже и в этой жизни можно найти неполное блаженство, которое дается добродетельною частью в надежде на небесное блаженство, частью в начинающемся пользовании им, как бы в предвкушении его. Это блаженство олицетворено земным раем.

Для толкования поэта важное значение имеет и то, что Фома, подобно Данте, считает евангельские блаженства как ступени, по которым человек достигает высшего блаженства, но только он не считает их, подобно Данте, дарованными людям в награду за победу над главными грехами, но принимает, что в первых трех блаженствах указывается на устранение ложного земного счастья, именно чрез «блаженны нищие духом» — по отношению к внешним благам и внешней славе, чрез «блаженны плачущие» — по отношению к гневливым, чрез «блаженны кроткие» — по отношению к чувственным страстям. Два следующих относились к деятельной жизни и к приобретаемому ею блаженству, притом «блаженны алчущие и жаждущие правды» — к исполнению долга справедливости и «блаженны милостивые» — к исполнению

долга любви; наконец, два последних — «блаженны чистые сердцем» и «блаженны миротворцы» — к созерцательной жизни, условие которой — чистота сердца, плод — мирное блаженство». Филалет.

[1189] Примечания: 1189

«Данте определяет здесь время дня на четырех различных точках земного шара: в Иерусалиме (где Богочеловек пролил кровь Свою) был час восхождения солнца; на реке Ганге — полдень (нона есть церковный термин, обозначающий полдень: отсюда английское слово noon); на горе Чистилища — вечер; на реке Эбро (в Испании) — полночь, ибо знак Весов, в котором теперь находится солнце, стоит диаметрально противоположно знаку Овна. Отсюда видно, что Данте, как уже было сказано в примечаниях Чистилища II, 1–3, представлял себе Ганг и Испанию (Эбро), отстоящими от Иерусалима к востоку и западу равно на 90». Сличи Рая IX, 86. Теперь вообще около шести часов вечера 29-го марта, или 9-го, или 12-го апреля 1300 года; поэты провели в этом круге около часа». Филалет. — «Солнце теперь восходит в том месте, где Христос искупил мир Своею кровью, и в тот самый миг, когда странники должны вступить в огнь пламенной любви, которым Он крестит, по слову евангелиста Луки III, 10: «Он будет крестить вас Духом Святым и огнем». Копиш.

Когда Господень Ангел встретил нас.[1190]

7. Вне пламени, он, возвышаясь с края,[1191]

Пропел «Beati mundo Corde» нам,[1192]

Как не звучит на свете песнь живая.[1193]

10. Потом: – Проникнуть можно к тем местам

Не иначе, как сквозь огонь: войди же?[1194]

О, род святой, чтоб внять поющим там!

13. Так он сказал, лишь подошли мы

[1190] Примечания: 1190

«Господень Ангел». В других кругах один, здесь два ангела, один по ту, другой по эту сторону пламени. Первый ангел — ангел целомудрия, второй, по-видимому, — страж врать в земном раю. — «In principio noctis quando ut plurimum committitur et incalescit vitium et crimen luxuriosi ignis, fingit se mitti et duci ab Angelo, id est ab judicio conscientiae, et a Virgilio, id est ab judicio rationis, eodem tempore in fllammam et incendium conscientiae et reprehensionis talis vitii». Пьетро ди Данте.

[1191] Примечания: 1191

«С края» (in su la riva), т. е. в конце дороги, по которой идут друг за другом поэты.

[1192] Примечания: 1192

«Beati mundo corde», блаженны чистые сердцем, яко тии Бога узрят». Матф. V, 8. Без совершенной чистоты невозможно приблизиться к Богу.

«Quemadmodum lumen hoc videri non potest nisi oculis mundis, ita nec Deus videtur, nisi sit mundum cor quo videri potest». Блаж. Августин. De Serm. Dom. — Итак, стих этого евангельского блаженства приведен здесь весьма уместно при выходе из последнего круга и вместе с тем при выходе из всего чистилища.

[1193] Примечания: 1193

Сличи Чистилища XIX, 45.

[1194] Примечания: 1194

Смысл, — последнее *P* (peccatum) уничтожается не иначе, как огнем Божественного правосудия.

ближе;

И, слыша то, я обмер, как злодей,

Кого спускают в ров все ниже, ниже.[1195]

16. И вспомнил я, глядя на пламень сей,

Всем телом вытянут, простерши руки,[1196]

Казнь виданных мной на костре людей.[1197]

19. И подошли вожди ко мне, и звуки[1198]

Я слышал слов Виргилия: – Мой сын,

Здесь смерти нет, но могут быть лишь муки![1199]

[1195] Примечания: 1195

Намек на жестокую казнь, которой в средние века подвергались убийцы, зарывавшиеся живыми, головою вниз, в яме, что называлось propagginare (Ада XIX, 49–51 примечание).

[1196] Примечания: 1196

«Этот стих в высшей степени пластично изображает наклонение вперед верхней части тела с вытянутыми вперед сложенными руками, — движение отчаяния и вместе с тем отклоняющей просьбы». Штрекфусс.

[1197] Примечания: 1197

Следовательно, Данте присутствовал при исполнении правосудия над преступниками, осужденными на огненную смерть на костре. Это страшное зрелище рисуется теперь в его воображении.

[1198] Примечания: 1198

Т. е. Виргилий и Стаций.

[1199] Примечания: 1199

Огонь чистилища горит, но не истребляет. Наказание и здесь соответствует свойству греха. Огонь седьмого круга есть символ огня плотского, который здесь очищается. «Dum carnalis vita corrigitur, et usque ad abstinentiae atque orationis studium a perflcientibus perveniretur, quasi jam in altari caro incenditur: ut inde omnipotentis Dei sacriflcium redoleat, unde prius culpa displicebat». Св. Григорий. Mor. lib. XXVII, c. 3.

22. О! вспомни, вспомни... Если я один
Тебя сберег, подъятый Герионом,[1200]
То здесь, близ Бога, кину ль без причин?

25. И верь ты мне, что если б, скрытый лоном
Сего огня, в нем пробыл сто веков, —
И
волоска ты-б не утратил в оном.[1201]

28. И чтоб за ложь не счел моих ты слов,
Приблизься сам и, взяв конец одежды.
Вложи в огонь смелей: он не суров.

31. Так брось же, брось боязнь и, полн надежды,
Вернись ко мне и – смело в огнь за мной.
Но я стоял упорнее невежды.

34. И, видя, что я твердой стал ска-

[1200] Примечания: 1200
Ада XVII, 91 и след.

[1201] Примечания: 1201
«И волос с головы вашей не пропадет». Луки XXI, 18; Матф. X 30. Деяния Апост. XXVII, 34.

лой,[1202]

Слегка смутясь, сказал он: – «От царицы

Ты отделен, мой сын, лишь сей стеной![1203]

37. Как, слыша имя Фисбе, вдруг зеницы

Открыл Пирам в миг смерти и взглянул, —

И алым стал цвет ягод шелковицы,[1204]

40. Так дух во мне вождь мудрый пошатнул

Тем именем, что каждый раз так звонко

[1202] Примечания: 1202

В подлиннике: fermo e duro, cllle qui in suo sensu perseverat rigidus et durus per similitudinem vocatur». Фома Акв. Sum Theol., p. III, Suppl. qu 1, art. 1.

[1203] Примечания: 1203

В подлиннике: Or vedi, figlio! Tra Beatrice e te è questo muro. «От царицы», т. е. от Беатриче; «Здесь личная цель, поэтически-аллегорическая основа всей Божественной Комедии, напоминается нам в прекрасно-поэтическом образе Беатриче». Флейдерер. Смысл: одно только препятствие отделяет тебя от твоей царицы Беатриче, которая явится тебе в земном раю. При имени Беатриче поэт тотчас же решается преодолеть опасность страшного пути. Сличи Чистилища VI, 49 и след.

[1204] Примечания: 1204

Овидий, Превращ., кн. IV, ст. 138–146. Пирам и Фисбея из Вавилона тайно от своих родителей любили друг друга и нередко переговаривались

между собою сквозь щель в стене, разделявшей два смежные дома их родителей. Раз они назначили свидание за городом, у гробницы Нина. Фисбея пришла первая, но, испуганная львицей, бежала от нее, оставив головное покрывало. Вскоре затем явился Пирам и, видя львицу с окровавленным в пасти покрывалом своей возлюбленной и полагая, что львица растерзала Фисбею, в отчаянии кинулся на свой меч. Вслед за этим возвратилась Фисбея на назначенное место и нашла умирающего своего друга; на звук ее голоса последний открыл глаза, чтобы закрыть их затем навеки.

Имя Тизбы внемля, глаза уже тяжкие смертью

Поднял Пирам.

Перевод Фета.

Не желая пережить Пирама, Фисбея умертвила себя подле своего любовника его же мечом. От брызнувшей при этом крови на куст шелковицы, под которым это происшествие случилось, переменился, от сострадания, белый цвет ягод на алый (у Овидия в черный, ater). — «Сравнение выбрано здесь весьма глубокомысленно, так как дело идет о решении при выборе между вечною жизнью и вечною смертью». Ноттер.

Звучит душе, будя в ней страсти гул.

43. И, покачав челом, с усмешкой тонкой:[1205]

– Что ж, остаемся здесь? – спросил, меня

Дразня, как манят яблоком ребенка.

46. Тут предо мной вошел он в пыл огня,

И Стация, что шел меж нас вначале,[1206]

Просил идти вослед мне, тыл храня.

49. Вхожу. Но, ах! в клокочущем металле

Или стекле прохладней было-б мне,

Чем в пекле том, пылавшем в страш-

[1205] Примечания: 1205

«Покачивание головою, как замечено в примечании Чистилища I, 42, означает в Италии и неудовольствие, и вопрос». Ноттер. — «Виргилий качает головой потому, что он побуждает своего ученика лишь наградой сделать то, чего потребует разум; ибо он похож на ребенка, упрямство которого побеждают обещанием дать ему яблоко». Штрекфусс. — «Что ж, остаемся здесь?», в подлиннике: Cornei Volemci star di qua? — выражение ироническое, подобное тому, как говорят с детьми.

[1206] Примечания: 1206

Вначале впереди шел Виргилий, за ним Стаций и наконец Данте; теперь Данте идет за Виргилием, а за Данте Стаций. В земном раю Данте идет впереди обоих поэтов.

ном шквале.

52. Чтоб ободрить мне сердце в том огне,

Он говорил о Беатриче с жаром:

– Уж взор ее мне виден в вышине![1207]

55. И чей-то глас, нам певший за пожаром,[1208]

Нас вел в пути, и, внемля песне сей,

Туда, где всход, мы шли в огне том яром.[1209]

58. – «Venite benedicti patris mei»,[1210] —

Звучало нам во свете столь блестящем,

Что я, смущен, не смел возвесть очей.

[1207] Примечания: 1207

«Gli occhi di Beatrice sono le ragioni sottilissime et efficassime e l'intelletti sottilissimi, che hanno avuto li Teologi in considerare e contemplare Iddio et insegnare a considerarlo e contemplarlo». Бути.

[1208] Примечания: 1208

«Не видя пути в огне, поэты идут на звук голоса. Это голос ангела, стоящего с другой стороны пожара. Во всех кругах странники встречали лишь одного ангела; здесь же два ангела; первый из них — ангел целомудрия; этот второй, как мы уже сказали, как бы страж земного рая, представляющий тех стражей с пламенными мечами, которых поставил Господь в охрану сада Эдема. Во всех других кругах ангел всегда уничтожал одно из *P* на челе поэта; в этом круге Данте не говорит, чтобы кто-нибудь снял с него последнее *P*, без сомнения, намекая на то, что последнее P, обозначающее peccatum luxuriae, уничтожило у него

на челе самое пламя, через которое они проходят. «Et nota auctorem in hoc vitio fuisse multum implicitum, ut nunc ostendit de incendio quod habuit in dieta fiamma in reminiscentia eonscientiae». Пьетро ди Данте.

[1209] Примечания: 1209

Т. е. до лестницы, высеченной в скале и ведущей на самый верх горы — в земной рай.

[1210] Примечания: 1210

«Придите, благословенные Отца Моего», слова Спасителя, которые он говорит праведным в день Страшного Суда. Матф. XXV, 34. — Слова эти здесь говорит ангел тем, которые уже очистились, в особенности Стацию. И здесь я удержал, как и везде, латинский текст; но последнее слово mei следует читать, для рифмы, слитно, как мей.

61. – Уж сходит ночь за солнцем заходящим, —

Он продолжал: – вперед! ускорьте шаг,

Пока нет мглы на западе горящем.

64. Так прямо путь вел вверх нас чрез овраг,

Что пред собой последний отблеск света

Я рассекал, бросая тени мрак.[1211]

67. Ступени три прошли мы, как и эта

Исчезла тень; о погруженном в сон

Светиле дня узнали два поэта.[1212]

70. И прежде чем безмерный небосклон[1213]

[1211] Примечания: 1211

Читатель может теперь себе представить весь кольцеобразный путь, пройденный Данте вокруг горы Чистилища. Начиная с берега острова, на котором стоит гора Чистилища, шли преимущественно к западу вверх по горе до врат чистилища (Чистилища IX, 76); следуя оттуда постепенно к северу, западу и югу по лестницам и кольцевидным дорогам, чрез семь кругов, они обогнули половину горы и достигли противоположной стороны того пункта, к которому причаливают к горе с моря. Остается лишь последний подъем по лестнице в восточном направлении для достижения края верхней террасы, представляющей земной рай». Флейдерер. — «Лестница, по которой теперь подымаются поэты, идет совершенно прямо в расселине скалы и озаряется лучами заходящего против нее солнца, почему тень от Данте ложится на ступенях прямо перед ним. Итак, лестница была обращена к западу и поэты

шли теперь по ней на восток. Антонелли. — «Согласно примечаниям Чистилища XXVI, 4–6, поэты шли по дуге седьмого круга прямо к югу; теперь, обратясь для восхождения на гору к ее центру, они должны идти к востоку и иметь заходящее солнце у себя за спиною. Следовательно, они взбираются теперь на гору в направлении, противоположном тому, по которому они шли вначале (Чистилища III, 16), обогнув, таким образом, понемногу половину всей окружности горы». Филалет.

[1212] Примечания: 1212

Не имея права оборачиваться назад (Чистилища IX, 132), поэты и Данте заключают о захождении солнца по мгновенно исчезающей перед Данте тени. «Кому случалось когда-нибудь видеть с высокого места захождение солнца в море и постепенное погружение мира в ночной мрак на обширном кругозоре, тому эти немногие слова покажутся в высшей степени пластичными». Флейдерер.

[1213] Примечания: 1213

«Безмерный небосклон», к подлиннике: in tutte le sue parti immense orizzonte. «С той высоты, на которой теперь находится Данте, горизонт действительно представляется безмерным». Антонелли.

Угас совсем, повсюду мрак умножа,
И развернулся всюду ночи фон,[1214] —

73. Уж всяк из нас избрал ступень для ложа. —
Вверх возбранял всходить закон горы,
Не волю в нас, а силы уничтожа.[1215]

76. Как козочки и резвы, и бодры,
Пока не сыты, лазят на утесах,
И, утолив свой голод, в час жары,

79. Лежат в тени на каменных откосах.
Пастух же там, как истинный отец,
Их сторожит, склонясь на длинный посох,[1216]

82. И как овчар, открытых гор жилец,

[1214] Примечания: 1214

В подлиннике: E notte avesse tutte sue dispense. «And Night her boundless dispensation held», перевод Лонгфелло.

[1215] Примечания: 1215

По захождении солнца законы чистилища воспрещают восходить на гору. Сличи Чистилища VII, 58–59 примеч.

[1216] Примечания: 1216

В этих двух удивительных, чисто-идиллических сравнениях поэт изображает, каким образом он и его спутники провели ночь в ожидании рассвета; в первом сравнении он описывает себя, во втором — двух поэтов, бодрствующих на страже около него.

Всю напролет проводит ночь у стада,
Чтоб хищный зверь не растащил овец, —

85. Так мы втроем там были, где прохлада, —
Я – как овца, певцы – как стражи гор.
Вокруг же нас отвсюду скал громада.

88. Был мал над нами неба кругозор;
Но я и в малом небе зрел светила
Крупней и ярче, чем до этих пор.[1217]

91. Пока я созерцал их, охватила
Меня дрема – дрема, что нам порой
Вещает то, что будущность нам скрыла.

94. В час, думаю, когда уж над горой
С восточных стран сверкает Ците-

[1217] Примечания: 1217

«Снова ночь препятствует, как и везде, восхождению в гору. Снова странники должны ее переждать в узком ущелье на лестнице. Но небольшой кругозор, открытый глазам между скал, сияет необыкновенною многообещающею ясностью». Флейдерер. — «Такой вид светил Данте, вероятно, относит значительному своему приближению к звездному небу, или действию необыкновенной чистоты атмосферы на такой высоте». Филалет.

рея.[1218]

Горящая огнем любви живой, —

97. Приснилась мне, прекрасна, как лилея,

На луг пришедшая цветки срывать

Младая дева, певшая, как фея.[1219]

100. – Кто хочет знать, кто я, тот должен знать:

Я – Лия, та, чьи руки не ленятся[1220]

Прелестные венки мои сплетать,

103. Чтоб ими в зеркале мне любоваться;[1221]

Сестра ж моя? Рахиль, от своего[1222]

[1218] Примечания: 1218

«Цитерея» утренняя звезда, денница, Венера, названная Цитереей по острову Цитере. Из примечания Чистилища I, 21, видно, что Данте, хотя и ошибочно, полагает, что в это время года планета Венера подымается на востоке за несколько времени до восхода солнца. О силах, какие приписывались этой планете, смотри примечание Чистилища I, 19. — «Над горой», т. е. над горой Чистилища.

[1219] Примечания: 1219

«Младая дева», — это Лия (см. стих 101 и примеч.). Она умерла не молодою, но поэту она представляется в том возрасте, в котором воскреснут все мертвые. «Omnes resurgent in aetate juvenili». Фома Акв. Sum. Theol., p. III, qu. XLVI, art. 9. «Цветки», по Ландино, суть «le virtudi adoperate murali», по Пьетро ди Данте — «le opere apparecchiate a far frutto».

[1220] Примечания: 1220

«Лия» — первая жена патриарха Иакова, дочь Лавана. кн. Бытия,

XXXIX, 16 и след. Отцы церкви считали ее символом активной жизни (еврейское значение — утомленная). «Per Liam», говорит Св. Григорий (Hom. Il in Ezech.), «quae fuit lippa, sed fecunda, significatur vita activa, quae dum occupatur in opere, minus videt: sed dum modo per verbum, modo per exemplum ad imitationem suam proximos accendit multos in opere bono filios generata. Он же в другом месте (Mor. lib. VII, c. 28): «Quid per Liam nisi activa signatura Quid per Rachelem nisi contemplativa? In contemplatione principium, quod Deus est, quaeritur; in operatone autem sub gravi necessitatela fasce laboratur». — «Руки» означают «le opere, gli atti virtuosi li quali, come fiori vari, fanno corona di loda e di gloria a chi li coglie e ponseli in capo, cioи in su lo suo intelletti». Бути.

[1221] Примечания: 1221

Т. е. я украшаюсь здесь, чтобы самой себе мне любоваться, отражаясь в Боге, который есть зеркало совести, как совесть есть зеркало человека.

[1222] Примечания: 1222

Рахиль, сестра Лии, вторая жена Иакова, символ, как сказано, жизни созерцательной (еврейское значение — быть нежным, мягким).

Зерцала ввек не может оторвать-
ся.[1223]

106. Очей своих ей блеск милей всего;
Я ж украшаюсь рук трудами в неге;
Мне – в действии, ей – в зренье торже-
ство.[1224]

109. Уж в небе первые зари набеги.
Блеск коих пилигриму тем милей,
Чем ближе к родине его ночлеги,[1225]

112. От всюду гнали ночи иглу, а с ней —
И сладкий сон, и я, открывши очи,
Восставшими уж славных зрел во-
ждей.[1226]

[1223] Примечания: 1223

«От своего зерцала», т. е. от Бога.

[1224] Примечания: 1224

В подлиннике: Lei Io vedere, e me l'ovrare appaga, т. е. мне действовать согласно воле Бога, ей созерцать дивные свойства его. О значении этого сновидения смотри заключительное примечание к этой песни.

[1225] Примечания: 1225

Человек, совершающий долгое путешествие, ожидает с нетерпением каждое утро; самое же приятное утро для путника будет то, которое даст ему надежду увидеть в тот же день до наступления ночи свою родину. Такое именно утро наступило теперь для Данте, когда он может навсегда утолить свой голод до наступления ночи (стих 117). — «Первые зари набеги», в подлиннике: gli splendori antelucani, т. е. предутренние.

«Как капля утренней росы, сходящей на землю». Премудр. Соломона, XI, 23 — «В этом, как бы случайном прибавлении или украшении заключается намек на скорое окончание второй части странствования и вообще всего странствования в замогильной стране». Каннегиссер.

[1226] Примечания: 1226

«Славные вожди» — Виргилий и Стаций.

115. – Тот сладкий плод, к нему ж изо всей мочи,

По всем ветвям, стремится род людской.

Твой голод утолит еще до ночи.[1227]

118. Так мне сказал Виргилий: о! какой

Подарок в мире с словом тем Виргилья

Сравнился бы отрадой неземной!

121. И так во мне удвоились усилья[1228]

Стремиться вверх, что с каждым шагом ввысь

Во мне росли, казалось, воли крылья.

124. По лестнице мы вихрем пронеслись.[1229]

[1227] Примечания: 1227

О значении яблока см. выше (чистилища XXII, 131–132). Яблоко, которое ищет по всем ветвям человечество, есть высшее или истинное благо, то, что делает человека истинно счастливым (Чистилища XVI, 91–92 и примечание). Символом счастья в этой жизни служит земной рай, куда в настоящую минуту готов вступить Данте. II так, Виргилий говорит: «То счастье, которого ищут люди на стольких и столь различных путях, утолит сегодня твои желания в земном раю». Сличи Боеция (Phil. Cons. lib. III pr. 2), откуда слова этих стихов взяты почти буквально. В Божественной Комедии Данте — не только отдельная личность, но и представитель всего человечества. Люди стремятся различными путями достигнуть того блага, которое может сделать их истинно счастливыми. Но есть только одна дорога, ведущая к истинному блаженству, и эта дорога — именно та, по которой до сих пор проходил Данте под

руководством Виргилия, дорога через ад, или чрез сокрушение, и потом чрез чистилище, или чрез очищение. Сладкое яблоко не созревает в аду, но искать его должно не иначе, как пройдя через ад. Этого яблока нет между осужденными; но человек может и должен отыскивать его чрез созерцание, но не испытание, мук над осужденными. Равно нет этого яблока и в различных кругах чистилища, но оно находится на вершине горы; человек может и должен отыскивать его, не только созерцая, но и испытывая на себе муки очищающихся. Только лишь покинув за собою круги ада и карнизы чистилища, только лишь после того, как испытаны и ужас греха, и благо обращения на путь истинный, Данте может надеяться, что сладкое яблоко утолит навеки голод его желаний» Скартацини. Сличи Чистилища XV, 77 примечание.

[1228] Примечания: 1228

В подлиннике: Tanto voler sopra voler mi venne.

[1229] Примечания: 1229

В подлиннике: Come la scala tutta sotto noi Fu corsa, т. е. когда под нами вся лестница пробежала. Восхождение это было столь быстро и радостно, что поэту кажется, будто не он и его два спутника бегут по лестнице, но что сама лестница бежит под их ногами.

И лишь пришли к ступени той конечной.

Как уж в меня глаза его впились,[1230]

127. И он сказал: – Огнь временный и вечный[1231]

Ты зрел, мой сын, и вот! пришел туда,

Где разум мой бессилен быстротечный.[1232]

130. Мой ум с искусством ввел тебя сюда:[1233]

Руководись теперь уж сам собою,[1234]

Не крут, не узок путь, нет в нем труда.

133. Смотри, как солнце блещет пред тобою,[1235]

[1230] Примечания: 1230

Поэты взошли теперь на самую вершину горы Чистилища.

[1231] Примечания: 1231

«Огнь временный» — огонь чистилища, огнь «вечный» — огонь ада. «И пойдут сии (осужденные) в муку вечную». Матф. XXV, 40. — «Ibunt in ignem aeternura. Sed purgatorius ignis est temporalis... Ignis purgatorius est aeternus quantum ad substantiam, sed temporalis quantum ad effectum purgationis». Фома Акв. Sum. Theol., p. III, Suppl. art duo, de Purg. art. 2.

[1232] Примечания: 1232

Где земные знания достигли своего конечного предела, т. е. в земном раю; где функция Виргилия, как символа императорской власти, кончилась, поскольку эта власть должна вести человека к счастью временному, символом которого служит земной рай. До этого предела может достигнуть человек под руководством одного разума; для

того же, чтобы продолжать отсюда путь для достижения блаженства в жизни вечной, одного разума уже недостаточно, но необходимо откровение — il lume divino (De Monar. lib. III, c. 16). Хранитель разума, по учению Данте, — император; хранитель откровения церкви, или, если угодно, глава церкви — папа. Но разум не видит далее того, где необходимо, чтобы имело свое начало откровение. Потому Данте заставляет Виргилия сказать, что он теперь достиг того предела, где он сам по себе, без озарения божественного, не может уже ничего видеть. «Dicendo Virgilius quod ulterius eum ducere non poterat, hoc est, quod ratio deficit circa ea quae sunt fidei. Unde in Decretis: fides non habet meritum, cui ratio praebet experimentum; et ubi ratio deficit, fides supplet». Пьетро ди Данте, — «Таково толкование всех древних и значительной части новейших комментаторов. Одно впрочем забывают прибавить при этом, что этот Виргилий, ведущий Данте туда, куда может достигнуть разум человеческий, олицетворяет собою не только отвлеченный человеческий разум, но есть вместе с тем и символ того, которого функция состоит в том, чтобы направлять род человеческий к временному блаженству — secundum philosophica documenta (De Monar. 1 т.), и что, стало быть, и Беатриче не может быть символом теологии и откровения in abstracto, но олицетворяет собою и ту власть, функция которой есть secundum revelata humanum genus perducere ad vitam aeternam (De Monar. ibid.)». Скартаццини.

[1233] Примечания: 1233

В подлиннике: Tratto t'ho qui con ingeno e con arte. — «Развитием спекулятивного и практического разума достиг ты этой точки; теперь же начинается созерцание непосредственного познания». Филалет. — «До сих пор было потребно исследование и стремление; теперь же начинается свободное, внутреннее познание в единстве с божественною благостью». Флейдерер. — «Io t'ho condotto sin qui facendo uso del dono concessomi da natura come pure delle arti da me studiate». Скартаццини.

[1234] Примечания: 1234

В подлиннике: Lo tuo piacere ornai prendi per duce, собственно — идти по своей воле. «Он (Бог) оставил его (человека) в руке произволения его». Премудр. Иис. сына Сирах., XV, 14. — Piacere выражает иногда свободный выбор, иногда совет, Здесь, очевидно, piacere употреблено в смысле совета, а не произвола. «Piacere не может иметь значения воли; воля не может быть здесь вождем, но воля должна управляться разумом. Только в конце этой части (XXXIII, 145) Данте чувствует себя вполне чистым и способным вознестись к звездам. Но прежде чем вознестись к ним, Данте, хотя и очищенный от семи смертных грехов, должен еще принести тяжкое покаяние при появлении Беатриче. В каком же грехе должен он пред ней покаяться? В грехе, как мы увидим ниже, сомнения, колебания веры». Скартаццини.

[1235] Примечания: 1235

Смысл: «Ты обратился к востоку, где рождается всяческая благодать и слава, т. е. на прямой путь к достижению последней цели, блаженства». Ландино. — Вообще под символом солнца Данте разумеет Бога, солнце духовное и интеллектуальное (Convivio, tr. III, с. 12)» Итак, Виргилий хочет сказать, что Данте достиг теперь того состояния, при котором он не нуждается более в вожде, имея теперь лучшего вождя — свет божественный». Скартаццини.

Смотри, как травки, кустики, цветы

Рождает здесь земля сама собою![1236]

136. Пока придут те очи красоты,

Что мне в слезах явились в злой юдоли,[1237]

Здесь можешь сесть, ходить здесь можешь ты.[1238]

139. Не жди речей, моих советов боле, —

Творить свободно, здраво, прямо выбор дан[1239]

Тебе, своей покорствуя лишь воле, —

142. И мной венцом и митрой ты венчан.[1240]

[1236] Примечания: 1236

Эти стихи будут подробно изъяснены в следующей песни.

[1237] Примечания: 1237

Т. е. Беатриче. Сличи Ада II, 116: Gli occi lucenti lacrimando volse, Per che mi fece del venir più presto.

[1238] Примечания: 1238

Опять намек на жизнь деятельную и созерцательную; первую обозначает хождение, вторую — сидение.

Хотя Виргилий и остается несколько мгновений при Данте и Стации (Чистилища XXVIII, 146 и примеч. XXIX, 55–57 и примеч.) и исчезает лишь с появлением Беатриче (XXX, 43–54), но не открывает более уст и остается лишь для того, чтобы передать своего ученика той, которая его поручила покровительству его.

[1239] Примечания: 1239

«После всех этих очищений сердце человека опять становится чистым и беспорочным, и оно хочет только справедливого и благого». Каннегиссер.

[1240] Примечания: 1240

В подлиннике: Perch' io te sopra te corono e mitrio. — «Твоя воля исцелилась от всех действий первородного греха и стала свободною от всего, что противоречит свету Божьему: ты можешь и должен ей следовать, ибо она ведет прямо к цели; поэтому-то ты и не нуждаешься в том двояком руководительстве, которое приводит в порядок все человеческое (примечание Чистилища XVI, 94–96). Теперь ты стал некоторым образом твоим собственным и императором и папою». Филалет. Сличи Скартаццини.

Песнь двадцать восьмая

Земной рай. – Река Лета. – Матильда. – Происхождение воды и ветра в земном раю. – Природа божественного леса.

1. Желаний полн скорей проникнуть в недра

Божественных густых лесов, где тень[1241]

Свет умеряла, так струимый щедро

4. Тем новым днем, – покинул я ступень[1242]

И, тихо-тихо лугом подвигаясь,[1243]

[1241] Примечания: 1241

«Божественных», насажденных рукою самого Господа. «Насадил Господь Бог рай в Едеме на востоке». Бытия II, 8.

[1242] Примечания: 1242

Новый день, т. е. четвертый по выходе из ада. День здесь вместо солнца. — «Ступень», в подлиннике: la riva — край, берег, т. е. последняя, верхняя ступень лестницы. Отсюда начинается равнина или плоскость на вершине горы Чистилища, на которой расположен земной рай. — «Помещая земной рай на вершине высочайшей в мире горы Чистилища, Данте придерживается мнения схоластиков, в особенности Фомы Аквинского, который подробно трактует курьезный вопрос о том, есть ли земной рай место телесное, было ли это место удобно для обитания в нем человечества и проч. (Фома Акв. Sum. Theol., p. I, qu. CII, art. 1–4). Аквинат именно учит, что рай был место

телесное, помещенное в восточных странах земного шара, в странах, составляющих благодатнейшие части земли. Cum autem Oriens sii dextera cooli, dextera autem est nobilior quam sinistra: conveniens fuit ut in orientali parte paradisus terrenus instituetur a Deo. Это высочайшее место, которое pertingit usque ad lunarem circulum, и кроме того seclusus a nostra habitatione aliquibus impedimentis vel montami vel mariuro, vel alicujus aestuosae regionis, quae pertransiri non potest; это — страна божественная, et digna ejus qui secundum imaginem Dei erat, conversatio; locus temperato et tenuissimo et purissimo aere circumfulgens, plantis semper floridis comatus, etc. Также Петр Ломбардский (Sent. lib, II, dist. 17) учит, что рай земной отделен от земли, ныне обитаемой, et in altro situs, usque ad lunarem circulum pertingens. И Гуго С. Виктор, по цитате Фомы: In parte orientali fertur esse locus eminentissimus, ut non aquae diluvii ibi pertingere potuissent. Наконец, в том же смысле учили Дамаскин (De orthod. Fid, lib. II, c. 11), блаж. Августин (in Genes. VIII, c. 7) и др. Но никто до Данте не помещал чистилища на откосах той горы, на вершине которой, по общему мнению, был помещен земной рай. Сличи Чистилища I, 1 и примечание». Скартаццини.

[1243] Примечания: 1243

Следовательно Данте, тотчас же начинающий шествие, предпочитает направление жизни деятельной направлению жизни созерцательной (сличи примечание к ст. 138 предыдущей песни). Ноттер. — «Тихо-тихо»: lento lento — оборот итальянский, значит очень тихо, как в церковно-славянском: зело-зело (весьма много).

Вступил в благоухающую сень.

7. И тиховейный воздух, не меняясь[1244]

Вовеки здесь, мне веял вкруг чела,

Как ветерок, едва его касаясь,

10. И, шелестя листами без числа,

Гнул их туда, где от горы священной[1245]

Тень первая в долине той легла;

13. Но не настолько гнул, чтоб сокровенный[1246]

В листве хор птичек проявлять не смел

Свой дивный дар в музыке несравненной:[1247]

[1244] Примечания: 1244

«В этом тихом ветерке древние толкователи видят вечно живую, но бесстрастную волю». Каннегиссер.

[1245] Примечания: 1245

Все листья нагибались к западу, куда обращена теперь и утренняя тень от горы; причина этому объяснится в примечании к стиху 103 этой песни.

[1246] Примечания: 1246

Аллегорический смысл: «деятельность очистившегося человека не настолько еще велика, чтобы он вследствие ее позабывал возноситься к Богу молитвою и благодарственным славословием». Каннегиссер.

[1247] Примечания: 1247

Т. е. сгибая ветви; ветерок был не настолько силен, чтобы мог спугнуть сидящих на них птичек. «Следовательно птицы, подобно прочим живым существам, не изгнаны из рая. Вообще птицы, по крайней мере певчие, по народному воззрению, суть такие существа, в которых удержалось нечто райское». Ноттер.

16. Напротив, хор торжественно гремел,

Полн радости, в том раннем утра часе,

И, вторя хору, целый лес гудел.[1248]

19. Так, слив в одно все звуки сладкогласий

(Когда велит сирокко дуть Эол),[1249]

Гудит лес пиний на брегу Киасси.[1250]

22. Шаг, хоть и тихий, так меня завел

В тот древний лес, что я не мог бы оком

Заметить
место то, где я вошел,[1251] —

[1248] Примечания: 1248

В подлиннике: Che (le foglie) tenevan bordone alle sue rime. — Bordone — род толстой и длинной дудки, которая, на подобие контрабаса, издавала постоянно одну ноту (гудела), между тем как другие инструменты выводили различные ноты. Итак, шум листьев служит как бы второй пению птиц.

[1249] Примечания: 1249

В этом сравнении говорится о знаменитом лесе пиний — зонтикообразных сосен, с незапамятных времен растущих на адриатическом берегу, недалеко от Равенны (где погребено тело Данте), в той местности, которую Данте называет Киасси или Классе. «Живя изгнанником в Равенне, Данте часто посещал этот едва ли не самый великолепный лес Италии, и там в уединении, погруженный в свои думы, внимал этому шуму на берегу Адриатического моря». Бенвенуто Рамбалди. — Лес этот находится недалеко от запустевшего ныне приморского городка

Классе, где когда-то была гавань, в которой стоял на якоре флот императоров. В подлиннике: Tal, qual di ramo in ramo si racoglie Per la pineta, in sul lito di Chiassi, т. е. как шелест, передающийся от ветви к ветви; здесь выражается как бы каждый малейший звук, прежде чем все сольется в один шелест. Вентури (Le similitudine dantesche).

Сирокко — известный южный ветер, дующий (иногда даже зимою) в Италии и приносящий удушливый жар. — «Эол» — Бог ветров. Сравнение заимствовано из Виргилия, Aen. I, 52 и след.

Aeoliam venite His vasto rex Aeolus antro

Luctantes veutos tempestatesque sonoras

Imperio premit ac vinclis et carcere frenat.

[1250] Примечания: 1250

«Едва ли следует указывать читателю на величественную, чисто лирическую прелесть изображения утра посреди этого леса». Флейдерер. — «Исполненный жизни божественный лес, весь проникнутый чистым воздухом богоподобия и веянием послушания Господу, противопоставляется здесь дикому, лютому, смерть приносящему лесу греховного мира перед началом ада» (Ада I, 2 и примеч.)». Ноттер.

[1251] Примечания: 1251

Подобная же мысль выражена почти теми же словами при входе Данте в лес самоубийц (Ада XV, 13–15). «Данте идет медленно (стих 5) для того, чтобы все осмотреть надлежащим образом: и при направлении в активную жизнь не должна быть оставляема без внимания и жизнь созерцательная». Ноттер.

25. Как вдруг мне путь был прегражден потоком;[1252]

Он мелкой рябью влево наклонял

Всю мураву на берегу широком.

28. Всех самых чистых вод земных кристалл,

В сравненьи с ним, не так еще прозрачен,

Чтоб ничего от взоров не скрывал,

31. Хоть там течет поток тот мрачен, мрачен,

Где вечно тень, где каждый солнца луч

И луч луны навеки был утрачен.[1253]

34. Сдержав мой шаг, не мог сдержать

[1252] Примечания: 1252

Так как Данте идет с запада прямо на восток, а этот поток пересекает ему путь, то стало быть он течет с юга на север. — «Этот поток, как увидим ниже (стихи 124–128) — раздвоенный поток из одного источника; в этом месте он называется Летой, уничтожающей воспоминания о грехах, а далее, в противоположном от Леты направлении, Эвноэ, оживляющей воспоминания о добрых делах. Итак, поэта еще отделяет от настоящего рая река Лета, из которой он еще должен испить (XXXI, 101), и наконец река Эвноэ, в которую он должен будет погрузиться (XXXIII, 143) для того, чтобы вознестись на небо». Штрекфусс. — «Состояние воспринятой безгрешности обусловливает два обстоятельства: во-первых то, что воспоминание о прежних заблуждениях и прегрешениях утрачивается, а во-вторых то, что воспоминание о наших добрых делах оживает и берет перевес. Это олицетворяется двумя реками

— Летой и Эвноэ. Забвение грехов при этом предшествует; потому и Данте прежде всего встречает Лету». Каннегиссер.

[1253] Примечания: 1253

Аллегорический смысл этой терцины был объясняем комментаторами различно. Так, например, по толкованию Бути, воды Леты означают «добродетельные мысли в душе очищенной, уничтожающие в ней память о прошедших пороках и грехах», деревья — «святые речи», солнце, не освещающее волны Леты, — «мирскую похвалу», луна — «изменчивость жизни» и проч. Но вернее полагать, что здесь Данте держался учения схоластиков. По их мнению, у воскресших в день Страшного Суда сохранится память о совершенных ими делах добрых и злых. «Quamvis multa, merita et demerita a memoria exciderint, tamen nullurn eorum erit quod non aliquo modo maneat in suo effectu, quia merita quae non sunt mortificata, manebunt in proemio quod eis redditur; quae autem mortificata sunt, manent in reatu ingratitudinis, quae augetur ex hoc quod homo post gratiam susceptam peccavit. Similiter etiam demerita quae non sunt per poenitentiam delecta, manent in reatu poenae, quae eis debetur; quae autem poenitentia delevit, manent in ipsa poenitentiae memoria, quam simul cum aliis meritis in notitia habebunt. Unde in quolibet homine erit aliquid ex quo possit ad memoriam sua opera revocare». Θома Акв. Sum. Theol., p. III, Suppl. qu. LXXXVII, art. 1. Согласно с этим учением, у Данте души в аду имеют память о совершенных ими делах злых и добрых; избранные души терзает память о совершенных грехах при входе в рай. По мнению Скартаццини, эта терцина не заключает в себе никакого аллегорического смысла; но Данте, как кажется, имел в виду при описании божественного леса некоторые черты Нового Иерусалима из Святого Писания, например из Апокалипсиса XXI, 23: «Город не имеет нужды ни в солнце, ни в луне для освещения своего; ибо слава Божия осветила его, и светильник его — Ангел». Этой

терцине подражал, почти скопировав ее, Тассо в своем Освобожденном Иерусалиме, XV, ст. 56:

Но меж брегов муравчатых и злачных,
В русле глубоком быстрая волна,
Укрытая в тени деревьев мрачных,
Бежит, журча, прохладна и темна;
Но так светла струя тех вод прозрачных,
Что явственна вся пестрота их дна,
И берег их, покрытый травкой нежной.
Дает приют прохладно безмятежный.

«Мрачен-мрачен» — опять итальянский оборот: bruna-bruna, см. примечание к стиху 5.

мне ключ

Очей, и я дивился несказанно,

Как юный Май здесь роскошью могуч.

37. И я узрел – (так мы порой нежданно

Вдруг видим то, что изумляет нас,

Все помыслы в нас извращая странно) —

40. Узрел жену: она в тот ранний час[1254]

Шла с песнями, срывая цвет за цветом,

Которыми весь путь пестрел для глаз.

43. – О, дивная, сияющая светом

Любви святой, коль говорят не ложь

[1254] Примечания: 1254

Жена — это Матильда которую Данте называет по имени лишь в конце этой части поэмы (XXXIII, 119). Комментаторы весьма разногласны относительно того, откуда Данте заимствовал это имя. Большинство, однако ж видит в этой Матильде знаменитую приятельницу папы Григория III, графиню Тосканскую. Она была внучкою греческого императора; мать ее переселилась в Италию; сама она была наделена римским императором большими имениями, отличалась великим благочестием, построила много монастырей и завещала все свое имущество папскому престолу. Она погребена в 1060 году в Пизанском соборе. Следовательно, она была великая благотворительница римской церкви, но едва ли в смысле, согласном с воззрением Данте на папскую власть. Некоторые, особенно итальянские исследователи, видят в Дантовской Матильде германку, саксонку, одни — набожную супругу Генриха Птицелова, внуку Видекинда и мат императора Оттона Великого, умершую в Кведлинбурге в 968 году и впоследствии

сопричисленную к лику святых. Действительно, вся ее личность превосходно соответствует всем намерениям поэта; неизвестно только, была ли она достаточно известна в Италии во времена Данте. Другие (Dr. Лубен, в Граце, в своем сочинении (1860) «La Matelda di Dante Alighieri) видят в ней святую бенедиктинскую монахиню Матильду из монастыря Хельпеде, ныне Хельфта при Эйслебене, сестру святой Гертруды. От нее (ум. 1292) сохранились некоторые «Видения», имеющие много аналогичного с Божественной Комедией и в особенности с Чистилищем; так, например, в одном из этих «Видений», описанная гора добродетели имеет поразительное сходство с горою Чистилища у Данте. Как у него, она разделена на 7 отделов, хотя несколько в ином порядке, чем у Данте. Но едва ли эта монахиня могла послужить тем символом, который придает Данте своей Матильде; к тому же сказанные «Видения» первоначально были писаны по-немецки, и едва ли Данте знал о их существовании. Наконец, третьи видят в ней просто аллегорию; между прочим Гёшель в своем посмертном сочинении весьма остроумно высказывает ту мысль, что Матильда есть не что иное, как Donna gentile его Vita Nuova и Convivio и олицетворяет собою философию, уже не как противоположность Беатриче — богословию, но примиренную с нею. — «Из примечания к Чистилища XXVII, 97 видно, что Матильда реализует представившийся Данте в сновидении образ Лии, следовательно, деятельную жизнь, ревность к добрым делам. Но точно также в Матильде можно видеть высшую степень усердия к добрым делам, именно преданность и любовь к церкви и благотворительность к ней, чем собственно прославилась историческая Матильда; следовательно, это деятельная любовь, — первая из трех благодатей. Матильда относится к Лии, как Беатриче к Рахили». Каннегиссер. — «Эту прекрасную жену всего проще, по нашему мнению, рассматривать как повторение идеи Лии (XXVII, примеч. к 101). как там Лии противопоставляется Рахиль, так здесь противоположностью к Матильде будет долженствующая скоро явиться Беатриче. И что там, как бы в предчувствии, было изображено в сновидении, то здесь

совершается воочию, в действительности, именно то, что Данте, как человек, подвергшийся очищению, теперь действительно достиг цели того христианского совершенства, которое определено в XXVII песни. Это вполне доказывается той функцией, которую исполняет Матильда здесь и впоследствии. Она — хранительница, равно и вступление в земной рай, т. е. в полное совершенство; она ведет, поучает Данте, указывает ему на Беатриче, и Беатриче, в свою очередь, указывает Данте на нее для того, чтобы она окунула его в волны Леты. Итак, очевидно раскрывается здесь взаимно восполняющее соотношение двух жен, из коих одна олицетворяет деятельную, другая — чисто внутреннюю, ведущую к блаженству сторону. — Не настолько достоверно можно определить, какое именно историческое лицо разумеет здесь Данте, так как даже чисто-аллегорические свои символы Данте никогда не создает без исторической к ним подкладки. Можно даже думать, что Данте имел здесь в виду и знаменитую графиню Тосканскую, как бы мало ни согласовалась ее деятельность в пользу папской власти с теорией Данте касательно папства. Ноттер обращает здесь внимание на индивидуальное пламенное изображение Матильды (XXVIII, 46–60; 64–66; 73–75; XXIX, 1). Отсюда он заключает, что, судя по стиху 49 и следующим, здесь та «прекрасная и сострадательная» жена, о которой говорится в Vita Nuova по смерти его возлюбленной, может дать ему краски для начертания пленительного образа, хотя имя для него с намерением заимствовано или у графини Тосканской, или у монахини Мехтильды в Эйслебене. Как бы то ни было, мы должны быть благодарны поэту, начертавшему, при всем аллегорическом смысле, столь поэтический и полный жизни образ, так прекрасно оживляющий дальнейший ход развития его поэмы». Флейдерер. — Сличи: Скартаццини, La Matelda di Dante, p. 595; Ноттер, Gött. Kom., das Fegefeuer, Excurs über Mathilde, s. 359.

Черты твои; свидетели мне в этом!

46. Благоволи с дороги, где идешь, —
Я ей сказал, – приблизиться к пучине,
Чтоб мог понять я то, о чем поешь.[1255]

49. Напомнил мне твой вид о Прозерпине,[1256]
Когда она рассталася с весной,
А мать ее утратила в пустыне.

52. Как движется медлительно порой
Средь пляски дева, чуть касаясь полу,
И ногу чуть заносит пред ногой,[1257] —

55. Так по пестревшему цветами до-

[1255] Примечания: 1255
Данте слышит пение, но не может расслышать слов.

[1256] Примечания: 1256
«Прозерпина, дочь Юпитера и Цереры, жена Плутона и царица ада. В то время, как она собирала цветы среди вечной весны, близ озера Перга в Сицилии, она была похищена Плутоном, при чем от страха растеряла собранные цветы. Таким образом потерянная ею весна может означать вечно-юную весну этих стран; можно разуметь также под этим просто цветы, детей весны». Филалет. — Место это — подражание Овидию Превращ., V, 385–401.

[1257] Примечания: 1257
«Данте изображает чистоту девственной души в двух сравнениях: в первом рисует круговое движение без приподнятия глаз с земли, во втором — благопристойное передвижение на другое место».

Скартаццини.

лу[1258]

Прекрасная жена, в угоду мне,
Девически склонив взор чистый долу,

58. Вдруг повернулась, подошла к волне,
Запев так близко, что сперва мне трудный
Смысл сладких звуков ясен стал вполне,

61. И там, где луг цветисто-изумрудный,
Весь в брызгах волн, к реке прекрасной льнул, —
Подняв глаза, дарит мне взор свой чудный.[1259]

[1258] Примечания: 1258

В подлиннике: «in su' vermigli ed in su' gialli Fioretti», т. е. по аленьким и желтым цветочкам. «Замечательно, как мало места посвящает Данте, при всей своей фантазии, описанию роскоши цветов даже в земном раю (Сличи VII, 13–71). Но надобно помнить, что в то время в Италии почти совсем не было декоративных цветов и сады были большою редкостью. Только в XV веке стали они появляться в Италии; поэтому во всей Божественной Комедии слово giardino нигде не встречается в его настоящем значении, но всегда лишь как выражение высшей степени весенней красоты, так земной рай Адамов называется садом, как в Библии, Рая XXVI, 110; так Италия названа садом империи, Чистилища VI, 106». Ноттер.

[1259] Примечания: 1259

До сих пор Матильда держала очи опущенными вниз от стыдливости.

64. Не думаю, чтоб блеск такой сверкнул

Из глаз Венеры в миг, когда без гнева,

Случайно, сын стрелой ей грудь кольнул.[1260]

67. На том брегу мне улыбалась дева,

Неся в руках все краски, что луга

Горы дают цветам здесь без посева.

70. Хоть в ширину был ключ лишь три шага,[1261]

Но Геллеспонт, где мост свой перекинул

Ксеркс (вот урок для гордости врага!)

73. Не так гневил Леандра тем, что

[1260] Примечания: 1260

Описывая дивную красоту Матильды, Данте берет пособием Венеру, когда она случайно (а не с намерением, как обыкновенно) была уколота стрелою Амура в то время, когда он целовал свою мать, отчего в ней загорелась любовь к Адонису.

> *…когда свою мать обнимал тулоносный ребенок,*
> *Неосторожно стрелой торчавшей он грудь ей поранил.*

Овидий, Превращ. X, 925–526, перев. Фета.

[1261] Примечания: 1261

Три шага, отделяющие Данте от Матильды, напоминают три ступени во вратах чистилища (IX, 94 и след.). Первым из этих шагов будет пристыженнее Данте по поводу его заблуждений (XXX, 76–78); вторым — сознание в них (XXXI, 14, 34–36); третьим — ощущение терзаний

раскаяния и чувство ненависти к тому, что вначале ему нравилось (XXXI, 85–87). его очищение еще не вполне закончено; он еще находится по эту сторону Леты, тогда как прекрасная жена, т. е. Матильда, и Беатриче и Колесница Церкви — на той стороне. Ему еще остается принести строгую исповедь, прежде чем перейти на ту сторону реки. Это заставляет думать, что истинный земной рай начинается лишь по ту сторону Леты, которая составляет одну из его границ. У Данте мы находим преддверие ада, — перед входом в ад; преддверие чистилища — перед входом в чистилище и преддверие рая — перед входом в рай. На это обстоятельство первый из всех комментаторов обратил внимание Скартаццини. — «Какая удивительная аллегория, — говорит он: Со стороны земли земной рай граничит рекою Летой, которая уничтожает всякую память о том, что только есть земного, негодного для неба; со стороны неба — земной рай граничит рекою Эвноэ, которая дарит душу памятью обо всем том, что сделано ею для принесения своего сокровища небу. Одна река отрешает душу от земли, другая — связывает ее с небом».

хлынул

Меж Сестом и Абидом силой вод,

Как ключ – меня, за то, что путь раздвинул.[1262]

76. И дева: – Здесь вы странники, и вот[1263] —

Вы, может быть, в сей стороне, избранной

В ту колыбель, где создан первый род,

79. Дивитеся моей улыбке странной?

Но даст псалом Me delectasti свет,

Чтоб озарить рассудок ваш туманный.

81. И первый ты, кто мне послал привет,[1264]

[1262] Примечания: 1262

«Ксеркс, царь персидский, два раза переправлялся через Геллеспонт; в первый раз с великою гордостью и роскошью по построенному им мосту, чрез который он переправил свое несметное войско для завоевания Греции; во второй раз — после того, как был разбит и бежал в унижении, в бедном рыбацком челноке. Здесь разумеется эта последняя переправа, ибо при обратном следовании была обуздана его гордость и высокомерие; пример его должен научить гордых и высокомерных кротости и смирению. — Геллеспонт разделяет Европу и Азию значительным проливом; на азиатском берегу его лежал город Абидос, на европейском — Сест. Греческий юноша Леандр переплывал по ночам пролив для свидания с своей возлюбленной Геро в Сесте, пока не погиб наконец в волнах во время бури». Каннегиссер. — См. известную балладу Шиллера, «Геро и Леандра».

[1263] Примечания: 1263

Матильда, говоря «вы», обращается ко всем трем путникам: Данте, Стацию и Виргилию.

[1264] Примечания: 1264

Смысл — «Вы удивляетесь тому, что я улыбаюсь; но в состоянии полного от грехов оправдания заключается и радость духовного наслаждения, а потому и сказано в 91 псалме, стих 5-й: «Ты возвеселил меня, Господи, творением Твоим; я восхищаюсь делами рук Твоих». — Delectatio, наслаждение высочайшим благом, — уже часть вечного блаженства». Филалет.

Скажи: о чем желаешь знать? Готовый[1265]

На многое пришла я дать ответ.

85. – Вода, – сказал я, – с шумною дубровой,

Противореча слышанному мной,

Во мне враждуют с тою верой новой.[1266]

88. И та: – Чтоб ум не так смущался твой,

Страны святой открою я уставы

И разгоню весь сумрак пред тобой.

91. Тот Всеблагий, пред Кем лишь Он есть правый,

[1265] Примечания: 1265

Данте просил прекрасную жену приблизиться к нему, чтобы расслушать слова песни, которую она пела. Матильда не только исполнила его просьбу, но и уничтожила сомнение в его уме насчет ее улыбки, побуждая его высказаться свободно, нет ли у него еще каких сомнений.

[1266] Примечания: 1266

Сомнение в Данте было, по-видимому, следующее: «Если метеорологические явления, о которых упоминалось в Чистилища XXI, 46 и следующих, не восходят выше врат чистилища, то почему же здесь происходит ветер, так как он возникает в воздухе вследствие нарушенного равновесия, и откуда происходит поток — здесь, где никогда не идут дожди? Должно заметить, что Данте ушел тут далее в метеорологии, чем учитель его Брунетто Латини, который не мог себе объяснить причину ветра (Tesoro, Lib. II, Cap. 37). — Смысл: вода р. Леты

и шум деревьев леса, качаемых ветром, колеблют во мне понятие, сложившееся у меня со слов Стация, а именно то, что, начиная от врат чистилища, вверху нет более на всей горе ни ветров, ни дождей, ни инея, ни града, ни снега, ни облаков, ни молний (XXI, 43–54). Это-то понятие и находится теперь во мне в противоречии с тем, что я вижу и слышу здесь, т. е. реку и шум леса от ветра.

Адаму дал, благим его создав,

Сей край благий в задаток вечной славы.[1267]

94. Своим грехом рай скоро потеряв,[1268]

Он обратил грехом и в плач, и в кару

Невинный смех и сладости забав.

97. Чтоб силы бурь, – что по земному шару

Родятся от паров, из вод, с земли

Встающих соразмерно солнца жару,[1269] —

100. Здесь с человеком браней не вели, —

[1267] Примечания: 1267

«Iddio, che è sommo Bene, fece Adamo buono, siccome buono artefice; e questo Paradiso terreno gli diede per arra del pagamento, ch'egli l'intendea di fare del Paradiso celeste». Оттимо. — Бог создал человека добрым, именно в первичной его святости и правоте, и для блага — для вечного блаженства. Если бы человек не согрешил, то он предвкусил бы сперва небо в земном раю, а потом вкусил бы небесного рая, как и теперь законченная правота переходит от состояния земного к состоянию небесного совершенства. Если же сказано, что пред Богом лишь Он один правый, то это должно понимать не так, чтобы Он не находил удовольствия ни в одном из своих созданий, но так, что Он находит полное удовлетворение лишь в созерцании Самого Себя». Филалет. — «Задаток» — земной рай сотворен Богом для того, чтобы быть началом и залогом небесного блаженства, для которого Он сотворил человека. Сличи: Гёшел, Dante's Unterweisung über Weltschöpfung und Weltordnung

diesseits und jenseits. Berl. 1842.

[1268] Примечания: 1268
Рая XXVI, 139–142.

[1269] Примечания: 1269
В подлиннике: quanto posson, т, е. насколько могут, т. е. до врат чистилища. «Древние, не зная тяжести воздуха, полагали, что пары, как легчайшие, восходят вверх, стремясь к солнцу». Андруоли. — Аристотель учил: natura calidi est attrahere.

Гора взнеслась так к небу, что изъята

От бурь с тех мест, где дверью вы вошли.[1270]

103. Но как вослед движенью коловрата

Первичного кружит и воздух весь,

Коль в нем нигде окружность не разъята,

106. То в высоте, в живом эфире здесь,[1271]

Движенье то деревья потрясает,

В шум приводя растущий густо лес.[1272]

109. В древах же потрясаемых витает

[1270] Примечания: 1270

Гора свободна от испарений с земли и воды, начиная от врат чистилища до ее вершины. Alexander de Hales alt, Paradisum esse in aere quieto et tranquillo, qui superior est hoc nostrali aere inquieto ac turbulento; et locum Paradisi esse ubi finis est et terminus exhalationum et vaporum fluxux et progressus Lunae potestati acefficientiae attribuitur». Переир. In Genes. III. 9. — «Homo sic erat incorruptibilis et immortalisi non quia corpus ejus disposiьonem incorrupftbilitaiis haberet, sed quia inerat animae vis quaedamad praeservandum corpus a corruptione. Corrumpi autem potest corpus humanum et ab interiori et ab exteriori. Ab interiori quidem corrumpitur per consumptionem humidi et per seneetntem, cui corruptioni occurrere poterat primus.homo per esum ciborum. Jnterea vero quae exterius corrumpunt, principium videtur esse distemperatus aer: unde huic corruptioni maxime occurritur per temperiem aeris. In paradiso autem utrumque invenitur; quia, ut Damascenus (De orthod. Tid. I. II, c. 11)

dicit, est locus temperato et tenuissimo, et purissimo aere circumfulgens, plantis semper floridis comatus. Unde manifestum est quod paradisus est locus conveniens habitationi humanae secundum primae immortalitatis statum». Thom. Aquin. Sum. Theol., p. I, qu. CII, art. 2. — «И здесь нельзя не заметить аллегорического значения. Испарения земные, собственно чувственные похотения, отчуждающие душу от ее небесного назначения, смертные грехи, восходят не выше врат чистилища; ибо после оправдания в человеке уже нет ничего подлежащего осуждению, хотя бы и оставались в нем еще слабости и недостатки». Филалет. — В стихах 91-102 заключается ответ Матильды на сомнение Данте относительно слышанного им от Стация (XXI, 43–54) уверения, что пары земные не восходят выше третьего крута, где врата чистилища. Теперь она приступает к решению второго вопроса, почему ветер колеблет здесь листы дерев и откуда берет начало Лета.

[1271] Примечания: 1271

«Живой эфир», aer vivo, т. е. совершенно чистый и свободный от земных испарений.

[1272] Примечания: 1272

1) «Древние принимали кругообразное движение всей вселенной, в центре которой неподвижно стояла земля. От этого движения и атмосфера приводится в круговое движение, которое как бы нарушается высоко подымающеюся к небу горою Чистилища. Это мнение было, впрочем, вполне соответствующим идее, которую, согласно с тогдашним богословием, имели о действительном земном рае. Человек в состоянии невинности был неразрушим даже в теле своем, не вследствие присущей телу силы бессмертия, но по причине сверхъестественной, сообщенной душе, крепости, которая могла защитить тело от разрушения. Разрушение же это могло последовать как от

внутренних, так и от внешних причин. Внутренняя причина заключается в истощении влажности вследствие старости, что человек может предотвратить употреблением питательных веществ. Между внешними причинами главное место занимает перемена температуры. Следовательно, для предупреждения этого рай должен быть окружен чистым умеренным воздухом». Фома Акв. Sum. Theol., p. I, qu. 97, art 4; p. II, qib 102; сличи выше, примеч. к стихам 101–102». Филалет. — 2) «Ощущаемое здесь движение ветра происходит, следовательно, не от испарений, но вследствие никогда не прекращающегося равномерного движения светил с востока к западу. Потому здесь постоянно дует равномерный восточный ветер» Эта равномерность движения воздуха, не зависящая ни от каких земных случайностей, соответствует вместе с тем состоянию души очистившегося от грехов человека; это уже явствует из вышесказанного, а также из того контраста, в котором находится этот ветер с тем ветром, который возбуждает в различных направлениях Люцифер движением своих крыльев (Ада XXXIV, 50 и след.)». Штрекфусс. — 3) «По ошибочному положению астрономии того времени, земля стоит в центре вселенной. Атмосфера земли вращается вместе с primum mobile (смотри примеч. к 103 стиху) и со всеми под ним находящимися кругами неба с востока к западу, так как primum mobile вращением своим увлекает за собой и лежащий под ним воздух. Пары, производящие на земле ветры, придают воздуху нередко движения, противоположные его движению от востока к западу. Сюда же пары не восходят; поэтому воздух вращается здесь всегда вместе с primum mobile, если не будет разорван в каком-нибудь месте постороннею причиною. И так, воздух, постоянно вращающийся с востока к западу, встречает здесь в раю, сопротивление в густоте леса, а это вызывает шум, который слышит Данте и о котором он спрашивает Матильду». Скартаццини.

Такая жизнь, что насыщает ветр,[1273]
И ветр, кружась, ее рассеевает, —

112. Чрез что ваш край, смотря – насколько щедр
В нем грунт и климат, разных свойств растенья
Выводит в свет из плод приявших недр.

115. Услыша то, поймешь без удивленья,
Как могут там, не сеяны никем,[1274]
Являться новые произрастанья.[1275]

118. А воздух здесь, где ты вступил в Эдем,
Рой всех семян разносит легкокрылый,

[1273] Примечания: 1273

«Такая жизнь», т. е. растительная. «Ударяясь о деревья лесов, воздух наполняется их силою или жизнью, и потом, достигая в своем круговращении до обитаемой нами земли, влагает в нее такую силу, что она производит чрез это растения, семена которых человек никогда в ней не сеял». Скартаццини. — «Итак чистая воля, изначала посеянная Богом в человека, есть именно та сила, которая еще и доныне рассеивает по земле семена добра и счастья, к которым был первоначально предназначен человек. Эта аллегория выступает повсюду, при внимательном исследовании текста». Штрекфусс.

[1274] Примечания: 1274

«Там», т. е. на обитаемой вами земле.

[1275] Примечания: 1275

Точно так, как растения в раю (XXVII, 135 и XXVIII, 69) возникают без посева семян, — так точно принимает, по-видимому, Данте независящее от семян происхождение, так называемое generatio aequivoca, многих растений, нередко как бы внезапно возникающих на нашей земле; в сущности же они, по его мнению, рождаются от воздуха, насыщенного зародышами рая. Этим Данте старается объяснить возникновение таких растений, которые при благоприятных почве и климате, по-видимому, сами по себе рождаются на земле. По его мнению, они возникают не из семени, но как бы непосредственно от божественной силы, точно так, как наши первые родоначальники возникли не от человеческих родителей. В этом мнении заключается, по-видимому, тот аллегорический смысл, что и до сих пор возникают на земле по временам нравственные и другие явления — такие, которые как будто непосредственно исходят из рая, и притом тем скорее, чем более благоприятствует к тому почва, т. е. народ и вся прочая окружающая обстановка, при которой совершаются эти явления, находясь под покровительством природы и небесной благости (стих 113)». Ноттер.

Родя плоды, что вам безвестны всем.[1276]

121. Воды ж сей ток струится не из жилы,[1277]

Что пар питает; холодом сгущен,

Как ток земной, то сильный, то без силы:[1278]

124. Из вечного истока льется он

И, волей Бога, столько вод приемлет,

Насколько льет, открытый с двух сторон:

127. С одной, сходя, он свойство воспримлет —

Смывать грехи; с другой – живит в ду-

[1276] Примечания: 1276

«Излагая это учение, Данте описывает природу потерянного рая, каким он, свободный от всех возмущений, свойственных грешной земле, еще существует здесь, на вершине горы Чистилища (стихи 92–96), не зная никаких ни бурь, ни испарений (стихи 97-102), рождая растения без семян, воды без дождей и ключей (стихи 109–128) и удивительным образом оказывая нередко свое влияние и на наш мир, на землю, где мы нередко видим возникновение живых существ без семян (стихи 112–114). В то же время это имеет и символический смысл: в первобытном, райском состоянии не имела места мрачная сила природы, но единственно чистая воля Божия, которою все было сотворено ко благу, будучи неисчерпаемо-обильною побудительною силою в человеке, невидимым семенем всего благого. Это ненарушимо-мирное состояние до сих пор существует единственно на горе Чистилища, т. е. вполне приобретается только путем оправдания и очищения — покаяния. Но

и все то, что помимо этого совершается в отдельных случаях, все те грандиозные и, по-видимому, неизъяснимым образом возникающие нравственные явления — в сущности, не что иное, как отголоски этого непосредственного влияния Божия, как бы семена, приносящие из рая обетование возрождения этого первичного единства с Божьей волей. Глубокомысленная и глубоко-истинная идея!» Флейдерер.

[1277] Примечания: 1277

По разрешении первого сомнения, Матильда приступает к разрешению второго вопроса: каким образом может существовать здесь вода, если нет дождей? Ответ заимствован из книги Бытия, II, 5, 6: «Господь Бог не посылал дождя на землю; но пар подымался с земли и орошал все лицо земли».

[1278] Примечания: 1278

«Этот поток не возникает ни от дождя, ни от воды, подымающейся из моря через пустоты внутри земли. Уже Брунетто Латини называет эти пустоты в земле жилами, по которым вода, как кровь в теле, то восходит, то опускается, и приводит находящиеся в горах ключи в доказательство тому, что стихия воды находится над стихией земли, ибо закон жидкости тот, что она не может подняться выше того, насколько может упасть (Tesoro lib. II, cap. 45). Самая же высокая точка, до которой может подняться вода, есть высота облаков, откуда она потом изливается на сушу и море. А так как эта гора выше облаков, то вода и не может подняться до ее вершины. О действии холода на воду сличи Чистилища V, 111 От различия притока воды зависит различие и в водном обилии рек, которые то подымаются, то опадают; в подлиннике: Come fiume ch'acquista e perde lena, — то увеличивается, то ослабевает дыхание рек, — выражение весьма поэтическое». Филалет.

ше

О добром память так, что ввек не дремлет.

130. Здесь Летою, там током Эвноэ

Зовется он, врачуя всех, кто дважды,

И там и здесь, изведал вкус в питье,[1279]

133. А вкусом он затмит напиток каждый!

И хоть теперь, без объяснений, сам

Ты утолить уж можешь муку жажды,[1280] —

136. Все ж я, как милость, королларий дам,

[1279] Примечания: 1279

Так как человеку оправданному тягостно воспоминание о содеянных грехах, а с другой стороны — отрадно воспоминание о добрых делах, то поэт, приготовляя душу к переходу от рая земного к небесному, где все — единая радость, приводит здесь две эти реки, которые, исходя из одного и того же истока, расходятся по различным направлениям. Река, уничтожающая память о грехах — Лета (от греческ. λήθη, — забвение); другая — Эвноэ (от греч. слова, означающего «добрая память»). А как место греху будет в день Страшного Суда налево — для осужденных, направо — для избранных (Матф. XXV, 33), то поэтому и здесь одна река (Лета) течет налево, другая (Эвноэ) — направо. — Согласно с библейским сказанием, одна река исходила из Эдема для орошения сада и отсюда разделялась на четыре рукава, или реки. Помещая реки в своем раю, Данте следует библейскому сказанию (Бытие II, 10 и след.), но ни число, ни названия библейских рек не соответствовали целям

поэта, Поэтому из Библии он берет лишь идею рек земного рая, так же и ту идею, что реки эти, расходясь по различным направлениям, имеют, тем не менее, один и тот же исток. Число же его рек — собственное изобретение поэта; равно и имена им он заимствует из классической мифологии; впрочем, одни имена, но не более. Лета дантовская не есть Лета древних, которая, уничтожая память обо всем земном, причиняла тем самым истинную смерть усопшим. Напротив, дантовская Лета, испиваемая душою, производила на нее благодетельнейшее действие: она позволяла ей забыть все, что в грехе содержится истинно-горького и постыдного, пока грех не вполне еще искуплен и пока человек находится еще в страхе, что он не будет ему отпущен, или по крайней мере пока он не знает, какая участь его ожидает. Затем Данте Эвное изобретение совершенно новое. Эта река оживляет в памяти все благое, сделанное душою когда бы то ни было и какое бы ни было; дела не только более замечательные, на которые она наиболее надеется, но и каждое самое малое доброе дело, вытекшее из нее по силе доброй ли привычки, или по внезапному порыву любви, без всякого рефлекса на нее самое, без всякого приготовления. Сличи Перец, Скартаццини, стр. 578, — «Идею о Лете и Эвное Данте заимствовал, по-видимому, из естественной истории Плиния, где говорится об этих реках. Не зная греческого языка, Данте не мог заимствовать их у Павзания, который говорит, описывая оракула в пещерах Трофония (Кн. IX, 39): «Откуда жрецы ведут его (посетителя) не тотчас к оракулу, но к источникам, которые находятся очень близко один от другого. Здесь он должен испить так называемой воды Леты или забвения для того, чтобы забыть все, что у него было до сих пор в душе, и потом еще другой воды, Мнемозины или воспоминания, чтобы чрез это он мог вспомнить все происходившее, когда спустится». «О добром и злом здесь не говорится ни слова». Ноттер. — Сличи Откр. Иоан. XIV, 13 и след.

[1280] Примечания: 1280

«Жажда», т. е. желание познания. См. Чистилища XXI, 1.

И думаю, что, если дальше цели

Зайду теперь, ты будешь рад речам.

139. Быть может, те, что в древности вам пели

Про век златой, про счастье первых дней,

О месте сем на Пинде сон имели.

142. Невинен был здесь первый род людей,[1281]

Зрел всякий плод под вечно пышным летом,

Вода ж здесь – нектар с сладостью своей.

145. Тут обернулся я назад к поэтам,

И видел я, с какой улыбкой те

Внимали

[1281] Примечания: 1281

«Это двойственное действие есть опять указание на двойственную природу оконченного очищения, состоящую в прощении грехов и в соединенном с ним полном успокоении совести и изменении души, неуклонно стремящейся ко Благу». Филалет.

ей, услыша весть об этом.[1282]

148. Я взор свой вновь направил к Красоте.

[1282] Примечания: 1282

«Поэты улыбаются по поводу заблуждения, в котором они находились вместе со всем древним миром, именно Виргилий самолично воспевал золотой век в своих Георгиках I, 125–140. — Здесь уже в предпоследний раз Данте видит Виргилия; в последний раз он его видит в Чистилища XXIX, 55: но в обоих случаях Виргилий не говорит больше ни слова. В XXX, 46 поэт еще раз обращается к нему взором, но Виргилий уже исчез. — Улыбка поэтов многозначительна, — очищенной душе представится некогда земная поэзия не более как приятным заблуждением». Каннегиссер.

Песнь двадцать девятая

Земной рай. – Данте и Матильда. – Мистическая процессия, или триумф церкви.

1. Как донна, пламенем любви объята,
За речью той она воспела вслед:
– Beati, quorum tecta sunt peccata.[1283]

4. И как скитались нимфы древних лет
В тени лесов, – кто с мыслью о ночлеге,
От солнца прячась, кто стремясь на свет,[1284] —

7. Так против волн она, держась при

[1283] Примечания: 1283

«Блажен, кому отпущены беззакония» — слова псалма XXXI, 1. — «E viene questo salmo a proposito de la materia: impero che l'autore era per passare lo fiume che tollie la memoria del peccato. E però finde che Matelda cantasse questo, per accenderlo al passamente del ditto fiume et acconciamento di venire a si fatto stato, quale e quello de innocenzia e de la purità de la mente». Бути. — Пылая любовью к церкви, Матильда, в конце своей речи, начинает петь этот псалом, приветствуя поэта, у которого все семь *P* (при чем о последнем отдельно не упоминается) исчезли на челе, и который через омовение в реке Лете вскоре утратит даже и воспоминание о своих грехах. Вместе с тем она прославляет свое собственное блаженство.

[1284] Примечания: 1284

Поэт сравнивает Матильду с мифологическими нимфами, чтобы выра-

зить целомудренную легкость ее движений вдоль берега священной реки Подражание Виргилию, Georg, lib. IV, 381–383:

. . siami ipsa precatar
Oceanumque patrem rernm nymphasque sorores
Centrali quae silvas, centum quae flamina servant.

береге,[1285]

Пошла; я следовал за нею невдали

Шагами малыми в ее небыстром беге.

10. Мы ста шагов с ней вместе не прошли,

Как оба берега, свой ход приемля

К востоку дня, туда нас повели.[1286]

13. И лишь вошли мы в те святые земли,

Как вдруг, совсем оборотясь ко мне,

Сказала донна: – Брат, смотри и внемли![1287]

16. И вот! разлился в той лесной стране

[1285] Примечания: 1285

Т. е. против течения волн Леты, на противоположном к Данте ее берегу.

[1286] Примечания: 1286

«Когда поэт, идя к востоку, вошел в лес, Лета заграждала ему путь под прямым углом (XXVIII, 25). Поэтому, чтобы идти за Матильдой против течения потока, должно было направиться вдоль берега, повернув к югу. Но здесь поток изменил свое течение от центра земного рая (смотри ниже, XXXIII, 112): теперь он течет к внешней его окраине, именно с востока на запад». К. Витте.

[1287] Примечания: 1287

Смысл символический: благость быстро идет навстречу тем, кто ее ищет. — «Этот поворот Матильды к Данте всем телом (tutta a me si

torse) — прекрасный образ ее благоволения к поэту. Незадолго пред этим Матильда обращалась к нему лишь очами (XXVIII, 63); теперь она оборачивается к нему всем телом, выражая этим движением, а также нежным словом «брать», ту любовь и ту великую силу, которая побуждает ее явиться ему теперь на помощь». Джиулиани.

Внезапный блеск и ввел меня в сомненье,

Не молния ль сверкает в вышине?

19. Но как блеск молний гаснет в то ж мгновенье,

А тут, чем дале, тем сильней сиял,

То думал я: что это за явленье?[1288]

22. И в воздухе сиявшем пробежал

Аккорд мелодии, и тут мне стало

Так горестно, что грех я Евы клял[1289]

25. За то, что там, где все Творцу внимало —

Земля и небо – женщина одна,

Едва создавшись, свергла покрыва-

[1288] Примечания: 1288

«Свет веры восходит сам собою очистившемуся от грехов человеку, и притом не в виде быстро пролетающей молнии, но в виде света, ежеминутно увеличивающегося и становящегося все светлее и светлее». Штрекфусс. — В подлиннике: Ma perchè il balenar, come vien, resta, — в высшей степени поэтическое изображение молнии, исчезающей мгновенно за своим блеском.

[1289] Примечания: 1289

Данте клянет Еву, как более виновную, чем Адам: «И не Адам прельщен, но жена. прельстившись, впала в преступление». I посл. к Тимоф. II, 14. Сличи Фома Акв. Sum. Theol., p. II, 2-ae, qu. CLXIII, art. 4.

ло,[1290]

28. Под ним же если б пребыла она
Покорная, то благ тех несказанных
Душа моя давно-б была полна.[1291]

31. Пока я шел меж стольких первозданных
Небесных первенцев, к ним взор склоня,[1292]
И новых ждал еще блаженств желанных,[1293]

34. Пред нами вдруг, как заревом огня,
Зарделся воздух в том зеленом саде,
И долетел глас пенья до меня.

[1290] Примечания: 1290

Вкушением плода от древа познания она хотела открыть то, что было скрыто Богом. — «В день, в который вы вкусите их, откроются глаза ваши, вы будете, как боги, знающие добро и зло». Бытие, III, 5. — «In statu primae conditionis hominis non erat obscuritas culpae vel poenae: inerat tamen intellectui hominis quedarn obscuritas naturalis». Ѳома Акв. Sum. Theol., p. II, 2-ae, qu. V, art. 1. — Гуго да Сан-Витторе, напротив, полагает, что человек в первобытном состоянии был наделен трояким познанием: «1) cognitio perfecta omnium visibilium; 2) cognitio Creatoris per praesentiam contemplationis seu per internam inspirationem; 3) cognitio sui ipsius, qua conditionem et ordinem et debitum suum sive supra se sive in se sive sub se non ignoraret».

[1291] Примечания: 1291

Буквальный смысл: если бы Ева пребыла покорною Богу, я бы наслаждался этими благами теперь не впервые, ибо я родился бы в земном

раю и пребывал бы в нем во всю свою жизнь. О символическом значении этой терцины комментаторы между собой несогласны. Смотри Скартаццини, стр. 623. — «Давно», т. е. со дня моего рождения до окончательного моего перехода в рай небесный. В подлиннике: Avrei quelle ineffabili delizie Sentite prima, e poi lunga fiata.

[1292] Примечания: 1292

«Первозданные небесные первенцы»: primizie odel'eterno piacer, т. е. «первые задатки будущих радостей небесного рая (Бенвенуто Рамбалди, Бути, Ломбарди), так как земной рай есть задаток небесного». Скартаццини.

[1293] Примечания: 1293

Т. е. явления Беатриче, которую Данте ожидает с минуты на минуту, желание видеть которую дало ему смелость войти в пламень (XXVII, 34–51).

37. О, Пресвятые Девы! если в гладе

И в холоде, лишенный сна, исчах

Я ради вас, – молю днесь о награде!

40. Дай, Геликон, мне пить в твоих ключах![1294]

Пошли, Урания, мне мощь стихами[1295]

Сказать о трудно-мыслимых вещах![1296]

43. Семь золотых древес перед очами[1297]

Явилось мне в обманчивой дали

Пространств, лежащих между них и нами.

[1294] Примечания: 1294

«Геликон» — знаменитая гора в Беотии, местопребывание муз, начало двух источников — Аганиппе и Ипокрены.

[1295] Примечания: 1295

«Урания» — одна из девяти муз — муза астрономии. Она призывается здесь предпочтительно перед прочими, как представительница небесных муз, теперь, когда поэт приступает к изображению небесных предметов. В подлиннике: Urania m'aiuti col suo coro — с своим хором, т. е. со всеми прочими музами, так как музы никогда не являются по одиночке, но всегда вместе.

[1296] Примечания: 1296

«Приступая к изложению высочайших предметов небесных и божественных и притом таких, о которых не только писать, но и помышлять трудно, Данте призывает на помощь всех муз вообще и в особенности

Уранию, что значит небесная». Велутелло. — Здесь разумеются музы, именно музы христианского поэтического творчества, почему поэт и называет их пресвятыми девами. — «Sacrum è la cosa santa quanto s'appartiene a Dio, e sanctum é la cosa ordinata et indicata inviolabile quanto al mondo». Бути. — «Пресвятой» т. е. святой в высочайшей степени. Акад. Словарь.

[1297] Примечания: 1297

«Силы наших чувств воспринимают, собственно, лишь отдельные признаки предметов, а не самые предметы; потому если такими признаками обладают многие предметы сообща, то возникают обманы чувств. Но если мы рассматриваем предмет с такою тщательностью, что замечаем при этом при общих признаках и более мелкие черты, которыми различные предметы отличаются между собою, то разум наш начинает сознавать это различие. То же случилось и с Данте, который семь светильников, как мы сейчас увидим, принял вначале, пока он находился от них в отдалении, за деревья». Филалет. — «Простые силы наших чувств не в состоянии постигнуть эти духовные вещи; здесь потребен озаренный разум». Флейдерер. — К пояснению этого места может служить учение Аристотеля (De anim. Hb. II, e. 6): «Sensibile igitur trifariam dividitur. Sensibilium enim duo quidem per se, unum vero per accidens sentiuntur. Et illorum rursus aliud est uniuscujusque proprium sensus, aliud commune cunctis. Atque proprium id sensibile dico, quod alio sensu sentiri non potest, et circa quod error fiere nequit, ut color respectu visus, et sonus auditus, et sapor gustus. Tactus autem plures differentias habet (judidem, indicat tamen de illis, ut coeterorum sensuum quisque de suo sensibili, et non decipitur. Visus enim non errat esse colorem, aut auditus esse sonnm: sed quid sit id, quod est infectum colore vel ubi: aut quid sit it, quod sonat, vel ubi. Hiyusmodi igitur sensibilia dicuntur uniuscujusque propria sensus. Commania vero sunt haec, motus, quies, numerus, figura et magnitudo. Talia namque nullius sunt propria sensus, sed omnibus communia sunt. Etenim tactu motus quidam sensibilis est, atque visu. Per se igitur sensibilia haec sunt». Так было и с Данте, — золото, т. е. цвет, как объект, принадлежащий собственно глазу, — не обмануло его; но фигура — как объект, принадлежащий и глазу и осязанию, обманула.

46. Когда ж так близко к ним мы подошли,

Что обилк их уж не скрывал от взора

Всех черт своих, неясных мне вдали, —

49. Тот дар души, что разуму – опора,

Светильники явил мне в пнях древес

И пение Осанна – в звуках хора.[1298]

52. И ярче лил сосуд тот дивный в лес[1299]

Свой блеск, чем светит полный месяц в волны

В час полночи с безоблачных небес.[1300]

55. Я обратился, изумленья полный,

[1298] Примечания: 1298

Шествие открывают семь светильников, изливающих яркий свет. «Septenarius numerus universitatem significat». Фома Акв. Sum. Theol., p. I, 2, qu. CII, art 5. — Семь слагается из трех (Троица) и четырех (части света); 3 + 4 = 7 означают соединение Бога и мира, вообще согласие и гармонию. Бог и мир — две идеи, предполагающияся в каждой религии. Это соединение совершается в цифре 7, которая поэтому есть число или цифра религии. Семь светильников напоминают прежде всего светильники скинии (Исход, XXV, 37; Числ VIII, 2); далее они напоминают семь духов: «Почиет на Нем Дух Господень, дух премудрости и разума, дух совета и крепости, дух ведения и благочестия» Исайи, XI, 2. — Данте, очевидно, заимствовал их из Откровения, где Иоанн видит семь золотых светильников (I, 12), которые суть семь церквей (I, 20). — Большая часть комментаторов видит в этих семи светильниках семь даров Духа Святого, «которые, говорят Ландино и Anonimo Fiorentino, должны быть в каждом верном христианине. Первый

дар — сострадание, противоположный зависти; второй — смирение, противоположный гордости; третий — кротость, противоположный гневу; четвертый — твердость духа, противоположный унынию; пятый — осторожность, противоположный скупости; шестой — целомудрие, противоположный сладострастию; седьмой — мудрость, противоположный чревоугодию». — Пьетро ди Данте один видит в них семь степеней церковнослужителей: presbyteratus, diaconatus, subdiaconatus, et isti tres majores ordines sunt, quia in sacris; exorcistatus, acolithatus, lectoratus et ostiatus et isti minores; но это толкование никем непринято. Велутелло, как мы видели, «ставит еще в связь с ними семь таинств; окончательное учение о таинствах и седмеричности их было вполне установлено незадолго перед временем Данте Фомою Аквинским, из которого он черпал так обильно». Ноттер. — «Эти семь светильников вообще принимают за семь даров Духа Святого, семь световых полос — или за плоды Святого Духа, или за семь таинств. Что касается светильников, то они несомненно заимствованы из Откровения Иоанна (IV, 5), который называет их семью Духами Божьими. Следовательно, толкование это правильно». Под именем семи даров, заимствованных из Исайи XI, 2, Фома Аквинский разумеет готовность различных сил души человеческой следовать наитию Св. Духа. Они относятся к божественному наитию, как нравственные добродетели к разуму. — Поэтому, в то время, как нравственные добродетели относятся только к силам воли, эти дары относятся ко всем силам души. Они называются: благоразумие, осторожность, воздержание (мудрость), знание, кротость, твердость духа и сострадание и разделяются следующим образом: благоразумие и осторожность относятся к познаванию истины путем спекулятивного разума; мудрость и знание — к правильной оценке истины во всех отношениях. Кротость, твердость духа и смирение относятся к желательным силам, и притом кротость в отношении действий к другим (Богу и людям), твердость духа и смирение — к порядку собственных наклонностей. Sum. Theol., p. II, 1-ae, qu. 68. — Из этого объяснения становится ясным, как уместно открывают семь даров Св. Духа шествие этих сверхчувственных средств милости, ведущих нас к божественному, так как они именно

и составляют условие полной действительности этих средств. Какое же значение имеют полосы света? Под именем плодов Св. Духа Фома разумеет действие, которое производят на человека его высшие милости (Ibid., qu. 70). Поэтому весьма удобно изобразить их, как истечения из семи даров. Впрочем, этому противоречить то, что в посл. к Галат. V, 22 плодов их постоянно насчитывается двенадцать. Потому, кажется, вернее мнение тех толкователей, которые видят в семи полосах семь таинств, находящихся, как средства милости — спасения, конечно, в близком отношении к этим дарам; хотя не должно трудиться, как это делали многие комментаторы, чтобы найти соотношение каждого таинства с каждым определенным им даром, тем более, что это вовсе не согласуется с духом Аквинатовой системы (Sum. Theol., p. III, qu. 62)». Филалет.

[1299] Примечания: 1299

«Сосуд тот дивный» — il bello arneso, т. е. прекрасный строй из светильников. Данте, говоря о семи светильниках, не без намерения употребляет сосуд в единственном числе, желая тем указать читателю, что семь светильников составляют одно целое, разделенное на семь.

[1300] Примечания: 1300

«Видение мистической процессии в земном раю разделяется на две главные части. Первая часть (XXIX–XXX, 33) изображает, как церковь — учреждение божественное, или идеал церкви — идет навстречу кающемуся грешнику, страстно ищущему спасения; она — сокровищница божественных мистерий и путей милости. Во второй части (XXXII, 16 — XXXIII, 12) Данте созерцает в видении судьбы церкви от начала ее до перенесения папского престола в Авиньон, и затем старается (XXXIII, 34–78) отгадать, чрез уста Беатриче, будущность этой церкви. В то же самое время видение это служит ареною великих событий чисто личного свойства — последнего покаяния Данте и его примирения с Беатриче. В этой части грандиозного видения поэт нам указывает, что должен делать человек, желающий достигнуть блаженства. Церковь идет навстречу грешнику, так сказать — сама ищет его, как добрый

пастырь заблудшую овцу, принимает его в свои недра, указывает ему пути милости; сам грешник идет навстречу церкви и добровольно подчиняется ее требованиям, стыду за содеянные грехи (XXX, 78; XXXI, 64 и далее), плачу о своих грехах (XXX, 97 и далее), полной исповеди (XXXI, 13–42), чистосердечному раскаянию (XXXI, 85 и далее), возрождению (XXXI, 91 и далее, подвигам добродетели (XXXI, 103 и далее), Скартаццини. — «Отсюда начинается великое аллегорическое видение Данте — невидимой и торжествующей церкви, на что Матильда (стихи 61–63), которая здесь в особенности обнаруживает в этом свою деятельность, как наставница, христианская учительница, обращает внимание Данте. Для большей ясности мы дадим общий очерк символического значения мистического видения, а в дальнейшем комментарии войдем лишь в частные подробности. Вообще все это видение излагает последовательный порядок и течение или историю человеческого спасения Христовою верою, предшественницей которой была вера иудейская; и та и другая символом своим имеют Ветхий и Новый Заветы, т. е. Библию. Что сам Данте был руководим при этом Библией, особенно Иезекиилем и Иоанном, это он сам говорит в стихах 100–104. — Семь светильников означают семь даров Святого Духа: страх, сострадание — любовь к ближнему, мужество, знание, совет, мудрость и прозорливость; семь полос — семь церковных таинств: крещение, миропомазание, священство, причащение, покаяние и отпущение, елеосвящения и брак. Эти семь полос образуют собою цвета радуги (стих 78), и притом, по Ландино, в следующем порядке: миропомазание — красный цвет, как знак страха, искореняемого любовью к Богу; отсюда возникает затем смирение — добродетель, противоположная гордости, которая наказывается в первом кругу чистилища; крещение образует кармазинно-красный цвет и означает сострадание, основанное на любви к ближнему — добродетели, противоположной зависти, наказуемой во втором круге чистилища; священство дает зеленый цвет и означает мужество, основанное на надежде, откуда возникает добродетель, противоположная гневу; причащение имеет белый цвет, обозначающий знание, основанное на вере и вызывающее добродетельную деятельность, противоположную унынию; покаяние

дает опять зеленый цвет, символ совета, основанного на надежде, вызывающей воздержание, — добродетель, противоположную скупости; елеосвящение — опять красный цвет, знак мудрости, основанной на любви к ближнему, вызывающей воздержание, противоположное невоздержанности; брак кроваво-красного цвета, — знак прозорливости, основанной также на любви к ближним, вызывающей целомудрие, противоположность сладострастия. Следующие за светильниками мужи (стих 83) — патриархи и пророки, беспорочность которых обозначается их белым блеском. Двадцать четыре старца обозначают библейские книги Ветхого Завета; они увенчаны белыми лилиями для обозначения чистоты библейского учения и веры. Эти двадцать четыре старца заимствованы из Откровения Иоанна (IV, 4). Чтобы получить число в 24 книги, должно держаться счету св. Иеронима, а именно: 1–5 — книги Моисеевы; 6 — книга Иисуса Навина; 7 — Софетима, Судей; 8 — Самуила; 9 — Мелахим — книга Царств; 10 — Исайи; 11 — Иеремии; 12 — Иезекииля; 13 — Терназур, Малые пророки; 14 — Иова; 15 — Давида, Псалмы; 16 — Соломона, Притчи; 7 — Кохелет, Екклезиаст; 18 — Сирхассирим, Песнь Песней; 19 — Даниила 20 — Паралипоменон; 21 — Ездры; 22 — Есфири; 23 — Руфь; 24 — Цинот, Неемии. Они поют песнь Деве Марии, ибо Ветхий Завет содержит в себе пророчество о ней и о вочеловечении Христа. Стих 88 описывает промежуток между Ветхим и Новым Заветами. Четыре животные — четыре евангелиста: Матфей, Марк, Лука и Иоанн, или, вернее, четыре написанные ими евангелия, именно: Матфей представлен, как человек, потому что всего более пишет о человечности Христа; Марк — как лев, ибо он пишет о воскресении, как бы лев, пробуждающий спящих от сна; Лука — как телец, ибо он говорит о священстве, обозначаемом жертвенным тельцом; Иоанн — как орел, ибо он выше всех других, как орел, возносится в облака и в евангелии своем имеет перед глазами божественность Христа. Они украшены зеленью, ибо евангелие вечно зеленеет. Каждое животное имеет шесть крыл, при чем Данте (стих 105) следует Иоанну; из этих крыл, по Велутелло, первая пара означает прошедшее, вторая — настоящее, третья — будущее, следовательно вечность времени. Множество глаз (стих 95) указывают на провидение и прозорливость,

выказанные евангелистами при изложении своих писаний. Триумфальная колесница (стих 107) — новая церковь; два колеса ее — Ветхий и Новый Заветы. Гриф — Христос, полуптица, полулев, для обозначения двойственности его естества: божественного и человеческого. Два крыла его — правосудие и милосердие. Он простирает их между семью полосами таким образом, что они заключают в себе одну из полос, и самая средняя полоса — причастие; три полосы налево — покаяние, елеосвящение и брак — принадлежат к милосердию Божьему. Три жены при правом колесе — три теологические добродетели, принадлежащие Новому Завету: любовь — красного, надежда — зеленого, вера — белого цвета. Четыре жены у левого колеса, обозначающего Ветхий Завет, — четыре основные добродетели: правосудие, мужество, благоразумие и умеренность. Они облечены в пурпуровый цвет, т. е. в цвет любви, ибо без нее не может быть никакой добродетели. Одна из них, благоразумие, имеет три ока, ибо она должна видеть прошедшее, настоящее и будущее. Два старца обозначают Луку и Павла, первого — сочинителя Деяний Апостольских, второго — сочинителя многих творений Нового Завета. Четверо в убогих одеждах — апостолы Иаков, Петр, Иоанн и Иуда, тоже писатели посланий Нового Завета. Старец, замыкающий шествие, — апостол Иоанн, сочинитель Откровения. Следовательно, здесь обозначены все писания Нового Завета. Иоанн проходит спящий, в обозначение его вдохновения; живой взгляд обозначает глубокий смысл Откровения. Первые двадцать четыре старца были увенчаны лилиями, символом веры; последние семь — розами, символом любви; четыре евангелиста одеты в зеленую одежду — символ надежды. Гром здесь не обыкновенный гром, ибо на горе Чистилища нет ни грома, ни молнии; это знак Бога, гласа Божьего, того гласа, который слышится при крещении Христа в Иордани. Шествие останавливается, чтобы Данте мог созерцать его и олицетворенное в нем очищенное человечество и чтобы он одушевлялся его созерцанием. Первые знамена — семь полос света. Все шествие образует форму креста». Каннегиссер.

К Виргилию; но тот, от дива нем,

Ответил мне, лишь бросив взор безмолвный.[1301]

58. И вновь возвел я взгляд к святыням тем,

К нам подходившим медленней невесты,

Идущей тихо к жениху: – Зачем, —

61. Вскричала донна: – страстно так отверсты[1302]

Глаза твои к огням сим, а на тех,

Что вслед идут, не обратишь очес ты?

64. И зрел я сонм, идущий сзади всех

Светильников, в одежде чистой, бе-

[1301] Примечания: 1301

Появление Беатриче и все ее окружающее принадлежит всецело созерцательной жизни; потому-то Виргилий, или разум, земное знание, точно также объят изумлением, как и сам Данте. «Виргилий пришел туда, где он уже сам собою ничего не видит (XXVII, 129)». — «Или, по другому толкованию, в вещах божественных понимание власти гражданской не идет далее того, что понимает и каждый христианин в отдельности». Скартаццнии. — Слицует заметить, что Данте здесь в последний раз видит Виргилия; через несколько минут после этого, когда Данте обернулся к Виргилию, он уже исчез (XXX, 43–57).

[1302] Примечания: 1302

«Донна», т. е. Матильда.

лой,[1303]

Как только что на землю павший снег.

67. Сверкал поток налево Леты це-
лой[1304]

И отразить меня-б он слева мог,

Как зеркало, брось в воды взор я сме-
лый.

70. Лишь стал на берегу я, где поток

Один лежал преградой между нами, —

Чтоб лучше зреть, сдержал я спеш-
ность ног.

73. И видел я, как следом за огнями,

Подобно длинным стягам, с вышины

[1303] Примечания: 1303

«Сонм» — 24 старца. — Белый — цвет чистоты и непорочности. «Облечены были в белые одежды». Откров. Иоанна, IV, 4.

[1304] Примечания: 1304

«Воды Леты, осветившиеся от отражения в них семи светильников, должны были находиться с левой стороны поэта, так как, достигнув их, он обратился направо. Вместе с тем это означает отражение в Лете левой стороны поэта, стороны грешного его сердца, — той стороны, содержание которой заслуживает забвения». Ноттер.

Тянулся свет по воздуху чертами,[1305]

76. Так что, казалось, в нем проведены

Семь лент из тех цветов, из коих ткется[1306]

Дуга для солнца, пояс для луны.[1307]

79. И каждое то знамя дальше вьется,[1308]

Чем сколько взор мог видеть, и между

Двух крайних десять лишь шагов придется.[1309]

82. Под чудным небом, предо мной в виду,

Двадцать четыре старца шли степенно,

[1305] Примечания: 1305

В подлиннике: E di tratti pennelli avean sembiante. Этот стих подал повод к различнейшим толкованиям. Во-первых, одни читали pennelli, другие — panelli; в первом случае это слово означает штрихи, проведенные кистью, во втором — длинные, узкие вымпела, которые прикрепляют корабельщики к верхушкам мачт в праздничные дни. Не вдаваясь в дальнейшие подробности (см. Скартаццини, 631), скажем, что Тассо подражал этому стиху и комментировал его (Освобожд. Иерусалим, VIII, окт. 32):

И видел я, как от звезды огнистой,
Иль от ночного солнца, луч спадал,
Как проведенный кистью штрих златистый,
С небес туда, где славный труп лежал.

[1306] Примечания: 1306

«Семь лент», или полос — sette liste. О символическом их значении говорено выше (стих 43 и примеч.). Приводим еще некоторые мнения. Ландино считал их за плоды Св. Духа; Annonimo Fiorentino и Пьетроди Данте полагали в них семь членов веры, относящихся к божественности Христа; Бути первый признавал их за семь таинств церкви, которые суть символы семи даров Духа Святого. Этого толкования придерживается большая часть новейших комментаторов и переводчиков. Скартацини (633) не согласен и с этим толкованием; но, так как вопрос этот слишком отвлеченный, мы и не войдем здесь в подробное его рассмотрение и предоставляем читателю обратиться к цитированному сочинению.

[1307] Примечания: 1307

В подлиннике: Onde fa l'arco il sole, e Delia il cinto. Здесь разумеется семь цветов радуги — («дуги» в церковно-славянском языке). Вследствие отражения и преломления лучей света в парах воздуха образуется радуга вокруг солнца и пояс вокруг луны. Радуга в Святом Писании — знак завета между Богом и людьми после потопа (Бытие IX, 9-17). Каждый отдельный цвет имеет в церковном символе свое особенное значение. Бёр, Simbolik des mosaischen Cultus, 1837, I, s. 325.

[1308] Примечания: 1308

«Знамя» в подлиннике: ostendali и stendali, — это второе сравнение светлых полос, которые тянутся от пламени светильников. Они вьются далее, чем сколько может видеть взор; символический смысл: семеричная, озаряющая и освящающая сила Св. Духа простирается со своими дарами над церковью от отдаленнейших времен во времена грядущие, конец которых не дано видеть взору человеческому. «О дне же том и часе никто не знает». Матф. XXIV, 36. — Бути: «A significare che niuno può sapere quanto debbiamo di qua durare, se non Iddio».

[1309] Примечания: 1309

«Десять шагов», по общему толкованию, означают 10 заповедей, исполнение которых ведет к получению даров Духа Святого, а также и самих плодов таинств. Впрочем, цифра 10 принимается здесь как символическое число (может быть даже вследствие этого символизма и число заповедей десять). Сличи: Бёр, I, 175; Данте, Convivio, tr. II, e. 15.

В венках из лилий, по два, в том саду.[1310]

85. Все пели хором: – Будь благословенна

В Адамовых ты дщерях! о красе

Твоей вовек да хвалится вселенна![1311]

88. Когда ж прошли те избранники все,

Насупротив меня в том дивном мире

Среди цветов и трав душистых, – се!

91. Как за звездой звезда блестит в эфире,[1312]

Четыре вслед животных подошло:

В венках зеленых были все четыре;[1313]

[1310] Примечания: 1310

«По два», как Христос посылал учеников Своих (Луки X, 1), чтобы выразить согласие в их учении (Бенвенуто Рамбалди), и потому, что так обыкновенно ходят в процессиях. Бути. — Венки из лилий означают чистоту учения в книгах Ветхого Завета, а может быть и веру в грядущего Мессию. Белый цвет — символ веры.

[1311] Примечания: 1311

По мнению большей части толкователей, и притом древнейших, слова эти относятся к долженствующей вскоре явиться Беатриче; по мнению других — к Деве Марии; третьих — к церкви, изображаемой колесницею. Слова эти представляют перифразировку слов св. Елизаветы, которыми она приветствовала Пречистую Деву: «Благословенна Ты между женами, и благословен плод чрева Твоего!» Луки, I, 42.

[1312] Примечания: 1312

Как в Откровении Св. Иоанна. Крылья животных в видении Иезекииля

и Иоанна олицетворяют божественное Провидение, действующее одновременно повсюду. В видении Данте они, по-видимому, обозначают быстроту, с которою Евангелие распространилось по всем частям мира. Некоторые полагают иначе (Ландино и Annonimo Fiorentino), — что этим обозначается высота, широта и глубина Св. Писания; по Пьетро ди Данте — шесть законов: естественный, Моисеев, пророческий, евангельский, апостольский и канонический. Сличи следующее место у блаж. Иеронима: «Matthaeus, Marcus, Lucas et Iohannes, quadriga Domini, et verum Cherubin, quod interpretatur scientiae multitudo, per totum corpus oculati sunt, scintillae emicant, discurrunt fulgura, pedes habent rectos, et in sublime tendentes, terga pennata et ubique volitantia, tenent se mutuo, sibique perplexi sunt, et quasi tota volvuntur, et pergunt quocumque eoa flatus Spiritus sancti perduxerit». Иероним Павлино.

[1313] Примечания: 1313

«Зеленый цвет — цвет надежды; в четырех Евангелиях совершилось упование пророков Ветхого Завета и возместилась надежда вечной жизни. Лавр — дерево вечно зеленеющее: учение евангельское — вечная истина, которая никогда не пройдет. Лавровый венок — эмблема триумфа; Евангелие победило им будет побеждать своих врагов». Скартаццини.

94. Шесть крыл на каждом; каждое крыло
Полно очей, и очи те подобны
Аргусовым, и то же их число.[1314]

97. Но тут стихи, читатель, неудобны
Для описанья; предписует мне
Другой предмет пресечь рассказ подробный.

100. Иезекиель видел их, зане
Он зрел их, шедших в облаке туманном
От севера, и в буре и в огне.

103. Прочти ж его, и в образе, им данном,

[1314] Примечания: 1314

«Очи». Оставляя в стороне многочисленные толкования древних и новейших комментаторов, будем держаться при объяснении значения очей экзегеза, предложенного блаж. Иеронимом, которого, очевидно, держался и Данте; он говорит (Prolog, galeatus): «...stantibus coram quatuor animalibus, oculatis ante et retro, id est in praeteritum et in futurum respicientibus». Итак, очи в крыльях животных означают понимание вещей прошедших, настоящих и будущих, являющееся в четырех Евангелиях, — Аргус, сын Агенора или Арестора, был полон глаз, почему и назван παντοπτι — всезрячий. Юнона поручила ему сторожить Io, превращенную Юпитером в сороку. По повелению Юпитера, Меркурий усыпил его и затем отрубил ему голову. Он был превращен Юноной в хвост павлина. Овидия, Превращения, I, 625–627:

Сто вокруг головы у Аргуса глаз помещалось:
Пара только из них в свою очередь отдых вкушала,

А другие служили и все пребывали на страже.

Перевод Фета.

Найдешь их образ; в отношеньи ж крыл
Согласен я не с ним, а с Иоанном.[1315]

106. Простор между животных занят был
Победной колесницей двухколесной,
И влек ее Грифон, исполнен сил.[1316]

109. И два крыла вздымал он в поднебесной[1317]
Меж трех и трех полос за средней вслед,
Но взмахом крыл не рушил строй совместный.[1318]

112. Подъятых крыл терялся в небе след;

[1315] Примечания: 1315

Здесь поэт изображает мистическое видение четырех животных, причем сам и указывает на источники, откуда им заимствован этот дивный образ: во-первых, на Иезекииля (I, 4-14): «И я видел: и вот бурный ветер шел от севера», и т. д. Далее, в видении пророк Даниил (VII, 3 и след.) видел четырех животных, выходивших из моря; одно из них имело 10 рогов. Это последнее мы опять видим у Данте. Наконец, в своем видении Иоанн видел (Откров. IV, 6–8) их около престола Божия: «И посреди престола и вокруг престола четыре животных, исполненных очей спереди и сзади: и первое животное было подобно льву, и второе животное подобно тельцу, и третье животное имело лицо, как человек, и четвертое животное подобно орлу летящему. И каждое из четырех животных имело по шесть крыл вокруг, а внутри они исполнены очей». — Число четыре есть число мира, как три — число Бога. Мир в порядке своем и правильности есть откровение Бога;

поэтому четыре — знамение божественного откровения. Бёр, Symb. Vol. I, e. 115–174. — По экзегезу Святых Отцов, в патристике, четыре животных суть символы четырех евангелистов, и притом животное с образом человеческим представляет Евангелие от Матфея, начинающееся с человечности Христа; животное с подобием льва — Евангелие от Марка, начинающего великим гласом вопиющего в пустыне; животное с подобием тельца — Евангелие от Луки, начинающего с жертвоприношения Захарии; животное с подобием парящего орла — Евангелие от Иоанна, приемлющее свое начало с божественности Христа. Сличи: Григория Великаго. Homil. sup. Ezeeh. — Скартаццини.

[1316] Примечания: 1316

Победная колесница и Грифон, очевидно, самые главные или центральные символы всей мистической процессии. Скажем о них подробнее. Очевидно, Данте заимствовал колесницу из видения Иезекииля (1, 15–21), по крайней мере первую идею ея; но колеса Иезекииля в руках Данте превратились в колесницу. В некоторых местах Ветхого Завета колесница обозначает могущество и величие Божие (Исаии, LXVI, 15). Она напоминает огненную колесницу пророка Илии (IV Царств II, 11–12). По мнению большей части древних и многих новых комментаторов, колесница Данте означает вселенскую церковь. Ломбарди первый высказал мысль, что колесница обозначает одну лишь папскую кафедру, а не церковь христианскую; это мнение приняли многие новейшие комментаторы. Скартаццини, подробно разбирая эти мнения (стр. 642), говорит, что мнение древних толкователей самое верное, т. е. что колесница эта изображает вообще Церковь Христову, и в подтверждение приводить следующее место из письма Данте к итальянским кардиналам (§ 4): «Vos equidem, Fxiclesiae militantis veluti primi praepositi pili, per manifestara orbitam Cruciflxi currum Sponsae regere negligentes non aliter quam falsus auriga Phaeton exorbitastis; et quorum sequentem gregem per saltus peregrinationis

hiyus illustrare interet, ipsum una vobiscum ad praecipitium traduxistis. Nec ad imitandum recenseo vobis exempla, quum dorsa, non vultus, ad Sponsae vehiculum habeatis». — «Двухколесной». Менее согласны между собою толкователи о символическом значении колес. Толкований предложено множество, но все они более или менее сомнительны. Ландино и Annonimo Fiorentino видят в них активную и созерцательную жизнь, что, впрочем, у Данте уже выражено Лией и Рахилью; Оттимо Комменто, которому следует большинство комментаторов, видит в них Ветхий и Новый Заветы; но они уже выражены у Данте двадцатью четырьмя старцами, Тот же Оттимо заметил, впрочем (на что в позднейшее время обратил внимание впервые Понта), что два колеса могут обозначать также св. Доминика, т. е. учение, науку богословскую, и св. Франциска, т. е. созерцание, нищету и любовь, тем более, что сам Данте в Раю (XII, 106) называет их двумя колесами церкви. Но и это мнение встречает противоречие. — Филалет видит в колесах Библию и предание; некоторые (Барелли) — церкви восточную и западную, и проч. — Леопольд Витте, толкуя это место, говорит и, кажется, весьма основательно, следующее: «Die Rader müssen etwas bezeichnen, worauf der Wagen der Kirche ruhen und sich bewegen kann. Ausserdem müssen concrete Gestalten vom Dichter damit gemeint sein, nicht abstracte Begriffe, die nimmermehr mit irdischem Reichthum überwachsen können. Endlich müssen es solche geschichtliche Erscheinungen sein, aus deren Mitte der Drache, die Gier nach allem Irdischen, hervorbrechen und die ganze Kirche bedecken und verunreinigen kann. Diese drei Merkmale aber scheinen mir unbedenklich angevendet werden zu dürfen, wenn wie unter den zwei Rädern den Clerus in seiner zweifachen Gestalt als Weltgeistlichkeit und Klostergeistlichkeit verstehen. Auf ihnen ruhte allerdings, nach katholischchristlicher Anschauung, der gesammte Bau der Kirche; sie wareu dazu berufen, die Christenheit zu tragen und weiter zu führen, nach der Richtung, welche durch die Teichsel angegeben ward.

Aus ihrem Schoosse brach das Ungeheuer der Weltgier hervor und verdarb und zerstörte die Kirche. Und bei dem Clerus, dem klosterlichen sowohl als dem weltlichen, kam allerdings auch die Gier nach Geld zu ihrem Ziele — die Geistlichkeit bereicherte sich mit den Federn der Adlers, nahm die Güter des heiligen römischen Reiches zn einem grossen Theile in Besitz und verschaffte dadurch der Kirche die verhängnissvolle Umwandlung in das Bild des Drachen».

[1317] Примечания: 1317

В числе крыл также видят аллегорическое значение. Бути, Ландино, Велутелло и другие видят в правом крыле божественное правосудие, в левом — милосердие. Но едва ли тут заключается символический смысл. Данте дает два крыла Грифону, потому что этому баснословному животному всегда приписываются лишь два крыла.

[1318] Примечания: 1318

«Подвигаясь сзади светильников и посреди их по одной и той же стезе, Грифон должен, следовательно, иметь по три светильника с каждой стороны, и, простирая то и другое крыло в высь, занимать два боковых пространства каждым крылом; так что, рассекая эти пространства, он не расстраивал ни одной из цветных полос». Бенвенуто Рамбалди. — Таков буквальный смысл; аллегорический объяснить труднее. Многие комментаторы его и не объясняют. — Велутелло говорить: «nй la giщ si tizia ne la misericordia divina impedisce mai i sette sacramenti». — «Крылья Грифона заключают между собою четвертую из светлых полос. Если эти полосы обозначают семь таинств, то, согласно обыкновенному счету их в катехизисах, которого придерживается и Фома Аквинский, четвертая полоса будет означать таинство покаяния. А так как прощение грехов есть главная цель вочеловечения и искупления, то кажется очень уместным помещение этого таинства в средине крыл, обозначающих

соединение божественного с человеческим». Филалет. — Скартацини не согласен с этим и приводит свое объяснение: «Если семь светильников означают семикратный Дух святой (стих 50, примеч.), семь полос — семикратный дар или силу Духа Св. (стих 77, примеч.), Грифон — Христа; если орлиная часть Грифона — божественное естество в Христе; если столь высокое поднятие крыл его означает, что Христос, находясь на земле, в то же время находится и на небе и уносится, как Бог, из вида, — то отсюда следует, что намерение Данте было показать, что Христос, хотя Он от неба и в небе, однако не прерывает чрез то силы Святого Духа, согласно со словами самого Христа: «Отец Мой доныне делает, и Я делаю». Иоанна, V, 17, — «Я и Отец одно». Иоанна, X, 30. — Впрочем поэт не без умысла сказал: «Tra la mezzana e le tre e tre liste, различая таким образом три и три и четвертое. Припомним, что три есть число божественное (примеч. к стиху 50), а четыре — число мира (ibid.), что эти два числа соединены и содержатся в цифре 7. Считая число полос справа и слева до правого и левого крыла Грифона, получим по три и справа и слева — число Божества; присоединим среднюю полосу, получше число четыре — число человечества. Все вместе составят семь — число, выражающее соединение Божества с человечеством. — Крылья Грифона не пересекают ни одну из этих полос, т. е. не нарушают прекрасной гармонии между 3 и 4, ни соединения их в 7. Смысл аллегории, кажется, ясен.

Был злата блеск на всем, что в Грифе птичье,

На прочем всем – слит с белым алый цвет.[1319]

115. Ни Африкан, ни Август, в их величье,

Не зрели в Риме колесниц таких;

Пред ней теряет все свое отличье

118. И колесница Феба в самый миг,

Как, вняв Земле молящей, правосудный

Юпитер сжег ее в путях кривых.[1320]

121. У колеса, что справа, в пляске чудной

Я зрел трех жен, – столь алая одна,

[1319] Примечания: 1319

Намек на слова Песни Песней, V, 11: «Голова его — чистое золото». Золото — символ трех качеств Божества: света, чистоты и величия, как и блеска ослепительного. Бёр. Symbol. I, s. 282. — Вид золота имело все птичье, орлиное, т. е. передняя часть Грифа. Тыльная часть, львиная, представляла смесь белого с алым. «Возлюбленный мой бел и румян». Песнь Песней, V, 10. — Белый цвет — символ чистоты, непорочности, алый — цвет любви; по Филалету, белый и алый цвета обозначают веру, полную любви, составляющую вместе с тем совершенство человеческой добродетели. По Скартаццини, так как цвет представляет смесь белого с алым, и следовательно здесь разумеются не два отдельных цвета, а слияние цветов, то должно разуметь просто телесный цвет, а это выражает человечность Божественного Слова» которое «стало плотью». Иоанна, I, 14. Так толкуют Бути, Велутелло и другие

комментаторы.

[1320] Примечания: 1320

Сличи Ада XVIII, 106 и след. и прим. — Великолепие колесницы солнца описано у Овидия, Превращ. II, 107–110:

Ось золотая была, золотое и дышло и обод
Вкруг всего колеса и серебряных спиц весь порядок.
А на ярме хризолиты и камни цветные рядами
Отражали лучами блестящими Феба сиянье.

Перевод Фета.

Солнечная колесница, управляемая Фаэтоном, сошла с своей колеи и зажгла небо и землю. Последняя взмолилась при этом великом бедствии к Юпитеру о помощи («и гласом священным сказала». Овидия, перев. Фета, Превращ. II, 278), после чего Зевс кинул молнию в неискусного возницу, который упал в реку Эридан, а колесница распалась на обломки. В подлиннике: Quando fu Giove arcanamente giusto. Это выражение arcanamente, таинственным образом, дало повод Бруноне Бианки подозревать, что здесь разумеется папство, завладевшее, как Фаэтон, солнечной колесницей — светским управлением церкви, и что оно, как и Фаэтон, понесет за то заслуженное наказание.

Что в пламени ее-б заметить трудно.

124. Другая цветом – словно создана
Вся из смарагда: кости, кровь и тело;
Был третьей цвет – как снега белизна.[1321]

127. Казалось, был их хор ведом то белой,
То алой девой; под ее напев
Хор двигался то медленно, то смело.

130. Налево, пурпур на себя надев,
Вслед той, на чьем челе три были ока,
Плясали две четы небесных дев.

133. За чудным хороводом вдоль пото-

[1321] Примечания: 1321

Три жены у правого колеса, как сказано, три богословские добродетели и, как уже видно из их цвета, любовь — красного, надежда зеленого («как смарагд», изумруд) и вера — белого цвета. Их пребывание у правого колеса означает их более высокое достоинство в сравнении с прочими четырьмя женами, представляющими главные нравственные добродетели. Об их значении Фома Аквинский говорит: Cum bonum in humanis actibus attendatur secundum quod regulantur debita regula, necesse est quod virtus humana, quae est principium honorum actuum, consistat in attingendo humanorum actuum regulam. Est autem duplex regula humanorum actuum, scilicet ratio humana et Deus; sed Deus est prima regula, a qua etiam humana ratio regulanda est. Et ideo virtutes theologicae, quae consistunt in attingendo illam regulam primam, eo quod earum objectum est Deus, excellentiores sunt virtutibus moralibus vel intellectualibus, quae consistunt in attingendo rationem humanam» (Sum.

Theol., p. II, 2-ae, qu. XXIII, art. 6).

ка

Два старца шли, несходные ни в чем,
Лишь сходственные видом без упрека.

136. Один, казалось, был учеником
Гиппократа, рожденного природой
ее любимцам высшим быть врачом.

139. Другой, казалось, воин был породой,
С мечом столь острым, что и за рекой
Я трепетал пред грозным воево-
дой.[1322]

142. Во след шли четверо, – смиренен строй
Их был, а сзади старец без усилий;

[1322] Примечания: 1322

До своего обращения ко Христу Павел преследовал христиан с мечом в руке, а по обращении своем был обезглавлен мечом. Джемсон (Sacred and Legendary, Art. I, p. 188, по цитате Лонгфелло) замечает, что меч стал атрибутом св. Павла с XI века. Здесь меч, по-видимому, есть» меч духа», т. е. «слово Божие» (Ефес. VI, 17). Острота меча означает слово Божие, которое живо и действенно: «Слово Божие живо и действенно, и острее всякого меча; оно проникает до разделения души и духа, составов и мозгов, и судить помышления и намерения сердечные» (Посл. к Евр. IV, 12). Меч этот напоминает здесь меч у привратника чистилища (IX, 78–84 и примеч.) Поэтому-то, вероятно, он и внушает страх Данте, хотя и очистившемуся от семи смертных грехов в семи кругах чистилища, но все еще не чувствующему себя вполне чистым и готовым вознестись к странам звездным.

Он, хоть и спал, был видом огневой.[1323]

145. И эти семь все так одеты были,

Как первый сонм; но на главах в венки[1324]

Вплетался им не цвет сребристых лилий,

148. А розаны и алые цветки;[1325]

Поклялся б всяк, вдали узрев их лица,

Что вкруг чела их реют огоньки.

151. Вдруг предо мной тут стала колесница,[1326]

И грянул гром, и здесь положена[1327]

Была, казалось, шествию граница.

[1323] Примечания: 1323

Первые четыре — символы канонических посланий, писанных апп. Иоанном и Иудой. Наконец, спящий старец, «с виду — огневой» (con la faccia arguta), — символ Откровения, писанного ап. Иоанном. Некоторые возражали на это, говоря, что апостол Иоанн является здесь в третий раз: во-первых, в виде животного, во-вторых, в виде смиренного старца, и в третьих, в виде спящего старца, а потому в четырех старцах некоторые хотели видеть четырех отцов католической церкви: Григория Великого, Иеронима, Амвросия и Августина, или четырех главных пророков: Исаию, Иеремию, Иезекииля и Даниила; также в спящем старце — то Моисея, то Бернарда. Но здесь не представляется никакой трудности. Дело в том, что в мистической процессии участвуют не лица, а олицетворения. Двадцать четыре старца — не авторы книг Ветхого Завета, а самые книги; четыре животных — не

Евангелисты, а Евангелия; два старца за колесницею — не Лука и Павел, а олицетворение Деяний Апостольских и Посланий Павловых. Точно так и здесь четыре смиренных старца — олицетворение прочих канонических посланий (Иакова, Петра, Иоанна и Иуды); они названы смиренными (in umile paruta), единственно, по краткости этих посланий, а не по бедности апостолов. Наконец, нищий старец — олицетворение Откровения Иоанна, а не сам Иоанн; он идет один, потому что Откровение — единственная пророческая книга в Новом Завете; он старец, ибо автор Откровения умер в глубокой старости; он идет сзади всех, так как Откровение — последняя книга Библии; он представлен спящим, но с видом огневым, потому что Откровение — ряд видений, написанных чтобы показать, чему надлежит быть вскоре» (Откров. I, 1) и есть «libro di grande sottilezza ad intenderlo» Бути. — «Итак, великая процессия представляет нам вселенскую церковь, предшествуемую семикратным Духом Божиим, осененную семью его силами, предшествуемую книгами Ветхого Завета, ведомую Иисусом Христом посреди Евангелия, окруженную богословскими и нравственными добродетелями и сопровождаемую остальными книгами Нового Завета. В своем перечне и выборе книг, сопровождающих церковь, Данте не хочет выходить из пределов Ветхого и Нового Заветов, может быть, в опровержение мнения тех, которые считали декреталии основанием веры. Сличи De Mon., lib. Ш, с. 3: «Sunt etiam tertii, quos Decretalistas vocant, qui Theologiae ac Philosophiae cujuslibet inscii et expertes, suis Decretalibus (quas profecto venerandas existimo) tota intentione innixi, de illarum praevalentia credo sperantes, Imperio derogant. Nec mirum, quum jam audiverim quendam de illis dicentem, et procaciter asserentem, traditiones Ecclesiae fidei fundaraentum. Quod quidem nefas de opinione mortalium illi submoveant, qui, ante traditiones Ecclesiae, in Fidem Dei Christum, sive venturum, sive praesentem, sive jam passum crediderunt, et credendo speraverunt, et sperantes cantate arserunt,

et ardentes eicoheredes factos esse mundus non dubitati. Итак, в основу церкви Данте полагает лишь книги Ветхого и Нового Завета. Точно так и в Раю (XXIV, 136), вопрошаемый ап. Петром об основе его веры, Данте ограничивается одними книгами Ветхого и Нового Завета и не упоминает ни о каких других, ни о каких декреталиях». Скартаццини.

[1324] Примечания: 1324

«Как первый сонм», т. е. двадцать четыре старца в белых одеяниях.

[1325] Примечания: 1325

Они увенчаны не белыми лилиями, но венками из роз и других алых цветов, как символом их кровавого мученичества, которое они украшали небесными цветами, объемлющими их головы, как светлые повязки (brôlo — сад; περιβόλιος, περίβολος — огражденное место) и вместе с тем символ полной христианской добродетели, fides cantate formata, — Стоящий вдали, глядя на эти цветы, мог бы поклясться, что он видит огни на голове их, так ярок их цвет.

[1326] Примечания: 1326

Процессия не движется с места во все время, пока Данте не испил вод Леты и не был приведен четырьмя женами к груди Грифона (XXXI, 100 и след. и примеч.). В этот промежуток времени Данте приносит последнее покаяние и окончательно примиряется с Беатриче. Аллегорический смысл: церковь идет навстречу кающемуся грешнику, принимает его в свое лоно и, ведя его с собою, охраняет его на пути, ведущем к блаженству вечной жизни.

[1327] Примечания: 1327

«Гром». При входе Данте в ад было землетрясение, вихрь, молния и гром (Ада III, 130–136, и IV, 1–2). Здесь опять слышится гром. Откуда происходит этот гром? Бути отвечает: «Questo tuono si dee intendere che fusse in quello luogo cosa sopra natura, e fusse segno da Dio dato che la processione si dovesse fermare». — При этом следует заметить, как говорит Велутелло, что «поэт изобразил церковь в форме креста, обращенного к западу, как обыкновенно изображаются кресты, ибо впереди поместил семь светильников, образующих основание или подножие креста; затем — 24 старца попарно, образующих древо креста до того места, где он перекрещивается и где он поместил узел, т. е. колесницу, влекомую Грифоном, посреди четырех животных; на месте правой ветви креста — три, а на месте левой — четыре жены. Наконец, в виде верхней части креста — семь старцев, одетых, как и первый строй».

154. И стали все, лишь стали знамена.[1328]

[1328] Примечания: 1328

«Знамена», т. е. семь светильников, с тянувшимися за ними светлыми полосами наподобие стягов.

Песнь тридцатая

Земной рай. – Появление Беатриче и исчезновение Виргилия. – Упреки Беатриче Данте.

1. Лишь только стал Септентрион верховный[1329]

(Ему ж заката, ни восхода нет,

Его же блеск лишь гасит мрак духовный, —

4. Тот блеск, который за собою вслед

Ведет весь рай, как к пристани с эфира

Хор низших звезд льет мореходцам

[1329] Примечания: 1329

В подлиннике: il settentrion del primo cielo (септентрион первого, высшего, неба). Этот мистический септентрион означает не колесницу, а семь предшествующих ей светильников, как это видно из чистилища XXIX, 64-154. Септентрионом, (семизвездием) поэт называет семь светильников, по имени семи звезд Малой Медведицы, озаряющей северную часть нашего неба. Одна из семи звезд этого созвездия есть Полярная Звезда. Созвездие это никогда не заходит на нашем полушарии и есть путеводное созвездие для мореходцев. Точно так и семь светильников руководят колесницей церкви». Скартаццини. — «Небо неподвижных звезд — после эмпирея второе под ним — имеет ближайшим к северному полюсу созвездие из семи звезд, Малую Медведицу, к которой принадлежит и Полярная Звезда. Это созвездие, называемое, по причине семи звезд, по-латыни Septentrio (семь волов, или слово в слово — семиволие), указывает кормчему направление, которого он должен держаться, чтобы достигнуть пристани. Оно никогда не

заходит на нашем полушарии, и потому исчезает с наших глаз лишь тогда, когда помрачается наша атмосфера. Что совершается в смысле телесном, то поэт переносит в область духовную. И бестелесное высшее небо (стих 1) божественного света и божественной любви (Рая XXVII, 113; XXX, 39) имеет свой септентрион (семизвездие), руководящий странника на его прямом пути, никогда не заходящий и омрачающийся для глаз христианина лишь его собственным грехом; септентрион этот — те семь светильников, обозначающих семь даров Св. Духа, которые предшествуют триумфальному шествию церкви (Сличи: XXIX, 62 и след.». К. Витте.

свет).[1330] —

7. Как взор вперили все пророки мира,[1331]

Что шли меж ним и Грифом пресвятым,[1332]

На колесницу, как на пристань мира.[1333]

10. Один из них, как с неба херувим,[1334]

«Veni, sponsa, de Libano», ликуя,[1335]

Воскликнул трижды, и весь хор за ним.[1336]

13. Как из могил, призыв трубы почуя,

Воспрянут все блаженные, и всяк,

Облекшись в плоть, воскликнет: алли-

[1330] Примечания: 1330

В подлиннике: E che faceva lì ciascuno accorto Di suo dover, и который научает здесь, в земном раю, каждого своему долгу. — «Небесный септентрионт, предшествуя колеснице, указывает каждому участвующему в процессии его долг, т. е. прямую дорогу, подобно как септентрион из звезд нашей гемисферы указывает кормчему, куда он должен направлять корабль. Qui (септентрион) non mergitur undis Axis inocciduus… ille regit puppes». Лукан, VIII, 174. — «Этот лучезарный огонь духовного семизвездия служит каждому человеку к его нравственному благу; другой блеск — действительной Полярной Звезды — существует на пользу кормчему». Каннегиссер.

[1331] Примечания: 1331

«Все пророки мира», в подлиннике: la gente verace — правдивый народ, т. е. 24 старца, сочинители писаний Ветхого Завета, или, вернее,

олицетворения двадцати четырех книг Ветхого Завета, заключающих в себе высшую истину. Они обращаются к христианской церкви, о которой они пророчествовали. — «Какая глубокая мысль! Ветхозаветный предшествующий строй оборачивается к тому, что он же сам предвозвещал; строй новозаветный идет вслед за Христовой церковью, следовательно, он уже обращен к ней». Копиш.

[1332] Примечания: 1332

«Меж ним», т. е. между семью светильниками, септентрионом, и колесницею, влекомою Грифоном (XXIX, 82 и след.).

[1333] Примечания: 1333

Т. е. как к пределу их упований, лежащему во Христе (Грифоне) в его церкви (колеснице). «Ныне отпускаешь раба Твоего, Владыко, по слову Твоему, с миром» (Луки II, 29) — слова Симеона Богоприимца.

[1334] Примечания: 1334

«Один из них», т. е. Соломон, или, вернее, Песнь Песней, олицетворяемая одним из 24-х старцев. «Сказав, что этот один казался как бы посланным с неба (в подлиннике: quasi da ciel messo) для призвания Беатриче, поэт тем самым говорить, что Беатриче невеста Песни Песней. По толкованию Святых Отцов, невеста Песни Песней — церковь; а символ церкви, как мы видели, колесница. Тем не менее, как символ власти духовной, Беатриче, вместе с тем, — в известном роде представительница и церкви, почему Данте и мог отнести к ней то, что Песнь Песней говорит о невесте. Должно помнить, что невеста Песни Песней, согласно с тем, что говорит о ней Данте в другом месте (Convivio, tr. II, c. 15), есть божественное знание: «che piena è di tutta pace, la quale non soffera lite alcuna d'opinioni o di soflsciti argomenti per la eccellentissima certezza del suo suggetto, lo quale è Iddio». Скартаццини.

[1335] Примечания: 1335

«Со мною иди с Ливана, невеста!», — слова Песни Песней (IV, 8), или в Вульгате: Veni de Libano, sponsa mea, veni de Libano, veni! (Иди с Ливана, невеста моя, иди с Ливана, иди!) Под Ливаном здесь разумеется небо, под невестой — долженствующая сейчас явиться Беатриче. — «При этом надобно заметить, что, по католическому толкованию, Ливан с своими кедрами часто обозначает «гордых», которые, в противоположность с благочестивым», олицетворяют мир. Псал. XXXVI, 35. Упоминаемые в Песне Песней барс и лев — образы врагов Царства Божия (Исаии, XI, 6 и Иер. V, 6), — следовательно, церковь должна оставить место гордых, врагов Царства Божия. Это и сделал Данте, покинув (Ада I, 136) лесистую юдоль, местопребывание Барса, Льва и Волчицы. Итак, он теперь опять при церкви, которой нет места в помянутом лесу (XXXII, 100)». Копиш.

[1336] Примечания: 1336

«Трижды», ибо слово veni три раза повторяется в библейском тексте Вульгаты.

луя,[1337] —

16. Над пресвятою колесницей так[1338]
Воздвиглись сто, ad vocem tanti senis,
Послов и слуг той жизни, полной благ.[1339]

19. И
пели все: «Benedictus, qui veniste[1340]
И дождь цветов струили, говоря:
«Manibus o date lilia plenis!»[1341]

22. Видал я утром, как дает заря
Цвет розовый всей стороне востока,
Всему же небу ясность янтаря,

25. И как лик солнца, встав из волн по-

[1337] Примечания: 1337

Т. е. в день страшного Суда, когда, по слову апостола Павла: «Вдруг, во мгновение ока при последней трубе… воскреснут нетленными» (I посл. к Коринф. XV, 52). — «Облекшись в плоть». Я следовал обыкновенному тексту: La rivestita carne, хотя большинство лучших новейших изданий предпочитает чтение: La rivestita voce. Сличи Скартаццини, 659.

[1338] Примечания: 1338

«Колесницей», в подлиннике: basterna, так во времена Данте называлась колесница или повозка на двух колесах, изукрашенная коврами и флагами, на которой ездили благородные матроны. Данте, может быть, употребляет здесь это слово для того, чтобы показать, что на ней вскоре появится Беатриче.

[1339] Примечания: 1339

Послы и слуги (ministri e messaggier' di vita eterna) — ангелы, которые

уже в Святом Писании называются слугами — в Псалт. CII, 20–21, к Евр. I, 7-14: «Ангелы… все суть служебные духи, посылаемые на служение для тех, которые имеют наследовать спасение». К тому же слово посол — перевод греческого ἀγγελος — Надо полагать, что эти доселе не упоминавшиеся ангелы невидимо носились вокруг колесницы; теперь же, когда призывается на нее Беатриче, они возносятся над нею и становятся видимыми (быть может намек на Псалом XXXIII, 8: «Ангел Господень ополчается вокруг боящихся его и избавляет их), по гласу такого старца», т. е. при возгласе вышеупомянутого старца (Соломона), воскликнувшего: «Иди, невеста, с Ливана!» — «Сто» — определенное число взято вместо неопределенного; собственно, множество. — Латинские слова: «ad vocem tanti senis», употреблены здесь единственно для рифмы с двумя рифмами следующей терцины.

[1340] Примечания: 1340

«Ben ed ictus, qui venis»: благословен грядый, — слова, которыми приветствовал Христа народ Еврейский при входе его в Иерусалим (Матф. XXI, 9; Марк. XI, 9; Лук. XIX, 38; Иоан. XII, 13). — Комментаторы несогласные между собою в том, к кому относятся эти слова? По одним — к Данте, по другим — к Беатриче. В пользу первого мнения говорит мужское окончание слова benedictus; но это ничего не доказывает, так как латинские слова здесь заимствованы из «Sanctus» католической обедни и заключают в себе намек на эту обедню. Филалет полагает, впрочем, весьма маловероятным, чтобы Данте здесь приветствовал самого себя словами, обращенными к Спасителю. Другие (Фратичелли, Каммерини, Бланк и Каннегиссер) относят эти слова к Беатриче.

[1341] Примечания: 1341

«Manibus o date liliä plenis»: «рассыпайте лилии полными пригоршнями» — слова Лахиза в подземном царстве, когда он в числе теней будущих римлян показывал Энею юного Марцелла, преждевременно умершего племянника Августа, и при этом говорил:

«Tu Marcellus eris. Manibus date lilia plenis;

Purpureo spargam flores».

Виргилий, Энеида. II, 883.

тока,

Смягчает блеск свой дымкою паров,

Так что он долго выносим для ока, —

28. Так в недрах облака живых цветов,[1342]

Кропимых сонмом ангелов несметным

И в колесницу, и на злак лугов, —

31. В зеленой мантии, в венке заветном

На голове сверх белых покрывал,

Я донну зрел в хитоне огнецветном.[1343]

34. И дух во мне, хоть он и перестал

Так много лет быть в трепете жесто-

[1342] Примечания: 1342

«Освежите меня яблоками». Песнь Песней, II, 5. В Вульгате это место переведено: «Fulcite me floribus» — освежите меня цветами.

[1343] Примечания: 1343

Данте является Донна (Беатриче) с белым покрывалом на голове и в венке из лавровых ветвей поверх него. Под зеленой мантией она одета в хитон цвета пламени. Таким образом мы видим здесь три цвета: белый, зеленый и красный — цвета веры, надежды и любви. Олива — символ мудрости, а может быть и мира. Беатриче является под покрывалом, так как Данте еще недостоин видеть ее без покрывала, не будучи вполне очищен и примирен с нею. — «Ella (Beatrice) apparvemi vestita di noblissimo colore umile ed onesto, sanguigno, cinta ed ornata alla guisa che alla sua giovar nissima etade si convenia». Vita Nuova, § 2. — «Беатриче представилась в первый раз Данте, как повествует Vita Nuova, также в красной одежде; в такой же одежде является она ему и теперь

(стих 40). С присоединением зеленого цвета мантии в одежде Беатриче повторяются все цвета — веры, надежды и любви». К. Витте. — «До сей минуты жена эта еще не восседала на колеснице: она является впервые только теперь, полузакрытая парящими окрест ангелами и цветами; жена эта — Беатриче. Она являет в одежде своей три цвета: белый — веры, зеленый — надежды и красный — любви, точно так, как каждая из трех богословских добродетелей (XXIX, 122) облечена в один из этих цветов. Случаю было угодно, чтобы прославленная возлюбленная Данте, рациональнейшего поэта Италии, в лице которой многие толкователи видят аллегорическое воплощение национальной идеи, явилась здесь в цветах, которые ныне, спустя более 500 лет по выходе в свет поэмы, составляют цвета соединенной итальянской нации. — Покрывало Беатриче имеет цвет веры и повито притом венком мира (II, 70) и мудрости, — мысль тем более глубокая, если припомнить, что в предыдущей песни, стих 26, Данте клянет неразумие, с которым Ева не захотела нести никакого покрывала и вместо веры требовала себе познания». Ноттер. — Здесь будет уместно обратить внимание читателя на то обстоятельство, «с какою неподражаемой гениальностью и прелестью изображены здесь рано скончавшаяся возлюбленная юности поэта и божественная благодать, питаемая от юности любовь к обеим и уклонение от той и другой». Штрекфусс. — «С этой минуты она уже не покидает поэта вплоть до самого престола Божия; после аллегорического изображения XXIX песни мы с удвоенным удовольствием ощущаем, как с этим 31-м стихом, после долгого странствования, Данте достигает того, чего так желало его пламенное сердце, — появления во всей славе его возлюбленной, и как вместе с нею его святая песнь приемлет новый полет, удерживающийся на одинаковой высоте во все следующие песни и придающий им наивысшую поэтичность во всей его поэме». Флейдерер.

ком[1344]

При виде той, кто выше всех похвал, —

37. Теперь, без созерцанья даже оком,

Лишь тайной силой, что из нее лилась,

Был увлечен былой любви потоком.[1345]

40. И лишь очам моим передалась

Та мощь любви, от чьей могучей воли

Во мне, ребенке, грудь уже рвалась, —

43. Я, как младенец, что при каждой боли[1346]

Бежит к родной, чтоб помогла любовь, —

[1344] Примечания: 1344

«Так много лет». Беатриче скончалась в 1290 году; видение Божественной Комедии случилось в 1300 году; следовательно, прошло 10 лет с тех пор, как дух Данте не приходил более в жестокий трепет (tremando, affranto) при виде Беатриче.

[1345] Примечания: 1345

Беатриче до сих пор находится еще под покрывалом и невидима Данте; но из нее исходит какая-то таинственная сила, производящая на него действие, подобное тому, которое он испытывал, когда видел ее.

[1346] Примечания: 1346

«Как младенец». Сличи Гомера, Илиада, XVI, 7-10:

Что ты расплакался, друг Менетид? как дева-младенец,
Если за матерью бегая, на руки просится с плачем,
Ловит одежду ее, уходящую за полу держит,

Плачет и в очи глядит, чтобы на руки подняла мать.

Подобное же сравнение в Псалме CXXX, 2: «Как дитяти, отнятого от груди матери».

Направил взор налево поневоле

46. К Виргилию, чтоб высказать: «Вся кровь[1347]

Во мне кипит, трепещет каждый атом!

След прежней страсти познаю я вновь!»[1348]

49. Но, ах! исчез Виргилий навсегда там,[1349] —

Виргилий, – он, отец сладчайший мой, —

Виргилий, кем я был спасен, как братом!

52. Все радости, что первою женой

[1347] Примечания: 1347

«Смущенный, подавленный силой чрезвычайных впечатлений, Данте, естественно, обращается еще раз к своему прежнему вождю, и так как он еще не соединился с Беатриче и видит при этом, что Виргилий уже исчез, стало быть стоит на границе между прежним и новым положением, то он, понятно, должен чувствовать себя на минуту беспомощным и пораженным горем». Флейдерер.

[1348] Примечания: 1348

«Каждый этом», в подлиннике: каждая драхма (мельчайший вес), Men che dramma Di sangue m'è rimaso. — «След прежней страсти познаю я вновь», — буквальный перевод из Виргилия, Энеида, IV, 20–23:

Anna, fatebor enim, miseri post fata Sychaei
Conjugis et sparsos fraterna coede penates

›››

Solus hic inflexit sensus animumque labantem
Impulit. Aggnosco veteris vestigia flammae.

[1349] Примечания: 1349

«Виргилий исчезает, в знак того, что разум человеческий исчезает пред чудесами веры, что божественное учение мы не можем постичь, подобно тому, как постигаем другие знания, но должны воспринимать их по-детски, чистым сердцем». Копиш. — «Как уже и прежде, пролагавшее ему путь ко спасению земное знание оказывалось для него недостаточным, так теперь оно покидает его окончательно, чтобы уступить место божественному познанию». Филалет. — Беатриче принимает отныне на себя руководительство Данте. Замечательно, что в земном раю Виргилий и Беатриче не обмениваются между собою ни единым словом.

Утрачены, мой лик не защитили,

Чтоб он не омрачился вдруг слезой.[1350]

55. – О Данте, слез о том, что прочь Виргилий[1351]

Ушел, не лей – увидим скоро мы,

Как от других заплачешь ты насилий!

58. Как адмирал то с носа, то с кормы

Глядит, как действуют людей станицы

В других судах, и в них бодрит умы,[1352]

61. Так с левого обвода колесницы,[1353]

При имени моем, его же звук

[1350] Примечания: 1350

Т. е. все прелести и радости земного рая, утраченные когда-то Евой, не удержали его от того, чтобы лицо его не оросилось слезами вследствие утраты Виргилия.

[1351] Примечания: 1351

«Эта внезапная развязка — черта высочайшей поэзии: нужно было тотчас представить Беатриче читателю, и вот она сама выполняет эту задачу». Чезари, — «Говорит эти слова Беатриче. Место это, начало укорительного суда, который вслед за тем произносит Беатриче над Данте, — единственное во всей Божественной Комедии, где столь беспощадный к своей человеческой природе и строгий, равно и гордый в отношении своего поэтического призвания и сознающий сам свое достоинство, поэт решается сам произнести свое имя. В другом месте, именно Рая XXVI, 104, некоторые издатели вместо da te читают Dante, очевидно, ошибочно, как это явствует из всего контекста этого

спорного места». Ноттер.

[1352] Примечания: 1352

По важности выведенного здесь лица (адмирала) и его служебных обязанностей, сравнение указывает на полное достоинства величие Беатриче, и, выражая попечение и краткие речи, обращаемые адмиралом к экипажу других судов, т. е. других меньших кораблей, чтобы ободрить его к исполнению своих обязанностей, показывает, что в действиях и из взоров Беатриче проявляется величие ее души. Самая мистическая колесница, на которой покоится Беатриче, имеет нечто аналогичное с главным кораблем флота, на котором находится адмирал».

[1353] Примечания: 1353

В стихе 28-м не совсем ясно сказано, находилась ли Беатриче в минуту своего появления в колеснице, или подле нее; но из сравнения с адмиралом, находящимся, конечно, на корабле, надобно допустить, что Беатриче находилась на колеснице, точно так, как и в песня XXXII, 36, она на ней находится. Во всяком случае, где бы она ни была, в колеснице ли, или вне ее, она теперь находится у левого обвода (в подлиннике: sponda, борт, — термин, одинаково пригодный и для корабля, и для колесницы); так как при этом Лета протекает с левой ее стороны (см. стихи 67–71), то и Беатриче должна стоять на этой же стороне, чтобы обращать взоры на противостоящего Данте. В таком положении она обращена к четырем светским добродетелям (XXIX, 130–132 и примеч.). Ноттер.

Я по нужде вношу в мои страницы,[1354]

64. Я зрел, как та, которую вокруг

Сперва скрывал хор ангелов, взор первый[1355]

Через поток в меня метнула вдруг.

67. И хоть покров, из-под венка Минервы

С главы ее спадавший, ей к лицу

Мне возбранял очей направить нервы, —

70. С величьем, сродным царскому лицу,

Она рекла, как тот, в ком есть обычай —

Сильнейшее беречь в речах к концу:

[1354] Примечания: 1354

«Parlare di sè medesimo pare non licito... Non al concede per li rettorici alcuno di so medesimo senza necessaria cagione parlare». Conv. tr., II, с. 2. — «Поэт говорит, что по необходимости написал здесь свое имя, так как донна должна была назвать его по имени по двум причинам: во-первых, потому, что он был именно то лицо между многими, к которому она направила свое слово; во-вторых, потому, что людская речь всего более трогает, когда к кому-либо обращаются с его собственным именем, и в этом обращении к Данте выражено к нему более любви; точно так и упрек язвить тем более, когда лицо упрекаемое названо упрекающим по имени». Оттимо.

[1355] Примечания: 1355

Т. е. облаком цветов, бросаемых руками ангелов (стих 28 и примеч.). — «Намек на то, что в очистившемся человеке лишь мало-помалу

возникает познавание божественного». Штрекфусс.

73. – Вглядись в меня, вглядись: я – Беатриче!

Взойти сюда как в ум тебе вошло?

Как о моем ты вспомнил давнем кличе?[1356]

76. Мой взор упал тут в чистых вод стекло;

В нем увидал я вид свой столь убогий,

Что взор отвел, так стыд мне жег чело![1357]

79. Не кажется и сыну мать столь строгой,

Как мне она, так сладкий мед любви[1358]

[1356] Примечания: 1356

Слова, сказанные иронически: почел ли, наконец, достойным труда взойти на эту гору, единственно на которой человек может найти блаженство. В переводе эти стихи несколько изменены; в подлиннике: «Come degnasti d'accedere al monte? Non sapei tu, che è l'uom felice?» В иронии этих слов заключается упрек, относящийся к гордому, самонадеянному исследованию, которому греховно предавался Данте в тот период жизни, когда он искал себе спасения не в божественном откровении Писания, но в философии и политических делах, вместо того, чтобы тотчас же всецело и послушно обратиться к откровению божественных книг, как того хотел Бог». Копиш.

[1357] Примечания: 1357

Итак, Данте чувствует себя виновным, но в чем же? Конечно, не в тех грехах, которые очищаются в преддверии и в семи кругах чистилища, ибо вместе с семью *P* уничтожены и отпущены ему и семь грехов, и он

не может уже стыдиться их или считать себя в них виновным. Итак, грех его должен быть грех еще не очищенный и не отпущенный. И действительно, гордость философская, сомнение в предметах, касающихся веры, не очищается ни в одном из кругов чистилища. Если Данте грешен в этом отношении, то этот грех еще остается в нем, и этот грех и есть именно тот, в котором его уличает Беатриче». Скартаццини.

[1358] Примечания: 1358

«Данте часто сравнивает Беатриче с матерью (Рая I, 102; XXII, 4). Трудно понять, почему богословие называется матерью; матерью может быть лишь церковь. Но власть церковная — представительница церкви. Итак, если Беатриче олицетворяет церковную власть, то Данте справедливо сравнивает ее с матерью». Скартаццини. — «В этих словах Данте изображает сострадание, или милосердие, которое не умалчивает перед грешником о его грехах, и потому кажется ему горьким, хотя вместе с тем эта горечь служит ему же ко благу». Каннегиссер. — «Сравнение с матерью, строгой к своему сыну, показывает, что здесь поэт выражает общее правило, причем надобно разуметь, что наказывающее милосердие всегда отзывается чем-то горьким наказуемому». Скартаццини.

ее ко мне был полон желчи многой!

82. Едва лишь смолкла – ангелы вдали:[1359]

«In te speravi, Domine», воспели,

Но дальше «pedes meos» не пошли.[1360]

85. Как стынет снег у мачт живых на теле,

Навеянный в вершинах Апеннин

С Словенских гор в холодные метели,

88. Едва ж из стран без тени до вершин

Коснется жар – закованный дотоле

Весь снег плывет, как воск, огнем палим, —

[1359] Примечания: 1359

Ангелы, окружающие колесницу, отвечают вместо Данте Беатриче. — «Вы приступили к горе Сиону и ко граду Бога живого, к небесному Иерусалиму и тьмам ангелов». Посл. к Евр. XII, 22.

[1360] Примечания: 1360

«На Тебя, Господи, уповаю», слова XXX псалма. Ангелы поют первые девять стихов этого псалма: «На Тебя, Господи, уповаю, да не постыжусь вовек; по правде Твоей избавь меня», и проч. до последнего стиха девятого: «И не предал меня в руки врага; поставил ноги мои на пространном месте». Цель ангельского пения — утешить и успокоить поэта, почему ангелы и не поют остальную часть псалма, как сюда не относящуюся. — «Как величественно, как психологически верно действует эта утешительная песнь на глубоко-сокрушенного поэта, растерзанное сердце которого облегчается благодетельными вздохами и слезами, это выражают следующие прекрасные стихи». Штрекфусс.

91. Так я без слез и вздохов был, доколе

Гимн не воспел хор Божий в вышине,[1361] —

Хор горних сфер, покорный высшей воле.

94. И вот, когда он состраданье мне

Сильнее выразил, чем если б прямо

«Что так строга?» проговорил жене, —

97. Растаял лед вкруг сердца в миг тот самый

И вышел влагой в очи, а в уста[1362]

Потоком вздохов из груди упрямой.

100. Она ж, все там же стоя, в небеса

Так с колесницы к существам предвечным

Направила святые словеса:

[1361] Примечания: 1361

«Хор Божий», т. е. ангелы, всегда поющие согласно гармонии небесных сфер. «По мнению Платона и Пифагора, мировые тела своим движением производят музыку, гармонию сфер. Данте держится здесь этого мнения и прибавляет, что ангелы сопровождают эту музыку своим пением». Каннегиссер. Скартаццини.

[1362] Примечания: 1362

«Вздохи и слезы исходят из уст и очей» — «Из глаз моих текут потоки вод, оттого что не хранят закона Твоего». Псалом CXVIII, 136.

103. – От вечности вы в свете бесконечном;

Ничто, – ни ночь, ни сон, – не скроют вам

Того, как век идет путем беспечным.[1363]

106. Я ж смысл такой желаю дать словам,

Чтоб тот, кто плачет там, познал о тесных

Соотношеньях горести к грехам.

109. Не только силой тех кругов чудесных,

Что всем посевам свой дают по-

[1363] Примечания: 1363

Смысл тот, что ангелы никоим образом и ни в какое время не могут отрешиться от непрестанного созерцания Бога; тогда как мы, привлекаемые земными и телесными предметами, единственно на них только и обращаем внимание, не подымая ни на минуту своих умственных очей для созерцания небесного и божественного. Итак, Беатриче говорит ангелам, что они вечно бодрствуют и созерцают своего Создателя, так что ни ночь, ни сон не похищают у них шага, который делает в своем пути век, принимая век вообще за время, которое есть не что иное, как тень вечности». Даниелло. — «В свете бесконечном», в подлиннике: nell' eterno die (в вечном дне). «В день вечный». II посл. Петра, III, 18. — «Здесь высказывается противоположность созерцания ангелов созерцанию смертных, на которых имеют влияние и ночь и день». — Копиш. — По Фоме Аквинскому, ангелы знают будущее и мысли сердец человеческих: «Sicut Deus per suam essentiam materialia cognoscit, ita Angeli ea cognoscunt per hoc quod sunt in eis per suas

intelligibiles species». Sum. Theol., p. I, qu. LVII, art 1.

кров[1364]

По положению светил небесных,

112. Но и обильем Божеских даров,

В мир льющихся, как дождь, всегда готовый,

Из недоступных для ума паров,[1365] —

115. Он таковым в своей был жизни новой,[1366]

Вернее – мог бы быть, что добрый нрав[1367]

Принес бы в нем плод сладкий и здоровый.[1368]

118. Но тем полней бывает сорных трав

[1364] Примечания: 1364

Т. е. дают всему рождающемуся наклонность к чему-нибудь, доброму или злому.

[1365] Примечания: 1365

Метафора заимствована от дождя, причина которого — пары. Пророк Иоиль (II, 23) сравнивает милость Божию для отдельных душ (Рая XXXII, 64) с каплющим с неба дождем. Источник земных дождей — атмосферные пары; но той сферы, где иной пар вызывает эти божественные дожди благости, не достигают не только умы человеческие, но и умы праведных и даже ангелов. Матф. XXIV, 36. Рая XX, 118 и примеч.

[1366] Примечания: 1366

«В жизни новой» — относится к юности поэта, но с особенным указанием на его юношеское сочинение под этим наименованием — Vita Nuova.

[1367] Примечания: 1367

«Мог бы быть», в подлиннике: virtualmente, т. е. в возможности быть тем, чем он мог бы стать вследствие даров, данных небесами, и по обилию божественной благости. «Итак Данте, говорить здесь Беатриче, был предрасположен для каждого доброго нрава, для достижения всякого навыка в добром и прекрасном и притом вследствие двух вышеупомянутых источников всех природных и божественных добродетелей, — вследствие природы и благости Божией. Все сотворенное, а с тем вместе и дух человеческий, имеет свои природные расположения; а эти расположения, согласно с упомянутой теорией поэта, приводятся к цели своей влиянием звезд. В этом-то, или, выражаясь иначе, во врожденной способности и во внешних условиях и состоят дары природы. Но благость Божия исходит из области более высокой, чем та, из которой изливается дождь, каплющий с облаков; она непосредственно исходит от Бога, из высочайших небес, лежащих выше звездного неба, куда не достигает взор человека». Филалет.

[1368] Примечания: 1368

«Чудесные круги» (ruote magne), небесные сферы. По верованиям астрологов того времени, небесные сферы и расположение созвездий имели влияние на развитие духовных даров, называемых натуральными (Сличи Ада XV, 55 и примеч.; Чистилища XVI, 73 примеч.). Смысл этой и следующих двух терцин, значит, тот: не только вследствие влияния светил в час рождения (по астрологии), но и по особенной благости Божией, изливающейся на человека на подобие тихого дождя, хотя мы и не можем понять, как и почему (стих 114) он бывает предрасположен к добру.

Та почва, что приняла злое семя,

Чем лучше был земной ее состав![1369]

121. Моей красой он сдержан был на время,[1370]

И, следуя младым очам моим,

Он прямо шел, грехов отбросив бремя.

124. Но лишь чреда настала дням вторым,

Едва

лишь в жизнь вступила я иную,[1371] —

Меня забыв, он предался другим.

127. Когда ж на дух сменила плоть земную[1372]

И возросла в красе и чистоте, —

[1369] Примечания: 1369

«Но эти дары не могут помочь, они делают человека еще более наказуемым, когда он приемлет их не с полною охотою. Филалет. — «Грех становится более тяжким, смотря по состоянию согрешившего, не потому, чтобы грех сам по себе стал большим; но согрешивший, чем больше совершает грехов, тем большего заслуживает наказания, почему поэт и говорит в виде примера, что насколько почва сильнее, свежее, и способнее воспроизводить, — настолько, если воспримет в себя злое семя и не будет возделываться, — настолько более даст злых плодов». Ландино. Anonimo Fiorentino.

[1370] Примечания: 1370

«На время», т. е. в течение 16 лет. Беатриче было 8 лет, когда 9-тилетний Данте в первый раз увидел ее (1274); она скончалась в 1290 году, когда ей было 24 года. В чем же так жестоко упрекает его Беатриче? Не входя

здесь в подробное исследование этого спорного вопроса, приведем здесь превосходные толкования Ландино и Anonimo Fiorentino: «Некоторое время, т. е. в детстве, когда автор не допытывался никакого рационального основания настоящих своих познаний, он довольствовался знать quia sic est (Чистилища III, 37). Затем он пожелал резонерствовать и требовать для каждой вещи доказательства до очевидности; из теолога сделался философом, покинувши богословие и всякое доказательство ab auctoritate». Вообще заметим, что все древние комментаторы одинаково понимают, что Беатриче упрекает Данте в том, что он оставил изучение теологии и Св. Писания, чтобы предаться, по мнению одних, поэзии (Оттимо, Пьетро ди Данте и др.), по другим — для иных занятий и любви (Бути, Ландино), по третьим — для почестей, богатства и мирского величия (Велутелло, Даниелло), по Бенвенуто Рамбалди — для того, чтобы гоняться за другими женщинами. Подробнее см. Скартаччини (стр. 716), также К. Витте, Ueber das Missverständniss Dante's (Hermes, 1824), перепечатанное в его Dante-Forschungen.

[1371] Примечания: 1371

«Но лишь чреда настала дням вторым» и проч., т. е. в начале моей юности. La umana vita si parte per quattro etadi. La prima si chiama adolescenza, civè accrescimento di vita: la seconda si chiama gioventù... Della prima nullo dubita, ma ciascuno savio s'accorda, ch'ella dura infino al venticinquesimo anno». Conv., tr. IV, с. 24. Беатриче скончалась 9 июня 1290 г., 24-х лет и 4-х месяцев, стало быть тогда, когда кончала первый период своей жизни и была уже на пороге второго периода. — «Лишь» (si tosto) должно принимать не в буквальном смысле, ибо Данте оплакивал Беатриче два года. Vita Nuova, § 35, 36.

[1372] Примечания: 1372

Т. е. когда из смертной я стала бессмертною.

Он перестал ценить меня, святую.

130. И ложный путь он избрал в слепоте[1373]

Вслед призракам пустого идеала,

Поверивши несбыточной мечте;

133. Наитье свыше уж не помогало,

Каким не раз к себе в виденьях сна

Звала его, – так чтил меня он мало!

136. И так он пал, что мне уже одна[1374]

Спасти его дорога оставалась:

Явить ему погибших племена.

139. Затем-то я и к мертвым в сень

[1373] Примечания: 1373

«Ложный путь», т. е. путь философских умозрений, после того как оставил прямой путь веры, — ясное доказательство, что Данте упрекается здесь не только за любовные дела, но и за грех совсем иного рода. Грех этот троякий: 1) по смерти Беатриче Данте влюблялся в других женщин (стихи 124–126); 2) любовь его к Беатриче охладела, когда она стала бессмертною и святою (стихи 127–129); 3) Данте покинул прямую дорогу и направил шаги на ложный путь, вслед призракам истинного блага (стихи 130–132). Это служит прямым опровержением тех, которые видят здесь упрек за его плотские прегрешения (как, например, Вегеле, Dante Aligh. 2 Heft, S. 92). Ложный путь есть тот, о котором говорит Исаия, LXV, 2: «Народу, ходившему путем недобрым, по своим помышлениям».

[1374] Примечания: 1374

Сличи Чистилища I, 63.

спускалась

И там пред тем, который в этот край[1375]

Привел его, слезами заливалась.

142. Нарушится суд Божий, если в рай

Он перейдет чрез Лету, узрит розы

Небесных стран и не уплатит пай[1376]

145. Раскаянья, пролив здесь горьки слезы.

[1375] Примечания: 1375

Пред Виргилием, Ада II, 116 и Чистилища XXVII, 137.

[1376] Примечания: 1376

«Пай», в подлиннике: scotto, собственно плата (в таверне за еду), le payement, ce quel'on donne pour racheter une faute (Бланк, Vocab. Dantesco); я перевел словом пай, доля, часть в каком-нибудь общем деле или общине. Смысл: он не может испить вод забвения без слез покаяния, Данте хотя и находится теперь в земном раю, тем не менее, должен подвергнуться новому покаянию, прежде чем увидит Беатриче без покрывала и почувствует себя чистым и готовым вознестись к звездам. Хотя он и свободен от семи грехов (*Р*), на нем все еще остаются грехи, которые не очищаются ни в преддверии, ни в семи кругах чистилища. Какие же это грехи?

Песнь тридцать первая[1377]

Земной рай. – Новые упреки Беатриче и новое покаяние Данте. – Переход через Лету. – Пляска четырех прекрасных жен. – Беатриче без покрывала.

1. – О ты, стоящий за рекой священной!

Так, слов своих мне в грудь направив меч,

И без того уж слишком изощренный,[1378]

4. Она вела без перерыва речь:

– Скажи, скажи: права ль я с обвине-

[1377] Примечания: 1377

Эта песнь, вместе с первыми 12 стихами следующей и песнями IX и XXVII чистилища, составляет третье основное место для развития всей Божественной Комедии, так сказать настоящий центр ее, вокруг которого вращается как все предшествовавшее, так и последующее. Теперь значение этого центра, при непосредственной связи с заключительным примечанием к XXVII песни Чистилища (стран. 371), можно охарактеризовать легко и просто. Дело идет, сказали мы там, — об окончательном освящении очистившегося уже человека для вступления в райское состояние и для перехода отсюда к абсолютному блаженству, достигающему в богопознании до созерцания (III часть Божественной Комедии — Рай). Это последнее освящение, представляющее вместе с тем и восприятие в недра невидимой церкви, совершается Беатриче, этим жизненным началом ее, восседающим на колеснице, — при помощи трех актов: 1) она приемлет последнюю, как бы все в себе

сосредоточивающую, но очевидно часто личную, общую исповедь от поэта (стихи 1-90); 2) она позволяет Матильде погрузить поэта в Лете и напоить его (род крещения чрез погружение, истинное, духовное крещение), как символ уничтожения самомалейшего болезненного воспоминания в его душе об отпущенных уже грехах (стихи 92-102), и позволяет той же Матильде приобщить его к хороводу четырех внешних добродетелей, наконец, подвесть его к Грифону, Христу (стихи 103–123). Вместе с тем совершается и переход через поток. Все эти символы приличествуют Матильде, как символу практической стороны христианского совершенства, на высоту которого Данте теперь становится (сличи XXVII, 100; XXVIII, 40). Только позднее — очевидно, из одних поэтических соображений, но в теснейшей связи с погружением в Лету, — должна Матильда погрузить поэта и в воды Эвноэ (XXXIII, в конце). Как эти два потока в сущности составляют лишь один поток, так точно здесь является одно и то же действие, окончание освящения, лишь разделенное на два акта, из которых первый более отрицательного свойства, второй же более положительного характера, как воспоминание доброго, проявление стремления к добру. 3) Наконец, Беатриче сбрасывает с себя покрывало, не возбраняя более вполне созерцать себя (ст. 124 — XXXII, 6), и тем самым символизирует полное соединение Данте с ней, как со всетворящею, восполняющею благостью свыше во Христе и, вместе с тем, как с животворящим богопознанием в самом духе (христианское совершенство с созерцательной стороны. Чистилища XXVIII, 40 и XXXII, 9), и это совершенство продолжается теперь в небе, в раю, до самых крайних пределов созерцания Бога, где и кончается Божественная Комедия. — Таким образом здесь подтверждается высказанное уже выше (Ада I, прим. 79–81; 122; II, 53; 70) воззрение на символическое значение Беатриче. Здесь же уместно показать читателю, что действительно (конечно, совершенно идеальная) юношеская любовь поэта легла в основу символической

Беатриче; что воссоединение их обоих празднует здесь свой триумф, апофеоз возлюбленных, и что вместе с тем пред очами поэта носится духовное поднятие человека к Богу, и что Данте, как здесь, так и вообще во всей своей поэме, достигает той тройственной цели, которая вообще составляет смысл всей Божественной Комедии, а именно, на основании своей собственной житейской опытности предложить путь спасения для всего человечества вообще и в частности для своего времени. — Напоминанию этого последнего — церковно-политического смысла и цели Божественной Комедии — очевидно и назидательно посвящено видение и предсказание об истории церкви, которую Беатриче разоблачает перед Данте, после всего сказанного в XXXI песни, в XXXII и XXXIII песнях, с настойчивым, неоднократным повелением возвестить земле им виденное. — Впрочем, нельзя здесь не заметить в кратких словах, что такое воззрение на тройственный смысл Божественной Комедии отнюдь не исключает того, чтобы в отдельных местах поэмы то или другое из этих отношений не выступало на первый или не отступало на задний план — это нередко случается и даже требуется основным характером сочинения, как свободной поэмы. — Мы почли наиудобнейшим предпослать здесь все вышесказанное в одной общей связи, для того, чтобы читатель мог более быстрым ходом читать последние и, в особенности предстоящую, песни и был бы в состоянии оценить их в общей, высокой красоте». Флейдерер.

[1378] Примечания: 1378

До сих пор Беатриче говорила с ангелами, не прямо (как бы лезвием меча) касаясь Данте, теперь она обращается (острием, концом) непосредственно к нему. Здесь опять метафора меча, как и в XXX, 57, см. прим.

ньем?

Сознайся же и дай мне суд изречь.

7. Но я таким взволнован был смущеньем,

Что голос мой, возникнув, смолк скорей,

Чем орган речи издал звук с волненьем.

10. Она ж, помедлив: – Что с душой твоей?

Ответствуй мне! Еще в реке твой разум

Не потерял всю память прежних дней.[1379]

13. Смущение и страх, смешавшись разом,[1380]

Столь
тихое из уст исторгли «да»,[1381]

[1379] Примечания: 1379

«В реке», т. е. в реке забвения, в Лете, еще не истребилась память о твоих грехах.

[1380] Примечания: 1380

«Смущение вследствие стыда и страх заслуженного за грехи наказания». Бути.

[1381] Примечания: 1381

Т. е. сказанное столь тихим голосом, что о нем можно бы было заключить лишь глазом, по движению губ.

Что заключить о нем лишь можно б глазом.

16. Как арбалет ломается, когда

Лук с тетивой сверх мер натянут длани

И пустят в цель стрелу уж без вреда,[1382]

19. Так сломлен был я тяжестью страданий.

Я залился слезами, голос стих,[1383]

Подавлен вздохами в моей гортани.

22. И мне она: – В желаниях моих,

Чтоб ты любил и думал лишь о Благе,[1384]

[1382] Примечания: 1382

«Т. е. как арбалет или самострел, чрезмерно сильно натянутый, при выстреле повреждается в дуге и тетиве, причем стрела летит медленнее и слабее ударяет в цель». Бути. Ландино.

[1383] Примечания: 1383

Сличи Виргилия, Энеиды XI, 150, 151:

> *. . haeret lacrimansque genieusque*
> *Et via vix tandem voci laxata dolorest.*

[1384] Примечания: 1384

«О Благе», т. е. о Боге, высшем благе: «Dio è nostra beatitudine somma». Conv. tr. IV, c. 22. — «Deum rerum omnium principem bonum esse communis humanorum conceptio probat animorum; nam cum nihil Deo melius excogitari queat, id quo melius nihil est bonum esse quis dubitet?» etc.

Боеций. Phil. Cons. lib. III, pr. 10.

Вне коего нет радостей земных.

25. Скажи, какие встретил ты овраги

Иль чем был скован, что идти вперед[1385]

За Благом тем лишился всей отваги?

28. И что за прелести, что за расчет

В челе других нашел ты, что их крыльям

Осмелился поверить свой полет?[1386]

31. Вздохнув глубоко, залит слез обильем,

Едва собрал я голос на ответ,

Сложившийся в устах моих с усильем.[1387]

[1385] Примечания: 1385

«Овраги» и» чем был скован», т. е. препятствия вообще. Здесь разумеются рвы, какими окружались средневековые замки, крепости, мосты и дороги.

[1386] Примечания: 1386

Место довольно темное в подлиннике и различно истолкованное комментаторами. В переводе Лонгфелло:

And what allurements or what vantages
Upon the forehead of the others showed,
That thou ahouldst turn thy footsteps unto them?

[1387] Примечания: 1387

Виргилий. Энеида I, 371: Suspirans imoque trahens a pectore vocem.

34. – Ценя, – сказал я с плачем, – ложный свет
Лишь благ земных, я вслед за ним увлекся,
Когда юдоль покинули вы бед.

37. И та: – Хотя б смолчал ты иль отрекся,
В чем ты сознался, – все ж твой Судия
Зрит грех твой, сколько б мглой он ни облекся.

40. Но кто излил в слезах, не утая,
Грех добровольно, – для того колеса
Наш суд вращает против острия.[1388]

43. Однако, чтоб больней отозвалося

[1388] Примечания: 1388

Здесь суд Божий сравнивается с колесом точильного камня. «Покаяние притупляет силу греха, подобно тому, как колеса точильного камня, вращаясь против острия ножа, притупляют его». Ландино. — Ибо чистосердечное покаяние есть свидетельство истинной скорби и раскаяния. — «Наш суд» (nostra corte), по-видимому, сказано в противоположность суду Миноса, пред которым каждый грешник, по непреоборимой силе совести, моментально высказывает свой грех, не получая за то никакого смягчения в своей казни (Ада V, 4 и далее и примеч.). Здесь же сознание греха — только действие могущественно пробудившегося в грешнике до сих пор позабываемого божества; если же кто-нибудь внемлет в надлежащее время предостережениям божественного голоса, то ему немедленно содействует в этом его же свободная воля (XVI, 77 и др.; XXVII, 140); поэтому-то суд небесный, в

противоположность адскому, так кроток и милостив». Ноттер.

Тебе паденье, чтоб в другой ты раз[1389]

На зов Сирен недвижней был утеса,[1390] —

46. Уйми источник слез и слушай нас.[1391]

И я скажу: куда б тебя, казалось,

Был должен весть моей кончины час.

49. В природе ли, в искусстве ль, что встречалось

Прекраснее, тех членов, где витал[1392]

Мой дух, хоть тело в прах уже распалось?[1393]

52. И если ты с их смертью потерял

Все высшее, – в ком на земле в замену

[1389] Примечания: 1389

Не надо забывать, что поэт является здесь лишь путником, и должен снова вернуться на землю.

[1390] Примечания: 1390

«Сирен» (сличи Чистилища XIX, 19 и примеч.), т. е. мирских прелестей и удовольствий, символом которых служат Сирены.

[1391] Примечания: 1391

«Источник слез», в подлиннике: il seme del piangere, семя слез или плача, выражение спорное у комментаторов, заимствованное, может быть, из Псалма CXXXII, 5: «Сеявшие со слезами будут пожинать с радостью».

[1392] Примечания: 1392

«В святой предел», т. е. на небо, когда я стала небожительницей.

[1393] Примечания: 1393
«Прах ты и в прах возвратишься». Бытия III, 19. Сличи Рая XXV, 124.

Ты мог найти столь дивный идеал?

55. С стрелою первой, видя благ тех цену,[1394]

Не должен ли ты был в святой предел

Лететь за мной, уж вышедшей из плену?

58. Так как могла под выстрел новых стрел

Склонить полет твой женских глаз зараза,[1395]

Вся суетность житейских тщетных дел?

61. Младой птенец прельстится два, три раза;

Когда ж он оперится, – птицелов

Не обольстит ему уж сетью гла-

[1394] Примечания: 1394

Т. е. после того, как ты впервые убедился в ложности этих благ и был уязвлен ими, как стрелою.

[1395] Примечания: 1395

«Женских глаз» зараза, в подлиннике: pargoletta, девочка, девчонка, — слово, подавшее повод к нескончаемым спорам между комментаторами о том, кого именно разумеет здесь Беатриче. Но из контекста речи видно, что 1) Беатриче говорит не об одних отвлеченных, но разумеет действительные личности, и 2) что она не говорить здесь специально о какой-нибудь личности в особенности, но вообще о молодых девушках.

за.[1396]

64. Как, покраснев, потупя взор, без слов,

Стоит и внемлет наставленьям в школе,

В вине сознавшись, ученик, – таков

67. Был я. Но та: – Мне внемля, по неволе

Тоскуешь ты; но бороду на нас[1397]

Приподыми, и ты встоскуешь боле.

70. Ах, с меньшим затрудненьем вырвут вяз

С корнями вон порывы бурь с полночи,

Иль вихрь из стран, где царствовал

[1396] Примечания: 1396

Метафора, заимствованная из книг Соломона: «В глазах всех птиц напрасно расставляется сеть». Притчи Солом. I, 17. — «И нашел я, что горче смерти женщина, потому что она — сеть, и сердце ее — силки», Екклез. VII, 26. — «Горькая утрата, которую ты испытал, говорит Беатриче, должна бы была получше научить тебя непостоянству земных благ. Ибо позволила ли бы уже окрылившаяся птица поймать себя или застрелить, если перед ее глазами расстилали бы сети, или натягивали лук?» Филалет.

[1397] Примечания: 1397

«Бороду», вместо лица, чтобы напомнить поэту, что он уже вполне возмужалый человек, сказано иронически. «Тогда как все биографы Данте единодушно говорят о его густой и курчавой бороде и таких же волосах на голове, — мы постоянно видим поэта на его портретах

с обритыми щеками и подбородком. Очевидно, причина этому не иное что, как то, что все известные нам портреты его, за исключением одного, берут начало с маски, снятой с мертвого поэта, для снятия которой, естественно, должно было предварительно удалить бороду; тот же единственный портрет, о котором сказано выше (XI, 95 примеч.), есть открытый в 1840 г. (в Palazzo del Bargello во Флоренции) юношеский портрет, которым мы обязаны другу Данте Джиотто и безбородость которого никого не удивит». Паур. Ueber die Quellen zu Dante's Lebensgeschichte.

Ярбас,

73. Чем то, с каким свои я поднял очи;
Я в слове борода свой лик узнал, —
И яд насмешки понял я жесточе.[1398]

76. Когда ж чело я наконец подъял,
То увидал, что на нее цветами
Уж рой существ первичных не кидал.[1399]

79. И смутными я зрел ее очами,[1400]
Глядевшую туда, где птица-лев
Двумя в одно сливались естествами.[1401]

82. На том брегу, в покрове меж деров,

[1398] Примечания: 1398
Намек на латинскую пословицу: «barba crescit, caput nescit».

[1399] Примечания: 1399
«Существ первичных»: prime creature, так в большей части списков, которым следует К. Витте, Скартаццини и большинство новых изданий; в других списках — belle creature. Первичные существа — ангелы. «Данте называет их «первичными» частью, как существа совершеннейшие, частью же потому, что они, как чистые формы, представляют некоторым образом непосредственное излияние Божества (Чистилища XVI, примеч. к 80). Вопрос о том, созданы ли ангелы прежде вещественного мира, или одновременно с ним, был спорным у теологов, и Фома Аквинский склоняется более к последнему мнению: utrum Angeli sint creati ante mundum corporeum, invenitur duplex sanctorum doctorum sententia. Illa tamen probabilior videtur, quod Angeli simul cum creatura corporea creati sunt. Sum. Theol., p. I, qu. LXI, art. 3». Филалет.

[1400] Примечания: 1400

«Смутными очами» — от стыда, страха и благоговения.

[1401] Примечания: 1401

Беатриче, которая перед этим была обращена лицом к Лете, обратила его теперь вперед на Грифона, соединяющего в себе два естества Христа, божественное и человеческое, и уже не глядит на своего неверного возлюбленного. Et dicit quod vidit dictam Beatricem revolutam ad gryphonem, idest intuitus fuit ipse auctor theologiam novi Testamenti, in qua speculamur et vide mas deitatem et humanitatem Christi, et sic unam personam in duabus naturis. Пьетро ди Данте.

Она себя былую превышала,

Насколько здесь была всех краше дев.[1402]

85. Так жгло меня раскаяния жало,[1403]

Что от всего, к чему так льнул мой слух,[1404]

Душа моя, как от врага, бежала.

88. Самосознанье так мне грызло дух,

Что тут я пал, и чем тогда мог стать я, —

Лишь знает та, пред кем мой ум потух.[1405]

91. Когда ж стал вновь мир внешний

[1402] Примечания: 1402

Текст этой терцины читается в разных списках различно; в большинстве, как принято во всех новейших изданиях:

Sotto suo velo, ed oltro la riviera
Verde pareami più sé stessa antica
Vincer che l'altre qui quand' ella c'era;

в других:

Sotto 'l suo velo, ed oltre la riviera,
Vincer pariemi più sé stessa antica
Vieppiù che l'altre qui quand' ella cera;
в третьих, как у К. Витте и Скартаццини:
Sotto suo velo, ed oltre la riviera

Vincer pareami più sé stessa antica,
Vincer che l'altre qui, quand' ella c'era.

Смысл во всяком случае тот, говоря словами Postillatore Cassinense: Fac sic constructum: Videbatur mihi Beatricem antiquam, idest senern, sub suo velo et ultra flumen letheum plus vincere in pulchritudine, scilicet metipsam respectu pulchritudinis quam habebat dum vivebat quam vincere hic alias dominasi — «Насколько здесь», т. е. на земле, она превосходила красотой всех прочих дев». Каннегиссер.

[1403] Примечания: 1403

«Раскаяния жало», в подлиннике: Portico, крапива. Вид необычайной красоты Беатриче оказывает на Данте решительное действие: любовь оканчивает и довершает то, что подготовили страх, смущение, стыд и сознание». Скартаццини.

[1404] Примечания: 1404

Т. е, от всего, что отклоняло его от Беатриче.

[1405] Примечания: 1405

«Та», т. е. Беатриче. — Это падение обозначает умирание для греха для того, чтобы воскреснуть для благости. Уже во второй раз Данте падает без чувств в Божественной Комедии; в первый раз он пал, как падает мертвец, во втором кругу ада, при виде мук Франчески и Паоло (Ада V, 142); это падение без чувств не есть следствие одного сострадания, но вместе с тем и терзания совести, при виде собственными глазами казни над грехом, в котором Данте сам сознает себя более или менее виновным. Здесь Беатриче горько упрекает его в том же самом грехе, и упреки ее производят на него то же действие, какое произвели слезы и горестный рассказ Франчески. Этот-то грех собственно и есть тот самый, в котором очищается Данте на берегу реки Леты». Скартаццини.

сознавать я, —

Та донна, кем я встречен у ключа,[1406]

Сказала мне: – Ко мне, ко мне в объятья!

94. И, погрузив до шеи и влача

Меня в волнах, по водному разбегу[1407]

Она скользнула, как челнок ткача.

97. И хор воспел, лишь близок был я к брегу,

«Asperges me», так звучно, что нет сил[1408]

Ни описать, ни вспомнить звуков негу.

100. И дланями прекрасной схвачен был

[1406] Примечания: 1406

«Та донна», т. е. Матильда, встретившая его у реки Леты (XXVIII, 40). Матильда, которая, как символ деятельной жизни, подводит Данте к Беатриче, символу созерцательной жизни, должна принять на себя этот последний акт очищения поэта, т. е. погружение его в волны реки забвения. В известной степени можно бы было принять Матильду и за символ видимой церкви, в противоположность Беатриче, обозначающей собою церковь невидимую. На это указывает и самое имя (Матильда) великой сподвижницы в деле упрочения внешней церковной власти пап, и потому в этом уже смысле ей совершенно приличествует совершить такое крещение и очищение». Филалет.

[1407] Примечания: 1407

«Мы вошли в огонь и в воду, и Ты вывел нас на свободу». Псалом LXV, 12; «Приступаем с искренним сердцем, с полною верою, кроплением очистивши сердца от порочной совести, и омывши тело водою чи-

стою». Посл. к Евр. X, 22.

[1408] Примечания: 1408

С приближением Данте к правому берегу, названному в подлиннике beata riva, хор ангелов поет слова L псалма: «Окропи меня иссопом, и буду чист; омой меня, и буду белее снега». Этот псалом поется в церкви всякий раз, когда священник окропляет святой водой кающегося грешника — слова, стало быть, совершенно уместные в данном случае.

Я за главу и весь опущен в волны,[1409]
При чем воды невольно я испил.

103. И к четырем тем девам я, безмолвный,
Стал в хоровод, омыт от грешной тьмы,
И принят в их объятья, счастья полный.[1410]

106. – Мы нимфы здесь, а в небе звезды мы![1411]
Мы, до явленья Беатриче в мире
ее рабы, уж лили свет в умы.[1412]

109. К ее очам тебя представим в мире;
Дадут же мощь тебе их вынесть свет

[1409] Примечания: 1409

Сперва Матильда погружает его в волны по шею; потом погружает его с головою, местопребыванием памяти, для того, чтобы он испил воды забвения, и таким образом уничтожил в себе воспоминание о содеянных грехах.

[1410] Примечания: 1410

Четыре девы — четыре нравственные добродетели (XXIX, 130–132 примеч.). Утратив память о пороках, поэт свыкается теперь с добродетелями; сперва с нравственными, основными, менее возвышенными, известными и язычникам, и потому не требующими откровения; потом с добродетелями богословскими, более возвышенными, открытыми лишь самим Богом. — «Стал в хоровод», в подлиннике: m'offerse Dentro alla danza delle quattro belle, что значить, поставили меня так, что все четыре плясали вокруг меня. — «Принят в их объятья», в подлиннике:

E ciascuna del braccio mi coperse, и каждая покрыла меня рукой, что по объяснению Ландино, означает: рука правосудия защищает от неправды, рука мудрости — от глупости, рука мужества — от трусости и рука воздержания — от похоти.

[1411] Примечания: 1411

Толкование этого стиха у комментаторов весьма различно. Здесь достаточно сказать, что эти четыре жены (девы) — те четыре звезды, лучи которых озаряли лицо Катона (I, 23, 37), и которые служили Данте как бы руководителями (VIII, 91–92). Кроме того, согласно с этим местом, нравственные добродетели находятся в одно и то же время и на земле и в небе, но не в одном и том же образе и там и здесь. На земле они нимфы, гении спасительного совета; на небе — звезды, существа лучезарные, свет которых служит не для них самих и не для неба, но единственно для земли. Поэтому смысл стиха тот, что нравственные добродетели сияют в небе, как свет, озаряющий мир, и что в то же время они на земле советницы людей». Скартаццини.

[1412] Примечания: 1412

В одном из своих сонетов Данте называет Беатриче: «una cosa venuta Di cielo in terra a miracol mostare» (Vita Nuova, § 36). «Беатриче является здесь опять символом богословия или веры. Прежде чем истинная вера явилась на свет, еще в языческие времена существовали уже ее предшественницы или рабыни, нравственные, т. е. языческие добродетели. Наоборот, этого не могли бы о себе сказать богословские добродетели». Каннегиссер. — «Тот же постепенный переход от естественных, через благодать даруемых, добродетелей к добродетелям духовным, богословским, в которых лишь впервые познается и приобретается благость (стихи 110, 111), должен поэтому совершиться и при нравственном усовершенствовании каждого отдельного человека». Флейдерер.

Те три жены, что глубже зрят в эфире.[1413]

112. Так начали петь хором и, вослед
Им шествуя, предстал я пред Грифона;
С него ж на нас был взор ее воздет.[1414]

115. – Здесь не щади очей, – сказали, жены, —
Ты приведен к смарагдам тех очей,[1415]
От коих стрел ты пал во время оно.

118. Миллионы дум, огня все горячей,
Влекли мой взор к очам ее лучистым,
Прикованным лишь к Грифу без речей.

121. Как солнце в зеркале, во взоре чи-

[1413] Примечания: 1413

«Это место всего лучше объясняется соответствующим Convivio, дающим надлежащий свет и остальной части этой песни. В одной из своих канцон Данте воспел очи и улыбку прекрасной донны, и затем в буквальном толковании этого места говорит, что упоминает про очи и уста потому, что в них нередко открывается душа, подобно прекрасной женщине на балконе, хотя и покрытой покрывалом. Далее поэт объясняет эту прекрасную женщину в аллегорическом смысле, как философию (здесь в более высоком смысле, равнозначительною с Беатриче, символом созерцания), и затем говорит: «Qui si conviene sapere, che gli occhi della sapienza sono le sue dimostrazioni, colle quale si vede la verita certissimamente, e'l suo riso sono le sue persuasioni, nelle quale si dimostra la luce interiore della sapienza sotto alcuno velamento, e in queste due cose si sente quel piacere altissimo di beatitudine il quale è il massimo bene in paradiso» (tr. III, c. 15). Отсюда становится ясным

аллегорический смысл места. Естественные (нравственные) добродетели могут только приготовить человека для того, чтобы принять доказательства истины, так как они устраняют лежащие в страстях препятствия к невозмутимому познанию; поэтому они и ведут поэта к очам Беатриче. Но для того, чтобы действительно познать истину, именно истину божественную, и еще более — для того, чтобы постичь ее и проникнуться ею, — для этого необходимы божественные добродетели, почему и Беатриче лишь по просьбе этих других нимф обращает очи к поэту и открывает ему свои уста». Филалет.

[1414] Примечания: 1414

Беатриче глядит теперь на Грифона, и потому взор ее должен быть обращен к Данте, ставшему перед грудью Грифона.

[1415] Примечания: 1415

«К смарагдам», изумрудам, камню зеленого цвета. Странно, что Данте сравнивает глаза Беатриче с изумрудами. Но, во-первых, этим он желает выразить приятность этого цвета, о котором Плиний (Hist. nat. lib. XXXVII, cap. 5) сказал: «nullius coloris adspectus jucundior est»; во-вторых, смарагды имеют смысл мистический, — по католическому толкованию Откровения (IV, 3), это есть цвет божественной благости, почему он и блещет в глазах Беатриче. Кроме того, по II кн. Моисея, XXXIX, 10, смарагд камень племени Левия, камень церкви. Скартаццини. Копиш.

стом

Гриф отражался, образ свой двоя

То тем, то этим веществом огнистым.[1416]

124. Представь, читатель, как дивился я,

Когда, не движась, Гриф без перерыва

Менял свой образ в мгле очей ее!

127. Пока мой дух, полн радости и дива,[1417]

Вкушал ту снедь, что, насыщая нас,

В нас возбуждает больше к ней призыва,[1418] —

130. Приблизились

[1416] Примечания: 1416

«Божественное и человеческое естество неразрывно соединено Христе в одном лице (subsistentia, ὑπόστασις). Поэтому о человеке-Христе можно в некоторой степени сказать все то, что можно сказать и о Боге-Христе, и наоборот, ибо этот человек — в то же время и божественное лицо, и наоборот. Но в этом одном лице некоторое только свойство Божественного естества, некоторое же — только человеческого естества (Фома Акв. Sum. Theol., p. III, qu. XVI, art. 4). Потому-то и Грифон сам по себе лишь один, и только в очах Беатриче он является то как один орел, то как один лев; ибо богословское учение должно рассматривать единого Христа то как Бога, то как человека, чтобы не смешат его естества. Здесь весьма кстати привести одно место из окружного послания папы Льва Великого, цитированного у Фомы Аквинского (Ibid. art. 5): «Non interest, ex qua Christus substantia nominatur, cum inseparabilrter

manente unitate personae idem sit et totus hominis filius propter carnem et totus filius Dei propter unam cum patre Deitatem». Филалет. — «Одна из глубочайших, если не самая глубокая, тайна веры, в которые углубляется теология, — соединение двух естеств, божественного и человеческого, в едином лице Христа (Сличи Рая II, 41; XXXIII, 137). Чтобы оградить себя от множества заблуждений, возникших на почве этого учения (Ада XI, 8; Рая VI, 14), теология обязана, твердо держась единства двух естеств, направлять свое созерцание то на одно, то на другое естество». К. Витте.

[1417] Примечания: 1417

«Полн радости и дива». Душа Данте исполнена удивления при виде изменения образа Грифона в глазах Беатриче; но в то же время душа его радуется, чувствуя себя освобожденною от бремени грехов и видя себя наконец в присутствии той, которую он столько любил.

[1418] Примечания: 1418

«У Сираха (XXIV, 23) мудрость говорит: «Ядущие меня еще будут алкать, и пьющие меня еще будут жаждать». Хотя при созерцании Бога человек находит себе полное удовлетворение; однако же познание спекулятивной мудрости не есть еще высочайшее блаженство, но всегда рождает в нас стремление к высшему, хотя в то же время в известной степени и удовлетворяет нас. Даже в самом небе будет иметь место удовлетворение, но не пресыщение». Филалет.

другие три, явясь[1419]

Мне существами высшего порядка,

И с пляской райской слили пенья глас.

133. – Склони, склони взор светлый, – пели сладко,

О Беатриче, к другу твоему![1420]

Чтоб зреть тебя, он путь свершил не краткий.[1421]

136. Будь благостна, благоволи ему

Открыть уста, да видит без покрова

Второй твой блеск, незримый никому![1422]

139. О вечный свет от света пресвятого![1423]

[1419] Примечания: 1419

Т. е. три жены от правого колеса колесницы (XXIX, 121) — три богословские добродетели высшего порядка (del più alto tribo, от латинского tribus).

[1420] Примечания: 1420

«Другу твоему», в подлиннике: al tuo fedele. Беатриче сама назвала Данте своим другом, когда он еще блуждал в темном лесу (Ада II, 61).

[1421] Примечания: 1421

«Путь не краткий» (в подлиннике: passi tanti), т. е. по всему аду и горе Чистилища.

[1422] Примечания: 1422

«Второй твой блеск», т. е. твою улыбку, о которой так часто говорит Данте в третьей части своей поэмы. — В своем Convivio (tr. III, cap.

8) Данте отличает два места, где проявляется красота: глаза и уста. До сих пор он говорил лишь об очах Беатриче, теперь он говорит об устах. Первые четыре жены показали ему лишь очи Беатриче, эти три, высшего порядка, молят Беатриче открыть ему и ее уста, чтобы он мог видеть вторую ее красоту, которую она еще скрывает. Итак, вторая красота означает здесь блеск ее улыбки.

[1423] Примечания: 1423

Книга Премудрости Соломона говорит о божественной мудрости (III, 26): «Она есть отблеск вечного света и чистое зеркало действия Божия и образ благости его». В послании к Евреям (I, 3) воплощенное слово названо «сиянием славы Бога». Впрочем, Данте имеет здесь в виду не только символическую Беатриче, но и существо реальное. Он не описывает этой торжественной минуты, но выражает восторг своим восклицанием, сознаваясь, что никакое человеческое искусство не в состоянии изобразить красоты Беатриче по снятии ею покрывала. «Даже святая, высочайшая поэзия, налагающая на бледное лицо поэта печать глубокой внутренней работы (прекрасное свидетельство со стороны поэта об его строгом отношении к поэтическому искусству, повторенное в XXV, 1 и след. Рая) — даже и она не в состоянии изобразить такого момента. Но тем не менее эти самые стихи, в которых Данте высказывает всю несостоятельность свою, равно как и первые стихи следующей песни, где он так торжественно воспевает свое желанное свидание, — принадлежат к самым восторженным, самым неподдельно-поэтическим стихам, когда-либо звучавшим на устах поэта». Флейдерер.

Кто так бледнел в тени густых древес
Парнаса, кто испил ключа живого,

142. Чтоб гений в нем внезапно не исчез,[1424]
Когда б дерзнул воспеть, как ты предстала.
Осенена гармонией небес,[1425]

145. О Беатриче, мне без покрывала!

[1424] Примечания: 1424

«Тень дерев Парнаса», по описанию Овидия, — тенистый замок (Превращ. кн. I, ст. 467), arx umbrosa. Ключ — знаменитая Ипокрена на горе Геликон в Беотии, из которого пили вдохновение Музы. Смысл: кто так трудился над поэтическими творениями.

[1425] Примечания: 1425

В подлиннике: La, dove armonizzando il ciel t'adombra, — место очень спорное. Скартаццини понимает так: там, где небо пребывает в гармонии со страною непорочности, т. е. с земным раем.

Песнь тридцать вторая

Земной рай. – Таинственные судьбы священной колесницы. – Символическое дерево. – Превращение колесницы в чудовище. – Блудница и Гигант.

1. Так приковал я взоры к ней, чтоб жажды[1426]

Десятилетней жар унять в крови,

Что вмиг во мне угаснул помысл каждый.[1427]

4. Все скрылось с глаз, как будто из земли

Воздвиглись стены; так я изловился

Святой улыбкой в сеть былой люб-

[1426] Примечания: 1426

Отсюда опять видно, что Беатриче, как сказано выше (XXX, 34), скончалась за 10 лет перед сим, именно в 1290 г.

[1427] Примечания: 1427

Гиппократ сказал: «Duobus doloribus simul obortis, vehementior obscurat alterum». То же самое можно сказать и о каждом сильном возбуждении или ощущении.

ви![1428]

7. Но вдруг мой взор насильственно склонился

На тех богинь налево, лишь достиг

Ко мне их возглас: – Как он углубился![1429]

10. И свойство глаз – лишаться зренья вмиг.

Как скоро солнце вдруг их поразило,

Оставило меня слепым на миг.[1430]

13. Когда же свет вновь зренье ощутило

(Лишь малый свет в сравненье с тем большим,

[1428] Примечания: 1428

Святая улыбка есть вторая красота, открывшаяся теперь Данте (XXXI, 138).

[1429] Примечания: 1429

«Уже выше было указано (Чистилища XV, 133; XXVII, 100–108) на то, что рядом с жизнью созерцательною такое же право на существование имеет и жизнь деятельная; почему здесь и указывается на опасность одностороннего, слишком неумеренного созерцания или углубления; хотя, с другой стороны, представительница исключительно созерцательной жизни, Рахиль, не подвергается за то прямому порицанию; напротив (Ада II, 102; Рая XXXII, 8), является всего ближе сидящею к Беатриче. На земле, где должно исполнять свои обязанности и к людям, такое непреклонное направление к Богу во всяком случае не было бы полным совершенством». Ноттер. — «поэт стоит теперь перед

колесницей, обратившись к ней лицом; поэтому три божественные, т. е. богословские, добродетели, подошедшие к нему от правого колеса, стоят теперь налево от него. — Уже выше, в примеч. к XXXVII Чистилища, сказано, что человек на земле не всегда может быть обращен единственно к Богу. Мало того, такое неуклонное устремление духа к Богу не может даже составлять высочайшего земного совершенства. Так и Фома Аквинский ставит совершенство епископа выше совершенства монаха, ибо первый из любви к Богу служит вместе с тем и ближним (Sum. Theol., p. II, 2-ae qu. CLXXXIV, art. 7). Поэтому и здесь именно богословские добродетели, предводительница которых любовь, призывают Данте, после духовного созерцания Беатриче, взглянуть на видение, предназначенное к тому, чтобы послужить к назиданию и к делу исправления его современникам и в особенности духовенству времени. Именно отсюда начинается последний отдел 2-й части поэмы, в котором еще раз во всей силе выступает политико-церковный элемент. Здесь являются поэту в видении судьбы христианской церкви, как прошедшие, так в особенности настоящие. Нечего говорить, как было уместно именно здесь представить это видение; ибо если полная добродетель и не есть необходимое условие для даров пророческих (Фома Акв. Sum. Theoh, p. II, 2-ae, qu. CLXXII, art. 4), то во всяком случае для них потребно известное приведение в порядок страстей, обуздание их; без этого человек не может подняться до высших духовных предметов, ибо подобные дары в обычном ходе вещей предназначены одним только лучшим и благороднейшим. Поэтому нельзя согласиться со Шлоссером (см. его глубокомысленный трактат о Рае Данте), будто бы погружение в Лету обозначает посвящение поэта в сан пророка; но, по моему мнению, скорее можно принять, как выше сказано, что погружение это просто обозначает посвящение в более совершенную жизнь вообще». Филалет.

[1430] Примечания: 1430

Глаз выносит лишь умеренный свет; чрезмерный блеск ослепляет глаз и зрение; эта потеря зрения остается до тех пор, пока не уменьшится раздражение, и с уменьшением его орган зрения мало-помалу приходит в нормальное состояние, Чтобы дать идею о силе блеска очей Беатриче, поэт сравнивает свое состояние с тем, которое испытывает тот, кто устремил свои глаза на солнце и потерял при этом мгновенно зрение.

От коего я был оторван силой),[1431] —

16. Я увидал, что воинством святым[1432]

Взято в пути направо направленье

К светильникам и к солнцу перед ним.[1433]

19. Как под покровом из щитов в сраженье

Полк кружит с знаменем, пока опять

Не встанет в строй, спасаясь в отступленье,[1434] —

22. Так Божьих сил передовая рать

Уж вся прошла, а дышлу вслед дружинам

[1431] Примечания: 1431

«Созерцание божественных тайн в лице Беатриче было для его духовного ока чем-то более поразительным, чем все великолепие земного рая, точно так, как солнце сильнее поражает глаз человека, чем все другие предметы, а потому и делает его нередко надолго нечувствительным для всего другого». Филалет. — «Оторван силой», т. е. возгласом трех жен (стих 9).

[1432] Примечания: 1432

«Воинство», т. е. процессия, описанная в Чистилища XXIX, 64-150. Ниже, в стихе 22, поэт называет его ратью Божьих сил — milizia del celesto regno.

[1433] Примечания: 1433

«Вся процессия повернулась теперь назад в ту сторону, откуда она пришла, и идет следовательно к востоку. Но чтобы все члены про-

цессия могли удержать тот же порядок, для этого необходимо, чтобы светильники, находившиеся сперва во главе шествия, выступили бы для прохождения впереди всех, встали бы опять во главу процессии, а за ними также все следующие члены, за исключением последнего, который остается на месте и оборачивается лишь вокруг самого себя». К. Витте. — Светильники идут к востоку, на котором теперь солнце.

[1434] Примечания: 1434

«Весьма пластично и в чисто военных выражениях описано это движение. Должно себе представить отступающее войско со знаменем, или, по итальянскому обычаю, с колесницею, везущею знамя, в средине. Войско принуждено вдруг повернуться назад. Чтобы не расстроить порядка, оно должно сделать нечто вроде контрмарша, при этом поворот делает сперва голова колонны, а за ней мало-помалу и все остальные; колесница же со знаменем сдвинется с места не прежде того, как мимо нее пройдут все ей предшествовавшие. Если они находятся вблизи неприятеля, то передовые части, по тогдашнему способу вооружения, должны прикрыться щитами от направленных в них неприятельских выстрелов» (Филалет), или сделать из щитов род черепахи, как это описано у Тасса, Освобожд. Иерус. XL 33:

У тех к щиту щит крепкий плотно сдвинут.
Им головы под сводом скрыв своим.

Еще все медлил Гриф движенье дать.

25. Когда ж к колесам стали жены чином,[1435]

Гриф тронул с места пресвятой ковчег,[1436]

Причем в пере не дрогнул ни единоном.[1437]

28. И донна, коей я взведен на брег[1438]

Из
волн, пошла со Стацием и мною[1439]

За колесом, свершавшим меньший бег.[1440]

31. Так, в лес войдя (теперь пустой – виною[1441]

[1435] Примечания: 1435

Т. е. три богословские добродетели стали, как и прежде, у правого, четыре нравственные — у левого колеса победной колесницы (XXIX, 121–132).

[1436] Примечания: 1436

«Ковчег», т. е. колесницу.

[1437] Примечания: 1437

Когда церковь (колесница) окружена добродетелями духовными (богословскими) и светскими (нравственными), тогда дух Христа (Грифон) беспрепятственно подвигается вперед, без всякого внешнего потрясения». Штрекфусс. — «Христос ведет церковь Свою не внешними средствами, но единым Своим словом и духом». Скартаццини.

[1438] Примечания: 1438

Матильдой (XXXI, 92 и примеч.).

[1439] Примечания: 1439

Со вступлением в земной рай, Стаций становится совершенно пассивным лицом. Поэт, вероятно, имел свои причины упоминать о нем до конца Чистилища (XXXIII, 134), но какие, — до сих пор нельзя отгадать.

[1440] Примечания: 1440

Т. е. за правым, так как процессия повернула направо, причем оно должно было сделать меньшую часть оборота или описать кратчайшую дугу. Следовательно, они шли в сопутствии трех жен.

[1441] Примечания: 1441

«Т. е. земной рай, не населенный теперь, по вине Евы (сличи XXIX, 24 и примеч.). Это именно та часть леса, где находится древо познания добра и зла, теперь, по вине Евы и Змия, лишенное зелени, как и весь лес. Данте снова порицает Еву, как бы в знак того, что он хочет сказать более чем простое порицание ее за то, что люди, по ее вине, лишены рая». — «Сам поэт говорит нам, что должно разуметь под лесом земного рая: «Per terrestrem Paradisum figuratur beatitudo hujus vitae» (De Monar., lib. III, e. 16). Далее он говорит, что это beatitudo состоит in operatione propriae virtutis (Ibid.). Итак, сказав, что по вине Евы лес этот лишен обитателей, он хочет сказать, что по причине греха никто не упражняется в действиях своей собственной добродетели. До сих пор упрек этот касается одной Евы, по вине которой грех вошел в мир. Но, сказав, что лес лишен обитателей, он вместе с тем говорит, что ни один человек не достигает блаженства в этой жизни. И здесь он намекает уже на римскую курию. Буквально он говорит, что по вине праматери земной рай лишен обитателей, так как они удалены из него грехом; аллегорически же говорит, что по вине дурного управления нет ни одного человека в мире, который бы действовал добродетельно и достигал бы через то благополучия в этой жизни». Скартаццини.

Поверившей когда-то Змию зла),
Мы шли под-лад с музыкой неземною.

34. На сколько в три полета вдаль стрела
Проносится, такое расстоянье
Пройдя, на землю дивная сошла.

37. – Адам, Адам, – я внял в толпе роптанье,[1442]
И к дереву – без листьев и цветов[1443]
На всех ветвях – столпилось все собранье.

40. Раскидывал там шире свой покров,
Чем выше рос, ствол дерева, – громада,

[1442] Примечания: 1442

В этом ропоте слышится упрек Адаму, непослушанием которого грех вошел в мир, а с грехом и смерть (Посл. к Римл. V, 2), а вместе с тем слышится упрек и каждому, не исключая и папы, виновному в грехе непослушания.

[1443] Примечания: 1443

Нет никакого сомнения, что здесь разумеется древо познания добра и зла, насажденное Богом в Эдеме, или земном раю (Бытия, II, 9,17). Но при этом Данте имел в виду и великое к крепкое древо, вершина которого касалась неба, виденное во сне царем Навуходоносором (Дан. IV, 10 и след.), а может быть также и тот кедр, о котором говорит Иезекииль (XIII, 22; XXXI, 3). Вообще, древо на языке библейском есть символ могущества и величия царского. Также и древо познания добра и зла, по толкованию св. отцов, означает, по одним, Божью заповедь (Гуго де С-т Витторъ), по другим — нарушение заповеди Божьей (Исидор,

на Бытие, гл. 3), наконец свободную волю (Фома Акв. Sum. Theol., p. I, qu. CII, art. 1). Отсюда видно, что это древо имеет у Данте чрезвычайно важное значение; поэтому неудивительно, что комментаторами предложено великое множество толкований его смысла. Желающие ближе ознакомиться с этим вопросов могут обратиться к цитируемому месту Скартаццини (стран. 730 и далее), мы же ограничимся здесь лишь следующими выдержками. — Главную роль в великом видении играют два предмета; древо и колесница. Последняя, как мы видели, означает церковь. Земной же рай, как поучает нас сам Данте, изображает счастье этой жизни. Но в этой жизни нет счастья, если не будет полного благоустройства. Для благоустройства мира необходима временная монархия, quae communiori vocabulo nuncupatur Imperium (De Monar. I, c. 5). Если для благоустройства мира необходима власть и если земной рай обозначает мир благоустроенный, то необходимо, чтобы рядом с символом церкви, верный своей системе, поэт ввел в великое свое видение и символ власти. Этот-то символ власти в его видении и есть мистическое древо. Орел, падающий на него, — символ императора. Древо Навуходоносора, идее которого Данте здесь несомненно подражает, признается всеми комментаторами за символ власти самого Навуходоносора, тем более, что сам Даниил придает ему это значение (IV, 20–22). Итак, Данте принимает древо за символ монархии или Римской империи. Это доказывается всеми местами, где говорится о древе, а именно: 1) древо находится в средине земного рая (как древо познания добра и зла в средине Эдема). Империя, по системе Данте, есть центральная власть благоустроенного мира; вокруг нее, как ветви, собраны прочие государи, как лучи, исходящие из солнца и сосредоточивающиеся в солнце. — 2) Бог сотворил древо лишь для себя (Чистилища XXXIII, 60). Власть, как служащая Богу (Посл. к Римл. XIII, 1–4), зависит непосредственно от Бога (De Monar. III) и неответственна ни пред кем, кроме Бога. Бог сотворил ее на славу Свою, чтобы при ее помощи привести людей к счастью на земле. — 3) Древо крепко и необычайно высоко (стих 42): власть — высшее могущество и высший авторитет: «Est ergo temporalis Monarchia, quam dicunt Imperium, unicus Principatus, et super omnes in tempore, vel in iis quae tempore mensurantur

(De Monar. I, 2). — 4) Ветви дерева, вопреки строению всех деревьев, тем шире распространяются, чем выше поднимается ствол дерева (XXXII, 40–41; XXXIII, 64–66), — это знаменует неприкосновенность власти, а также божественное ее происхождение и беспрестанное ее развитие с течением времени. — 5) Кто ломает и расхищает древо, тот оскорбляет Бога (XXXIII, 58–59); по Данте, власть священна и предназначена для мира вселенной; нарушать ее единство — святотатство. — 6) Это древо в земном раю — то же древо, вкушать плод которого было запрещено первым человекам (чистилища XXIV, 116; XXXII, 45); вкусив этих плодов, наши прародители стали виновными в грехе сопротивления власти. — 7) От этого древа возникло одно из деревьев в кругу чревоугодия (XXIV, 116–117); там оно служить орудием казни чревоугодников. Власть императорская несет меч, врученный ей Богом; высшие власти наказывают, как слуги высочайшей власти, которая и есть власть императорская. — 8) Грифон привязывает к древу мистическую колесницу (XXXII, 51). Папская власть и императорская установлены Богом для того, чтобы они шли вместе и вели людей к двоякому счастью; оба имеют одно седалище — Рим (Ада II, 22 и примеч.). — 9) Грифон не касается древа, как пищи (XXXи, 43–44). Христос, не подчиняя духовное управление Своей церкви авторитету империи, допущенной самим Провидением для отправления правосудия, Сам признал ее и утвердил (XXXII, 43 примеч.). — 10) Древо лишено цвета и листьев на всех своих ветвях (XXXII, 38–39), и потому названо сиротой (в подлиннике: вдовой, vedova, XXXII, 50). Империя была лишена святых дел до своего соединения с христианством (Как здесь дерево, так Рим был назван вдовой, Чистилища VI, 113, как лишенный императора. Сличи также XX, 58. — 11) Дышло мистической колесницы взято от этого древа и из него образовано (XXXII, 51). Апостольский престол, или духовное управление, будучи образовано в Римской империи из подданных римских, есть часть этой же империи. — 12) Древо обновляется, покрываясь менее яркими цветами, чем розы, и более яркими, чем фиалки (XXXII, 58–60). Вследствие соединения с церковью, императорское древо зеленеет и все покрывается цветами; это оттого, что при таком присоединении облагороженные политические

добродетели становятся сами более заслуживающими вечной жизни и производят прекраснейшие цветы и плоды. — 13) Орел падает на дерево, обрывая кору, не только цветы и новые его листья (XXXII, 112–114). Гонением церкви императоры обнажали от листьев и терзали дерево императорское, потому что листьями, цветами и новою корой оно было обязано церкви, которую преследовали императоры. Орел, сидящий на вершине дерева, не может обозначать никого иного, как императоров. — 14) Орел вторично опускается на дерево, чтобы осыпать колесницу своими перьями (XXXIII, 124). Императоры обогатили церковь временными благами, — намек на знаменитый дар Константина. — 15) Под зеленью дерева и на корне его сидит Беатриче (XXXII, 86–87); авторитет церковный имеет в империи свою опору и свое покровительство, так как империя — braccio secolare, покровительствующая и защищающая. — 16) Гигант отвязывает от дерева колесницу, ставшую чудовищем, и удаляет ее (XXXII, 157). Филипп Красивый разобщает церковь с империей перенесением папского престола в Авиньон». Скартаццини. — «Поэма переходит здесь от невидимой церкви к видимой, от благодатного совершенства, сейчас лишь совершившегося над поэтом в первой, невидимой, церкви, к борьбе в последней, от идеального духовного мира опять в полную действительность, от идей нравственных опять к его церковно-политической основной идее, как уже нами было вперед замечено в песни XXXI. — Именно, с самого начала привязыванием колесницы к дереву символически указывается на правое первоначальное соединение церкви на земле с римским императорством (38–63). Затем от стиха 64 по 160 следует видение истории церкви, в отношении ее отпадения от ее первоначального порядка. Колесница церкви останавливается у древа. Это «древо познания», первообраз древа, встречавшегося в песни XXII, 131; XXIV 103, 115, есть 1) символ того первого, для человека столь рокового, пробного камня послушания в раю. Но оно поэтому-то, очевидно, заключает в себе 2) символ другого, не менее важного, Богом установленного пробного древа, на котором теперь точно так же прегрешила церковь, как некогда на том древе чувство вообще, — символ римского императорства, поскольку оно, еще будучи языческим, было

уже предопределено для христианства (древо, лишенное листьев) и должно было позднее действительно сделаться христианским, т. е. покрыться листьями. Лежащее здесь в основе собственно Дантовское учение, на котором покоится вся его политическая система, указано нами уже (Ада II, 13–30) и еще подробнее будет указано (Рая VI). Учение это состоит именно в том, что Римская империя от самых ранних начатков своих (от Энея) есть непосредственно от Бога проистекшее учреждение, исключительно рассчитанное на споспешествование Христовой церкви и воздвижение римского престола. Под «древом познания» и должно разуметь именно такое божественное учреждение. Точно так и все отдельные подробности совершенно ясно указывают именно на это, а не на какое бы то ни было иное двойственное значение древа. Громадно высокое древо является сперва без листьев, без Христа (стих 38), т. е. только появление христианства научило мир послушанию и истине, оживило еще глубоко погруженную в язычество Римскую империю и точнее обозначило ее предназначение. Христос и Сам в Своей преобразовательной земной жизни не разорил древа (стих 43), т. е. он вообще не коснулся плода греховного и в частности не посягнул на институт императорства (Марк. XII, 17). Напротив, Он навсегда привязал «дышло колесницы церкви», папство, к «древу римского императорства», из которого оно и произошло (стихи 49–51). Вследствие этого именно Данте и видит самое дерево развывшимся в полнейшем блеске его цвета, каким оно здесь, на земле, еще никогда до сих пор не бывало, но каким оно должно быть (стихи 52–63), т. е. чрез признание императорства со стороны папства последнее приобретает себе опору, а первое — свое Богом предназначенное развитие, Дантовское нормальное состояние церковно-политического мирового благоустройства, христианскую мировую империю (стих 48) и притом единственно тогда, когда самостоятельная церковь самопроизвольно пойдет рука об руку с самостоятельным же государством, что еще раз символизируется в стихе 59 цветом цветов, средним между красным и фиолетовым, цветом, который, по Филалету, есть цвет епископский. Но этого-то нормального состояния и нет на земле. Этот недостаток указывается поэту в следующем непосредственно за этим видении в

двояком отношении: во-первых, вмешательство (вторжение) императорской власти (Орла) в духовную область (стихи 112–124), во-вторых — присвоение папской властью (Блудницей) императорской силы, вторжение ее в светскую область (стихи 136–148). В промежутке между этими главными видениями, Орла и Блудницы, на которых, очевидно, лежит главный центр тяжести, указываются поэту и другие внутренние и внешние враги церкви (Лисица и Дракон) (стихи 119 и 131). — Таково в общих чертах развитие идеи в следующем, столько же важном, как и трудном месте и таково значение главнейших его символов». Флейдерер.

42. В лесах Индии есть такие высокие деревья, что до вершин их не долетает стрела из лука. Виргилий, Georg. II, 122–124:

. . gerit India lucos,

Extremi einas orbis, ubi aera vincere summum

Arboris haud ullae jactu potuere sagittae.

Высота дерева обозначает высшую власть земную (Посл. к Римл. XIII, I). В Convivio (tr. IV, с. 4) Данте называет императорскую власть: «altissima nell' umana Compagnia». Также о древе Навуходоносора сказано у Даниила, IV, 7, 8: «Среди земли (росло) дерево весьма высокое. Большое было это дерево и крепкое, и высота его достигала до неба, и оно видимо было до краев всей земли». Как у Даниила дерево это обозначает Вавилонскую империю, так и у Данте — империю Римскую.

Какой не зрел и индус средь лесов.

43. – Хвала, о Гриф! Твой клюв не тронул яда

Ветвей на древе, сладкого в устах,[1444]

Но гибельного чреву мукой ада.[1445]

46. Так возле древа крепкого в толпах[1446]

Раздался клик, и существо двойное:

– Так да блюдется правда в семенах![1447]

49. И колесницы дышло пресвятое

Повлек Грифон и с древом-сиротой

Связал его, как от него взятое.[1448]

[1444] Примечания: 1444

Запрещенные плоды сладки на вкус («Увидела жена, что дерево хорошо для пищи, и что оно приятно для глаз и вожделенно, потому что дает знание». Бытия III, 6), но пагубны для жизни. Может быть намек и на то, что многие люди находят сладостным сопротивляться высшей власти и присваивать ее себе. Властвовать и повелевать приятнее, чем повиноваться: «Nitimur in vetitum», говорит Гораций.

[1445] Примечания: 1445

«Эти слова совершенно соответствуют двоякому значению древа, ибо Христос, Грифон, не вкусил от сладкого, но смерть причиняющего плода древа искушения; Он вместе с тем и не посягал на власть императорскую, ибо Он сказал: «Власть Моя не от мира сего», и «отдавайте кесарево кесарю» (Марк. XII, 17). Филалет. По учению Данте, Христос признавал и подтвердил власть императорскую, во-первых тем, что подчинился эдикту переписи, назначенной Августом (De Mon.

II, passim; также Паоло Орозио, кн. IV, гл. 22); далее, — покорившись смертному приговору, произнесенному претором римским, при чем признал законною власть, сказав Пилату: «Ты не имел бы надо Мною власти, если бы не было дано тебе свыше». Иоанна XIX, 11; а также знаменитыми словами: «отдавайте кесарево кесарю».

[1446] Примечания: 1446

«В толпах», т. е. в святом воинстве, окружавшем дерево (стих 38).

[1447] Примечания: 1447

Эти слова, вложенные в уста Грифона, представляют, по мнению Скартаццини, парафраз слов Христа, сказанных Св. Иоанну Крестителю: «Так надлежит нам исполнить всякую правду». Матф. III, 15.

[1448] Примечания: 1448

«Дышло колесницы, та часть ее, за которую Грифон ее везет, обозначает, по моему мнению, римский престол. Спаситель связывает престол этот, имеющий римское происхождение, с императорством, с которым он (престол) должен идти рука об руку, и при том так, чтобы одно не стесняло бы круга действия другого, или не посягало бы на него. Потому-то Данте и принимает, что дышло вырезано из ствола древа и к нему привязано». К этому Филалет присовокупляет следующее замечание из Франческо ди Бути, основанное на схоластических повествованиях: «Умирающий Адам отправил сына своего в земной рай, чтобы принести ему оттуда несколько елея божественного милосердия. Но ангел-страж рая не допустил его и сказал, что не настало еще время. Впрочем, после того он дал ему ветвь от райского древа и повелел ему посадить ее на могиле Адама, и к этому присовокупил, что когда это древо принесет плоды, тогда Адам получит елей божественного милосердия. Сиф, сказано далее, исполнил, как ему было повелено, и ветвь выросла в дерево, но не приносила плодов вплоть до минуты смерти Искупителя. Тогда совершилось по воле Божией то, что из ветви этого дерева был изготовлен крест для Христа, и таким образом дерево действительно принесло плод, тело Христово, чрез что Адам и все праотцы стали соучастниками в елее божественного милосердия.

Дышло, по мнению Бути, обозначает крест, взятый от древа познания. Это толкование, заключает Филалет, не исключает и моего вышеприведенного толкования, ибо поэма Данте polysemum» (может иметь разнообразные значения). Об этой легенде см. Як. Вораджине, Legenda aurea, cap. 68; Пьетр Коместор, Hist. evang. cap. 81; и в особенности Муссафия, Sulla leggenda del legno della croce, Studio. Vienna, Gerold. 1870. — «С древом-сиротой», в подлиннике: vedova frasca, так названо мистическое дерево, потому что лишено цветов и зелени в ветвях своих (стих 38). Смысл: «Пала вместе с церковью (олицетворяемые колесницей и дышлом) подчинены, как временные граждане, или как члены общества, бдительности и защите императора». Понта. Бруноне Бианки.

52. Как наши злаки здесь (порою той,
Когда мешается с великим светом
Тот, что идет за Рыбами весной).

55. Вздуваются, чтоб обновиться цветом,
Всяк злак своим, покуда Феб коней
К другим созвездьям не направит с летом,[1449] —

58. Так, полное сперва сухих ветвей,
Вдруг оживясь, то древо цветом стало
Темнее роз, фиалки же светлей.[1450]

61. Чей ум поймет? Чье ухо здесь внимало

[1449] Примечания: 1449

Прекрасное сравнение, означающее оживление растительного царства с наступлением весны. Здесь время опять определяется астрономически, для ясного понимания которого должно помнить, что непосредственно за знаком Рыб следует созвездие Овна. Итак, это место означает: «когда великий блеск солнца, смешанный со светом созвездия Овна, изливается на землю, т. е. во время весеннего равноденствия». — К половине апреля все деревья в Италии уже в зелени. К Витте.

[1450] Примечания: 1450

«Большинство комментаторов видят в этом цвете намек на кровь, смешанную с водою, излившуюся из Христа при прободении его копьем, и ссылаются при этом на одно место у св. Бернарда, где он говорит: «Inspicite lateris aperturam, quia nec illa caret rosa, quamvis ipsa subrubea sit propter mixturam aquae» (О страст. Госп. I, 41). Но я должен сознаться,

что Данте говорит здесь, по-видимому, не о бледно-красном цвете, но скорее о цвете среднем между красным и фиолетовым. Этот же цвет есть цвет католических епископов. Потому я позволяю себе думать, что цвет этот намекает на добродетели первых римских епископов, которыми украшался христианский Рим, или на добродетели мучеников, символом которых служит красный цвет, как цвет крови и любви, а также цвет голубой, как цвет постоянства». Филалет. — Это место вообще очень темно и, как справедливо выражается Скартаццини, это одно из темных мест Божественной Комедии, которое не имело еще своего Эдипа для разгадки тайны.

Тем гимнам, кои делись там? Но сил
Имел я вынесть только их начало.[1451]

64. Имей я кисть представить, как смежил
Зеницы Аргус под напев свирели,[1452]
За что ценой он жизни заплатил, —

67. Я б, как художник, пишущий с модели,
Изобразил, как сну я предался;
Но где мне красок взять для этой цели?[1453]

70. Итак, скажу, как сон мой прервался.
Как сна покров расторгся блеском све-

[1451] Примечания: 1451

«В этом непонимании заключается, конечно, непостижимость божественного мироправления в отношении этого соединения. Поэтому каждое размышление человека об этом тщетно и мешает только полезной человеческой деятельности». Каннегиссер. — «Там», т. е. на земле, — может быть намек на песнь Агнцу (Откр. Св. Иоан. XV, 3), или на те неизреченные глаголы, которых ни один человек произнести не смеет, слышанные Св. Павлом (II Коринф. XII, 4). Данте не мог дослушать их, ибо погрузился в сон (см. ниже, стих 68).

[1452] Примечания: 1452

«Аргус». Сличи Чистилища XXIX, 95 примеч. «Под напев свирели» в подлиннике: udendo di Siringa, ибо Меркурий усыпил Аргуса повествованием о Пане и Сиринге.

[1453] Примечания: 1453

«Почти невозможно изобразить момент засыпания, ибо с засыпанием прекращается и сознание; тем не менее, это удалось Данте может быть лучше, чем какому либо другому поэту. Сличи также Чистилища XVIII, 141 и след.». Филалет. — «В этом сне Данте, может быть, символически изображается мир веры, покорной Богу и императорской власти, или, вернее, сон этот есть образ мира и полного блаженства, царствующих в мире том, где обе власти соединены вместе и обе соответствуют идеалу, составленному об них Данте. Этот мир и блаженство, по мнению поэта, существовали в мире во время первого появления Христа на землю и при основании его церкви.

До сих пор великое видение представляло нам картину спокойствия, всемирного мира и блаженства, царствовавшего в мире при начале христианства; с этой минуты поэт изображает нам, как в зеркале, положение мира с того времени, как не сотканная одежда сорвана с него когтями сребролюбия и алчности». Скартаццини.

та

И возгласом: – Проснись! ты заспался.[1454]

73. Как на гору (да узрят роскошь цвета

Той яблони, чьи яблоки даны[1455]

В снедь ангелам предвечного совета)

76. Иоанн, Иаков, Петр возведены

И как их сны расторг глагол надежды,

Что расторгал и гробовые сны,[1456]

79. Причем уже не видели их вежды

Ни Моисея, ни Ильи, и сам

Учитель

[1454] Примечания: 1454

Чувствуя себя неспособным изобразить свое усыпление, Данте переходит к минуте, когда он восстал от сна, рассеявшегося от яркого блеска Грифона и «святого воинства», вознесшихся в это время на небо (стих 89), и от возгласа Матильды: «проснись» (стих 72).

[1455] Примечания: 1455

«Да узрят роскошь цвета той яблони» и проч. Здесь разумеется яблоня, о которой говорится в Песни Песней II, 3: «Что яблонь между деревьями, то возлюбленный мой между юношами». По общему толкованию св. отцов, в яблоне Песни Песней подразумевается сам Христос. В момент Преображения Господня ученики его предвкушали вечное блаженство, они видели цветы древа, плодов которого вечно алкают ангелы и вечно питаются ими, по слову св. Апостола (I Петр. I, 12): «Во что желают проникнуть Ангелы».

[1456] Примечания: 1456

«Глагол надежды», т. е. слова Спасителя: «Встаньте и не бойтесь». Матф. XVII, 7. Здесь намекается на слова Спасителя к умершему Лазарю: «Лазарь! иди вон» (Иоанна XI, 43), и к юноше: «Юноша! тебе говорю, встань». Луки VII, 14.

их уж изменил одежды,[1457] —

82. Так,
пробудившись, я увидел там[1458]

Благочестивую, – ту, что в красе девичьей

Вдоль вод казала путь моим стопам.

85. И в страхе я спросил: – Где Беатриче?

И та: – У корня древа восседит

Под новою листвой, полна величий.[1459]

88. Взгляни: вот сонм подруг ее стоит;

Другие ж все взнеслися за Грифоном.[1460]

[1457] Примечания: 1457

«При изображении своего усыпления Данте подражает евангельскому повествованию о Преображении Господнем. Как три ученика Христовы заснули на горе Фаворе, так засыпает Данте на горе Чистилища; как ученики при пробуждении и еще полусонные узрели славу своего Учителя (Луки IX, 32), так и Данте видит блеск от Грифона; как Христос приблизился к ученикам, прикоснулся к ним и сказал: «встаньте» (Матф. XVII, 7), так и Данте слышит слово «проснись»; как ученики, проснувшись, не видели никого более, кроме одного Иисуса (Матф. XVII, 8; Марк. IX, 7; Лук. IX, 36), так и Данте видит лишь Матильду». Скартаццини.

[1458] Примечания: 1458

«Итак, смысл и значение внезапного усыпления нашего поэта состоит в том, что он, как некогда ученики, укрепляется в силах своих востор-

женным предвкушением блаженства для созерцания предстоящего изображения судьбы церкви. Именно тогда лишь, когда исчезли Христос и его спутники (стих 88), сошедшая с колесницы Беатриче позволяет поэту узреть заимствованное из Иезекииля (XVII, 3) и Откровения (XII, 13–17) видение с заключительным о нем пророчеством. И здесь заключается опять глубочайший смысл; именно дело идет теперь о том времени церкви, когда Христос видимо покинул ее, при чем осталась одна его незримая благодать (Беатриче) со своими добродетелями и духовными дарами, как неистребимыми благами, которые не может исторгнуть никакая буря (стих 99)». Флейдерер.

[1459] Примечания: 1459

«Дерево, как мы видели, — символ империи. Корень дерева, говоря все в том же аллегорическом смысле, не может обозначать ничего иного, как то место, где возвысилась и откуда распространилась империя, т. е. Рим. Кроме того мы видели, что Беатриче олицетворяет власть церковную или папство. Итак, по снятии аллегорической одежды, слова поэта будут означать, что папство восседит на семи холмах, т. е. в Риме, под сенью и покровительством Римской империи». Скартаццини. — Другие объясняют иначе; так Флейдерер полагает, что «здесь необходимо иметь в виду значение дерева, и тогда смысл будет тот, что божественная благодать даже и во время отпадения неуклонно указывает на послушание Христу, и потому, даже и тогда, когда оставляется самое дерево, т. е. надлежащий внешний порядок (как мы это увидим в стихе 157), вследствие постоянного указания на эту внутреннюю норму жизни, — церковь ограждается от погибели (стих 95) и стремится возвратиться к надлежащему порядку, даже во внешней своей форме».

[1460] Примечания: 1460

«Другие», т. е. святое воинство (стих 17). «За Грифоном», — «Каждый в своем порядке: первенец Христос, потом Христовы, в пришествие его (верующие)», I. Коринф. XV, 23. — Поднятие Грифона к небу олицетворяет вознесение Господне.

Чу! как их песнь там в глубине гремит.

91. И что еще сказала мне об оном,

Не ведаю: мне зрелась лишь она,

Замкнувшая мой слух всем прочим тонам.

94. На почве чистой там воссев, одна,[1461]

Как страж, блюла ту колесницу мира,

Что существом двувидным спасена.

97. Вокруг нее слились, как вкруг кумира,

Семь нимф, держа в светильниках огни,[1462]

Хранимые от Норда и Зефира.

[1461] Примечания: 1461

«На почве чистой», в подлиннике: in su la terra vera. По мнению одних, почва эта обозначает почву земного рая, по мнению других, напр. Коста, — Рим. Но уже Бути, Ландино и Велутелло понимали слово vera, как nuda — голая или чистая. В таком случае, следуя Скартаццини, смысл будет такой: «Беатриче садится у корня древа, что означает, как выше сказано (ст. 86 примеч.), что местопребывание духовной власти — Рим, корень империи. Беатриче сидит одна и на истинной почве. Истинная почва есть почва голая. Беатриче сидит одна, окруженная лишь семью нимфами, олицетворяющими семь добродетелей; она сидит на голой земле и подражает в этом Тому, Кто «не имел, где преклонить главу» (Матф. VIII, 20; Лук. IX, 58). Беатриче олицетворяет власть духовную, или папство, сообразное идеалу Данте. В грандиозном его видении мы присутствуем теперь при зачатках христианства.

Первые римские епископы заседали одни в императорском городе, без всякой свиты кардиналов, придворных, слуг и проч. Они были бедны; престол папский еще не был воздвигнуть; временных богатств не имели ни церковь, ни папы; верующие собирались еще в катакомбах, следовательно не имели другого седалища, кроме голой земли. Изображая Беатриче сидящею одиноко на голой земле, поэт рисует одним штрихом кисти смирение и нищету первых наместников Христовых и, вместе с тем, делает жестокий упрек в роскоши и мирском блеске папам последующих времен, и в особенности современным ему. Заметьте кроме того, что Беатриче уже не сидит в колеснице, но на земле около нее. Впоследствии блудница на свободе сидит на колеснице, превратившейся в чудовище, как крепость на скале. Сидение на голой земле означает смирение, сидение же блудницы, очевидно, — признак гордости и наглости. Беатриче сидит как бы на страже колесницы, она не хочет господствовать над достоянием, но единственно охраняет и служит примером стаду (I посл. Петра V, 3): она служит колеснице, а не колесница ей. Итак Беатриче, сидящая на истинной, голой, земле, есть олицетворение первых преемников св. Петра, или идеального папы, по воззрению поэта». Скартаццини.

[1462] Примечания: 1462

«Семь нимф» — главные и богословские добродетели, и сем даров св. Духа не могут быть отторгнуты от церкви никакими бурями, ибо «врата адовы не одолеют ее». По мнению Копиша, Норд, северный ветер, обозначает насилие со стороны императоров (Рая III, 119); Зефир, южный ветер, — насилие со стороны пап.

100-101. В подлиннике «Qui sarai tu poco tempo silvano», смысл: Не долго тебе, как представителю всего рода христианского, здесь, в церкви воинствующей, в лесной тени, быть как бы изгнанником в пустыне во время сиротства Рима и заблуждений папы. Ты вознесешься, или, как в подлиннике: будешь вечным гражданином: «senza fine cive», в тот Рим, т. е. в небесный, где Христос есть римлянин искони, т. е. «станешь сочленом торжествующей церкви, где уже не нужны ни император, ни папа и где Христос не есть уже невидимая, но зримая глава Его общины». Филалет. — «Итак вы уже не чужие и не пришельцы, но сограждане святым и свои Богу». Посл. к Ефес. и, 19.

100. – Недолго быть тебе в лесной тени:

В великий Рим взнесешься силой чуда,

Где сам Христос – римлянин искони!

103. На благо миру, что живет так худо,[1463]

Зри колесницу; что увидишь здесь,

Все запиши, когда придешь отсюда.[1464]

106. Так Беатриче. И, склоненный весь

К стопам ее велений, ум и очи.

Как повелела, устремил я днесь.

109. Стремительно так никогда в мгле ночи[1465]

[1463] Примечания: 1463

«На благо миру» и проч. Здесь указывается на конечную цель всей поэмы, именно общее благо всего человечества, живущего худо, как в социальном, так и нравственном отношении по причине отсутствия порядка, учрежденного Богом, т. е. по неимению двух вождей — светского и духовного, ведущих людей к двоякому счастью на земле.

[1464] Примечания: 1464

«Запиши», как в Откровении Иоанна: «То, что видишь, напиши в книгу». I, 11; — «Итак, напиши, что ты видел, и что есть, и что будет после сего». Ibid., ст. 19; — «Напиши, ибо слова сии истинны и верны». Ibid. XXI, 5, — «Когда придешь отсюда», само собою разумеется на землю.

[1465] Примечания: 1465

«В следующем видении, где пред очами поэта проведены судьбы

церкви, значение дерева получает тот смысл, какой оно имело в сновидении Навуходоносора (Даи. IV, 7)». «Как Даниил объяснил дерево Навуходоносора его Вавилонским царством, так и здесь под деревом должно разуметь всемирную монархию, которой Сам Христос в Своем воплощении человеческом восхотел принадлежать и сделать ее столицу средоточием Своей церкви (Ада II, 23)». К. Витте. — «Нижеследующие аллегории видения почти согласно объясняются комментаторами так: Орел означает римского императора так как при римских императорах христиане претерпевали великие гонения вследствие чего церковь была сильно потрясена. Под видом тощей Лисицы должно разуметь лжеучения, не имеющие истинного основания. Во второй раз упадающий на дерево Орел есть император Константин Великий; чрез дар (пух), полученный от него папой Сильвестром, было положено основание властолюбию пап. Глас с неба есть глас св. Петра, возвещающего порчу и искажение папства, — Дракон есть Магомет, так как чрез него отпала значительная часть христианства. Но это толкование, несмотря на его распространенность, не вполне выдерживает критику (см. ниже). Новое покрытие перьями означает новые дарственные приобретения и обогащения Христовой церкви, причем дарители, может быть, имели хорошие и благочестивые намерения. Семь глав, по Даниелло, обозначают семь кардиналов, которые избирают пап; по другим же — семь смертных грехов, три на дышле, двурогие и наихудшие, гордость, гнев и сребролюбие; четыре других — зависть, уныние, чревоугодие и сладострастие. По Ландино, здесь обозначаются сем таинств, а десять рогов — десять заповедей. — Блудница — это папа, в особенности Бонифаций VIII; Гигант — всякий заискивающий милости у папской власти светский владыка, в особенности же французский король Филипп Красивый, так жестоко отмстивший папе Бонифацию, хотевшему вступить в союз и с другими светскими монархами. Наконец, похищение колесницы означает перенесение королем Филиппом Красивым папского престола из Рима в Авиньон». Каннегиссер.

Из туч не сходит молния, когда

Из высших сфер дождь хлынет из всей мочи,[1466]

112. Как птица Зевса ринулась тогда[1467]

По дереву, сорвав с него с корою

И лист и цвет, и пала, как беда,

115. На колесницу с яростью такою,

Что та накренилась, как бот средь волн,

С бортов разимый в море бурей злою.[1468]

118. И в колесницу, зыбкую как челн,

Голодная Лисица ворвалася,

[1466] Примечания: 1466

Поэт сравнивает быстроту Орла с быстротой молнии, как в Чистилища IX, 28 и след. Орел пал на землю terribil come folgor. — «Из высших сфер». «Аристотель принимает пары в атмосфере двух родов: влажный пар (ἀτμίς), который он называет паром, и сухой (καπνός), названный дымом. Под последним он разумеет преимущественно ветры. Те и другие пары, подымаясь в верхние слои атмосферы, превращаются, вследствие господствующего там холода, в облака; от этого-то и происходить то, что влажные пары разрешаются дождями, сухие же — молнией, которая хотя бы и должна была по огненной своей натуре восходить вверх, но вследствие сгущения низвергается на землю». Филалет.

[1467] Примечания: 1467

Птица Зевса — Орел; Jovis ales — Виргилий, Энеида, I, 394. В Раю (ИИ, 4) Данте называет ее Puccel di Dio. — Отсюда начинается изображение

исторических судеб церкви. Первое событие представляется под символом Орла, который, упадая в листву и цвет древа, лишает его не только их, но и ломает ветви и обдирает кору дерева, почти опрокидывая при этом самую колесницу. Орел, очевидно, заимствован у Иезекииля (XVII, 3, 4): «Большой орел с большими крыльями, с длинными перьями, пушистый, пестрый прилетел на Ливан и снял с кедра верхушку, сорвал верхний из молодых побегов его» и т. д. У Иезекииля он символ Вавилонской империи и в частности Навуходоносора, у Данте — символ первых римских императоров, подвергавших церковь гонению (это общее толкование всех комментаторов без исключения); таких гонений обыкновенно принимается десять, при императорах: Нероне (64 г.), Домнциане (95), Траяне (105), Марке Аврелии (177), Септимии Севере (202), Максимине (235), Деции (249), Валериане (257), Аврелиане (275) и Диоклитиане (303–311). Эти гонения не только повредили юным листьям и цветам древа юной христианской общины, но и коре его, т. е. самой империи, и, хотя лишь только видимо, — потрясли церковь.

[1468] Примечания: 1468

«Сравнение церкви с кораблем весьма удачно, ибо челн св. Петра есть обычная метафора церкви; к тому же в христианском искусстве продольные части базилик назывались кораблем». Л. Вентури. — «С бортов разимый», в подлиннике: Vinta dall' onda, or da poggia or da orza, т. е. с обоих бортов.

Которой зев был всякой скверны полн.[1469]

121. Но, укоризн мадонны устрашася,

От мерзких дел она пустилась в бег,[1470]

Насколько мог бежать скелет без мяса.[1471]

124. И вот, из стран, отколь сперва притек,

В ковчег опять Орел спустился бурно

И пухом крыл осыпал весь ковчег.[1472]

127. И в высоте, в обители лазурной,

Раздавшись, скорби голос произнес:

– О мой челнок! и как нагружен ты дур-

[1469] Примечания: 1469

Второе бедствие видения — Лисица. В Св. Писании лисица часто выражает лжепророков и ересиархов (Псал. LXII, 11; Плач Иеремии, V, 18; Иезек. XIII, 4; Матѳ. XXIV, 24), также ереси и лжеучения (Песнь Песней II, 15). «Vulpes», говорит блаж. Августин (in Psal. LXXX), «insidiosos, maximeque haereticos fraudolentos significante Istae vulpes significantur in Cantitis canticorum, ubi dicitur, capite nobis vulpes parvulas». — Итак Лисица, по общему толкованию, обозначает здесь еретические учения, восставшие войной на церковь в первые три века; но какую именно ересь разумеет здесь Данте в особенности, — в этом комментаторы несогласные. Одни видят здесь ересь, введенную в апостольскую церковь папой Анастасием II, впавшим в ересь Фотина (Ада XI, 8–9); другие и при том большинство — ересь Ария. Были и такие (Джиов. Пецци), которые видели здесь Юлиана Отступника. Вообще Лисица

здесь символ ереси. Изображение ее, скелет без мяса, Tossa senza polpe, и d'ogni pasto buon parea digiuna, напоминает волчицу в I песни Ада (49–50, 99).

[1470] Примечания: 1470

Беатриче, как символ истинного богословия, опровергла все лжеучения и уличила еретиков в их злых делах — намек на развращение таких еретиков, как Базилид, Валентин, Карпократ и др.; напротив, образ жизни ариан и новациан был безукоризнен.

[1471] Примечания: 1471

Можно понимать двояко: или настолько быстро, насколько тощее животное может бежать при его слабости, или насколько оно стало легко от своей худощавости.

[1472] Примечания: 1472

В подлиннике: e lasciar lei di sè pennuta, осыпал перьями, т. е. благами земными. Сличи у Данте, De Monar. III, с. 10. Современник Данте Оттокаро ди Гернек, живший около 1300 г., так поет об этом даре (Reimchronik, cap. 448, in H. Pezii scriptt. rer. Austr. III, 446):

Ey Ghaiser Conetantin,
War tet da dein Sin,
Do da den Phaffengeb
Den gewalt und das Urleb,
Das Stet, Porger und Lant
Undertanig irr Hant
Und irem Gewalt schold wesen! Etc.

но![1473]

130. И видел я: вот! между двух колес[1474]

Земля разверзлась, и Дракон выходит —

Пронзить ковчег хвостом своим насквозь.[1475]

133. И как оса из тела вновь выводит[1476]

Иглу, – так Змий, в себя вобрав хвост свой,

Отторг часть дна и, радостный, уходит.[1477]

136. Как глохнет поле сорною тра-

[1473] Примечания: 1473

Данте, по-видимому, придерживается здесь древней легенды, о которой говорят Пьетро ди Данте, Ландино, Anonimo Fiorentino; по словам ее, в то время, когда Константин принес церкви свой дар, послышался голос с неба: «Hodie diffusum est venenum in Ecclesia Dei».

[1474] Примечания: 1474

«Меж двух колес», демон сребролюбия возник в недрах духовенства, духовных лиц мирских и монастырских, символом которых служат колеса колесницы (сличи Чист. XXIX, 106 примеч., в конце).

[1475] Примечания: 1475

Четвертое бедствие — появление из земли Дракона, отторгающего часть колесницы. Видение это, очевидно, заимствовано из Откровения Иоанна (XII, 3, 4): «Вот, большой красный дракон, с семью головами и десятью рогами, и на головах его семь диадем; хвост его увлёк с неба

третью часть звезд и поверг их на землю». По библейскому новейшему толкованию дракон обозначает языческую Римскую империю; семь голов суть семь холмов, на которых построен Рим; по толкованию средневековому, дракон Откровения есть антихрист. Сам же творец Откровения объясняет дракона диаволом. «И низвержен был великий дракон, древний змий, называемый диаволом» (Откров. XII, 9; XX, 2). Мнение комментаторов Данте различно; по одним, это сатана; по другим — Антихрист (Пьетро ди Данте); но большинство древних и новейших толкователей видят в этом драконе Магомета, увлекшего за собой много племен. Были и такие, которые разумели в этом видении разделение церкви на восточную и западную (в 858 г. при патриархе Фотии). Но, кажется, всего вернее мнение Скартаццини: «Дракон, как сказано, заимствован из Апокалипсиса, где он назван диаволом и сатаною. Очевидно, и у Данте он обозначает то же. Дракон исходит из земли, как Грифон (Христос) с неба, следовательно, дракон есть адский антитез небесному Грифону. Непосредственное следствие появления дракона есть то, что колесница мгновенно покрывается перьями Орла, т. е. богатством. Появление Магомета и Фотия не могло иметь таких последствий. Это обогащение было следствием того, что демон сребролюбия, любостяжания и скупости вселился в сердца духовных и мирян и изгнал смирение и воздержание. Поэтому Данте заимствовал из видения Евангелиста не только идею, но и аллегорическое значение дракона. Дракон есть искуситель, показавший церкви в одно мгновение все царства мира и сказавший: дам тебе все это, если поклонишься мне, и люди поклонились ему (Откр. XIII, 4); это тот искуситель, что ядовитым хвостом своим удаляет дух смирения и нищеты, положенных Христом в основу церкви Своей, и что вливает в сердца священников и священнослужителей стремление к обогащению и увеличению земной власти. Дракон напоминает, стало быть, Волчицу, которую первая выпустила зависть на землю из ада (Ада I, 110–111). «Волчица — символ скупости, Дракон — символ демона скупости и сребролюбия». Скартаццини.

[1476] Примечания: 1476

Хвост дракона в представлении поэта снабжен на конце острием на подобие копия, которое он сравнивает с жалом осы по причине его скрытности и ядовитости.

[1477] Примечания: 1477

«Часть дна», т. е. дух смирения и нищеты, который, как мы сказали, положен Христом в основу Своей церкви. — «И радостный», в подлиннике: vago vago, — выражение, понимаемое комментаторами различно; но, принимая во внимание, что слово vago всегда употребляется у Данте в значении желающий, жадный, кажется, будет вернее перевести его, как радостный, или, еще лучше, желающий делать еще новый и больший вред, подобно тому, как Волчица после еды еще сильней алкает (Ада I, 99) и никогда не утоляет в себе голода, или как скупой, который тем более желает, чем больше копит богатства.

вой,[1478]

Так, что осталось, в пух Орла (забытый,[1479]

Быть может, с целью чистой и благой)[1480]

139. Оделося, и были быстро скрыты

Колеса с дышлом им: уста без слов,

Чтоб вздох издать, не долее открыты.[1481]

142. Преобразившись так, чертог Христов

Главы изводит из своих гнездилищ,

На дышле три и по одной с углов;

145. Рога быков – у первых трех чуди-

[1478] Примечания: 1478

«Сорною травой», в подлиннике: gramina, по-латыни gramen, gramineus, ботан. Panicum Dactylon Lin. или Cynodactylon — растение, легко принимающееся и трудно искоренимое, особенно на почвах плодородных. Аламани (Coltiv. V, 19), говоря о нем, сказал: «che partorisca ognor vivace e verde E la gramigna e il fien».

[1479] Примечания: 1479

Пятое бедствие — все то, что уцелело в колеснице от нападения дракона, колеса и даже дышло покрылись перьями и пухом Орла, что, по толкованию всех комментаторов, означает обогащение церкви земными благами не только вследствие дара Константина, но и вследствие позднейших приношений и даров, сделанных благочестивыми людьми, франкскими королями, тосканской графиней Матильдой и другими, а равно и другими благоприятными обстоятельствами.

[1480] Примечания: 1480

«С целью чистой и благой»; следовательно, Данте признает добрые намерения в даре Константина, хотя он имел такие дурные последствия. Сличи Рая XX, 55 и след. — «Забытый», в подлиннике: offerta, предложенный, данный.

[1481] Примечания: 1481

«Это покрытие пухом совершилось быстрее, чем сколько нужно времени, чтобы открыть уста для издания вздоха без слов: сравнение со вздохом здесь весьма уместно при повествовании о бедствиях церкви». Л. Вентури (Similitudine).

лищ,

У всех других – по рогу на челе;

Век я не зрел столь мерзостных страшилищ.[1482]

148. Тверда, как крепость на крутой скале,[1483]

Сидит на нем Блудница на свободе

И наглый взор вкруг водит по земле.[1484]

151. И, чтоб ее не потерять (невзгоде,

Кто был бы рад?), Гигант стоит с ней в ряд,

Ее целует он при всем народе.[1485]

154. Когда ж в меня свой похотливый

[1482] Примечания: 1482

Как следствие всех этих бедствий, колесница преобразуется в страшное, невиданное чудовище с тремя двурогими головами на дышле и с четырьмя однорогими головами по сторонам колесницы. — Описание этого чудовища, очевидно, заимствовано Данте из видений Даниила и апокалиптических Св. Иоанна (Дан. VII, 7,23; Откров. XII–XIII, 1 и след.; 16, 17). Блудница в Откровении Иоанна, по новейшему толкованию, — есть Рим; животное, на котором она сидит, — римская империя; семь голов животного — семь императоров, десять рогов, по всему вероятию, — десять проконсулов (толкование Откровения Эвальда, Люкне, Де-Ветте, Блеека, Фолькмара и др.). — Данте взял из Апокалипсиса самый образ видения, но дал ему другое значение. У комментаторов существует три главнейших мнения: 1) Семь голов означает семь кардиналов и притом три двурогие — кардиналов-

епископов, носящих двурогие митры, четыре головы с одним рогом — прочих кардиналов-неепископов; 2) семь голов — семь таинств и десять рогов — десять заповедей, и 3) семь голов — семь смертных грехов; из них три: гордость, зависть и гнев, с двумя рогами, как грехи более тяжкие, а прочие четыре: уныние, сребролюбие, чревоугодие и сладострастие, снабжены одним рогом, как грехи, направленные лишь к удовлетворению плотских наслаждений. — Первое из этих мнений (Даниелло, Вольпи, Дж. Кольтелли) о семи кардиналах-избирателях, учрежденных со времени разделения церкви на восточную и западную и названных de cardinibus mundi, из которых трое носят митры с двумя рогами, одним спереди, другим сзади, тогда как остальные четверо, не будучи епископами, носят простые митры, — не выдерживает критики уже потому, что учреждение кардиналов, равно как и других духовных лиц, получило свое место уже с самого начала церкви, почти тотчас после мнимого дара Константина; к тому же это совершенно противоречит воззрению Данте и его современников на институт кардиналов и других духовных; в видении поэта триумфальная сперва колесница сделалась чудовищною не от самого ее начала, но тогда, как она выродилась и развратилась. — Если принять второе мнение, то не иначе, как в том смысле, что развратившаяся церковь употребила во зло таинства и предписание декалога (десяти заповедей); но и это можно допустить разве лишь для одних таинств, а никак уже не в отношении заповедей. Но даже в этом смысле, таинства и заповеди всегда были и будут святы (Посл. к Римл. VII, 7 и далее), и было бы безумие допустить, что они, по мнению Данте, стали, даже вследствие злоупотребления церкви чудовищными. К тому же десять заповедей явились прежде церкви, семь таинств, по крайней мере, по мнению средневековых схоластиков, возникли вместе с нею; семь же голов являются у Данте уже тогда, когда церковь переродилась, — Остается, следовательно, принять третье мнение, тем более, что оно самое

древнее. Защитники 2-го мнения ссылаются на Ада XIX, 109 и след., где Данте говорит, что сидящая на водах (т. е. Рим и римская церковь) родилась с семью головами и имела силу в десяти рогах, пока муж ее любил добро; тут действительно головы означают таинства и десять рогов — десять заповедей. Но там все это, очевидно, находится в прямой противоположности с тем, что изображается здесь; первое было тогда, когда папы были добродетельны и не уклонялись от прямого пути; там это были семь даров Св. Духа, здесь семь осквернений этих даров; там — десять заповедей Божиих, здесь десять нарушений божественного закона; Данте разделил эти семь голов на три и четыре — на число, обозначающее Бога, и число, обозначающее мир (Сличи Чистилища XXIX, 50 примечание). Вспомним, что папы во время Данте хотели быть sicut Deus; три головы на дышле напоминают три лица Люцифера (Ада XXXIV, 38 и примеч.), дьявольского антипода Божества. На колеснице, символе церкви, — четыре головы. Четыре — символ мира. Следовательно церковь побеждена, угнетена тем миром, который она должна была победить духом и освятить. Все опрокинуто вверх дном, извращено, разрушено, и папский престол, и церковь и человечество! «O genus humanum!» — восклицает в другом месте Данте (De Monar. lib. I, c, 16), «quantis procellis atque jacturis, quantisque naufragiis agitari te necesse est, dum bellua mullorum capitum factum, in diversa conaris». Церковь не разрушена, но превращение ее стало хуже самого разрушения. Но когда церковь стала чудовищем, что же сталось с нетленным существом божественного учреждения? Оно, конечно, сохранилось; но не в превращенной колеснице; оно сохранилось в Беатриче и Матильде, в семи нимфах и двух поэтах (Данте и Стации); сохранилось и мистическое дерево хотя от него удалились и Грифон и колесница, привязанная к нему Грифоном; другими словами, — церковь теперь состоит из малого числа верных, живущих вне лона римской церкви. Итак, это последнее толкование, по-видимому, самое правильное:

при чем трудно понять, почему многие из старинных комментаторов ставили его в противоречие с ортодоксальностью Данте, трудно понять потому, что Данте, порицая здесь испорченность нравов прелатов и духовенства, нисколько не выступает здесь с учением о погрешимости самой церкви. Скартаццини. Филалет.

[1483] Примечания: 1483

«Как крепость» и проч. — «Не может укрыться город, стоящий на верху горы». Матф. V, 14.

[1484] Примечания: 1484

Каждое слово выражает здесь наглость Блудницы. «Наклонность женщины к блуду узнается по поднятию глаз и век ее». Премудр. Иис., сына Сирахова XXVI, 11. Намек, по-видимому, на смелость и наглость, с какими папа Бонифаций VIII издавал свои наглые буллы.

[1485] Примечания: 1485

Блудница и Гигант, Кто эти лица? Первая, очевидно, взята из Откровения Иоанна (XVII, 1 и др.), эта копия с «великой блудницы, сидящей на водах многих, с которой блудодействовали цари земные». Блудница Апокалипсиса есть «великий город, иже иметь царство над цари земные» (Ibid. 18). Данте недалеко отклонился от символического значения апокалиптической блудницы. Его блудница на свободе сидит там, где сперва восседала Беатриче, почему и названа в подлиннике fuja (воровка), так как хитростью заняла место Беатриче. В этой части мистического видения все нам представляется в превратном виде; значить, и в Блуднице мы должны признать антипод Беатриче, т. е. превращение идеальной папской власти в перерожденную и испорченную, т. е. власть папскую только по имени, занявшую хитростью место, ей не принадлежащее. Таковыми в глазах

Данте были современные ему папы, в особенности Бонифаций VIII и Климент V (сличи Рая XXVII, 22 и след.). И так Блудница на свободе есть римская курия, выродившаяся и развращенная, и в частности символ двух современных ему пап — Бонифация VII и Климента V, на которого, как на преемника Бонифация, прямо указывают последние стихи. — Что же касается до аллегорического значения Гиганта, то и он есть подражание «царей земных, упивавшихся с блудницей вином ее блудодеяния» (Апок. XVII, 2), и, по единогласному толкованию всех комментаторов, обозначает королевский дом Франции и в частности короля Филиппа Красивого, о борьбе которого с папою Бонифацием VIII было сказано в примеч. с Чистилища XX, 86. — Словом, все в этой последней части грандиозного видения представляет нам лица и вещи, противоположные тем, что являлись в первой части. Чудовище есть антипод триумфальной колесницы; семь голов — антипод семи нимфам или семи светильникам; десять рогов — антипод десяти шагам (Чистилища XXIX, 81); блудница — антипод Беатриче; пускание чудовища на свободу и бегство его в лес — противоположность везения колесницы и привязывания ее к древу. Наконец и самый Гигант, по закону симметрии, усматриваемой во всем этом видении, имеет себе антипода в Грифоне. Как Грифон влечет колесницу и привязывает ее к дереву, так, наоборот, Гигант отвязывает ее и влечет по лесу. Грифон, как символ Христа, есть жених церкви, Гигант — ее любовник и проч. Недаром Филипп Красивый назван Данте (Чистилища XX, 91) «новым Пилатом», — выражение вполне гармонирующее с данным толкованием значения Гиганта. Скартаццини.

взгляд

Та кинула, – бичом любовник строгий[1486]

Ее избил от головы до пят.[1487]

157. И волю дал, полн гнева и тревоги,[1488]

Он чудищу и так далеко в лес

Увлек ее, что гад сей многорогий

160. С Блудницею из глаз моих исчез.[1489]

[1486] Примечания: 1486

«В меня». Ландино разумеет — вообще в христиан; Бенвенуто Рамбалди объясняет: «Quasi dicat: quia Bonifacius noluit respicere ad gentem italicam dimissa gallica, quia nolebat amplius pati servitutem Philippi». Другие объясняют «в меня», в мою партию, т. е. в гибеллинов, врагов французского дома. Очевидно, Данте намекает здесь на определенный исторический факт, а именно на то, что папа Бонифаций VIII санкционировал мир, заключенный между Карлом, королем Неаполитанским, и Фридрихом, королем Сицилии (12-го июня 1303), а также на то, что он признал Альберта Австрийского и объявил его императором римским. Вот что писал тогда Бонифаций Альберту: «Auctoritate apostolica et apostoliche plenitudine potestatis te in specialem filium nostrum recipimus et Ecclesiae Romanae, ac Regem Romanorum assumimus, in Imperatorem, auctore Domino, promovendum, — supplentes oranem defectum, si quis aut ratione formae, aut ratione tuae vel tuorum electorum personarum, seu ex quavis alia ratione vel causa, sive quocunque modo in higusmodi tua electione, coronatione ac administratione fuisse noscatur. Omnia insuper et singula, per te vel alios de mandato tuo facta et habita in administratione praedicta, quae alias justa et licita extitissent ita valere decernimus et tenere sicut si administratio ipsa tibi competiisse legitime nosceretur». Скартаццини.

[1487] Примечания: 1487

Намек на оскорбления, нанесенные Бонифацию Филиппом Красивым,

после того как они поссорились, и в особенности на знаменитое пленение папы в Ананьи (Чистилища XX, 85 и примеч.).

[1488] Примечания: 1488

«И волю дал», т. е. отвязал ее от дерева, к которому она была привязана Грифоном. В тревоге, чтобы Блудница не отдалась другим.

[1489] Примечания: 1489

Значение этой терцины всех правильнее и яснее истолковал сын поэта Пьетро ди Данте: «Et hoc est quod dicit, scilicet, quoraodo traxit eam secum per siivam, idest quod fecit ut Curia romana tracta est ultra montes in suo territorio de Roma». — Это толкование сына Данте признано теперь почти всеми комментаторами. Поэт приводит здесь в форме пророчества перенесение папского престола из Рима в Авиньон, случившееся спустя пять лет после изображенного здесь мистического видения, при преемнике Бонифация папе Клименте V. Это тот самый папа, который разумеется в Ада XIX, 82 и далее. При этом нельзя не подивиться чрезвычайной смелости, с какой поэт, если не прямо здесь, то в сказанном месте Ада выражает свое мнение о главе церкви, который, как надо думать, еще царствовал, когда вышел Ад Данте. Впрочем по мнению Вегеле, Климент должен был уже умереть, когда были написаны сказанные стихи Ада; он умер в 1314 году, из чего Вегеле заключает, что Ад издан уже после смерти папы. «Вообще, нельзя себе мысленно представить, какое потрясающее действие должно было произвести на современников поэта столь смелое изображение, именно здесь, на благодатной почве земного рая, невидимой, истинной церкви; каковою она должна быть, в противоположность церкви извращенной и развращенной. Нельзя не назвать глубокомысленною и потрясающею во всех отношениях идею представить все развращение церкви именно здесь, в этой части поэмы, которая по всему своему развитию собственно есть символ истинной церкви, правильного церковного состояния на земле». Флейдерер.

Песнь тридцать третья

Земной рай. – Прорицание Беатриче. – Пятьсот и Пять и Десять. – Данте и Беатриче. – Река Эвноэ.

1. «Deus venerunt gentes»... в сокрушенье,[1490]

То только трех, то четырех дев хор

Так, чередуясь, начал псалмопенье.

4. И воздыхая, – скорбная с тех пор, —

Внимала Беатриче; лишь Мария

Имела у креста печальней взор,

7. Когда же дали девы пресвятые

Ей говорить, – с лицом как бы в

[1490] Примечания: 1490

«Deus, venerunt gentes» — начало 78-го псалма: «Боже, язычники пришли в наследие Твое, осквернили святой храм Твой, Иерусалим превратили в развалины». — Псалом на разрушение Иерусалима и храма ассириянами в большом употреблении в католической церковной службе, особенно в мессе св. мученикам. Данте применяет его здесь к бедствиям церкви.

огне,[1491]

Она восстав, рекла слова такие: —

10. Modicum, et non videbitis me

Et iterum, о милые подруги,

Modicum, et vos videbitis me.[1492]

13. Когда ж семь жен пошли пред ней, как слуги,

Она, дав знак за нею вслед идти

Мне, донне и поэту в нашем круге,[1493]

16. Подвиглась в путь и, верно, десяти[1494]

Еще шагов в пути не совершила,

Как взором мне пронзила взор в пу-

[1491] Примечания: 1491

«С лицом как бы в огне»; в подлиннике: colorata come fuoco, т. е. в огне ревности, любви и святого гнева при виде бедствий церкви, которой она служить стражем.

[1492] Примечания: 1492

Слова Христа ученикам Своим (Иоан. XVI, 16): «Вскоре вы не увидите Меня, и опять вскоре увидите Меня». Спаситель предсказывает в них ученикам Свою смерть и воскресение. «Истинное учение (Беатриче) будет помрачено лишь на короткое время и вскоре затем вновь явится во всем своем свете». Филалет. — По Скартаццини, Беатриче говорит здесь, как символ церковной власти, поскольку она обладает божественным откровением и поскольку она соответствует своему идеалу. В устах ее слова евангельские означают лишь, что мир только на короткое время будет лишен своего духовного руководителя. Вместе с тем пророчество это указывает на близкое возвращение пап из

Авиньона в Рим. — «Если в этих стихах действительно указывается на возвращение пак из Авиньона, то такое указание было бы равносильно с настоящим пророческим провидением поэта, так как этот возврат в Рим случился лишь 63 года после того, как написана поэма, именно в 1372 году, когда Данте уже умер. Вероятнее всего, здесь просто указывается на возврат истинного христианства вследствие внутренней реформы церкви, — реформы, на скорое введение которой Данте намекает в очень многих местах поэмы». Ноттер. — Относительно размера этой терцины следует заметить, что первый и последний стих ее следует читать так:

Modícum, et non vi-debìtis me,
Modícum, et vos vi-debìtis me.

[1493] Примечания: 1493

Процессия идет в следующем порядке: впереди семь жен (добродетелей), в середине Беатриче, за нею Матильда, Данте и поэт Стаций, — следовательно в том же порядке, как она шла вначале (чистилища XXIX, 43 и след. и XXXII, 88 и след.).

[1494] Примечания: 1494

Об аллегорическом значении шагов сличи сказанное о десяти шагах между светильниками в Чистилища XXIX, 80–81 и примеч.

ти[1495]

19. И с видом ясным так проговорила:

– Спеши; хочу беседовать с тобой:

Понять меня в тебе уже есть сила.

22. Лишь я предстал, как долг велит, к святой, —

Она рекла: – О! брат мой, что ж о многом

Не спросишь ты, пока идешь со мной?[1496]

25. Что с тем бывает, кто в чрезмерно строгом

Почтении, со страхом говоря,

Едва сквозь зубы тянет слог за сло-

[1495] Примечания: 1495

Т. е. поразила мне глаза блеском своих очей.

[1496] Примечания: 1496

«О брат мой», в подлиннике: Frate, как обращаются друг к другу монахи Чистилища XXIX, 15 и примеч.

гом,[1497]

28. То было и со мной, и начал я
Неявственно: – Вам ведомо, мадонна,
Что нужно мне, в чем благо для меня.

31. И мне она: – Хочу, чтоб непреклонно
Мужался ты, отбросив лишний стыд,
И говорил отныне не как сонный.

34. Знай: тот сосуд, что Змием здесь разбит, —
Он бе и несть! Но Божеской десницы[1498]
Виновник зла – скупой не отвратит.

37. И явится в свой час наследник пти-

[1497] Примечания: 1497

«Едва сквозь зубы тянет слог за слогом», буквально как в подлиннике: «Che non traggon la voce viva a' denti». Сравнение, напоминающее слова Телемака к Ментору у Гомера (Одис. Жуковск. III, 23–24):

> *Мало еще в разговорах разумных с людьми я искусен,*
> *Также не знаю, прилично ли младшим расспрашивать старших?*

[1498] Примечания: 1498

«Сосуд», т. е. мистическая колесница. — «Он бе и несть», — опять слова из Апокалипсиса (XVII, 8): «Зверь, которого ты видел, был, и нет его». — «Церковь, а именно апостольский престол, претерпела сильные потрясения; можно даже сказать, что он теперь никем не занят, пока он занимается такими папами, как Бонифаций и Климент, завладевшие им чрез обман и симонию». Филалет. — «Здесь Данте,

очевидно, имеет в виду не вселенскую церковь, неразрушимую и вечно существующую, но единственно папский престол, а именно с перенесением его в Авиньон. Слова «сосуд несть» означают не то, чтобы церковь перестала быт святою, как установил ее Господь, но только то, что сосуд разрушен, что солнце, которое должно вести человека к блаженству вечной жизни, погашено. Из этого следует заключить, что престол папский, перенесенный в Авиньон, не есть уже, по мнению Данте, престол Св. Петра, а искажение его; что папы Бонифаций VIII и Климент V — не папы, не наместники Св. Петра, а наемники, воры и разбойники (Иоан. X, 8). В том же смысле и уже без аллегории в Раю (XXVII, 22 и далее.) ап. Петр говорит:

Тот, кто похитил на земле той трон,
Мой трон, мой трон, чрез что отныне к браку
С предвечным Сыном стал негоден он.

цы,[1499]

Рассыпавшей на колеснице пух,

Чтоб чудище родить из колесницы.[1500]

40. Уж ясно вижу (и скажу то вслух):

Низводят день уж звезды в зодиаке,

Когда прорвет все грани некий дух.[1501]

43. Пятьсот и Пять и Десять – будут знаки[1502]

Послу с небес: пред ним падет та тварь[1503]

И тот Гигант, кто с ней грешит во мраке.

46. И коль слова мои темны, как

[1499] Примечания: 1499

«Наследник птицы», т. е. орла. Беатриче здесь предсказывает, что империя, императорская власть, не всегда будет упраздненной. Упраздненной, вакантной поэт называет всякую должность, когда несущее ее лицо не исполняет оную; обязанность же императора, по его мнению, состоит в том, чтобы соединить и подчинить своей власти сад империи (Чистилища VI, 105), в ту пору покинутый им, Барелли (Aleg. 281). Впрочем, в то время, когда имело место видение Данте, в 1300 г., власть императора не была упразднена, но была таковою в глазах Данте, назвавшего последним императором и королем Римским Фридриха II (Рая III, 120). «Ultimo, dico, per rispetto al tempo presente, non ostante che Ridolfo e Adolfo e Alberto poi eletti sieno appresso la sua morte e de suoi discendenti». Следовательно, в этом пророчестве выражена надежда Данте иметь императора по сердцу. Если допустить, что Чи-

стилище написано Данте до смерти Генриха Люксембургского (1313), то можно бы думать, что он разумеет здесь именно его; но Чистилище, как доказывает Скартаццини (Zu Dante's innerer Entwicklungsgeschichte в Jahrbuch III), написано после его смерти; поэтому здесь выражается вообще надежда Данте, которой не суждено было исполниться. Скартаццини.

[1500] Примечания: 1500

Сличи Чистилища XXXII, 147.

[1501] Примечания: 1501

Т. е. я вижу в Боге, что звезды благоприятным своим влиянием скоро приведут такое время, когда новый дух, т. е. посол Божий (messo di Dio, стих 44), уничтожив все преграды и грани, приведет все дела в лучшее состояние. Пьетро ди Данте говорит при этом: «Subdendo quomodo aquila imperialis non erit continue sine haerede, cum videat jam per coiyunctionem, quae erit forte 44 praesentis millesimi, si ve quinto de love et Saturno, dominali quemdam duoem». Данте полагал, что его надежды осуществятся в 1344 г. Скартаццини.

[1502] Примечания: 1502

Вот самое темное и самое спорное место во всей поэме Данте! Прежде всего, должно сказать, что Данте и здесь подражает мистическому стилю Апокалипсиса (XIII, 18), где говорится о звере с семью головами. Апостол сказал: «Здесь мудрость. Кто имеет ум, тот сочти число зверя, ибо это число человеческое, число его шестьсот шестьдесят шесть». Слова Нерон Цезарь дают число 666 (Толкование Bibel-Lexicon, Шенкеля, I, p. 155). Данте обозначил таинственное число свое римскими цифрами: 500 = D, 5 = V и 10 = X. Эти латинские буквы, составленные вместе дают DVX, вождь, duce, capitano. Кого бы ни разумел под этим словом Данте, ясно, что он выражает здесь надежду, что восстанет

какая-то личность, которая должна произвести реформу в церкви и в императорской власти. Приводим мнение Скартаццини по этому поводу: «Нам кажется, что Алигиери не разумеет здесь надежду безличную и неопределенную, но что, напротив, он имеет здесь в виду личность историческую своего времени, на которую возлагает свои надежды. Сверх того, при сравнении этого места с пророчеством о Борзом Псе, Veltro (Ада 1,100 и примеч.) становится очевидным, что Veltro и Dux — одно и то же. По смыслу всего места, далее, видно, что предсказываемая Данте личность не может быть никем иным, как вождем, — вождем светским, но отнюдь не папой, или каким-либо духовным лицом. Обратимся теперь к истории: 16-го декабря 1318 г. Кан Великий делла Скала» владетель Веронский, уже прославившийся храбростью и благоразумием, был избран собравшимися начальниками гибеллинов главою союза против гвельфов. Тогда-то Кан Великий развернул знамя орла, как вождь всей Италии, всех сторонников империя (Сличи Дж. Виллани, lib. IX, cap. 88 и след.). И в это-то время, в конце 1318 и в начале 1319 г.), Данте окончил вторую кантику своей поэмы (сличи Витте, Dante-Forschungen, pag. 138 и след.). Из этих данных следует заключить что Данте под именем DVX предсказывал о Кане Великом делла Скала. Это же самое доказывается сличением этого места с другим, где Данте уже несомненно говорит о Кане Великом (Рая XVII, 76 и след.)». — Наконец, неопровержимая тождественность между DVX и Veltro говорит в пользу такого толкования». Скартаццини приводит еще» следующее замечание Джиузеппе Пиччи (I luoghi più oscuri e controversi della D. C, pag. 158): «Если написать имя и главные титулы Скалигера Kan Grande de Scala Signore di verona и переложить на цифры начальные буквы и предлоги, получим:

K = 10
G = 7
d = 4

e = 5
S = 90
S = 90
d = 4
i = 5
V = 300
515

Следует, впрочем, заметить, что в подлиннике цифры 515 переставлены именно так: пятьсот, десять и пять (un cinquecento, diece e cinque) или римскими цифрами DXV; некоторые толкователи видели поэтому в этих цифрах начальные буквы слов: Domini Xristi Vicarius, указывающие на то, что реформатором церкви должен быть папа, наместник Христа. Считаем не излишним привести и другое совершенно противоположное мнение Флейдерера (в переводе Штрекфусса, стр. 391): «Предсказываемое мщение над истребителем церкви и нарушителем политико-церковного мироправления совершится наследником Орла (стих 37), следовательно, политическим героем. Соответственно этому главному положению, таинственное число 515 (DVX) должно читать как слово Dux, а не как Domini Christi Vicarius, как предлагали некоторые. Ибо в последнем случае это указывало бы на духовного спасителя, на папу, тогда как первое прямо указывает на военачальника или герцога. — Но кого разумеет Данте под этим Dux, — это такой вопрос, который навсегда останется нерешенным за неимением определенных исторических данных для его решения; по крайней мере, до сих пор их не имеется; а главным образов потому, что мы не знаем точно, когда были написаны отдельные части поэмы, особенно же это и подобное ему место в Аду I, 101. Что в обоих этих местах предсказываемое лицо одно и то же, и притом, как думает Филалет, — Кан Великий ди Верона, — мнение это, судя по хронологи-

ческим и другим данным, сомнительно. Помимо того, что и в I песни Ада тождественность Veltro с Скалигером не абсолютно единственно возможная, хотя и самая вероятная, — спрашивается, мог ли Данте разуметь и здесь, где идет речь не о простом изгнании Волчицы, сребролюбия Рима, но о гигантской задаче полного восстановления императорской власти и освобождения папства от ига Франции, — мог ли он, говорим мы, разуметь и здесь Кана Великого, который при всем своем значении и высоком уважении к нему, все-таки не что иное, как подчиненный, отдельный князь? И если в то время, когда Данте писал I песню Ада, он имел в виду именно Скалигера, то мог ли он думать о нем и теперь, после того, как Кан, хотя по-прежнему уважаемый государь и даже увеличивший свое маленькое государство, тем не менее, не был ни наместником императора Генриха VII, ни сам не был реформатором. Или же между сочинением I песни Ада и XXXIII песни Чистилища лежал столь короткий промежуток, что, Чистилище было написано невероятно скоро, почти одновременно с Адом, или же (как думает Ноттер) место I песни Ада было впоследствии вставлено поэтом. И эти же самые хронологические соображения не дозволяют признавать в этом Dux и Генриха VII, ибо уже Чистилища VI, 100 и след. решительно указывает на время после смерти Альбрехта (1308), — VII, 96 — почти осязательно на римский поход Генриха в 1310 г., за которым в 1313 г. последовала смерть Генриха. Поэтому становится совершенно невозможным допустить, что бы в этом месте возлагались надежды на Генриха. А так как здесь нельзя, как выше сказано, иметь в виду и реформатора папу, то остается один исход — допустить именно, что Данте не помышлял здесь сам о каком-нибудь определенном лице; напротив того, после всех разочарований относительно Кана Великого и Генриха VII, выразил здесь в общих чертах свое несокрушимое убеждение в неизбежности установленного Богом радикального улучшения неисправимого церковного и политического состояния при помощи

ниспосланного Богом героя, которым, наконец, одержится победа права и истины. Что при этом, конечно, играют роль и астрологические предсказания, в которые верил Данте, — это видно из стиха 40. Вообще, по нашему мнению, гораздо согласнее с достоинством гения в таких общих выражениях, с истинно-пророческим духом, высоко держать знамя надежды на улучшение в будущем (что и исполнилось, хотя и при других условиях), — чем ошибаться в своих пророческих указаниях на какое-либо определенное лицо. — Здесь уместно указать и на другие, по всей Божественной Комедии рассеянные места, где пророчествуется о Дантовом герое и спасителе. За исключением Рая IX, 139 и XX, 14 и след., где имеется в виду чисто-церковная реформа, эти места, кроме сейчас поименованных I песни Ада и XXXIII песни Чистилища, суть следующая: Чистилища VII, 96; XX, 13 и след.; Рая XVII, 91 и след., XXVII, 61 и след., 142 и след, Из них в VII песни Чистилища указывается на Генриха VII и в XVII Рая на Кана Великого; все же остальные места, уже по форме их изложения, не указывают ни на какую определенную личность; даже в последнем из них (Рая XXVII, 142 и след.) наступление спасения и мщения отлагается в самых общих выражениях на целые тысячелетия вперед! Эти факты, по нашему мнению, довольно ясно говорят в пользу того, что наш поэт, несмотря на свой непоколебимый взгляд на Римскую империю, все-таки не был настолько ослеплен, чтобы по смерти Генриха VII уже не возлагать более чем идеальные надежды ни на Кана Великого, ни на какую-либо другую из живущих личность и чтобы с этого времени он не отрекся от мысли видеть в ком-нибудь звезду своей надежды и не остался при одном лишь твердом уповании, что божественное Провидение (Рая XXII, 61) непременно должно избрать к тому надлежащее орудие в грядущем». Флейдерер.

[1503] Примечания: 1503

«Тварь», в подлиннике: fuja, слово неизвестного происхождения, объясняемое комментаторами различно, одними как ladra (тать, латинское fur), другими — как nera, scellerata. Бланк (Vocab. Dant.). В переводе у Конпабля — scelerat; Лонгфелло — the thievish woman; К. Витте — Flücht'ge; Филалета — Vettel. Здесь разумеется Блудница.

встарь

Фемиды речь иль Сфинкса, если смысла

Их не поймешь, как Сфинкса понял царь,[1504] —

49. Наядами тебе пусть будут числа,

Пусть той загадки так рассеет мрак,

Чтоб на стадах и нивах смерть не висла.

52. Заметь же их и, как их слышал, так

Всем передай свои влачащим лета

В той жизни, где все к смерти есть лишь шаг.

55. И, записав их, не укрой от света.

[1504] Примечания: 1504

Фемида, дочь Урана и Земли, родившая от Зевса нескольких дочерей (Горы, Мойры), обладала пророческим даром, но облекала мраком свои предсказания; так, например, сказав Девкалиону и Пирре, что для населения земли людьми после потопа им надобно бросать за спину «кости великой матери», разумела под этим камни. Загадка эта была разъяснена Прометеем (Овидий, перевод Фета, Превращ. I, 393–394):

«Нам земля ведь великая мать; полагаю, что камни

Значат тут кости земли: кидать их за спины велят нам».

Сфинкс, мифологическое существо (греческое, египетское или индийское), дочь Тифона и Химеры (Гезиод, Theog. 326), с женским лицом и свирепыми наклонностями, обитало недалеко от Фив, где предлагало всем проходящим загадки, убивая тех, которые не могли отгадать их. Эдип («царь», стих 48) отгадал такую загадку; тогда Сфинкс бросился со скалы и утонул в море. 49. «Наядами тебе пусть будут числа», — намек

на одно место из Овидиевых Превращений (VII, 759 и след.), где Кефал рассказывает, что Фемида послала в поля Фивския волка, опустошавшего поля и истреблявшего стада, за то, что темные ее оракулы поняты и храмы ее покинуты:

Скоро иная сошла на Аонийские Фивы
Кара, и много сельчан кормили зверя утратой
И у себя и в скоте.
Это место у Овидия (в переводе Фета), начинается так:
Изреченья Лайяд, непонятные мудрости прочих,
Разрешил, и пророчица темная сброшена наземь,
И загадок своих уже и не помня, лежала.

«В древних изданиях Овидия вместо Laiades (сын Лая, т. е. Эдип) читалось Naiades (Наяды), что и ввело Данте в ошибку, будто бы истолкователями темных оракулов были Наяды. Смысл стала быть тот: события (числа) послужат сами к объяснению темных моих слов, от исполнения которых не только не последует никакого вреда, напротив — наступит благополучие». Филалет. — «Против посланного от Бога dux никто не посмеет восстать, как восстала Фемида против Лаева сына Эдипа. Потому не следует понимать эти слова так, будто спаситель совершит свое дело без борьбы и крови, т. е. что спаситель будет духовное лицо, папа. Здесь идет речь не о мирном действии загадочного «спасителя», но единственно о невозможности противодействия ему со стороны врагов». Флейдерер.

Как два раза пред взором у тебя

Расхищено здесь было древо это.[1505]

58. Кто ж расхищает древо, не любя,[1506]

Тот хульным делом оскорбляет Бога,

Что освятил то древо для Себя.

61. За этот грех дух первый, мучась строго,[1507]

Пять тысяч лет и боле ждал Того,[1508]

Кто искупил сей грех, страдав так много.

64. Спит разум твой, коль не поймет, с чего[1509]

Так вознеслось то древо без границы.

[1505] Примечания: 1505

«Два раза». Древние комментаторы разумели: в первый раз древо расхищено Адамом, во второй — Гигантом; новейшие — Орлом и Драконом; Филалет — Адамом и Орлом. Но, кажется, справедливее толкование древних комментаторов, т. е. в первый раз — Адамом, за что он и терпел продолжительную муку (стихи 61–53); во второй — Гигантом, т. е. французским домом, отвязавшим колесницу от древа, перенесшим папский престол из Рима в Авиньон, за каковое похищение похититель будет наказан также строго, как и Адам.

[1506] Примечания: 1506

Расхищает тот, кто отнимает колесницу от древа, как сделал Гигант, и кто посягает на власть императорскую.

[1507] Примечания: 1507

«Дух первый», т. е. Адам.

[1508] Примечания: 1508

«Пять тысяч лет и боле», сличи Рая XXVI, 118 и далее, где Адам говорит, что он находился в Лимбе 4302 года и на земле 930 лет (последняя цифра взята из Книги Бытия, V, 5: «Всех же дней жизни Адамовой было девятьсот тридцать лет; и он умер»). Откуда же взял Данте эту цифру 5000 лет? Хронологисты не согласны между собой относительно года Рождества Христова. По Филону, Христос родился в 5170 году от сотворения мира; по Иосифу — в 4150 году; по Клименту Александрийскому в 5624 году; по Юлию Африканскому — в 5300 году; по Евсевию — в 5200 году; по Брунетто Латини — в 5254 году. Данте стало быт придерживается счисления Евсевия. Если Христос родился в 5200 году от сотворения мира и умер на 33 году жизни, то, следовательно, Адам находился на земле и в Лимбе всего 5232 года, именно как сказано у Данте.

[1509] Примечания: 1509

«Из песни XXXII, стих 40, видно, что ветви древа становятся тем шире, чем они выше, тогда как у всех других деревьев ветви становятся все короче к вершине. Это для того, чтобы нельзя было подняться на него и повредить ему; точно так представляется и дерево на шестом карнизе горы; возникшее, как отпрыск от этого последнего (Чистилища XXII, 133–135); Аллегорический смысл; установленная Римская империя не подлежит посягательству никакого человеческого могущества». Филалет.

И почему так дивен верх его?

67. Увы! не будь дум тщетных вереницы

Волнами Эльсы для души твоей

И ложь их – тем, чем был для шелковицы[1510]

70. Встарь Пирам, ты-б уже из сих вещей[1511]

Мог нравственно понять, как правосудно

Бог воспретил касаться сих ветвей.[1512]

73. Но, убедясь, что твой рассудок скудный

[1510] Примечания: 1510

Эльса, маленькая речка в Тоскане, вытекающая повыше Колле и впадающая недалеко от Эмполи в Арно. Недалеко от истока ее вода имеет свойство покрывать в короткое время каменистой оболочкой опущенные в нее дерево или растения, подобно тому, как это замечается в Карлсбадском шпруделе, так как вода речки сильно пропитана угольной кислотой и углекислой известью (Тарджиони Viaggi nella Toscana Vol. V, p. 103) — Беатриче сравнивает с этой водой тщетные мирские думы, которые еще не позволяют Данте ясно понимать смысл совершавшегося пред ним видения. «Осуетились в умствованиях своих, и омрачилось несмысленное их сердце». Посл. к римл. 1, 21. — Но может показаться странным, каким образом даже и теперь, в земном раю, Данте все еще препятствуют видеть ясно тщетные мысли и греховные похотения, даже и после того, как он омылся в волнах Леты. Но при этом не следует забывать, что он не получил еще полного оправдания,

которое должно вознести его на небо. Это он получит не прежде, как испив святейших вод потока Эвноэ (ниже стих 129). Он свободен от греха, но остаются еще его последствия. Воды Леты снимают грех, воды Эвноэ рассеивают мрак души. Филалет. Скартацини.

[1511] Примечания: 1511

«И ложь их», в подлиннике: il piacer loro, т. е. и лживое удовольствие, которое ты почерпаешь из тщетных дум своих, не запятнало непорочность и чистоту души твоей, как кровь Пирама изменила цвет ягод шелковицы. О Пираме см. Чистилища XXVII, 37, 39 и примеч. Овидий. Превращ. IV, 55–66.

[1512] Примечания: 1512

Т. е. из столь многих, виденных тобою на дереве признаков. — «Quaecumque conditiones sunt extra substantiam, actus, et tamen attingunt aliquo modo actum humanum, circumstantiae dicuntur». Ѳома Акв. Sum. Theol., p. I, qu. VII, art. 1. — «Из дивных судеб империи и церкви, представленных тебе в этом видении, ты бы мог уже понять, как правосудно поступил Господь, запретив нарушать и искажать всякое соотношение между ними, что и составляет нравственный смысл этого видения. Данте, как известно, принимает в своем Convivio (tr. II, c. I), четвероякий смысл во всяком сочинении: во-первых — буквальный; во-вторых — аллегорический, когда истина скрывается под прекрасной ложью (una verita ascosa sotto bella mensogna), как в языческих баснях; в-третьих — нравственный, когда мы извлекаем себе какую-нибудь пользу из повествования, и в-четвертых — аналогичный, когда нечто, помимо естественного, истинного смысла заключает в себе еще более глубокое духовное значение». Филалет. — Следовательно, «нравственно» означает здесь: в пользу для себя. — Сличи Ноттер, 330.

Окаменел и темен стал в грехах[1513]

И снесть не может свет сей речи трудной,

76. Хочу, чтоб ты носил его в мечтах,

Коль не в чертах, так в красках, как приносит

Паломник жезл свой в пальмовых ветвях.[1514]

79. И я: – Как воск уже навеки носит

Все то, что в нем изобразит печать.

Так ваших слов мой мозг с себя не сбросит.

82. Но для чего так должно возлетать

Глаголу вашему превыше долу,

[1513] Примечания: 1513

«Твой рассудок скудный окаменел». — «Лица свои сделали они крепче камня — не хотят обратиться». Иерем. V, 3. — «И темен стал в грехах». — В списках стих этот читается двояко, в одних — ed in peccato tinto; в других — ed impietrato tinto. Я держался (может быть, не совсем правильно) первого.

[1514] Примечания: 1514

В подлиннике: e se non scritto, almen dipinto, т. е. если не врезанным в каменном твоем сердце, то по крайней мере как бы нарисованным. — Смысл: «как паломник, возвращаясь из Палестины, приносит с собою посох, изукрашенный пальмовыми ветвями, так и ты, хотя теперь и не можешь понять всего (врезать его в свое каменное сердце), должен принести его хотя в отблеске в твоей памяти из рая на землю». Филалет. — Пилигримы, отправлявшиеся в Иерусалим, в

доказательство того, что они были в стране пальм, прикрепляли к своим посохам пальмовые ветви, почему и назывались, в отличие от других пилигримов, паломниками, palmieri.

Что ум за ним не в силах поспевать?[1515]

85. – Затем, чтоб ты, – сказала, – понял школу,
За коей шел, чтоб знал, как не следит
ее ученье моему глаголу.[1516]

88. И как ваш путь настолько ж отстоит
От Божеских, насколько выше меты
Земной тот круг, что выше всех парит.[1517]

91. И я: – Не помню, чтоб в былые леты
Когда-нибудь я в чем чуждался вас,
И совести не страшны мне изветы.

[1515] Примечания: 1515

«Как выше говорит Беатриче, что слова ее должны остаться в памяти Данте если не записанными, то как бы нарисованными (в слабом отблеске), так он отвечает ей, что мозг его как бы запечатлен ими, и что он неизменно сохранить их хотя и не вполне их помнить». Филалет.

[1516] Примечания: 1516

Т. е. насколько она (школа) неспособна подняться до созерцания тайн откровения. «Душевный человек не принимает того, что от Духа Божия, потому что он почитает это безумием, и не может разуметь, потому что о сем надобно судить духовно». I Посл. к Коринф. II, 14.

[1517] Примечания: 1517

Заимствовано из пророка Исаии (LV, 8, 9): «Мои мысли — не ваши мысли, ни ваши пути — пути Мои, говорит Господь. Но как небо

выше земли, так пути Мои выше путей ваших, и мысли мои выше мыслей ваших».

94. – И если все забыл на этот раз, —

С улыбкой мне она, – тому виною,

Что ты испил из Леты лишь сейчас.[1518]

97. Как дым пожар являет нам порою,[1519]

Так в сем забвенье, ясно вижу я,

Иной предмет был в мыслях пред тобою.

100. Аминь, аминь, отныне речь моя

Откроется, насколько грубым зреньем

Ты в силах снесть глубокий смысл ее.[1520]

103. Уж пламенней и с большим замед-

[1518] Примечания: 1518

«В Лете уничтожается лишь воспоминание о грехах; поэтому, если ты теперь не помнишь о своем заблуждении, то ясно, что это заблуждение было греховное. Надобно припомнить, что, по философии Фомы Аквинского, грех вообще основан на заблуждении, или на обмане души». Филалет.

[1519] Примечания: 1519

Или, другими словами, нет действия без причины, и по действию мы судим о причине.

[1520] Примечания: 1520

«Беседа Данте с Беатриче. Сказав, что слова ее глубоко врезались в его ум, Данте спрашивает: «Почему речь ваша возносится превыше моего разумения?» — Затем, отвечает она, чтобы ты познал, как мало

›››

способна понять мои идеи та школа, которой ты следовал. — «Но я не помню, чтобы я когда-нибудь чуждался вас». — Естественно, потому что испил сейчас воды реки забвения. — Для ясного понимания этого разговора, надобно знать, что в известную эпоху жизни в душе поэта возникло сомнение и сильные колебания в верованиях, хотя и не достигшие до полного отрицания, скептицизма или равнодушия в делах веры. Беатриче упрекает теперь в этом колебании Данте и на вопрос его: зачем говорите вы так, что я не могу понять, — отвечает: затем, чтобы ты знал, что школа, которой ты следовал, или учение этой школы не в состоянии следовать за моими словами, что путь этой школы настолько же далек от пути божественного, насколько primum mobile отстоит от земли. Эта ложная школа есть не что иное, как философия, — та философия, которая хотя не открытый враг веры, тем не менее идет путем отличным от религии, — та философия, главами которой были Аверроэс и Авиценна, сочинения которых были усердно изучаемы Данте, — та школа, о которой пишет Апостол (Посл. к Колос. II, 8): «Смотрите, братия, чтобы кто не увлек вас философией и пустым обольщением, по преданию человеческому, по стихиям мира, а не по Христу». Итак, школа, которой следовал Данте, здесь, очевидно, противоположная той, представительницей которой служит Беатриче, т. е. учению, основанному на откровении». Скартаццини.

леньем

Вступало солнце в полдень средь высот,

Лежащий розно с каждым положеньем,[1521]

106. Как вдруг семь дев замедлили (как тот,

Кто, шествуя перед толпой народной,

Пред чем-нибудь вдруг замедляет ход), —

109. У бледной тени рощи, с тою сходной,

Какую в Альпах видим средь прохлад

Листвы и сосен у воды холодной.[1522]

[1521] Примечания: 1521

Вступив в меридиан, солнце становится более ярким и как бы замедляет свое течение (Рая XXIII, 11, 12), другими словами, — был полдень. «Известный обман зрения заставляет нас думать, что солнце в полдень идет медленнее, чем утром и вечером; это зависит оттого, что в полдень солнце кажущимся образом находится далее от земных предметов, почему и движение его делается не столь очевидным. Последний стих этой терцины обозначает различие между меридианом и экватором; последний для каждого положения остается всегда одним и тем же, первый же всегда бывает различным. — Из этого видно, что Данте находился в земном раю уже в 6 часов, и что теперь полдень 30-го марта, 10-го или 13-го апреля, или, на нашем полушарии теперь полночь с 30-го на 31-е марта, с 10-го на 11-е или с 13-го на 14-е апреля». Филалет. — «Солнце в полдень кажется движущимся медленнее, точно так и меридиан изменяется с нашим передвижением к востоку и

›››

западу. — Это показание времени заставляет думать, что Данте вступил в земной рай при восходе солнца и оставался в нем 6 часов, и что, стало быть, на нашем полушарии наступила полночь. У источника Эвноэ Данте пробыл еще до следующего утра, ибо только утром, когда на нашем полушарии наступает вечер, вознесся он на небо (Рая I, 43)». Флейдерер.

[1522] Примечания: 1522

«Теперь мы достигли, по-видимому, опушки божественного леса, занимающего средину вершины горы Чистилища. Здесь тень от леса не так уже мрачна, как она была изображена выше (Чистилища XXVIII, 31); напротив, здесь она бледна и пронизана светом, подобно той, какая ложится на волны горного потока, над которыми наклонились высокие деревья». Филалет.

112-114. Евфрат и Тигр, реки, заимствованные из Кн. Бытия (II, 10 и далее). В земном раю поток, орошавший его, делился на четыре рукава: Физон, Геон, Тигр и Евфрат. Но Данте говорит лишь о двух последних; первые два рукава заменены у него реками Летой и Эвноэ. В этой терцине Данте имел, кажется, в виду Боэция (Phil. Cons. V):

Tigris et Eophrates uno se fonte resolvunt.
Et mox abianctis dissociantar aquis.

112. Лились пред нами, мнилось мне, Евфрат

И Тигр, струясь из одного исхода

И расходясь, как с братом нежный брат.

115. – О свет! о честь всего земного рода!

Что за вода? Зачем один исток

Себя здесь делит в два водопровода?[1523]

118. И та: – Спроси, что это за поток,

Матильду, брат. – И ей, спеша с ответом,[1524]

Как бы затем, чтоб снять с себя

[1523] Примечания: 1523

Воззвание Данте к Беатриче; в подлиннике: O luce, o gloria della gente umana! — подобное тому, с которым к ней обращается Виргилий (Ада II, 75–78).

> *«О святая,*
> *Дщерь благости, тобою же одной*
> *Стал смертный род превыше всех творений*
> *Под небом, что свершает круг меньшой!»*

Само собою разумеется, что поэт здесь обращается к ней не как к дочери Фолько Портиннари, но как к символу власти, обладающей божественным откровением (богословием), как к силе, долженствующей, по мнению поэта, привести человечество к высшему блаженству. Так как Беатриче убеждала его выше (стих 31) смело предлагать ей вопросы,

то он и исполняет теперь ее желание.

[1524] Примечания: 1524

«Матильда». Здесь, наконец, названа в первый раз по имени прекрасная донна, явившаяся Данте при входе в земной рай и играющая столь важную роль в последних песнях Чистилища (XXVIII, 40 и след.; XXXИ, 92). Беатриче направляет Данте к ней для получения ответа на его вопрос о представившейся его глазам реке. Позднее, в Раю, Беатриче, вместо того, чтобы самой решать его сомнения, направляет поэта к праведным душам учителей церкви; как символ власти церковной, Беатриче отправляет верного сына церкви к священнослужителю, олицетворением коего служит Матильда (Чистилища XXVIII, 40 примеч.), и к учителям церкви.

упрек,[1525]

121. Прекрасная: – Он слышал уж об этом

И о другом, и Леты он в волнах[1526]

Едва ль утратил память к сим предметам.

124. И Беатриче: – Об иных делах

Заботой часто думы в нас покрыты,

Они затмили свет в его очах.[1527]

127. Но вот струится Эвноэ! Веди ты[1528]

Его к нему и, по обычью, в нем

Восстанови всю мощь и дух убитый.

[1525] Примечания: 1525

Упрек в том, что она не исполнила своего долга — разрешить недоумения Данте.

[1526] Примечания: 1526

Лета, как мы видели, уничтожает лишь память о грехах, а не о добрых делах (Чистилища XXVIII, 127–132).

[1527] Примечания: 1527

«Maggior cura». Комментаторы не согласны между собою, какую «заботу» разумеет здесь Данте. «По-видимому, главная забота — не потерять Беатриче из вида — позволила ему обратить лишь мимолетное, полурассеянное внимание на окружающие предметы: прекрасное изображение человека, вполне сосредоточившего все свои помыслы на предметах высочайших». Флейдерер.

[1528] Примечания: 1528
Эвноэ (Чистилища XXVIII, 25 и примеч. 127–132 и примеч.).

130. Как кроткая, послушная во всем,
Как та, кому чужая власть законом,
Коль скоро ей дают намек о том, —

133. Прекрасная, подав мне длань, по склонам
Пошла к реке, и Стацию: – Иди[1529]
За ним!» рекла, как подобает донам.[1530]

136. Имей я места боле впереди,
Воспел бы я, читатель, хоть отчасти,
Вкус вод, восторг рождающих в груди.

139. Но, как уже полны теперь все части
Второй канцоны, то, закончив лист,
Не выйду я из-под искусства вла-

[1529] Примечания: 1529

Здесь в последний раз упоминается имя Стация (Чистилища XXI, 10 и примеч.), играющего во всей грандиозной сцене земного рая чисто пассивную роль (сличи Чистилища XXXII, 29 и примеч.). Здесь поэт указывает на различие между ним и Стацием. Матильда берет за руку Данте, а Стацию велит следовать за ним. Данте пьет воду из Эвноэ, но пьет ли и Стаций, поэт не говорит ни слова.

[1530] Примечания: 1530

В подлиннике: Donnescamente disse, т. е. с той грацией и вежливостью, которые составляют отличительные свойства благородных женщин.

сти.[1531]

142. Как в новую листву одет, душист

И свеж, встает злак новый, так от бездны

Святейших волн я возвратился чист

145. И весь готов вознестьсяв страны звездны.[1532]

[1531] Примечания: 1531

Т. е. так как уже написаны 33 песни, назначенные для этой части поэмы. Данте и в разделении великой своей поэмы соблюдает законы симметрии. Каждая из трех кантик (названных им еще канцонами, Ада XX, 3) состоит из 33 песен (capituli), только Ад состоит из 34; но первая песнь Ада служить как бы вступлением для всей поэмы. Поэтому-то и воззвание к Музам находится в Аду не в первой, как в Чистилище и Раю, а во второй песни. Таким образом, всех песен в Божественной Комедии 100, имеющих все вместе 14,233 стиха, а именно: в Аду 4,720, в Чистилище 4,755 и в Раю 4,758.

[1532] Примечания: 1532

В подлиннике: alle stelle. Все три канцоны Божественной Комедии кончаются словом «звезды». В конце хождения по аду, Данте выходит, чтоб вновь увидеть звезды; по вкушении вод из источника Эвноэ, он чувствует себя готовым вознестись к звездам; в конце же всего мистического странствования своего он ощущает в себе волю, вполне согласную с волею Того, Кто движет солнце и другие звезды. Оканчивая каждую из трех канцон своей поэмы словом «звезды», он желает указать на конечную цель ее — небо, куда должны быть непрестанно направлены очи каждого, кому не безызвестно его великое начало и высокое предназначение». Скартаццини.

All rights reserved. This book or any portion thereof may not be reproduced or used in any manner whatsoever without the express written permission of the publisher except for the use of brief quotations in a book review.

Все права защищены. Эта книга или любая ее часть не может быть воспроизведена или использована любым другим способом без письменного разрешения издателя исключая использование цитат из книг или иного способа предусмотренного законодательством.

«Strelbytskyy Multimedia Publishing»

Saksaganskogo str., 58, office 8
Kiev, Ukraine, 01033

tel. +38044 331-06-20
e-mail: dmytro.strelb@gmail.com

«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»

ул. Саксаганского, 58, оф.8
Киев, Украина, 01033

тел. +38044 331-06-20
e-mail: dmytro.strelb@gmail.com

Электронная книга издана
«Мультимедийным издательством Стрельбицкого»

С нашими изданиями электронных книг и аудиокниг вы можете познакомиться на сайтах:
www.strelbooks.com **www. audio-book.com.ua**

Желаем приятного чтения!
Свои замечания и предложения направляйте на e-mail: dmytro.strelb@gmail.com

Эта книга охраняется авторским правом
Copyright © 2015
«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»